В. Святловскій.

ОЧЕРКИ

ПО ИСТОРІИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

[illegible]

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.
1910.

Прое 38

Оглавленіе.

	Стр.
Вмѣсто предисловія	I
Часть I. Изъ исторіи экономическихъ идей античнаго міра.	1— 80
Гл. I. Грецiя. — Платонъ. — Ксенофонтъ. — Аристотель	3
Гл. II. Римъ	50
Гл. III. Евреи	72
Часть II. Изъ исторіи экономическихъ идей ранняго средневѣковья	80— 98
Гл. I. Христіанство	80
Гл. II. Ѳома Аквинскій	91
Часть III. Наканунѣ меркантилизма	98—135
Гл. I. Наканунѣ меркантилизма . . .	108
Гл. II. Зарожденіе меркантилизма . .	125
Гл. III. Наканунѣ меркантилизма въ Россіи	—
Часть IV. Меркантилизмъ	135—168
Гл. I. Меркантилизмъ	135
Гл. II. Экономическая политика меркантилизма	147
Гл. III. Теоретика меркантилизма . .	151
Гл. IV. Паденіе меркантилизма и начало новыхъ вѣяній	158
Гл. V. Меркантилизмъ въ Россіи . .	160
Часть V. Переходная эпоха	168—199
Сэръ Вильямъ Петти. — Джонъ Локкъ. — Давидъ Юмъ. — Маршалъ Вобанъ. — Пьеръ Буажильберъ. — Д'Аржансонъ. — Ричардъ Кантильонъ . .	—
Часть VI. Физіократизмъ	199—228
Гл. I. Физіократизмъ	199
Гл. II. Гурнэ и его направленіе . . .	200
Гл. III. Франсуа Кенэ	200
Гл. IV. Физіократизмъ въ Россіи . . .	204
Часть VII. Утопическій коммунизмъ	199—258
Гл. I. Религіозный коммунизмъ	—
Гл. II. Свѣтскій коммунизмъ	—
Гл. III. „Утопія" Томаса Мора	—
Гл. IV. Коммунизмъ XVII и XVIII столѣтій . . .	—
Гл. V. Ѳома Кампанелла	247
Гл. VI. Джемсъ Гаррингтонъ	248
Гл. VII. Дальнѣйшее развитіе коммунизма . . .	255

Часть VIII. Классическая школа . . . . . 258—310
Гл. I. Общій обзоръ 258
Гл. II. А. Смитъ 260
Гл. III. Р. Мальтусъ 281
Гл. IV. Д. Рикардо. 299
Гл. V. Кэри 310

Часть IX. Начало оппозиціи классицизму . . . . . 317—329
Гл. I. Ф. Листъ 317
Гл. II. Сисмондъ де-Сисмонди 318

Часть X. Утопическій соціализмъ . . . . . 329—
Гл. I. Сенъ-Симонъ, біографія 329
Гл. II. Идеи Сенъ-Симона 335
Гл. III. Сенъ-Симонизмъ 345
Гл. IV. Шарль Фурье 351

Часть XI. Зарожденіе соціализма . . . . . 365—391
Гл. I, Вильгельмъ Вейтлингъ 365
Гл. II. Луи Бланъ 379

Часть XII. Соціализмъ . . . . . 391—440
Гл. I. Карлъ Іоганнъ Родбертусъ-Ягетцовъ . . 391
Гл. II. Фердинандъ Лассаль 404
Гл. III. Карлъ Гендрихъ Марксъ 430

Часть XIII. Историческая школа . . . . . 440—476
Гл. I. Возникновеніе историзма 440
Гл. II. Главнѣйшія теченія исторической жизни . 445
Гл. III. Старо-историческая школа. 445
Гл. IV. Ново-историческая школа 452
Гл. V. Шмоллеръ и Шёнбергъ. 452
Гл. VI. Луйо Брентано 460
Гл. VII. Общая оцѣнка исторической школы . . 469

Часть XIV. Австрійская школа. . . . . 476—

Часть XV. Анархизмъ . . . . . —

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ[1]).

М. г.г.,

Высшая школа, universitas, ставитъ своею задачею развитіе общихъ взглядовъ. Важнѣйшая задача высшаго образованія—содѣйствіе выработки міросозерцанія, т. е. не цеховое ремесленничество или узкая спеціализація, а стройный синтезъ научнаго познанія. Міровоззрѣніе современнаго человѣка немыслимо безъ той или иной доли соціальнаго элемента, безъ общественно-историческихъ знаній, а область общественно-историческихъ наукъ, —область исторіи, права, соціологіи и т. д.—въ настоящее время недоступна безъ предварительнаго изученія той соціальной структуры, въ которой развиваются общественно-историческія явленія. И такъ какъ, по нашему убѣжденію, только пониманіе соціально-экономическаго основанія даетъ ключъ къ уразумѣнію общественно-историческихъ явленій, то, очевидно, что въ основѣ всякаго міровоззрѣнія въ сферѣ общественныхъ явленій лежитъ міровоззрѣніе-экономическое.

Современная соціологія и современная политическая экономія намъ выясняютъ, что міровоззрѣніе отдѣльныхъ индивидуумовъ и отдѣльныхъ общественныхъ группъ, т. е. индивидуальная и групповая идеологія подсказываются, сознательно или безсознательно—безразлично, интересами и инстинктами той среды, къ которой принадлежитъ данный субъектъ или группа ихъ. Такимъ образомъ, подпочва всѣхъ идеологій—классовая структура общества, а источникъ характера даннаго міросозерцанія—соціальные сознательные инстинкты его носителя.

---

[1]) Изъ вступительной лекціи въ курсъ исторіи политической экономіи, прочитанной въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ октябрѣ 1901 г.

Итакъ, міровоззрѣніе опредѣляется соціально экономическою средою, т. е. въ широкомъ смыслѣ сознаніе опредѣляется бытіемъ.[1]) Эта великая аксіома современнаго знанія—безсмертная заслуга Карла Маркса въ области соціологіи.

Кстати о Марксѣ. Для юнаго ума—Марксъ безусловно необходимъ, даже хотя бы какъ ступень. Марксъ, какъ школа,—залогъ ума, развитіе и обостреніе соціальнаго міропониманія. И прежде всего Марксъ—это очищеніе отъ плевелъ телеологіи и мѣщанства, это внѣдреніе тонкаго пониманія матеріалистической структуры исторіи, права, соціологіи.

Я сказалъ тонкаго пониманія матеріалистическихъ воззрѣній, ибо существуютъ воззрѣнія примитивныя, утрированныя, и воззрѣнія утонченныя знаніемъ и анализомъ.

Утрированный матеріализмъ или, такъ сказать мнимый марксизмъ, разсматриваетъ всѣ общественныя явленія и историческіе процессы просто какъ непосредственные рефлексы экономическихъ отношеній. Утонченный матеріализмъ или, такъ сказать, истинный марксизмъ принимаетъ съ должнымъ вниманіемъ и обратное воздѣйствіе идеологическихъ моментовъ. Онъ ясно понимаетъ какъ общественныя учрежденія, выросшія изъ продуктовъ экономическаго развитія, развиваются въ самостоятельныя силы, которыя начинаютъ „обратно“, т. е. въ свою очередь, вліять на экономическое развитіе, ускорять его, задерживать или направлять въ иное русло. „Политическое, правовое религіозное, художественное развитіе, говоритъ Энгельсъ, покоится на экономическомъ. Но всѣ эти условія реагируютъ другъ на друга и на экономическій базисъ. Дѣло не въ томъ, что экономическая основа является единственною дѣятельною причиною, а всѣ другія силы ея—пассивный результатъ, но это взаимодѣйствіе „въ конечномъ результатѣ“ сказывается всегда результатомъ обнаруживающейся экономической необходимости.

---

*) „Сумма производственныхъ отношеній составляетъ экономическую структуру общества, на которой возвышается политическая и правовая надстройка, и которой соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія. Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, но, напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія“. (К. Марксъ).

Изъ всего, только что сказаннаго съ непреложною очевидностью слѣдуетъ, что въ основѣ исторіи всѣхъ идеологій лежитъ исторія экономическихъ измѣненій, а, слѣдовательно, прежде всего экономическихъ ученій.

Важность знанія экономическихъ ученій для выработки міровоззрѣнія становится первостепенною для изученія политической экономіи.

Безъ изученія исторіи политической экономіи немыслимо осмысленное,—не говоря уже о сознательномъ и критическомъ,—пониманіе самой экономической теоріи.

Знать одну догму экономической науки не только недостаточно, потому что это будетъ въ лучшемъ случаѣ только механическое усвоеніе отдѣльныхъ тезисовъ, но и потому, что единой догмы не существуетъ. Дѣло въ томъ, что современная политическая экономія не представляетъ собою законченнаго зданія. Многія первоклассныя проблеммы или намѣчаются, или спорны, или представляютъ загадку, разрѣшаемую противорѣчивыми объясненіями. Экономисты настоящаго времени представители самыхъ разнообразныхъ теченій и направленій. Каждый считаетъ именно свою догму, свою школу, свою политическую экономію единственно правильною, единственно безошибочною, а всѣ остальныя едва заслуживающими вниманія.

И, господа, все ваше экономическое міросозерцаніе, всѣ ваши соціальные принципы часто зависятъ отъ того, къ кому изъ учителей вы попали, въ чьей школѣ вы впервые, быть можетъ даже случайно, восприняли „первое экономическое крещеніе“.

Добросовѣстный наблюдатель современной экономической науки не можетъ не отмѣтить борьбы противорѣчивыхъ направленій и нѣкоторой анархіи въ теоріи науки.

Разобраться во всемъ этомъ, сознательно примкнуть къ тому или иному направленію или самостоятельно прокладывать свой путь можно только при помощи изученія исторіи политической экономіи, при помощи анализа происхожденія и развитія существующихъ, отжившихъ и нарождающихся ученій.

Вотъ почему ни въ одной отрасли знанія, кромѣ философіи, изученіе исторіи науки не играетъ такой роли, какъ въ политической экономіи.

Мнѣ кажется, вамъ не нужно болѣе доказывать всю необходимость и всю важность изученія исторіи экономическихъ ученій, и я могу перейти къ краткому обзору современнаго состоянія этой научной дисциплины, сложившейся такъ недавно, во второй половинѣ 19-го вѣка, и еще такъ мало законченной.

Лѣтъ 40 тому назадъ, когда только складывалась исторія ученій какъ особая дисциплина, она начиналась съ мнимаго „отца политической экономіи", съ Адама Смита и его сочиненія, вышедшаго въ свѣтъ въ 1776 году. И еще такъ недавно, какихъ нибудь 15-20 лѣтъ даже добросовѣстные нѣмецкіе гелертеры датировали со Смита научное развитіе экономической мысли. „Политическая экономія или ученіе о народномъ хозяйствѣ,—безапелляціонно заявлялъ академическій авторитетъ профессоръ Густавъ Шёнбергъ, въ своемъ учебникѣ-компендіумѣ,—принадлежитъ къ самымъ молодымъ наукамъ. Только въ 1876 году она отпраздновала свое столѣтіе, если считать годомъ ея рожденія 1776 годъ, а ея отцомъ Адама Смита".

Такое ошибочное и все еще ходячее мнѣніе представляетъ собою о Смитѣ и юности экономической мысли съ одной стороны продуктъ громаднаго вліянія на умы школы Смита-Рикардо, не напрасно получившей образное наименованіе „классической", съ другой—безсознательное закрѣпленіе торжества буржуазіи, ярко и беззастѣнчиво развившей свою специфическую идеологію въ смитіанствѣ.

И если основатели классической школы своимъ мощнымъ синтезомъ новыхъ экономическихъ отношеній, своимъ отрицаніемъ всего имъ въ теоріи предшествовавшаго, далеко отодвинули и обезличили болѣе раннія направленія экономической мысли, хотя бы тѣ же меркантилизмъ и ученіе физіократовъ, то это не значитъ, что эти идеологіи не важны или навсегда отвергнуты. И если торжествующая буржуазія, слагая свою брачную съ Европейскою исторіею пѣснь, возводила на пьедесталъ устанавливаемыя ею самою новыя экономическія отношенія, если она слагала Евангеліе капиталистической беззастѣнчивости, то это отнюдь еще не значило, что отнынѣ воцарялся одинъ только классъ—классъ буржуазіи и что всякая иная идеологія становилась историческою категоріею.

Вотъ почему намъ въ настоящее время приходится широко раздвигать рамки историческаго изученія и анализировать этапы экономической мысли, слагавшейся и развивавшейся задолго до рожденія Адама Смита. Вотъ почему современному экономисту нельзя ограничиваться однимъ анализомъ капиталистическихъ отношеній, какъ это дѣлаетъ большинство современныхъ писателей.

Мы уже останавливались на аксіомѣ, что сознаніе опредѣляется бытіемъ. Очевидно, изученіе экономическихъ идеологій немыслимо безъ изученія экономическаго быта. Съ другой стороны, всякая идеологія, по своему методу и общей конструкціи, не слагается изолированною или противорѣчащей общему духовному направленію эпохи. Она плоть отъ плоти умственныхъ теченій своего времени. Мы всѣ дѣти земли, на которой родились и живемъ.

Отсюда двойная зависимость экономическихъ ученій въ ихъ генезисѣ отъ соціальной среды, отъ порождающаго ихъ экономическаго быта, съ другой—отъ способа ихъ трактованія, т. е. отъ общаго философскаго направленія эпохи.

Итакъ, связь, съ одной стороны, съ хозяйственнымъ бытомъ, съ другой—съ философіею.

Средневѣковая, религіозно-схоластическая философія дала содержаніе средневѣковой экономіи. Дни ея паденія—время эмансипаціи экономіи отъ отцовъ Церкви и гальванизированнаго Аристотеля. Философы Юмъ и Локкъ играютъ сами наиболѣе выдающуюся роль въ развитіи экономической мысли до Смита. Декартъ своимъ методомъ вліяетъ на Кенэ. Руссо вдохновляетъ физіократовъ, а метафизическія концепціи естественнаго права ложатся въ основу ихъ теоріи. Раціонализмъ ложится въ основу смитовой или классической школы, которая представляетъ собою ничто иное, какъ приложеніе раціонализма къ объясненію экономическихъ явленій. Самъ Адамъ Смитъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ профессоромъ философіи одного изъ шотландскихъ университетовъ, а основы его „Изслѣдованія причинъ богатства и бѣдности народовъ“ вполнѣ уясняются только въ совокупности его чисто философскаго трактата „Теорія нравственныхъ чувствъ“,—одной изъ двухъ выполненныхъ частей задуманной имъ трилогіи.

Смитъ, какъ экономистъ, занимаетъ въ исторіи прогресса эко-

номической науки аналогичную позицію, что Кантъ въ философіи. Это въ свое время блестяще доказалъ Онкенъ въ своемъ трудѣ: „Adam Smith und Emmanuel Kant, вышедшемъ въ Лейпцигѣ въ 1877 г.

Пойдемъ далѣе. Философъ Фихте, своимъ соочиненіемъ „Das geschlossene Handelstaat", кладетъ начало современному соціализму. Вамъ, по всей вѣроятности извѣстно все то вліяніе, которое оказалъ Гегель, а одно время Фейрбахъ,—на Маркса и Энгельса, отчасти на Прудона. Нитце, а также Штирнеръ воздѣйствуютъ на рядъ анархистскихъ теоретиковъ. Наконецъ, философъ Огюстъ Контъ опредѣляетъ направленіе, задачи и содержаніе исторической школы въ политической экономіи.

Тоже наблюдаемъ мы и теперь. Одни пытаются переложить свои неокантіанскіе порывы и гносеологическія размышленія къ переоцѣнкѣ основныхъ экономическихъ понятій, другіе—у Виндельбанда и у Риккерта находятъ разрѣшеніе своимъ экономическимъ сомнѣніямъ и аргументацію для своихъ антимарксистскихъ симпатій.

Итакъ, общее направленіе экономической мысли и способъ трактованія экономическихъ теорій какой либо эпохи въ значительной мѣры опредѣляется также и ея философіею.

Такимъ образомъ, каждая данная политико-экономическая теорія, каждое данное экономическое ученіе, сложный продуктъ соціально-исторической среды и философскаго мышленія эпохи.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, тѣмъ не менѣе, мы будемъ трактовать ученія только съ весьма общими указаніями на хозяйственную структуру—это дань системѣ преподаванія, раздѣлившей на двѣ дисциплины исторію ученій и исторію быта, излагаемую вамъ особо, другимъ лекторомъ. Все же вниманіе будетъ направлено на связь съ общей идеологіею эпохи.

Уразумѣніе послѣдняго соотношенія особенно важно.

Какъ извѣстно, развитіе отдѣльныхъ областей знанія находится въ тѣсной связи съ даннымъ состояніемъ общей теоріи науки. Она даетъ направленіе и методу, и общему трактованію и переноситъ центры вниманія. Но такъ какъ общая теорія науки опредѣляется суммою философскаго знанія и положеніемъ науки въ данное время вообще, то и экономическая теорія пребываетъ

въ тѣснѣйшей связи съ философіею и эволюціонируетъ, какъ духовная структура по мѣрѣ развитія философскаго мышленія.

По мѣрѣ развитія изученія экономическихъ ученій тѣсная связь философіи и экономіи отмѣчалась все болѣе и болѣе. Въ 1898 году англійскій ученый Бонаръ выпустилъ цѣлое изслѣдованіе посвященное анализу историческаго сродства и взаимодѣйствія этихъ двухъ дисциплинъ, [1]), а нѣсколько ранѣе его Онкенъ провелъ параллель между Кантомъ и Смитомъ. [2]). Нынѣ связь ихъ настолько очевидна, что дала поводъ одному австрійскому ученому, ничтоже сумняшеся, произвести всю экономію отъ философіи „Экономическая наука, говоритъ онъ, такая же дочь философіи, какъ и всякая другая наука, она младшее дитя этой матери, послѣдняя звѣвда, которая оторвалась отъ матеріи этого „солнца".

Дѣйствительно, на протяженіи всей своей исторіи связь между спеціальнымъ экономическимъ трактованіемъ и общимъ философскимъ міробъясненіемъ болѣе чѣмъ тѣсная. Начать съ того, что экономисты древности—Аристотель и Платонъ были философы философія тогда обнимала все и не была дифференцирована.

Поэтому, во первыхъ, всѣ господствующія экономическія теоріи не могутъ перетянуть господствующей философіи своего времени, во-вторыхъ, они тѣмъ болѣе неотразимы, чѣмъ сильнѣе связаны съ цѣлою опредѣленною философскою системою, въ третьихъ очевидно, что prolegomena ко всякой будущей политической экономіи, желающей выступить въ качествѣ новой науки, коренятся въ основоположеніяхъ предшествующей ей общей философской мысли.

Ученія развиваются медленно. Объектъ—этотъ трудъ для изученія потому что его содержаніе тоже развивается. Связь съ жизнью не только ретроспективна: она проникается опредѣленными идеалами, она боевая.

„Объективныя чуждыя силы,—сказалъ Энгельсъ,—силы которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіею, поступаютъ подъ контроль человѣка. Только съ этого момента люди будутъ дѣлать свою исторію съ полнымъ сознаніемъ, только съ этого момента производимыя ими установленныя общественныя причины

---

[1]) Bonar: Philosophie and political Oekonomie 1894.

[2]) Onken: A. Smith und E. Kant, 1877.

со все возрастающей силою будутъ приводить къ желаннымъ послѣдствіямъ. Это прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы".

И догма и активное связанное съ догмою поведеніе измѣнчивы.

Это и понятно, мысли человѣчества—нѣчто живое, измѣнчивое, страстно ищущее, страстно жаждущее истины, оно никогда не успокоится, никогда работа синтеза и критика не прекратятся.

Точно также измѣняется и строй общественныхъ и хозяйственныхъ явленій. Соціальная жизнь никогда не сможетъ вылиться въ какую нибудь застывшую разъ навсегда законченную форму. Поэтому и въ-экономической наукѣ, освѣщаемой философіею и изучающей скрытыя причины измѣненій формъ жизни, никогда не создастся разъ навсегда законченная догма.

Но это противорѣчитъ нашему сердцу, всей нашей природѣ. Человѣческая душа не мирится со скептицизмомъ, съ относительностью, она стремится къ абсолютному идеалу... Человѣчество неустанно мечтаетъ о совершенномъ соціальномъ строѣ, о земномъ раѣ, объ единомъ законченномъ на пользу народныхъ массъ экономическомъ ученіи.

Достигнетъ ли оно когда либо этого идеала?

Оставимъ сейчасъ это вопросомъ, а пока будемъ помнить, что идеалы достигаются тяжелою цѣною, цѣною борьбы и труда, а потому, будемъ и мы бороться и трудиться!...

ЧАСТЬ I.

Изъ исторіи экономическихъ идей античнаго міра.

„Античность сильна идеями"—мѣтко выразился въ одной изъ своихъ поэтическихъ научныхъ статей профессоръ Ѳ. Ф. Зѣлинскій. Дѣйствительно, къ античности, къ этой истинной колыбели идей, какъ къ неизсякаемому первоисточнику, европейская цивилизація возвращается постоянно. Историку каждой отрасли знанія приходится искать здѣсь зачатки многаго, что иногда совершенно напрасно считаютъ пріобрѣтеніемъ сравнительно недавней эпохи. Въ античной мысли коренится и источникъ идей политической экономіи, родоначальникомъ которой долго и упорно, но несправедливо, считали шотландца Адама Смита. Я говорю источникъ идей, а не связанный единствомъ метода предметъ научной дисциплины. Конечно, ни дифференцированной изъ общаго круга знаній особой научной отрасли—экономіи, ни научной системы, ни самаго наименованія „политическая экономія" древность не знала. Но достоинство и глубина высказанныхъ въ ту эпоху воззрѣній нисколько этимъ не умалялись. Наоборотъ, свѣжесть и оригинальность общей постановки соціальнаго вопроса, смѣлость намѣчавшихся рѣшеній его, такъ же какъ острота и опредѣленность сужденій по отдѣльнымъ вопросамъ и здѣсь, въ экономіи, въ этой, казалось бы, чуждой древней мысли сферѣ, заставляютъ преклониться передъ античностью, какъ передъ дѣйствительно „великою мастерскою" человѣческой культуры.

Въ современную намъ эпоху можно составить себѣ представленіе о строѣ экономическаго міровоззрѣнія древности двумя путями. Или прослѣдить безсознательное выраженіе руководящихъ идей въ юридическихъ и литературныхъ памятникахъ, въ доку-

ментахъ и надписяхъ, въ установленіяхъ и пр., или обратиться къ сознательной формулировкѣ уже опредѣлившихся мыслей у писателей тогдашняго времени. То и другое—задачи одинаково цѣнныя, хотя и не всегда,—какъ бы то казалось съ перваго взгляда,—взаимно пополняющія другъ друга. Въ дальнѣйшемъ мы избираемъ второй путь, т. е. путь анализа уже сложившейся идеологіи, такъ какъ онъ, во-первыхъ, до сихъ поръ сравнительно меньше привлекалъ вниманіе экономистовъ, а во-вторыхъ, не является при нашей работѣ самоцѣлью. Мы подходимъ, въ данномъ случаѣ, къ античности лишь какъ къ своего рода „наслѣдію“, лишь какъ къ готовому фонду, изъ котораго черпала въ дальнѣйшемъ европейская культура. Поэтому, вполнѣ признавая идеологію функціей хозяйственнаго уклада, мы не касаемся ни проблемы о генезисѣ идей античнаго міра, ни вопроса о связи этихъ идей съ вызвавшею ихъ обстановкою. Наша задача уже и опредѣленнѣе: намѣтить характеръ и размѣры наслѣдства, завѣщаннаго античнымъ міромъ въ области экономической теоріи его идеопреемникамъ.

При этомъ, выбирая то, что, съ точки зрѣнія экономической теоріи, является болѣе цѣннымъ, нельзя не посѣтовать на то, какъ мало еще сдѣлала наша классическая филологія для всѣхъ спеціалистовъ чужихъ научныхъ дисциплинъ, которымъ невольно приходится „смотрѣть ей въ руки“ и работать, такъ сказать, со вторыхъ рукъ. Такое положеніе дѣла врядъ ли нормально. Необходимо усилить вниманіе къ переводамъ и изданію точныхъ текстовъ античныхъ писателей, доступныхъ теперь лишь рѣдкимъ знатокамъ филологіи. Не это-ли очередная задача нашей Академіи Наукъ?

ГЛАВА I.

Греція.

Исторія застаетъ античную Грецію въ той стадіи развитія, когда общественныя формы ея переживали переломъ, знаменовавшій собою переходъ отъ стараго аграрнаго коммунизма къ новому индивидуалистическому строю, отъ натуральнаго „замкнутаго“ хозяйства къ хозяйству, покоющемуся на обмѣнѣ [1]).

Къ VI вѣку до Р. Х. Греція почти отрѣшается отъ аграрнаго коммунизма, который сохраняется въ немногихъ экономически болѣе отсталыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Спартѣ, на островѣ Критѣ и—особенно—на небольшихъ Липарскихъ островахъ. Но и въ указанныхъ мѣстахъ онъ болѣе напоминаетъ тотъ половинчатый коммунизмъ, который и въ нашу эпоху уцѣлѣлъ кое-гдѣ въ видѣ вымирающихъ пережитковъ (Hauskommunion'ы въ южной Германіи, въ Тиролѣ, альменды въ Швейцаріи, Алжирѣ и пр.).

[1]) Здѣсь совершенно оставляется въ сторонѣ, какъ изображеніе хозяйственнаго быта древней Греціи, такъ равно и весьма важный вопросъ о характерѣ экономическаго быта античнаго міра вообще. Изъ двухъ толкованій—экономиста Карла Бюхера и примыкающаго къ нему Франкотта, съ одной стороны, историковъ Эдуарда Мейера, Пёльмана, фонъ-Белова—съ другой,—мы болѣе примыкаемъ къ послѣднему, при чемъ считаемъ, что Бюхеровское направленіе можетъ быть принято только какъ характеристика одной изъ наиболѣе раннихъ стадій развитія. Въ то же время мы признаемъ, что объясненія историковъ опредѣляютъ преимущественно наивысшія формы, до которыхъ достигла античная цивилизація; конечно, съ нѣкоторыми ограниченіями, оба толкованія могли бы мирно ужиться вмѣстѣ, если понимать каждое изъ нихъ только какъ объясненіе различныхъ стадій одного и того же процесса.

Съ древне-греческимъ коммунизмомъ, о которомъ существуетъ, кстати сказать, обширная и не новая литература, знакомитъ насъ въ новомъ освѣщеніи появившаяся нѣсколько лѣтъ тому назадъ замѣчательно обстоятельная работа Пёльмана: „Исторія античнаго коммунизма и соціализма“ [1]). Этотъ трудъ даетъ, между прочимъ, богатый матеріалъ для характеристики коммунистическаго строя древняго міра. Процессъ разложенія коммунистическаго строя, судя по приводимымъ въ этой книгѣ даннымъ, характеризуется, съ одной стороны, измѣненіями въ аграрныхъ отношеніяхъ, сопровождающимися обычными въ такихъ случаяхъ аграрными безпорядками, а съ другой — развитіемъ денежнаго хозяйства и первыми зачатками капитализма, конечно, капитализма торговаго. Этотъ процессъ, переломъ, кризисъ,—если угодно, своего рода хозяйственная революція,—не могъ проходить и тогда незамѣченнымъ, и если теперь мы видимъ разногласіе въ оцѣнкѣ тогдашней жизни,—при чемъ одни видятъ болѣе одну сторону быта, другіе другую,—то и въ древности онъ долженъ былъ вызывать неодинаковое къ себѣ отношеніе.

Различное отношеніе тогдашнихъ писателей къ этому основному хозяйственному процессу и составляло, дѣйствительно, основной пунктъ разногласія представителей двухъ главныхъ общественно-экономическихъ міросозерцаній древнихъ. Этимъ же различіемъ опредѣляется въ значительной мѣрѣ и общій характеръ двухъ главныхъ методовъ обсужденія экономическихъ вопросовъ, а равно и даваемыхъ на нихъ отвѣтовъ. Съ одной стороны мы встрѣчаемъ въ древней Греціи писателей, усматривающихъ въ разложеніи коммунистическаго строя залогъ дальнѣйшаго развитія. Къ ихъ числу относятся два наиболѣе важныхъ писателя по экономическимъ вопросамъ: Ксенофонтъ и Аристотель. Съ другой стороны

---

[1]) Пёльманъ.—Pöhlmann, R.: Geschichte des antiken Kommunismus und Socialismus, 2 т., Мюнхенъ, 1893—1901 (русскій переводъ подъ ред. М. И. Ростовцева въ „Общей исторіи европейской культуры“, т. II, Спб., 1909 г.). Филологи дѣлаютъ упреки Пёльману за его цитаты и нѣкоторыя произвольныя толкованія. Пёльманъ отступаетъ и отъ общепринятаго (гегелевскаго) взгляда на Платона. Особенно цѣнно его широкое пониманіе соціальной проблемы, что отразилось въ главѣ III тома I-го (Zur geschichtlichen Beurteilung der Politeia Platos), въ главѣ IV тома II-го (Das Erwachen der Armut zum socialen Selbstbewusstsein).

мы знаемъ мыслителей, относящихся къ указанному процессу весьма недружелюбно, хотя и понимающихъ, что онъ связанъ съ развитіемъ культуры. Платонъ и циники предпочли бы иной порядокъ, по крайней мѣрѣ по формѣ, приближающійся скорѣе къ старому коммунистическому строю (старый „золотой вѣкъ“). Однако, между взглядами Платона и циниковъ въ этомъ отношеніи обнаруживается существенное различіе. Въ то время, какъ древне-греческіе „анархисты“—циники всецѣло стоятъ на сторонѣ древняго коммунизма, Платонъ имѣетъ въ виду такое осуществленіе коммунистическаго принципа, которое не означало бы отказа отъ положительныхъ, съ его точки зрѣнія, завоеваній культуры. Итакъ, соціальный вопросъ въ широкомъ смыслѣ не только ставился, но и намѣчались первыя вѣхи его рѣшенія, въ зависимости отъ того или иного отношенія къ развивающемуся процессу въ самомъ укладѣ жизни. Понятно, что постановка и отвѣты на частичные вопросы были еще болѣе поучительны.

Къ сожалѣнію, большая часть сочиненій, посвященныхъ экономическимъ вопросамъ, до насъ, надо думать, не дошла. Поэтому мы не имѣемъ возможности составить себѣ систематическое, а главное точное представленіе объ экономическихъ взглядахъ древнихъ авторовъ; во многомъ приходится дѣлать лишь приблизительные выводы на основаніи отрывочныхъ свѣдѣній и слабыхъ общихъ указаній. Многіе изъ фрагментовъ дошли черезъ вторыя и третьи руки или только сохранились ссылки на нихъ у другихъ авторовъ.

По дошедшимъ же до насъ отрывкамъ видно, что нѣкоторымъ экономическимъ вопросамъ у грековъ посчастливилось: о нихъ были написаны спеціальные трактаты. Такъ, извѣстно, напримѣръ, что греки располагали сочиненіями, посвященными горному дѣлу, ремесленному труду и т. д.; эти труды представляли, повидимому, значительную цѣнность, но, къ несчастью, не сохранились. Зато до насъ дошли сочиненія болѣе общаго характера. Посмотримъ, каково же это наслѣдство? Впереди другихъ идутъ нѣкоторыя произведенія корифеевъ философіи, Платона и Аристотеля, и историка Ксенофонта. Затѣмъ, нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ экономическихъ соображеній историковъ:

Геродота и, особенно, Θукидида. Какъ указалъ проф. В. Рошеръ въ своей восторженной, имъ посвященной монографіи [1]), главною заслугою Θукидида является выясненіе вліянія обмѣна на политическія и соціальныя событія [2]). Далѣе—кое-какія свѣдѣнія по домашней экономіи и нѣкоторымъ отраслямъ промышленности содержались у писателей, сочиненія которыхъ считаются утраченными, хотя кое-что изъ нихъ сохранилось въ трудахъ ихъ послѣдователей. Таковы сочиненія Іерона и Калликратида о домашнемъ хозяйствѣ, Аполлодора Лемносскаго и Харетида Паросскаго о земледѣліи. Какъ указываетъ Лоренцъ фонъ Штейнъ, въ этихъ сочиненіяхъ имѣлись сужденія по вопросамъ о значеніи рабства, различіи денегъ и богатства и пр. [3]). Наконецъ, должны быть упомянуты нѣкоторыя беллетристическія произведенія съ соціально-экономическимъ содержаніемъ, о которыхъ скажемъ особо.

Но все же изъ этого перечня Платонъ, Аристотель и Ксенофонтъ стоятъ для нашихъ цѣлей неизмѣримо выше другихъ; они заслуживаютъ особаго вниманія уже въ виду чисто теоретическаго характера ихъ сужденій. Повторяемъ, эти сужденія еще не возвышаются до особой научной дисциплины. Таннери въ своемъ обзорѣ древне-греческой науки даже не отводитъ политической экономіи ни одной строчки [4]). Но все же эти сужденія значительны. Отрицающіе послѣднее—есть и такіе—высказываютъ по своему вѣрное, но ничего не рѣшающее въ данномъ вопросѣ, мнѣніе, будто древніе писатели, Ксенофонтъ и Аристотель, совсѣмъ не рѣшили экономическихъ вопросовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова и что ихъ работы представляютъ собою просто ру-

---

[1]) Roscher, W.: Disputatio prima de doctrinae oeconomico-politicae apud Grecos primordiis, Лейпцигъ, 1866.

[2]) Проф. А. Онкенъ, наоборотъ, считаетъ, что ни Геродотъ, ни Θукидидъ никакого мѣста въ исторіи политической экономіи не занимаютъ (см. Onken, A.: Geschichte der Nationalökonomie, т. I).

[3]) Stein, L. v.: Die Staatswissenschaftliche Theorie der Griechen vor Aristoteles und Platon въ Тюбингенской „Zeitschrift für gesammte Staatswis." за 1853 г.

[4]) П. Таннери: Первые шаги древне-греческой науки, рус. пер., Спб., 1902

ководство для веденія домашняго хозяйства или для улучшенія государственно-правовыхъ институтовъ. Такое мнѣніе подсказывается пониманіемъ античнаго хозяйства, какъ домашняго замкнутаго хозяйства, а потому работы Ксенофонта и Аристотеля часто причисляются или къ чисто политической литературѣ, или къ особой, развивающейся почти у всѣхъ народовъ литературѣ домашней экономіи, къ которой относятся разнаго рода „Домострои“ [1]).

Правда, никто не будетъ отрицать того, что большая часть работъ носитъ именно такой характеръ. Въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ, дѣйствительно, встрѣчаются цѣлыя главы о домоправителяхъ, разсужденія объ управленіи семьей и т. д. Но этимъ далеко не исчерпывается существо ихъ экономическихъ воззрѣній, тѣмъ болѣе, что многое опредѣлялось тогдашними условіями. Такъ, въ силу своего кастоваго, пожалуй, даже, „классоваго“ міровоззрѣнія, греки всегда защищали то, что считалось благороднымъ въ ихъ время, и относились поэтому же нѣсколько пренебрежительно къ позорнымъ на ихъ взглядъ занятіямъ. Отсюда невозможность для нихъ съ должнымъ вниманіемъ остановиться на вопросахъ общехозяйственныхъ. Но это все же не значитъ, что греческіе писатели были совершенно лишены пониманія, напримѣръ, общаго характера ремесленнаго труда или общихъ задачъ хозяйства; конечно, не задачъ хозяйства „народнаго“, въ современномъ смыслѣ этого слова, — что появилось много позднѣе.

Итакъ, приходится остановиться на разсмотрѣніи взглядовъ только Аристотеля, Платона и Ксенофонта. Но прежде чѣмъ къ

---

[1]) Таковы, напримѣръ, сочиненіе Заточника въ Бари (XIII в.): Dottrina o proverbi dello schiano di Bari; сочиненіе Егидія Колонна; трактатъ итальянца Пандольфини (Trattato del governo della famiglia) XV вѣка; сочиненіе француза Жоффруа де Латуръ-Ландри: „Menagier de Paris“, того же вѣка; нѣмецкое: „Vridankes Bescheidenheit“ неизвѣстнаго автора. У чеховъ въ томъ же духѣ пишутъ: Ѳома Щитный, Смилъ Флящка и Шимонъ Ломницкій. У насъ: „Домострой“ попа Сильвестра, которому предшествовали: „Стоглавъ“ Геннадія, „Измарагдъ“ Златоуста, сборникъ „Златая Чепь“ и др.

нимъ перейти, скажемъ нѣсколько словъ о беллетристическомъ изложеніи соціальной проблемы.

Для писателей, относящихся отрицательно къ совершавшемуся разложенію коммунистическаго строя, характерна особая форма обсужденія общественныхъ и въ частности экономическихъ вопросовъ, положившая начало для всей дальнѣйшей литературы подобнаго рода — это такъ называемые политическіе романы [1]). Этотъ видъ общедоступной и интересной по своему характеру литературы пользовался въ древности большимъ сочувствіемъ [2]). Рядъ древне-греческихъ писателей изобразилъ несуществующіе острова, гдѣ люди живутъ въ идеальномъ общественномъ строѣ; многочисленны были и мечты о золотомъ вѣкѣ. Кромѣ спеціальныхъ сочиненій,—названія которыхъ указаны ниже,—тѣ же „утопическія“ мечтанія встрѣчаются также во многихъ произведеніяхъ поэтовъ, въ памфлетахъ и рѣчахъ ораторовъ [3]). А разъ и поэзія была задѣта, то, очевидно, соціальный вопросъ сильно волновалъ общество тогдашняго времени. Что-жъ это были за романы? Къ числу наиболѣе видныхъ авторовъ, создавшихъ древне-греческую утопическую литературу, нужно, кромѣ Платона, о которомъ рѣчь впереди, отнести его предшественниковъ: Ипподама Милетскаго, Фалея Халкедонскаго, а также Ѳеопомпа („О странѣ за океаномъ“), Гекатея Абдерскаго („Киммерійскій Городъ“), Эвгемера („Священная Хартія“), Ямбула („Объ островѣ великановъ“) и др. [4]).

Названные утопическіе романы, въ высшей степени цѣнные

---

[1]) Ср. Кирхгеймъ: „Вѣчная Утопія“, рус. пер., Спб., 1902 г., стр. 21.

[2]) Rohde: Der Griechische Roman und seine Vorläufer, 1876.

[3]) Они собраны въ анонимномъ сочиненіи „Das goldene Zeitalter“, Берлинъ, 1879. Здѣсь особенно отмѣчаются: стихъ 563 пѣсни IV-ой Одиссеи Гомера, „Дѣла и дни“ Гезіода, Метаморфозы Овидія, вторая олимпійская ода Пиндара, а также IV стихъ эклоги изъ Энеиды Вергилія, нѣкоторыя эподы Горація и одно мѣсто у Плутарха.

[4]) Нѣкоторые изъ нихъ подробно изложены въ началѣ II-го тома Пёльмана (Geschichte des antiken Kommunismus etc, Мюнхенъ, 1904); здѣсь приведены утопіи Ѳеопомпа, Гекатаоса (Гекатея), Эвгемораса (Эвгемера) и Ямбула.

для исторіи древне-греческой мысли и литературы, не представляютъ, кромѣ развѣ романа Ямбула, интереса, съ точки зрѣнія развитія экономическихъ воззрѣній. Поэтому, вмѣсто передачи всѣхъ ихъ, можно ограничиться изложеніемъ одного, но наилучшаго, а именно: „Государства“ Платона; съ разсмотрѣнія соціальныхъ взглядовъ послѣдняго и начинаемъ нашъ обзоръ античной мысли въ области экономическихъ явленій [1]).

---

[1]) Объ этомъ существуетъ цѣлая литература. Во-первыхъ—общая; таковы сочиненія, посвященныя государственнымъ романамъ и коммунизму древняго міра, въ родѣ сочиненій Пёльмана, Клейнвехтера, фонъ-Моля, фонъ-Гёрке, Сюдра, Кирхгейма, Каутскаго и Бернштейна и пр.; большинство изъ нихъ переведено на русскій языкъ. Во-вторыхъ, имѣются сочиненія спеціальныя; такъ о раннихъ (до Платона) утопіяхъ говорится у анонимнаго автора „Das Goldene Zeitalter“, Берлинъ, 1879; у Cognetti de Martiis: Socialismo antico, Туринъ, 1889; у Hermann'a: De Hippodamo, Марбургъ, 1841; у Пёльмана: Geschichte d. ant. Kom. und Socialismus, т. II, Мюнхенъ, 1881; у Фр. Клейнвехтера: Die Staatsromane, Вѣна, 1891, и пр.; о болѣе позднихъ (послѣ Платона) греческихъ утопіяхъ сообщаютъ: Huet: Traité de l'origine des romans, Парижъ, 1885; Chassang: Histoire du roman dans l'antiquité, Парижъ, 1862; Rohde: Der griechische Roman, 1876. Литература, спеціально посвященная утопіи Платона, будетъ указана дальше отдѣльно.

I. Платонъ (428—347 до Р. Х.).

По соціально-экономическимъ вопросамъ великій Платонъ высказывался не только въ „Государствѣ“, своемъ центральномъ соціальномъ произведеніи, но и въ цѣломъ рядѣ другихъ трактатовъ. Въ хронологическомъ порядкѣ этотъ циклъ сочиненій Платона располагается слѣдующимъ образомъ: „Горгій“, „Государство“, „Тимей“, „Критій“, „Законы“ [1]). Въ двухъ предпослѣднихъ Платонъ особенно ясенъ, хотя именно эти два трактата изслѣдователями преимущественно забываются. Обходятъ и „Горгій“, гдѣ также содержатся болѣе или менѣе цѣнныя замѣчанія. Чтобы составить себѣ полное представленіе о соціальныхъ взглядахъ Платона, необходимо имѣть въ виду всѣ поименованныя сочиненія. Изъ обзора ихъ можно убѣдиться, что они вмѣстѣ не даютъ цѣлостнаго ученія, а представляютъ этапы разныхъ переживаній. Такъ напримѣръ, по нимъ возможно прослѣдить, какъ постепенно созрѣваетъ коммунистическая идея. Въ „Государствѣ“ („Политэйя“), напримѣръ, устанавливаются только desiderata Платона, но нѣтъ еще полнаго абриса конструируемаго государства. Его рѣзкія грани даются въ „Тимеѣ“ и особенно въ „Критіѣ“ (Атлантиды) [2]).

---

[1]) Ср. Zeller, Ed.: Genetische Entwickelung der platonischen Philosophie, Лейпцигъ, т. I, 1855, стр. 30 и слѣд.

[2]) Мнѣніе о постепенной эволюціи платоновскихъ идей было впервые изложено въ сочиненіи нѣмца Karla Fr. Hermann'a, редактора Тейбнеровскаго (1881 г.) изданія Платона; оно до извѣстной степени повторяло англичанина G. Grote (Platon and the other companios of Socrates, Лондонъ, 1865). Къ нему примыкаетъ Виндельбандтъ: „Исторія древней философіи“, рус. пер., 4-е изданіе, 1908 г., стр. 148. У насъ пытался совершенно своеобразно и, по существу, произвольно разрѣшить вопросъ Владиміръ Соловьевъ. Очень легко раздѣ-

Наконецъ, реконструкція идеи въ „Законахъ", Платоновское коммунистическое государство, для развитія всей послѣдующей идеологіи человѣчества—крайне важное наслѣдіе. Оно, во-первыхъ, легло въ основу всего европейскаго соціальнаго утопизма, а черезъ него—и соціализма; оно, во-вторыхъ, послужило прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ коммунистическихъ исканій: оно, въ-третьихъ, освѣтило съ общей точки зрѣнія весь платонизмъ и всѣ соціальные взгляды великаго философа [1]). Противники Платона иногда смотрѣли и смотрятъ на его идеальное государство, какъ на совершенно нелѣпое созданіе фантазіи [2]); иные—какъ на паденіе Платоновой мысли [3]). Находятся, наконецъ, и такіе, что доходятъ даже до отрицанія въ немъ оригинальности. Послѣдніе легкомысленно утверждаютъ, что Платонъ, будучи сыномъ своего времени, только идеализировалъ современный ему строй Спарты, а между тѣмъ въ существѣ господствовавшихъ тамъ учрежденій не разобрался [4]).

Большинство критиковъ упускаетъ обыкновенно изъ виду тѣ

лавшись съ дѣйствительно необоснованными предположеніями Шлейфмахера и Мунка, филистерски предполагавшими, что Платонъ писалъ свои сочиненія „по программѣ" или „по плану", В. Соловьевъ предлагаетъ исходить „отъ внутренняго начала единства", которое раскрывается изъ обзора „жизненной драмы" Платона, „героя своей жизненной драмы".

[1]) Hermann, K. Fr.: Die historischen Elemente des platonischen Idealstaates, 1859; также Zeller, Ed.: Der platonisches Staat in seiner Bedeutung für die Folgezeit (въ т. I его „Лекцій и статей"); также Nohle, C.: Die Staatslehre Platos in ihrer geschichtlichen Entwicklung, Іена, 1880 и др., ранѣе указанныя сочиненія о Платонѣ.

[2]) Напримѣръ, Фридрихъ Клейнвехтеръ (Fr. Kleinwechter: Staatsromane, Вѣна, 1891, стр. 27), дающій прямо каррикатурное изображеніе „Политэйи" Платона.

[3]) Таковъ нашъ философъ Владиміръ Соловьевъ. Онъ говоритъ: „Отступивши передъ высшею жизненною задачею, Платонъ не одолѣлъ и низшей: никакого преобразователя общественнаго и политическаго изъ него не вышло, несмотря на всѣ его старанія, и не потому, что онъ былъ слишкомъ утопистомъ, а по отсутствію дѣйствительно прогрессивнаго начала въ его утопіяхъ, по ихъ ненужности и неинтересности для человѣчества." („Жизненная драма Платона", 1898, въ VIII т. „Собранія сочиненій Владиміра Соловьева", Спб., 1903, стр. 286).

[4]) Напр., А. Сюдръ: Исторія коммунизма, рус. пер., Спб., 1870.

особыя задачи, ради которыхъ Платонъ считалъ нужнымъ рекомендовать новое политическое устройство, задачи, кстати сказать, далеко не совпадающія съ обычными. Поэтому они не замѣчаютъ и тѣхъ особенностей, которыми государство Платона отличается отъ всѣхъ возможныхъ государствъ, въ какія бы эпохи они ни создавались, и которыя, однако, имѣютъ глубокій, но не всегда улавливаемый критиками, смыслъ. И апологетамъ Платона нельзя, конечно, въ настоящее время отрицать, что воззрѣнія Платона страдаютъ недостатками, отражающими въ себѣ вліяніе и особенности той позиціи, которую философъ занималъ въ общественной борьбѣ того времени. На его произведеніяхъ лежитъ неизгладимый отпечатокъ и аристократическаго происхожденія, и того разочарованія демократіей, которое въ его дни охватило многихъ и притомъ лучшихъ аѳинскихъ гражданъ [1]). Демократическому строю приписывались тогда всѣ бѣды; аристократы поэтому вступили въ союзъ со Спартой. Относясь сочувственно къ этому союзу, Платонъ не могъ, конечно, оставаться политически безразличнымъ уже въ силу своего положенія. При этомъ нельзя не отмѣтить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло со своеобразною чертою древности: аристократическое движеніе могло находить себѣ тамъ идеологическое выраженіе въ коммунизмѣ, тогда какъ аѳинская демократія являлась носительницею индивидуалистическихъ стремленій.

Идейный коммунизмъ древнихъ грековъ и, особенно, коммунизмъ Платона не былъ однако возвращеніемъ къ первобытному коммунизму. Къ такимъ попыткамъ самъ Платонъ относился безусловно отрицательно [2]). Къ тому же Платонъ подходилъ къ соціальному вопросу иначе, чѣмъ издатели утопическихъ романовъ, восхвалявшихъ „золотой вѣкъ“. Ко времени нарожденія утопиче-

---

[1]) „Это пессимизмъ, который по окончаніи Пелопонезской войны былъ вполнѣ понятенъ у аѳинянина и особенно у члена аристократической партіи. Первый, бросающійся въ глаза, моментъ при этомъ— пониманіе, что демократія въ корень изжила“ („Gründlich abgewirtschaftet hat“—Windelband, W.: Platon, 4 изд., Штуттгартъ, 1905, стр. 150).

[2]) Устами Главкона онъ назвалъ такой строй „жизнью, достойною... свиней“.

скихъ системъ соціально-экономическая жизнь древней Греціи была уже весьма сложна, населеніе глубоко дифференцировано, а соціальная проблема сильно волновала умы [1]). Этимъ обусловливалась возможность критическаго отношенія не только къ современнымъ порядкамъ, но и ко всякой идеализаціи первобытнаго строя.

Платонъ, какъ соціалистъ своего времени, даетъ суровую критику всего существующаго строя. Его прежде всего возмущаютъ страсть къ наживѣ и мѣщанская суета торговаго оборота. Возмущаясь, онъ рисуетъ замѣчательную картину развивающагося торговаго капитала съ его концентраціею богатствъ и растущею пропастью между богатствомъ и бѣдностью. Но особенно яростно Платонъ нападаетъ на тотъ типъ средняго человѣка, который вырабатывался при этихъ условіяхъ и который для предтечи современной Mittelstandpolitik, для Аристотеля, являлся наиболѣе цѣнною фигурою [2]). Этотъ средній человѣкъ въ атмосферѣ общаго стремленія къ стяжанію быстро превращается въ аппаратъ, приспособленный только для наживы. Всѣ добродѣтели его—воздержаніе, трудолюбіе, бережливость, самообладаніе, — происходятъ изъ разсчетовъ мелкой душонки, а государство, состоящее изъ совокупности такого рода особей не могло быть ни счастливо, ни едино; создавалось разъединеніе, вражда классовъ, получалась крайне отрицательная картина всей культуры и возникало желаніе иной лучшей жизни. Это желаніе Платонъ и удовлетворяетъ въ своемъ „Государствѣ“ коммунистическаго типа.

Если мы обратимся теперь къ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ покоится коммунизмъ Платона, то увидимъ слѣдующее: онъ конструировалъ свое государство, исходя изъ представленій о трехъ основныхъ способностяхъ человѣческаго существа. Душа человѣка

---

[1]) Ср. главу у Pöhlmann'a, „О соціальной революціи въ Греціи“, т. I, 1893 г.

[2]) Аристотель говоритъ: „Среднее сословіе—наилучшее, я хочу быть среднимъ въ государствѣ“. Апологія средняго сословія у Аристотеля явилась, по мнѣнію проф. В. Бузескула, повтореніемъ взглядовъ Еврипида, особенно опредѣленно высказанныхъ въ его „Просительницахъ“ (стр. 238 и слѣд.). См. В. Бузескулъ: Исторія Аѳинской демократіи, Спб., 1909, стр. 298.

состоитъ изъ трехъ сочетаемыхъ одна съ другой способностей: разума, мужественной силы и чувственнаго желанія. Сообразно съ этимъ дѣленіемъ и общественный организмъ, народъ (δῆμος), представляющій собою человѣка, такъ сказать, въ большомъ масштабѣ, долженъ быть комбинаціей трехъ различныхъ классовъ: правителей (ἄρχοντες), которые обладаютъ добродѣтелью разума, воиновъ и чиновниковъ (ἐπίκουροι), обладающихъ мужествомъ и безкорыстіемъ, и трудящихся (земледѣльцевъ и ремесленниковъ,—γεωργοὶ καὶ δημιουργοί),—добывающихъ средства пропитанія и обязанныхъ отличаться умѣренностью. Во главѣ государства стоятъ философы; на нихъ лежатъ обязанности, выполнявшіяся въ египетскомъ и, еще древнѣе, въ индусскомъ общественномъ устройствѣ жрецами. Они должны обладать высшимъ развитіемъ и образованіемъ—σοφία. За ними идетъ сословіе защитниковъ государства, воиновъ и чиновниковъ, съ неустрашимымъ исполненіемъ долга—ἀνδρεία и, наконецъ, ремесленники, трудящійся народъ, долженствующій развивать обуздывающее хотѣнія послушаніе—σωφροσύνη. Всѣ эти три класса отличаются другъ отъ друга отъ природы, потому что она отмѣчаетъ ихъ особенностями, позволяющими думать, что Богъ какъ бы примѣшалъ къ крови философовъ—золото, къ крови воиновъ — серебро, а къ крови ремесленниковъ — мѣдь. Кромѣ этихъ трехъ классовъ предполагается еще классъ рабовъ, но послѣдніе не входятъ въ составъ государства, такъ какъ не обладаютъ свободой, которая только и можетъ сдѣлать человѣка достойнымъ гражданства. Самымъ многочисленнымъ классомъ является классъ трудящихся, затѣмъ менѣе люденъ классъ воиновъ, охраняющихъ государство, и, наконецъ, идетъ небольшой классъ управляющихъ всѣмъ—философовъ, научно-образованныхъ людей. Это государство должно имѣть неподвижное устройство, безъ нововведеній и измѣненій. Почему?—„Вѣчной цѣли должны соотвѣтствовать неизмѣнныя учрежденія“, поясняетъ одинъ изъ нашихъ комментаторовъ Платона [1]).

Руководящимъ принципомъ въ управленіи государствомъ Пла-

---

[1]) Кн. Е. Трубецкой: Соціальная утопія Платона. М., 1908 г., стр. 61.

тонъ считаетъ „не увеличеніе богатства и роскоши, не расширеніе границъ провинціи посредствомъ побѣдъ, не устрашеніе морей угрожающимъ видомъ флота и не возбужденіе страха у сосѣдей количествомъ и силою своей арміи, а нѣчто болѣе великое и прочное, а именно—работу на благо государства, которая должна сдѣлать его добродѣтельнымъ.“ Отсюда личность должна всецѣло сливаться съ государствомъ, а государство охватывать и опредѣлять всю жизнь гражданъ... Для достиженія этой цѣли все управленіе и поручается высшему классу мудрецовъ, а защита—классу воиновъ. Для того же, чтобы эти классы имѣли достаточно досуга для занятія своими дѣлами вся забота о матеріальномъ благополучіи должна быть возложена на третій, низшій классъ, классъ трудящихся.

Собственно коммунистическій принципъ проводится Платономъ лишь въ описаніи жизни двухъ высшихъ классовъ, имѣющихъ и общее наименованіе „стражи“, φύλακες. Вопросъ о томъ, какъ должна жить остальная масса гражданъ, которымъ „не присуща добродѣтель“, разрѣшается слѣдующимъ образомъ: всѣмъ другимъ занятіямъ должно предпочитаться занятіе земледѣліемъ. Золото и серебро должны быть совершенно изгнаны. Если деньги необходимы, то онѣ не должны представлять цѣнности сами по себѣ. Земельныя отношенія подчинены нѣкоторымъ ограничительнымъ правиламъ. Въ этомъ третьемъ классѣ частная собственность допускается, но право наслѣдства должно быть уничтожено. Кромѣ того, Платонъ предлагаетъ опредѣлить максимальные размѣры движимой и недвижимой собственности. Взаимный обмѣнъ продуктами, а слѣдовательно и торговля, Платономъ, конечно, признаются. Но онъ смотритъ на торговлю, какъ на занятіе презрѣнное, хотя и полезное. Люди, занимающіеся торговлею, по его мнѣнію, не знаютъ мѣры своему корыстолюбію. Лучшіе же, болѣе идеальные люди, не могутъ взяться за торговлю, такъ какъ всѣ ихъ силы должны быть направлены на болѣе важныя дѣла. Для того, чтобы ограничить злоупотребленіе торговлею, Платонъ предлагаетъ воспретить продажу въ кредитъ и взиманіе процента, а также установить закономъ нормируемую оцѣнку товаровъ.

Имущество высшихъ классовъ должно быть общимъ, коммунистическимъ, ибо между друзьями все должно быть общимъ

(κοινὰ τὰ τῶν φίλων). Частное владѣніе для нихъ недопустимо. У членовъ этихъ классовъ все должно быть общимъ: земля, жилище, дѣти, жены.

Такимъ устройствомъ Платону необходимо было устранить господство той или иной группы надъ остальными гражданами во имя большаго благополучія и экономическаго преобладанія этой группы. Управляющіе должны были быть поставлены въ такія условія, чтобы они не могли пользоваться своею властью ради своихъ личныхъ цѣлей. Въ своемъ діалогѣ „Сократъ“ Платонъ прямо заявляетъ: „Мы основываемъ наше государство не для того, чтобы одинъ классъ пользовался счастьемъ преимущественно передъ всѣми другими, а для того, чтобы счастливо было все государство“. Въ то же время правители должны быть спеціально приспособлены къ своему дѣлу, вся жизнь ихъ должна быть проникнута идеей общаго блага. Все это можетъ быть достигнуто, по мнѣнію Платона, лишь при томъ условіи, когда высшіе классы будутъ жить жизнью, чуждою помысловъ о корыстолюбивыхъ цѣляхъ. Лучшимъ же условіемъ такой жизни и является коммунизмъ.

Такимъ образомъ коммунистическій принципъ для Платона вовсе не представляется чѣмъ-то такимъ, что обезпечивало бы максимумъ комфорта и успѣшное накопленіе богатствъ. Онъ предполагаетъ скорѣе отказъ отъ всякихъ притязаній на матеріальное благополучіе, превышающее норму, необходимую для занятій философіею и искусствами. Коммунизмъ Платона носитъ такимъ образомъ нѣсколько аскетическій характеръ. Содержаніе классовъ управителей и воиновъ лежитъ на обязанности трудящихся, но никто изъ членовъ двухъ первыхъ классовъ не можетъ получать свою долю содержанія отдѣльно въ личную собственность. И размѣры этого содержанія ограничиваются только самымъ необходимымъ.

Такъ какъ коммунистическій строй жизни предполагается необходимымъ только для высшихъ классовъ, не участвующихъ непосредственно въ производствѣ благъ, то ясно, что „коммунизмъ Платона“ является лишь коммунизмомъ потребленія. Этимъ онъ существенно, отличается отъ коммунизма новѣйшихъ писателей-экономистовъ, коммунизма жизненнаго, „мірскаго“,

не аскетическаго, какъ платоновскій [1]). Что касается самой дѣятельности гражданъ высшихъ классовъ, то ея характеръ всецѣло опредѣляется общими задачами, преслѣдуемыми тѣми или иными группами, входящими въ составъ этихъ классовъ, задачами, которыя, однако, всѣ должны быть подчинены основной цѣли общаго блага и преуспѣянія въ добродѣтели. Здѣсь точно такъ же, какъ и вообще во всякой дѣятельности долженъ быть осуществленъ принципъ цѣлесообразнаго раздѣленія труда. „Люди, говоритъ Платонъ, по природѣ не равны другъ другу: имъ присущи индивидуальныя различія. Каждый долженъ поэтому всецѣло отдаться своему дѣлу, такъ чтобы оно не было для него дѣломъ побочнымъ (ἓν παρέργου μέρει)“; для этого онъ долженъ быть свободенъ отъ всѣхъ прочихъ обязанностей. Вотъ почему высшіе классы должны быть освобождены отъ всякаго прямого участія въ производствѣ необходимыхъ для жизни благъ. Вопросъ объ общности имущества разработанъ у Платона недостаточно полно. Гораздо больше вниманія удѣляетъ онъ вопросу об общности женъ и дѣтей [2]). Послѣдняя обусловлена, по его мнѣнію, необходимостью создать высшую расу, для чего требуется, конечно, соотвѣтствующее систематическое воспитаніе. Ребенокъ со дня рожденія долженъ находиться въ такихъ условіяхъ, чтобы изъ него могъ получиться представитель высшей расы. Воспитаніе юноши должно быть направлено къ тому, чтобы личныя желанія его были

---

[1]) „Цѣль его коммунизма,—говоритъ кн. Е. Трубецкой,—не въ распредѣленіи матеріальныхъ благъ, а въ отрѣшеніи отъ нихъ человѣка“. Кн. Е. Трубецкой: Соціальная утопія Платона, М., 1908, стр. 62.

[2]) Этотъ пунктъ вызывалъ особенно ярыя, отчасти лицемѣрныя, отчасти курьезныя возраженія. Кн. Е. Трубецкой считаетъ, что Платонъ „создаетъ такой порядокъ, который не можетъ быть оправданъ ни съ какой точки зрѣнія и всего менѣе съ Платоновской“ (Соціальная утопія Платона, М., 1908, стр. 64). Даже Владиміръ Соловьевъ, вообще враждебно относящійся къ коммунизму Платона („грубый коммунизмъ“, „случайная аберрація великаго ума“) не видитъ у Платона стремленія къ упорядоченію половыхъ сношеній и нападаетъ на мнимую безпорядочность его системы; онъ говоритъ, что „во взаимоотношеніи половъ идеальная община Платона возвращается къ дикому образу жизни по обычаю звѣриному (?!)“ (Вл. Соловьевъ: Полное собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 287).

подчинены задачамъ общаго блага. Это должно относиться въ равной мѣрѣ какъ къ мужчинамъ, такъ и къ женщинамъ. Дѣти не должны знать, кто ихъ родители, а родители—кто ихъ дѣти. На государство возлагается обязанность содержать особые воспитательные дома и школы для обученія мальчиковъ и дѣвочекъ. Хорошему женскому воспитанію Платонъ придаетъ серьезное значеніе и, считая женщинъ интеллектуально равными мужчинамъ, приписываетъ первымъ особыя способности къ медицинѣ. По достиженіи зрѣлаго возраста граждане обязаны жить въ особыхъ общежитіяхъ—мужчины и женщины вмѣстѣ. Имъ слѣдуетъ отказаться отъ своихъ индивидуальныхъ наклонностей. Благодаря такому образу жизни, къ 60-ти лѣтнему возрасту граждане будутъ способны разумно управлять государствомъ.

Особенно сильное негодованіе у критиковъ вызывали тѣ воззрѣнія Платона, которыя касались положенія женщинъ, причемъ, повидимому, принимали во вниманіе больше половую сторону вопроса [1]). Ксенофонтъ и Аристотель никакъ не могли примириться съ тѣмъ, чтобы дѣти и жены были общими. Платона, рѣшительно осуждающаго ту форму брака, которая имѣла мѣсто въ его время, не одобрялъ и Владиміръ Соловьевъ, упрекавшій Платона и за военную службу, которую у Платона несутъ и женщины [2]).

Будучи горячимъ противникомъ роскоши и излишествъ, Платонъ возлагаетъ на государственныхъ людей обязанность заботиться о благосостояніи гражданъ. Его вниманіе останавливалъ на себѣ

---

[1]) Изъ попытокъ опровергнуть коммунизмъ, сдѣланныхъ въ древности, особенно интересна остроумная критика Аристофана въ „Собраніи женщинъ“, а затѣмъ возраженія, сдѣланныя Платону Аристотелемъ во второй книгѣ его Политики. На эти возраженія указывали Робертъ фонъ-Моль, Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften, Эрлангенъ, 1855, стр. 171, и Сальвіони, Il communismo della Grecia antica, Падуя, 1883.

[2]) „Довольно характерно,—говоритъ онъ,—распространеніе обязанностей военной службы на женщинъ, но еще характернѣе основанія для такой реформы: такъ какъ собаки, охраняющія и защищающія стада, исполняютъ эту службу безъ различія самцовъ и самокъ, то ясно, что женщины должны ходить на войну“. (В. Соловьевъ: „Жизненная драма Платона“, въ VIII т. Собр. сочиненій, стр. 287).

контрастъ богатства и бѣдности. Въ немъ онъ видѣлъ источникъ многихъ бѣдствій. „Къ чему,—говорилъ онъ—служатъ всѣ гавани и корабли, если въ этой лихорадочной суетѣ, съ каждымъ днемъ все рѣзче становится злополучный контрастъ между богатствомъ съ его роскошью и спесью и горькой мрачной бѣдностью". Государственный строй, который благопріятствуетъ развитію этого нароста, который не кладетъ предѣловъ наживѣ и не препятствуетъ богатымъ обирать бѣдныхъ,—такой строй не можетъ задержать наступающей гибели. Во второй книгѣ „Государства" Платонъ говоритъ: „Правительство не должно допускать въ городъ двухъ вещей: богатства и бѣдности; богатства потому, что оно рождаетъ изнѣженность и бездѣйствіе, бѣдности потому, что она производитъ низость и зависть, того и другого потому, что они ведутъ государство къ потрясеніямъ". Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія Платонъ считаетъ мудрую политику философовъ, направленную на поощреніе земледѣлія и простого ремесла—въ противовѣсъ другимъ видамъ промышленной дѣятельности, ведущимъ однихъ къ обогащенію, а другихъ къ обнищанію.

Нѣкоторые склонны думать, что Платонъ никогда не предполагалъ, чтобы нарисованный имъ идеальный порядокъ могъ когда-либо полностью осуществиться. Онъ, дѣйствительно, говоритъ даже, что изображаемое имъ государство могло бы имѣть мѣсто лишь въ мірѣ боговъ или сыновъ божіихъ. „Какъ искусные живописцы,—говоритъ онъ,—широкою кистью рисуютъ образъ идеальной красоты, которую невозможно найти между людьми, такъ и мы хотимъ только представить типъ; чѣмъ болѣе законодатели будутъ приближаться къ этому образцу, тѣмъ болѣе ихъ устройство и правленіе поведутъ людей къ счастью".

Но другіе держатся противоположнаго взгляда. Виндельбандъ считаетъ, что Платонъ далъ практически-осуществимый проектъ устройства государства [1]). Этому мнѣнію не противорѣчитъ на-

---

[1]) „Платонъ,—говоритъ Виндельбандъ,—задумалъ свое государство (πόλις) не какъ фантастическую утопію, но какъ серьезно-осуществимый идеалъ; поэтому въ частностяхъ, именно въ общественныхъ учрежденіяхъ, онъ заимствуетъ многочисленныя черты изъ дѣйствительной гре-

личность „Законовъ“, сочиненія старческаго возраста, гдѣ Платонъ отступилъ отъ нѣкоторыхъ идеалистическихъ положеній. „Законы“ скорѣе паденіе [1]), чѣмъ приближеніе къ „болѣе осуществимому государственному устройству“, хотя Платонъ писалъ только съ практической цѣлью: это сводъ законовъ для будущаго образцоваго государства на о. Критѣ. Въ „Законахъ“ Платонъ уже готовъ допустить существованіе семьи и не настаиваетъ на общности женъ и дѣтей, но предлагаетъ мѣры для регулированія численности государства. Частная собственность допускается имъ у гражданъ этого „второго“ государства для всѣхъ гражданъ, но ограниченія ея остаются въ силѣ. Главнѣйшія изъ этихъ ограниченій слѣдующія:

ческой государственной жизни, разумѣется, отдавая при этомъ предпочтеніе болѣе строгимъ аристократическимъ учрежденіямъ дорическаго племени. Если онъ и былъ убѣжденъ, что при существующихъ обстоятельствахъ его идеалъ можетъ осуществиться только насильственнымъ образомъ, то тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что въ случаѣ осуществленія, это идеальное государство не только удовлетворило бы надолго его согражданъ, но и оказалось бы крѣпкимъ и побѣдоноснымъ противъ всѣхъ внѣшнихъ нападеній. Эту мысль философъ хотѣлъ развить въ начатомъ діалогѣ „Критій“: городъ мудрости долженъ былъ показать свое превосходство передъ Атлантидой, городомъ внѣшняго могущества; вѣроятно, при этомъ дѣйствовала на его фантазію идеализированная персидская война. Изложеніе было оборвано въ самомъ началѣ. Виндельбандъ, Исторія древней философіи, Спб., 1908, стр. 175.

[1]) „Сочиненіе о законахъ есть не отступленіе, а прямое отреченіе отъ Сократа и отъ философіи. Я не говорю про общій низменный складъ мысли въ этихъ книгахъ, про варварства уголовнаго права съ квалифицированною смертною казнью, не говорю про возмутительную несправедливость отдѣльныхъ законовъ, напримѣръ, тѣхъ, по которому рабу, не донесшему властямъ объ извѣстномъ нарушеніи общественнаго порядка посторонними лицами, назначается смертная казнь; помимо всего этого, прямое принципіальное отреченіе отъ Сократа и отъ философіи высказывается Платономъ въ тѣхъ законахъ, въ силу которыхъ подлежитъ казни всякій, кто подвергаетъ критикѣ или колеблетъ авторитетъ отечественныхъ законовъ, какъ по отношенію къ богамъ, такъ и по отношенію къ общественному порядку. Такимъ образомъ величайшій ученикъ Сократа, вызванный къ самостоятельному философскому творчеству негодованіемъ на легальное убійство учителя, подъ конецъ всецѣло становится на точку зрѣнія Анита и Мелета, добившихся смертнаго приговора Сократу именно за его свободное отношеніе къ установленному религіозно-гражданскому порядку. Какая глубочайшая трагическая катастрофа, какая полнота внутренняго паденія“. Вл. Соловьевъ, „Жизненная драма Платона“, т. VIII-ой.

1) количество и величина земельныхъ участковъ; 2) запрещеніе ихъ дробить и отчуждать; 3) стараться препятствовать накопленію движимаго имущества и съ этой цѣлью запрещать гражданамъ различные промыслы и торговлю скотомъ; 4) уполномочиваніе неплатежа займовъ; 5) запрещеніе ввоза предметовъ роскоши; 6) запрещеніе вывоза предметовъ первой необходимости; 7) стѣсненіе мелочной торговли и занятій разными промыслами въ одно и то же время; 8) ограниченіе права наслѣдства и пр.

„Законы“ открываются съ ставшаго впослѣдствіи шаблоннымъ пріемомъ описанія территоріи и населенія идеальнаго государства. Послѣднее раздѣлено на 12 округовъ съ 5040 участками, достаточными каждый для матеріальнаго довольства одной семьи. Это наслѣдственныя владѣнія, маіораты, колеблящіеся въ своихъ размѣрахъ въ зависимости отъ близости къ центру и плодородія почвы. Участки, какъ маіораты, не дробимы и не отчуждаемы. Главное занятіе — земледѣліе. Въ возрастѣ 25—35 лѣтъ для мужчинъ и 18—20 для женщинъ существуетъ принудительный бракъ, исключительно съ цѣлью рожденія здоровыхъ дѣтей; бездѣтные браки расторгаются. Дѣти обоего пола тщательно воспитываются.

Въ центрѣ каждаго округа—городъ, мѣстопребываніе администраціи, которая немалочисленна. Она находится въ опредѣленномъ соотношеніи съ верховной властью и рядомъ совѣтовъ и комитетовъ, начиная съ государственнаго, кончая мѣстными, касающимися частныхъ вопросовъ. Государственный строй здѣсь нѣчто среднее между абсолютною монархіею и республиканскою демократіею.

Помимо земледѣлія и землевладѣнія, о которыхъ было сказано выше, Платонъ обращаетъ вниманіе на торговлю и промышленность. Послѣднія двѣ отрасли хозяйственной жизни признаются полезными только при тщательной регламентаціи. Такъ напримѣръ, ремесленники вдвинуты въ рамки строя, напоминающія собою будущія цеховыя организаціи. Торговцамъ строжайше воспрещаются реклама и фальсификація, а всѣмъ вообще гражданамъ—передвиженія съ мѣста на мѣсто до 40-лѣтняго возраста [1]). „Государство“

---

[1]) Въ „Законахъ“ имѣется еще весьма много пунктовъ, касающихся суда и права, религіи и религіозныхъ обрядовъ и пр.; все это очень

остается незаконченнымъ безъ двухъ взаимно дополняющихъ отрывковъ—„Тимей“ и „Критій“. Тимей,—монологъ мудреца того же имени,—говоритъ объ общихъ вопросахъ, его продолженіе,—Критій—развиваетъ идеи о коммунистическомъ государствѣ, которыя онъ конкретизируетъ въ государствѣ Атлантиды. Въ Критіи—(неплатоновскій подзаголовокъ котораго: Аѳины и Атландита за 9000 лѣтъ до Солона)—въ формѣ діалога излагается сравненіе между государственнымъ устройствомъ Аѳинъ временъ Платона и воображаемымъ государствомъ на островѣ Атлантидѣ, существовавшимъ въ доисторическія времена и исчезнувшимъ за 9000 лѣтъ до Платона навсегда. Подробнаго описанія быта Атлантиды въ сохранившемся отрывкѣ Платонъ не даетъ. Изложена лишь общая характеристика страны, гдѣ господствуетъ подъ покровительствомъ Нептуна матеріальная сила и богатства сочетаются съ добродѣтельною и непорочною жизнью.

Таковъ строй идей Платона, высказанныхъ какъ въ первой редакціи (Государство—Πολιτεία), такъ и въ ухудшенной второй—въ Законахъ. Намъ кажется, что идеи эти по своему логически стройны и закончены, оттуда и ихъ вліяніе на протяженіи двухъ тысячелѣтій. Нѣкоторые склонны усматривать у Платона хаосъ мнѣній, смѣшеніе разныхъ принциповъ, но вышеизложенное, кажется, достаточно опровергаетъ такое сужденіе [1]).

Мы выше видѣли, что вопросы экономической жизни останавливаютъ на себѣ вниманіе Платона лишь въ той мѣрѣ, поскольку это необходимо для характеристики лучшаго государственнаго

цѣнно, но опускается здѣсь, какъ неимѣющее отношенія къ соціально-экономическимъ взглядамъ Платона.

[1]) Такъ г. Новгородцевъ говоритъ: „Въ смѣлой фантазіи Платона помѣщены рядомъ: деревенская простота первыхъ временъ и полный расцвѣтъ философской мысли, суровый режимъ военнаго лагеря (?!) и глубокая искренность морально-религіозныхъ стремленій, напоминающихъ церковную дисциплину среднихъ вѣковъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ экономическихъ вопросахъ Платонъ является соціалистомъ, оставаясь при томъ аристократомъ. Не правда-ли, какъ все это сложно и пестро?“ П. Новгородцевъ, Сократъ и Платонъ, М., 1901, стр. 46. Конечно, „пестрота“ Платона дань фразѣ, ради которой московскій профессоръ не пощадилъ и греческаго мудреца; намъ больше нравится другое, ненапыщенное и безъискусственное, московское произведеніе о Платонѣ—кн. Е. Трубецкого: Соціальная утопія Платона. М., 1908.

устройства. Послѣднему Платонъ ставитъ задачи, выходящія за предѣлъ хозяйственной жизни и скорѣе имѣющія характеръ *соціально-этическихъ*. Впрочемъ, говоря о происхожденіи государства, онъ высказываетъ ту мысль, что городъ (πόλις) зарождается [1]) лишь вслѣдствіе того, что ни одинъ изъ насъ не въ силахъ удовлетворить себя, а каждый нуждается во многомъ. Потребность въ одной и той же вещи заставила соединиться одного человѣка съ другимъ, а этого опять съ инымъ, и такъ какъ многіе нуждаются, то многіе и соединились вмѣстѣ съ цѣлью помогать другъ другу, и такому сожитію дано было названіе города, государства [2]). Но хотя такимъ образомъ смыслъ государственной жизни Платонъ усматриваетъ, повидимому, въ его хозяйственной необходимости, онъ тѣмъ не менѣе оставляетъ эту точку зрѣнія, какъ только начинаетъ излагать свой планъ наилучшей общественной организаціи. Очевидно, здѣсь сыграла рѣшающую роль та совершенно справедливая мысль, что это самое удовлетвореніе потребностей должно быть разсматриваемо какъ нѣчто подчиненное *высшимъ этическимъ* соображеніямъ, *высшимъ задачамъ* человѣческаго существованія. Но такъ какъ мысль эта овладѣла Платономъ настолько, что онъ не могъ удѣлить должнаго вниманія

---

[1]) Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, съ какой ясностью представляетъ себѣ Платонъ причины возникновенія государства. Онъ не говоритъ ни о договорѣ, ни о произвольномъ или насильственномъ объединеніи людей, а о *потребности*, какъ объ основномъ факторѣ, создавшемъ государство. Онъ устанавливаетъ понятія раздѣленія труда, сословныхъ подраздѣленій, ставитъ вопросъ о продуктивности торговли, объ обмѣнѣ и внутренней и внѣшней торговлѣ съ такой опредѣленностью, которую лишь немногимъ превзошли черезъ 2.200 лѣтъ работы Адама Смита. На это указываетъ, между прочимъ, Кирхманъ въ своихъ комментаріяхъ къ нѣмецкому изданію „Государства“ Платона (Platos Staat, переводъ F. Schleiermacher'a, Берлинъ, 1870, стр. 86.) „Мы не встрѣчаемъ здѣсь переоцѣнки земледѣльческаго класса,—говоритъ, кромѣ того, Кирхманъ,—той переоцѣнки, которая имѣла мѣсто у Кэнэ и Тюрго. Онъ былъ свободенъ также отъ того заблужденія, которое господствовало въ XVIII столѣтіи по Р. Х., будто богатство націи измѣряется ея запасами благородныхъ металловъ“. „Это,—замѣчаетъ Кирхманъ,—необходимо помнить особенно потому, что обыкновенно думаютъ, будто наука о народномъ хозяйствѣ начала развиваться лишь въ XVIII столѣтіи“.

[2]) Plato's Staat, uebersetzt von Friedrich Schleiermacher und erläutert von I. H. von Kirchmann, Берлинъ, 1870, стр. 82.

самостоятельному вопросу о принципахъ экономической дѣятельности, то и разработка вопросовъ экономическихъ осталась у него подъ сильнымъ вліяніемъ этическихъ соображеній [1]). Это помѣшало ему подвергнуть теоретическому обсужденію основной вопросъ политической экономіи. У него можно найти очень немного положеній, которыя по характеру своему приближались бы къ опредѣленіямъ явленій и законовъ хозяйственной жизни съ точки зрѣнія науки политической экономіи.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія тѣ мѣста его сочиненій, въ которыхъ онъ высказываетъ свои взгляды на значеніе принципа раздѣленія труда и на происхожденіе торговаго обмѣна и денегъ. Платонъ устанавливаетъ безусловную необходимость сложнаго сотрудничества. Раздѣленіе труда, по его мнѣнію, повышаетъ производительность, такъ какъ спеціализація, сопряженная съ нимъ, даетъ возможность каждому работнику достигать въ своей профессіи большаго успѣха. Оно приводитъ также къ тому, что общая сумма благъ оказывается въ результатѣ общей работы превышающей то ихъ количество, которое могло бы быть получено при работѣ каждаго для самого себя. Для Платона совершенно ясно при этомъ, что раздѣленіе труда по необходимости связано съ обмѣномъ. Осуществляется этотъ обмѣнъ, говоря словами самаго Платона, „путемъ купли и продажи“, т. е. путемъ торговли. Для торговли необходимы, конечно, деньги, какъ орудіе обмѣна. „Для города,—говоритъ Платонъ,—нужны лица, которыя отправлялись бы въ сосѣднія мѣста искать того, что для него нужно. Необходимы люди, которые бы взяли на себя ввозъ и вывозъ товаровъ. Ихъ-то мы и называемъ торговцами; но въ городѣ какимъ же образомъ граждане будутъ дѣлиться продуктами своего труда? Ясно, что посредствомъ купли и продажи. Слѣдовательно, намъ нужны еще рынокъ и монета“.

Этимъ, впрочемъ, и ограничивается чисто теоретическая сторона разсужденія Платона. Въ разсматриваемыхъ сочиненіяхъ

---

[1]) Это подчиненіе, притомъ постоянное подчиненіе экономіи этикѣ Бонаръ считаетъ основною чертою взглядовъ Платона (см. James Bonar: Philosophie and political economy in some of their historical relations, Лондонъ, 1893, стр. 11).

его все же занимаютъ прежде всего вопросы государственнаго устройства и законодательства. Отсутствіе у Платона анализа экономическихъ явленій нельзя, конечно, объяснять его утопически-критическими тенденціями. Наоборотъ, можно было бы думать, что именно человѣку, недовольному существующимъ порядкомъ и стремящемуся къ преобразованію его на новыхъ началахъ, легче было бы остановиться на недочетахъ современнаго ему хозяйственнаго быта и произвести глубокое изслѣдованіе хозяйственныхъ отношеній въ общемъ строѣ государственной жизни. На первомъ планѣ для него стояли нравственное состояніе людей и управляющіе ими законы. Экономической жизни общества онъ касался постольку, поскольку она является объектомъ законодательства. Гораздо ближе подошли къ теоретической разработкѣ вопросовъ экономической жизни тѣ мыслители Греціи, которые стояли на почвѣ существующихъ отношеній и не пытались подвергнуть ихъ радикальному переустройству. Таковыми являются Ксенофонтъ и Аристотель.

Среди многочисленныхъ работъ, посвященныхъ **Платону**, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія сочиненія, содержащія въ себѣ анализъ политическихъ и политико-экономическихъ взглядовъ Платона, преимущественно изложенныхъ въ трактатахъ, касающихся государственнаго устройства: А. Норовъ, Атлантида по греческимъ и римскимъ источникамъ, Спб., 1854; Rossi: Des doctrines économiques chez les Grecs, въ „Melanges“, томъ I, Парижъ, 1857 г.; Schwanitz: Questiones platonicae spec., II., De Atlantide insula, Эйзенахъ, 1859 г.; J. Nickles: L'Atlantide de Platon, Нанси, 1865 г.; Roscher, W.: De doctrinae oeconomicopoliticae apud graecos primordiis, Лейпцигъ, 1866; Onken, A.: Staatslehre des Aristoteles, 1870, II; Zübeck. C.: „Plato's Staat“ въ журн. „Neue Gesellschaft“, годъ I, Цюрихъ, 1877/78; Krohn: Der Platonische Staat, 1877; Mërkel, P.: Plato's Jdealstaat. Берлинъ, 1881; Dummler, F.: „Prolegomena zu Plato's Staat“, Базель, 1891; Stein, Ludwig: Plato's Republik, глава 15-ая въ „Die Sociale Frage im Lichte der Philosophie, Штутгартъ, 1897, стр. 198 и слѣд. (есть рус. пер.); Adler Georg, „Plato's Jdealstaat“ въ „Zeitschrift für Socialwis.“, годъ I, тетр. 5, Берлинъ, 1898. Кн. Евг. Трубецкой: Соціальная утопія Платона, М., 1908 г.

II. Ксенофонтъ (444—354 до Р. Х.).

Аѳинянинъ Ксенофонтъ, сынъ Грилла, родился въ тридцатыхъ годахъ V столѣтія, учился у Сократа, но къ „Сократовой семьѣ“ не примкнулъ, не имѣя особой склонности къ философіи [1]). Это, вообще, не была особенно глубокая натура. За то Ксенофонтъ признается выдающимся историкомъ и публицистомъ своего времени [2]). Сочиненіямъ его, написаннымъ настолько прекраснымъ стилемъ, что авторъ былъ прозванъ „аттическою пчелою“, посчастливилось: они всѣ сохранились [3]). Среди многочисленныхъ его работъ (Анабазисъ, Исторія Греціи, Воспоминанія о Сократѣ, Воспитаніе Кира (ок. 362 г. до Р. Х.), Гіеронъ, о верховой ѣздѣ, объ охотѣ, о начальникѣ конницы и т. д.) выдѣляются два трактата, содержащіе экономическіе взгляды автора: во-первыхъ,—„о доходахъ Аѳинъ“ (Πόροι ἢ περὶ προσόδων), во-вторыхъ, — „трактатъ о хозяйствѣ“ (Οἰκονομικός) [4]).

---

[1]) В. Виндельбандъ, слѣдуя Дюммлеру („Academica“—Гисенъ, 1889) относитъ Ксенофонта къ „приближающимся къ циникамъ“- Исторія древней философіи, рус. пер., 4 изд., 1908, стр. 105.

[2]) Хотя многія его историческія указанія нынѣ оспариваются. См. Іоёl, K., Der echte und der Xenophontische Socrates, Лейпцигъ, 1892.

[3]) См. Vogel, G.: Die Oekonomik des Xenophon, Эрлангенъ, 1895, также Sauder: Bemerkungen zu Xenophons Berichten etc., Магдебургъ, 1884.

[4]) Ср. Bruno Hildebrand: Xenophontis et Aristoteles de oeconomia publica doctrinae illustratae, Магдебургъ, 1845, также A. Krohn, Socrates und Xenophon, Галле, 1874. Нѣкоторые (напр. А. Грантъ, Ксенофонтъ, пер. М. Прахова, Спб., 1876, стр. 100) относятъ къ числу сочиненій Ксенофонта трактатъ „Аѳинскую политею“ или „О государствен-

Первое сочиненіе, о доходахъ Аѳинъ, представляетъ собою планъ улучшенія тяжкаго финансоваго положенія родины Ксенофонта, Аттики [1]). Такъ какъ къ его времени главнѣйшій источникъ государственныхъ доходовъ, сборъ съ союзниковъ, уже истощился, то Ксенофонтъ предлагаетъ наводнить страну иностранцами, которые были бы обложены высокою подушною податью по 12 драхмъ съ человѣка, и за это получали бы даровые земельные участки и освобождались бы отъ воинской повинности. Затѣмъ Ксенофонтъ отмѣчаетъ еще три новыхъ источника государственнаго бюджета: 1) поощреніе торговли (торговцевъ и торговыхъ судей), 2) сдачу въ аренду государственныхъ имуществъ (судовъ, гостиницъ, лавокъ и проч.), 3) покупку и продажу рабовъ на серебряные рудники на югѣ Аттики. Для успѣшнаго осуществленія этихъ мѣръ необходимо, кромѣ того, упроченіе вѣчнаго мира, учрежденіе должности комиссара мира и обезпеченіе независимости дельфійскаго храма. Всюду государство должно выступать въ роли крупнаго предпринимателя; въ итогѣ получится такое богатство, что каждому аѳинянину на пропитаніе хватитъ тѣхъ средствъ, которыя удѣлитъ ему государство. Нужда и пауперизмъ исчезнутъ сами собой въ странѣ, если верховное управленіе проникнется изложенными идеями. Въ послѣднихъ нельзя, конечно, не видѣть своего рода наивнаго государственнаго соціализма.

Во второмъ трактатѣ, „Трактатѣ о хозяйствѣ“, въ видѣ діалога между Сократомъ и Кривотуломъ излагаются воззрѣнія Ксенофонта на домоводство и сельское хозяйство. Это нѣчто вродѣ древне-русскаго Домостроя, гдѣ примитивныя хозяй-

---

номъ устройствѣ Аѳинъ“. Этотъ памятникъ, изданный и изслѣдованный у насъ проф. А. Н. Шварцемъ (М., 1891), былъ, повидимому, написанъ какимъ-либо политическимъ противникомъ Перикла въ первой четверти V вѣка. „Въ настоящее время никто не сомнѣвается,—говоритъ проф. В. Бузескулъ,—что это произведеніе не Ксенофонта“. (См. В. Бузескулъ: Исторія Аѳинской демократіи, Спб., 1909, стр. 300, а также его же: „Введеніе въ исторію Греціи“, Харьковъ, 1904, 2-ое изд., стр. 141).

[1]) Оно, кстати сказать, многими признается не за сочиненіе Ксенофонта, а за работу неизвѣстнаго автора, къ тому же, повидимому, и не современника Ксенофонта.

ственныя указанія перемѣшаны съ сомнительными нравственными сентенціями [1]). Этотъ трактатъ былъ переведенъ Цицерономъ на латинскій языкъ.

Но взгляды Ксенофонта двумя приведенными трактатами не исчерпываются. Отдѣльныя, часто цѣнныя замѣчанія по вопросамъ общественной экономіи разбросаны во многихъ другихъ работахъ Ксенофонта, особенно въ „Киропедіи“ и „Меморабиліяхъ“. Изъ этихъ отрывковъ нельзя, конечно, составить какой-либо цѣльной, законченной системы, но они заключаютъ въ себѣ все же нѣкоторыя положенія. Такъ, Ксенофонтъ даетъ опредѣленіе хозяйственной полезности, указывая, что полезностью является то, что удовлетворяетъ какой-либо потребности. Полезность вещи обусловлена, по его мнѣнію, отношеніемъ къ ней человѣка. Кромѣ опредѣленія полезности, какъ того, что можетъ быть такъ или иначе потреблено, т. е. полезности „потребительной“, Ксенофонтъ даетъ и нѣкоторыя указанія на ту роль всякой полезности, которую можно было бы, придерживаясь современной терминологіи, назвать мѣновою цѣнностью. Полезность получаетъ для насъ извѣстное значеніе не только благодаря ея непосредственному потребленію, но и благодаря возможности ея продажи [2]). „То, что кому нибудь полезно,—говоритъ далѣе Ксенофонтъ,—есть предметъ цѣны“. „Для того, кто играетъ на флейтѣ, она представляетъ цѣнное имущество... но для того, кто продаетъ флейты, она является цѣнностью“ [3]).

Однако имъ не указывается въ какомъ отношеніи полезность потребительная стоитъ къ мѣновой цѣнности предмета, опредѣляется ли и въ какой мѣрѣ послѣдняя первой. Онъ ограничивается только замѣчаніями, что мѣновую цѣнность можетъ представлять лишь предметъ, обладающій потребительной цѣнностью.

---

[1]) Экономическое содержаніе Домостроя и тождественной съ нимъ литературы см. въ статьѣ „Наканунѣ меркантилизма“, В. В. Святловскаго, въ сборникѣ его статей „Къ исторіи политической экономіи и статистики въ Россіи“, Спб., 1907 г.

[2]) Орженцкій, Р.: Ученіе о цѣнности у классиковъ и каноницстовъ, Одесса, 1896 г., стр. 142.

[3]) Xenophon: Wirtschaftslehre, uebersetzt von Hodermann, Лейпцигъ (изд. Reclam'a). Этого изданія я здѣсь преимущественно придерживаюсь.

Весьма любопытны его наблюденія надъ измѣненіемъ цѣны продукта, изъ которыхъ онъ вывелъ заключеніе, тождественное тому, которое въ современной наукѣ называется опредѣленіемъ цѣны по соотношенію между спросомъ и предложеніемъ. Онъ констатируетъ тотъ фактъ, что съ увеличеніемъ спроса цѣна вещи повышается, а съ увеличеніемъ предложенія падаетъ [1]). Только одинъ товаръ, по его мнѣнію, представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе—это серебро. Цѣнность серебра, по его убѣжденію, возрастаетъ одновременно съ ростомъ потребности въ немъ. Ксенофонтъ установилъ также тотъ законъ, согласно которому паденіе цѣны на какіе-либо продукты, вызванное производствомъ ихъ въ большомъ количествѣ, отражается въ свою очередь на самомъ производствѣ, заставляя предпринимателей переходить къ другимъ болѣе выгоднымъ дѣламъ и сокращать производство даннаго продукта. По поводу этого взгляда Ксенофонта г. Орженцкій замѣчаетъ, что „если бы къ этому прибавить, что съ уменьшеніемъ предпріятія, количество добываемыхъ предметовъ уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается ихъ предложеніе, что въ свою очередь возвышаетъ ихъ цѣну, то не трудно было бы придти уже къ выводу, что цѣна зависитъ отъ издержекъ производства“ [2]). Однако этого очевиднаго вывода Ксенофонтъ не сдѣлалъ. Еще меньше можно ожидать отъ него правильнаго пониманія роли труда, какъ экономическаго фактора, что вообще является характерной чертой древнихъ воззрѣній на хозяйственную жизнь. Впрочемъ, именно у Ксенофонта въ „Меморабиліяхъ“ есть мѣсто изъ діалоговъ Сократа, въ которомъ дается намекъ на значеніе труда, позволяющаго рабамъ, людямъ низкимъ, оказываться въ иныхъ случаяхъ болѣе полезными, чѣмъ свободные. Содержаніе въ своемъ домѣ свободныхъ гостей можетъ быть для хозяйства болѣе разорительно, чѣмъ содержаніе рабовъ [3]). Но распространенное въ тѣ времена презрѣніе къ труду, „искажаю-

---

[1]) Ксенофонтъ: De vectigalibus, гл. IV, 6. Цитировано по Орженцкому, Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г., стр. 142.

[2]) Орженцкій, Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г., стр. 146.

[3]) Ксенофонтъ: Memorabilia Socratis, кн. II, гл. VII.

щему тѣло тѣхъ, кто предается ему", сдѣлало для Ксенофонта недоступнымъ правильный взглядъ на роль труда въ хозяйствѣ. Объ отношеніи же Ксенофонта къ рабству можно судить по его совѣту налагать на государственныхъ рабовъ государственныя клейма, чтобы ихъ не могли уводить или покупать частныя лица (Трактатъ о доходахъ Аѳинъ). Впрочемъ онъ же въ числѣ обязанностей хозяйки ставитъ и уходъ за больнымъ рабомъ (трактатъ о хозяйствѣ). Ксенофонту принадлежитъ также описаніе системы раздѣленія труда, которое онъ наблюдалъ въ Аѳинахъ. На это описаніе, помѣщенное въ „Киропедіи" (I, VIII, 2), впервые указалъ еще Карлъ Марксъ [1]) и почти дословно привелъ Онкенъ [2]). Вотъ оно: „И это неудивительно, ибо подобно тому, какъ всѣ прочія искусства особенно усовершенствованы въ крупныхъ городахъ, точно также и царскія кушанья несравненны по своему достоинству. Въ мелкихъ городахъ одинъ и тотъ же человѣкъ дѣлаетъ постели, двери, плуги, столы; иногда онъ, кромѣ того, строитъ дома и очень радъ, если онъ имѣетъ достаточное количество подобнаго рода заказовъ, необходимыхъ для поддержанія его жизни, Совершенно невозможно, чтобы человѣкъ, занимающійся столь различными дѣлами, все дѣлалъ хорошо. Но въ крупныхъ городахъ, гдѣ каждый работникъ находитъ многихъ покупателей, ему достаточно знать одно ремесло, чтобы прокормиться. Зачастую даже нѣтъ необходимости знать ремесло въ цѣломъ; но бываетъ такъ, что одинъ дѣлаетъ только мужскіе башмаки, другой только женскіе. Въ отдѣльныхъ случаяхъ одинъ только шьетъ башмаки, другой только кроитъ для нихъ кожу, или одинъ только кроитъ платье, другой лишь соединяетъ вмѣстѣ куски матеріи. Неизбѣжно что тотъ, кто выполняетъ наиболѣе простую работу, выполняетъ ее наиболѣе совершенно. То же самое относится и къ поварскому искусству" (Cyropaedia, I, VIII, гл. 2). „Вниманіе—добавляетъ Марксъ,—обращено здѣсь исключительно на качество потребитель-

[1]) Марксъ, К.: „Капиталъ", т. I, пер. подъ ред. Базарова и Степова. М. 1909, стр. 332, примѣчаніе 81.

[2]) Онкенъ, Ав.: „Исторія политической экономіи", рус. пер. Спб. 1908, стр. 31. Нашъ переводъ взятъ изъ рус. перевода „Капитала", см. предъид. примѣч.

ной стоимости, хотя уже Ксенофонтъ знаетъ, что маштабъ раздѣленія труда зависитъ отъ размѣровъ рынка".

Изъ всѣхъ видовъ хозяйственной дѣятельности Ксенофонтъ съ особымъ сочувствіемъ относится къ земледѣлію. Оно, по мнѣнію Ксенофонта, усиливаетъ патріотизмъ, религіозность и любовь къ собственности. Земледѣліе есть одинъ изъ немногихъ родовъ занятій, оставляющихъ досугъ для умственной и общественной дѣятельности.

Съ точки зрѣнія исторіи экономическихъ воззрѣній, едва ли не главнѣйшей заслугой Ксенофонта необходимо признать его попытку расчленить экономическіе взгляды на рядъ самостоятельныхъ отдѣловъ. Нѣсколько расширилъ и съ нѣсколько большей свободой возобновилъ ту же попытку Аристотель.

Кромѣ изложенныхъ выше трактатовъ, можно разсматривать и „Киропедію", какъ сочиненіе, гдѣ отразились не только историческіе, но и соціально-экономическіе взгляды Ксенофонта, если принимать, конечно, что Киропедія нравоучительный историко-утопическій романъ [1]). Но Киропедія меркнетъ передъ Государствомъ Платона и воскрешается впервые для подражаній почти спустя два тысячелѣтія французомъ Фенелономъ (Телемакъ).

Литература о **Ксенофонтѣ**. Наиболѣе старый переводъ сочиненій Ксенофонта на европейскіе языки—переводъ французскій. Первый и лучшій принадлежитъ Тори (Maistre Geoffroy Tory de Bourges) и появился въ Парижѣ въ 1531 году. Онъ былъ переизданъ дважды: въ 1539 и въ 1905 годахъ. Въ послѣднемъ изданіи, подъ заглавіемъ: „L'Economie de Xénophon" и подъ редакціею Миноса, въ изданіи Boulinier, Парижъ, 1905 г. Здѣсь же указаны и другіе французскіе переводы: 1562 года—

---

[1]) Такъ дѣлаютъ, напримѣръ, Ф. Клейнвехтеръ въ Staatsromane. Вѣна, 1891, стр. 8, и Кирхгеймъ: „Вѣчная утопія", рус. пер. Спб. 1902, стр. 20 и примѣч. 4-ое, стр. 208. Впрочемъ, по этому вопросу, а равно по разбору Киропедіи существуетъ цѣлая литература. Ср. Butter: Was ist die Cyropädie? 1853. Nicolai: Xenophon's Cyropädie und seine Ansichten vom Staate, Прага, 1867. Hémandiquez: La Cyropédie, Парижъ, 1872. Lohle: Einfluss der lacedaemonischen Verfassung und die Cyropädie, 1876, и др.

F. de Ferris'a, 1572 г. — Estienne de la Boétie и др. Лучшій англійскій переводъ H. A. Holden: The Oeconomicus of Xenophon with introduction, summaries critical and explanatory notes etc., 5-ое изд., 1895. Нѣмецкій переводъ сдѣланъ Максомъ Гозерманомъ: „Xenophons Wirtschaftslehre", Лейпцигъ (изд. Реклама), а собранія сочиненій выходили трижды (1790—1894, 1828, 1865). Русскій переводъ Янчевецкаго. Оцѣнка Ксенофонта, какъ экономиста, была сдѣлана Фогелемъ въ его работѣ „Die Oekonomik des Xenophon", Eine Vorarbeit für die Geschichte der griechischen Oekonomik, Эрлангенъ, 1895. Раньше о немъ писалъ Bruno Hildebrand: Xenophontis et Aristotelis de oekonomia publica doctrinae illustratae, Марбургъ, 1845. G. Sauppe: Lexicologus Xenophonteus, Лейпцигъ, 1869. Ad. Front de Fonpertuis: „Filiation des idées économiques dans l'antiquité etc. въ жур. „Jour. des économistes", сентябрь 1871 и слѣд. E. Richter: Kritische Untersuchungen etc., 1873. Victor Brants: „Xenophon économiste" въ „Revue catholique de Louvain", 1881 г. E. Richter: Xenophon-Studien, 1892 и др.

III. Аристотель (384—322 до Р. Х.).

Аристотеля иногда называютъ отцомъ политической экономіи, какъ науки. Это нужно понимать условно. Если разсматривать его работы съ формальной стороны, не вглядываясь въ существо его воззрѣній и держась только той постановки вопросовъ, какая дана самимъ Аристотелемъ, то нельзя признать его даже экономистомъ: у него нѣтъ научно-систематизированнаго обсужденія экономическихъ проблемъ. Но если сдѣлать такъ, какъ, напримѣръ, рекомендуетъ профессоръ Августъ Онкенъ [1]), т. е. принять во вниманіе всю силу сужденія Аристотеля по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, то нельзя не признать, что названіе отца политической экономіи имѣетъ за себя многое. Напримѣръ, въ сочиненіяхъ Аристотеля можно найти болѣе или менѣе точныя опредѣленія понятій полезности, цѣнности, различныхъ видовъ труда и пр., т. е. то, что представляется центральнымъ въ современной экономической теоріи. Экономическіе взгляды Аристотеля разбросаны въ различныхъ мѣстахъ „Этики“, „Политики“ и (не аристотелевской) „Экономики“. Что же касается послѣдней, то она хотя и не можетъ разсматриваться какъ подлинное произведеніе, такъ какъ до насъ дошелъ только рядъ отрывковъ, преимущественно въ переводѣ на латинскій языкъ [2]), тѣмъ не менѣе проникнута логическимъ развитіемъ его идей. Затѣмъ, въ „Этикѣ“ экономическіе вопросы разсматриваются лишь попутно, поскольку Аристотель вообще почти

[1]) Onken., A.: Die Staatslehre des Aristoteles, 2 т., Лейпцигъ, 1870—75.

[2]) При этомъ первый отрывокъ—несомнѣнное произведеніе Перипатетической школы—значительно цѣннѣе второго. См. Ed. Zeller: Die Philosophie der Griechen, 3 изд., часть II, стр. 994.

не разграничиваетъ сферы экономіи отъ вопросовъ морали [1]). Наконецъ, основной работой является „Политика“ [2]).

Общею характерною особенностью экономическихъ воззрѣній Аристотеля является недопустимое, съ современной точки зрѣнія, смѣшеніе проблемъ экономической съ моральной. Такъ, въ опредѣленіяхъ экономическихъ понятій у Аристотеля существенную роль играютъ признаки не только чисто-хозяйственные, но и этическіе. Аристотель не возвысился до теоретическаго отвлеченія хозяйственныхъ задачъ отъ всей совокупности задачъ общественно-моральнаго характера и далъ вмѣсто политической экономіи скорѣе экономическую этику. Поэтому, устанавливая тѣ или иные принципы экономическаго порядка, онъ всегда имѣетъ въ виду задачи болѣе широкія, чѣмъ собственно задачи хозяйства. Отсюда, напримѣръ, опредѣляя благо вообще, онъ причисляетъ къ числу благъ, обладаніе которыми составляетъ богатство,—счастье, справедливость, мужество, умѣренность, здоровье, дружбу, красоту и т. д. И когда имъ оцѣнивается значеніе торговли и осуждается злоупотребленіе накопленіемъ богатства, то это дѣлается во имя общаго благополучія государства, благополучія, понимаемаго въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ благополучіе экономическое.

Другой столь же общей характерной особенностью Аристотеля является отсутствіе отчетливаго представленія о различіи между

---

[1]) Въ „Никомаховой этикѣ“ экономическіе вопросы затрагиваются въ части IV (въ гл. I, § 2, описывается богатство, какъ нѣчто, что измѣряется деньгами) и особенно въ части V (преимущественно гл. 5).

[2]) Есть, кромѣ того, нѣсколько мѣстъ, посвященныхъ опредѣленію блага и полезности въ „Риторикѣ“. Недавно было найдено еще одно произведеніе Аристотеля, въ которомъ затронуты также и экономическіе вопросы: „Ἀθηναίων πολιτεία“. Оно было издано въ Англіи (Aristotle on the constitution of Athens, 2 изд. Kenyon, Оксфордъ, 1891); затѣмъ, въ Германіи и, наконецъ, у насъ—переводъ Н. Шубина въ Жур. М. Н. Пр. за 1891 г. и переводъ и изданіе А. Ловягина, Спб., 1895 г.; теперь ему посвященъ цѣлый рядъ статей, но всѣ онѣ касаются почти исключительно его значенія для исторіи. Нѣтъ сочиненія, посвященнаго изслѣдованію содержанія этого отрывка съ экономической точки зрѣнія, за исключеніемъ монографіи В. Бузескула: Аѳинская политія Аристотеля, какъ источникъ для изученія государственнаго строя Аѳинянъ, Харьковъ, 1905 г. См. также Bethge, R.: Die neuaufgefundene Schrift des Aristoteles, въ „Die Gegenwart“, Берлинъ, 13 іюня 1891.

частнымъ и народнымъ хозяйствомъ. Правда, онъ въ иныхъ случаяхъ совершенно ясно понимаетъ, что выгодное для частнаго хозяйства можетъ оказаться непріемлемымъ съ точки зрѣнія хозяйства народнаго. Такъ, признавая монополію [1]) однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ обогащенія для частнаго лица, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ ее, какъ вредное для народной жизни явленіе. Конечно, желательнаго намъ строгаго разграниченія задачъ частнаго хозяйства отъ задачъ политико-экономическихъ и нельзя было бы ожидать отъ мыслителя той эпохи, когда общенаціональная жизнь еще сама не приводила къ идеѣ народнаго хозяйства, какъ особаго объекта изслѣдованія [2]). Послѣднее тѣмъ болѣе стушевалось передъ умственнымъ взоромъ философа, что къ установленію нѣкоторыхъ экономическихъ понятій Аристотель часто приходитъ лишь при разработкѣ вопросовъ домоводства; отсюда, напримѣръ, ясно, что богатство у него всегда почти понимается, какъ богатство того или иного отдѣльнаго лица, а не какъ богатство національное [3]), хотя, впрочемъ, точность требуетъ указать, что различіе между управленіемъ государствомъ и управленіемъ домомъ имъ уже отмѣчается (въ I гл. книги „Политика“). Здѣсь въ своихъ построеніяхъ Аристотель имѣлъ въ виду богатство, какъ совокупность предметовъ, необходимыхъ для поддержанія жизни, или полезныхъ „для государства“, или „для домоводства“.

[1]) Аристотель уже употребляетъ этотъ терминъ („Политика“, I, 11).

[2]) Ингремъ, впрочемъ, говоритъ, что „у насъ есть нѣкоторыя указанія на то, что Аристотель, подобно физіократамъ XVIII вѣка, держался того ложнаго взгляда, будто одно земледѣліе дѣйствительно производительно, всѣ же другія отрасли производства только придаютъ продуктамъ иную форму, или распредѣляютъ ихъ при посредствѣ обмѣна, и какъ бы полезны они ни были, все же ничего не прибавляютъ къ богатству общества“ (Ингремъ, „Исторія политической экономіи“, рус. пер., 2 изд., М., 1898 г., стр. 24). Эта точка зрѣнія предполагаетъ уже нѣкоторое пониманіе разсматриваемаго различія, такъ какъ Аристотель хорошо зналъ, что богатство частнаго лица можетъ увеличиться даже отъ участія его въ обмѣнѣ.

[3]) Подъ οἰκονομικὴ Аристотель въ Никомаховой этикѣ (часть VI, гл. 8, § 3) понимаетъ практическое искусство управленія домоводствомъ, ту практическую мудрость (φρόνησις), которая прикладывается къ домашнему хозяйству (οἰκία). Это домоводство, согласно Политикѣ (I, 2), включаетъ отношенія между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, хозяиномъ и рабами.

Богатство, πλοῦτος, по Аристотелю, состоитъ изъ благъ, въ число которыхъ входятъ и всѣ экономическія блага [1]). Пріобрѣтеніе этихъ благъ и составляетъ задачу хозяйственной дѣятельности. Аристотель различаетъ два основныхъ способа пріобрѣтенія богатствъ. Оно достигается: 1) путемъ присвоенія естественныхъ продуктовъ земли и 2) путемъ искусственнаго созданія благъ помощью обмѣна (μεταβλητική). Необходимость обмѣна объясняется Аристотелемъ какъ слѣдствіе того факта, что „нѣкоторыхъ предметовъ бываетъ у людей больше, а нѣкоторыхъ меньше, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія потребностей“ [2]). Эта необходимость обмѣна, первоначально происходившаго въ формѣ простой непосредственной передачи одного предмета взамѣнъ другого, привела впослѣдствіи къ развитію торговли. Слишкомъ широкое пользованіе вторымъ способомъ, часто приводящее къ накопленію богатствъ свыше мѣры, необходимой для вполнѣ благополучнаго существованія, Аристотелемъ осуждается. Въ этомъ сказывается не только опредѣленное моральное міросозерцаніе, но отчасти и тотъ взглядъ, что обмѣнъ самъ по себѣ не можетъ приводить къ дѣйствительному созданію новыхъ благъ. Аристотель склоняется даже къ воззрѣнію, напоминающему будущее ученіе физіократовъ, такъ какъ есть намеки на то, что единственно производительнымъ трудомъ онъ считалъ присвоеніе естественныхъ продуктовъ земли, производство же всѣхъ другихъ видовъ цѣнности разсматривалось имъ какъ видоизмѣненіе формы, ничего не прибавляющее къ богатству. Характерно для того времени, что къ естественнымъ способамъ пріобрѣтенія богатствъ, на ряду съ охотой, рыбной ловлей, земледѣліемъ, скотоводствомъ и разбойничествомъ, онъ причисляетъ также войну.

Ученіе объ искусственномъ пріобрѣтеніи благъ Аристотель называетъ хрематистикою, χρηματιστική [3]). Въ послѣдней онъ, какъ мы только что видѣли выше, устанавливаетъ два вида обмѣна.

---

[1]) При этомъ богатство, πλοῦτος, есть совокупность „нѣкотораго количества инструментовъ для домоводства или государства“.

[2]) Аристотель: „Политика“, I кн., изд. въ переводѣ Скворцова, 1865 г., стр. 27. Этимъ переводомъ я и пользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

[3]) Она отличается и отъ πολιτική и отъ οἰκονομική.

Обмѣнъ можетъ имѣть цѣлью пріобрѣтеніе тѣхъ благъ, которыя нельзя было въ достаточномъ количествѣ получить путемъ естественнаго пріобрѣтенія, но въ которыхъ ощущается потребность. Этотъ видъ обмѣна является лишь продолженіемъ дѣла естественнаго пріобрѣтенія. Но обмѣнъ можетъ имѣть въ виду, кромѣ того, пріобрѣтеніе благъ для перепродажи и полученія барыша. Этотъ второй родъ хрематистики можетъ служить источникомъ безграничнаго обогащенія и потому долженъ подчиняться сдерживающимъ велѣніямъ разума.

Аристотель подходитъ также къ вопросу о томъ, чѣмъ опредѣляется цѣнность вещи, и въ этомъ отношеніи, несмотря на всѣ недочеты посвященныхъ этому важному вопросу разсужденій, устанавливаетъ все же нѣкоторыя общія положенія, приближающіяся къ чисто научному разрѣшенію проблемы, и если сужденія Аристотеля о цѣнности, съ нашей современной точки зрѣнія, приподнявшей этотъ вопросъ на чрезмѣрную высоту, оказываются несостоятельными, то въ нихъ, во всякомъ случаѣ, уже намѣчаются тѣ пути, по которымъ шло дальнѣйшее развитіе ученія о цѣнности. Аристотель ясно различаетъ цѣнность мѣновую и цѣнность потребительную и на этомъ не останавливается. Судя по нѣкоторымъ опредѣленіямъ, общею мѣрою цѣнности для Аристотеля является полезность предмета, его χρεία. Полезность же предмета обусловливается потребностью въ немъ. Но это не единственный критерій цѣнности. Наряду съ полезностью, Аристотель указываетъ на два другихъ критерія цѣнности въ зависимости 1) отъ степени его рѣдкости и 2) отъ трудности добыванія. „Благо, которое отличается рѣдкостью,—говоритъ Аристотель,—превосходитъ благо, имѣющееся въ изобиліи“. Въ то же время, однако, онъ не упускаетъ изъ виду, что болѣе рѣдкій предметъ можетъ удовлетворять менѣе настоятельную потребность, чѣмъ имѣющійся въ изобиліи, и что, слѣдовательно, опредѣленіе цѣнности по потребности не совпадаетъ съ опредѣленіемъ по рѣдкости. Самая потребность въ предметѣ, его значеніе для насъ, можетъ обусловливаться отчасти и его количествомъ. Орженцкій, говоря объ опредѣленіи Аристотелемъ критерія цѣнности, приписываетъ философу заслугу изложенія различія между родовою полезностью

какихъ-нибудь предметовъ и полезностью конкретной ихъ части, въ зависимости отъ общаго количества предметовъ [1]). Онъ поясняетъ эту мысль примѣрами, взятыми у самаго Аристотеля. „Желѣзо, вообще, полезнѣе золота, если понимать полезность въ смыслѣ всей совокупности примѣненій того или другого рода предметовъ; но обладаніе даннымъ количествомъ золота неизмѣримо важнѣе такового же обладанія желѣзомъ, благодаря тому, что желѣза имѣется большое количество, тогда какъ золота—крайне ограниченное; чѣмъ больше общее количество полезныхъ предметовъ, тѣмъ меньше значеніе данной ихъ мѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ больше общая сумма удовлетворяемыхъ этими предметами потребностей". „Въ этихъ взглядахъ,—замѣчаетъ Орженцкій,—не трудно увидѣть тѣ основныя положенія, логическое развитіе которыхъ приводитъ къ понятію такъ называемой предѣльной полезности". Конечно, замѣтить это трудно, но сходство съ будущей теоріей субъективной школы вообще,—а не съ теоріей предѣльной полезности въ частности,—намѣтить у Аристотеля возможно.

Полезность предмета является также опредѣляющимъ началомъ и въ процессѣ обмѣна его на другой предметъ. Пріобрѣтеніе благъ путемъ обмѣна приводитъ къ необходимости устанавливать между ними извѣстное соотношеніе. Вопросъ о томъ, какъ устанавливается это соотношеніе, рѣшается Аристотелемъ въ связи съ вопросомъ о справедливомъ распредѣленіи благъ между членами государства. Такая постановка его значительно затрудняетъ смыслъ самого его разрѣшенія. Примѣшивая къ чисто экономическому изслѣдованію соображенія, исходящія изъ теоріи справедливости, развиваемой имъ очень подробно, Аристотель отклоняется отъ единственно правильнаго въ этомъ случаѣ пути и приходитъ къ результатамъ, разобраться въ которыхъ представляется дѣломъ нелегкимъ. Неудивительно, поэтому, что толкованіе взглядовъ Аристотеля на обмѣнъ вызываетъ столь серьезныя разногласія [2]).

---

[1]) Р. Орженцкій, Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896 г., стр. 150.

[2]) Болѣе подробно останавливается на ученіи о сравненіи обмѣниваемыхъ благъ у Аристотеля Орженцкій въ цитированной выше книгѣ. Онъ приводитъ, между прочимъ, мнѣніе Alessio, полагающаго,

Повидимому, задача выясненія основаній обмѣна еще вообще не была достаточно сознана Аристотелемъ. Онъ удѣляетъ больше вниманія, такъ сказать, описательной сторонѣ, характеризуя самый процессъ обмѣна, независимо отъ его принципіальнаго содержанія. Вотъ почему, какъ мнѣ кажется, онъ считаетъ возможнымъ въ отвѣтъ на вопросъ о сравненіи благъ между собою ограничиться указаніемъ на практическое средство, облегчающее въ сознаніи обмѣнивающихся это сравненіе, т. е. указаніемъ на то, что соотношеніе между благами опредѣляется деньгами. Деньги, νόμισμα— представляютъ собою, во-первыхъ (по Никомаховой Этикѣ), нѣчто, что дѣлаетъ „всѣ вещи сравнимыми“ — πάντα ποιεῖ σύμμετρα, во-вторыхъ (по Политикѣ) нѣчто, чѣмъ измѣряется какъ значеніе тѣхъ предметовъ, которыхъ у насъ больше, чѣмъ надо, такъ и потребность въ тѣхъ, которыхъ у насъ недостаетъ. Однако же и значеніе денегъ, какъ орудія обмѣна, Аристотелемъ не выяснено вполнѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ, какъ мы увидимъ ниже, его отношеніе къ вопросу о взиманіи процентовъ. Употребленіе денегъ, по мнѣнію Аристотеля, вошло въ обычай, когда „разныя страны почувствовали надобность взаимной помощи для привоза въ одну изъ нихъ того, чего въ ней недостаетъ, и для вывоза изъ нея того, въ чемъ у нея избытокъ“ [1]).

„Вмѣсто мѣры вещей натурою,—говоритъ онъ,—люди согла-

что Аристотель устанавливаетъ весьма простую схему для сравненія благъ. „Одинъ продуктъ,—говоритъ Alessio,—обмѣнивается на другой въ такомъ же отношеніи, въ какомъ потребности одного производителя относятся къ потребностямъ другого“. Подобное выраженіе Аристотелева закона цѣнности Орженцкій считаетъ абсолютно невѣрнымъ. Столь же невѣрно и то толкованіе, къ которому прибѣгаетъ Стюартъ и которое приписываетъ Аристотелю мысль о соотвѣтствіи отношенія между обмѣниваемыми благами съ отношеніемъ между количествами затраченнаго для производства этихъ благъ труда. Орженцкій держится того мнѣнія, что Аристотель ограничивается указаніемъ на оцѣнку той полезности, какую представляютъ избыточные и недостающіе предметы, какъ на основанія установленія ихъ цѣнности, но не развиваетъ этого положенія. Аристотель, по его словамъ, не показалъ какимъ образомъ возможенъ переходъ отъ субъективной оцѣнки предмета на основаніи его полезности къ объективной цѣнѣ вещи, для всѣхъ одинаковой. Ученіе Аристотеля въ этомъ пунктѣ оказывается неполнымъ и незаконченнымъ.

[1]) Аристотель, „Политика“, пер. Скворцова, изд. 1865 г., стр. 28.

сились давать и получать за предметы нѣчто такое, что, будучи цѣнно, имѣетъ ту выгоду передъ прочими предметами, что оно удобно для обращенія; таковы мѣдь и серебро или что-нибудь другое подобное". Понимая, что для того, чтобы стать орудіемъ обмѣна, деньги должны быть сдѣланы изъ вещества, которое, само по себѣ, представляетъ извѣстную цѣнность, онъ однако же считаетъ ихъ совершенно лишенными значенія внѣ обмѣна. „Сами по себѣ деньги,—говоритъ онъ,—суть совершенные пустяки и имѣютъ лишь значеніе условное". Какъ будто прямо въ назиданіе меркантилистамъ новыхъ вѣковъ высказываетъ Аристотель слѣдующее положеніе: „тѣ, которые правильно понимаютъ богатство, ищутъ иного богатства (не исключительнаго накопленія денегъ), иного пріобрѣтенія и, дѣйствительно, есть иного рода пріобрѣтеніе, иного рода богатство—богатство естественное" [1]). „Какъ только вслѣдствіе необходимыхъ условій мѣновой торговли изобрѣтена была монета,—говоритъ Аристотель,—появился новый видъ пріобрѣтенія богатства—торговля съ барышемъ. Богатство стали полагать во множествѣ денегъ".

Торговля вообще признается Аристотелемъ дѣломъ полезнымъ, но лишь въ томъ случаѣ, если ее не дѣлаютъ средствомъ пріобрѣтенія безграничныхъ богатствъ и роскоши. Онъ устанавливаетъ три вида торговли, при чемъ причисляетъ къ нимъ и такія явленія, какъ заработную плату и полученіе прибыли на капиталъ. Получается слѣдующая схема „искуственной хрематистики" по терминологіи Аристотеля: 1) торговля (ἐμπορία—коммерція и καπηλικὴ—торгъ) морская, сухопутная и мелочная, 2) отдача денегъ въ ростъ (τοκισμός, ὀβολοστατικὴ) — взиманіе процентовъ и 3) наемничество — μισθαρνία, — плата за трудъ. Признавая законность перваго и послѣдняго видовъ торговли, Аристотель весьма недружелюбно относится къ взиманію процентовъ. „Изъ самой природы богатства, слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—что каждый видъ богатства долженъ быть ограниченъ извѣстными предѣлами. Взиманіе же процентовъ означаетъ стремленіе безпредѣльно увеличивать богатство". Въ этомъ случаѣ пріобрѣтеніе

[1]) Аристотель, „Политика", пер. Скворцова, изд. 1865 г., стр. 29.

денегъ, которыя всегда должны оставаться только средствомъ, обращается, по мнѣнію Аристотеля, въ цѣль. „Ростовщичество, по всей справедливости, заслуживаетъ презрѣнія, такъ какъ прибыль получается здѣсь отъ самихъ денегъ; слѣдовательно, деньги употребляются не на то, для чего они изобрѣтены. Онѣ изобрѣтены только для удобства мѣны. а ростъ умножаетъ ихъ самихъ. Рожденное обыкновенно бываетъ только подобіемъ родившаго его, а посредствомъ роста изъ денегъ рождаются тѣ же деньги“ [1]). „Деньги не родятъ денегъ“. Такимъ образомъ, ростовщичество оказывается „дѣломъ неестественнымъ“. Здѣсь Аристотель смѣшиваетъ, какъ замѣчаетъ А. Онкенъ [2]), процентъ и agio. Онъ не видитъ того, что предоставленіе пользованія извѣстной суммой денегъ, какъ капиталомъ, даетъ право на вознагражденіе. „Именно изъ того соображенія,—говоритъ Онкенъ,—что деньги сами по себѣ служатъ лишь знакомъ богатства, а не богатствомъ, Аристотель могъ бы заключить, что процентъ можетъ являться и обыкновенно является вознагражденіемъ за представляемое деньгами богатство“.

Для Аристотеля эта ошибка едва ли извинительна, такъ какъ въ его время въ Аѳинахъ уже существовало капиталистическое хозяйство.

Установить правильный взглядъ на абстрактное содержаніе мѣновой сдѣлки и на многія другія стороны хозяйственной дѣятельности Аристотелю помѣшало его типичное для древней Греціи пониманіе сущности и значенія труда. Презрительное отношеніе къ дѣятельности, имѣющей въ виду производство матеріальныхъ благъ, было совершенно понятно въ тѣ времена, когда свободные люди считали ее вообще несовмѣстимой со свободной жизнью и участіемъ въ государственныхъ дѣлахъ. Въ V книгѣ Политики Аристотель останавливается на значеніи такъ называемыхъ ремесленническихъ занятій и занятій свободныхъ. „Ремесленническимъ занятіемъ,—говоритъ онъ,—должно называть такое занятіе и такія

---

[1]) Аристотель, „Политика“, стр. 33. Въ Никомаховой этикѣ онъ говоритъ: ὁ δὲ χρηματιστὴς βιὸς τίς ἐστιν (Этика, 1, 5).

[2]) Онкенъ: Geschichte der Nationaloekonomie, B. I., vor A. Smith, Лейпцигъ, 1902, гл. I, § 2, стр. 43.

искусства и знанія, которыя или тѣло, или душу, или мышленіе людей свободныхъ дѣлаютъ неспособными къ добродѣтельной дѣятельности“ [1]). Это опредѣленіе не даетъ въ сущности никакихъ указаній на то, какой родъ дѣятельности относится имъ къ ремесленничеству, а скорѣе является выраженіемъ его отрицательнаго отношенія ко всякому несвободному труду. Онъ даже подчеркиваетъ ту мысль, что здѣсь имѣется въ виду не столько самое содержаніе той или иной работы, сколько ея несвобода. „Большая разница въ томъ,—говоритъ онъ,—съ какою цѣлью кто что-либо дѣлаетъ или изучаетъ: если для себя, или для друзей, или просто изъ добродѣтели, то въ такомъ случаѣ никакое занятіе не недостойно свободнаго человѣка; а если то же самое дѣло дѣлаетъ кто-либо по волѣ другихъ, то въ этомъ случаѣ, кажется, онъ работаетъ какъ наемникъ и рабъ“. Съ этой только точки зрѣнія онъ и производитъ классификацію различныхъ видовъ труда. По его мнѣнію, можетъ быть нѣсколько видовъ труда: 1) самый искусcный, т. е. такой, который требуетъ знанія и искусства, 2) ремесленный (βαναυσὲτατος), который обезображиваетъ тѣло, 3) самый „рабскій“, для котораго достаточно одной физической силы, 4) презрѣннѣйшій, не требующій никакой доблести. Для рабскаго труда самой природой предназначены особые индивиды, полезные только своимъ тѣломъ—рабы. На рабовъ Аристотель смотрѣлъ, согласно съ господствовавшими въ его время воззрѣніями и вопреки мнѣніямъ нѣкоторыхъ софистовъ, только какъ на орудіе производства. „Для успѣха каждаго дѣла,—аргументируетъ свой взглядъ философъ,—необходимо должны быть спеціальныя средства; такъ и для хозяйственныхъ цѣлей необходимо должны быть извѣстныя средства. Эти средства двоякаго рода: одни неодушевленныя, а другія одушевленныя.... Рабъ, какъ и всякій вообще слуга, будучи одушевленнымъ имуществомъ, есть лучшее средство для разныхъ потребностей жизни“ [2]).

Вопросъ о законности рабства очень занималъ Аристотеля, тѣмъ болѣе, что ему приходилось полемизировать съ мыслителями, отрицавшими рабство. „Нѣкоторые думаютъ, — говоритъ

[1]) Аристотель, „Политика“, стр. 226.
[2]) Аристотель, „Политика“, I кн., стр. 13.

Аристотель,—что пользоваться господскою властью противоестественно, потому что рабъ и свободный... по природѣ своей ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга“ [1]). Этотъ взглядъ онъ считаетъ несостоятельнымъ, такъ какъ, принявъ его, пришлось бы лишить свободныхъ людей необходимаго для нихъ досуга. Хорошо пользоваться досугомъ—такова задача свободнаго человѣка; и съ другой стороны только свободный по природѣ человѣкъ можетъ пользоваться досугомъ съ пользою для государства. Безъ рабовъ можно было бы обойтись лишь въ томъ случаѣ, если бы, напримѣръ, ткацкій челнокъ могъ вертѣться самъ, а плектры сами играли на цитрѣ. Однако было бы ошибочно думать, будто Аристотель не пытался ввести никакихъ коррективовъ въ обычное для того времени представленіе о рабствѣ и будто онъ заодно со всѣми наивно мыслящими людьми своей эпохи считалъ всякаго, кто по тѣмъ или другимъ причинамъ попадалъ въ положеніе раба, дѣйствительно предназначеннымъ къ тому самой природой; онъ различаетъ рабовъ по природѣ отъ рабовъ по закону. Рабы по закону могутъ, конечно, не быть рабами по природѣ. Отношеніе власти и подчиненности принадлежитъ къ числу необходимыхъ, слѣдовательно, природою установленныхъ условій общественнаго быта. „По природѣ рабъ тотъ, кто способенъ принадлежать другому, и тотъ, кто настолько лишь причастенъ разуму, чтобы понимать разумное, а не настолько, чтобы самому обладать разумомъ... Справедливо и нормально, чтобы одинъ былъ въ подчиненіи, а другой властвовалъ“. „Въ отношеніяхъ между рабомъ и господиномъ, если каждый изъ нихъ таковъ по природѣ, имѣютъ мѣсто, какъ взаимная польза, такъ и взаимная дружба. Противоположныя слѣдствія бываютъ тогда, когда эти отношенія обусловливаются не природою лицъ, но закономъ и силою“ [2]). При этомъ Аристотель увѣренъ, что только разумное и человѣчное отношеніе къ рабамъ можетъ дѣлать обладаніе ими полезнымъ. „Дурная власть, какъ и дурное повиновеніе, не полезны ни для властвующаго, ни для подчиненнаго“. Аристотель не замѣчалъ однако же того, что если даже признать существованіе природныхъ рабовъ, то все же фактически суще-

[1]) Аристотель, „Политика“, I кн., стр. 12.
[2]) Тамъ же, стр. 21.

ствовавшее дѣленіе людей на свободныхъ и рабовъ до такой степени мало опредѣлялось устанавливаемыми имъ признаками, что доводы, приводимые имъ въ защиту рабства, отнюдь не могутъ считаться убѣдительными. Въ лучшемъ случаѣ его теорія могла бы опровергнуть лишь тотъ приводимый имъ доводъ противниковъ рабства, что люди отъ природы равны. Но это одно положеніе еще не заключаетъ въ себѣ всего, что могли имѣть противъ рабства современники Аристотеля. Такъ напримѣръ, философъ Митродоръ, какъ о томъ сообщаетъ со словъ Аоинея въ комментаріи къ политикѣ Аристотеля его русскій переводчикъ, считалъ рабовъ, прежде всего, „невыгодною собственностью.“ Алкидамъ требовалъ полнаго уничтоженія рабства. Софисты и циники вообще устанавливали идею полной свободы каждой личности и осуждали рабство съ точки зрѣнія, опроверженія которой Аристотелю во всякомъ случаѣ дать не удалось.

Исходя изъ ассоціацій, связывающихъ трудъ вообще съ представленіемъ о природномъ рабствѣ, т. е. со сравнительно низшимъ нравственнымъ состояніемъ человѣка, Аристотель не допускаетъ мысли, чтобы свободные граждане основаннаго на добродѣтели государства могли заниматься ремеслами или промышленностью. Они не должны быть даже земледѣльцами, такъ какъ такая жизнь противна добродѣтели. „Для развитія начала добродѣтели и для политической дѣятельности имъ необходимъ философскій досугъ“. Всѣ работы должны быть предоставлены рабамъ, ремесленникамъ (свободнымъ?) и всѣмъ тѣмъ, „дѣятельность которыхъ не состоитъ въ разработкѣ элементовъ ихъ нравственной природы и которые не составляютъ собой существенной части государства“, т. е. не являются даже гражданами въ строгомъ смыслѣ этого слова. Однако классъ людей, составляющихъ гражданъ и нуждающихся для развитія добродѣтели въ досугѣ и въ свободѣ отъ хозяйственной дѣятельности, не освобождается Аристотелемъ отъ обладанія собственностью. Этому классу должна принадлежать вся земельная собственность. „Земледѣльцами же должны быть рабы, періеки и варвары“ [1]). Такимъ

[1]) Тамъ же, стр. 195.

образомъ, по Аристотелю, всякая исполнительная хозяйственная дѣятельность антитеза „философскому досугу, единственно достойному дѣлу“ свободныхъ. Хозяйствованіе вообще—безнравственно и низменно. Впрочемъ, встрѣчаются мѣста (наприм. кн. I, гл. 5, § 3), смягчающія категоричность этого сужденія.

Что касается столь занимавшаго умы современниковъ Аристотеля вопроса о формахъ землевладѣнія, то онъ сводится философомъ къ другому: отдать ли предпочтеніе общинному или частному землевладѣнію? Отношеніе Аристотеля къ этому вопросу не отличается опредѣленностью, если не считать за окончательное рѣшеніе тотъ проектъ раздѣленія земель, который предлагается Аристотелемъ въ IX главѣ IV книги Политики. Въ общемъ, а это и типично,—Аристотель не рѣшается отдать абсолютное предпочтеніе той или другой формѣ. Въ данномъ случаѣ Аристотель исходитъ изъ того положенія, что человѣку свойственны эгоистическая жажда собственности и альтруистическія чувства („каждому пріятно оказать какую-нибудь услугу и помощь своимъ друзьямъ, знакомымъ и другимъ ближнимъ“), что дѣлаетъ болѣе предпочтительнымъ для человѣка частное владѣніе, хотя есть нѣкоторыя условія, въ силу которыхъ бываетъ необходимымъ допустить иногда общинное владѣніе землей. Поэтому Аристотель готовъ рекомендовать въ иныхъ случаяхъ общинное, а въ иныхъ частное землевладѣніе, а въ иныхъ и соединеніе той и другой формы вмѣстѣ. При этой нерѣшительности Аристотель, тѣмъ не менѣе, рѣзко расходится съ Платономъ въ оцѣнкѣ такъ называемой общности имуществъ. Ему кажется, что общинное владѣніе землей необходимо сопряжено съ внутренними раздорами. „Землевладѣніе только частью должно быть общиннымъ, вообще же оно должно быть частнымъ“, такъ какъ въ этомъ случаѣ „раздѣльные интересы гражданъ не будутъ служить поводомъ къ неудовольствію ихъ другъ другомъ“ [1]). Особенно симпатичнымъ представляется для Аристотеля тотъ порядокъ, когда при частномъ владѣніи землепользованіе остается общимъ. „Допуская дружеское общеніе въ пользованіи имуществомъ, мы высказались противъ общиннаго владѣнія“. Упомянутый выше проектъ устройства земельныхъ отношеній заключается въ томъ,

[1]) Тамъ же, стр. 54.

чтобы вся страна „раздѣлена была на двѣ части, изъ которыхъ одна должна быть въ общемъ владѣніи гражданъ, а другая принадлежала частнымъ владѣльцамъ“ [1]). „Тѣ изъ земледѣльцевъ, которые поселены на общественномъ полѣ, должны принадлежать цѣлому обществу, а поселенные на земляхъ частныхъ владѣльцевъ—должны быть собственностью этихъ владѣльцевъ“.

Самую лучшую форму хозяйственнаго существованія Аристотель усматриваетъ въ земледѣльческомъ государствѣ. Въ „Политикѣ“ имъ указываются даже всѣ нужныя къ тому мѣры и охотно опредѣляются рамки для удержанія въ странѣ мелкаго, равнаго по своимъ размѣрамъ, землевладѣнія. Отсюда понятно, что Аристотель очень сочувственно относится ко всякимъ законамъ, ограничивающимъ концентрацію земель (воспрещеніе пріобрѣтать земли больше опредѣленнаго количества, ограниченіе права пріобрѣтенія ихъ извѣстнымъ разстояніемъ отъ города, воспрещеніе продавать родовыя имѣнія). Сдача земель въ аренду также не находитъ у него сочувствія. По его мнѣнію, землевладѣлецъ можетъ отдавать въ аренду только часть своей земли. Философъ рекомендуетъ также обратить вниманіе на законъ Афитеевъ, у которыхъ система взиманія податей приводила къ тому, что даже бѣдные были въ состояніи владѣть достаточнымъ количествомъ поземельной собственности [2]). Такимъ образомъ, мелкое и равное для свободныхъ гражданъ землевладѣніе, по Аристотелю, и лучшая форма поземельной собственности и лучшая основа для хозяйственной дѣятельности. Это вполнѣ гармонируетъ съ общими „умѣренными“ и „оппортунистическими“, съ современной точки зрѣнія, взглядами великаго Стагирита. Модернизируя же его экономическій идеалъ, его можно охарактеризовать, какъ мелко-буржуазный сисмондизмъ. Другими словами, Аристотель въ вопросахъ экономической политики своего рода предтеча современнаго экономическаго оппортунизма и пресловутой Mittelstandpolitik, окрашенной къ тому же опредѣленнымъ влеченіемъ „къ землѣ“.

---

[1]) Тамъ же, стр. 198.

[2]) Тамъ же, стр. 304. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что въ комментаріяхъ къ Аристотелю, сдѣланныхъ Susemihl'емъ (т. II, стр. 306), это мѣсто объясняется иначе.

Изъ остальныхъ взглядовъ Аристотеля не могутъ не привлечь вниманія тѣ взгляды его, на которые общепринято ссылаться. Это, во-первыхъ, сужденіе Аристотеля по вопросу объ экономической эволюціи и, во-вторыхъ, такъ называемый „мальтузіанизмъ“ Аристотеля. Мы увидимъ, что обѣ репутаціи его по этому вопросу совершенно ошибочны.

Итакъ, нѣкоторые считаютъ, что вопросъ о періодахъ экономической эволюціи былъ впервые поднятъ Аристотелемъ; такое мнѣніе невѣрно. Аристотель не давалъ какой-либо системы эволюціи, а далъ лишь схему разныхъ видовъ пріобрѣтеній матеріальныхъ благъ, своего рода классификацію промышленной дѣятельности его времени. Только это мы и находимъ въ его „Политикѣ“. „Система“ заключается въ слѣдующемъ.

Все искусство пріобрѣтенія — „ктетику“ — по Аристотелю можно подраздѣлить на двѣ части: на охотничество и на „хрематистику“, что значитъ „знаніе“ или „искусство о богатствѣ“. Охоту онъ раздѣляетъ на два вида — „на охоту за звѣрями и на охоту за всѣмъ тѣмъ, что является рабскимъ отъ природы“. Дѣленіе второй и наиболѣе существенной формы хозяйства, хрематистики, много сложнѣе. Во-первыхъ, она раздѣляется на натуральную, смѣшанную и искусственную, а каждая изъ этихъ на рядъ болѣе мелкихъ подотдѣловъ; въ итогѣ получается слѣдующаго рода система, изложенная въ гл. IX въ п. I „Политики“ Аристотеля:

I. Естественная хрематистика, которая дѣлится на 5 видовъ: 1. Скотоводство. 2. Земледѣліе, включая плодоводство. 3. Пчеловодство. 4. Рыбоводство. 5. Птицеводство.

II. Смѣшанная хрематистика двухъ видовъ: 1. Лѣсоводство. 2. Горное дѣло.

III. Искусственная хрематистика, носящая названіе „метаблетики“ или „обмѣна“: 1. Торговля (коммерція и мелочной торгъ): a) морская, b) сухопутная и c) лавочный торгъ. 2. Отдача денегъ въ ростъ. 3. Наемный трудъ: a) обученныхъ и b) необученныхъ. Нельзя не убѣдиться, что отъ этой „системы“ до эволюціи формъ хозяйства очень большое разстояніе,

По другому вопросу, по вопросу о мальтузіанствѣ Аристотеля, царило до самаго послѣдняго времени рѣдкое единодушіе, тѣмъ

болѣе, что самъ Мальтусъ ссылался въ подкрѣпленіе своихъ взглядовъ на великаго Стагирита [1]). Всѣ писатели усматривали въ воззрѣніяхъ Аристотеля на народонаселеніе то, что съ XIX столѣтія стали именовать мальтузіанствомъ [2]).

Надавно одинъ экономистъ, нашъ талантливый соотечественникъ, берлинскій профессоръ Борткевичъ, кореннымъ образомъ пересмотрѣлъ весь вопросъ [3]). Строжайшій анализъ текста и связанныхъ съ нимъ контекстныхъ сужденій привелъ его къ выводу, что всѣ раньше высказывавшіяся въ экономической и исторической литературѣ сужденія объ Аристотелѣ покоились или на невѣрномъ текстѣ, или на недостаточно вдумчивомъ отношеніи къ отдѣльнымъ выраженіямъ великаго мыслителя. Проф. Борткевичъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ лже-Аристотелемъ, съ воззрѣніями, приписанными философу послѣдующими изслѣдователями. Онъ полагаетъ, что причислить Аристотеля къ мальтузіанцамъ—большая ошибка.

Литература объ **Аристотелѣ** безбрежна; изъ сочиненій болѣе новыхъ и касающихся экономическихъ взглядовъ великаго философа могутъ быть указаны: Lorenz Stein: Die staatswissenschaftliche Theorie der Griechen vor Aristoteles und Platon въ Zeitschrift für d. gesam. Staatswis., 1859; Glaser: De Aristotelis doctrina de divitiis, Берлинъ, 1856; Steinheim: Aristoteles über die Sklavenfrage, Гамбургъ, 1853; Особенно важны Onken, Die Staatslehre des Aristoteles, 2 тома, Лейпцигъ, 1870—1875, и Teichmüller, Aristotelische Forschungen, 3 тома Галле, 1867—1873. S. Talamo: Il concetto della schiavitu secondo Aristoteli, Римъ, 1881. Bradley, A: Ueber die Staatslehre des Aristoteles, 2 изд., Берлинъ, 1887. Hohoff, W., Die Werthlehre des Aristoteles, въ журн. „Monatsschrift für christlich. Socialreform,

---

[1]) Malthus: An Essay on the Principle of Population, лондонское изд. Ward'a, стр. 132.

[2]) Напримѣръ, проф. Рюмелинъ въ извѣстномъ учебникѣ (Handbuch, т. I, стр. 1233) Шёнберга; проф. Шмоллеръ въ своемъ Grundriss'ѣ, т. I, стр. 173; комментаторъ Аристотеля Зюземиль въ своемъ изданіи (Лейпцигъ, 1879) „Политика Аристотеля“ (часть 2-ая, стр. 58).

[3]) Prof. L. von Bortkiewicz: War Aristoteles Malthusianer? въ „Zeitschrift für die Gesam. Staatswissenschaften“ за 1906 г., кн. 3-ья.

1893. Wilamowitz-Moellendorff: Aristoteles und Athen, 2 тома, Берлинъ, 1893. Achley: Aristoteles'doctrines, въ Quarterly Journal of Economie, Бостонъ, апрѣль 1895 г. Loos: The political philosophy of Aristotle, Филадельфія, 1897. E. Szanto: Aristoteles, въ Handwörterbuch'ѣ Conrad'a, 2 изд., т. I, 1893 г. Zmaoc: Die Geldtheorie und ihre Stellung innerhalb der wirtchafts-und staatswissenschaftlichen Anschaungen des Aristotels въ „Zeitschrift f. die Ges. Staatswis.“, тетрадь I, 1902.

ГЛАВА II.

Римъ.

I.

Для ознакомленія съ экономическими воззрѣніями римлянъ у насъ имѣется еще меньше источниковъ, чѣмъ для опредѣленія только что намѣченнаго абриса экономическаго міросозерцанія грековъ. У древне-римскихъ писателей нѣтъ сколько-нибудь серьезныхъ попытокъ дать себѣ отчетъ въ явленіяхъ хозяйственной жизни, если не считать таковыми отдѣльныя, болѣе или менѣе случайныя высказыванія писателей, обсуждавшихъ хозяйственныя событія дня или разрабатывавшихъ вопросы права и морали въ приложеніи къ хозяйству. Лишь ко времени обостренія противорѣчія классовыхъ интересовъ, въ эпоху, когда, по выраженію одного оратора, населеніе Рима „разбилось на два государства— нуждающихся бѣдняковъ и роскошествующихъ богачей“,—жизнь заставила, наконецъ, обратить больше вниманія на вопросы общественно-экономическаго порядка [1]). Тогда былъ выдвинутъ и поставленъ соціальный вопросъ, рѣшавшійся или въ духѣ стоической или въ духѣ эпикурейской школы, двухъ важнѣйшихъ направленій римской философіи практической жизни [2]).

---

[1]) Pöhlmann, loc. cit., т. I.

[2]) Мы опускаемъ здѣсь, за общеизвѣстностью, эти оба замѣчательныя философскія построенія соціальной проблемы, давшія, по вѣрному замѣчанію придающаго имъ громадное значеніе профессора Шмоллера, все дальнѣйшее направленіе въ развитіи соціальныхъ воззрѣній. Имъ отводитъ значительное мѣсто и Bonar (Philosophie and Political Economy, Лондонъ, 1893) въ спеціальной главѣ: „Stoics and epicureous“,

Римская жизнь временъ Имперіи глубоко бороздилась двумя важными экономическими явленіями—чрезвычайнымъ ростомъ крупныхъ земельныхъ владѣній, латифундій [1]), и наростаніемъ новыхъ капиталистическихъ отношеній [2]).

Но несмотря на это, несмотря на развитіе хозяйственнаго кризиса, научные политико-экономическіе вопросы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ сторонъ вопроса аграрнаго, такъ и не возбудили у римлянъ какого-либо живого интереса. Причиною этого, какъ указываютъ почти всѣ историки, служилъ самый строй хозяйственной жизни Рима. Главнымъ источникомъ его богатства долгое время, какъ извѣстно, служила военная добыча. Всѣ помыслы были сосредоточены около войны. Пріобрѣтательная дѣятельность Рима,—говоритъ Іеринг [3]),—выражалась въ дѣйствіи, именуемомъ capere—„брать"; даже переходъ собственности разсматривался не какъ передача („traditio"), а какъ односторонній актъ взятія: пріобрѣтавшій бралъ вещь („mancipatio"). Всѣ тѣ богатства, которыя не составляли непосредственно отнятой у побѣжденныхъ добычи, составлялись путемъ взиманія постоянныхъ поборовъ съ покоренныхъ провинцій. Производительная дѣятельность внутри государства сводилась къ труду рабовъ. Что касается внутренняго обмѣна, или внѣшней торговли, которые могли бы все же остановить на себѣ вниманіе римскихъ писателей, то такъ какъ они долгое время оставались въ совершенно неразвитомъ видѣ, то и литературнаго отзвука ихъ не существовало. Натуральное хозяйство сохранялось въ Римѣ довольно долго. Даже подати взимались преимущественно натурою. Внутренняя торговля, конечно, су-

---

стр. 47 и слѣд. Профессоръ Гасбахъ доказываетъ, что эпикурейцы оказали черезъ Гассенди крупное вліяніе на все развитіе современныхъ философіи и политической экономіи (Hasbach: Allgemeine Philosophische Grundlage der polit. Oekonomie, 1890, стр. 7 и слѣд.).

[1]) Римляне ясно сознавали опасность концентраціи земель. Объ этомъ предупреждали ихъ и Плиній, и Катонъ. На латифундіи жаловались даже поэты. Пёльманъ приводитъ жалобу бѣднаго крестьянина изъ одного собранія рѣчей, гдѣ образно повѣствуется ростъ всепоглащающаго вокругъ земельнаго владѣнія богача. (Pöhlmann, Geschichte des ant. Kommunismus etc. B. II, стр. 528).

[2]) См. интересную книгу Sabviali: „Le capitalisme dans le monde antique", Парижъ, 1906.

[3]) Jehring: Geist des römischen Rechtes, 1866, часть I, стр. 110.

*

ществовала, но въ крайне незначительныхъ размѣрахъ. Международная торговля римлянъ въ эпоху завоеваній, какъ и для всякаго народа-завоевателя, въ значительной мѣрѣ замѣнялась непосредственнымъ захватомъ имущества покореннаго населенія. Усложненіе жизни создало иное отношеніе, но къ этому времени были уже на лицо греческая литература и философія, словомъ реценція древне-греческой науки, толкавшая мысль по опредѣленному руслу, а позднѣе христіанство. О спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ экономическимъ вопросамъ, за исключеніемъ вопросовъ сельскаго хозяйства, res rustica,—тогда не могло быть и рѣчи. Если римская литература и даетъ намъ кое-какой матеріалъ, позволяющій выяснить представленія римлянъ о хозяйственной жизни, то лишь въ видѣ разбросанныхъ у разныхъ авторовъ отрывочныхъ замѣчаній и случайныхъ соображеній. Этотъ матеріалъ можетъ быть использованъ только для самой общей характеристики экономическихъ воззрѣній римлянъ. Однако даже этотъ скудный матеріалъ даетъ возможность констатировать существованіе въ сознаніи римлянъ двухъ различныхъ уклоновъ мысли. Здѣсь также, какъ и въ древней Греціи, мы находимъ, съ одной стороны, воззрѣнія, исходящія изъ существующаго и считающіяся только съ нимъ, а съ другой стороны—идеальныя построенія и мечты о болѣе совершенномъ порядкѣ. Критика тѣхъ или иныхъ явленій хозяйственной жизни не чужда, конечно, и носителямъ взглядовъ перваго рода, но эта критика не идетъ дальше осужденія процесса разложенія стараго аграрнаго уклада. Утописты, наоборотъ, отвергали самыя основы старой хозяйственной организаціи, видя въ нихъ источникъ всѣхъ бѣдствій, и переносили свои симпатіи либо въ сказочное прошлое, въ золотой вѣкъ младенчества человѣчества, либо въ очень отдаленное будущее.

Обыкновенно изслѣдователи исторіи человѣческой мысли останавливаютъ свое вниманіе преимущественно на первыхъ. Они находятъ болѣе или менѣе цѣнныя указанія на взгляды римлянъ въ области экономіи у такихъ писателей, какъ Цицеронъ (De republica и особенно книга II-ая, De officiis), Сенека, Плиній, (Historia naturalis) и др. Кое-что даютъ также такъ называемые „Scriptores rei rusticae“, какъ Катонъ Старшій, Варронъ,

Колумелла и Палладій, а, отчасти, и „gromatici“, т. е. землемѣры: Фронтинъ, Флаккъ и др. Наконецъ, необходимо упомянуть излюбленнаго въ средніе вѣка архитектора Полліо Витрувія (10 книгъ De architectura) и нѣкоторыхъ юристовъ.

Цицеронъ, Сенека и Плиній касаются вопросовъ экономической жизни мимоходомъ, при обсужденіи различныхъ темъ политическаго, описательно-историческаго и морально-философскаго характера. Ихъ общая, характерная для той эпохи черта—отрицательное отношеніе ко всѣмъ явленіямъ, свидѣтельствовавшимъ о разложеніи стараго римскаго строя: къ непомѣрной роскоши, къ обуявшей богачей жаждѣ обогащенія, къ новымъ формамъ денежнаго хозяйства, къ новымъ „неблагороднымъ“ занятіямъ. Вышеупомянутые римскіе писатели, извѣстные подъ общимъ именемъ писателей дѣлъ сельскихъ (de re rustica), посвящали свои труды земледѣлію и сельскому хозяйству, скотоводству и садоводству. Они, до извѣстной степени, „скорѣе имѣютъ отношеніе къ исторіи науки о сельскомъ хозяйствѣ, чѣмъ къ исторіи политической экономіи въ собственномъ смыслѣ, а вторые касаются больше области аграрной статистики и землемѣрнаго искусства“ [1]). Но въ ихъ работахъ нерѣдко попадаются цѣнныя указанія на современный имъ строй аграрныхъ отношеній и дается общая оцѣнка нѣкоторыхъ явленій хозяйственной жизни.

Литература по экономіи сельскаго хозяйства и агрономіи расцвѣла въ послѣдніе годы республики и обращала на себя вниманіе вплоть до 5-го вѣка по Р. Х. Среди появившихся сочиненій особенно любопытны: De agricultura, Марка Порція Катона, который, какъ наиболѣе оригинальный писатель, особенно охотно цитировался впослѣдствіи [2]), три книги Марка Терен-

---

[1]) Onken, A.: Geschichte der Nationalökonomie, Лейпцигъ, 1902, стр. 54. Это замѣчаніе особенно справедливо по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, напримѣръ, къ 3-му вѣку (Gargilius, Martialis и Apicius).

[2]) Катонъ (234—139 до Р. Х.) высказывается за сельское хозяйство, въ которомъ выдвигаетъ на первый планъ скотоводство. Объ его аграрныхъ взглядахъ подробно говоритъ Dureaux de la Malle: Economie politique des romains, Парижъ, 1840, томъ II, начиная со страницы 55-ой.

ція Варрона, 12 книгъ De re rustica Юнія Модерата Колумеллы, четырнадцать книгъ Opus agriculturae Рутилія Палладія, писателя IV вѣка [1]). Наиболѣе важенъ изъ нихъ трудъ Колумеллы, который до сихъ поръ служитъ главнымъ источникомъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ древняго Рима. Писатели de re agraria или вѣрнѣе gromatici, землемѣры [2]), ставили себѣ цѣлью дать статистическій матеріалъ, который могъ бы служить основаніемъ для введенія новыхъ нормальныхъ налоговъ. Естественно, что такого рода работы не могутъ заключать въ себѣ особенно цѣнныхъ данныхъ для уясненія теоретическихъ воззрѣній ихъ авторовъ въ области общихъ экономическихъ вопросовъ.

Но кромѣ указанныхъ источниковъ у насъ есть еще одинъ, который помогаетъ разобраться въ представленіяхъ древнихъ римлянъ объ экономическихъ отношеніяхъ. Какъ извѣстно, однимъ изъ самыхъ крупныхъ завоеваній, сдѣланныхъ древне-римскою культурою, является детальная разработка вопросовъ права. Систематизація законоположеній римскаго государства потребовала огромнаго количества теоретической работы и создала рѣдкую по богатству юридическую литературу. А такъ какъ право по самому существу своему выражаетъ и явленія хозяйственной жизни, регулируя взаимоотношенія участвующихъ въ экономической жизни лицъ и группъ, то разработка его, само собою разумѣется, должна была заставить юристовъ останавливаться на вопросахъ общественнаго хозяйства. Нѣкоторые изъ современныхъ писателей уже пытались извлечь экономическое зерно изъ римскаго права.

Одной изъ болѣе интересныхъ попытокъ выяснить политико-экономическіе взгляды римскихъ юристовъ является работа „Экономи-

---

[1]) До него писали карѳагенянинъ Марго, 28 книгъ котораго римскій сенатъ послѣ разрушенія Карѳагена приказалъ обслѣдовать спеціальной комиссіи, затѣмъ отецъ и сынъ Сасерна. Ср. Kopp-Niemeyer: Geschichte der römischen Literatur, изд. 8-ое, Берлинъ, 1909, стр. 30.

[2]) Къ числу ихъ принадлежатъ: Іюлій Фронтинъ, написавшій De re militari, Strategemata и De aquis urbis; Сициліусъ Флаккъ: De conditionibus agrorum; Траянъ Гигинусъ (Hyginus), составившій De limitibus, De conditionibus agrorum и др., и, наконецъ, Бальбъ, начавшій сочиненіе подъ заглавіемъ: Expositio et ratio omnium formarum. Большинство изъ нихъ перепечатано Lachmann'омъ въ сборникѣ „Schriften der römischen Feldmesser".

ческое ученіе въ Corpus juris civilis", принадлежащая перу Ортмана. Ортманъ оговаривается однако, что „о какой либо системѣ римской политической экономіи ни въ какомъ случаѣ говорить не приходится; экономическіе вопросы могли, конечно, оказывать извѣстное вліяніе на правовыя воззрѣнія римлянъ, но наука о народномъ хозяйствѣ отступала на задній планъ передъ всемогущей юриспруденціей" [1]). Ортманъ, впрочемъ, не стоитъ одиноко. Ингремъ констатируетъ, что „въ трудахъ юристовъ мы не найдемъ самостоятельнаго мышленія по экономическимъ вопросамъ", хотя онъ и признаетъ, что они имѣютъ для насъ большой интересъ, что „въ тѣхъ областяхъ юриспруденціи, которыя соприкасаются съ экономіей, юристы сдѣлали нѣсколько классификацій и установили болѣе или менѣе точныя различія" [2]). За то проф. Онкенъ [3]) предпочитаетъ говорить только объ „экономическихъ предпосылкахъ, отражающихся на правовыхъ нормахъ", и считаетъ даже „попытки, подобныя попыткѣ Ортмана, мало продуктивными", тѣмъ болѣе, что „кодексъ Юстиніана не представляетъ римскаго права какъ такового, а лишь римское право въ его окончательной формѣ, предполагающей предварительное развитіе". Однако и Онкенъ находитъ возможнымъ воспользоваться римскимъ правомъ для пополненія данныхъ о политико-экономическихъ понятіяхъ древнихъ римлянъ.

Еще менѣе разработана литература, которая могла бы дать намъ представленіе объ утопическихъ построеніяхъ римлянъ. Этимъ вопросомъ спеціально занялся проф. Р. Пёльманъ. Въ его большой работѣ по исторіи античнаго коммунизма и соціализма содержится много цѣнныхъ указаній на ту критику общественнаго порядка и на тѣ идеалы лучшаго соціальнаго устройства, которыми вдохновлялись люди, возстававшіе противъ существующаго въ Римѣ хозяйственнаго и политическаго уклада. Пёльманъ считаетъ совершенно ни на чемъ не основаннымъ тотъ распространенный взглядъ, по которому римскій народъ отличается якобы какою-то особою

[1]) Oertmann: Die Volkswirthschaftslehre des Corpus juris civilis, Берлинъ, 1891, стр. 5.

[2]) Ингремъ: „Исторія политической экономіи", I изд., рус. пер., стр. 28.

[3]) Onken: Geschichte der Nationalökonomie, т. I, стр. 58.

„трезвостью“ мысли, непозволявшей ему увлекаться несбыточными мечтами. Это можно было бы, пожалуй, утверждать относительно сельскихъ жителей тѣхъ временъ, когда старый національный бытъ еще не начиналъ разлагаться. „Но даже и тогда,—какъ говоритъ Пёльманъ,—сельскій житель республики не вполнѣ отвѣчалъ вѣрному о немъ представленію“. „Тамъ, гдѣ дѣло шло о защитѣ классовыхъ интересовъ, обычный консерватизмъ не мѣшалъ ему обращаться къ революціоннымъ актамъ для осуществленія своихъ желаній [1]). Что же касается временъ упадка республики и расцвѣта имперіи, то къ нему можно было бы примѣнить многое, что обыкновенно говорятъ о развитіи современнаго соціализма“. „Мы должны необходимо предположить,—говоритъ Пёльманъ,—что параллельно съ революціями въ жизни должна была происходить извѣстная революція въ сферѣ соціальной мысли“. Помимо утопическихъ мечтаній, отражавшихся въ рѣчахъ многихъ ораторовъ того времени, помимо отдѣльныхъ случайныхъ высказываній тѣхъ или иныхъ ораторовъ, раздѣлявшихъ вѣру въ лучшій порядокъ, мы находимъ въ римской литературѣ нѣсколько поэтическихъ и прозаическихъ работъ, дающихъ описаніе будущаго или далекаго прошлаго, освѣщеннаго идеалами равенства и всеобщаго счастья. Пёльманъ называетъ это теченіе мысли соціалистическимъ. Идеалъ всеобщаго счастья, основаннаго на радикально-измѣненномъ соціальномъ порядкѣ, изображенъ между прочимъ у Тибулла въ Элегіяхъ, у Овидія въ Метаморфозахъ, у Сенеки, у Вергилія въ Георгикахъ и др.

Нѣкоторый интересъ для историка, изслѣдующаго экономическія воззрѣнія древнихъ римлянъ, представляетъ также знаменитая поэма Лукреція Кара: „О природѣ вещей“ (De rerum natura), въ которой, по выраженію Онкена, „дается нѣчто въ родѣ теоріи общественнаго развитія въ духѣ современнаго дарвинизма“. Здѣсь, между прочимъ, содержится рядъ указаній и на идеалы „золотого вѣка“ и на пройденный уже путь развитія хозяйственнаго, вплоть до ея наиболѣе сложныхъ формъ [2]).

---

[1]) Pöhlmann: loc. cit., стр. 537.

[2]) Такова пѣснь 5, см. рус. переводъ И. И. Рачинскаго, Лукреція Кара: „О природѣ вещей“. изданіе „Скорпіона“, М., 1904 г.

При изложеніи общественно-экономическихъ воззрѣній древнихъ римлянъ мы не касаемся замѣчательнаго круга идей, вызванныхъ въ свѣтъ сильнымъ аграрнымъ движеніемъ римскаго народа, что уже въ достаточной мѣрѣ разработано въ цѣломъ рядѣ историческихъ и юридическихъ трудовъ и трактатовъ [1]). Поэтому мы опускаемъ здѣсь и тѣ реформы, которыя предполагались для исцѣленія связанныхъ съ аграрными безпорядками бѣдствій, реформы и мысли, которыя легли въ основу круга идей, объединяемыхъ нынѣ въ понятіе—аграрный соціализмъ.

II.

Созданію болѣе или менѣе правильныхъ взглядовъ на сущность хозяйственной жизни мѣшало у римскихъ писателей ихъ обычное для культурныхъ народовъ древности отношеніе къ производительному труду. Въ немъ они совершенно не усматривали фактора экономической жизни. При разсмотрѣніи хозяйственныхъ явленій римляне исходили, такъ сказать, изъ той предпосылки, что для экономической дѣятельности въ наличности должны быть извѣстныя блага. Какимъ путемъ создаются эти блага, доставляются ли они непосредственно природой помимо труда человѣка, являются ли они добычей солдатъ или разбойниковъ, или составляютъ продуктъ труда,—это не вліяло на свойство самого блага, и потому, съ точки зрѣнія древнихъ, благо становилось объектомъ хозяйствованія съ того момента, какъ оно было создано. Трудъ человѣка, какъ процессъ, создающій блага, разсматривался въ большинствѣ случаевъ по аналогіи со всѣми другими создающими блага процессами самой природы. Создавшій „благо“ рабъ не принималъ, по ихъ мнѣнію, участія въ хозяйственной дѣятельности, какъ не принимало въ ней участія дерево, дававшее плоды.

Больше другихъ римскихъ писателей надъ вопросами хозяйства задумывался Цицеронъ, который перевелъ на латинскій языкъ

---

[1]) Важнѣйшіе изъ нихъ приведены въ самомъ концѣ настоящей главы.

„Экономику“ Ксенофонта [1]). Къ вопросу о трудѣ онъ подходитъ почти исключительно съ той точки зрѣнія, которая не имѣетъ никакого отношенія къ хозяйству, какъ таковому. Если вообще древніе писатели часто не въ состояніи были отдѣлить вопросовъ экономическихъ отъ вопросовъ моральной оцѣнки, то по отношенію къ труду дѣло ограничивалось въ большинствѣ случаевъ разсужденіями исключительно моральнаго характера. Цицеронъ сравнивалъ различные виды труда, но лишь со стороны ихъ позволительности для „благороднаго“ [2]). Онъ понималъ, что въ Италіи городское хозяйство даетъ больше доходовъ, чѣмъ сельское, но, говоря о видахъ производительнаго рабства, онъ приводитъ отвѣтъ Катона на вопросъ о наилучшей дѣятельности. Таковою для италійскаго хозяйства 2-го вѣка, т. е. хозяйства, обезцѣненнаго конкурренціею Сициліи и Сардиніи, Катонъ считалъ хорошее скотоводство, второю за нимъ—посредственное скотоводство, третьею —плохое скотоводство и только на четвертомъ мѣстѣ онъ ставилъ земледѣліе. Самъ же Цицеронъ высказывается въ одномъ мѣстѣ въ томъ смыслѣ, что „самымъ достойнымъ человѣка и благороднаго трудомъ является земледѣліе“. У него, впрочемъ, уже имѣется нѣкоторая попытка выдѣлить изъ ряда другихъ создающихъ блага процессовъ—человѣческій трудъ, хотя, впрочемъ, лишь со стороны его техническихъ особенностей. Есть цѣлый рядъ богатствъ, говоритъ онъ, которыя не могутъ быть получены иначе, какъ съ помощью человѣческой дѣятельности. „Ни забота о здоровьи, ни мореплаваніе, ни земледѣліе, ни собираніе и охраненіе плодовъ не могутъ обойтись безъ дѣятельности человѣка... Безъ человѣческаго труда нельзя было бы доставать ни необходимыхъ для насъ камней изъ зем-

---

[1]) См. М. Туллій Цицеронъ, „Полное собраніе рѣчей“, т. I, пер. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Спб., 1901. Зѣлинскій полагаетъ, что къ Цицероновымъ текстамъ надо относиться осмотрительно, такъ какъ сохранились только такія сочиненія, которыя были интересны для средневѣковья.

[2]) Напримѣръ, въ De officiis, I, 42, говорится: „Opifices omnes in sordida arte versantur, nec enim quidquam ingenuum habere potest officina“ „Всѣ ремесленники занимаются грязнымъ дѣломъ, ибо въ мастерской не найдешь ничего приличнаго свободному человѣку“).

ли, ни серебра, ни золота, ни мѣди, ни желѣза“ [1])... Нѣкоторые заходятъ, впрочемъ, такъ далеко, что видятъ въ этомъ свидѣтельство пониманія Цицерономъ хозяйственнаго значенія труда. Здѣсь сдѣланъ былъ къ этому только первый шагъ, поскольку обращено уже вниманіе на техническое значеніе труда. Въ общемъ же, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Онкенъ, „въ древности мысль вертѣлась больше около того, какія отрасли хозяйства можно считать болѣе приличными, чѣмъ около того, какія изъ нихъ продуктивны [2]). Полезность дѣятельности даже какъ будто ставилась иногда Цицерономъ въ зависимость отъ ея моральной цѣнности. „Ничто не можетъ быть полезно, что недозволено, —даже тогда, если мы дѣйствительно пріобрѣтаемъ искомое кажущееся благо.... Нравственное благо должно быть для насъ критеріемъ, съ помощью котораго опредѣляется то, что полезно; такимъ образомъ добродѣтель и польза суть лишь два имени, обозначающія одно и то же, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто въ природѣ неотдѣлимое“ [3]). Это относится, конечно, не столько къ дѣламъ хозяйственнымъ, сколько къ человѣческому поведенію, но несомнѣнно, что та же точка зрѣнія прилагалась Цицерономъ и по отношенію къ труду. Трудъ вообще, даже и трудъ наиболѣе достойнаго человѣка, не пользовался въ древности почетомъ. Нѣкоторые знатоки античнаго міра, какъ наприм. проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, считаютъ такой взглядъ односторонимъ, заимствованнымъ изъ той римской литературы, которая ютилась около знати. По ихъ мнѣнію рядъ мѣстъ изъ надписей свидѣтельствуетъ и о противоположномъ. „Всякіе промыслы считались предосудительными для сенаторовъ“—говоритъ Титъ Ливій [4]). Это, какъ уже мы говорили, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что всякій ручной физическій трудъ считался дѣломъ раба. Поэтому трудъ не могъ стать предметомъ обсужденія съ экономической точки зрѣнія у древнихъ. Рабы въ Римѣ находились въ гораздо худшемъ поло-

---

[1]) Цицеронъ, De officiis, кн. II, гл. 2.

[2]) Onken: loc. cit., стр. 51.

[3]) Cicero: De officiis, III, 12.

[4]) „Quaestus omnis patribus indecorus visus est“. Tit. Livii, XXI, 63.

женіи, чѣмъ въ Греціи. Они подвергались свирѣпымъ наказаніямъ и должны были исполнять самыя изнурительныя работы, а на старости лѣтъ ихъ буквально выбрасывали за негодностью „издыхать“ голодною смертью. „Трудъ рабовъ доставлялъ собственнику земли сырые продукты, другіе рабы обрабатывали ихъ, посредствомъ рабовъ доставлялись продукты и на рынокъ“...— такъ рисуетъ то желѣзное кольцо рабскаго труда, которымъ было окружено древнее хозяйство, Родбертусъ-Ягецовъ. [1])

Лишь по мѣрѣ того, какъ съ эволюціею древне-римскаго хозяйственнаго уклада въ рукахъ крупныхъ собственниковъ стали скопляться огромныя богатства, а старые способы производства начали оказываться маловыгодными, приступили къ разбивкѣ большихъ владѣній на мелкія хозяйства; это произвело измѣненія и въ положеніи сельскохозяйственныхъ рабовъ. Работники на такихъ отрубныхъ участкахъ становились фактически самостоятельными лицами. „Далѣе, по мѣрѣ накопленія богатства исчезла одна изъ главныхъ причинъ существованія рабства,—недостатокъ капитала, и это отразилось не только въ общемъ облегченіи положенія раба, но и проявлялось въ возрастающемъ числѣ случаевъ освобожденія рабовъ“ [2]). И только тогда трудъ сталъ обособляться въ особую хозяйственную категорію.

При обычномъ для римскихъ писателей взглядѣ на трудъ, пониманіе ими цѣнностей послѣдняго должно было оставаться слишкомъ примитивнымъ. У нихъ нѣтъ по этому поводу даже сколько-нибудь любопытныхъ соображеній. Случайныя высказыванія, касающіяся вопроса объ опредѣленіи цѣнности или цѣны по явленіямъ обмѣна, не даютъ возможности составить болѣе или менѣе ясное представленіе о взглядахъ римскихъ писателей на этотъ предметъ. Нужно думать, что сама проблема не останавливала на себѣ ихъ вниманія. Кое-какія замѣчанія встрѣчаются у Цицерона [3]), у писателей de re rustica,

---

[1]) Rodbertus-Jagetzow, C.: Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums въ журн. „Zeitschr. für Nationaloek. und Statistik.“, томъ IV, Іена, 1865, стр. 343 (есть рус. пер. Тарасова).

[2]) Орженцкій, loc. cit., стр. 175.

[3]) См. Masé-Dari, Cicerone e le sue idee sociali ed economiche, Туринъ, 1900, стр. 59.

у Плинія. Послѣдній напримѣръ задумывался о причинахъ высокой цѣнности золота, указывая, впрочемъ, лишь на его драгоцѣнное качество, а объ хозяйственной его роли Плиній считаетъ возможнымъ замѣтить только, что преступленіе совершилъ тотъ, кто „первый сдѣлалъ изъ золота монету“.

Ростовщичество Цицеронъ жестоко осуждаетъ: „Отдавать деньги въ ростъ,—патетически восклицаетъ ораторъ,—не то же ли это, что убить человѣка!“ [1]).

Въ томъ же духѣ, впрочемъ, смотрятъ на отдачу денегъ въ ростъ и другіе писатели—Катонъ, Сенека, Плиній, Колумелла.

Обмѣнъ вообще долгое время оставался слишкомъ мало развитымъ для того, чтобы онъ могъ обратить на себя вниманіе писателей временъ республики. Цицеронъ, однако, довольно снисходительно относился съ нравственной точки зрѣнія къ торговлѣ въ большомъ масштабѣ. „Къ крупной торговлѣ,—говоритъ онъ,—въ силу которой въ страну ввозится много всякаго рода чужеземныхъ богатствъ, не слѣдуетъ относиться такъ неодобрительно, какъ къ мелкой“ [2]). Послѣдняя же ему представляется дѣломъ грязнымъ и низкимъ, подобно занятію ростовщичествомъ [3]). Впрочемъ, къ торговлѣ отрицательно относятся и писатели. Такъ Катонъ прямо заявляетъ, что хозяинъ еще можетъ продавать свои продукты, но отъ покупокъ онъ долженъ воздерживаться; впрочемъ, экономный Катонъ вообще рекомендуетъ продажу всего излишняго для хозяйства. Кромѣ Цицерона заслуживаютъ вниманія воззрѣнія Сенеки [4]) и Плинія. Первый изъ

---

[1]) „Quid fenerari? Quid hominem occidere?“ Cicero: De officiis, 25.

[2]) „Торговля въ розницу — непристойна“ (Mercatura, si tenuis est, sordida putanda est). Cicero, M. T., De officiis, I, 42.

[3]) Экономическія воззрѣнія Цицерона собраны голландскимъ экономистомъ Кальхоэномъ и напечатаны въ VII томѣ сборника de von Hall'я: Bydragen tot. Regsgel en Wetgeving, 1831/32 (Calkoen: Over eenige staathuishoudkundige gevoelens en stellingen in de geschriften van Cicero и пр.). Такая же сводная работа появилась недавно въ Конрадовскомъ Ежегодникѣ (Conrad's Jahrbücher) за 1906/7 гг.

[4]) Сочиненія Сенеки были изданы въ трехъ томахъ подъ редакціею Гаазе: „Luciae Annaei Senecae opera, quae supersunt“, Лейпцигъ, 1886—1887. Это изданіе Гаазе уже устарѣло и есть новое—Лейпцигъ, Gereke и Hepoe. Лучшею, хотя и устарѣлою монографіею о Сенекѣ является работа М. Дидро: „Essai sur la vie de Sénèque, le

нихъ, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ стоической философіи, возставалъ противъ роскоши и завоевательной политики; слѣдуя греческимъ стоикамъ, онъ восхвалялъ бережливость, умѣренность и трудъ. Второй извѣстенъ, какъ критикъ тогдашняго крупнаго землевладѣнія и защитникъ національныхъ интересовъ торговли. Плиній точно также высказался противъ вывоза металлической монеты и противъ ввоза конкуррентныхъ иностранныхъ товаровъ.

Экономическія идеи римлянъ отразились и на ихъ законодательствѣ. Ярче всего на кодексѣ Юстиніана.

III.

Немного богаче тѣ свѣдѣнія о политико-экономическихъ воззрѣніяхъ римлянъ, которыя можно почерпнуть изъ сочиненій римскихъ юристовъ.

На нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, на сочиненіе римскаго юриста III вѣка по Р. Хр., Павла, высказавшагося по вопросу о происхожденіи и функціи денегъ, обратили вниманіе еще въ серединѣ XVIII столѣтія. Такъ, итальянцы Нэри [1]) и Джіованни Карли доказывали сходство современныхъ имъ воззрѣній съ римскими. Затѣмъ, на тотъ же вопросъ, слѣдуя отчасти примѣру экономиста Кауца, обратилъ вниманіе Тидеманъ [2]). Но Тидеманъ, какъ указываетъ итальянецъ Косса, „произвольно сблизилъ отрывки изъ авторовъ, писавшихъ на разстояніи нѣсколькихъ столѣтій для того чтобы съ большимъ трудомъ извлечь изъ нихъ нѣчто вродѣ компендіума по политической экономіи, составленнаго на современный ладъ“ [3]). Бо-

---

philosophe, etc.“. Парижъ, 1779. О времени появленія въ свѣтъ сочиненій Сенеки сдѣлалъ изслѣдованіе А. Мартенсъ („De L. A. Senecae vita et de tempore“, Альтона, 1871).

[1]) П. Нэри: Osservationi sul prezzo legale delle monete, Миланъ, 1751

[2]) Тидеманъ: Disquisitio de Oeconomiae Politicae notionibus in Corpore Juris civilis Justinianeo, 1838.

[3]) Косса: Исторія политической экономіи, рус. пер., стр. 129.

лѣе удачно работаютъ по этому вопросу фонъ-Шелль [1]), Брудеръ [2]), Алезіо [3]) и, наконецъ, Ортманъ [4]).

Работа послѣдняго: „Экономическое ученіе кодекса гражданскаго права“, изданная въ Берлинѣ въ 1891 году, является лучшею въ этой области, поэтому мы и воспользуемся ею для общей характеристики экономическихъ представленій римскихъ юристовъ.

Римскіе юристы вполнѣ усвоили себѣ обычную для римскихъ гражданъ точку зрѣнія на хозяйственныя блага, какъ на fructus, экономическая роль которыхъ начинается съ того момента, когда хозяйствующій овладѣваетъ имъ, capit, rapit, occupat. Принадлежность вещи тому или иному лицу обусловливается, по ихъ представленію, не трудомъ, а тѣмъ фактомъ, что данное лицо имѣетъ, какъ формулируетъ эту мысль Онкенъ: „силу утвердить за собою на продолжительное время обладаніе вещью“. Презрительное отношеніе къ труду было также характерно и для Corpus Juris Civilis. Ортманъ приводитъ нѣсколько цитатъ изъ Ульпіана и другихъ юристовъ, ясно показывающихъ отвращеніе римскихъ гражданъ ко всякой физической дѣятельности. „Умственная же работа, напротивъ, — по словамъ Ортмана,—въ Римѣ не презиралась, она была даже почетнымъ занятіемъ самыхъ благородныхъ римлянъ, но зато она и разсматривалась не какъ трудъ и лишена была вознагражденія, которое давалось лишь за низшую, презрѣнную, ручную работу“ [5]).

---

[1]) Фонъ-Шелль: Die wirtschaftlichen Grundbegriffe in Corpore Juris civilis въ „Jahrbücher f. Nat.“ B. Hildebrandt'a Iena, 1865.

[2]) Ad. Bruder: Zur oeconomischen Charakteristik des römischen Rechtes, въ Тюбингенскомъ „Zeitschrift f. d. Gesam. Staatsw.“ за 1878|79 гг.

[3]) Alesio, G.: Alcune reflessioni intorno ai concetti del valore nell'antichità classica въ „Archivo juridico“, т. XLII, Болонья, 1889.

[4]) Самъ Ортманъ упоминаетъ во введеніи къ своей книгѣ о двухъ своихъ предшественникахъ по разработкѣ экономическаго содержанія Corpus'a,—Германѣ и Тидеманѣ,—а также о статьяхъ Данквардта въ спеціальныхъ журналахъ. Но всѣ они, строго говоря, мало касаются теоретическихъ и экономическихъ взглядовъ римскихъ авторовъ и законодателей. Нѣчто большее въ этой области даетъ работа Шелля, заглавіе которой приводится нами въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній; но книга Шелля, во всякомъ случаѣ, слабѣе работы Ортмана.

[5]) Oertmann, P.: Die Volkswirtschaftslehre des Corpus juris civilis, Берлинъ, 1891, стр. 123—4.

Лишь въ болѣе позднюю эпоху въ римскомъ правѣ появляются намеки на признаніе за трудомъ нѣкоторой цѣнности. „Правда, — замѣчаетъ Ортманъ, — въ этомъ нельзя еще видѣть сознательнаго и полнаго разрыва со старыми понятіями о собственности“ [1]). Однако, появленіе этой мысли уже само по себѣ представляетъ для насъ большой интересъ. У юристовъ временъ имперіи встрѣчаются выраженія уже иного направленія [2]).

Отношеніе къ рабамъ, въ общемъ не отличающееся отъ того, какое вообще проявляли благородные римляне, подверглось къ этому времени уже нѣкоторому измѣненію. У нѣкоторыхъ юристовъ мы находимъ сознаніе того, что рабство не предписывается самой природой, а даже отчасти противорѣчитъ ей, такъ какъ „naturali jure omnes homines liberi sunt“. — Ульпіанъ совершенно ясно высказывается въ томъ смыслѣ, что для „jus naturale“ — „всѣ люди равны“, и что рабы существуютъ только для jus civile. Флорентинъ точно также признаетъ, что „рабство есть установленіе juris gentium, по которому человѣкъ, вопреки природѣ (contra naturam) подпадаетъ подъ власть другого“ (Institut. I, 3). Эту точку зрѣнія развиваетъ также Гермогенъ и др. „Такимъ образомъ, — говоритъ Ортманъ, — новѣйшій взглядъ на естественную свободу всѣхъ людей является дѣтищемъ средняго періода эпохи имперіи“ и, добавимъ, косвенно греческой философіи [3]). Разсматривая всякій предметъ торговли, какъ товаръ, римскіе юристы однако же неключаютъ изъ этого понятія рабовъ и потому работорговцевъ не считаютъ купцами. Что касается вопроса о цѣнности, то римское право даетъ слишкомъ мало матеріала для уясненія взглядовъ на этотъ предметъ римскихъ юристовъ. Въ большинствѣ случаевъ благо опредѣляется ими, какъ полезность, при чемъ однако проводится уже рѣзкая грань между экономическимъ благомъ и просто вещью. Павелъ говоритъ (l. 5, D. Z. 16) „понятіе вещи шире, чѣмъ pecuniae, потому что имъ охватывается и то, что лежитъ внѣ нашихъ хозяйственныхъ заботъ,

[1]) Тамъ же, стр. 124.

[2]) Выраженія въ родѣ: „magis propter rem meam, quam ex re mea pecunia mihi daretur“ (D. XV, c. 50, § 3), „pretium enim operae artis est velamentum“ (l. 52, § 2) и т. д. Діоклетіанъ прямо постановляетъ: „societatem uno pecuniam conferente alio operam posse contracti magis obtinuit“.

[3]) Oertmann, loc. cit, стр. 9.

тогда какъ признакъ recipiae имѣетъ лишь то, что заключается въ имуществѣ". Здѣсь, по мнѣнію Ортмана, уже намѣчается различіе между свободными и связанными благами.

Цѣнность вещи, по мнѣнію юристовъ, опредѣляется однако же не ея собственной природой, а отношеніемъ къ ней человѣка. При извѣстныхъ условіяхъ, какъ указываетъ Ульпіанъ (l. I. D. XXXIV. 1) даже вода, въ общемъ „свободное" благо, можетъ пріобрѣтать значеніе хозяйственнаго блага, имущества. Различіе между цѣнностью и цѣною не было еще выяснено съ достаточной полнотой. По крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи не выработано юристами точной терминологіи. „Слово цѣна (pretium),—говоритъ Ортманъ,—употреблялось безразлично для обоихъ понятій" [1]). Тѣмъ не менѣе, различіе между цѣнностью, какъ абстрактнымъ понятіемъ „общей возможности", и цѣною, являющеюся лишь конкретнымъ эквивалентомъ даннаго объекта, римлянамъ было извѣстно. Ульпіанъ (l. 1, pr. D. XIX, I) устанавливаетъ даже два термина: res valet (цѣнность) и res empta est (цѣна).

Сущность обмѣна однако останавливала на себѣ вниманіе юристовъ Рима. Павелъ, напримѣръ, давая теорію происхожденія торговли, указываетъ на то, что она возникла изъ потребности въ обмѣнѣ [2]). Обмѣнъ же становился необходимымъ потому, что не всегда люди потребляютъ сами всѣ пріобрѣтенныя ими блага, не всегда они удовлетворяютъ всѣ свои потребности продуктами собственнаго хозяйства. Первоначально существовалъ, — говоритъ Павелъ,—непосредственный обмѣнъ товара на товаръ. Но такой обмѣнъ не могъ удовлетворить увеличившейся потребности въ обращеніи. Поэтому изобрѣтенъ былъ товаръ, который имѣлъ бы одинаковое значеніе для всѣхъ, — деньги, и обмѣнъ сталъ производиться путемъ купли-продажи. Но въ пониманіи отношенія, существующаго между торговлей и обмѣномъ, не всѣ юристы были солидарны. Павелъ указываетъ на различіе, существовавшее по этому поводу во взглядахъ Кассія и Сабина съ одной стороны, и Нервы и Прокула—съ другой.

---

[1]) Тамъ же, стр. 39.
[2]) Тамъ же, стр. 82.

О функціи денегъ римляне имѣли достаточно ясное представленіе. Павелъ устанавливаетъ слѣдующіе признаки этого общезначимаго товара, являющагося орудіемъ обмѣна благами: 1) деньги должны сами по себѣ обладать извѣстной цѣнностью, 2) онѣ должны быть признаны общимъ орудіемъ обмѣна общественной властью [1]). Юристы отмѣчали также ту особенность денегъ, что физически оставаясь неизмѣнными, онѣ выполняютъ свою функцію для собственника только въ процессѣ передачи... Поэтому накопленіе денегъ ради нихъ самихъ является нецѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія хозяйства [2]).

Понимая значеніе денегъ, римскіе юристы не могли такъ отрицательно отнестись къ проценту, какъ это дѣлали другіе писатели. Конечно, сущность процента, какъ говоритъ Онкенъ, не была вполнѣ ясна [3]). Хозяйственная жизнь еще не достигла тогда той ступени развитія, на которой возможно было бы отчетливое пониманіе всего значенія кредита. Основаніемъ процента римляне считали не продуктивную цѣнность капитала, а obligationem, добровольное соглашеніе относительно кредита. Лишь въ отдѣльныхъ случайныхъ опредѣленіяхъ находимъ мы слѣды болѣе правильной оцѣнки процента. Ортманъ указываетъ на постановленія, касающіяся faenus nauticum. Здѣсь въ силу чисто случайныхъ обстоятельствъ выяснилось значеніе процента, правда, только какъ вознагражденіе за рискъ [4]).

IV.

Если у писателей, стоящихъ на точкѣ зрѣнія существующаго, мы еще находимъ нѣкоторыя попытки освѣтить вопросы экономическаго порядка, то у утопистовъ и мыслителей, подвергавшихъ критикѣ существующій строй, никакихъ теоретическихъ соображеній въ этой области нѣтъ. Они ограничиваются исключительно осужденіемъ бѣдствій и несправедливости даннаго строя

[1]) Тамъ же, стр. 87.
[2]) Тамъ же, стр. 96.
[3]) Онкенъ: loc. cit., стр. 61.
[4]) Ортманъ: loc. cit., стр. 149.

и прославленіемъ лучшаго, болѣе справедливаго, по ихъ мнѣнію, уклада жизни. Однако ихъ критическая позиція заставила ихъ установить на нѣкоторыя явленія хозяйственной жизни совершенно новую точку зрѣнія, чуждую писателямъ, отстаивающимъ status quo. Это относится прежде всего къ вопросу о трудѣ, о рабствѣ и о собственности.

Критика общественнаго строя римскаго государства исходила изъ констатированія того рѣзкаго противорѣчія, которое ко времени развитія крупнаго хозяйства въ Римѣ стала обнаруживаться между богатымъ и бѣднымъ классами населенія. Уже въ пятомъ столѣтіи до Р. Х., какъ говоритъ Пёльманнъ [1]), право собственности обнаруживало до нѣкоторой степени современный характеръ, двумя же столѣтіями позже индивидуалистическая тенденція въ экономическомъ развитіи Рима приняло самыя рѣзкія формы. Вмѣстѣ съ тѣмъ дали себя знать, конечно, всѣ связанныя съ индивидуалистическимъ строемъ противорѣчія. Послѣднія же вызвали сомнѣнія въ справедливости существующаго, обратившись въ радикальную критику самихъ основъ общественнаго порядка. Въ литературѣ остались сравнительно немногочисленные слѣды этой радикальной критики. Носителями ея въ Римѣ являлись главнымъ образомъ ораторы и агитаторы, не оставившіе послѣ себя никакихъ литературныхъ твореній. Таковы Катилина, Долабелла и другіе демагоги. Только изъ чужихъ, иногда враждебныхъ имъ, произведеній можно почерпать о нихъ свѣдѣнія. О Катилинѣ, какъ о народномъ вождѣ, мы узнаемъ изъ рѣчей Цицерона и записокъ Саллюстія. О характерѣ рѣчей другихъ ораторовъ мы узнаемъ изъ работъ чисто историческаго характера. „Когда въ массахъ,—говоритъ Пельманъ [2]),—пробудилось классовое самосознаніе, былъ поставленъ вопросъ: какая польза намъ отъ людей, которые надъ нами властвуютъ? Что даютъ они для благополучія всѣхъ? И отвѣтъ гласилъ: это бездѣльники, живущіе нашимъ потомъ“.

Ораторы, шедшіе заодно съ низшими классами населенія, говорили, какъ передаетъ Діонисій, что „между классами, изъ ко-

---

[1]) Pöhlmann: Geschichte etc., томъ II, стр. 466.
[2]) Pöhlmann: loc. cit., стр. 568.

торыхъ одинъ желаетъ только властвовать, а другой борется за свободу, не можетъ быть продолжительнаго мира". „Поняли ли вы,—говоритъ другой демагогъ,—въ какомъ униженіи вы живете? Они не даютъ вамъ солнечнаго свѣта, ихъ злитъ даже, что вы еще дышите, что вы имѣете образъ человѣческій" [1]). „Нужно сравнять съ землею,—такъ говорили агитаторы,—диктатуру и консулатъ, для того, чтобы римскій народъ могъ поднять голову". Критическое отношеніе къ существующему порядку давало себя знать и въ поэзіи, Горацій, напримѣръ, яркими красками описывалъ безвыходное положеніе сельскихъ бѣдняковъ и жадность богачей (Оды, 11, 18). Ювеналъ предлагаетъ въ одной сатирѣ воздвигнуть храмъ Пекуніи (деньгамъ), такъ какъ у монетъ храмъ и безъ того былъ и такъ какъ, по его словамъ, богатство обладаетъ всемогуществомъ (I, 113). Тиверій Гракхъ говорилъ: „дикіе звѣри Италіи имѣютъ свои пещеры и пристанища, а люди которые боролись и умирали за господство Италіи, владѣютъ развѣ воздухомъ и свѣтомъ, такъ какъ ихъ то никто не можетъ отнять безъ крова и пристанища блуждаютъ они съ женами и дѣтьми по всей странѣ".

Мысль людей сочувствующихъ бѣднякамъ, пораженная вопіющими противорѣчіями существующаго строя, невольно обращалась къ идеаламъ общественнаго равенства.

Эти идеалы приписываются историками даже людямъ болѣе отдаленной эпохи. Такъ, Діонисій, очевидно подъ впечатлѣніемъ происходящей въ его время борьбы, заставляетъ царственнаго сторонника плебеевъ, Сервія Туллія, высказать тотъ взглядъ, что „земля, пріобрѣтенная гражданами цѣною крови, должна доставаться не самымъ безстыднымъ, а тѣмъ у кого нѣтъ своего поля". По его мнѣнію, понятіе свободы противорѣчитъ подчиненію одного человѣка другому.

Что массы вообще были настроены въ пользу экономическаго равенства и обобщенія имущества, это видно хотя бы изъ того, какъ одинъ демократически настроенный народный трибунъ, Л. Марцій Филиппъ [2]), обосновывалъ въ 104 г. до Р. Х. аграрный проектъ.

[1]) Pöhlmann: loc. cit., стр. 572.
[2]) Тамъ же, стр. 592.

Онъ возмущенъ, главнымъ образомъ, неравенствомъ, въ силу котораго одни должны работать для того, чтобы другіе пользовались плодами ихъ трудовъ.

Стремленіе къ равенству приводило къ созданію идеальныхъ картинъ современнаго общественнаго строя, отличительными чертами котораго является болѣе или менѣе полно осуществленная общность имущества и обусловленное имъ равенство. Утопизмомъ заражены были не только широкія массы подавленнаго нуждой народа, но и извѣстные круги образованнаго аристократическаго общества. Въ этомъ мірѣ мечтанія о лучшемъ порядкѣ связывались въ большинствѣ случаевъ съ легендою о золотомъ вѣкѣ, оставшемся далеко позади. Богачъ Сенека мечтаетъ о „тѣхъ счастливыхъ временахъ, когда дарами природы пользовались всѣ безъ различія, когда не существовало бѣдныхъ“ [1]). Помпей Трогъ (Trogue) разсказываетъ въ своей исторіи о времени Сатурна, когда „всѣ нераздѣльно пользовались общимъ имуществомъ, какъ будто они были наслѣдниками общаго отцовскаго имѣнія“ [2]). Тацитъ, Овидій, Тибуллъ и Вергилій — всѣ отдавали дань этимъ увлеченіямъ мечтою о „золотомъ вѣкѣ“.

Съ этимъ направленіемъ мысли были связаны практическія соображенія, вызывавшіяся требованіемъ радикальной реформы земельныхъ отношеній. Вопросъ о реформѣ землевладѣнія обострился еще во времена республики и выступившіе съ проектомъ реорганизаціи ихъ братья Гракхи являлись, такъ сказать, первыми аграрными соціалистами. Поднимая вопросъ о болѣе справедливомъ распредѣленіи земель, Гракхи мечтали, какъ говоритъ Каутскій [3]), вернуть къ землѣ не только обнищавшихъ крестьянъ, но и пролетаріевъ. Если это, такимъ образомъ, есть увѣреніе соціалистическое, то это, съ нашей современной точки зрѣнія—соціализмъ мелко буржуазный, крестьянскій. Однако здѣсь уже сдѣланъ былъ одинъ крупный шагъ въ развитіи идеи, отрицающей имущественное неравенство. Говоря о собственности на землю, Гракхи проводили идею общности и равен-

[1]) Тамъ же, стр. 611.

[2]) Въ Historiae Philippicae, изложенной Іюніаномъ Юстиномъ. См Niemeyr, Geschichte der römischen Literatur, 8 изд., 1909 г., стр. 78-ая

[3]) Каутскій: Изъ исторіи общественныхъ теченій, рус. пер., Спб., 1905, стр. 29.

ства за тѣсные предѣлы стараго коммунизма потребленія. Тутъ впервые совершенно сознательно поставленъ былъ вопросъ о равенствѣ владѣнія средствами производства. Это уже не мечтательный, сектантскій коммунизмъ потребленія, а живая практическая идея уравненія, освященная признаніемъ цѣнности и огромнаго соціальнаго значенія труда. Можетъ быть именно поэтому мы и не видимъ въ этомъ движеніи достаточно радикальныхъ построеній: оно для этого было слишкомъ практическимъ. Рѣшительнаго отрицанія частной собственности отъ Гракховъ ждать было нельзя, такъ какъ имъ приходилось считаться съ условіями производства того времени.

Аграрный соціализмъ древности, настаивая на идеѣ равенства, тѣмъ самымъ внесъ весьма существенный коррективъ въ экономическое міросозерцаніе культурныхъ людей античнаго міра: онъ заставилъ ихъ признать права труда [1]).

Таковы въ самихъ общихъ чертахъ экономическія идеи, около которыхъ останавливалась мысль античнаго писателя. Мы видимъ, что она не уклонилась отъ постановки соціальной проблемы во всей ея широтѣ, освѣтивъ ее не только въ полярностяхъ стоическаго и эпикурейскаго ученій, но и разсмотрѣвъ съ реальной консервативно-раціональной точки зрѣнія и съ точки зрѣнія утопическаго идеала.

---

[1]) Другія данныя объ экономическихъ воззрѣніяхъ римлянъ можно найти въ слѣдующихъ работахъ: Alonico, C. G., L'economia humana nell'antica, Roma, 1893; Drumann: Die Arbeiter und Kommunisten in Grichenland und Rom, Кенигсбергъ, 1860; Dureau de la Malle, Economie politique des Romaines, 2 т., Парижъ, 1840. Hofmeister: Die wirtschaftliche Entwicklung Roms, Вѣна, 1899. Lewandowsky: La question sociale à Rome au temps des Gracques, Парижъ, 1896; Nitzsch: K. W.-Die Gracchen, Берлинъ, 1877; Rodbertus-Jajetzow: Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des Klassischen Altertums въ Jahrbücher f. Nation, т. II, 1864, т. IV, 1865 и т. VIII, 1867. Weber, M.: Die Komische Agrargeschichte, 1891. Schulten, A.: Die römische Grundherrschaft, Веймаръ, 1896. Turaldo Bassia: Les classes ouvrères à Rome, Парижъ, 1892. Beaudouin, E.: Les grands domaines daus l'emdise romain, Парижъ, 1899. Ed. Meyer: Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums, Іена, 1895. Гревсъ, И.: Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, т. I. Спб., 1899. Бѣлоруссовъ, М.: Колонатъ, очеркъ возникновенія рим. крѣп. права, Варшава, 1903. Фюстель де-Куланжъ: Римскій колонатъ, Спб., 1908. Низе: Очеркъ римской исторіи и источниковѣдѣнія, рус. пер. Спб. 1908. Здѣсь указана новѣйшая европейская литература, а въ приложеніи—русская.

Не уклонилась мысль и отъ анализа другихъ чисто теоретическихъ вопросовъ. Словомъ всюду цѣнное творчество и богатство идей, которыя въ громадномъ большинствѣ случаевъ ассимилированы основоположеніями нашей культуры. И дѣйствительно, правъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій, говоря, что въ античности, „въ этой великой мастерской, въ которой распорядителемъ былъ Разумъ, были выработаны немногими для немногихъ всѣ драгоцѣнныя понятія, которыми мы теперь гордимся“ [1]).

---

[1]) Ѳ. Ф. Зѣлинскій: Античный міръ въ поэзіи Майкова, въ его сборникѣ: „Изъ жизни идей“, Спб., 1905 г.

III. Евреи.

Если исторія той или иной науки имѣетъ въ виду отыскать источники всѣхъ идей, то исторія политической экономіи должна принимать во вниманіе не только воззрѣнія греко-римскаго міра, но и то идейное наслѣдіе, которое дошло до насъ отъ еврейства. Чрезъ посредство христіанской церкви, выработанные еврейской мыслью взгляды не могли не оказывать вліянія на воззрѣнія европейцевъ, а слѣдовательно и на слагавшуюся на почвѣ этихъ воззрѣній науку объ общественномъ хозяйствѣ.

Къ сожалѣнію, экономическая исторія древняго еврейства, его археологія и памятники еще мало изучены историками-экономистами [1]). Намъ приходится ограничиваться въ этой области самыми скудными данными. Главнѣйшими источниками для изученія древнѣйшаго періода еврейства, т. е. времени отъ Моисея (XV в. до Р. Х.) до конца Вавилонскаго плѣненія (537 г. до Р. Х.), являются законодательство Моисея, псалмы и книги Пророковъ, пользоваться которыми, впрочемъ, можно только принимая во вниманіе „библейскую“ критику. Слѣдующій, второй, періодъ, начиная съ половины VI вѣка до Р. Х. до середины II вѣка послѣ Р. Х., является временемъ, когда складывалась „Мишна“ (изданная Егудою около 200 г.). Данныя, приводимыя въ названныхъ источникахъ, рисуютъ намъ

[1]) Экономическія воззрѣнія древняго еврейства пытается изобразить Du Mesnil-Marigny въ своей обширной: „Histoire de l'économie politique des anciens peuples“ (2-е изд., Парижъ, 1873). Значительная часть перваго тома (стр. 310—487) и начало второго тома (стр. 1—68) посвящены еврейству, но здѣсь рѣшительно ничего не дается для выясненія „воззрѣній“, а лишь содержатся сухія, иногда къ тому же невѣрныя указанія. Вообще же несомнѣнно, что многое въ древнемъ еврействѣ считавшееся прежде оригинальнымъ, заимствовано изъ Ассиріи (см. Библія и Вавилонъ).

не какое либо опредѣленное состояніе, а рядъ смѣняющихъ одна другую картинъ, цѣлую экономическую эволюцію, пережитую еврействомъ.

Во время эмиграціи изъ Египта евреи представляли собою полупастушескую, полувоенную организацію; они представляли собою типичный образчикъ номадовъ-скотоводовъ, вторгавшихся въ завлекавшую ихъ болѣе богатую страну съ осѣдлымъ населеніемъ. Но съ земледѣліемъ эти номады были вполнѣ и хорошо знакомы, какъ и бедуины современной Аравіи. „Посѣялъ Исаакъ на той землѣ и получилъ въ этомъ году самъ сто“ (гл. 26, ст. 12), говорится о сынѣ кочевника Авраама. Завладѣвъ затѣмъ плодороднымъ и богатымъ Ханааномъ и выработавъ замѣчательное законодательство, нормировавши земледѣліе и землепользованіе, они превратили Палестину, сообразно мѣстнымъ условіямъ, отчасти въ земледѣльческую, отчасти въ пастушескую страну. „Эти обѣ стороны сельскохозяйственнаго промысла—полеводство и скотоводство суть двѣ большія основныя отрасли израильскаго народнаго хозяйства. Въ общемъ государство покоилось на земледѣліи осѣвшаго населенія. Но еще долго сказывались слѣды кочевой жизни въ особенномъ предпочтеніи скотоводству и пастушеству. Сама страна къ тому же была какъ бы создана для этихъ двухъ занятій“ [1]). Позднѣе присоединяется къ этому и обмѣнъ товарами, торговля.

Право собственности на землю принадлежало у нихъ первоначально только всему народу. Индивидуальная собственность, какъ и самъ индивидуумъ, для Моисея почти не существуетъ. Человѣкъ, по его мнѣнію, то же самое, что произрастающее изъ земли дерево, т. е. временное существо, пришлецъ міра сего. „Человѣкъ, яко трава, дни его, яко цвѣтъ сельній, тако отцвѣтетъ“,—говоритъ въ томъ же духѣ псалмопѣвецъ. Этимъ взглядомъ обусловленъ и замѣчательный тезисъ книги Левита: „Земля да не будетъ продана въ вѣчность, потому что она принадлежитъ Мнѣ (т. е. Богу), а вы—Мои пришельцы“ (гл. XXV, 23). Оставалось только одно пользованіе для имущихъ и сдача въ аренду своего надѣла—для впавшихъ въ бѣдность. Срокъ аренды истекалъ съ наступленіемъ черезъ каждые 49 лѣтъ освободительнаго „юби-

[1]) Fr. Walter: Die Propheten in ihrem socialen Beruf, 1900, стр. 16.

лейнаго“ года. Тогда всѣ земельные акты безъ просьбъ или принужденія аннулировались въ силу самаго закона, а земля возвращалась въ родъ, владѣвшій ею первоначально (книга Левита, гл. XXV 11—17, 23 и 25). Передача земель происходила при строго установленной торжественной обстановкѣ и закрѣплялась актами [1]).

Позднѣе—земельныя отношенія мѣняются. Усиленіе матеріальнаго благополучія однихъ классовъ за счетъ другихъ происходятъ и внѣ Іерусалима, въ палестинской деревнѣ. Бѣдные попадаютъ въ зависимость отъ богатыхъ. Процессъ разложенія усиливаетъ ростъ національнаго могущества и связанныя съ нимъ войны. Солдатчина въ концѣ обезсиливаетъ крестьянина. Начинается сосредоточеніе земельныхъ владѣній въ немногихъ рукахъ. Появляется древнееврейское крупное землевладѣніе съ его обширнымъ рабскимъ трудомъ. Зрѣлище крестьянскаго разоренія волновало пророковъ. „Горе вамъ,—говоритъ пламенный Исаія,—пріобрѣтающіе домъ къ дому, присоединяющіе поле къ полю, пока не останется ни одного свободнаго мѣста, чтобы вы могли только одни жить на землѣ“. (Исаія, глава V, 8).

Плодородіе почвы, избытокъ хлѣба, удобные торговые пути вмѣстѣ съ усиленіемъ національнаго единства привели къ развитію торговли, а съ нею и роскоши. Дочери Израиля плакали о смерти Саула, одѣвавшаго ихъ въ кармазинъ и украшавшаго золотыми украшеніями. Во второй книгѣ Царей (гл. I, 24) мы читаемъ: „Дочери Израильскія, плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницы съ украшеніями и доставлялъ на одежды ваши золотые

---

[1]) Вотъ, что говоритъ по этому поводу за 600 лѣтъ до Р. Х. пророкъ Іеремія: „И пришелъ ко мнѣ Анаманъ, сынъ дяди моего, и сказалъ Купи мое поле. ибо тебѣ принадлежитъ на таковое право наслѣдства и выкупа. И купилъ я это поле за семнадцать скилей серебра. И росписался въ книгѣ, приложилъ печать и подтвердили свидѣтели, и отвѣсилъ ему покупную сумму. И получилъ я покупной актъ, запечатанный по закону и уставу, а также и открытый покупной актъ. И отдалъ я купчую крѣпость сію Баруху, сыну Ниріи, при свидѣтеляхъ, которые подписали купчую крѣпость и сказалъ я ему: Возьми эти записи, какъ запечатанную купчую, такъ и открытую, и положи ихъ въ глиняный сосудъ, чтобы онѣ въ цѣлости сохранялись долгое время, ибо такъ говоритъ Господь: Опять будутъ покупать въ сей землѣ дома, поля и виноградники“. (Книга пророка Іереміи, гл. XXXII, 8).

уборы". При Давидѣ, обратившемъ Палестину въ могущественное государство, завладѣвшемъ гаванями и торговыми путями, старая система хозяйства окончательно разложилась. Основалась могущественная столица, возникли большіе города, развилась городская жизнь, руководство торговой политикой взяло въ свои руки правительство, чеканившее деньги и охранявшее торговые пути. Соломонъ самъ дѣятельно занимался торговлей, монополизировалъ сношенія съ Египтомъ. Торговля стала всѣмъ для Палестины. „Іудейство стало теперь не только націею горожанъ, но и націею торговцевъ", говоритъ К. Каутскій, считающій даже, что этимъ разцвѣтомъ все подчинявшей себѣ торговли надо объяснять все, и характеръ религіи іудеевъ, и самыя основы ихъ монотеизма [1]).

Такъ постепенно возникъ и развился древне-еврейскій капитализмъ. Соціальная пропасть между классами расширилась, выросъ городской пролетаріатъ, а страну отъ времени до времени стали посѣщать голодовки, ранѣе неизвѣстныя. Весь этотъ процессъ не укрылся отъ глазъ болѣе проницательныхъ современниковъ. Пророки страстно возставали противъ него и указывали на его гибельныя послѣдствія. Но они искали причины разложенія стараго уклада въ религіозныхъ и этическихъ моментахъ, и яростно грозили судомъ Божіимъ богачамъ за участь неимущихъ [2]). Упадокъ вѣры и измѣну нравственнымъ правиламъ, завѣщаннымъ древностью, они считали источникомъ всѣхъ бѣдствій, а потому и рекомендовали для воздѣйствія на экономическій строй чисто моральныя средства. Они боролись съ роскошью, съ чревоугодіемъ и пьянствомъ, возставали противъ обмана въ торговлѣ, противъ несправедливости. Они ожидали появленія великихъ, нравственно сильныхъ личностей, которыя устроили бы рай на землѣ. „Тогда, — по мнѣнію пророка Исаіи,—дѣла страдальцевъ земли рѣшатся по истинѣ, тогда волкъ

---

[1]) Каутскій, К.: „Античный міръ, іудейство и христіанство", Спб., 1909. Нельзя, конечно, не замѣтить, что торговля сложилась позднѣе развитія религіозныхъ основъ іудаизма.

[2]) „Внемлите слову сему, вы, тельцы жирныя, что на горѣ Самарійской, вы, притѣсняющіе бѣдныхъ, вы, отталкивающіе жаждущихъ, говорящихъ своему господину: дай намъ пить! Клянется Іегова святостью своею: истинно говорю вамъ, придутъ на васъ дни, когда увезутъ васъ на корабляхъ и потомковъ вашихъ на рыбачьихъ лодкахъ",—говоритъ пророкъ Амосъ (гл. VIII, ст. 4).

будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ ихъ водить. И корова будетъ пастись съ медвѣдицами, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. А младенецъ будетъ играть надъ норою аспида, и дитя протянетъ руку свою въ гнѣздо змѣи".

Идеаломъ пророковъ является земледѣльческій образъ жизни и благоустройство средняго сословія. Съ современной точки зрѣнія они представились бы намъ защитниками мелкаго хозяйства. Ихъ принципіальная вражда къ другимъ формамъ хозяйственной дѣятельности наложила неизгладимую печать на всѣ воззрѣнія раввиновъ, законниковъ-толкователей. Рабби Папа поучаетъ: „обрабатывай землю и не торгуй"; рабби Аба-Гуріонъ совѣтуетъ не отдавать сына въ погонщики ословъ и верблюдовъ, въ матросы, пастухи и лавочники, ибо всѣ эти промыслы связаны съ грабительствомъ. Рабби Ахаія, защищая замкнутое, патріархальное хозяйство, сравниваетъ „покупающихъ хлѣбъ съ базара" съ „осиротѣвшимъ грудным ребенкомъ". Рабби Решь Лани поучаетъ, ссылаясь на притчи Соломона: „кто служитъ землѣ своей, тотъ наѣстся досыта хлѣба, въ противномъ случаѣ онъ будетъ въ нуждѣ" [1]).

Поэтому лучшее экономическое будущее всегда рисуется еврейству, какъ возвратъ къ земледѣлію. „Всѣ рабочіе и мастеровые люди.—восторженно мечтаетъ равинъ Елеазаръ,—возвратятся впослѣдствіи къ земледѣлію, ибо говоритъ писаніе: и сойдутъ съ кораблей своихъ всѣ владѣющіе весломъ, всѣ плавающіе въ морѣ, и къ землѣ пристанутъ". Дѣйствительныя условія не соотвѣтствовали мечтаніямъ пророковъ и раввиновъ. Денежное хозяйство вытѣснило натуральное, торговля находившаяся первоначально въ рукахъ кананитовъ и финикіянъ становилась обычнымъ занятіемъ евреевъ. Тогда дѣлается попытка регламентировать новыя отношенія: устанавливаются строгія правила для мѣръ и вѣсовъ, опредѣляются размѣры допустимой прибыли съ капитала, сурово караются ростовщики и лихоимцы.

---

[1]) Это и приведенныя выше изреченія раввиновъ взяты изъ книги Финна и Кацснельбогена, „Міровоззрѣніе Талмудистовъ", Спб., 1876.

Итакъ торговля была новымъ органомъ въ развитіи экономическаго быта древняго еврейства. Она начала развиваться ко времени царя Давида, когда вся Палестина уже въ рукахъ евреевъ и когда, захвативъ въ свои руки всѣ мѣстные пути, правительство начало облагать податью транзитные караваны. Торговля и капитализмъ свили себѣ прочное гнѣздо только въ израильскомъ царствѣ. Іудея же оставалась по прежнему преимущественно земледѣльческою и вмѣстѣ съ тѣмъ страною строгаго монотеизма [1]). Такимъ образомъ сельское хозяйство являлось основною склонностью населенія [1]).

Другою характерной особенностью древне-еврейскаго міросозерцанія было уваженіе къ труду вообще и ко всякому ремеслу въ частности. Въ этомъ Израиль расходится съ большинствомъ культурныхъ націй древности. Онъ возвышается до понятій, только изрѣдка встрѣчающихся у лучшихъ представителей античнаго міра. На признаніи и уваженіи труда сходятся всѣ—отъ пророковъ до царей, отъ Соломона и Давида до составителей Талмуда. „Если питаешься работою рукъ своихъ, блаженъ ты и благо тебѣ“ — восклицаетъ псалмопѣвецъ (Давидъ, пс. 128) [2]), и ему черезъ вѣка вторитъ Талмудъ-Тора (3, 11), требующій любви къ труду и презрѣнія къ барству. „Немного поспать, немного подремать, немного понѣжиться въ постели и бѣдность нагрянетъ, какъ непремѣнный спутникъ, и нужда, какъ вооруженный врагъ“, — говоритъ въ своихъ притчахъ великій знатокъ жизни—Соломонъ (Притчи, VI, 10). „Каждый обязанъ,—сурово поучаетъ раввинъ Меиръ въ Мишнѣ,—обучать своего сына ремеслу“. Рабби Іегуда считаетъ трудъ „великимъ и возвышающимъ человѣка“.

Литература, посвященная экономической жизни **древнихъ евреевъ**, очень скудна, прекрасные памятники древне-еврейскаго законодательства еще мало изслѣдованы съ экономической точки зрѣнія.

---

[1]) Это свидѣтельствуютъ и сами евреи у Іосифа Флавія. „Мы, евреи, не обитаемъ у морского побережья и не имѣемъ расположенія къ торговлѣ, а наши города лежатъ далеко отъ моря и занимаемся мы, главнымъ образомъ, воздѣлываніемъ нашей чудной земли“ (Флавій, „Іудейская война“, 3 книга, гл. 3).

[2]) Тотъ же, впрочемъ, мотивъ встрѣчается иногда и у грековъ (Гезіодъ, Солонъ).

Для интересующихся этимъ вопросомъ можемъ указать слѣдующія работы:

1. Кюбель: Die Sociale und Volkswirtschaftliche Gesetzgebung des Alten Testament, Висбаденъ, 1870.

2. Вальтеръ: Die Propheten im ihren socialen Beruf und das Wirtschaftsleben ihren Zeit, Фрейбургъ, 1900 г.

3. Финнъ и Каценэльбогенъ: Міровоззрѣніе талмудистовъ, СПБ., 1876.

4. Новакъ: Die sociale Probleme in Israel, Страссбургъ, 1892.

5. Лебединскій: Краткій историческій обзоръ движенія и развитіе древне-еврейскаго законодательства за время отъ Моисея до Маймонида, СПБ., 1901.

6. О воззрѣніяхъ раввиновъ на вопросы хозяйственной жизни можно найти указанія въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) Въ „Мишнѣ“ [1]) отдѣлъ Незикинъ трактатъ Баба-Меціа, VI и VII гл., 2) въ „Гемарѣ“—10 b., 76 a и b, 77, 83 a и b, 86 a и b, 87 a и b, 88 b, 89 a, 92, 93 b; 3) въ трактатѣ Баба-Кама, 116 a; 4) въ трактатѣ Шевуонъ, 45, 48, 49: 5) въ трактатѣ Кедушинъ, 22; 6) въ Іерусалимскомъ Талмудѣ, Баба Меціа [2]), гл. VII; 7) кромѣ того многое можно найти въ Кодексахъ Маймонида [3]), въ „Уставѣ о наймѣ“, гл. IX, §§ 1, 3, 4; гл. XI, §§ 1, 2, 6, 7, 9; гл. XII, § 1; „Туръ“, отдѣлъ IV, Хошенъ-Мишпаръ, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337; въ „Шулханъ-Арухъ“ [4]) (Кодексъ Каро).

7. Для общей оріентировки въ вопросѣ объ экономическомъ бытѣ древняго еврейства могутъ служить: Іосифъ Флавій: Іудейскія древности (есть русск. переводъ); Ренанъ: „Histoire du peuple d'Israel“; Schürer: Geschichte der jüdischen Volkes; Iost: Geschichte der Juden und seiner Sekten, Bd. I (устарѣла); A. Geiger und Munk: „Palestina“; болѣе спеціальны сочиненія: Herzfeld: Handelsgeschichte der Juden des Altertums, Брауншвейгъ, 1879; Schegg: Biblische Archäologie, Фрейбургъ, 1887; Wendland, P.: Die hellenistisch römische Kultur in ihren Bedingungen zum Christentum und Judentum, Тю-

---

[1]) Есть русскій переводъ Переферковича.

[2]) Къ нѣкоторымъ трактатамъ есть нѣмецкіе переводы разныхъ авторовъ, въ частности—переводъ Баба-Меціа.

[3]) Переводъ Кодекса Маймонида есть на нѣмецкомъ языкѣ, изд. Спб. Академіи Наукъ 1850—60 г.г. (въ извлеченіи). Правовая часть содержится въ III и IV томахъ.

[4]) Есть нѣмецкій переводъ. Правовая часть содержится въ III и IV томахъ.

бингенъ, 1907; Frank Buhl: Die Socialen Verhältnisse der Israeliten; Paul Krüger: Hellenismus und Judentum, Лейпцигъ, 1908; Schwalm, M.: Le type social du paysan juif á l'époque de Jésus-Christ, въ февральской книжкѣ „Science Sociale“ за 1908 г.; Kautzky, Karl: Der Ursprung des Christentums, Штутгартъ, 1908 г. Имѣется поверхностный русскій переводъ съ напыщеннымъ и претенціознымъ предисловіемъ русскаго переводчика, изд. „Шиповникъ“, СПБ., 1909 г. Пасманникъ. Очерки.

ЧАСТЬ II.

Изъ исторіи экономическихъ идей ранняго средневѣковья.

Христіанство.

Эпоха паденія античной культуры и сложенія новой европейской цивилизаціи неразрывно связана съ христіанствомъ. Оно давало рамки духовной жизни и само являлось идеологіею опредѣленныхъ отношеній, которая наполнялась содержаніемъ въ зависимости отъ хода реальныхъ событій. Считая земную жизнь временною, христіанство не имѣло опредѣленнаго экономическаго ученія, но зато выработало контуръ общественно-государственнаго идеала.

Относительно этого общественнаго идеала, принесеннаго христіанствомъ, существуютъ двоякаго рода предразсудки. Въ то время какъ одни видятъ въ христіанствѣ ученіе, родственное соціализму и считаютъ первыхъ христіанъ проповѣдниками коммунистическихъ идей, другіе готовы совершенно игнорировать коммунистическія тенденціи христіанства, а въ осужденіи христіанскими проповѣдниками богатства усматриваютъ простое морализированіе или демагогическую декламацію. И то и другое пониманіе христіанскаго ученія, съ нашей точки зрѣнія, одинаково невѣрно, не потому, чтобы оно представляли собою крайніе взгляды и чтобы истина находилась посединѣ между ними, а просто потому, что обѣ эти точки зрѣнія страдаютъ, въ концѣ концовъ, неясностью и натяжками. О какой либо коммунистической теоріи, какъ объ ученіи, рекомен-

дующемъ болѣе совершенную форму хозяйственной организаціи, христіанство рѣшительно ничего не знало. Ему чужда была даже мысль о томъ, что общій строй хозяйственной жизни можетъ быть радикальнымъ образомъ измѣненъ. Оно брало хозяйственную жизнь такой, какой она была въ то время и не призывало массы къ активному выступленію съ цѣлью преобразовать экономическія отношенія. Это не значитъ, конечно, чтобы распространеніе христіанства въ древнемъ мірѣ не являлось симптомомъ величайшей культурной революціи, революціи, которая естественно способствовала созданію новыхъ хозяйственныхъ формъ. Но религіозная идея, увлекавшая въ то время низшіе слои общества, не заключала въ себѣ сознательнаго выраженія уже намѣчавшейся въ экономической жизни тенденціи. Даже отрицательное отношеніе христіанскихъ проповѣдниковъ къ рабству въ большинствѣ случаевъ облекалось въ форму моральнаго осужденія жестокости, а не рабства, какъ экономическаго явленія. Тотъ или иной способъ производства совершенно не останавливалъ на себѣ вниманія христіанскихъ философовъ. Поэтому, если понимать подъ коммунизмомъ опредѣленно высказываемый принципъ хозяйственной организаціи или даже—какъ у Платона—извѣстную форму жизни, рекомендуемую ради опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей, то приписываніе христіанству коммунистическаго характера оказывается совершенно невѣрнымъ.

Однако нельзя согласиться и съ тѣмъ воззрѣніемъ, по которому христіанство являлось какъ бы ученіемъ, санкціонирующимъ существующій хозяйственный порядокъ. Новое религіозное движеніе, охватившее широкіе слои угнетеннаго народа и увлекшее за собой тѣхъ представителей господствующихъ классовъ, которые предчувствовали неизбѣжную смерть старой культуры и старыхъ формъ общественной жизни, оставаясь индифферентнымъ къ данному соціальному политическому строю,—не могло не выставлять новыхъ идеаловъ общежитія, радикальнымъ образомъ расходившихся съ господствовавшими въ то время формами.

Всякое новое религіозное движеніе instatu nascendi, т. е. пока оно остается въ широкомъ смыслѣ революціонно—если бы даже оно и непосредственно не означало возстанія противъ существующихъ

властей—обнаруживаетъ склонность именно къ коммунистическимъ началамъ. Вспомнимъ хотя бы исторію ученія Будды. Первыя группы послѣдователей новой истины, монахи и аскеты, устраиваютъ мужскія и женскія общины, въ которыхъ царитъ равенство и общность имущества. То же можно сказать и про первыхъ глашатаевъ исламизма, анабаптизма, квакерства и другихъ религіозныхъ ученій. Но только этотъ коммунизмъ далеко не имѣетъ характера коммунистической теоріи, онъ не выражается въ проповѣди новаго экономическаго строя, а сводится къ установленію извѣстныхъ этическихъ положеній и практическихъ требованій съ ярко выраженной коммунистической окраской. Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ коммунизмъ отнюдь не былъ чуждъ христіанству.

Какъ движеніе, знаменовавшее собой великій переломъ, оно прежде всего создало такой подъемъ общаго настроенія, который уже по самой религіозной сущности своей не могъ не увести человѣческую мысль далеко отъ простыхъ заботъ объ устроеніи жизни,—хотя бы и жизни цѣлаго общества. Всѣ идеалы христіанства находили себѣ выраженіе въ формѣ вѣрованій въ нѣкоторыя „вѣчныя и божественныя“ этическія истины.

Можно считать общимъ явленіемъ, что религіозное движеніе, пока оно остается живымъ и не успѣло застыть въ какой либо ортодоксіи, т. е. когда оно дѣйствительно является симптомомъ глубокаго перелома, вызываетъ къ жизни идею общности. Вытекаетъ ли эта идея изъ сущности религіознаго ученія, или она является результатомъ аскетическаго настроенія, всегда до извѣстной степени сопутствующаго религіозному подъему—поднимать здѣсь этотъ вопросъ намъ представляется излишнимъ. Безразлично также проповѣдывали или нѣтъ адепты христіанства идеалы коммунизма, какъ такового, въ этическихъ воззрѣніяхъ христіанъ коммунистическія черты имѣлись на лицо. Христіанское движеніе, пробудило къ жизни идею общности и выяснило свое отношеніе къ вопросамъ о собственности, о бракѣ и т. д.

Нельзя видѣть, кромѣ того, въ христіанствѣ первыхъ вѣковъ какого либо е д и н а г о ученія. Такъ можетъ представляться дѣло только людямъ, стоящимъ на „церковной“ точкѣ зрѣнія, и гото-

вымъ не считать христіанскими тѣ ученія, которыя расходятся съ установившимися въ церкви догматами. Но если принять во вниманіе все огромное количество различныхъ сектъ и общинъ, выступавшихъ подъ знаменемъ ученія Христа, или даже шире—все религіозное движеніе той эпохи, то мы увидимъ какое громадное мѣсто въ этомъ движеніи занимали и проповѣдь и практическое осуществленіе коммунизма. Нужно помнить только, что не всѣ общины и не всѣ секты одинаково послѣдовательно проводили этотъ принципъ. Тѣ ученія, которыя впослѣдствіи были признаны церковными соборами, быть можетъ, дѣйствительно склонны были къ отрицанію непосредственнаго проведенія въ жизнь крайне коммунистическихъ принциповъ.

Религіозный коммунизмъ во всѣ историческія эпохи былъ прежде всего коммунизмомъ потребленія. Христіанство въ этомъ отношеніи не дало ничего новаго. О соціалистической организаціи производства христіанскіе реформаторы не мечтали. Это происходило прежде всего потому, что религіозное міросозерцаніе ихъ вообще не включало въ себя какихъ либо представленій о болѣе совершенныхъ способахъ производства. Христіане того времени не видѣли связи между возмущавшими ихъ совѣсть пуризмомъ и эгоистическимъ поведеніемъ имущихъ съ одной стороны и формами производства съ другой. Ничего нравственно предосудительнаго въ томъ или иномъ способѣ производства не усматривалось. И имъ казалось, что всѣ бѣдствія, отъ которыхъ страдало человѣчество, обусловлены его нравственнымъ несовершенствомъ. И самая общность имущества обосновывалась ими какъ требованіе этическаго порядка. А затѣмъ та экономическая эволюція, которая совершалась въ эпоху распространенія христіанства и которая заключалась въ дальнѣйшемъ развитіи индивидуалистическаго хозяйства и въ разложеніи основанной на рабскомъ трудѣ формы производства, не могла внушить представленія о коллективистической организаціи труда. Указанная эволюція характеризовалась временнымъ упадкомъ крупнаго хозяйства, основаннаго въ древнемъ мірѣ на рабствѣ, а не переходомъ къ коллективизму.

Первоначально коммунизмъ потребленія для христіанскихъ общинъ былъ однимъ изъ существенныхъ признаковъ. Пер-

*

вая община по свидѣтельству Дѣяній Апостольскихъ (IV, 32, 34) была организована на строго коммунистическихъ началахъ: „имъ нельзя было ничего называть своимъ, а все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося, ибо всѣ, которые владѣли землями и домами, продавали ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ апостоловъ. И каждому давалось кто въ чемъ имѣлъ нужду". Естественнымъ слѣдствіемъ такого обычая были общія трапезы и общіе дома.

Однако коммунизмъ потребленія никогда не можетъ стать общей формой жизни. Онъ неминуемо сталкивается со старой индивидуалистической формой производства, съ принципомъ частной собственности на орудія производства и съ основами денежнаго хозяйства. Отсюда его быстрое разложеніе, приводящее къ отказу отъ проведенія его въ жизнь, а затѣмъ и отъ принципіальнаго признанія. Съ исчезновеніемъ того религіознаго энтузіазма, которымъ вообще характеризуются первые шаги каждаго новаго движенія, исчезаетъ изъ сознанія христіанъ и коммунистическій идеалъ жизни. Слѣды этого идеала продолжаютъ жить лишь въ обособленныхъ монашескихъ общинахъ, въ общемъ существующихъ на иждивеніи у „мірянъ".

„Отцы церкви" уже относились неодобрительно къ тѣмъ сектамъ, которыя продолжали фанатически отстаивать принципы строгаго коммунизма. Правда, нѣкоторые слѣды коммунистическаго міросозерцанія надолго сохранились въ этическихъ воззрѣніяхъ церковныхъ учителей. Такъ, св. Іеронимъ говоритъ, что „излишнее владѣніе есть ограбленіе общества"; Василій Великій провозглашаетъ, что „богатый—это воръ"; Іоаннъ Богословъ, предвосхищая Прудона, утверждаетъ, что „собственникъ—грабитель"; Амвросій считаетъ частную собственность „узурпаціей".

Но эти заявленія не означали прямого сочувствія коммунизму, а являлись или проповѣдью милосердія и братскаго отношенія къ людямъ или простою „соціалистическою" или, что быть можетъ вѣрнѣе, своего рода демагогически-морализирующею декламаціею. Практически коммунизмъ рекомендовался—и то не какъ обязательное требованіе,—самоотверженнымъ идеалистомъ Византійскаго міра, Іоанномъ Златоустомъ. Каутскій въ своей книгѣ: „Изъ исторіи обществен-

ныхъ теченій", приводитъ интересную выдержку изъ проповѣди этого смѣлаго человѣка. Говоря о первыхъ христіанахъ и указывая на царившую въ ихъ средѣ любовь, Іоаннъ Златоустъ предлагаетъ согражданамъ послѣдовать ихъ примѣру.

„Если бы мы теперь сдѣлали то же самое, то всѣ мы, богатые и бѣдные, жили бы гораздо счастливѣе; и бѣдные выиграли бы отъ этого не больше, чѣмъ богатые... ибо дающіе не только не бѣднѣли бы, но обогащали бы бѣдныхъ.

„Представимъ себѣ дѣло такъ: всѣ передаютъ свое имущество въ общественную собственность. Пусть никто не тревожится объ этомъ, ни бѣдный, ни богатый. Сколько же, думаете вы, соберется денегъ?—Я полагаю, утверждать это категорически, конечно, трудно,— что если бы каждый далъ всѣ свои деньги, поля, помѣстья, дома, (я не хочу говорить о рабахъ, первые христіане вѣроятно не имѣли ихъ, потому что должно быть отпускали ихъ на волю), то собрался бы навѣрно, милліонъ фунтовъ золота, и пожалуй даже вдвое или втрое больше"...

„Раздробленіе имущества является причиною излишней траты, а потому и бѣдности"..,

„Если бы мы только сдѣлали попытку и смѣло взялись за дѣло. Сколько благъ могло бы это принести. Если тогда, когда число вѣрующихъ было такъ ничтожно, всего три—пять тысячъ, когда весь міръ относился къ нимъ непріязненно и когда имъ негдѣ было искать утѣшенія, если тогда наши предшественники такъ рѣшительно взялись за дѣло—насколько больше увѣренности должны мы имѣть теперь, когда, милостію Божіей, повсюду есть вѣрующіе" [1]).

Но отцы церкви вообще были слишкомъ заняты дѣломъ практическаго устроительства церкви для того чтобы увлекаться мечтами о всеобщемъ равенствѣ и братствѣ. Какъ „реальные политики", они понимали, что безъ компромисса съ существующимъ государственнымъ и экономическимъ порядкомъ церковь не могла бы пріобрѣсти той силы, которая сдѣлала ее постоянной вліятельной организаціей. Изъ протестантовъ съ коммунистическими симпатіями церковные писатели превратились мало по малу въ сторонниковъ существующаго порядка вещей.

---

[1]) Каутскій: „Изъ исторіи общественныхъ теченій", Спб., 1905, стр. 34.

II.

По мѣрѣ развитія феодализма и укрѣпленія схолостики канонисты отрѣшаются отъ всякой тѣни коммунизма и оппозиціи.

И въ слѣдующую эпоху мы видимъ тоже сочитаніе элементовъ въ идеологіи: защиты существующаго строя и морализированія по поводу его грѣховности. Поэтому писатели, касавшіеся экономическихъ вопросовъ, были философами нравственности, мораль-философами [1]). Ихъ исходная точка зрѣнія, съ которой они разсматривали и экономическія проблемы, заранѣе опредѣлена догматомъ церкви „о долженствующемъ“. Да и по самому существу христіанской этики проповѣдь ея не могла давать особеннаго простора обсужденія вопросовъ экономки.

Экономическая наука въ эту эпоху занимается вопросами о приростѣ и распредѣленіи земныхъ благъ. Евангеліе же предостерегаетъ человѣчество отъ увлеченія земными благами и „отцы церкви“ развивали эту точку зрѣнія съ достаточной послѣдовательностью.

Въ то время какъ современная политическая экономія исходитъ изъ представленія о человѣкѣ, какъ о существѣ, стремящемся къ матеріальнымъ благамъ, христіанскіе философы думали иначе. Св. Іеронимъ писалъ, напримѣръ: Dives autem iniquus, aut inqui haeres“ Затѣмъ вопросы экономики могли возникать при разсмотрѣніи вопросовъ права. „Экономическія воззрѣнія канонической доктрины, нашли—себѣ теоретическое выраженіе въ сочиненіяхъ цѣлаго ряда богослововъ и юристовъ. Сначала онѣ излагались по поводу тѣхъ или иныхъ случаевъ, или въ формѣ комментаріевъ къ положеніямъ каноническаго права, впослѣдствіи же были сдѣланы общіе выводы и ученіе канонистовъ приведено, такъ сказать, въ систему“ [2]).

Чему же могли учить „отцы церкви“ и канонисты? Для нихъ высшимъ авторитетомъ, кромѣ Евангелія, былъ Аристотель. Но въ первое время Аристототель былъ доступенъ массамъ исключительно въ одной своей части: дозволялось читать только его логику, всѣ остальныя сочиненія были строжайше запрещены. Кромѣ того, и та

---

[1]) Brentano, L.: „Ethik und Volkswirthschaft in der Geschichte“, Мюнхенъ, 1902 г., 2-е изд., стр. 4.

[2]) Орженцкій, Р.: „Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ, Одесса, 1896, стр. 197.

часть, которая была доступна, была извращена, ибо не была еще къ тому времени въ точности возстановлена изъ сохранившихся текстовъ его сочиненій. Итакъ, это былъ с в о й особый схоластическій Аристотель, или, такъ наз., лже-Аристотель, чуждавшійся и физики, и метафизики, и политики дѣйствительнаго Аристотеля. Въ началѣ XIII вѣка въ Парижѣ были сожжены всѣ найденныя тамъ сочиненія Аристотеля. Тѣ же, кто осмѣливался протестовать противъ этого, подвергались безпощадному преслѣдованію. Такъ длилось нѣсколько поколѣній. Еще въ 1629 году, т. е. при Людовикѣ XIII, погибъ трагическою смертью Рамусъ за протестъ противъ лже-Аристотеля и за желаніе возстановить истинное ученіе Стагирита. Но и изувѣченный Аристотель далъ въ руки мыслящихъ людей того времени дивное оружіе: безпощадную логику. Этимъ оружіемъ и воспользовались к а н о н и с т ы. О средневѣковыхъ канонистахъ установилось вполнѣ естественное съ перваго взгляда, но совершенно невѣрное при ближайшемъ изученіи, представленіе, что это были простые толкователи идей оффиціальной христіанской религіи, распространявшіе основныя положенія этой религіи на всѣ области человѣческаго знанія. Съ этой точки зрѣнія они якобы смотрѣли на всѣ правовыя, этическія и, что для насъ въ данномъ случаѣ самое главное, на э к о н о м и ч е с к і я я в л е н і я. Между тѣмъ въ дѣйствительности канонисты не уклонялись никогда отъ обоснованія своего ученія на доводахъ разума и никогда не закрывали глазъ на факты дѣйствительной жизни. Канонисты всегда искали, всегда непремѣнно требовали разумнаго обоснованія каждаго догмата и были твердо увѣрены, что путемъ разсужденій, а въ этомъ и помогали силлогизмы Аристотеля, и путемъ изученія фактовъ они непремѣнно придутъ къ тѣмъ самымъ положеніямъ, которыя даны Св. Писаніемъ. Затѣмъ для обоснованія своего ученія въ деталяхъ канонисты пользовались принципами римскаго права. Въ послѣднемъ же, какъ извѣстно, цѣлый рядъ экономическихъ явленій получилъ уже нѣкоторую разработку. Для центральнаго пункта политической экономіи—ученія о цѣнѣ—канонисты создали обстоятельную теорію. Цѣна разсматривалась канонистами, какъ результатъ цѣлаго ряда факторовъ. Первоначально цѣну опредѣляетъ субъективная полезность, случайная необходимость вещи для удовле-

творенія потребностей. Цѣна является результатомъ сдѣлки двухъ обмѣнивающихся сторонъ. Но съ развитіемъ обмѣна, субъективная сторона цѣны нѣсколько стушевывается и на первый планъ выдвигается нѣчто новое, значеніе вещи для обмѣна, т. е. мѣновая цѣнность предмета. Мѣновая цѣнность понятіе отвлеченное, одно изъ первыхъ, при помощи котораго экономія вступила въ новую область абстрактнаго мышленія и чисто теоретическаго изученія. Но мѣновую цѣнность еще не совсѣмъ точно отличали отъ цѣны, ее еще считали совокупностью единицъ цѣны, которая заключается въ данной вещи и обнаруживается при ея обмѣнѣ на другую.

Для канонистовъ однако понятіе цѣнности еще связывалось съ понятіемъ цѣнности въ смыслѣ нравственной категоріи. Канонисты усвоили себѣ ученіе о двухъ видахъ цѣнности: номинальная цѣнность—pretium rerum singularum или utilitatis singularum и цѣнность реальная, дѣйствительная, verum pretium. Первая опредѣлялась случаемъ, нуждою, эксплоатаціею, въ ней констатировался фактъ, вторая носила въ себѣ идею справедливости и была абстракціею. Принявъ это дѣленіе, канонисты вмѣсто pretium verum стали еще типичнѣе называть мѣновую цѣнность—justum pretium.

Вотъ съ этой-то justum pretium и долженъ былъ сообразоваться торговецъ: не брать за свой товаръ согласно условіямъ рынка, не скрывать его недостатковъ, не пользоваться незнаніемъ покупателя. Но на подобнаго рода теоретическихъ пожеланіяхъ не останавливались. Государственная власть и духовенство проводятъ эту идею на практикѣ, секретно вмѣшиваясь въ процессъ обмѣна товаровъ. Появились знаменитыя средневѣковыя таксы и запрещенія. Итакъ, канонисты требовали, чтобы цѣна всегда отражала въ себѣ идею справедливости; покупка и продажа, не отвѣчающія этому требованію, осуждались. Отсюда вытекало, что, во-первыхъ, одну и ту же вещь всегда нужно продавать или покупать по одной и той же цѣнѣ, во-вторыхъ, сколько бы разъ одна и та же вещь ни служила предметомъ сдѣлки, цѣна ея не можетъ измѣниться, пока самъ предметъ не измѣнится. Прибыль торговца, согласно воззрѣніямъ канонистовъ, считалась грѣховной, такъ какъ она основана, по ихъ мнѣнію, на обманѣ. И если заработокъ тор-

говца можетъ быть допущенъ, то онъ долженъ являться лишь оплатой, вознагражденіемъ за трудъ (за доставку, перевозку, сохраненіе и т. п.).

Такимъ образомъ обмѣнъ является процессомъ смѣны одного предмета на другой, ему вполнѣ эквивалентный. Исходя изъ этого положенія, запрещали ростъ при займѣ или ссудѣ. Впрочемъ, это запрещеніе, какъ и все каноническое ученіе о ростѣ, съ теченіемъ времени подвергалось измѣненію. Дѣло въ томъ, что отсутствіе капиталистическаго производства въ раннемъ средневѣковьи мало-по-малу уступило мѣсто отдѣльнымъ случаямъ производительнаго употребленія капитала. Не взирая на всѣ запрещенія, кредитъ и ростъ стали мало-по-малу обычнымъ и необходимымъ явленіемъ предневѣковой жизни. Пришлось искать выходовъ изъ противорѣчія между жизненной практикой и ученіемъ и прибѣгать къ ухищреніямъ для выясненія законности и необходимости процента. Въ немъ увидѣли вознагражденіе за ущербъ, проистекающій отъ непользованія damnium emergans и указывали на различія въ пользѣ, приносимое извѣстнымъ и имѣющимся на лицо съ одной стороны и неизвѣстнымъ и только ожидаемымъ — съ другой. Кромѣ того существовала масса случаевъ, когда изъ общаго правила, запрещавшаго ростъ, дѣлались исключенія.

Итакъ, канонисты задолго до австрійской школы опредѣляли цѣну по ея отношенію къ полезности. Затѣмъ, по ихъ мнѣнію, цѣнность опредѣлялась также трудомъ и отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Трудовой источникъ цѣнности не представлялся имъ въ духѣ трудовой теоріи цѣнности, какъ будто цѣна предмета зависитъ отъ количества труда, требующагося на изготовленіе его. Они имѣли въ виду вообще расходы, затраченные на пріобрѣтеніе и доставку предмета.

При этомъ принимался во вниманіе не трудъ въ дѣйствительности затраченный, а только трудъ и расходъ, которые обыкновенно производятся, т. е. выражаясь современнымъ языкомъ, общественно-необходимый трудъ. Но указаніе на этотъ источникъ цѣнности особой роли въ ученіи канонистовъ не играло.

Важнѣе было ученіе о вліяніи спроса и предложенія. Въ спросѣ и предложеніи канонисты различали его экстенсивность, кото-

рая могла быть въ двухъ направленіяхъ: объективномъ и субъективномъ. Объективная экстенсивность—это количество товара на рынкѣ. Субъективная экстенсивность—это количество продавцевъ. Недостатокъ товара повышаетъ цѣну, избытокъ понижаетъ. Малочисленность конкуррентовъ продавцевъ тоже повышаетъ цѣну, многочисленность—понижаетъ. Искусственное или естественное ограниченіе количества продавцевъ создавало монополію. Монополіи вредны для всѣхъ, для народа и государей, занимающихъ деньги у монополистовъ-банкировъ. Особенно вредна монополія предметовъ первой необходимости.

Затѣмъ въ спросѣ и предложеніи различалась интенсивность ихъ, т. е. степень настоятельности для купца сбыта его товара. Какое вліяніе оказываетъ степень этой настоятельности на цѣны товара вполнѣ понятно. Наконецъ, послѣдняя составная часть, опредѣляющая спросъ и предложеніе,—это покупательная способность населенія. Цѣна тѣмъ выше, чѣмъ состоятельнѣе покупатели, тѣмъ ниже, чѣмъ покупатель бѣднѣе.

Такимъ образомъ, теорія цѣнности капиталистовъ представляетъ изъ себя стройно и детально разработанное ученіе. Цѣна опредѣляется полезностью предмета, трудомъ и расходами по доставкѣ и пріобрѣтенію, спросомъ и предложеніемъ его. Эта теорія господствовала безгранично до XVII-го вѣка, т. е. до времени, когда остальныя основы средневѣковаго канонической права стали рушиться. Съ современной точки зрѣнія, это весьма полное и замѣчательное для своего времени ученіе.

Любопытно прослѣдить его дальнѣйшую судьбу. Вліянію каноническаго ученія о цѣнности подчинялись и протестантскіе писатели, между прочимъ Лютеръ и Меланхтонъ. Зародившіяся уже въ эту эпоху новыя ученія, стоящія въ значительной мѣрѣ внѣ вліянія каноническаго права, являлись во многомъ шагомъ назадъ. Послѣдующіе экономисты не пытались охватить вопросъ со всѣхъ сторонъ и детально его проанализировать. Они останавливались на одномъ изъ указанныхъ канонистами источникѣ цѣнности и возводили его въ универсальную теорію. Такъ, сэръ Вилльямъ Петти далъ трудовую теорію цѣнности, но въ ея самой примитивной формѣ; итальянецъ Даванцати создалъ субъективную теорію, основанную

на предположеніи, будто вся сумма благъ имѣетъ въ силу какого-то общаго соглашенія между людьми цѣнность, равную всей суммѣ имѣющихся въ данное время денегъ. Цѣна предмета по этой теоріи, опредѣляется количествомъ денегъ, которыя находятся въ такомъ отношеніи ко всему количеству денегъ, какъ доля благополучія, производимая даннымъ предметомъ ко всему благополучію производимому всей совокупностью вещей. Философъ Локкъ устанавливаетъ теорію предложенія и спроса, сосредоточивая при этомъ свое вниманіе исключительно на количественномъ моментѣ предложенія и спроса.

Всѣ указанныя теоріи—основывались или становились въ то или иное отношеніе въ канонической докринѣ. Послѣдняя достигла наиболѣе полнаго развитія у Ѳомы Аквинскаго XIII вѣкъ, къ изложенію ученія котораго и переходимъ.

III.

Ѳома Аквинскій.

Изъ числа мыслителей, оказавшихъ наибольшее вліяніе на установленіе каноническихъ воззрѣній на право и экономію, особаго вниманія заслуживаетъ Ѳома Аквинскій [1]).

Ѳому Аквината Европа знаетъ уже рядъ столѣтій. Однако ни философы, ни юристы, ни богословы не стремились выяснить экономическое міровоззрѣніе Аквината. Между тѣмъ выясненіе точки зрѣнія человѣка столь необычайнаго ума и эрудиціи даетъ возможность установить экономическое міровоззрѣніе одного изъ лучшихъ представителей средневѣковья. Взгляды Ѳомы Аквинскаго по экономическимъ вопросамъ содержатся въ его знаменитой энци-

[1]) Подробныя указанія о дѣятельности и значеніи Ѳомы Аквинскаго можно найти во всѣхъ лучшихъ курсахъ исторіи философіи и исторіи богословія. Спеціально интересующимся этимъ выдающимся средневѣковымъ мыслителемъ съ экономической точки зрѣнія можно указать на монографіи Oncken'a, Froschhammer'a, Gonzalez'a, Max'a Maurerbrecher'a, у насъ на работу Р. Орженцкаго („Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ", Одесса, 1896); переводъ нѣкоторыхъ, важныхъ для экономической науки, мѣстъ сдѣлалъ Арк. Арсеневичъ, подъ моею редакціею въ студенческомъ сборникѣ „Рефераты и работы", Спб., 1905 г.

клопедіи „Summa theologica“ [2]) и въ книгѣ: „De regimine principum“.

Въ Summa Theologica Ѳома Аквинскій посвящаетъ каждому явленію отдѣльный „вопросъ“, который онъ раздѣляетъ на §§. При этомъ методъ изложенія всегда одинъ и тотъ же: въ видѣ вступленія авторъ приводитъ нѣсколько пунктовъ, которые повидимому служатъ оправданіемъ данному явленію, но, затѣмъ, однимъ текстомъ изъ священнаго писанія, или „отцовъ церкви“, или Аристотеля, онъ опровергаетъ все предыдущее и выводитъ даже заключеніе, въ которомъ примиряются видимыя противорѣчія. Затѣмъ онъ уже развиваетъ всѣ положенія, приведенныя первоначально бездоказательно во вступительныхъ положеніяхъ. Въ Summa Theologica (вопр. 66) онъ принимаетъ въ основаніе своихъ разсужденій тотъ выводъ предшествовавшихъ ему теологовъ, по которому все, что противно естественному праву, не дозволено, а все, что согласовано съ естественнымъ правомъ, должно быть признано общечеловѣческимъ и дозволеннымъ.

Съ этой точки зрѣнія онъ обсуждаетъ вообще вопросъ объ имуществѣ и владѣніи имъ. Онъ устанавливаетъ два вида отношенія человѣка къ внѣшнимъ благамъ: здѣсь можетъ имѣть мѣсто распоряженіе и хозяйственное владѣніе благами или только пользованіе ими, потребленіе ихъ. По отношенію къ этому послѣднему человѣкъ ничего не долженъ считать своимъ, а во всемъ видѣть общее достояніе; что касается распоряженія, то здѣсь не только дозволено, но даже необходимо для сохраненія человѣческой жизни, чтобы земныя блага находились въ частной собственности. Такимъ образомъ, какъ вѣрно замѣчаетъ Маурербрехеръ, „если къ этому присоединить еще, что указанный коммунизмъ потребленія in concreto сводится лишь къ оказанію помощи другимъ въ нуждѣ, то мы должны согласиться, что Ѳома старается выказать себя защитникомъ частной собственности“ [1]). „Естественное право,—

---

[1]) Maurerbrecher: Thomas von Aquinus Stellung zum wirtschaftlichen Leben seiner Zeit, 1898, стр. 99.

[2]) Переводы приводимыхъ далѣе отсюда текстовъ взяты изъ перевода студента А. Арсеневича, напечатаннаго въ изданномъ мною студенческомъ сборникѣ „Рефераты и работы 1902—1904 г.г.“ (Спб.,

говоритъ тотъ же авторъ,—потеряло у Ѳомы свое коммунистическое содержаніе, которое оно имѣло въ прежней теологіи. Собственность, въ которой раньше видѣли слѣдствіе грубаго и несправедливаго захвата, теперь разсматривается какъ необходимая основа общественной жизни“ [1]). Отцы церкви также не были, конечно, коммунистами, и у нихъ оставлены только неясныя симпатіи къ коммунизму потребленія; о коммунизмѣ, который охватывалъ бы все хозяйство и требовалъ бы общественной собственности на средства производства, имъ ничего неизвѣстно. Но для нихъ и не существовало противоположности между коммунизмомъ потребленія и коммунизмомъ въ смыслѣ формы хозяйственной жизни. Впервые со всей опредѣленностью подчеркнуто было это различіе именно Ѳомой Аквинатомъ, обсуждавшимъ этотъ вопросъ уже не только съ точки зрѣнія нравственныхъ требованій, но и съ точки зрѣнія интересовъ хозяйства. „Въ этомъ,—какъ справедливо замѣчаетъ новѣйшій изслѣдователь Ѳ. Аквината, Маурербрехеръ,—ему въ значительной степени помогъ Аристотель“.

Но есть одинъ существенный пунктъ, въ которомъ міровоззрѣніе Ѳомы Аквината представляетъ значительный шагъ впередъ по сравненію съ Аристотелемъ и даже римскими юристами. Тутъ сказалось уже вліяніе христіанскаго міросозерцанія. Этотъ пунктъ—вопросъ о трудѣ. Съ полной отчетливостью и опредѣленностью Ѳома Аквинскій устанавливаетъ то положеніе, что пріобрѣтеніе имущества должно основываться на производительномъ трудѣ. Исходя изъ того мнѣнія апостола Павла, что „кто не трудится, не долженъ ѣсть“ (Посланіе къ Ѳесс., III, 10), Ѳома Аквинскій считаетъ физическій трудъ не только нравственно добрымъ дѣломъ, но и необходимымъ требованіемъ божественнаго закона и есте-

---

1905); Арсеневичъ пользовался наилучшимъ текстомъ П. Брука: S. Thomae Aquinatis: Summa Theologica, Nicolai, Sylvii Bilnati et C.-S. Drioux notis ornata, Tomus IV, Editio sexta, 1870, Luxemburgi, P. Bruck editor. Переводъ былъ просмотрѣнъ извѣстнымъ переводчикомъ Лукреція Кара И. И. Рачинскимъ, по болѣе старому, лишенному комментаторскихъ измѣненій изданію Брука, 1612 г. (Divi Thomae Aquinatis, doctoris angelici, operum omnium tomus XI, стр. 117 и слѣд.).

[1]) Тамъ-же, стр. 121.

ственнаго права. Однако это требованіе не можетъ быть, по его мнѣнію, предъявляемо къ каждому индивидууму въ отдѣльности, а только къ человѣческому роду въ цѣломъ. „Отдѣльный человѣкъ не можетъ самъ удовлетворить всѣхъ своихъ потребностей". Благодаря господствующему въ обществѣ раздѣленію труда, становится возможнымъ не требовать отъ каждаго физическаго труда. При этомъ, каждый, кто желаетъ трудиться, имѣетъ и „право на трудъ", но, учитъ Аквинатъ, только обязанности имѣютъ рѣшающее значеніе [1]). Нѣкоторые изъ членовъ общества заслуживаютъ пропитанія иного рода дѣятельностью, столь же необходимой для общаго благополучія и для развитія хозяйственной жизни. Въ оцѣнкѣ того и другого вида дѣятельности Ѳома Аквинскій снова приближается нѣсколько къ Аристотелю, такъ какъ считаетъ физическій трудъ хотя и не презрѣннымъ, но все же стоящимъ ниже духовнаго. Столь же сильное вліяніе Аристотеля на Ѳому Аквинскаго сказывается и во взглядахъ послѣдняго на рабство. Подобно Аристотелю, онъ обосновываетъ необходимость рабства тѣмъ, что человѣкъ нуждается для веденія хозяйства въ помощи слугъ, которые „должны быть орудіемъ въ рукахъ хозяина" (cum servus sit quasi instrumentum domini in operando) [2]). Впрочемъ, Ѳома Аквинскій старается подчеркнуть, что власть хозяина должна ограничиваться лишь правомъ на трудъ раба, но не должна затрагивать его внутренней, духовной жизни, такъ какъ „въ духѣ и рабъ свободенъ". Съ точки зрѣнія идеала, рабство [redacted] должно, по его мнѣнію, быть осуждаемо; оно допускается имъ лишь, какъ учрежденіе существующаго права.

Вопросъ объ обмѣнѣ тоже сильно занималъ Ѳому Аквинскаго, и ему удалось, несмотря на отсутствіе у него спеціально посвященныхъ обмѣну работъ, вывести въ этой области церковную мысль на путь примиренія съ настойчиво заявлявшимъ о себѣ голосомъ жизни.

Въ сложной цѣпи развитія средневѣковыхъ ученій Ѳома Аквин-

---

[1]) См. Цвиденекъ-фонъ-Зюндерторстъ: „Теорія и практика заработной платы", рус. пер., Спб., 1906, стр. 142 и слѣд.

[2]) Thomae Aquinatis: Summa Theologica, II, I-ый вопр., 105, § 4 и sent. ч. 36, кн. 1, § 4.

скій играетъ роль перепутья. Старая, созданная канонистами на основаніи Аристотеля и нѣкоторыхъ мѣстъ священнаго писанія, теорія справедливой цѣны, justum praetium, и теорія денегъ болѣе не удовлетворяли. Онѣ стали въ полное противорѣчіе съ начавшею усиленно развиваться жизнью. Населеніе возростало, раздѣленіе труда и промышленная дѣятельность получали все большее и большее развитіе, крестовые походы оживляли торговлю... Экономическая жизнь все болѣе требовала заемнаго капитала и процентныхъ сдѣлокъ, а отцы церкви учили, что торговля— обманъ, что взиманіе процентовъ и грѣхъ и несправедливость. Необходимо было или опровергнуть ученіе церкви, что представлялось опаснымъ, или найти какой-нибудь примиряющій выходъ. Такой компромиссъ и находитъ Ѳома Аквинскій, а отсюда его историческая роль въ развитіи этого вопроса.

Свои взгляды на торговлю Ѳома Аквинскій излагаетъ въ особомъ вопросѣ: „Summae Theologicae". Этотъ вопросъ (77-ой) озаглавленъ такъ: „объ обманахъ, которые совершаются при покупкахъ и продажахъ, раздѣлено на 4 параграфа" (Quaestio LXXVII, De fraudulentia, quae committitur in emptionibus et vendicionibus in quattuor articulos divisa). Въ опредѣленіи цѣнности онъ сходится съ Августиномъ, который (De civitatae Dei, кн. XI, гл. 16) говоритъ, что „цѣна вещи разсматривается не по ея природѣ, такъ какъ иногда лошадь продается дороже раба, но по степени ея употребленія", т. е. другими словами, въ зависимости отъ ея полезности, пригодности. Поэтому „при обмѣнѣ вознагражденіе должно производиться согласно полученной пользѣ" [1]). Явленія, которыми часто сопровождается обмѣнъ, онъ называетъ грѣхами. „Мы должны разсмотрѣть грѣхи, которые касаются добровольнаго обмѣна; это, во-первыхъ, обманъ, который совершается въ покупкахъ и продажахъ; во-вторыхъ, процентъ, который бываетъ при займахъ. Касательно же другого рода обмѣна не по собственной волѣ, то въ немъ мы не находимъ никакого грѣха, который отличался бы отъ грабежа или отъ воровства". Тутъ возникаютъ вопросы: „позволяется ли продать что-нибудь дороже, чѣмъ оно стоитъ". „Обязанъ ли продавецъ указать покупателю

[1]) Th. Aquinatis: loc. cit., вопр. 77-ой, §§ 1 и 2-ой.

на недостатки продаваемой вещи“ и „позволительно ли при занятіи торговлей продать дороже, чѣмъ куплено“ и т. д.

Отвѣты на эти вопросы заключаются въ слѣдующемъ: „Хотя купить что-нибудь дешевле или продать дороже стоимости вещи, само по себѣ, говоритъ Ѳома, не дозволено и несправедливо, однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сообразно условіямъ покупающаго и продающаго и ихъ нуждѣ (въ вещи), можетъ быть позволено продать что-нибудь и купить дешевле, чѣмъ вещь сама по себѣ стоитъ, но всегда будетъ грѣхъ, если съ этимъ связанъ какой либо обманъ“. „Продать и купить одну вещь за другую можно только въ должной мѣрѣ и качествѣ, въ противномъ же случаѣ недозволено“. Что касается критерія оцѣнки вещей, то „въ каждомъ отдѣльномъ мѣстѣ правители государства должны опредѣлить справедливыя мѣры продаваемыхъ вещей, принявъ во вниманіе условія мѣстности и вещей“. Компромиссъ, допускаемый Ѳомою Аквинскимъ между требованіями жизни и нравственными законами, освященными писаніемъ, весьма сильно даетъ себя чувствовать, когда онъ обсуждаетъ вопросъ о томъ, обязанъ ли продавецъ сказать недостатокъ продаваемой вещи, заботясь о своей безубыточности, пока это не обращается въ ущербъ или опасность покупателю, въ особенности, если изъянъ не замѣтенъ.

Для измѣренія цѣны предметовъ изобрѣтена, по словамъ Ѳомы Аквинскаго, монета. Вопросъ о деньгахъ разработанъ имъ особенно интересно въ произведеніи, носящемъ названіе: „De regimine principum“ (1274). Необходимость денегъ для Ѳомы Аквинскаго несомнѣнный фактъ. Но все значеніе ихъ должно ограничиться ролью мѣновой мѣры цѣнности. Самостоятельнаго богатства деньги представлять не могутъ. Такимъ богатствомъ могутъ быть только естественныя богатства земли. Деньги получаютъ значеніе орудія обмѣна, благодаря опредѣленіямъ общественной власти. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобы онѣ могли не представлять никакой цѣнности. „Деньги должны быть дѣйствительно цѣнными и всякая поддѣлка ихъ пагубна для населенія“.

Совершенно недопустимымъ считаетъ Ѳома Аквинскій взиманіе

процентовъ за ссужаемыя деньги. и именно на томъ основаніи, что назначеніе денегъ заключается только въ томъ, чтобы служить средствомъ обмѣна. „Нужно сказать,—говоритъ Ѳома Аквинскій,—что получать процентъ за отданныя взаймы деньги само посебѣ несправедливо, такъ какъ продается то, чего нѣтъ, вслѣдствіе чего устанавливается неравенство, которое противополагается справедливости. Для очевидности этого нужно знать, что такое нѣкоторые предметы, пользованіе которыми есть самое ихъ потребленіе; какъ напр., вино мы потребляемъ, пользуясь имъ для питья, и пшеницу потребляемъ, пользуясь ею для ѣды. Поэтому въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ считать отдѣльно пользованіе вещью отъ нея самой". „Поступаетъ несправедливо и тотъ, кто даетъ взаймы вино или пшеницу, требуя получить обратно двойное возмѣщеніе". „Деньги же,—согласно философу (Этика, кн. V, гл. 5 и Политика, кн. I, гл. 5 и 6),—главнымъ образомъ, изобрѣтены для совершенія обмѣновъ", а такимъ образомъ собственно и главное пользованіе деньгами есть потребленіе ихъ самихъ, почему онѣ и уплачиваются при обмѣнахъ. „А потому само по себѣ недозволительно получать цѣну, которая называется пользованіемъ (процентомъ) за пользованіе деньгами, данными взаймы" [1]). Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе ученія знаменитаго канониста XIII столѣтія. Сходныя съ нимъ мысли, притомъ часто съ новою аргументаціею, высказывали Гонзалецъ Теллецъ и Ваконій Вакунійскій. Послѣдній приравнивалъ присвоеніе „плодовъ отъ ссужаемыхъ денегъ" воровству [2]). Дальнѣйшій ходъ развитія экономической мысли состоялъ прежде всего въ опроверженіи самыхъ основъ теоріи Ѳомы Аквинскаго и его послѣдователей.

---

[1]) Тамъ же, вопросъ 78-ой, § 1.

[2]) Какъ изложеніе ученія Таллеца и Ваконія, такъ и нѣкоторыхъ другихъ см. E. von Böhm-Bawerk: Geschichte und Kritik der Capitalzins-Theorien. I B. 2 Aufl. Innsbruk, 1900, стр. 22 и слѣд.

III. Наканунѣ меркантелизма.

I.

Вліяніе стройнаго и глубокопродуманнаго ученія канонистовъ на экономическіе взгляды было громадно. Въ продолженіе всего XIV-го и начала XV-го вѣка цѣлый рядъ менѣе извѣстныхъ канонистовъ разрабатываетъ и повторяетъ воззрѣнія Ѳомы Аквинскаго на цѣну, ростъ и процентъ. Таковы: Гонзалецъ Теллецъ, Ваконій, Цабарелла, Коваррузій. За ними идутъ другіе. Среди такихъ менѣе оригинальныхъ мыслителей, питающихся воззрѣніями первыхъ канонистовъ XIII вѣка, извѣстны: французы — Александръ д'Алесъ (1245) и Раймондъ де Паппенфортъ (1265), итальянскій монахъ Павелъ Миноритъ, написавшій „De regimine rectorum“ (1313 или 1315 (переиздано Адольфомъ Муссафіа въ 1868 г. въ Вѣнѣ), Энгельбертъ (умеръ въ 1331), монахъ Адманскаго монастыря въ Штиріи, которому принадлежитъ трудъ въ 7 книгахъ „De regimine principium, наставникъ французскаго короля Филиппа Красиваго, монахъ августинскаго монастыря Эдигій Колонна, ученикъ Ѳомы Аквинскаго, написавшій „De regimine principium“ и Франческо Петрарка (1304—1374) съ его „De republica optime administranda“.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ неаполитанскій юристъ Андреа д'Изерніа (1220—1316), касавшійся экономическихъ вопросовъ въ своихъ трактатахъ по различнымъ вопросамъ юриспруденціи [1]).

Изъ младшихъ схоластическихъ писателей XIII вѣка отмѣтимъ Hanri de Gand („De mercimoniis et negatiationibus“), стоявшаго на почвѣ ученія Ѳомы Аквинскаго.

[1]) Л. Косса полагаетъ, что Д'Изерніа заслуживаетъ вниманія какъ защитникъ неотчуждаемости общественныхъ владѣній и какъ человѣкъ, писавшій „о преимуществахъ сдачи налоговъ на откупъ“. Впрочемъ Косса руководится въ данномъ случаѣ словами Л. Палумбо, издавшаго въ 1886 году въ Неаполѣ трактатъ объ этомъ авторѣ.

Канонистамъ подражали и свѣтскіе писатели. Мнѣ удалось найти неизвѣстный въ исторіи политической экономіи весьма интересный экономическій памфлетъ нѣкоего Albert'a von Blanckenburg'a, изданный въ 1562 году и посвященный жадности землевладѣльцевъ и ростовщичеству. Заглавіе памфлета вполнѣ оригинально: „Vom Juncker Geitz und Wucherteufel; so jezt in der Welt in allen Stenden gewaltiglich regieret". Послѣ стиховъ, обращенныхъ къ благочестивому читателю и обширнаго къ нему прозаическаго воззванія, авторъ приступаетъ къ предисловію, въ которомъ, констатируя всеобщую жадность и страсть къ ростовщичеству, напоминаетъ, что „нашему міру существовать недолго", ибо послѣ 6 тысячъ лѣтъ его существованія онъ будетъ сожженъ и замѣненъ новымъ. Тогда наступятъ „Zwey tausend jhar O'de, zwey tausend jhar das Gesetz und swey tausend jhar die Tag Messie".

Вся брошюра полна тѣми „свидѣтельствами" изъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, въ которыхъ говорится противъ корысти и лихоимства. Увѣщевая и уговаривая „изъ-за временныхъ выгодъ не утрачивать благъ вѣчныхъ", авторъ указываетъ, что эти грѣхи дѣло рукъ діавола. Иногда онъ подкрѣпляетъ свои доводы ссылками на „философа" т. е. Аристотеля. Общій тонъ памфлета боевой и страстной. И надо думать въ тѣ дни это не было „единственное въ своемъ родѣ" произведеніе.

Вообще, повидимому, памфлеты играли въ общественной жизни того времени, довольно крупную роль. Особенно интересовались всѣмъ, что касалось качества денегъ, вопроса о хорошей и плохой монетѣ, повышенія цѣнъ и пр. Литература этого рода уже подходила къ нѣкоторымъ основнымъ вопросамъ будущей экономической науки и въ силу разумности и глубины высказанныхъ взглядовъ можетъ быть признана родоначальницею современной политической экономіи. Таковы, напримѣръ, анонимные памфлеты альбертинцевъ, сочиненія епископа Орезміуса и Николая Коперника. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти сочиненія, какъ одни изъ древнѣйшихъ памятниковъ европейской экономической литературы, требуютъ къ себѣ особаго вниманія; къ нимъ и переходимъ.

---

*

II.

Развитіе новыхъ условій жизни, сводившееся къ необходимости въ наличныхъ деньгахъ, заставляло тогдашнихъ государей Европы изыскивать средства къ накопленію и усиленному выпуску монеты. Невѣжество и алчность естественно подсказали прежде всего простѣйшій путь обогащенія: ухудшеніе качества монеты, ея фальсификацію и порчу во всевозможныхъ направленіяхъ.

Такая „почтенная“ дѣятельность не могла долго оставаться безнаказанною. Возникла экономическая неурядица, населеніе разорялось и голодало, и, наконецъ, все громче роптало. Вскорѣ появились листки, памфлеты, записки, гдѣ доказывался вредъ „новаго“ порядка и излагалась истинная природа денегъ. Къ числу болѣе видныхъ памфлетовъ относятся въ Германіи такъ называемые альбертинскіе, во Франціи—двумя вѣками раньше—Орземіуса.

Когда въ началѣ XVI вѣка Саксонскіе государи изъ Альбертинскаго и Эрнестинскаго дома занялись усиленною поддѣлкою монетъ, противъ нихъ возсталъ анонимный авторъ „Gemeine Stymme von der Münze“ [1]), вызвавшій отвѣтъ со стороны правительства („Die Münz Belangende“). Контръ-отвѣтъ („Apologia und Verantwortung“) также не замедлилъ послѣдовать. Эти три сочиненія, вновь недавно переизданныя, носящія общее названіе трехъ памфлетовъ о монетномъ спорѣ альбертинцевъ и эрнестинцевъ [2]) являются также, какъ и сочиненіе Орезміуса, родоначальниками и старѣйшими памятниками современной экономической литературы.

Литературныя произведенія, касавшіяся, подобно упомятутымъ только что памфлетамъ, вопроса о монетѣ, имѣли въ средніе вѣка

---

[1]) Недавно одинъ архиваріусъ (Wuttke) нашелъ въ дрезденскомъ архивѣ неоспоримыя доказательства, что авторъ эрнестинской рукописи нѣкій Reichmeister Adam Ries. Сохранилась рукопись и таблица умноженія, написанная Рисомъ, почеркъ которыхъ тотъ же самый, что, и эрнестинской рукописи.

[2]) „Die drei Flugschriften über den Münzstreit der Sächsischen Albertiner und Ernestiner um 1550“. Издали, перевели и объяснили K. Lötze и D-r Walter Lotz. Лейпцигъ, 1893 г., выпускъ 8-ой собранія древнихъ авторовъ: „Sammlung älterer etc“, подъ ред. L. Brentano и E. Leser'a.

огромное значеніе. Этотъ, повидимому, частный вопросъ, служилъ пунктомъ, вокругъ котораго, главнымъ образомъ, вертѣлись всѣ политико-экономическія концепціи того времени. Объясняется это, конечно, тѣмъ значеніемъ, которое въ государствахъ Европы пріобрѣло въ то время накопленіе денежныхъ запасовъ.

Хорошо извѣстная еще древнимъ цивилизаціямъ, чеканка металлическихъ денежныхъ знаковъ сдѣлалась подъ вліяніемъ разложенія натуральнаго хозяйства существеннымъ элементомъ политики. Увеличивающіяся потребности обмѣна не могли уже удовлетворяться тѣми запасами золота и серебра, которые были въ распоряженіи Европы. Пришлось прибѣгнуть къ чеканкѣ низкопробной серебряной и мѣдной монеты. Мѣдная монета не была новостью въ исторіи. Ее уже чеканили и въ древнемъ мірѣ. Въ Римѣ, какъ извѣстно, въ ходу была мѣдная монета, называвшаяся „ассы“. Теперь она появилась въ массѣ новыхъ типовъ и, будучи денежнымъ знакомъ весьма малаго достоинства, сдѣлалась доступной массамъ народа.

Чеканку монеты вѣдали государи, свѣтскія, духовныя, и нѣкоторыя юридическія лица, какъ, напримѣръ, рыцарско-монашескіе ордена или вольные города, владѣвшіе суверенными правами. Чеканка монеты приносила извѣстный доходъ скудной казнѣ тогдашнихъ правителей. Съ усиленіемъ центральной власти прежній бюджетъ становился все болѣе и болѣе недостаточнымъ, приходилось изыскивать новые источники. Крайняя нужда въ деньгахъ вызвала фальсификацію монеты самими правительствами. Какъ въ наше время, при введеніи бумажныхъ денегъ и цѣнностей, первое время увлекались издѣліями печатнаго станка, такъ и тогда въ фальсификаціи монеты видѣли дешевое средство добыванія деньги. Скоро финансовая политика всѣхъ странъ поставила своимъ девизомъ поддѣлку монеты. Монету поддѣлывали и удешевляли самыми безсовѣстными способами.

Любопытенъ тотъ фактъ, что фальсификаціи подверглась, главнымъ образомъ, м ѣ д ь, металлъ, обращавшійся преимущественно въ низшихъ слояхъ народныхъ массъ. Благородные же металлы, въ особенности золото, этой операціи не подвергались. Золотая монета была въ ходу только среди людей состоятельныхъ, могущихъ немедленно замѣтить поддѣлку, внутри же страны, въ народѣ, бѣдство-

вавшемъ и голодавшемъ, золото было совсѣмъ неизвѣстно. При томъ же золото въ большинствѣ шло на вѣсъ, что опять таки способствовало обнаруженію неполновѣсности, фальсификаціи. Французскіе, англійскіе, итальянскіе, нѣмецкіе и польскіе правители усердно портили монету цѣлыя столѣтія. Величайшимъ поддѣлывателемъ монетъ можетъ считаться французскій король Филиппъ Красивый. То же самое продѣлывалось и у насъ въ Россіи. Монета „удешевлялась“ и при великихъ князьяхъ и при царяхъ московскихъ. При правительницѣ Еленѣ и позднѣе при Алексѣѣ Михайловичѣ были настоящіе мѣдные кризисы и народные безпорядки, вызванные ненормальностями денежнаго обращенія [1]).

Поэтому отъ такихъ „финанансовыхъ мѣръ“ пришлось въ скоромъ времени отказаться.

Къ тому же мыслители и писатели среднихъ вѣковъ, увидавъ результаты подобныхъ правительственныхъ мѣропріятій, выступили въ защиту стараго порядка. Они порицали правительства и поясняли вредъ, проистекающій отъ порчи монеты для населенія. Имъ пришлось впервые разбираться въ сложномъ вопросѣ денежнаго обращенія и тѣмъ самымъ положить начало современной экономической наукѣ и позднѣйшимъ финансовымъ ученіямъ. Такимъ образомъ, можно считать, что современная теоріи денежнаго обращенія возникли изъ борьбы съ правительственною политикою ухудшенія монетъ [2]).

Первыми выступили въ этомъ направленіи французы, среди которыхъ выдѣляются Филиппъ Дюбуа и Николай Орезміусъ [3]). Въ 1300 г. Филиппъ Дюбуа въ своемъ сочиненіи „Summa brevis“ горячо упрекалъ короля Филиппа Красиваго за порчу имъ монеты и говорилъ, что это угрожаетъ большими опасностями. Онъ вскорѣ повторилъ свои напоминанія въ новомъ сочиненіи „De recuperatione sanctae terrae“ написанномъ въ 1306 году [4]).

---

[1]) См. Брикнеръ, „Мѣдныя деньги въ Россіи“.

[2]) Ср. Ernest Babelon: „La théorie féodale de la monnaie“, Парижъ, 1908 г.

[3]) Кромѣ нихъ въ XIV вѣкѣ писали: Жанъ Бюриданъ (1350). Дюранъ де-Сентъ-Пурсенъ (1359), Филиппъ де-Мезьеръ (1362), Жанъ Герзонъ (1420) и два Генриха Лангенштейнъ (онъ же Ассіа) и де-Гойта.

[4]) См. Onken, Geschishte etc. томъ I.

Особенно крупную роль въ исторіи вопроса сыгралъ замѣчательно даровитый епископъ Николай Орезміусъ, учитель Карла V-го[1]). Человѣкъ рѣдкаго образованія и трудолюбія, онъ перевелъ Аристотеля, философовъ, Библію и написалъ превосходное сочиненіе о деньгахъ, гдѣ въ краткихъ и поразительно вѣрныхъ чертахъ даетъ цѣлую теорію денежнаго обращенія. Небольшой трактатъ Орезміуса является родоначальникомъ обширной литературы послѣдующихъ вѣковъ, посвященной вопросу о деньгахъ, но ни у кого изъ послѣдующихъ писателей нельзя найти такихъ вѣрныхъ взглядовъ и положеній.

Сочиненіе Николая Орезміуса, озаглавленно: „Tractatus brevissimus optimis tamen sententiis refertissimus, de mutatione monetarum ac variatione facta per reges aut principes editus, a reverendo in Christo patre Nicolao Oresmio Lexoviensis, quondam antistote, theologo pariter ac philosopho acutissimo". Оно появилось въ печати впервые въ 1511 году въ Парижѣ (въ типографіи Томаса Кетта: Parisii Thomas Kett circa an. 1511). Написано же оно было въ серединѣ XIV вѣка. Такъ какъ книгопечатанія еще не существовало, то трактатъ, по обычаю того времени, распространялся во множествѣ рукописныхъ копій. Рядъ такихъ списковъ сохранился во французской національной библіотекѣ. Среди хранящихся тамъ списковъ три признаны наиболѣе ранними [2]). Ими и пользовался французскій экономистъ проф. Воловскій, переиздавая въ 1884 году латинскій текстъ трактата съ интереснымъ введеніемъ и французскимъ переводомъ [3]).

---

[1]) Onken, A. (Geschichte der Nationalökonomie, томъ I) не считаетъ,— и это совершенно несправедливо, Орезміуса заслуживающимъ того мѣста въ исторіи экономической науки, какое ему отводитъ Рошеръ.

[2]) Одинъ изъ нихъ, болѣе изящный, озаглавленъ: R. P. D. Nicolai Oresmii Lexoviensis Episcopi et praeceptoris Caroli V cognomento sapientis Regis Christi: Tractatus de origine et nature jure et mutationibus monetarum.

[3]) Въ печати знаменитый трактатъ Орезміуса появился впервые въ томѣ 9-омъ собранія сочиненій средневѣковыхъ богослововъ: Sacra Biblioteca Sanctorum Patrum. Оно издавалось въ Парижѣ Margarinus'омъ de la Bigne; девятый томъ вышелъ въ 1589 г. Вскорѣ въ самомъ началѣ XVII столѣтія появилось новое изданіе трактата въ собраніи сочиненій о деньгахъ (Opusc. de moneti), предпринятомъ Готардомъ Фогелиномъ въ 1605 г. въ Ліонѣ. Слѣдующее изданіе было предпринято въ 1642 г.

Въ XVIII и первую половину XIX вѣка Николай Орезміусъ былъ совершенно забытъ. Его какъ бы „открылъ“ и ввелъ въ науку нѣмецкій экономистъ-историкъ Вильгельмъ Рошеръ, сдѣлавшій объ Орезміусѣ особый докладъ въ 1862 году французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ [1]).

Какъ ни привлекательны стремленія „отцовъ церкви“ сдѣлать общественную жизнь отвѣчающей требованіямъ идеала, однако они не могли найти себѣ опоры въ дѣйствительности. Приходилось признать за жизнью ея права и считаться съ ея велѣніями, внимательно изучая ея законы. Орезміусъ сталъ именно на этотъ путь. Ему представлялось необходимымъ заняться прежде всего самымъ живымъ въ его время вопросомъ — вопросомъ о деньгахъ. Съ этимъ вопросомъ связывается у него и проблема цѣнности.

въ Аугсбургѣ Давидомъ Ѳомою де-Гагельштейномъ и носило названіе: De origine et jure nec non et de mutationibus monetarum“ Этимъ изданіемъ пользовался Рошеръ. Четвертое изданіе трактата вышло въ 24 томѣ громаднаго собранія „Maxima Biblioteca Veterum Patrum“ съ помѣткою „primo quidem a Margarino de la Bigne in lucem exita, 1697, Lugdini apud Aussonios“. Въ этомъ изданіи имѣется замѣтка: „Fuit hic Nicolaus Oresmius Caroli V Francorum Regis cognomento sapientes praeceptor, qui multos Aristotelis, Ciceronis aliorumque autorum libros convertit in gallicam linguam, larebat circa annum Domini, 1376“ На французскій языкъ сочиненіе Орезміуса было переведено и напечатано въ XV столѣтіи. Это старинное изданіе составляетъ величайшую рѣдкость: оно сохранилось всего въ одномъ экземплярѣ. Какъ видно изъ надписи на экземплярѣ, принадлежащемъ нынѣ французской національной библіотекѣ (въ 1811 г. при продажѣ книгъ нѣкоего Haillet de Couronne этотъ экземпляръ въ числѣ другихъ изданій Коларда Мансіона былъ купленъ Ванъ-Претомъ (van Praet) за 670 франковъ и пожертвованъ впослѣдствіи французской національной библіотекѣ). (Ср. van Praet: Notice sur Colard Mansion, libraire et imprimeur de la ville de Bruges dans le quinzième siècle, Парижъ, 1829, стр. 63). Переводъ былъ изданъ въ Брюгѣ Колардомъ Мензіономъ, извѣстнымъ въ городѣ издателемъ и книгопродавцемъ.

[1]) Докладъ проф. В. Рошера и обширное введеніе проф. Воловскаго вошли въ роскошное изданіе трактата Орезміуса, вышедшее въ 1864 г. подъ заглавіемъ: „Traicte de la primiere invention des monnaies de Nicole Oresme; texte francais et latin... publiés et annotes par L. Walowsky, membre de l'Institut, Парижъ (Gaillaumin), 1864. Воловскій издалъ два текста Орезміуса: на старо-французскомъ языкѣ и на латинскомъ. Первый воспроизведенъ съ хранящагося во французской національной библіотекѣ манускрипта и свѣренъ съ изданіемъ Коларда Мензіона, второй напечатанъ съ лучшаго и старѣйшаго манускрипта. Именно этимъ изданіемъ я и пользуюсь при дальнѣйшемъ изложеніи.

Орезміусъ стремился разрушить тѣ предразсудки относительно роли денегъ, которые позволяли видѣть въ нихъ какой-то самостоятельный источникъ богатства. „Деньги сами по себѣ не составляютъ,—говорилъ Орезміусъ,—богатства, деньги—простая мѣновая цѣнность, онѣ получаютъ свою цѣну не отъ указа короля, а только отъ того количества благороднаго металла, которое заключается въ каждой монетѣ“.

Если государство хорошо организовано, то при извѣстныхъ условіяхъ можно выпустить и условные денежные знаки, но при этомъ количество ихъ должно быть строго сообразовано съ тѣми нуждами, которыя вызываютъ выпускъ условныхъ знаковъ. Всякая же порча, измѣненіе установленной стоимости денежной единицы—есть посягательство на народный карманъ. Орезміусу представляется желательнымъ введеніе повсюду однообразной монетной системы. „Оно было бы возможнымъ,—говоритъ Орезміусъ,—если бы сильные міра сего, напримѣръ, свѣтскіе государи и папа римскій стремились къ этому. Болѣе слабыя государства, волею-неволею, должны были бы подчиниться установленной нормѣ. Если даже оказалось бы, что система избрана не совсѣмъ удачно, то и тогда при полномъ однообразіи большихъ затрудненій отъ этого не возникло бы.

Существуютъ однако, по мнѣнію Орезміуса, безусловно необходимыя требованія, которымъ должны удовлетворять деньги. Они заключаются въ томъ, чтобы деньги представляли извѣстную цѣнность и состояли исключительно изъ металловъ. Монета должна выпускаться высокопробная. Въ противномъ случаѣ оказался бы подорваннымъ кредитъ и потерпѣла бы ущербъ внѣшняя торговля [1]).

Драгоцѣнный вкладъ въ обширную литературу о деньгахъ внесъ также Николай Коперникъ (1473—1543), великій поль-

[1]) Объ Н. Орезміусѣ и его трактатѣ писали: Roscher, W.: въ „Comptes rendus de l'Académie de sciences morales et politiques“, т. LXII, стр. 435 и слѣд.; онъ же въ „Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland“, Мюнхенъ, 1874, стр. 24—28; Meunier, F.: „Essai sur la vie et les ouvrages de Nicolas Oresme“, Парижъ, 1857; Séguin: „Histoire des èvèques de Lisieux“, 1832; Lecointre-Dupont: „Lettres sur l'histoire monétaire de la Normandie et du Perche“, 1848; Воловскій въ предисловіи къ изданію трактата, 1884; Prou: „Esquisse de la politique monétaire des rois de France“, Парижъ, 1901. Emile Bridrey: „Nicole Oresme. La theorie de la monnaite au XIV-e siecle“.

скій астрономъ. По порученію польскаго короля Сигизмунда и канцлера Шидловецкаго, онъ написалъ въ 1526 году замѣчательное сочиненіе „Monetae cudendae ratio“. Оно было въ свое время распространено въ спискахъ и напечатано впервые въ началѣ XIX столѣтія. „Какъ бы ни были многочисленны причины, которыя ведутъ къ упадку государства,—начинаетъ свое сочиненіе Коперникъ,—но наиболѣе вліятельными изъ нихъ являются, по моему мнѣнію, четыре: междоусобіе, смертность, неплодородіе земли и паденіе стоимости денегъ (monetae vilitas). Первыя три настолько очевидны, что никто не обрѣтается по отношенію къ нимъ въ невѣдѣніи, но четвертая, касающаяся денегъ, извѣстна только немногимъ ученымъ и умнымъ людямъ, вслѣдствіе того, что она разрушаетъ государство не сразу, а понемногу, дѣйствуя какъ бы скрытнымъ образомъ“.

Выясняя сущность денежнаго обращенія, Коперникъ высказываетъ ту мысль, что деньги являются въ извѣстномъ смыслѣ общимъ мѣриломъ стоимости („est ergo moneta tanquam mensura quaedam communis aestimationis“), но это мѣрило должно быть всегда опредѣлено и закрѣплено закономъ; иначе продавцы и покупатели могутъ быть обмануты. Монеты должны находиться подъ строгимъ контролемъ государства и быть однообразны по всей его территоріи. Порча монеты въ Пруссіи привела къ упадку это государство. Монеты должны чеканиться только изъ благородныхъ металловъ, золота и серебра, а не изъ сплавовъ или кожи, такъ какъ эти драгоцѣнные металлы не мѣняютъ своей стоимости. Что касается взаимоотношенія золота и серебра, то оно, согласно наблюденіямъ, должно быть признано равнымъ отношенію 1 : 12. „Hoc argumento invenimus communiter apud omnes gentes libram unam auri puri tantum valere, quantum argenti pur libras XII“. Въ заключеніи (Epilogus reductiones monetae) Коперникъ приходитъ къ слѣдующимъ, необходимымъ, по его мнѣнію, положеніямъ: во-первыхъ, деньги должны измѣняться только по зрѣлому обсужденію Государственнаго Совѣта, по его единодушному постановленію; во-вторыхъ, для чеканки монеты должно быть избрано одно опредѣленное мѣсто, при чемъ на монетѣ должна чеканиться не эмблема отдѣльнаго города (civitas), а всей странѣ

(uottiterrae). Эта эмблема указывала бы на то, что монета сохраняетъ свою цѣнность по всему пространству королевства; въ-третьихъ, при выпускѣ новой монеты, монета стараго чекана должна быть переплавлена или уничтожена; въ 4-хъ, дѣленія фунта должны быть строго согласованы съ разъ принятымъ рѣшеніемъ. Въ-пятыхъ, необходимо избѣгать слишкомъ многочисленныхъ типовъ монеты и, наконецъ, въ-шестыхъ, всѣ части монетной единицы (ея подраздѣленія) должны чеканиться и выпускаться единовременно.

Во второй половинѣ того же XVI вѣка сочиненія о деньгахъ становятся очень распространенными. Объ нихъ пишутъ итальянцы, которые и раньше усиленно занимались этимъ вопросомъ, французы и англичане [1]).

Изъ числа писателей этой категоріи выдѣляются: итальянецъ Альберто Бруни, писавшій въ извѣстномъ тогда сборникѣ De monetiis. Бернардо Даванцати (Lazione della monete, 1588), Гаспаро Скаруффи, Джіовани Турболи, испанецъ Маріано изъ Толедо (1599), французы: Гарро (Garrauet,—1586), Бутру (Boutteroue,—1666), Буазаръ (Boizard,—1692) и Жанъ Боденъ. Въ сочиненіи послѣдняго О Республикѣ (1576), предлагаются чеканка монеты изъ чистаго металла (безъ лигатуры), единство монетныхъ дворовъ, введеніе биметаллизма при отношеніи серебра къ золоту, какъ 1:12. Позднѣе тотъ же вопросъ о деньгахъ трактуютъ въ Англіи труды сэра Вилльяма Петти, Джона Локка, Николая Барбона, Исаака Ньютона, Джозефа Гарриса. Но такъ какъ послѣдніе изъ названныхъ писателей сыграли видную роль въ послѣдующемъ развитіи экономическихъ идей, то мы откладываемъ ихъ изложеніе до слѣдующихъ главъ.

Литература этого періода, помимо указанныхъ въ сноскахъ сочиненій, сводится главнымъ образомъ къ трудамъ: C. Conigliani:

---

[1]) Бартоло ди Сассоферато въ XIV в., Мартино Гарато и Франческо Корти въ XV в., Юлій Агрикола (De rerum metallica,—1535) Августе Нифъ (De divitiis,—1531), Антоніо Сола (1541).

La dottrine monetaria in Francia durante de medio evo. Модено 1890 г. A. Saetbeer: Litteraturnachweis über Geldund Munzwesen. Берлинъ, 1892. Ernest Babelon: La théorie feodale de la Monnaie. Парижъ, 1908. Нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній можно найти и въ устарѣломъ очеркѣ Рошета: Ueber die Blüthe deutscher Nationalökonomie im Zeitalter der Reformation, напечатанномъ въ Berichte der sächeisdren Gesellschaff der wiss. phil.—hist. classe за 1862, стр. 145 и слѣд.

I.

Наканунѣ меркантилизма въ Россіи.

Протестъ противъ соціальнаго неравенства: Даніилъ Заточникъ и Поученія Соловецкаго Измарагда — „Слово о Правдѣ“ Стефана Вонифатьева.

Средневѣковая Русь рѣзко отличается отъ современныхъ ей европейскихъ странъ отсутствіемъ идейной работы въ области соціальнаго вопроса и не формулированностью своихъ общественно-экономическихъ желаній и воззрѣній. Грубый произволъ, притѣсненія, систематическое истязаніе рабовъ-холоповъ, безпощадное ростовщичество, подкупность суда, пытки—все это не встрѣчало отпора ни со стороны лучшихъ людей, ни со стороны массы [1]). И если рѣдко, крайне рѣдко слышался гдѣ-либо голосъ протеста или твердое заявленіе возмутившейся мысли,—то это былъ просто вопль истерзанной души, просто неоформленный крикъ негодованія.

Этотъ вопль мы встрѣчаемъ во многихъ памятникахъ; въ знаменитомъ словѣ несчастнаго Даніила Заточника, въ нѣсколькихъ проповѣдяхъ, въ поученіяхъ и пр. Онъ интересенъ и важенъ какъ характеристика эпохи, какъ свидѣтельство о возможности даже въ то мрачное время выразить чувство соціальнаго протеста.

---

[1]) „Богатые и сильные“,—по выраженію знаменитаго проповѣдника XIII вѣка епископа Серапіона,—„акы звѣрье“ въ ненасытномъ стремленіи къ пріобрѣтенію и порабощенію „жаждали абы всѣхъ погубити, несытьствомъ имѣнія порабощали, не миловали сиротъ, не знали человѣческаго естества“. („Прибавленіе къ Твореніямъ св. отцовъ“ за 1843 г., ч. 2, стр. 195).

Благородный Даніилъ Заточникъ предпочитаетъ нищету, связанную съ нравственной свободою, матеріальному благополучію въ домѣ своего притѣснителя. „Лучше мнѣ видѣть, восклицаетъ онъ изъ далекаго заточенія,—свою ногу въ лаптѣ, нежели въ красномъ сапогѣ на боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ тебѣ, князь, въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; хоть золотыя кольца вставь въ уши котлу, все же дну его не избыть своей черноты: такъ и холопу. Сколько не гордись онъ, но укора своего ему не избыть—холопьяго имени. Лучше мнѣ воду пить въ твоемъ дому, нежели пить медъ въ боярскомъ дворѣ... Говорится въ мирскихъ притчахъ: не птица въ птицахъ нетопырь, не звѣрь въ звѣряхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не холопъ въ холопахъ, кто у холопа работаетъ“.

Въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ изъ разысканныхъ Щаповымъ въ монастырскихъ библіотекахъ [1]) также встрѣчается этотъ вопль, но цѣнность его умаляется тѣмъ общимъ свойствомъ всѣхъ церковныхъ проповѣдей, обыкновенно далекихъ отъ жизни и чуждыхъ реальныхъ мотивовъ, впадать въ декламацію съ совершенно общихъ точекъ зрѣнія.

Впрочемъ, встрѣчаются выраженія и неподдѣльнаго и глубокаго негодованія. „Богачъ!—гремитъ „слово о немилостивыхъ богатыхъ“ невѣдомаго пастыря въ рукописномъ Измарагдѣ XV вѣка, сохранившемся въ библіотекѣ Соловецкой обители,—ты зажегъ на свѣтильникахъ Церкви свои свѣчи. Но вотъ сюда же пришли обидимые тобою рабы, сироты и вдовы съ воздыханіемъ къ Богу на тебя. Они слезами своими погасятъ твою свѣчу. О лицемѣріе! Лучше бы тебѣ не обидѣть ихъ, чѣмъ освѣщать храмъ Божій несправедливо собраннымъ воскомъ. Лучше помогай тѣмъ, кого ты изобидѣлъ. Это лютость, а не милостыня—рабовъ обидѣть, а другихъ миловать; однихъ заставлять работать, а другихъ надѣлять. Если и подашь ты когда милостыню убогимъ, но ежели рабы твои, пасущіе стада,

---

[1]) См. А. Щаповъ: „Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей“. Казань, 1859. Изъ этой интересной брошюры мы и заимствуемъ нѣсколько приводимыхъ далѣе текстовъ поученій.

потравили нивы сиротины, а другіе рабы твои мукою и неправдою приневолены къ работѣ, босые и нагіе, голодные и избитые невинно, а иные изморенные безмѣрными накладами, иные селъ тобою лишенные и ограбленные,— тѣ всѣ съ плачемъ вопіютъ на тебя къ Богу. Что и милостыня твоя, неправедный судія! Лучше оставь неправды твои и сдѣлай рабовъ своихъ безпечальными, чѣмъ Богу безумно приносить неправедно собранное имѣніе: тотъ истинно милостивецъ, кто отъ своей силы, отъ своего труда дастъ".

Я приведу еще одну выдержку, также характерную, но изъ другого болѣе поздняго сочиненія. Это любопытный проектъ, приписываемый Стефану Вонифатьеву, духовнику царя Алексѣя, объ основаніяхъ благоустройства крестьянства. Онъ помѣщенъ въ „Словѣ о Правдѣ", напечатанномъ въ книгѣ 2-й „Архива историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи". „Если поискать, въ нынѣшнее время благовѣрнаго царя,—льстиво говорится здѣсь,—то не знаемъ во всѣхъ народахъ, кромѣ русскаго народа, правовѣрующаго царя. И если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣпостно изыскивать и разсматривать все, что относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ до самаго послѣдняго. Ибо вельможи нужны; но они никогда неудовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего, нужны земледѣльцы; отъ нихъ трудовъ производится хлѣбъ; а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ... Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена, то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ, также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; на ямскіе расходы много серебра выходитъ. Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры—писари ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врозь, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. Ямской порядокъ должно устроить

весь подробно по росписанію—отъ города до города. И тѣмъ, которые въ городахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами; ибо владѣютъ большими прибытками. Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всяхъ воздаяній покупаютъ и продаютъ. Такимъ образомъ всякій мятежъ земскій умалится, и писари уменьшатся, сборы прекратятся и взятокъ не будетъ".

II..

Отношеніе къ проценту.—Сказаніе о новгородскомъ посадникѣ Щилѣ.

Какъ сборщики податей, особенно мыта, такъ и ростовщики вызывали глухой народный ропотъ. Мытари, сборщики пошлинъ или мыта, считались великими грѣшниками: „мытничество разбойничества злѣе". Также смотрѣли и на взиманіе процентовъ „рѣзовъ", которые доходили до невѣроятной высоты. „Русская Правда" узаконяла необыкновенно высокій ростъ, результатомъ котораго являлась кабала. Въ XIII, XIV и XV вв. „рѣзы" были также очень высоки. Взиманіе большихъ процентовъ считалось дѣломъ кровавымъ („кровавое рѣзоимство"). Митрополитъ Никифоръ въ одномъ изъ своихъ поученій говоритъ, что „плоть братскую ѣдятъ рѣзоимцы". Но онъ не настаиваетъ, какъ можно было бы ожидать, на полной отмѣнѣ процента, а лишь рекомендуетъ ихъ пониженіе. По его мнѣнію слѣдуетъ взимать „на пять шестой" т. е. не болѣе 20%.

Новгородское сказаніе о посадникѣ Щилѣ даетъ намъ характерную иллюстрацію къ сужденію народа о ростовщичествѣ. Въ юности Щилъ былъ великій рѣзоимецъ, чѣмъ нажилъ себѣ большое состояніе. Почувствовавъ приближеніе смерти и желая „замолить грѣхи"—посадникъ, строитъ обширный храмъ, на освященіе котораго приглашается архіепископъ. Послѣ освященія, Щилъ все же не успокаивается и проситъ у владыки совѣта объ полномъ очищеніи отъ грѣховъ. Архіепископъ совѣтуетъ лечь посреди церкви, въ саванѣ, въ гробъ и отпѣть себя. Но когда

совѣтъ былъ исполненъ совершается чудо: живой „мертвецъ“ съ гробомъ проваливается въ раступившуюся землю. Только посадскому сыну, совершившему рядъ богоугодныхъ дѣлъ удается отмолить отца и гробъ постепенно возвращается на поверхность земли.

Конечно подобнаго рода легенды, при полной своей образности, не рисуютъ сознательнаго общественнаго настроенія мысли.

III.

„Домострой Сильвестра Медвѣдева.—Его экономическое содержаніе.

Трудно, впрочемъ, указать, гдѣ первые этапы русской общественной мысли, гдѣ первая заря нашего народно-хозяйственнаго самосознанія. Медленно, едва замѣтно пробиваются они на протяженіи вѣковъ. Яркая грань русской исторіи—эпоха Петра уже знакома съ опредѣленнымъ экономическимъ направленіемъ, съ воззрѣніями меркантилистовъ. Трудъ Посошкова—памятникъ меркантилизма, этими же взглядами проникнуты и указы Петра и вся его эпоха. Какъ и когда созрѣло у насъ это направленіе, какъ вообще мыслили по экономическимъ вопросамъ въ допетровскую эпоху?

Отвѣтъ на это можно найти, углубившись въ „московскій“ періодъ, къ начальнымъ годамъ мрачнаго XVI вѣка. Къ этому времени создается цѣнный памятникъ эпохи—знаменитый „Домострой“ протопопа Сильвестра Медвѣдева. Вотъ характерное зеркало времени, типичный выразитель воззрѣній вѣка.

О „Домостроѣ“ Сильвестра очень много писали; и книга, и ея авторъ хорошо извѣстный каждому школьнику, а безсмертныя крылатыя выраженія варварской патріархальности—у всѣхъ на устахъ. Въ дальнѣйшемъ памятникъ разбирается съ иной точки зрѣнія: дѣлается попытка опредѣлить его соціально-экономическое содержаніе, выдѣляется зерно политико-экомическихъ взглядовъ его составителя [1]).

---

[1]) Съ экономической точки зрѣнія подходили къ оцѣнкѣ Домостроя профессоръ В. Н. Лешковъ („Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи“) и А. Брикнеръ („Иванъ Посошковъ“). Первый, пытаясь установить несуществовавшую въ дѣйствительности преемственность во взглядахъ Сильвестра, Волынскаго и Посошкова, приходитъ въ полное умиленіе отъ домостроевской проповѣди „пра-

„Домострой“ не знаетъ народнаго хозяйства, какъ цѣлаго. Матеріальный бытъ подданныхъ составлялъ тогда еще одну изъ вѣтвей хозяйства властителя, который по примѣру всѣхъ средневѣковыхъ князей, разсматриваетъ страну, какъ свое имѣніе. Отсюда „Домострой“ могъ представлять собою только сводъ правилъ домашней экономіи, принципы которой, какъ принципы частнаго хозяйства, антагонистичны общественно-хозяйственнымъ, игнорирующимъ точку зрѣнія выгоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ „Домострой“ даетъ намъ картину замкнутаго и самодовлѣющаго полуфеодальнаго хозяйства, въ которомъ уже въ значительной мѣрѣ развиты потребности. Каково было въ ту эпоху крестьянское хозяйство, мы изъ этого памятника не узнаемъ, ибо „Домострой“ не демократиченъ; правила его непригодны для всякаго русскаго хозяйства, а лишь для домоводства избранныхъ. Только князь, да большой бояринъ, имѣющій чревоугодливое настроеніе крѣпостника, большія владѣнія и множество домочадцевъ, могъ что-либо почерпнуть изъ наставленій московскаго протопопа. Въ этомъ, конечно, могла бы быть и положительная сторона сочиненія: онъ не могъ бы имѣть значительнаго распространенія въ массахъ, но вспомните хотя бы то, что говоритъ о тогдашнихъ массахъ Флетчеръ—и всѣ слова замираютъ на устахъ.

По своему матеріальному содержанію и по характеру изложенія „Домострой“—простая сводка практическихъ рецептовъ и лукавыхъ совѣтовъ, проникнутыхъ духомъ мелочного скопидомства и тревожной подозрительности. Это одна изъ разновидностей поученій въ той „разумной и трезвой“ экономіи, которою во всѣ времена гордилось всесвѣтное мѣщанство. За рецептами лукулловскихъ постныхъ блюдъ и за перечисленіемъ средствъ сохраненія столь обильныхъ запасовъ, что имъ могли бы позавидовать наиболѣе прожорливые гоголевскіе персонажи, слѣдуютъ варварскія правила обращенія съ домочадцами и слугами и рядъ плутовскихъ совѣтовъ для производства выгодной покупки и прибыльной про-

---

вильнаго житія“, которую считаетъ „истинно христіанскою философіею“. Второй касается Домостроя лишь какъ небольшого эпизода предшествовавшей Петру эпохи.

дажи. Особенно антипатична современному чувству послѣдняя, 64-я по счету, глава „Домостроя“ содержащая „посланіе и наказаніе отца (т. е. самого попа Сильвестра) къ сыну (Анфиму)“. Но, по крайней мѣрѣ, эта глава даетъ цѣльное впечатлѣніе, тогда какъ остальная часть представляетъ механическую смѣсь всевозможныхъ отрывковъ изъ пестрой книжной сокровищницы древней Руси. Чего тутъ только нѣтъ! И начало „Стоглава“ Геннадія, патріарха Константинопольскаго, и „Измарагдъ“ Златоуста и курьезный сборникъ „Златая цепь“, и „Прологъ“, и „Поученіе Серапіона Владимірскаго“...

Кромѣ всего этого, заимствованнаго „безъ ссылокъ на источники“, попадаются краткія выписки изъ „Номоканона“, изъ „Соборныхъ Постановленій“ и пр. Послѣднія уже съ прямыми указаніями источниковъ. Такимъ образомъ, работа Сильвестра скорѣе редакторская, но чѣмъ больше историческая и филологическая критика развѣнчивала его, какъ самобытнаго автора, тѣмъ цѣннѣе становился этотъ памятникъ, какъ зеркало коллективной мысли эпохи.

Переходя къ самой экономикѣ Домостроя, необходимо замѣтить, что чисто хозяйственные вопросы занимаютъ 23 главы, что составляетъ около одной трети всей книги. Но ни въ одной главѣ нѣтъ ни единой общей мысли, кромѣ вульгарныхъ наставленій узкой прописной морали. „Торгуй полюбовно, а деньги плати вручъ“.—„Хотя и ненадобе, а дешево—купи“.—„Запасено слишкомъ—на томъ деньги будутъ съ прибылью“.—Вотъ важнѣйшіе хозяйственные тезисы „Домостроя“. Не спасаютъ убогости содержанія и вкрапленныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ филантропическія декламаціи въ лицемѣрно-елейномъ стилѣ. Напримѣръ: „Смирена Богъ любитъ, а покорѣному Богъ благодать даетъ“, или: „нынѣ домочадцы наши всѣ свободны, живутъ у насъ по своей волѣ“ и пр.

Какую же эпоху характеризуетъ Домострой, разъ онъ повторяетъ положенія столь, какъ мы видѣли, различныхъ памятниковъ?

Домострой не старъ: древнѣйшій списокъ, по даннымъ па-

леографіи, относится къ первой половинѣ XVI вѣка. На то же указываютъ и его тенденціи: Домострой вѣренъ своей эпохѣ—онъ бюрократиченъ и буржуазенъ. Его первая половина составлена, какъ то видно изъ указаній спеціалиста-изслѣдователя, въ началѣ XVI или въ концѣ XV вѣка и, притомъ, ярымъ сторонникомъ усиленія царской власти Московскаго государства; вторая—писана не позже XV вѣка богатымъ новгородцемъ, промѣнявшимъ тревожную вольность вѣчевика на сытое спокойствіе царскаго холопа [1]). Судя по значительному числу списковъ, московская знать зачитывалась Домостроемъ, но въ петербургскую эпоху онъ былъ совершенно забытъ. Вновь этотъ памятникъ сталъ извѣстенъ со времени его перваго напечатанія, т. е. съ 1849 года [2]), послѣ чего онъ нѣсколько разъ переиздавался [3]).

Намъ остается сдѣлать общую характеристику соціальнаго настроенія Домостроя.

Узость общественнаго кругозора и интеллектуальная приниженность допетровской Руси вполнѣ отразились во взглядахъ на народное хозяйство и благосостояніе, содержащихся въ Домостроѣ, во всемъ его направленіи и сентенціяхъ. Онъ типичный образчикъ московскаго самодержавія и всѣхъ тенденцій допетровской Руси. „Образъ воспитанія“,—какъ говоритъ, образно характеризуя эпоху,

---

[1]) Некрасовъ, И. С.: „Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя“. Изданіе Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва, 1873 г., стр. 137. Некрасовъ полагаетъ, что кромѣ двухъ указанныхъ частей, третью часть Домостроя составляетъ болѣе древнее его ядро, „продомострой“, по его терминологіи. Авторъ высказываетъ также предположеніе, что Сильвестру, быть можетъ, принадлежитъ компиляція: приспособленіе этого новгородскаго памятника къ московскимъ условіямъ.

2) Изданъ впервые Сахаровымъ во II томѣ его „Сказаній русскаго народа“ и въ томъ же году Д. Голохвостовымъ („Домострой попа Сильвестра“) во „Временникѣ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“.

3) Таковы изданія: 1) Императ. Общ. Исторіи и Древн. Росс., 1881 г., 2) В. Я. Яковлева, Москва, 1887 г., 3) А. Н. Чудинова въ его „Русской класной библіотекѣ“, Спб., 1891.—Полное заглавіе Домостроя, по нѣкоторымъ спискамъ, слѣдующее: „Книга, глаголемая Домострой, имать въ себѣ вещи, зѣло полезны во ученіе и наказаніе всякому христіанину, мужу и женѣ, чадомъ и рабомъ и рабынямъ“.

*

Флетчеръ (гл. XII),—„чуждый всякаго основательнаго образованія и гражданственности и признаваемый властями самымъ лучшимъ для государствъ и вполнѣ согласнымъ съ образомъ правленія“, наложилъ на все свою неизгладимую печать, усиливая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и контрастъ съ Западомъ. И, дѣйствительно, въ ту эпоху, когда смѣлая мысль европейца уже формулировала высокій соціальный идеалъ, въ то время, когда на Западѣ становились ходячими многіе изъ боевыхъ девизовъ и тезисовъ современности, наши „лучшіе люди“ благоговѣйно твердили сомнительныя положенія убогой и лицемѣрной мудрости раболѣпствующихъ подъячихъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія современной оцѣнки,—а она для того времени во многомъ допустима,—гордость вѣка, знаменитый Домострой—удивительная смѣсь наивнаго и невѣжественнаго варварства съ коварнымъ смиреніемъ и самоувѣренностью. Читая этотъ памятникъ, не знаешь, чему больше удивляться: дикой ли грубости нашихъ предковъ или печальной скудости ихъ общественной мысли. Жестокость и приниженность даже у домашняго очага! И никакого противовѣса, ничего, что могло бы компенсировать этотъ безпросвѣтный эгоизмъ, это животное себялюбіе! Участь русскаго человѣка того времени несравненно печальнѣе, чѣмъ раба античнаго Рима или франконскаго виллана въ самую темную эпоху средневѣковаго варварства: у нихъ есть хоть свой Спартакъ, свой Флоріанъ Гейеръ. Гнѣвное возмездіе, кровь и огонь подымали по временамъ человѣческое достоинство угнетенныхъ. И въ мірѣ идей всегда создавался серьезный противовѣсъ мѣщанской пошлости и злорадному филистерству. Такъ, рядомъ съ древне-греческимъ варіантомъ Домостроя, съ „Экономіею“ Ксенофонта,—свободолюбивая мысль грека создала суровую политику Аристотеля и вдохновенную, заоблачную утопію Платона. Такъ, рядомъ со скопидомными поученіями европейскаго Сильвестра — „заточника въ Бари“ [1]) и одновременно съ плоскими выходками италіанскаго

1) Сочиненіе Заточника въ Бари относится къ XIII вѣку и озаглавлено: „Dottrina o proverbi dello Schiano di Bari“.

Домостроя Пандольфини [1]), средневѣковый европеецъ грезилъ о Новомъ Сіонѣ анабаптистовъ, вѣрилъ въ „Вѣчное Евангеліе“, зачитывался Томасомъ Моромъ и Кампанеллою, бѣжалъ за Гуссомъ и Саванароллою... А у насъ... русскому Домострою нечего противопоставить. И зато Домострой и царствовалъ безграничнo.

III

А. Л. Ордынъ-Нащокинъ.—Его экономическое міровоззрѣніе и начинанія во Псковѣ.

Ближе къ Петру затхлая атмосфера холопства и домостроевскихъ настроеній начинаетъ нѣсколько освѣжаться. Въ серединѣ слѣдующаго XVII вѣка находятся люди, высказывающіе сознательные взгляды на народное хозяйство въ его совокупности. Такъ, совершенно инымъ духомъ вѣетъ отъ предтечи просвѣтительной эпохи Аѳанасія Лаврентьевича Ордына-Нащокина.. Проницательный и свободолюбивый, знаменитый бояринъ уже отрѣшается отъ національной замкнутости и шовинизма,—этихъ, ужасныхъ язвъ московской Руси,—и вырабатываетъ самостоятельные политическіе и экономическіе взгляды. Онъ первый провозгласилъ у насъ правило: „доброму не стыдно навыкать и со стороны, у чужихъ, даже у своихъ враговъ“. И это правило, будучи человѣкомъ государственнымъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, и обладая реформаторскою натурою, онъ всю жизнь стремился осуществить на дѣлѣ.

Ордына-Нащокина нѣкоторые, наприм., проф. Ключевскій, совершенно справедливо называютъ первымъ русскимъ экономистомъ [2]). Онъ дѣйствительно, первый понялъ, что домашнее хозяйство власти-

---

1) Аніоло Пандолофини (XV в.) принадлежитъ „Разсужденіе объ управленіи семьею“, („Trattato del governo della famiglia“). Изъ остальныхъ западно-европейскихъ домостроевъ выдѣляются: „французскій домострой—„Парижскій хозяинъ“, (Menagier de Paris), составленный въ XV вѣкѣ де Латуръ-Ландри, нѣмецкій „Vridankes Bescheidenheit“—XVI в., чешскіе Ѳомы Щитнаго, Смила Фляшки и Шимона Ломницкаго и нѣк. другіе.

2) Брикнеръ эту честь приписываетъ Посошкову.

теля и народное хозяйство не одно и то же. „Наблюденія надъ жизнью Западной Европы привели Нащокина къ сознанію главнаго недостатка московскаго государственнаго управленія, который заключается въ томъ, что это управленіе направлено было единственно на эксплуатацію народныхъ массъ, а не на развитіе производительныхъ силъ страны. Народно-хозяйственные интересы приносились въ жертву фискальнымъ цѣлямъ и цѣнились правительствомъ лишь какъ вспомогательныя средства казны. Изъ этого сознанія вытекали вѣчные толки Нащокина о развитіи промышленности и торговли въ московскомъ государствѣ. Онъ едва ли не раньше другихъ усвоилъ мысль, что народное хозяйство само по себѣ должно составлять одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ государственнаго управленія. Нащокинъ былъ однимъ изъ первыхъ политико-экономовъ на Руси“ [1]). Основнымъ факторомъ развитія народнаго хозяйства Нащокинъ считалъ самоуправленіе. Путемъ послѣдняго онъ и самъ пытался поднять производительныя силы промышленныхъ сословій стараго Пскова, гдѣ съ 1665 года онъ былъ воеводою.

Нащокинъ усматривалъ главные недостатки русской торговли въ духовныхъ свойствахъ самихъ торговцевъ. „Русскіе люди,—говоритъ онъ,—въ торговлѣ слабы другъ передъ другомъ“, т. е. не держатъ даннаго слова, несолидарны и не умѣютъ противостоять иностранцамъ. И это не преувеличеніе. Флетчеръ свидѣтельствуетъ намъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „что касается до вѣрности слову, то русскіе большею частію считаютъ его почти нипочемъ, какъ скоро могутъ что-нибудь выиграть обманомъ и нарушить данное обѣщаніе. По истинѣ можно сказать, какъ вполнѣ извѣстно тѣмъ, которые имѣли съ ними болѣе дѣла по торговлѣ,—что отъ большого до малого всякій русскій не вѣритъ ничему, что говоритъ другой, но зато и самъ не скажетъ ничего такого, на что бы можно было положиться.

---

1) Ключевскій, В. О., проф.: „А. Л. Ордынъ-Нащокинъ, московскій государственный человѣкъ XVII вѣка“. Въ журн. „Научное Слово“ за 1904 годъ кн. Ш, стр. 132.

Эти свойства дѣлаютъ ихъ презрѣнными въ глазахъ всѣхъ ихъ сосѣдей“ [1]).

Къ тому же недостатокъ денежныхъ капиталовъ и отсутствіе организованнаго кредита, стѣсненія администраціи и боязнь самозащиты—ставило все на шаткое основаніе, а невѣжество и взаимное недовѣріе подрывали въ корень всякое начинаніе. Попавъ во Псковъ воеводою, Нащокинъ издаетъ особое положеніе о торговлѣ съ иноземцами, въ которомъ пытается бороться съ только что указанными недостатками. Съ этою цѣлью онъ устраиваетъ цѣлую систему патроната сильныхъ надъ слабыми. „Маломочные“ торговцы распредѣляются „по свойству и знакомству“ между крупными капиталистами, которые наблюдаютъ за ихъ промыслами. Земская изба выдаетъ имъ изъ городскихъ суммъ ссуды для покупки русскихъ вывозныхъ товаровъ. Для торговли съ иноземцами учреждаются подъ Псковомъ двѣ двухнедѣльныя ярмарки съ безпошлиннымъ торгомъ, отъ 6-го января и отъ 9-го мая. Въ этихъ ярмаркахъ мелкіе торговцы на полученную ссуду при поддержкѣ капиталистовъ, къ которымъ приписаны, скупаютъ вывозные товары, записываютъ ихъ въ земской избѣ и передаютъ ихъ своимъ принципаламъ; тѣ уплачиваютъ имъ покупную стоимость принятыхъ товаровъ для новой закупки товаровъ къ слѣдующей ярмаркѣ и дѣлаютъ имъ „наддачу“ къ этой покупной цѣнѣ „для прокормленія“, а продавъ иноземцамъ довѣренный товаръ по установленнымъ большимъ цѣнамъ, выдаютъ своимъ кліентамъ причитающуюся имъ „полную прибыль“. Такое устройство торговаго класса должно было сосредоточить обороты внѣшней торговли въ немногихъ крѣпкихъ рукахъ, которыя были бы въ состояніи держать на надлежащей высотѣ цѣны туземныхъ товаровъ. Надо замѣтить, что вообще идея торговыхъ товариществъ была для того времени не нова. Во всей Западной Европѣ, начиная съ XVI вѣка, появляются купеческіе союзы, а англійское товарищество—„братство святого Бекета“—славилось далеко за предѣлами своей родины. Правда, эти союзы, какъ равно воз-

1) Флетчеръ: О государствѣ русскомъ. Изд. 1905 г., стр. 128.

никшія у насъ позднѣе „кумпанства“, преслѣдовали иныя цѣли, чѣмъ Нащокинскіе патронаты, но и послѣдніе заслуживаютъ извѣстнаго вниманія. Нащокинъ своими торговыми товариществами предполагалъ сблизить зажиточныхъ торговцевъ, богатыхъ буржуа города, съ торгующею посадскою массою. Это создавало извѣстную организацію, основанную не только на внѣшнемъ сближеніи, но и на выгодѣ: по плану Нащокина патроны-капиталисты должны были доставлять хорошую прибыль своимъ кліентамъ, „маломочнымъ компанейщикамъ“, а послѣдніе, въ видѣ посильнаго реванша, не „портили цѣнъ“ остальнымъ.

Товарищества благодаря такту Ордына-Нащокина и его энергіи осуществились. Они были пріурочены къ городской управѣ, которая превратилась въ своего рода ссудный банкъ для „маломочныхъ“ и въ контрольное учрежденіе для ихъ патроновъ. Посадское Общество г. Пскова, при зависимости отъ него пригородовъ, получило возможность черезъ свой судебно-административный органъ руководить внѣшнею торговлею всего края. Но такой порядокъ, пріятный „маломочнымъ“, былъ тягостенъ капиталистамъ. „Нащокинъ, какъ заводчикъ дѣла, попалъ,—говоритъ Ключевскій,—межъ двухъ огней. Сохранилась челобитная, въ которой маломочные посадскіе псковичи извѣщаютъ Царя, что его государевъ указъ о новомъ положеніи они приняли, какъ милость, дали на него приговоръ всѣмъ городомъ, но „нарочитые прожиточные люди“, богачи, привыкшіе ворочать городскими дѣлами безъ мірского вѣдома, оказали ему противодѣйствіе, а отъ городского совѣта отстали, и даже первые ихъ земскіе выборные, которые должны были вводить новое положеніе, его не одобряли, примыкая къ прожиточнымъ“.

Ордынъ-Нащокину Россія обязана появленіемъ въ 1667 году торговаго устава, пытавшагося сократить монополіи иноземныхъ торговцевъ и поднять самодѣятельность русскихъ. Мелочной торгъ иностранцевъ внутри Россіи воспрещался и вводилась новая организація торговаго суда и сбора пошлинъ. Это уже былъ явный переходъ къ торговому протекціонизму, который вводилъ и современникъ Нащокина знаменитый Кольберъ.

Ордынъ-Нащокинъ не оставилъ послѣ себя литературнаго наслѣдства, и мы не можемъ болѣе точно установить его экономическія воззрѣнія. Можно думать, что онъ въ нихъ былъ довольно одинокъ и, по всей вѣроятности, мало понимаемъ.

То же можно сказать и о другомъ выдающемся дѣятелѣ московской эпохи — о Юріи Крыжаничѣ, непосредственномъ предтечѣ Петра и Посошкова. Но міровоззрѣніе Крыжанича относится уже къ иной эпохѣ, къ меркантилизму, хотя меркантилизмъ его недостаточно еще ясно выраженъ.

IV.

Подготовительная эпоха. Нѣсколько замѣчаній о Юріи Крыжаничѣ.— Характеръ его экономическихъ взглядовъ. — „Инструкція“ Волынскаго.

Передъ нами замѣчательный ученый, первоклассный экономистъ, симпатичный и честный писатель, съ рѣдкою эрудиціею и тонкостью анализа. Но трагическая судьба его дѣлаетъ его имя надолго безвѣстнымъ. Крыжаничъ—жертва невѣжественности и бездушія московскаго приказнаго строя. Пришелецъ въ Московію, которую онъ заранѣе горячо полюбилъ, какъ восторженный славянофилъ и неисправимый идеалистъ, Крыжаничъ, повидимому, могъ бы многое дать своей новой родинѣ, если бы она не встрѣтила его суровою, безсмысленною и безпричинною ссылкою. И сосланный, онъ все же имѣлъ человѣколюбіе и мужество написать замѣчательное сочиненіе, изданное и оцѣненное только спустя... три столѣтія. Для современныхъ Крыжаничу россіянъ его искренія мысли остались совершенно невѣдомы и въ этомъ коренится причина, почему, при всемъ своемъ дарованіи и замѣчательной эрудиціи, Крыжаничъ не оказалъ вліянія и на все послѣдующее развитіе русской экономической мысли. Да, дѣятельность и идеи Крыжанича—большой трагическій эпизодъ русскаго общественнаго развитія, безъ корней въ предыдущемъ, безъ связей въ послѣдующемъ...

„При другихъ условіяхъ,—какъ вѣрно замѣтилъ Брикнеръ,—Крыжаничъ у своихъ современниковъ прослылъ бы реформаторомъ, знаменитѣйшимъ предшественникомъ Петра Великаго. Однако, онъ былъ ссыльнымъ, незамѣченнымъ, забытымъ. Современники не знали о томъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать на пользу Россіи. Современники не могли учиться у него. Его сочиненія, столь богатыя содержаніемъ, оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. И не только историческая справедливость требуетъ остановиться на Крыжаничѣ: его сочиненія и понынѣ заслуживаютъ вниманія, а какъ историческій источникъ для сужденія о меркантилизмѣ—они неоцѣнимы [1]). Это становится особенно яснымъ при сравненіи его съ Сильвестромъ.

„Его кругозоръ несравненно шире кругозора „Домостроя“, авторъ котораго едва заслуживаетъ названіе писателя экономиста, но Крыжаничъ, почти вовсе неизвѣстный на Западѣ и весьма мало извѣстный у насъ въ Россіи, принадлежалъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ писателей экономистовъ XVII вѣка“ [2]).

И, дѣйствительно, въ главномъ трудѣ Крыжанича мы [3]) встрѣчаемъ рядъ главъ, посвященныхъ исключительно экономическимъ вопросамъ [4]).

---

[1]) Его главное сочиненіе издано Безсоновымъ подъ темнымъ заглавіемъ: „Русское государство въ XVII столѣтіи“.

[2]) Брикнеръ: „Иванъ Посошковъ“, стр. 85.

[3]) Таковы: Дѣлъ I. (О благу: разд. I. О торговству, разд. II. О реместву, разд. III. (О тежачеству). Дѣлъ II. (Объ силѣ государства): разд. I. (О твердыняхъ), разд. II. (Объ оружію). разд. III. (О строяхъ военныхъ); разд. IV. (О ратникахъ), разд. V. (О вреводахъ), разд. VI. (О бесѣдѣ именохъ и платьѣ), разд. VII. (О нравахъ, и объ неумѣтельности нашей; и что ины народы объ насъ судятъ (разговоръ Бориса съ Хервоемъ), разд. VIII. Объ русской земли, причины убожества и богатства, нуждъ и щастія, разд. IX. (О русскихъ законахъ), разд. X. Отвѣтъ на инородческое лаяніе, злоумышленія и соблазны, разд. XI. Объ общихъ народа нашего признакахъ и недостаткахъ, разд. XII. Объ чужебѣсію, разд. XIII. Какими, способы иноземцы бываютъ вредны народомъ разд. XIV. (О женихахъ русской короны).

[4]) Издано проф. Безсоновымъ подъ неподходящимъ заглавіемъ ‚Русское государство въ половинѣ XVIII стол.“ „Русская Бесѣда“ за 1859; „О промыслѣ“ изд. Безсоновымъ въ 1860 году.

Крыжаничъ — по своему направленію меркантилистъ, но взгляды его часто шире этого ученія. Какъ меркантелистъ Крыжаничъ не можетъ не смотрѣть мрачно на отсутствіе отечественной промышленности. „Мы, ѣдко замѣчаетъ онъ,—продаемъ многія кожи инымъ народамъ, а сами босы ходимъ“ (Свитный строй, стр. 3).

На роль и задачи государственнаго управленія и на отношеніе его къ народному хозяйству Крыжаничъ смотритъ очень широко. „Не королевство для королей,—говоритъ онъ,—а короли для королевствъ“. „Въ королевствѣ убогомъ“,—добавляетъ Крыжаничъ,—„не лѣстно быть королемъ“. „Въ королевствѣ убогомъ и не общественномъ король не можетъ имѣть обстоятельнаго богатства“—замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. „Гдѣ законы добры, — разсуждаетъ Крыжаничъ о политическомъ строѣ — тамъ домовиты и подданные, и радостно живутъ и чужимъ желаютъ (къ нимъ) прійти, а гдѣ законы лакомы, тамъ своевластные подданные желаютъ перемѣнъ государству“.

Экономическое міровоззрѣніе Крыжанича сказалось въ цѣнномъ для меркантилизма положеніи: „та страна богата, въ горномъ дѣлѣ которой имѣются какъ рудники драгоцѣнныхъ металловъ такъ и произведенія добывающей и обрабатывающей промышленности“. Но въ то же время Крыжаничъ противъ монополіи и монополистовъ, которыхъ называетъ „самотержцы“, противъ фальсификаціи монетъ и небрежной системы налоговъ. Зато онъ рекомендуетъ устройство цеховъ („дружинъ“), банковъ („общая кладовая денегъ“) и ломбардовъ („мылосердныхъ складовъ“).

О модной на исходѣ средневѣковья плохой чеканкѣ монетъ и о средствѣ извлекать такимъ путемъ доходъ Крыжаничъ говоритъ: „Сей способъ не токмо есть несправедливъ и полонъ грѣха, но и веле облуденъ“. Мнимая прибыль правителей отъ порчи денежной системы является, по его мнѣнію, „истинною убылью и тщетою“ для народа. Прибѣгать къ такому средству равносильно рискованной хирургической операціи; „злыхъ пѣнязь кованіе подобно отчаяннымъ смертнымъ лѣкарствамъ“. И если

постоянно ухудшать монету, то, какъ „кровь изъ открытой жилы“—„все благо изъ народа истечетъ“.

Неумѣренное и неустанное обложеніе („обтяжченіе“) населенія также встрѣчаетъ энергичный протестъ нашего экономиста. Пользуясь каждымъ случаемъ, онъ горячо защищаетъ интересы народа, или „людства“, какъ онъ выражается. Что создается „безъ труда и пота“, „безъ правы и терпѣнія“, то, по глубокому убѣжденію Крыжанича, „временно и непрочно“.

Широта взглядовъ Крыжанича не соотвѣтствовала эпохѣ приказовъ, застѣнка и повальнаго холопства. Онъ былъ столь же одинокъ, какъ и благородной Ордынъ-Нащокинъ.

Между тѣмъ на Руси наступали новыя времена. Центральная власть въ лицѣ Императора суровою рукою внѣдряла новыя идеи и новыя учрежденія. Всеобщая регламентація, опека, надзоръ стали девизомъ новой системы. Варварская, проникнутая духомъ полицейскаго сыска и бюрократическаго цинизма „Инструкція для управленія имѣніемъ“ Волынскаго (1740 г.), превосходно иллюстрируетъ систему организованнаго, все проникающаго надзора [1]). Когда забытая „Инструкція“ была напечатана въ „Москвитянинѣ“ (1854 г., №№ I—II), всѣ приспѣшники Николаевскаго режима приходили въ восторгъ отъ этого эмбріона будущей Управы Благочинія и III-го Отдѣленія. Полицейскій кодексъ меркантилизма, „Инструкція“ Волынскаго, уже находится въ тѣсной связи съ новымъ теченіемъ—съ энергично вводимымъ въ жизнь меркантилизмомъ. Трудно придумать лучшую экономическую систему для самодержавія чѣмъ меркатилизмъ. Вскорѣ Петръ I терроризировалъ ею страну, а политическій младенецъ Посошковъ довѣрчиво создалъ ей патріотическую идеологію.

---

[1]) Важное значеніе этой инструкціи кажется впервые обратилъ вниманія изложившій ее подробно проф. В. Лешковъ въ статьѣ: „Древняя-русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи“.

IV.

Зарожденіе меркантилизма.

I.

Въ XV столѣтіи наибольшее количество значительныхъ экономическихъ сочиненій появилось въ Италіи. Но большинство написанныхъ въ этомъ вѣкѣ итальянскихъ трактатовъ не принесло съ собою новыхъ идей, а лишь разрабатывало вопросы и возрѣнія, намѣченные средневѣковьемъ. Таковы вопросы о цѣнахъ и ихъ повышеніи, о деньгахъ и вредѣ порчи монеты, о нуждахъ торговли и кредита, о векселяхъ, банкахъ, ломбардахъ и пр. [1]).

Совершенно иной характеръ принимаетъ экономическая литература въ XVI вѣкѣ. Помимо многочисленныхъ итальянцевъ, писатели новыхъ для экономической науки странъ Англіи, Франціи и Германіи развиваютъ взгляды противоположныя воззрѣніямъ среднихъ вѣковъ. При этомъ экономическія сочиненія утрачиваютъ характеръ случайныхъ памфлетовъ и пріобрѣтаютъ болѣе систематическій и стройный характеръ. Помимо общихъ вопросовъ о цѣнности, кредитѣ и процентахъ, экономисты этого времени изучаютъ вопросы практической жизни и новыхъ формъ народнаго хозяйства. Единаго, общаго для всѣхъ, направ-

[1]) Среди итальянцевъ этой эпохи, а также XV вѣка, извѣстны. Святой Антонинъ Флорентинскій („Summa Theologia“ Флоренція, 1451), Святой Бернардинъ Сіеннскій („Sermones“, Венеція, 1445), Мартино Гаррати, Франческо Корти, Баріано, Ѳома де Віо, (онъ же Гаэтенъ, писалъ въ „De Cambiis“, 1499, противъ взиманія процентовъ и ломбардовъ), Бернардинъ де Бисто, Понтана Картульи Каррафа. По тому же пути шли и нѣкоторые нѣмцы XV вѣка: Куппенеръ, Зумменгартъ де Калова.

ленія еще не существуетъ, хотя уже чувствуется стремленіе дать идеологію новыхъ экономическихъ отношеній. Это первые неувѣренные проблески будущаго меркантилизма. Но меркантилизма еще нѣтъ, а есть что то меньшее, ибо существо затрагиваемыхъ вопросовъ и характеръ ихъ трактованія мелко-практическій или наивно-морализирующій, не даютъ почвы для сколько нибудь широкихъ обобщеній или какихъ либо теоретическихъ построеній. У меркантилизма, какъ мы увидимъ, по крайней мѣрѣ, имѣется національная точка зрѣнія, а выдвигаемые имъ интересы возвышаются до пониманія нуждъ и идей государственности. Не даромъ вдумчивый Бруно Гильдебрантъ усматривалъ въ меркантилизмѣ дыханіе суровой идеи Римскаго права и античнаго государства. Въ эту эпоху — а періодъ съ половины XV по начало XVII вѣка можетъ быть выдѣленъ въ самостоятельный періодъ кануна меркантилизма, — выступало нѣсколько писателей по экономическимъ вопросамъ. На нихъ отразилось переходное состояніе и неопредѣленность эпохи. Отсюда трудность классификаціи писателей этого времени. Ихъ легче разгруппировать по темамъ, ими затрагиваемымъ, чѣмъ по способу разрѣшенія темъ. Большинство изъ нихъ такъ или иначе уже на пути къ меркантилизму. Такъ, отдѣльныя положенія этого направленія встрѣчаются уже у философа Бэкона Веруламскаго (1561—1626) [1]).

Малеструа, [2]) совѣтникъ французскаго короля, попалъ въ исторію не какъ самостоятельная величина, а какъ мишень нападокъ своего знаменитаго современника Бодэна. Его взгляды играютъ ту же роль, что воззрѣнія Годвина для Мальтуса, Шульце-Делича для Лассаля. Малеструа увѣрялъ, что произошедшее за три послѣднихъ столѣтія возвышенія цѣнъ, въ дѣйствительности не происходило и что это возвышеніе, какъ явленіе относительное, произошло только номинально. De facto въ силу порчи монетъ, цѣны остались на прежнемъ уровнѣ. Точно также, по мнѣнію Малеструа не измѣнилась и цѣнность драгоцѣнныхъ металловъ.

---

[1]) Наприм. въ „Essays moral, economical and political, 1597 (по латыни Sermonos fideles, гл. 15, тоже въ De seditionibus et tuzbis, гл. 30; De usura sive foenore и др., въ Амстердамское изданіе, 1730.

[2]) До него писалъ еще Гуго Латимеръ.

Жанъ Бодэнъ развивалъ совершенно противоположные взгляды [1]).

Бруно Гильдебрантъ Бодэна, сводитъ его сочиненіе противъ Малеструа къ слѣдующимъ четыремъ положеніямъ:

1) Чѣмъ болѣе увеличивается привозъ какого нибудь товара, тѣмъ ниже падаетъ цѣна его; это правило справедливо также относительно благородныхъ металловъ и денегъ.

2) Но чѣмъ болѣе падаетъ цѣна денегъ, тѣмъ выше подымается цѣна товара, какъ достаточно доказалъ это привозъ денегъ изъ Вестъ-Индіи, поднявшій вдесятеро цѣны на товары.

3) Съ пониженіемъ цѣнъ на деньги поднимаются въ цѣнѣ: земельная собственность, заработки и постоянные оклады жалованья и, наоборотъ, падаетъ процентъ съ капитала.

4) Слѣдовательно, излишекъ благородныхъ металловъ не составляетъ народнаго богатства, а запрещеніе вывозить золото и серебро тѣмъ безполезнѣе, что вслѣдствіе общей необходимости въ торговлѣ, оно въ дѣйствительности никѣмъ не исполняется.

Бодэнъ типичная фигура XVI вѣка. Предшественникъ меркантилистовъ, которыхъ онъ какъ бы предчувствуетъ, роялистъ и государственникъ Бодэнъ отличный теоретикъ по вопросамъ денежнаго обращенія, въ сужденіи о которыхъ онъ расходится съ меркантилистами, Бодэнъ отлично судитъ объ измѣненіи цѣнъ, ихъ зависимости отъ рынка и значенія денегъ для народнаго хозяйства. Вообще, Бодэнъ придаетъ большое значеніе д е н е ж н о м у хозяйству. Rei publicae nervos in pecuniis consistere, начинаетъ Бодэнъ главу: „De aerario“. Въ противоположность Малеструа, Бодэнъ вполнѣ справедливо считалъ, что цѣны въ дѣйствительности возрасли и что это возрастаніе произошло, главнымъ образомъ, благодаря увеличенію въ обращеніи количества золота и серебра, которые, вслѣдствіе этого, сами понизились въ цѣнѣ. „Я нахожу,—говоритъ Бодэнъ,—что дороговизна, которую мы видимъ, происходитъ отъ

---

[1]) Изъ сочиненій Бодэна, содержащихъ экономическіе взгляды на деньги и обмѣнъ, извѣстны два: Réponse aux paradoxes de M. Malestroit touchant l'encherissement de toutes les choses et des monnaies, 1568.—Discours sur le rehaussement et la diminution des monnaies, 1578.—Общіе же его сужденія по экономическимъ вопросамъ можно найти въ его извѣстной Six livres de la Republique, 1575.

трехъ причинъ: главная и почти единственная—это обиліе золота и серебра, которыхъ „теперь въ государствѣ значительно больше, чѣмъ четыреста лѣтъ тому назадъ“, вторая причина—монополіи, третья происходитъ отъ недостатка нѣкоторыхъ товаровъ, что въ свою очередь, зависитъ „отъ благоустроенія короля и вельможъ, повышающихъ цѣну правящихся имъ предметовъ“. Вредъ отъ порчи монетъ также сознается Бодэномъ, рекомендующимъ чеканку высокопробной и однообразной монеты. Общую сумму обращающихся въ странѣ денегъ онъ не считаетъ опредѣлителемъ богатства страны. Модное тогда запрещеніе вывоза драгоцѣнныхъ металловъ по его мнѣнію совершенно безполезно, потому что потребности торговаго оборота лишаютъ это запрещеніе всякаго значенія.

Лучшимъ условіемъ для развитія народнаго благосостоянія Бодэнъ считалъ абсолютную форму правленія съ сильною центральною властью. Отсюда естественно, что Бодэнъ одобрялъ и энергичное вмѣшательство государства въ промышленную жизнь страны и меркантильную таможенную политику, т. е. высокую пошлину на ввозъ мануфактуры, низкую на ввозъ съѣстныхъ припасовъ и сырья. Въ духѣ своего времени, Бодэнъ придастъ также большое значеніе густотѣ народонаселенія. Но, не смотря на такіе взгляды, Бодэна все же нельзя считать меркантилистомъ, тѣмъ болѣе, что онъ высказывается и за свободу торговли и противъ торговаго баланса Финансовому устройству, въ смыслѣ правильной системы налоговъ и равномѣрности обложенія, Бодэнъ также придаетъ большое значеніе и притомъ совершенно не въ духѣ меркантилистовъ. Вообще, большинство экономическихъ вопросовъ Бодэнъ разсматриваетъ не въ цѣляхъ обогащенія или развитія однихъ матеріальныхъ благъ, а съ точки зрѣнія гармоніи ихъ съ духовными интересами и высшими запросами человѣческаго общества. Но Бодэнъ не соціалистъ, напротивъ, онъ яро защищаетъ буржуазный строй и индивидуальную собственность. При этомъ онъ не жалѣетъ нападокъ на коммунистическія идеи. Платонъ, Томасъ Моръ и его современники и анабаптисты Бодэну одинаково ненавистны.

Въ томъ же XVI вѣкѣ падаетъ доктрина канонистовъ. Какъ уже было сказано, каноническое ученіе о цѣнѣ и процентѣ достигло наивысшаго развитія въ XIII вѣкѣ. Основы этого міровоз-

зрѣнія вошли къ этому времени въ плоть и кровь какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго законодательства и при томъ настолько глубоко, что папа Климентій V на вѣнскомъ соборѣ (1311 г.) грозилъ отлученіемъ отъ церкви тѣмъ изъ свѣтскихъ государей, которые въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не отмѣнятъ законовъ, потакающихъ взиманію процентовъ [1]). Главнымъ противникомъ каноническаго ученія явилась практика повседневной жизни. Экономическій бытъ народа искалъ выхода изъ запрещеній; изобрѣтались способы обхода суровыхъ постановленій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., при закладахъ въ ломбардахъ, процентъ взимался подъ маскою „услуги“ и т. п. Въ итогѣ несоотвѣтствіе между ученіемъ церкви и нуждами практической жизни не могли непочувствовать и религіозные реформаторы, — Цвингли, Лютеръ, Меланхтонъ, стремившіеся къ сближенію канона съ жизнью. Они не заняли той прежней типичной для представителей церкви позиціи по отношенію къ этому вопросу и, что, пожалуй, еще важнѣе, уже не выступали болѣе съ рѣзкимъ осужденіемъ процента.

Но настоящая и открытая оппозиція тоже не заставила себя долго ждать. Проповѣдь новыхъ взглядовъ на цѣну и деньги, т. е. новое отношеніе къ проценту появляется въ серединѣ XVI вѣка. Религіозный реформаторъ Кальвинъ и французскій юристъ Дюмуленъ (Королусъ Молинеусъ) первые выступаютъ съ новыми теоріями процента.

Кальвинъ въ своихъ извѣстныхъ письмахъ къ Эколампадіусу, — (онѣ позднѣе были собраны въ особомъ сборникѣ „Epistolae et responsa“, Ганноверъ, 1597 г.),—а Дюмуленъ главнымъ образомъ въ своемъ: „Tractatus contractuum et usurarum redituumque pecuniа constitutorum“, 1546,—находятъ, что вопросъ о деньгахъ и процентахъ разрѣшается въ Св. Писаніи двояко и что запрещеніе было направлено только противъ безчеловѣчнаго и ростовщическаго взиманія процентовъ. Что же касается взиманія процента низкаго, то онъ, по ихъ мнѣнію, оправдывается возможнымъ нанесеніемъ убытка владѣльцу капитала. По мнѣнію Дюмулена „употребленіе капитала“ представляетъ собою

[1]) Böhm—Bawerk: Capital und Capitalzins, I Abt., 2 Auf., Инсбрукъ 1900 г. стр. 27.

самостоятельную полезность и можетъ рядомъ съ капиталомъ самостоятельно продаваться. Деньги сами по себѣ безплодны, какъ безплодна земля безъ труда человѣка, поэтому они должны быть употребляемы; плодомъ этого и является процентъ. Въ силу такихъ соображеній, Дюмуленъ находитъ, что „первое, что необходимо и полезно — это, чтобы извѣстный обычай взиманія процентовъ былъ удержанъ и терпимъ". Взгляды Кальвина и Дюмулена являлись очень смѣлыми. Нѣтъ потому удивительнаго, что книга Дюмулена была сожжена, а ея авторъ изгнанъ изъ Франціи.

Воззрѣнія Кальвина и Дюмулена повторили гумманисты Камераріусъ, Борницъ и Христофъ Безольдъ (1577 — 1638). Послѣдній въ своемъ сочиненіи: „Questiones aliqvot de usuris", 1598 особенно обстоятельно и безпощадно полемизируетъ съ канонистами. Менѣе рѣшителенъ Борницъ, выступившій позднѣе съ рядомъ сочиненій по экономическимъ вопросамъ [1]).

Названные нѣмецкіе ученые высказывались уже не только по вопросу о процентахъ. Наоборотъ, они были по своему очень разносторонни и касались большинства вопросовъ практической и особенно государственно-хозяйственной жизни. Ихъ сочиненія о торговлѣ, лѣсномъ и горномъ дѣлѣ, земледѣліи и взиманіи налоговъ, о государственной казнѣ и доменахъ и пр. и пр., были также многочисленны, какъ неинтересны и безъидейны. Все это входило въ составъ особой, ими созданной, науки камералистики, представляющей собою своеобразную календарную смѣсь финансовыхъ и экономическихъ свѣдѣній съ элементными фактами изъ области государственнаго и полицейскаго права. Въ статистикѣ этому теченію соотвѣтствовало государствовѣдѣніе, лишившее одно время статистику ея высокаго идейнаго содержанія. Развитію камеральнаго направленія способствовало усиленное вниманіе нѣмецкихъ государей къ промышленной и финансовой дѣятельности ихъ подданныхъ. Такъ какъ во взиманіи налоговъ—важнѣйшемъ источникѣ средневѣковаго бюджета—правительства были сильно ограничены при-

1) Борницъ написалъ слѣдующія сочиненія: De nummis in republica percutiendis et conservandis, 1608.—Aerarium sive tractatus politicus de aerario sacro, civili, militari, communi et sacratiori etc. Франкфуртъ, 1612.—Tractatus politicus de rerum sufficientia in republica et civitate procuranda, Франкфуртъ, 1625.

виллегіями обширной родовой аристократіи, то они искали новыхъ источниковъ доходовъ. Послѣдніе были изысканы въ улучшенномъ управленіи государственными или камерными (откуда и „камералистика“) имуществами казны и въ установкѣ монополіи на рядъ новыхъ отраслей промышленности, вродѣ, напримѣръ, правительственной ковровой или стеклянной мануфактуръ. Чиновникамъ этихъ правителей необходимо было знакомиться съ соотвѣтствующей суммой практическихъ знаній. Элементарныя свѣдѣнія по экономическимъ вопросамъ, полицейскому праву, горному и лѣсному дѣлу, технологіи, замѣняли имъ общую теорію науки. Такая же псевдонаука преподавалась и въ германскихъ университетахъ, на особыхъ, такъ и называвшихся, камеральныхъ факультетахъ, выходя откуда, молодые люди пополняли кадры чиновниковъ финансоваго вѣдомства. Эти факультеты кое-тдѣ сохранились и до сихъ поръ. Такимъ образомъ, такъ называемое, камеральное направленіе въ политической экономіи, или камералистика, представляютъ собою quasi—научную школу, гдѣ все вниманіе сосредоточено на мелкихъ практическихъ вопросахъ. Среди другихъ первое мѣсто занимаетъ собраніе правилъ обогащенія казны хорошимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ. Не меньшее мѣсто отводится заботамъ о созданія за счетъ казны различныхъ монополизированныхъ отраслей промышленности. Однимъ изъ основателей камералистики былъ писатель первой половины XVI вѣка Мельхіоръ-фонъ-Осса (1506—1557), написавшій нѣсколько мало интересныхъ компилятивныхъ сочиненій [1]).

Лойяльные и буржуазные взгляды камералистовъ напоминаютъ въ общихъ чертахъ взгляды Жана Бодэна, но безъ его широты обоснованія. Въ сходномъ духѣ высказываются и тогдашніе итальянскіе экономисты: Скаруффи, Даванцатти, Турбалло, но съ рѣзкою окраскою меркантилизма; также говорятъ статистикъ Ботеро и государствовѣдъ Маккіавелли. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ въ отдѣльности.

---

[1]) Мельхіору-фонъ-Осса посвящена спеціальная монографія Лангенна: Doctor Melchior von Ossa, eine Darstellung aus dem 16 Jahrhundert, 1858. Объ немъ же говоритъ и В. Рошеръ въ своей „Geschichte der Nationalökonomie in Deutschland“, Мюнхенъ. 1874 стр. 30 и слѣд.

I. Итальянецъ графъ Гаспаръ Скаруффи (1519—1584. былъ торговцемъ и банкиромъ изъ города Феджіо (въ Эмиліи) [1]). Этому автору принадлежатъ два сочиненія:

1. „Alitinuofo"—(„Истинный свѣтъ"), написанное въ 1575 году и изданное въ 1582 г.

2. Discorso sopra le monete e della vera proporzione fra l'oro et l'argento, 1582.

Скаруффи не даетъ теоріи денегъ, а касается только практическихъ мѣропріятій, съ помощью которыхъ можно было бы упорядочить денежное обращеніе въ Италіи. Считая, что правильная циркуляція денегъ должна покоиться на довѣріи къ монетѣ и на однообразіи вещества, изъ котораго она чеканится, онъ полагалъ, что должны съ этою цѣлью имѣться и внѣшнія ручательства цѣнности денегъ. Для этого, по его мнѣнію, государства должны вмѣшаться въ техническія условія чеканки монетъ и установить ея общія принципы. Монетныя системы всѣхъ европейскихъ странъ должны свестись къ одной общей системѣ, а вмѣсто безчисленнаго множества типовъ монетъ должна быть установлена одна общая монета, единой формы, состава и обезпеченія. Осуществленіе же такого проекта возможно, по мнѣнію Скаруффи, только при созывѣ обще-европейскаго денежнаго конгресса.

Относительно самой чеканки Скаруффи предлагаетъ, какъ единственно разумное, обозначать на легендѣ монеты: стоимость, смѣсь, доброкачественность, число единицъ нужное для составленія фунта (вѣсового). Монета должна чеканиться только изъ золота и серебра и отношеніе между ними должно быть всегда какъ 1 : 12. Монета должна быть крупная и мелкая. Количество послѣдней должно, примѣрно, равняться половинѣ всего чеканеннаго металла. Размѣры же всей чеканки опредѣлять нельзя: они зависятъ, отъ разнообразія мѣстныхъ условій. Вообще же количество монеты должно быть пропорціонально быстротѣ оборотовъ, а количество разныхъ типовъ (величинъ) монеты обратно пропорціонально ихъ количеству и удѣльному вѣсу.

---

1) О Скаруффи имѣется прекрасная монографія: Андреа Балетти: G. Scaruffi e la questione monetaria nel socolo XVI, Модена, 1882.

Издержки по чеканкѣ должны быть отнесены на счетъ государства и ихъ не нужно принимать въ разсчетъ при опредѣленіи цѣнности монеты. Наконецъ, для упорядоченія товарнаго обращенія золота и серебра, въ особенности въ той его части, которая служитъ промышленнымъ цѣлямъ, Скаруффи предлагаетъ введеніе клейма золотыхъ и серебряныхъ издѣлій [1]).

2. Вскорѣ послѣ Скаруффи новое изслѣдованіе о деньгахъ выпустилъ флорентіецъ Бернардъ Даванцати еще ранѣе извѣстный, какъ переводчикъ сочиненій Тацита. Работа Даванцати, написанная, кстати сказать, прекраснымъ языкомъ, носитъ названіе: „Lezioni della monete,“, 1588 г. Даванцати считаетъ, что въ основѣ всего денежнаго обращенія лежитъ безмолвное соглашеніе, а именно, что сумма цѣнности всѣхъ вещей равна суммѣ всѣхъ имѣющихся въ обращеніи денегъ. Каждая вещь соотвѣтствуетъ тѣмъ большей части общаго благополучія, чѣмъ значительнѣе потребность, которая удовлетворяется данною вещью. Такимъ образомъ, хотя оцѣнка каждой вещи опредѣляется ея полезностью, но тѣмъ не менѣе цѣнность денегъ—чисто условная, зависящая отъ предварительнаго соглашенія людей, величина.

3. Къ Скаруффи и Даванцати примыкаетъ, писавшій спустя полъ столѣтія, неаполитанецъ Джіанъ Донато Турбало, высказавшійся противъ какихъ бы то ни было измѣненій и опытовъ съ раціонально поставленною чеканкою монетъ. Сочиненіе Турбало: Discorsi e Relazioni, 1629,—пользовалось вниманіемъ современниковъ. Тотъ же вопросъ въ слѣдующихъ вѣкахъ, а именно въ XVII—Клодъ Сомезъ [2]) и Гуго Гроцій [3]), въ XVIII—Сципіонъ Маффеи [4]) и Маркъ Мидрофани [5]).

---

1) Вернадскій въ своей „Исторіи политической экономіи въ Италіи“ (Спб. 1858) говоритъ: „Между заслугами Скаруффи должна быть почтена, между прочимъ, и мысль о клеймѣ на золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, этомъ первомъ проявленіи промышленной гарантіи, гдѣ контроль общественной власти соединяется съ гласностью имени частнаго производителя“ (Вернадскій, стр. 27).

2) Claude Saumaise: De usuris, 1638; De modo usuram, 1639, De foenore trapezitica, 1640.

3) Hugo Grotius въ „De jure pacis ac belli“, а именно въ кн. II-ой гл. XII (de contractibus), §§ XVI и XVII (monopolia и pecunia).

4) Dell'impigo de donaro, Римъ, 1744.

5) De usure, Римъ, 1831.

Итальянская литература о новыхъ кредитныхъ учрежденіяхъ (банки, ломбарды) объ векселяхъ, государственныхъ займахъ въ XVII вѣкѣ была весьма обширна. Писатели раздѣлились на два лагеря: одни защищали всѣ нововведенія и новыя формы экономической науки, другіе нападали [1]). Изъ нихъ особенно выдѣлялся Дж. Ботеро (1540 — 1617). Онъ авторъ крупнѣйшаго для XVI вѣка статистико-экономическаго сочиненія: „Della grandezza delle citta“, 1588. Его можно считать однимъ изъ наиболѣе раннихъ предшественниковъ Мальтуса. Ботеро придаетъ громадное значеніе многочисленному населенію и выгодности положенія территоріи [2]).

Маккіавели (1469—1527), обоснователь теорій вѣчнаго историческаго круговращенія, поставилъ центромъ своего вниманія политическіе судьбы народовъ. Въ хозяйствѣ онъ былъ приверженцемъ натуральной системы, остатки которой у германцевъ вызывали въ немъ чувство восторга. Знаменитый итальянскій писатель придавалъ особое значеніе размѣрамъ территоріи, какъ средству для доставленія продовольствія народонаселенія [3]).

---

[1]) Къ первой группѣ относятся: Александръ до Фо, Феррари (1625), Кантони (1623), Дуньяни (1627), Бернарденъ де Фельтръ, Бернарденъ де Бюсто, Де Розеллисъ, Ѳома де Віо (1499), Ѳома Боуининсьени Сіенскій, Клаваріо, Коли, Бернардо Джустиніани (1610), Ортензій Капелло не (1621), Де С.-Сальваторе, Базиліо Алемани (1623), Бернардъ Даванцати (1529—1606) и Паоло Парута (1599).

[2]) См. Э. Вреденъ: Государствовѣдѣніе Саксовино и всемірныя реляціи Ботеро. Спб., 1866.

[3]) Экономическія идеи, имѣющіе всюду у Маккіавели второстепенное значеніе, собралъ и пытался синтезировать Паскаль Валери Nicolò Machiavelli e i suoi tempis“, 3 тома, Флоренція, 1877—1882.

II. Меркантилизмъ.

Примѣрно съ конца XIII столѣтія въ Западной Европѣ начинаютъ обнаруживаться новыя хозяйственныя условія, и развитыя новыя формы экономической жизни. Въ началѣ случайныя и мѣстныя эти явленія становятся, съ теченіемъ времени, все типичнѣе распространеннѣе и ярче. Измѣненія происходятъ и внутри населенія, и внѣ его, (т. е. въ сферѣ внѣшнихъ международныхъ отношеній) и въ общемъ сводятся къ постепенной замѣнѣ прежняго натуральнаго строя хозяйства новымъ—денежнымъ. Въ основѣ перемѣны лежитъ измѣненіе характера и системы производства. Съ паденіемъ старофеодальной системы выступаютъ новыя силы — центральная власть и города. Чиновники и войско новаго государства, торговцы и ремесленники городовъ начинаютъ смѣнять на аренѣ общественной жизни феодаловъ, съ ихъ вассалами и вилланами. Денежныя отношенія, денежный оброкъ, болѣе правильные налоги замѣняютъ натурально-патріархальные обычаи, барщину, натуральныя повинности, безсистемность обложенія. Развивается кредитъ, внутренняя торговля, вексельные обороты.

Растущая центральная власть нуждается въ деньгахъ, въ драгоцѣнномъ металлѣ для расплатъ по найму и содержанію войска, чиновниковъ, дипломатовъ, для поддержанія своего престижа и связанныхъ съ нимъ блеска двора и показного просвѣщенія.

Города нуждаются въ деньгахъ для тѣхъ же цѣлей. Нуждается въ нихъ и населеніе, платящее денежныя подати, покупающее новыя орудія производства, вступающее въ новыя экономическія отношенія. Представители производства нуждаются въ деньгахъ для найма подмастерьевъ, которымъ, за отсутствіемъ у нихъ движимаго и недвижимаго капитала, уже закрытъ доступъ

въ мастера. Вскорѣ они уже навсегда останутся „вѣчными подмастерьями“—наемными рабочими за плату.

Одновременно съ внутреннимъ перерожденіемъ экономическаго быта, съ новою соціальною перегруппировкою населенія, идутъ и измѣненія внѣшняго характера. Открытіе двухъ новыхъ путей—въ Америку и въ Индію—измѣняетъ направленіе старыхъ торговыхъ трактатовъ и необычайно расширяетъ міровой рынокъ. Береговая торговля и береговой каботажъ отходятъ на второй планъ, вытѣсняемые океанскими. Морской торгъ переходитъ изъ рукъ итальянскихъ государствъ вначалѣ къ Испаніи и Португаліи, затѣмъ къ Голландіи, наконецъ къ Франціи. Наплывъ благородныхъ металловъ изъ другихъ частей свѣта производитъ полную революцію въ цѣнахъ на предметы первой необходимости, въ денежныхъ системахъ, въ стоимости предметовъ роскоши. Отношеніе золота и серебра, считавшееся вѣками неизмѣннымъ,—нарушается. Паденіе серебра влечетъ за собою то, что цѣны на всѣ предметы дорожаютъ. Появляются недовольство, ропотъ, желаніе понять и выяснить причину возрастающей дороговизны. Отсюда первые шаги къ изученію хозяйственныхъ вопросовъ, первыя попытки раскрыть смыслъ и значеніе происходящихъ явленій. Всѣ указанныя измѣненія жизни отражаются въ идеологіи, создать которую теперь стремятся во что бы то ни стало. Правительства отдѣльныхъ странъ, увлеченныя общимъ теченіемъ, своими мѣропріятіями стараются идти въ тонъ общему движенію. Эти мѣропріятія направлены на увеличеніе источниковъ дохода казны, въ пользу увеличенія количества денегъ, хотя бы путемъ ихъ фальсификаціи, на развитіе промышленныхъ силъ страны для цѣлей обложенія, на усиленіе внѣшней торговли, служащей, казалось, источникомъ денегъ, на развитіе и монополизированіе отдѣльныхъ, преимущественно новыхъ, отраслей промышленности. Въ экономической политикѣ государственной власти появляется, такъ называемое, торговое или, что то же, меркантильное направленіе. Послѣднее по мѣрѣ роста экономической революціи, по мѣрѣ сопутствующихъ ей правительственныхъ мѣропріятій развивается въ типичную систему меркантилизма. Меркантилизмъ такимъ образомъ есть идеологія новыхъ условій,

а именно идеологія третьяго городского сословія, связаннаго съ абсолютизмомъ. Меркантилизмъ поэтому является типичною политическою экономіей абсолютизма и связанной съ нимъ нарождающейся буржуазіи. Но общей теоріи, а главное философскаго ея обоснованія у новаго направленія еще нѣтъ. Меркантильная литература представляетъ собою простую апологію существующему, панегирики законодателю, льстивую протоколизацію бурно надвигающейся дѣйствительности, восторгъ передъ этой дѣйствительностью. Не ищите въ меркантилизмѣ объединяющей философской мысли, не ищите геніальнаго синтеза, проницательнаго анализа. Экономическія воззрѣнія меркантилизма, его теоретическое выраженіе, его литература— зеркало событій, бумажная пѣна водоворота жизни и законодательства. „Идея, такъ называемой, меркантильной школы была вѣрнымъ теоретическимъ снимкомъ съ практической дѣйствительности того времени; націи и правительства прибѣгли къ меркантильной политикѣ вовсе не благодаря влеченію къ особой научной формы мышленія, а подъ давленіемъ тогдашнихъ обстоятельствъ и вслѣдствіе наблюденія слишкомъ очевидныхъ для всякаго фактовъ дѣйствительности“ [1]). Обыкновенно къ представителямъ этого направленія пристегиваютъ всевозможныхъ писателей, начиная съ XIII вѣка; также и всѣхъ тѣхъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ этой главы, относятъ часто къ меркантилистамъ. Эту ошибку дѣлаютъ даже такіе компетентные историки политической экономіи, какъ Джонъ Ингремъ и Луиджи Косса; они какъ бы не даютъ себѣ отчета въ особенностяхъ меркантилизма и не понимаютъ его специфическихъ изслѣдованій.

Всѣхъ меркантилистовъ, какъ сказано выше, объединяетъ не философскій фундаментъ жизнь, апологія новыхъ теченій; но это отнюдь не должно умалять для насъ ихъ важности и достоинства.

Меркантилизмъ, подъ вліяніемъ рѣзкой критики послѣдующихъ ученій, подъ вліяніемъ критически и оппозиціонно настроенныхъ теченій, третировался, какъ нѣчто низменное и вульгарное, какъ система сознательно и преднамѣренно потакающая наживѣ и

---

1) Д. Ингремъ: Исторія политической экономіи, рус. пер., 2-е изд. стр. 55.

эксплуатаціи. Въ дѣйствительности это было не совсѣмъ вѣрно. Меркантилизмъ не состоялъ въ одной только заботѣ, заботѣ о накопленіи денегъ и наживѣ разными путями: это была только несущественная и не всѣми теоретиками принимавшаяся часть меркантильной системы.

Меркантилизмъ за отдаленностью эпохи и пренебрежительнымъ къ нему отношеніемъ, мало изученъ. Даже самое существованіе такой системы отрицалось. Литературные памятники этого времени составляютъ библіографическую рѣдкость и, за немногими исключеніями, не переведены на другіе языки. Другою трудностью изученія меркантилизма является то, что вся сисмема никогда не была обработана въ одно синтетическое цѣлое, въ стройное логически ученіе изложенное полностью въ одномъ какомъ нибудь исчерпывающемъ это направленіе, сочиненіи. У меркантилизма не было ни своего Аристотеля, ни своего Ѳомы Аквинскаго, ни Адама Смита, ни К. Маркса, ни Рошера. Но теорія меркантилизма какъ бы носилась въ воздухѣ, выражаясь болѣе или менѣе ясно то у одного то у другого писателя.

Идеи меркантилизма въ настоящее время не совсѣмъ забыты. Между эпохою меркантилизма и современною во многомъ имѣется громадное сходство. Какъ тогда, такъ и теперь европейскіе народы переживаютъ серьезныя измѣненія въ своемъ хозяйственномъ укладѣ. Какъ тогда, такъ и теперь интересы и значеніе центральной власти занимаютъ господствующее мѣсто. Меркантилисты были буржуа-государственники, преклонявшіеся передъ капиталомъ, но не знавшіе еще капитализма. Современный буржуазный капиталистическій строй весь проникнутъ государственнымъ содѣйствіемъ, начиная отъ мелкихъ судебныхъ рѣшеній по дѣламъ промышленности, кончая активнымъ содѣйствіемъ гигантскимъ трестамъ. Но меркантилизмъ все еще недостаточно изученъ, особенно въ той его позднѣйшей части, которая представляетъ собою его разложеніе. Причины неудачъ меркантильной политики особенно интересны. Если бы въ экономической литературѣ появилось изслѣдованіе, которое поставило бы своею задачею указать новыя явленія, которыя выдвинула жизнь

противъ меркантилистовъ, то такая работа безусловно принесла бы пользу экономической политикѣ настоящаго времени.

Меркантилисты, какъ было уже указано, являлись идеологами новыхъ хозяйственныхъ условій Европы, которыя они часто неумѣренно восхваляли. Феодальный строй и патріархальныя привычки находили въ нихъ горячихъ порицателей. Ихъ защита денежнаго хозяйства и государственнаго вмѣшательства первоначально была по своему революціонна, хотя аргументы свои они черпали скорѣе изъ сомнительнаго, „здраваго смысла“, а въ духовныхъ своихъ повадкахъ и вкусахъ являлись чистокровными консерваторами худшаго типа. Меркантилисты не создали единой цѣлостной теоріи, но всѣ взгляды и рецепты ихъ проникнуты единымъ настроеніемъ. И если въ наукѣ нельзя указать Евангелія меркантилистовъ, вродѣ святая святыхъ буржуазіи—„Изслѣдованія“ Адама Смита,—то зато всегда легко угадать меркантилиста любой страны и эпохи. Правда, современные меркантилисты въ своей аргументаціи болѣе робки, чѣмъ меркантилисты стараго времени.

Центральными пунктами воззрѣній представителей этого направленія были правительственная о п е к а всѣхъ слоевъ населенія и всѣхъ хозяйственныхъ его функцій и стремленія къ возможно большему количеству благороднаго металла, запасы котораго отождествлялись съ народнымъ богатствомъ. Переходъ къ денежному укладу сверху до низу, усиленіе центральной власти, образованіе великихъ государствъ—заставляли искать возможно большихъ денежныхъ средствъ. Если разсмотрѣть форму, въ которой выразилась эта забота о приливѣ матеріальныхъ средствъ въ страну, то легко можно различить три стадіи развитія меркантилизма: 1) варварская, 2) торговая и 3) разсчетнаго баланса.

Разсмотримъ бѣгло каждую изъ нихъ.

П е р в а я. На деньги смотрятъ очень примитивно. Просто полагаютъ, что чѣмъ больше благороднаго металла, тѣмъ страна богаче. Отсюда повсемѣстно усиливается чеканка монетъ. Когда металла на нее не хватаетъ—усиливается фальсификація и порча монеты; для сбора ея запрещается вывозъ благородныхъ металловъ за границу и поощряется ихъ ввозъ. Въ первый періодъ прибѣгали еще и къ самымъ жестокимъ средствамъ—грабили и

убивали капиталистовъ, особенно евреевъ, въ цѣляхъ добычи денегъ, поддерживали работорговлю, пиратовъ и т. д., словомъ ни предъ чѣмъ не останавливались, лишь бы захватить побольше благороднаго металла. Такая хищническая экономическая политика поддерживалась обязательствомъ ввозить обратно часть денегъ, вырученныхъ отъ иностранцевъ въ звонкой монетѣ. Въ Англіи кромѣ того иностранные купцы обязывались тратить всю выручку на покупку англійскихъ товаровъ. Для этого существовалъ спеціальный надзоръ правительственныхъ чиновниковъ въ staple towns и функціонировалъ особый государственный мѣняла (royal exchanger). Типичнымъ выразителемъ этого періода является Миссельденъ. Первоначально указанныя меркантильныя идеи распространяются въ Англіи, Испаніи и Португаліи и затѣмъ уже переходятъ на сѣверъ и востокъ.

Во второмъ періодѣ начинается усиленная погоня за товарами. Не довольствуются уже запрещеніемъ вывоза золота и серебра и придумываютъ новыя средства завладѣть богатствами. Начинаютъ зорко слѣдить за тѣмъ, какъ идетъ обмѣнъ различныхъ товаровъ, какъ происходятъ торговыя сдѣлки. Для всѣхъ операцій внѣшней торговли назначаются особыя мѣста, особые чиновники, которые должны слѣдить за тѣмъ, чтобы изъ страны никто не вывозилъ металловъ. Если, напримѣръ, кто либо изъ иностранцевъ продалъ товару на 100,000 рублей, то эти деньги онъ долженъ оставить въ странѣ и если все-таки останется излишекъ, то онъ долженъ показать его чиновникамъ. Такимъ образомъ, всѣ денежныя сдѣлки проходили черезъ правительственный контроль. Какъ въ первомъ періодѣ находились экономисты (напримѣръ, Миссельденъ), которые защищали положеніе, что все богатство заключается въ металлическихъ деньгахъ, такъ во второмъ періодѣ нашлось еще большее число защитниковъ теоріи денежнаго баланса, [1]).

Третья ступень развитія меркантилизма еще болѣе ослож-

---

[1]) Изъ русскихъ экономистовъ эту эпоху обстоятельно изложилъ акад. И. Янжулъ, въ сочиненіи: „Исторія англійской свободной торговли“, 2 т.

няетъ вопросъ. Въ эту эпоху основной заботой являются мѣропріятія, направленныя на то, чтобы стоимость вывоза превосходила стоимомость ввоза. При этомъ, необходимо было, чтобы получился возможно большій излишекъ, т. е. балансъ при вывозѣ, выгодный для казны. Такимъ образомъ вмѣсто балансовъ денежнаго, и товарнаго, направленнаго на наблюденіе за товарными сдѣлками появляется балансъ ихъ въ себя вмѣшающій, какъ часть именно разсчетный. Меркантилизмъ въ такомъ видѣ тогдашніе экономисты признавали наиболѣе правильнымъ и долгое время думали, что найденъ истинный путь къ благосостоянію государства. Съ этою цѣлью преслѣдуется роскошь и все то, что требуетъ прилива иностранныхъ товаровъ въ страну. Новую точку зрѣнія защищаетъ цѣлая группа экономистовъ, которые, въ концѣ концовъ, являются наиболѣе типичными представителями теоріи меркантилизма. Таковы, напримѣръ, англичане Томасъ Мэнъ, Чайльдъ, Дэвенантъ, Вилліамъ Темпль и др. Большинство европейскихъ странъ, не исключая Россіи увлекается воззрѣніями меркантилизма и имѣло своихъ представителей этого направленія. Въ эту же эпоху, послѣднюю эпоху меркантилизма, наступаетъ и разочарованіе имъ. Причинъ для такого отношенія было много. Во первыхъ было обращено вниманіе на то, что деньги имѣютъ значеніе не только въ силу своего количества, но и въ силу быстроты обращенія. Затѣмъ въ связи съ этимъ было отмѣчено, что въ торговлѣ все болѣе преобладающее значеніе получаетъ кредитъ и векселя, вытѣсняющіе наличный металлъ. Поэтому и сами меркантилисты начинаютъ отказываться отъ защиты торговаго баланса и переходятъ къ заботамъ о внутренней торговлѣ и промышленности.

Наконецъ самый ходъ экономической жизни Европы, особенно участь Испаніи, о которой мы будемъ еще говорить ниже, а также развитіе новыхъ, соотвѣтствующихъ новымъ условіямъ жизни идей окончательно разрушаютъ меркантилизмъ, какъ систему. Его послѣднимъ выраженіемъ была такъ называемая система кольбертизма, единственное, что сравнительно полезное оставилъ послѣ себя меркантилизмъ. Главнымъ выразителемъ этой новой политики былъ французскій министръ Кольберъ (1661—1683), по имени котораго иногда и вся меркантильная система иначе называется

„кольбертизмъ“. Послѣднее названіе („colbertismo“) далъ этому направленію итальянскій публицистъ Менготти [1]).

Мѣропріятія Кольбера, какъ извѣстно, являются сравнительно удачнымъ и полезнымъ моментомъ въ экономической исторіи Франціи XVII вѣка.

Блестящее развитіе послѣдняго было лебединою пѣснею меркантилизма. Наступила эпоха его окончательнаго паденія. Реакціи въ идеяхъ предшествовали событія экономической жизни. Если всмотрѣться въ ходъ послѣдней въ теченіи долгаго періода, начиная съ XIII, кончая XVII столѣтіемъ, то первое, что бросается въ глаза—это все ускоряющаяся смѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, а отсюда всеобщее стремленіе къ наличнымъ металлическимъ деньгамъ. Погоня за деньгами одушевляла всѣ слои населенія и особенно жгуча была у многочисленныхъ европейскихъ правительствъ. И дѣйствительно, падающее земледѣліе феодаловъ не могло представить выгодныхъ источниковъ. Необходимо было обратиться къ новымъ источникамъ— торговлѣ, промышленности, завоеваніямъ. Мануфактура и колоніальная политика сдѣлались предметомъ особаго покровительства. У правительствъ же всѣ мѣры сводились къ тому, чтобы довести цифру бюджета до возможно большей величины, что было естественно связано съ созданіемъ особой національной политики. Послѣдняя была наиболѣе типична въ тогдашней „первой странѣ міра“—Испаніи. Къ тому же здѣсь и меркантилизмъ достигъ своихъ крайнихъ предѣловъ. Одно время Испанія стояла впереди всѣхъ государствъ Европы. Въ ея рукахъ былъ и путь въ Индію и въ Новый Свѣтъ. Ей же принадлежали и громадные запасы драгоцѣнныхъ металловъ въ видѣ мексиканскихъ серебряныхъ рудниковъ, и обширный флотъ, и многочисленныя заатлантическія колоніи, безпрекословно подчинявшіяся метрополіи—словомъ все, что являлось вождѣленнымъ по рецепту меркантилистовъ. Но такъ продолжалось не долго. Тѣ же факторы, которые служили какъ бы признаками могущества, оказались причинами разложенія эконо-

---

1) См. Clement: Histoire de la vie et de l'administration de Colbert 1846.

мическаго строя этой злосчастной страны. Великолѣпная нѣкогда страна Сиза Компеадора, блестящаго рыцаря и героя, превратилась въ страну, гдѣ уныло бродили одни Донъ-Кихоты. Признаніе нидерландской независимости было формальнымъ завершеніемъ политическаго паденія Испаніи. Вскорѣ и первенство въ міровой торговлѣ изъ рукъ Испаніи переходитъ въ руки Голландіи, а позднѣе — Англіи. Если всмотрѣться въ причины паденія Испаніи, то мы прежде всего увидимъ правительственный абсолютизмъ, который въ своихъ проявленіяхъ ничѣмъ не сдерживается,—это не „просвѣщенный абсолютизмъ", а абсолютизмъ безмозглый жестокій, свирѣпый. Въ остальной Европѣ власть держится на соединеніи центральнаго правительства съ мелкими феодалами, на связи съ городами, съ буржуазіей.

Историческая наука посвятила много вниманія выясненію причинъ паденія Испаніи. Съ экономической точки зрѣнія лучшимъ изслѣдованіемъ является трудъ: Морица Бона, мюнхенскаго доцента, озаглавленный „Паденіе Испаніи" [1]).

Въ Испаніи—единственно на дворянствѣ и это положеніе очень своеобразно. Испанское дворянство—гидальго для Испаніи является чѣмъ-то съ внѣшней стороны привлекательнымъ. Но по существу дворянство выражаетъ собою презрѣніе къ труду, особенно промышленному. Представители труда во время феодализма несли всѣ

---

[1]) Основаніемъ для изученія этой эпохи можетъ служить небольшая работа. Moritz'a Bohn'a-Spaniens Niedergang, Штутгартъ, 1896. Затѣмъ заслуживаютъ вниманія: L. v. Ranke: Zur venetianischen Geschichte, собраніе соч. 42 т.—Его же: Geschichte der romanischen und germanischen Völker, собр. соч. 33 и 34 т.т. — Его же: Die Spanische Monarchie im 16 und 17 Jahrundert, собр. соч. 35 и 36 т.т.—Labarde: Itinéraire de l'Espagne, 2 изд. 1839.—Adolf Ebert: Quellenforschungen aus der Gesehichte Spaniens. Кассель 1849. — Hermann Baumgarten: Geschichte Karls V. Штутгартъ, 1885 г. стр. 60 и сл.; особенно стр. 64 и 74.—Peschel: Zeitalter der Entdeckungen. 2 ч. Штутгартъ 1877.—Häbler: Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im 16 Jahrhundert und ihr Verfall. Берлинъ, 1888. -См. также Scherer: Algemeine Geschichte des Welthandels II, 142—272. — Beer: Allgemeine Geschichte des Welthandels I, 213—218, 2 ч., 113—167.—Zimmermann: Die Kolonialpolitik Portugals und Spaniens in ihrer Entwickelung von den Anfangen bis zur Gegenwart, Берлинъ, 1896.—Haebler: Die Geschichte der Fugger'schen Handlung in Spanien, Веймаръ, 1897.—Hermann Müller: Les origines de la compagnie de Iésus. Jgnace et Lainez. Парижъ, 1898.

налоги, а рыцари были свободны. Съ паденіемъ феодализма въ Европѣ, внутренняя энергія рыцарства направилась на новыя формы жизни, на экономическій подъемъ. Но не то въ Испаніи. Здѣсь рыцарство, въ силу войны съ Италіей и Европой, благодаря маврамъ и открытію Америки, удержалось надолго. Испанія, въ свое время поставляла на весь міръ интеллигентныя силы солдатъ и чиновниковъ и этимъ себя ослабила. Испанскіе гидальго принесли съ собою только феодальный строй, съ паденіемъ его гидальго оказались неспособными къ труду. Немногочисленная буржуазія и разоренное простонародье подражало только гидальго. Повсюду въ Европѣ короли и города соединились для борьбы съ феодализмомъ, въ Испаніи дѣло пошло иначе. Карлъ V получалъ деньги изъ Голландіи, Филиппъ II изъ Перу и Мексики, города имъ были не нужны. Затѣмъ всюду, въ тогдашней Европѣ, шло усиленное развитіе индивидуальной инціативы и хозяйственнаго строя. Между тѣмъ, и въ этомъ отношеніи въ Испаніи было иначе. Здѣсь укрѣплялось военно-чиновничье государство. Здѣсь же создалась неслыханная въ Европѣ организація подавленія индивидуума и индивидуализма. Рука объ руку съ обществомъ Св. Іисуса развивался и самый крайній абсолютизмъ. Рыцари буквально всѣхъ терроризировали. Феодальные маіораты, прежде преслѣдуемые, съ лакействомъ рыцарства предъ монархами усиленно поощряются. Изыскивая способы существованія, рыцари взялись за овцеводство, но овцеводство особаго сорта. Вся Андалузія принадлежала пяти лицамъ, крестьянство было разорено, дома сожжены, заборы сломаны, сельское хозяйство совершенно заброшено. Рыцарское овцеводство все уничтожило, пока не поглотило и самихъ овцеводовъ. Европейцы того времени усердно старались подражать испанскому „рыцарю безъ страха и упрека“. Королевская власть, опиравшаяся только на дворянство, была безъ денегъ. Начинается отчаянная погоня за деньгами. При Филиппѣ пользуются рудниками Новаго Свѣта и даже покровительствуютъ корсарамъ, съ цѣлью полученія возможно большаго количества драгоцѣнныхъ металловъ. Государственные долги возрастаютъ. По смерти Карла V ихъ осталось на 20 милл. дукатовъ. Филиппъ II, дважды объявлявшій себя банкротомъ, все же оставилъ

долгъ въ 20 милл. дукатовъ. Единовременно развивается покровительство государства и церкви... бездѣлью. Массы уходятъ въ монастыри, число которыхъ чрезвычайно увеличивается. Рядомъ съ безразсуднымъ гидальго появляется не менѣе характерная фигура безпечного монаха.

Такія ненормальныя условія при почти полномъ отсутствіи своего производства вызвали ужасающій подъемъ цѣнъ. Къ этому присоединилось безразсудство экономической политики, вдохновляемой идеями меркантилизма. Испанія покровительствовала ввозу чужихъ товаровъ, наивно запрещая вывозъ металла. Въ итогѣ металлическія деньги ушли, а мѣстные промыслы, убитые дешевымъ иноземнымъ товаромъ, прекратились. Вскорѣ оказалось, что Колумбъ открылъ Америку не для Испаніи, а только для двора Леона и Кастильи. Кромѣ 323 тысячъ монаховъ въ Испаніи постепенно оказалось около 160 тысячъ чужихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Высылая колоніи своихъ за границу, Испанія внѣдряла у себя колоніи чужеземцевъ. Всѣ свободныя деньги уходили въ колоніи и на платежъ $^0/_0$ по государственнымъ займамъ. Цѣна мѣдной монеты въ теченіи XVI вѣка удвоилась, а населеніе Испаніи уменьшилось въ два раза. Къ началу 1600 года народонаселеніе Испаніи съ 10 милліоновъ (1500) года уменьшилось до 5 милліоновъ. Кромѣ того, замѣчается одно любопытное явленіе: деньги уплываютъ изъ страны и чѣмъ больше ограничиваютъ циркуляцію металловъ, тѣмъ быстрѣе деньги уходятъ и, въ концѣ концовъ, страна, которая обладала громадными запасами золота, лишается его чуть не совсѣмъ. Въ обращеніи находятся только мѣдныя деньги, а золотыя представляютъ большую рѣдкость. Испанія въ XVI кѣкѣ находится прямо таки въ трагическомъ положеніи.

Таковъ былъ результатъ послѣдовательнаго проведенія идей меркантилизма въ экономической политикѣ.

Въ то время, когда абсолютизмъ въ Испаніи усиливался и поддерживалъ дворянство и духовенство, всѣ остальные классы начали эмигрировать. А когда почти вся торговля очутилась въ рукахъ иностранцевъ, правительство только радовалось, думая, что въ страну приливаютъ иностранные капиталы. Въ нѣкоторыхъ испанскихъ городахъ около $^2/_3$ торговаго и промышленнаго населенія были ино-

странцы. Каждый испанецъ презиралъ трудъ и торговлю, а если находилъ ихъ полезными, то не оставался въ странѣ, а эмигрировалъ заграницу. Единственный способъ, возможный для населенія страны,—вывозъ хлѣба и шерсти,—воспрещался. Разрѣшалось ввозить только то, что нужно большимъ городамъ, двору и придворнымъ. И при всемъ этомъ ужасающая система налоговъ, налоги на производство, алковала, 10% налогъ за переходъ съ мѣста на мѣсто. Въ результатѣ—нѣкогда богатая страна разорилась; торговля и промыслы исчезли. Все это заставило правителей и мыслителей Европы задуматься. Очевидно, что съ меркантилизмомъ обстояло не такъ благополучно и вотъ правительства понемногу стали отказываться отъ политики меркантилизма. Сфера государственнаго вмѣшательства стала меньше. Затѣмъ было обращено вниманіе на развитіе промышленности, фабрикъ. Наступила полоса болѣе умѣреннаго меркантилизма, во Франціи эпоха Кольбера, въ Англіи система Кромвеля. Кольберъ говорилъ, что меркантилизмомъ надо пользоваться, какъ чѣмъ-то временнымъ, что экономическая жизнь въ концѣ концовъ, должна идти своимъ путемъ, онъ признаетъ, что таможенная война есть обоюдоострое орудіе и т. д. Внутри теоріи меркантилизма также произошла эволюція.

Сочиненія характеризующіе эпоху **меркантилизма:** Meusel: Litteratur der Statistik, 2 т., Лейпцигъ, 1790—1793.—Heeren: Handbuch der Geschichte des europäischen Staatensystems und seiner Kolonien. 2 части, Гёттингенъ, 1830.—Scherer: Allgemeine Geschichte des Welthandels, II. Лейпцигъ, 1853.—Kiesselbach: Der Gand des Welthandels im Mittelalter, Штутгартъ 1860, (послѣднія главы).—Ferrari: Histoire de la raison d'etat, Парижъ, 1860.—Kortüm: Geschichte Europas im Uebergang vom Mittelalter zur Neuzeit. 2 тома, Лейпцигъ 1861.—Beer: Allgemeine Geschichte des Welthandels, 2 части, Вѣна, 1862.—Bidermann: Ueber den Merkantilismus, Иннсбрукъ, 1870.—Schmoller: Der Merkantilismus in seiner historischen Bedeutung in Umrissen und Untersuchung zur Vervassungs - und Vervaltungs-und Wirtschaftsgeschichte besonders des preussischen Staats im 17 und 18 Jahrhundert. Лейпцигъ, 1898.—Cun-

ningham: Adam Smith und die Merkantilisten въ „Tübinger Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft", 1884. стр. 41—67.— Статья „Merkantilsystem" E. Leser'a въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.—v. Schultze-Gävernitz: Volkswirtschaftliche Studien ans Russland, Лейпцигъ, 1899.—(рус. пер. 1900 г.).—Янжулъ, И. И. Англійская свободная торговля, т. I, (періодъ меркантильный) М. 1876.

III.

Экономическая политика меркантилизма.

Усиливавшееся могущество центральной власти постепенно суживаетъ экономическую иниціативу подданныхъ. И самыя начинанія, и планъ и исполненіе, и надзоръ за ними постепенно переходятъ въ руки государства. Государство,—этотъ Левіафанъ современности,—становится главнымъ рычагомъ всей промышленной жизни народа, которымъ оно распоряжалось, согласно принципу: „l'état c'ést tout". Личность поэтому становилась все болѣе безправной, безвольной и беззащитной. Она становится простымъ объектомъ государственныхъ мѣропріятій въ области промышленности и торговли. Такъ, напримѣръ, Фридрихъ Вильгельмъ I схватываетъ, несмотря на протесты, слесарей и шлетъ ихъ къ Петру I. Карлъ Вюртембергскій, введя соляную монополію и недовольный размѣрами поступающихъ къ нему доходовъ, приказываетъ каждому изъ подданныхъ покупать соль въ большихъ, чѣмъ имъ нужно, размѣрахъ. Одинъ изъ нѣмецкихъ деспотовъ точно также приказываетъ покупать своимъ вѣрноподданнымъ изданные имъ въ пользу казны календари, грозя въ противномъ случаѣ штрафомъ въ 10 талеровъ. На основѣ такихъ воззрѣній возникла всеобъемлющая, широкая и детализированная опека центральной власти, съ полнымъ внѣдреніемъ во всѣ стороны народной жизни. Огражденіе, запрещеніе, содѣйствіе становятся девизами новой политики—государственнаго вмѣшательства въ частное и народное хозяйство. Послѣднее сказалось въ двухъ направленіяхъ, вопервыхъ, въ видѣ антиполитической, тенденціи въ стисненіи частной иниціативы и индивидуальной свободы,

вовторыхъ, въ соціалистической, въ видѣ защиты одной группы населенія отъ другой и отъ внѣшнихъ вліяній. Въ итогѣ получалось то типичное соединеніе политическаго угнетенія съ защитою исключительно экономическихъ интересовъ, которымъ всегда характеризовался абсолютизмъ.

Въ зависимости отъ реализаціи той или другой тенденціи, производились и государственныя мѣропріятія. Одна группа мѣръ, какъ было указано, направлялась или къ передачѣ частной инициативѣ правительству, или къ общей опекѣ всего народонаселенія, или, что чаще, къ опекѣ его отдѣльныхъ классовъ.

Общая опека выразилась въ запрещеніи вывоза денегъ, въ установленіи вначалѣ торговаго, а потомъ денежнаго балланса. Что же касается опеки отдѣльныхъ классовъ населенія, то ее можно подраздѣлить на три группы: на опеку производителей, посредниковъ и потребителей. Опека производителей, или такъ называемый „кольбертизмъ“, состояла въ особомъ покровительствѣ туземной промышленности какъ путемъ насажденія ея, такъ и путемъ защиты отъ конкуренціи иностранцевъ. Защита была двоякаго рода—или при содѣйствіи пошлинъ или же привозомъ мастеровъ, которые могли конкурировать съ иностранцами.

Въ то же самое время запрещается ввозить въ страну, съ которой борется данная страна, сырье, машины. Такъ, Генрихъ VI воспрещаетъ вывозъ пряжи, Генрихъ VIII—кожи. Рука объ руку съ этимъ идетъ и колоніальная политика, и мѣры пресѣченія конкурентной торговли колоній. Разрѣшается производить торговлю только на судахъ метрополіи; въ этомъ духѣ издается извѣстный навигаціонный актъ Кромвелля въ 1651 году: согласно акту Кромвелля, всѣ привозимые въ Великобританію товары должны приходить только на британскихъ корабляхъ. Въ томъ же духѣ и испанскіе эдикты Филиппа III, который грозилъ смертною казнью за ввозъ чужеземныхъ товаровъ въ американскія колоніи Испаніи. Ради той же опеки производителей, Елизавета, въ 1563 году, устанавливаетъ особый постъ ради поощреніе рыболовства, а нѣсколько позже, ради содѣйствія шерстяному дѣлу, требуетъ погребенія въ шерстяномъ платьѣ, грозя штрафомъ въ 5 ф. стерлинговъ всѣмъ отступникамъ отъ ея приказа.

За опекой слѣдуетъ и контроль. Контроль надъ производствомъ и его регламентація переходятъ къ центральной власти отъ цеховыхъ организацій. Такъ, напримѣръ, въ 1363 году издается приказъ, чтобы всѣ англійскія сукна для продажи шли черезъ правительственнаго сукномѣра, конечно, съ оплатой соотвѣтственной пошлины. Въ 1463 году издается особый указъ о законной длинѣ и ширинѣ отдѣльныхъ сортовъ той же матеріи. При Тюдорахъ издается соотвѣтствующее постановленіе о выдѣлкѣ деревенской шерсти, выработки пива, серебряно-золотыхъ издѣлій и пр. Вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливается строгій надзоръ по отношенію къ мѣрамъ и вѣсамъ, клейму и пробѣ издѣлій.

Исполненіе всѣхъ постановленій гарантируется суровыми наказаніями. Было уже сказано, что Филиппъ III испанскій, за ввозъ товаровъ въ испано-американскія владѣнія, грозилъ смертною казнью. То же дѣлаетъ Филиппъ IV по отношенію ввоза золота. Такъ же суровъ Генрихъ VIII въ Англіи.

Не менѣе тяжела и опека посредниковъ. Между народные торговые договоры стремились дипломатическимъ путемъ устранить конкурентовъ. Акціонерныя и торговыя компаніи, какъ, напримѣръ, Остъ-Индская, получаютъ различныя привилегіи въ торговлѣ колоніальными товарами. Мѣры и вѣсъ на рынкѣ становятся объектомъ наблюденія полиціи рынка. Филиппъ IV разрѣшаетъ ввозить всѣ и иностранные товары въ Испанію только черезъ одну гавань, именно Кадиксъ.

Еще детальнѣе была опека потребителей. Тутъ мы видимъ и таксу на предметы первой необходимости, и контроль за качествомъ товаровъ (рыночная полиція), и таксу заработной платы, какъ минимумъ ея, и борьбу съ роскошью и законъ о бѣдныхъ.

Таксы устанавливались почти на всѣ предметы первой необходимости. Исполненіе таксаціи цѣнъ гарантировалось штрафомъ за уклоненіе и конфискаціею какъ денегъ, такъ и товаровъ при продажѣ не по таксѣ. Такъ, Генрихъ VIII англійскій устанавливаетъ слѣдующую таксу на вино и мясо: говядина и свинина — $^1/_3$ пенса, баранина 3 фартинга за фунтъ, французское и нѣмецкое вино — 18 пенсовъ галонъ, испанское и португальское — 1 шиллингъ галонъ. Помимо таксы издаются и очень грозныя запрещенія тор-

говцамъ притѣснять производителей и потребителей. Не менѣе назойливо производится и контроль надъ качествомъ товаровъ. Рыночная полиція захватываетъ подъ свой надзоръ всѣ торговые обороты.

Таксы заработной платы платы устанавливаются уже съ половины XIV вѣка. Такъ, статуты рабочихъ 1350 года знаютъ плату, такъ называемую, „плату до моровой язвы“ и плату позднѣйшую. Въ 1388 году устанавливаются штрафы за плату, превышающую опредѣленный максимумъ. По знаменитому закону Елизаветы 1562 г., заработная плата рабочимъ устанавливается на судѣ экспертами и опубликовывается въ каждомъ отдѣльномъ округѣ до всеобщаго свѣдѣнія. При этомъ плата должна, согласно статьѣ 15-й этаго закона, „доставлять рабочему человѣку пропитаніе на цѣлый годъ“. Эта система стоитъ въ связи съ принудительнымъ трудомъ, такъ какъ никто не можетъ отказатся отъ работы, предложенной ему по платѣ, установленной закономъ. Точно такія же таксы на заработную плату устанавливаются и въ области земледѣлія. Вся дальнѣйшая исторія рабочаго движенія сводится къ тому, чтобы отмѣнить ненавистные законы о заработной платѣ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ XVII вѣкѣ въ Англіи, сами рабочіе добиваются установленія опредѣленной заработной платы. Одновременно издается законъ противъ союзовъ рабочихъ, связанный съ закономъ объ осѣдлости (1662 г.).

Законы противъ роскоши извѣстны съ половины XIV вѣка. Такъ, по англійскому закону 1363 г. пахари и пастухи не должны носить матерію дороже 1 шиллинга за аршинъ. Обѣдъ и ужины простолюдина не должны состоять болѣе, чѣмъ изъ 2-хъ блюдъ и двухъ сортовъ пищи, а въ праздникъ—3-хъ. По закону 1463 г., прислуга не должна носить платье дороже 2-хъ шиллинговъ за ярдъ, чулки не дороже 18 пенсовъ за штуку, платки не дороже 20 пенсовъ за штуку. Въ 1482 опубликовывается повтореніе этого закона. Многія изъ мѣропріятій этого типа сахраняются надолго въ европейскомъ законодательствѣ и переживаютъ самый смысль его. Нѣкоторыя же изъ этихъ мѣръ, своевременно исчезнувшія, появляются вновь только въ 19 вѣкѣ съ развитіемъ протекціонной политики. Нѣмецкій экономистъ Конрадъ считаетъ вѣкъ XVI, —

вѣкъ особеннаго развитія меркантилизма, и вѣкъ XIX—близнецами, Но Конрадъ имѣетъ передъ своимъ умственнымъ взоромъ только условія германскія и вообще европейскія. Еще болѣе типичны въ этомъ смыслѣ русскія условія. Если Бруно Гильдебрандтъ сказалъ, что меркантилизмъ есть политика абсолютизма, то мы, основываясь на примѣрахъ 19 столѣтія, можемъ утверждать, что абсолютизмъ и меркантилизмъ не только взаимно дополняютъ другъ друга, но одинъ безъ другого совершенно немыслимы.

V.

Теоретики меркантилизма.

Идеологію новыхъ буржуазныхъ отношеній выясняли съ большимъ усердіемъ въ Англіи и Италіи. Франція и Германія также не остались чужды этому движенію, хотя меркантилизмъ въ первой изъ нихъ вылился скорѣе въ системѣ мѣропріятій и законовъ, а во второй въ особомъ направленіи—въ камералистикѣ. Не осталась чужда меркантилизму и Россія.

Среди англійскихъ теоретиковъ меркантилизма выдѣляются: Стаффордъ (Галесъ), Миссельденъ, Томасъ Мэнъ, Томасъ Кёльпереръ, Дёдлей Диггсъ, Джосіа Чайльдъ, Раллей, Вильямъ Темпль, Чарлзъ Давенантъ, Мэлейнсъ, Самуэль Фортрей, Джонъ Поллексфенъ, отчасти Бэконъ и Джемсъ Стюартъ. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія особенно выдающіеся, а именно Миссельденъ, Мэнъ, Чайльдъ, Раллей, Тэмпль и Давенантъ. Въ Италіи—Серра, Сакруффи, Броджіа, Джевонези, Турбало. Въ Испаніи—Іеронимъ Устарицъ и Бернадо де Уллоа. Во Франціи—Мелонъ, Монкретьенъ, Форбоннэ, въ Германіи—Клокъ, Секкендорфъ, Бехеръ, Шредеръ, камералисты Борницъ и Безолдъ. Въ Россіи—Крыжаничъ, Посошковъ, Петръ I.

Общаго исчерпывающаго обзора меркантилизма до сихъ поръ нѣтъ, какъ не было у меркантилизма—своего единаго евангелія—главной теоретической книги, излагавшей основы положенія системы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы коснемся преимущественно англійскихъ теоретиковъ меркантилизма, къ нимъ и переходимъ.

Томасъ Мэнъ, выступившій въ началѣ XVII столѣтія, развиваетъ взгляды, являющіеся поворотнымъ пунктомъ въ исторіи меркантилизма въ Англіи. Томасъ Мэнъ теоретикъ и апологетъ торговаго баланса. Ему принадлежатъ два сочиненія—одно „Разсужденіе о торговлѣ Англіи съ Индіею“, 1609 [1]) и другое „Сокровища Англіи въ иностранной торговлѣ“, 1664 [2]). Особенно любопытно второе сочиненіе, на которомъ подробно останавливается Адамъ Смитъ. „Заглавіе этого сочиненія,—говоритъ А. Смитъ [3]), „Англійскія сокровища (заключаются) въ иностранной торговлѣ“ — стало основнымъ закономъ для народнаго хозяйства не только Англіи, но и всѣхъ прочихъ торговыхъ странъ. Внутренняя или домашняя самая важная торговля, которой такой же капиталъ приноситъ странѣ больше прибыли, считалась ниже торговли иностранной. Внутренняя торговля, по этому мнѣнію, не привлекала въ страну, не отправляла изъ нея денегъ. Стало быть, она не могла доставить ни обогащенія, ни обѣдненія, развѣ только косвеннымъ образомъ, дѣйствуя на состояніе иностранной торговли“.

Но правительства многихъ странъ, думаютъ, что торгуя съ иностранцами ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ вывозить въ чужія земли въ качествѣ товаровъ золото и серебро. Мэнъ противъ этого запрещенія, какъ крайне вреднаго для торговли. „Вывозъ золота и серебра,—говоритъ онъ,—не всегда уменьшаетъ въ странѣ количество этихъ металловъ. Напротивъ того, часто вывозъ можетъ увеличить количество благородныхъ металловъ, ибо потребленіе иностранныхъ товаровъ не усилится такою мѣрою, то ввезенные товары могутъ быть вывезены въ другія страны, въ которыхъ будутъ проданы съ большею выгодою, а потому выручатъ больше денегъ, чѣмъ сколько было первоначально заплочено за нихъ. Мэнъ сравниваетъ такой оборотъ иностранной торговли съ тѣмъ,

---

[1]) Thomas Mun: A Discourse of Trade from England unto the East Indies, 1609; 2 изд. 1621; оба изданія нынѣ большая библіограф. рѣдкость. Въ этой книгѣ восхваляется меркантилизмъ и запретительные „statuts of employments“ Генриха VIII. Деньги,—увѣряетъ здѣсь Мэнъ,—создаютъ торговлю, а торговля—деньги.

[2]) Его же: England's Treasure by Foreign Trade or the balance o our foreign trade is the roule of our treasure, 1664.

[3]) Адамъ Смитъ: Изслѣдованіе причинъ и пр., рус. пер., кн. 4, гл. I, стр. 235.

что встрѣчается въ земледѣліи во время посѣва и жатвы. „Если бы мы стали судить,—говоритъ онъ,—о земледѣльцѣ только въ минуту посѣва, когда онъ разбрасываетъ по землѣ такое количество прекрасныхъ зеренъ, то мы могли бы принять его за безумнаго. Но если мы вспомнимъ въ то время о жатвѣ, составляющей цѣль его заботъ, то можемъ оцѣнить по достоинству его труды и вытекающее изъ нихъ изобиліе". Наконецъ, Мэнъ полагаетъ, что неудобно имѣть въ обращеніи много металлической монеты, потому что она повышаетъ цѣны; хотя, по его мнѣнію, это выгодно для государства.

Іосія Чайльдъ [1]) рекомендуетъ своимъ соотечественникамъ Голландію, какъ образецъ экономическаго благоустройства. Онъ приписываетъ громадное значеніе низкому проценту, развивающему, по его мнѣнію, народное богатство и благосостояніе всей страны. Процентъ, по словамъ Чайльда, „душа" экономической науки и основопричина всякаго богатства. Правительство должно опредѣлять размѣръ процента и постоянно держать его на низкомъ уровнѣ. Чайльдъ признаетъ ученіе Мэна о торговомъ балансѣ, но замѣчаетъ, что нельзя постоянно продавать иностранцамъ, ничего не покупая. Вывозъ металловъ онъ считаетъ, вопреки мнѣнію многихъ меркантилистовъ, не разорительнымъ. Въ духѣ своего времени онъ также ратуетъ за многочисленность населенія и за мѣры, ведущія къ его увеличенію. По вопросамъ колоніальной политики Чайльдъ вполнѣ солидаренъ съ меркантилистами:—колоніи могутъ торговать только метрополіею, ввозъ и вывозъ товаровъ должны при этомъ производиться на судахъ метрополіи, торговыя компаніи должны при помощи спеціальныхъ привилегій являться монополистами въ колоніяхъ и расширять обороты внѣшняго торга. Навигаціонный актъ Кромвелля Чайльдъ тѣмъ не менѣе считаетъ больше политическимъ, чѣмъ экономическимъ. Чайльдъ не особенно типичный меркантилистъ, хотя несомнѣнно меркантилистъ. Но, видимо, за его нерѣшительность и некатегоричность по ряду вопросовъ, Ингремъ признаетъ Чайльда „экликтикомъ". Но

1) Josiah Child: Brief Observations concerning Trade and the Interest of Money, 1668; его же: A new Discourse of Trade, I-oe изд. 1660 г., II-oe—1690.

нѣкоторые экономисты относятъ Чайльда къ числу предшественниковъ школы свободной торговли. Такое мнѣніе еще менѣе точно, чѣмъ приведенное мнѣніе Ингрема.

Вилльямъ Темпль [1]), голландскій посланникъ, такой же, какъ и предыдущіе экономисты, защитникъ торговаго баланса и меркантильной политики Голландіи. Какъ вѣрно выразился Дж. Ингремъ „правильныя идеи“,—напримѣръ, о трудѣ, роли сбереженій, монетѣ,—у него уживаются „рядомъ съ меркантильными предразсудками и предубѣжденіями“.

Сходенъ съ предыдущимъ и съ Темплемъ. Чарльзъ Давенантъ [2]) меркантилистъ эклектикъ. Онъ рядомъ съ усердною защитою правительственнаго вмѣшательства въ колоніальныя дѣла и торговлю, ревностно отстаиваетъ полную свободу внутренняго товарообмѣна Англіи.

Джонъ Галесъ (John Hales) или Вилльямъ Стаффордъ (William Stafford) — одинъ изъ болѣе еще раннихъ англійскихъ меркантилистовъ.

Въ европейской экономической литературѣ трудъ этого писателя представляетъ весьма важное явленіе. Ученымъ долгое время была извѣстна только книга: „Три разговора о распространенныхъ въ народѣ жалобахъ“, изданная „дворяниномъ W. S.“ и помѣченная 1581 годомъ [3]).

Первоначально полагали, что подъ иниціалами скрывается великій драматургъ Вилльямъ Шекспиръ (W. Schakespeare) Съ конца же XVIII вѣка, на основаніи данныхъ сочиненія нѣкоего Антона Вуда: „Alhenea Otonienses“—эти иниціалы читаются

[1]) W. Temple: Observations upan the United Provinces of the Netherlands, 1672; его же: Essay on the Trade of Ireland, 1673.

[2]) Davenant, Ch.: Essay on the East-India Trade, 1696—97; его же Essay on the Probable ways of making the People gainers in the Balance of Trade, 1669; ему принадлежитъ еще нѣсколько другихъ менѣе значительныхъ сочиненій.

[3]) Полное заглавіе этого изданія: „A Compendions or Brief Examination of certayne ordinary complaints of divers of our countrymen in these our daycs, witch, allthough they are in some part unjust and frivolous, yet are they all by way of dialogues thoroughly debated and discussed, by W. S. Gentleman. Imprinted—1581. Ингрэмъ въ своей исторіи полит. экономіи совершенно невѣрно титулуетъ это сочиненіе „Brife Conceipte of English Policy“, 1581.

уже какъ Вилльямъ Стаффордъ. Указанія Вуда подкрѣпляются и біографическими данными о богатой приключеніями жизни этого талантливаго англичанина. На сочиненіе Стаффорда долго не обращалось особаго вниманія ни на его родинѣ, ни на континентѣ. Но уже Рошеръ усиленно подчеркиваетъ его значеніе. То же съ его словъ дѣлаетъ и нашъ экономистъ Янжулъ. Послѣдній пренебрежительно замѣчаетъ: „По словамъ Рошера, который знакомъ съ этою книгою только изъ вторыхъ рукъ (бѣдный Рошеръ!), она составляетъ большую рѣдкость въ Англіи. Это не совсѣмъ вѣрно: трудъ В. С. находится въ Британскомъ Музеѣ (въ отдѣленіи Bivliotheca grenvilliana,—а Британскій Музей далеко не лучшая англійская библіотека по книгамъ XVI вѣка“ [1]). Но и почтенный ученый тоже не правъ. На основаніи замѣчательно остроумнаго изслѣдованія г-жи Елизаветы Ла-мондъ [2]), а еще болѣе на основаніи найденныхъ ею манускриптовъ того же труда болѣе ранняго происхожденія [3]), можно вполнѣ безошибочно заключить, что сочиненіе, приписываемое Вилльяму Стаффорду было написано нѣкіимъ Джономъ Гельсомъ около 1549 года [4]). Я не буду приводить всѣхъ весьма вѣскихъ доказательствъ, собраннымъ нѣмецкими издателями Гельса (Стаффорда). Интересующимся и слѣдуетъ туда обратиться [5]).

Точный переводъ заглавія сочиненія Гельса: „Краткое изслѣдованіе о извѣстныхъ ежедневныхъ жалобахъ различныхъ нашихъ земляковъ нашихъ дней, которыя

---

[1]) Янжулъ, Ив.: Англійская свободная торговля, т. I, 1876 г., стр. 39

[2]) La mond, E.: English historical Review за 1891 годъ, апрѣльская книжка.

[3]) Одинъ манускриптъ Оксфордской библіотеки, другой частнаго лица, нѣкоего Ламбарда изъ г. Беехмонта (Кентъ), переписанный по приказанію частнаго лица въ 1565 году.

[4]) А быть можетъ и Thomas'омъ Smithe'сомъ (родив. 1514, ум. 1577),

[5]) Prof. Emanuel Leser въ своемъ Einleitung des Herausgebers предпосланномъ къ переводу сочиненія Гельса-Стаффорда „Drei Gespräche, über die in der Bevölkerung verbreitenten Klagen“ (№ 5 изъ серіи (Brentano u. Leser) Sammlung älterer und neuerer Staats wissenschaftlicher Schriften des In—und Auslandes. Лейпцигъ. 1895 (Duncker u. Humblot). Болѣе раннихъ изданій, кромѣ изданія 1581 года, еще два 1751 года (въ IX т. Hatleian Miscellany) и (Шекспировскаго общества) съ предисловіемъ I. Matthew и съ примѣчаніями F. Furnivall'я, Лондонъ, 1876.

хотя отчасти несправедливы и поверхностны, все же всѣ въ формѣ діалога основательно изложены и объяснены дворянином̀ъ W. S. Книга изложена въ формѣ діалоговъ, что самъ авторъ считаетъ „лучшимъ способомъ для разъясненія вопроса" и написана очень интересно и живо. „Трудъ" посвященъ королевѣ Елизаветѣ и распадается на три діалога: 1. Краткое изложеніе государственнаго быта Англійскаго королевства. 2. „Второй діалогъ, гдѣ излагаются далѣе причины названныхъ жалобъ", 3. „Третій діалогъ, гдѣ будутъ приведены средства помощи для приведенныхъ бѣдствій".

Діалогъ ведутъ дворянинъ, купецъ, докторъ, сельскій хозяинъ (фермеръ) и ремесленникъ [1]). Всѣ жалуются, докторъ рѣшаетъ споръ. Центральнымъ пунктомъ служитъ характерное явленіе того времени—жалобы на „господствующую дороговизну" на „отсутствіе денегъ", на „упадокъ деревень", на отрицательныя стороны вновь развивающагося крупнаго землевладѣнія и, наконецъ, на явленія не экономическаго порядка, на „религіозныя смуты". Дороговизна и отсутствіе денегъ объясняются порчею монетъ практиковавшеюся Генрихомъ VIII. Различные классы страдаютъ отъ порчи монетъ неодинаково. Землевладѣльцы, продавая хлѣбъ, даже выигрываютъ отъ такого порядка вещей. Тѣмъ, не менѣе, общее зло сильно, оно перевѣшиваетъ выгоды землевладѣльцевъ, что и вызываетъ всеобщія жалобы. Та же порча монетъ, по мнѣнію Стаффорда, ведетъ „къ полному обѣднѣнію государства и къ необыкновенному ослабленію государственнаго могущества" (стр. 81) и даже къ полному уничтоженію страны" (стр. 69). Особенно страдаютъ рабочіе, заработная плата которыхъ при этомъ хотя и повысилась, но покупательная сила этой заработной платы уменьшилась. Замѣчаніе высокой теоретической цѣнности.

Интересны взгляды на деньги и торговлю. По справедливому мнѣнію Стаффорда, только содержаніе чистаго металла въ монетѣ опредѣляетъ ея стоимость, а не названіе, даваемое денежному знаку. Поэтому покупательная сила денегъ равна содержанію въ

---

[1]) Послѣдній почему-то пропущенъ ак. Янжуломъ въ его томѣ I „Англійской свободной торговлѣ".

нихъ чистаго металла. „Названіе вещи,—говоритъ Стаффордъ,—можно измѣнить, но не цѣнность по крайней мѣрѣ не на долгое время, ибо мы не живемъ въ странѣ, какъ Утопія, у которой нѣтъ внѣшнихъ сношеній". Такимъ образомъ, старое право государства чеканить монету по своему усмотрѣнію и безъ всякой осмотрительности, приводитъ къ абсурду. Такой порядокъ по мнѣнію автора, долженъ быть измѣненъ.

Отъ порчи монеты страдаетъ и иностранная торговля, а равно иностранцы, чеканя у себя дурную монету, могутъ импортировать ее въ данную страну. Въ наше время надѣлало много шуму наблюденіе, что дурныя деньги совершенно вытѣсняютъ изъ обращенія хорошія. Это наблюденіе легло въ основу, такъ называемаго, закона Грешема о роли разноцѣнныхъ денегъ въ народномъ обращеніи. Но онъ уже былъ извѣстенъ и Копернику и еще яснѣе выраженъ у Стаффорда. Онъ говоритъ: „Когда кузнецы, купцы и другіе опытные въ обращеніи съ металлами замѣтятъ, что одинъ грошъ лучше другого, а что между тѣмъ, на плохой можно купить столько же, сколько и на хорошій, не отложатъ ли они въ сторону хорошіе гроши и не употребятъ ли для иныхъ цѣлей, и не начнутъ ли пускать въ обращеніе только плохіе, которые также отлично служатъ.

Касаясь сельскаго хозяйства, Стаффордъ разражается жалобами въ духѣ Томаса Мора. Наблюдаемое имъ паденіе урожая („добычи зерна") вызываетъ у него консервативныя похвалы старой системѣ землевладѣнія. Затѣмъ Стаффордъ обращаетъ вниманія на паденіе мелкихъ провинціальныхъ городовъ, на бѣгство ремесленниковъ въ города и на развитіе роскоши. Утонченіе спроса вызываетъ, по его словамъ, привозъ иноземныхъ предметовъ роскоши. Ремесленному производству Стаффордъ рекомендуетъ мѣры въ духѣ строгихъ цеховыхъ постановленій, но разрѣшаетъ передвиженіе ремесленниковъ въ мѣстности, гдѣ есть спросъ на рабочія руки. Особенно сильно хлопочетъ авторъ о развитіи національной промышленности. У кого есть мануфактура, „тѣмъ не нужно",—говоритъ онъ, ѣхать въ Перу или копаться въ пескѣ африканскаго берега, тѣ умѣютъ изъ шерсти, изъ волоконъ и корней извлекать золото и серебро". Промышленность должна удовлетворять какъ

мѣстнымъ нуждамъ, такъ и служить экспорту. Чужіе товары не должны быть допускаемы. Въ борьбѣ съ ними, Стаффордъ, въ строго меркантилистическомъ духѣ, рекомендуетъ таможни и пошлины. При этомъ Стаффордъ различаетъ пошлины, налагаемыя съ фискальною цѣлью, и пошлины запретительныя. Въ духѣ времени Стаффордъ обращаетъ также усиленное вниманіе и на размноженіе населенія, многочисленность котораго онъ считаетъ прямымъ залогомъ благосостоянія. Какихъ бы вопросовъ Стаффрдъ не касался, онъ не только перечисляетъ и старается объяснить „неудовольствія", но и пытается установить общія теоретическія основанія для ихъ объясненія.

Въ силу этого, Стаффордъ является и первымъ теоретикомъ меркантилизма въ XVI вѣкѣ [1]).

То, что было въ зародышѣ у Стаффорда, спустя 40 лѣтъ, уже въ XVII столѣтіи систематизируетъ другой англійскій экономистъ Эдуардъ Миссельденъ. Его главное сочиненіе, вышедшее I изданіемъ въ 1620 году, можно считать первымъ систематическимъ изложеніемъ началъ меркантилизма [2]).

V.

Паденіе меркантилизма и начало новыхъ вѣяній.

Меркантилизмъ, какъ система, просуществовалъ въ Европѣ въ періодъ времени между XIV и XVII столѣтіями. Открытіе Новаго

---

[1]) На этомъ сходятся всѣ историки воззрѣній этого періода, а именно Travers Twiss: View of the Progress of Political Economy. 1847, стр. 30 и слѣд.; Kautz: Die geschichliche Entwickelung der Nationalökonomie. 1860, т. II, стр. 278; Roscher, W: Zur Geschichte d. englischen Volkswirt, schaftlehre in 16 und 17 Jahrh. 1852, стр. 18; Янжулъ: Англійская свободная торговля, 1876, т. I, стр. 48.

[2]) Честь открытія для современной науки трактата Э. Миссельдена безспорно принадлежитъ ак. Янжулу (см. его „Англійская свободная торговля", т. I, 1876, стр. 60). Оно озаглавлено: Edward Misselden: Free-Trade or the Means to make Trade florisch; wherin the Causes of the Decay of Trade in their Kindom are discovered and the Remedies also to remove the same are represented. 1620; 2 изд. 1622. Кромѣ того Миссельдену принадлежитъ небольшой памфлетъ: „The Cirde of Commerce" 1623.

Свѣта, усиленіе центральной власти, переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, ростъ торговли и промышленности,—все это было факторами, создавшими и утвердившими меркантильную систему. Но очень скоро послѣ ея развитія сама жизнь показала, что меркантильная система была громадной ошибкой. Но отвергнуть ее и придти къ новому принципу было не такъ легко, тѣмъ болѣе что уже съ XV вѣка появляются идеологи меркантилизма, пытающіеся, какъ Серра, Скаруффи, Стаффордъ, Миссельденъ и другіе обосновать меркантилизмъ теоретически.

Идейная реакція противъ меркантилизма начинается только въ половинѣ XVII вѣка и разражается къ концу XVIII вѣка новымъ, антагонистическимъ меркантилизму теченіемъ—физіократизмомъ. Но смѣна одного направленія другимъ не произошла сразу и не представила собою только одной логической реакціи одного теченія другому. Между тѣмъ и другимъ теченіемъ цѣлая эпоха, причемъ въ переходный періодъ мы находимъ постепенное умираніе одной и наростаніе другой системы идей. Находятся также писатели,—таковъ прежде всего замѣчательный французскій экономистъ Кантильонъ, въ сочиненіяхъ которыхъ воззрѣнія двухъ смѣнившихъ другъ друга школъ одухотворенно уживаются рядомъ въ опредѣленномъ философскомъ синтезѣ.

Реакція противъ меркантилизма начинается по вопросамъ обмѣна. Такъ, нѣкоторые писатели, вначалѣ робко, а потомъ все рѣшительнѣе, высказываются противъ господствовавшей теоріи денегъ, какъ источника народнаго богатства, и все чаще выставляютъ въ качествѣ центральнаго пункта народной жизни не благородный металлъ, а трудъ. Они начинаютъ утверждать, что цѣнность предметовъ сообщается имъ только трудомъ и что народное богатство можетъ вырасти и помимо увеличенія денежныхъ средствъ. Движеніе исходило изъ Англіи. Первыми выступаютъ замѣчательные англійскіе писатели XVII вѣка: философъ Локкъ, Сэръ Вильямъ Петти, Дѣдлей Нортсъ и Юмъ. За ними вскорѣ слѣдуютъ популяризировавшіе на континентѣ англійскія идеи французы: Кантильонъ, Буагажильберъ, Маршалъ Вобанъ и Д'Аржансонъ. Первый въ концѣ XVII,—а послѣдніе три въ первой половинѣ XVIII столѣтія, отступая отъ меркантилизма,

повторяютъ и развиваютъ новыя идеи, расчищающія почву для господства новаго экономическаго міровоззрѣнія.

Названная группа писателей, начиная съ Локка и кончая Д'Аржансономъ, является группой, такъ называемыхъ, переходныхъ писателей: у Джона Локка, Сэра Вилліама Петти и Давида Юма можно еще найти и глубокое вліяніе меркантилизма и зародышъ совершенно новыхъ вѣяній.

VI.

Меркантилизмъ въ Россіи.

Меркантелизмъ нашелъ себѣ откликъ и въ другихъ менѣе значительныхъ государствахъ Европы—мы имѣемъ теперь свѣдѣнія о меркантилистахъ Испаніи, Швеціи, Польши. Это направленіе нашло себѣ отраженіе и въ Россіи.

Здѣсь общественно-экономическій переломъ, назрѣвавшій еще съ XVI вѣка, получилъ свое завершеніе въ эпохѣ Петра Великаго. Вся сумма тогдашнихъ соціально-историческихъ условій способствовала изданію направленія, родственнаго западному меркантилизму.

Меркантилизмъ въ Россіи получилъ двоякое выраженіе: теоретическое и практическое. Какъ характерная русская особенность—теоретическій меркантилизмъ былъ самобытнаго направленія, а практическій—скорѣе заимствованный съ западныхъ образцовъ, хотя по апріорному предположенію дѣло должно было обстоять какъ разъ обратно.

Типичными выразителями самобытно-московскаго литературнаго выраженія меркантилизма былъ Посошковъ, а прогрессивнаго западнаго—самъ Петръ и нѣкоторые изъ его сподвижниковъ.

Посошковъ—необыкновенно оригинальная, крупная, историческая фигура до сихъ поръ, къ сожалѣнію, все еще мало изученная. Многіе изъ взглядовъ его заслуживаютъ болѣе детальной квалификаціи, чѣмъ это сплеча у насъ до сихъ поръ дѣлалось [1]).

---

[1]) Напр., отрицательное отношеніе къ религіознымъ сужденіямъ Посошкова у П. Н. Милюкова и у проф. А. А. Царевскаго: Зеркало очевидное, Казань, 1898 г. вып. I.

Впрочемъ одинъ изъ болѣе молодыхъ историковъ недавно пытался уже реабилитировать Посошкова и въ этомъ направленіи, приведя рядъ любопытныхъ мѣстъ изъ его религіозныхъ сужденій [1]).

Ивану Тихоновичу Посошкову (1670—1726) принадлежатъ рядъ сочиненій и записокъ [2]), изъ нихъ наиболѣе выдающіяся два труда религіозныхъ:

1) Зеркало очевидное и

2) Отеческое завѣщаніе, написанное между 1719—1720,

и одно общественно-экономическое:

3) Книга о скудости и богатствѣ, законченная около 1723 года.

„Книга о скудности и богатствѣ“ писалась въ теченіи трехъ лѣтъ, 1712—1723, когда автору ея было около 70 лѣтъ отъ роду. Она предназначалась въ первую голову для чтенія „самому царю“ и представляла собою синтезъ жизненнаго опыта проницательнаго наблюдателя и недюжиннаго человѣка. Это безъ всякаго сомнѣнія совершенно оригинальный opus и никакого литературнаго вліянія на немъ прослѣдить, какъ нѣкоторые указывали, [3]) нельзя. Посошковъ не былъ теоретикомъ ученымъ, а лишь публицистомъ практикомъ, публицистомъ патріотомъ и гражданиномъ, оптимистически мечтавшимъ о реформахъ Россіи и безотрадно смотрѣвшимъ на ея дѣйствительность [4]). Критика Посошкова безпощадна. „Аще

---

[1]) Таково, напримѣръ, его раціоналистичное сужденіе о чудесномъ. См. Н. П. Павловъ-Сильванскій: Новыя извѣстія о Посошковѣ. въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Им. Академіи Наукъ, т. IX. (1904). кн. 3. стр. 105—148.

[2]) Важнѣйшія бумаги И. Посошкова были опубликованы Г. В. Есиповымъ („Иванъ Посошковъ“, „Русское слово“, 1861 г. іюнь) и М. И. Погодинымъ. (Сочиненія Ив. Посошкова, М. 1863). Письма Посошкова отчасти изданы В. И. Срезневскимъ. Извѣстія отдѣл. рус. языка и слов. Им. Акад. Наукъ, 1899 г. т. IV. кн. 4.—„Доношеніе о исправленіи всѣхъ неисправ.“, писанное до 1704 г. и нѣк. другія мелочи Павловымъ-Сильванскимъ въ 1804 г.

[3]) Такъ, наприм., Бринкнеръ полагаетъ, что Посошковъ близокъ по взглядамъ англичанину Вальтеру Раллею и голландцу Питеру дела Куру: Бринкеръ А: „Иванъ Посошковъ“ по нѣмецки. часть I, Посошковъ, какъ экономистъ Спб. 1876 г. стр. 178—191.

[4]) О Посошковѣ, кромѣ сочиненій указанныхъ въ другихъ сноскахъ этой же главы, — Царевскій А.: Посошковъ и его сочиненія

кто восхощетъ умными очами воззрѣти на житіе наше православно россійское и на вся повѣденія и дѣла наша,—говоритъ Посошковъ, то не узритъ онъ ни во единой какой-либо вещи здраваго дѣла".

Въ Петрѣ Посошковъ цѣнилъ не столько его реформы, нѣкоторыя изъ нихъ онъ не совсѣмъ понималъ,—а ту смѣлость духа, „презельную горячность" и „явное правдолюбіе", которыми онъ самъ былъ преисполненъ. Этическая точка зрѣнія заставляетъ его выискивать и въ новыхъ формахъ „древностную неправду" и увлекаться религіозною постановкою соціальной проблемы. Заимствованія у иностранцевъ Посошковъ цѣнитъ, но не понимаетъ „людской ереси". „Всѣ иноземцевъ житейскіе уставы весьма добры, кромѣ вѣры"—говоритъ онъ въ „Зеркалѣ очевидномъ" (гл. 23). Впрочемъ объ иноземномъ Посошковъ самъ имѣетъ смутное представленіе, какія-то темныя и неопредѣленныя слухи. „Слухъ есть про иноземцевъ" или „сказываютъ про иноземцевъ",—такъ онъ самъ опредѣляетъ источники своихъ свѣдѣній о Западѣ. Отсюда смѣшаніе „нѣмецкихъ" и „турецкихъ" законовъ и учрежденій, которыя рекомендуются одинаково безъ разбора.

„Книга о скудости и богатствѣ" наполовину этическаго, наполовину экономическаго содержанія. Обѣ темы; „народное обогащеніе" и „правдоисканіе" переплетаются между собою. Посошковъ,—какъ удачно формулировалъ Павловъ—Сильванскій,—въ „истинной правдѣ" видитъ „невещественное богатство" и находитъ, что „безъ насажденія правды" нельзя „народъ весь обогатить". Народное обогащеніе т. е. экономическіе мотивы, Посошковъ тѣсно связываетъ съ правовымъ и юридическимъ строемъ и прекрасно понимаетъ, что правильная постановка правосудія—залогъ хозяйственнаго развитія.

Посошковъ полагалъ, что государственная власть можетъ устанавливать „естественную, справедливую цѣну", за нарушеніе которой рекомендуетъ суровыя наказанія. Главнымъ источ-

---

М. 1883. Н. Павловъ-Сильванскій: проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго, Спб. 1897. Миклашевскій А.: Посошковъ Иванъ Посошковъ, въ слов. Брокгауза, т. 29-ый, стр 690.

никомъ богатства—онъ считаетъ земледѣліе, хотя придаетъ большое значеніе обилію денегъ. Онъ желалъ бы урегулировать отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, улучшить способы обработки земли, противиться истребленію лѣсовъ и семейныхъ раздѣловъ. Налоговая система должна быть радикально реформирована. Въ духѣ „dime royale“ маршала Вобана Посошковъ рекомендуетъ единый „государственный правдивый сборъ“ — „десятину“, установленную „со дня Христова воплощенія“. Таможенный сборъ тоже долженъ быть единый, „ибо и съ вола едина кожа собирается“.

Воззрѣнія Ивана Посошкова раздѣляло извѣстное число его современниковъ. Это быть можетъ дало поводъ П. Н. Милюкову считать Посошкова простымъ отраженіемъ того, что говорилось вокругъ него въ ту эпоху. Это, конечно, невѣрно, но во всякомъ случаѣ, Посошковъ не былъ такъ одинокъ въ своихъ политическихъ и соціально-экономическихъ воззрѣніяхъ, какъ одно время думали. Къ числу лицъ, которые раздѣляли и высказывали меркантилистическія воззрѣнія, — можно Савву Рагузинскаго, Ѳодоръ Салтыковъ, баронъ Люберасъ и нѣкоторые др.

Но эти лица скорѣе принадлежали къ лагерю Петра т. е. къ лагерю болѣе прогрессивнаго направленія.

Посошковъ совѣтуетъ всячески поощрять національныя торговлю и промышленность и бороться противъ иноземцевъ. Но борьба эта мало симпатичная: „прогнать“, „загородить“, „запретить и пр. Онъ даже доходитъ до идеи организовать общую стачку для повышенія цѣнъ.

Имѣются достаточно вѣскія доказательства къ тому, что Петръ Великій усвоилъ себѣ воззрѣнія меркантилизма изъ сочиненій барона Люберасса, типичнаго меркантилиста того времени.

Люберасъ составилъ спеціально для царя любопытную записку: „Oeconomia generalis Russiae“ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не напечатанную и хранящуюся въ одномъ изъ большихъ правительственныхъ архивовъ Петербурга. [1])

„Извѣстно, говоритъ Люберасъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ, не смотря на то, что ведется большая торговля, подданные мало

[1]) Милюковъ П. Н.—Государственное хозяйство, стр. 528—531, приводитъ рядъ выписокъ изъ Любераса, откуда заимствуемъ.

получаютъ отъ нея пользы. Бываетъ это (во-первыхъ) тогда, когда жители продаютъ свои продукты въ сыромъ видѣ; въ этомъ случаѣ подданные другихъ странъ обрабатываютъ сырье и получаютъ большую прибыль, тогда какъ первые обладатели имѣютъ скудное пропитаніе. Или же (во вторыхъ) тогда, когда въ странѣ потребляютъ чужихъ товаровъ больше, чѣмъ можно оплатить вывозомъ туземныхъ товаровъ: балансъ въ такомъ случаѣ долженъ быть оплаченъ деньгами и страна и страна, необходимо, будетъ бѣднѣть чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе. . Или же (втретьихъ тогда, когда государь либо за свой собственный счетъ возьметъ извѣстную торговлю, либо дозволитъ другимъ лицамъ монопольную торговлю за ежегодное вознагражденіе; отъ этого по видимости и вначалѣ казна можетъ нѣсколько выиграть, но въ дѣйствительности наибольшую выгоду извлекаетъ руководитель предпріятія; общая же торговля, которая только тогда и процвѣтаетъ, когда ведется свободно частными предпринимателями, съ помощью ихъ кредита и ихъ индивидуальныхъ условія,—испытываетъ великій вредъ для своего правильнаго теченія, часто вовсе непоправимый отъ перерыва товарнаго обмѣна, корреспонденціи и предпринимательности. Всѣ указанныя черты встрѣчаются у націй, которыя не особенно заботятся объ улучшеніи продуктовъ собственной страны и вовсе не стараются узнать куда и съ какой прибылью сбываютъ эти продукты иностранные коммерсанты. Поэтому у такихъ націй и неособенно цѣнятся совѣты, клонящіеся къ вызову на собственный рискъ ихъ товаровъ и къ развитію необходимаго для этого мореплаванія. Обо всемъ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ примѣры многихъ странъ, которымъ частью воспрепятствовали вести торговлю, частью обманули или усыпили ихъ“.

„Знакомство съ прошлымъ и настоящимъ временемъ, говоритъ онъ, дѣлаетъ безспорнымъ и яснымъ, какъ день, что послѣ благословенія Божія существуютъ два главныхъ пути, пренебреженіе или вниманіе къ которымъ обусловливаетъ какъ погибель и порабощеніе странъ, такъ и ихъ процвѣтаніе и ростъ, именно—*мореплаваніе и промышленность*. Живые и наглядные примѣры этого даютъ: Испанія, зависящая въ имущественномъ отношеніи отъ воли голландцевъ, вслѣдствіе своего усыпленія; Англія,

достигшая столь значительнаго процвѣтанія, благодаря строгому, но теперь уже отчасти смягченному правилу Кромвеля, что всѣ англійскіе товары вывозятся только на англійскихъ корабляхъ, и на нихъ же ввозятся нужные для Англіи; Швеція, Данія, Норвегія, которыя стали заботиться о собственномъ судостроеніи и еще недавно ввели нѣкоторыя улучшенія; Голландія стремящаяся своимъ предпріимчивымъ мореходствомъ отовсюду извлечь пользу, вездѣ добиться выгоднаго баланса и возможности самой установлять цѣны; наконецъ, самыя страны вашего величества, превосходные и необходимые продукты которыхъ до сихъ поръ зависятъ отъ чужеземнаго вывоза и уравновѣшиваются обмѣномъ на иностранные товары, частью вовсе ненужнымъ, такъ какъ ваше величество имѣете возможность завести собственные подобныя мануфактуры".

„Одно мореплаваніе, само по себѣ, не можетъ поднять страны на высокую ступень процвѣтанія, столь же необходимо распредѣленіе мануфактуръ приспособленное къ свойствамъ страны: распредѣленію въ ней лѣсовъ, горъ и рѣкъ, различію почвъ, флоры, фауны и т. д. Такъ какъ „Specialia русскаго государства еще неизвѣстны" автору, то онъ ограничивается „главными замѣчаніями", необходимыми для „связи вещей"; другими словами, онъ набрасываетъ общую ‚классификацію внутреннихъ богатствъ страны и построенныхъ на нихъ отраслей промышленности".

Такіе совѣты были, конечно, прогрессивнѣе, чѣмъ то что рекомендовалъ Посошковъ.

Меркантилизмъ въ Россіи значительно разнился отъ европейскаго. Послѣдній являлся идеологіею новыхъ нарождавшихся классовъ: торговцевъ, промышленниковъ и горожанъ, интересы которыхъ охранялись нароставшею силою, центральною государственною властью, почти всегда съ ними солидарною. Эмансипація и объединеніе городовъ, ростъ бюргерства, паденіе феодализма и схоластики, развитіе новыхъ формъ торговли и промышленности, все это создало новые классовые интересы, грубо выдвигало впередъ заботы о развитіи денежнаго хозяйства, о развитіи духа иниціативы и индивидуальности. Ничего подобнаго

въ Россіи, не знавшей ни цеховъ, ни бюргерства. Даже торговля и та была только побочнымъ занятіемъ при домостроевскомъ замкнутомъ помѣщичьемъ хозяйствѣ.

Очевидно, желая вступить на путь меркантилизма, Петру оставалось только насаждать его правительственными силами и сдѣлать его монополіей нейтральной власти. Меркантилизмъ такимъ образомъ у насъ не естественно развивался, а искусственно прививался, то-есть служилъ и предназначался для совсѣмъ иныхъ цѣлей и задачъ, чѣмъ меркантилизмъ западно-европейскій. Цѣли Петра были создать сильное внѣшнее политическое могущество хотя бы за счетъ внутреннихъ силъ народа. Всѣ средства казны ставились на карту ради нуждъ арміи и флота. Изъ прекраснаго изслѣдованія проф. П. Н. Милюкова мы знаемъ, что расходы на эти нужды доходили до 96% всего бюджета [1]), а оставшіяся въ нѣкоторые годы средства шли на меркантилистическія предпріятія, преслѣдовавшія въ конечномъ итогѣ все тѣ же нужды милитаризма [2]).

Вся тяжесть нашего меркантилизма упала на крестьянство; эта тяжесть окончательно поработила и помогла окрѣпнуть землевладѣльческому дворянству. Оно вскорѣ и выступаетъ, какъ классъ со склонностью воспринять новую идеологію, которую окрѣпшее самодержавіе ему услужливо подсовывало. Но и послѣдующее, пришедшее на смѣну меркантилизма теченіе,—нашъ физіократизмъ—былъ также мало сознательнымъ какъ это мы увидимъ далѣе, было еще болѣе наносное вѣяніе, пожалуй черезчуръ благородное для реакціонныхъ и примитивныхъ интересовъ нашихъ дворянъ-крѣпостниковъ.

---

[1]) П. Н. Милюковъ: Государственное хозяйство въ Россіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія. I изданіе. Спб. 1902 г., стр. 162.

[2]) „Но военныя цѣли,—какъ совершенно справедливо замѣтилъ проф. Г. фонъ Шульце-Геверницъ,—не могли быть достигнуты тѣми средствами, какими пользовались западно европейскія монархіи: организаціей денежнаго финансоваго хозяйства, опирающагося на буржуазію, ибо подобнаго класса не было въ Россіи. Поэтому центръ тяжести финансоваго хозяйства составляло подушное обложеніе государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ". (Очерки хозяйственнаго быта Россіи, стр. 13).

Литература о меркантилизмѣ въ Россіи сравнительно мало разработана. Лучшія работы, кромѣ указанныхъ въ сноскахъ:

1. Брикнеръ, А.: Посошковъ, какъ экономистъ. Отдѣльно Спб., 1876 и въ „Журн. Мин. Нар. Просв." за 1875 и 1876 гг. Царевскій А.: Посошковъ и

2. Рагузинскій, Савва Владиславовичъ: Статьи по умноженію государственной казны для нуждъ настоящей войны", Госуд. Арх. Каб. д кн. 14 л. 724—731.

3. О Рагузинскомъ: а) Письма и бум. Петра, в. I, 761. б) Голиковъ, V 69, 107. с) Милюковъ, 2 изд., стр. 388.

4. Курбатовъ: См. Милюковъ, 2 изд., Государственное хозяйство и реформа Петра Великаго, стр. 390 и слѣд. Гос. Арх. Каб. д. кн. № 55 л. 1128—1134.

5. Баронъ Люберасъ:

a) „Oeconomia generalis Russiae" и b) „Superfiele Raisons über generale Ursachen der Ab-und Zuhnahme der Negotie eine Landes etc. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, бумаги Любераса №№ 73 и 105.

c) „Nähere Verzeigniss der in dem General Project Gemeldetn Einrichtungen". См. Милюковъ, стр. 428—429, Архивъ Кодиф. Отд. Госуд. Сов. № 366/372. и Э. Берендсъ: Баронъ А. Х. фонъ-Люберасъ, Археолог. Имп. Инст. 1891, № 77 (проектъ Коммерцъ-Коллегіи), № 72 (коллег. экономіи).

6) Афанасьевъ, А.: Государственное хозяйство при Петрѣ Великомъ. „Современникъ", 1847, т. ~~III~~, стр. 75—134, т. ~~IV~~, стр. 1—79.

7) Ѳедоръ Салтыковъ: „Доношеніе о нѣкоторыхъ состоятельныхъ", Госуд. Арх. Каб. д. кн. 88, №№ 55, 76 и 79. См. Милюковъ, 2 изд., стр. 398. Пропозиціи Ѳедора Салтыкова, напеч. П. Н. Тихоновымъ въ прил. V къ отчету о засѣд. Общ. Люб. Древней письмен. Спб., 1891.

II. Переходная эпоха.

Въ эту переходную эпоху выдѣляются нѣсколько первоклассныхъ экономистовъ, которыхъ нельзя отнести ни къ меркантилистамъ, ни къ физіократамъ, но которые, сами по себѣ, приковываютъ вниманіе своими глубокими соображеніями и силою творческой мысли.

Мы начнемъ съ наиболѣе съ теоретической точки зрѣнія интереснаго,—съ сэра Вилльяма Петти, автора цѣлаго ряда памфлетовъ и сочиненій [1]). Затѣмъ остановимся на сэрѣ Дадлеѣ Нортсѣ [2]), философѣ Джонѣ Локкѣ [3]) и закончимъ ее Ричардомъ Кантильономъ [4]) и Давидомъ Юмомъ [5]). Остальные—хотя и интересные сами по себѣ,—но не столь типичные, какъ только что названные могутъ быть опущены.

I.

Сэръ Вилльямъ Петти.

Экономисты часто совершенно неправильно освѣщаютъ эпоху, слѣдовавшую за формулировкою меркантилизма. Они изображаютъ ее р е а к ц і е ю противъ взглядовъ Мэна, Чайльда или Скаруффи, вылившуюся въ форму новаго заблужденія въ физіократизмъ. Но смѣна меркантилизма физіократизмомъ не была столь проста и не являлась лишь логическою реакціею антитезиса противъ тезиса [1]). Эта смѣна даже съ точки зрѣнія хронологіи, произошла очень мед-

[1]) Таковы: Sir William Petty: Taxes and Contributions. 1662; его же: Verbum Sapienti, 1665.

[2]) Такъ, между прочимъ, смотритъ Г и г г с ъ: Физіократы, русск. пер. Спб. 1899, стр. 105.

леннымъ и сложнымъ образомъ въ особый періодъ исторіи экономической мысли,—который можно назвать „переходною эпохою".

Сценою для развитія только что названной эпохи была также Англія, гдѣ съ особой типичностью развился меркантилизмъ.

Еще въ XIX столѣтіи въ Англіи становится модною Голландія; на экономическую политику послѣдней, указываютъ, какъ на примѣръ достойный подражанія. Валь-Ралей, выдающійся англійскій меркантилистъ того времени, выпускаетъ особый памфлетъ, посвященный выясненію причинъ торговаго могущества сосѣда и разработкѣ мѣропріятій, съ помощью которыхъ Англія смогла бы подняться на равную высоту, здѣсь хотя и ради меркантилистическихъ соображеній, ради поощренія ввоза умѣренно и осторожно все же рекомендуется облегченіе тяжести таможеннаго взиманія.

Въ слѣдующемъ столѣтіи Джосіа Чайльдъ восхваляетъ голландскую политику пониженія процента, а сэръ Вилльямъ Петти голландскіе акцизы и рекомендуетъ Англіи переходъ къ системѣ косвенныхъ налоговъ.

Тотъ же Петти вообще сыгралъ роль въ развитіи основныхъ идей тогдашней экономической политики Англіи [1]). Такъ, онъ доказалъ, что ввозная торговля необходима Англіи также какъ и ея вывозъ, что являлось новымъ для того времени. Тогдашніе экономисты, слѣдуя общепринятому мнѣнію, полагали, что вывозные предметы данной страны—предметы полезные и необходимые, а ввозные излишніе или вредные. Поэтому вся иностранная торговля представлялась сплошнымъ убыткомъ, какъ обмѣнъ необходимаго на ненужное, если, конечно, убытокъ не пополнялся ввозомъ монеты. Противъ этого воззрѣнія возсталъ Петти, обосновавъ свои возраженія серезными экономическими доказательствами.

„Если кто нибудь,—говоритъ Петти объясняя происхожденіе цѣны и ея зависимости отъ затраченнаго труда,—можетъ добытъ въ Перу и доставить въ Лондонъ унцъ серебра въ тоже самое время, которое необходимо для производства одного бушеля хлѣба, то одно составитъ натуральную цѣну другого, т. е. данныя количества серебра и хлѣба будутъ стоять въ одной цѣнѣ.

---

[1]) Ср. Янжулъ: Англійская свободная торговля, т. I. М. 1876, стр. 94.

Но, теперь, если, по причинѣ болѣе изобильныхъ рудниковъ, этотъ человѣкъ можетъ добыть два унца серебра также легко, какъ прежде одинъ, то хлѣбъ будетъ стоить 10 шиллинговъ, если прежде стоилъ 5, и если остальныя обстоятельства остались тѣ же самыя". „Пусть сто человѣкъ десять лѣтъ трудятся надъ добываніемъ хлѣба и то же самое число людей и столько же лѣтъ трудится надъ добываніемъ серебра; я утверждаю, что при этомъ чистый доходъ серебра составитъ цѣну всякаго чистаго дохода хлѣба и равныя части одного цѣну равныхъ частей другого".

Итакъ, цѣна предметовъ измѣряется количествомъ затраченнаго труда. Вообще Петти особенно высоко ставитъ трудъ. Онъ говоритъ—и это руководящая идея,—что „трудъ есть отецъ и активный творящій факторъ богатства, а земля-мать". Отсюда раздѣленіе всего общества на два класса—производительный и непроизводительный.

Петти различаетъ цѣну и цѣнность. Цѣнность вещей, по его мнѣнію, находится въ зависимости отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство. И стремясь найти в с е о б щ е е мѣрило цѣнности, онъ за всеобщую единицу измѣренія принимаетъ с р е д н е е к о л и ч е с т в о самой д е ш е в о й пищи, к о т о р о е н е о б х о д и м о для д н е в н о г о п р о п и т а н і я ч е л о в ѣ к а.

Мы уже видѣли выше, каковы были принципы экономической политики Петти. Онъ являлся приверженцемъ голландской системы косвенныхъ налоговъ. Естественно, что Петти вообще отрицалъ всякое государственное вмѣшательство въ промышленныя дѣла и тѣмъ самымъ предвосхищалъ послѣдующія либеральныя идеи. Стоя на той же точкѣ зрѣнія, онъ порицалъ правительственное регулированіе процента и считалъ, что только общія полезныя мѣры въ сферѣ кредита и народнаго хозяйства могутъ въ достаточной мѣрѣ понизить высоту процента. Онъ порицаетъ также запрещеніе вывоза монеты,—это любимое мѣропріятіе меркантилизма,—ясно сознавая, что каждая страна для обмѣна своихъ продуктовъ должна обладать опредѣленнымъ количествомъ монеты, которая при избыткѣ можетъ вывозиться. Въ сферѣ денежнаго обращенія Петти высказывался за мономенталлизмъ. Онъ вполнѣ справедливо полагалъ, что во всякой странѣ одинъ какой либо изъ драгоцѣнныхъ метал-

ловъ можетъ служить орудіемъ обращенія, а всѣ остальныя можно разсматривать какъ простые товары.

У Петти же находимъ мы и первое понятіе о дифференціальной рентѣ. Онъ выводитъ ее не изъ различнаго плодородія земельныхъ участковъ одинаковой величины, а изъ различнаго положенія, изъ различнаго разстоянія отъ рынка, при одинаковомъ плодородіи участковъ, что, какъ извѣстно, является однимъ изъ элементовъ дифференціальной ренты. Онъ говоритъ:

„Какъ сильный спросъ на деньги повышаетъ процентъ, такъ сильный спросъ на хлѣбъ повышаетъ его цѣну, а потому и ренту земли, на которой растетъ хлѣбъ [1]), и въ заключеніи, цѣну самой земли. Если, напримѣръ, хлѣбъ которымъ питается Лондонъ или какая-нибудь армія, долженъ быть подвозимъ изъ мѣстъ, отстоящихъ на 40 миль, то хлѣбъ, растущій на разстояніи только одной мили отъ Лондона или отъ мѣста квартированія этой арміи, принесетъ столько сверхъ своей естественной цѣны, сколько составляютъ издержки перевозки на 39 миль... Такимъ образомъ, по близости населенныхъ мѣстъ, для пропитанія которыхъ нужны большіе районы, земля не только приноситъ на этомъ основаніи болѣе высокую ренту, но стоитъ большей суммы годичныхъ рентъ, чѣмъ земля совершенно такого же качества, но находящаяся въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ и т. д.“ (l. c., стр. 29).

Петти упоминаетъ также и о второй основѣ дифференціальной ренты, о различномъ плодородіи земли и, слѣдовательно, о различной производительности труда на количественно равныхъ участкахъ земли:

„Богатство или скудость земли или ея стоимость опредѣляется отношеніемъ той, большей или меньшей, части приносимаго ею дохода, которая платится за пользованіе ею, къ тому простому труду, который нужно было затратить для того, чтобы она приносила этотъ доходъ“ (l. c., стр. 67).

Слѣдовательно, Петти изложилъ идею дифференціальной ренты раньше и лучше, чѣмъ Адамъ Смитъ.

---

[1]) Слѣдовательно, здѣсь прямо говорится, что цѣна хлѣба опредѣляетъ ренту, подобно тому, какъ уже изъ предыдущаго изложенія слѣдуетъ. что рента не опредѣляетъ собою стоимости хлѣба.

Важно еще слѣдующее положеніе относительно земельной ренты, выставляющее прибавочную стоимость слѣдствіемъ большей производительности труда:

„Если бы можно было сдѣлать названныя графства болѣе плодородными путемъ приложенія большаго, чѣмъ прежде, количества труда,—напримѣръ, посредствомъ замѣны плуга лопатой, введеніемъ посадки сѣмянъ вмѣсто сѣянья, сортировкой ихъ, вмѣсто употребленія безъ разбора, размачиваніемъ ихъ вмѣсто примѣненія безъ всякой предварительной обработки, удобреніемъ почвы солями вмѣсто гніющей соломы и т. д.,—тогда земельная рента возросла бы тѣмъ больше, чѣмъ больше увеличившійся доходъ превзошелъ бы увеличенный трудъ“ (стр. 32).

Литература о Петти до сихъ поръ еще недостаточна. Его сочиненія больше упоминаются въ исторіи статистической литературы, чѣмъ въ исторіи политаческой экономіи. По русски, если не считать небольшой переводной замѣтки въ жур. проф. Л. В. Ходскаго, „Народное Хозяйство“ ничего о Петти не имѣется. По англійски новое частное изданіе текста Петти сдѣлано въ 1894 году. Лучшая монографія объ немъ: Dr. C. Hull. „The economic writings of sir William Petty“. Together with the observations upon the Bills of mortality more probably by Captain John Graunt, edited by Charles Henry Hull. Ph. D. Cornell University, Cambridge, A the University Press, 1899. Подробная біографія: Lord Edmond Fitz-Maurice. „The Life of sir William Petty“ London, 1895. Rer. Dr. Cunninham. „The growth of Englisch industry and commerce in modern times“. Cambridge, 1890, 1892. Dr. W. L. Bevan. „Sir William Petty“, a study in Englisch economic litt'erature. New-York, 1894. О Петти также См. R. H. Inglis Palgrave. — Dictionary of Political Economy. London, 1894.

II.

Джонъ Локкъ.

Новое теченіе въ Англіи начинаетъ философъ. Мы уже не первый разъ видимъ, что философія и ея представители играютъ рѣшающую роль въ судьбахъ экономической мысли. Новыя условія,

создавая новую идеологію отражаются во всѣхъ сферахъ человѣческихъ идей. Новое міровоззрѣніе и новыя точки зрѣнія, разъ достигнувъ господства, съ логическою неизбѣжностью проникаютъ во всѣ теоретическія построенія. Такъ было и въ Англіи XVII вѣка гдѣ сама жизнь порвала съ традиціями тогдашняго меркантилизма и расчистила путь для воспріятія новыхъ идей.

Философъ Локкъ (1632—1704), явился однимъ изъ первыхъ борцовъ за новое направленіе [1]). Три его сочиненія о деньгахъ, появившихся въ 1689 году, содержатъ уже тѣ новыя вліянія, которыя единовременно съ Локкомъ развивали Сэръ Вилльямъ Петти и Дэдлей Нортсъ, два другихъ писателя изъ „знаменитаго“, по выраженію Рошера,—„тріумвирата“, выступившаго въ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ XVII столѣтія.

Локкъ наноситъ принципіальный ударъ меркантилизму своими доказательствами вреда государственнаго вмѣшательства. Въ противоположность меркантилизму, покоившемуся на привиллегіи, Локкъ говоритъ о равенствѣ, какъ основѣ хорошаго правленія. Ему ясно классовое дѣленіе общества и онъ утверждаетъ, что ни одно правительство не можетъ „висѣть въ воздухѣ“, а должно опираться на какой-нибудь классъ общества.

Локкъ отрѣшается отъ основного символа вѣры меркантилистовъ—націонализма, онъ космополитъ и ратуетъ за международную гармонію, а не таможенную и торговую борьбу государства. Во взглядахъ Локка на деньги, товаръ и цѣнность много новаго и значительнаго. По мнѣнію Локка, въ основѣ цѣнности лежитъ трудъ. Между цѣнностью рабочей силы и издержками производства

---

1) Экономическими сочиненіями Локка считаются слѣдующіе: Two treatises of government: in the former the false prineiples and foundation of Sir Robert Filmer are detected and owerthrown. The latter is an essay concerning the true original extend, and end of civil governement, Лондонъ, 1689.—Same considerations of the consequences of the lowering of interest and raising the value of money, 1691.—Schort observations on a printed paper, intitled „For incouraging the Coining silver money in England, and after for kleping it here“, 1695.—Forther observations concerning raising the value of money, 1696.—Ихъ можно найти въ полномъ собраніи сочиненій Локка, Лондонъ, 1853 г., 9 томовъ; біографическія свѣдѣнія въ книгѣ Fox Bourne: The life of I. Locke. 2 тома, Лондонъ, 1876.

также существуетъ тѣсная связь. „Доля рабочаго,—писалъ Локкъ, какъ бы предугадывая позднѣйшія воззрѣнія,—рѣдко была больше необходимыхъ средствъ существованія; рабочіе никогда не имѣли возможности повысить свои требованія и вступить изъ за нихъ въ борьбу съ богатыми людьми". Ставъ на такія точки зрѣнія Локкъ тѣмъ самымъ, указывалъ новые, широкіе горизонты. Наконецъ, онъ рѣзко протестуетъ противъ порчи монетъ, что и по тому, времени было еще очень важно.

Дж. Ингремъ, не оцѣнившій ни Петти, ни Дедлея Нортса, и идетъ въ своихъ сужденіяхъ по рутинному трафарету, и старается умалить значеніе Локка, предъявляя къ нему непомѣрныя по тому времени требованія. Онъ говоритъ: „У Локка мы встрѣчаемъ много заблужденій, которыя служатъ доказательствомъ того, что онъ никогда не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ идей меркантильной системы. Напримѣръ онъ придаетъ монетѣ, какъ таковой, слишкомъ большое значеніе: онъ утверждаетъ прямо, что богатство заключается въ изобиліи золота и серебра, богатство, какъ поясняетъ онъ, состоитъ въ пропорціонально большей наличности драгоцѣнныхъ металловъ у даннаго народа. „Страна, у которой нѣтъ рудниковъ, можетъ обогатиться лишь двумя способами: завоеваніемъ и торговлей." Локкъ поэтому признаетъ и ученіе о торговомъ балансѣ. Онъ, въ противоположность Чайльду, считаетъ столь же невозможнымъ законодательное установленіе процента, какъ и опредѣленіе ренты съ домовъ и наемной платы кораблей. Но онъ въ то же время совершенно ошибочно объясняетъ паденіе процента увеличеніемъ количества обращающихся денегъ послѣ открытія американскихъ рудниковъ. Онъ, также какъ и Петти придаетъ слишкомъ большое значеніе многочисленности населенія. Заработная плата, по мнѣнію Локка, должна покрывать необходимыя издержки работника; когда цѣны на средства существованія повышаются, рабочая плата должна повышаться въ той же пропорціи; если такого повышенія не произойдетъ, рабочее населеніе необходимо должно будетъ содержаться на средства налоговъ для бѣдныхъ. Паденіе земельной ренты, по его мнѣнію, есть вѣрный признакъ уменьшенія національнаго богатства. „Налоги, въ какой бы формѣ они не придумывались, и изъ чьихъ

бы рукъ они непосредственно ни брались, должны падать, въ конечномъ результатѣ, въ странѣ, гдѣ главнымъ источникомъ богатства является земледѣліе,—на землю.“ Въ этихъ словахъ проглядываетъ уже физіократическое представленіе „объ единомъ налогѣ“ (impôt unique).

Совершенно иначе смотритъ на Локка Бёмъ-Баверкъ, авторитетъ котораго по исторіи денегъ и процента не подлежитъ никакому сомнѣнію. „Локкъ, утверждаетъ Бёмъ-Баверкъ,—оставилъ намъ весьма замѣчательныя изслѣдованія о происхожденіи заемнаго процента. Онъ начинаетъ съ нѣкоторыхъ положеній, очень напоминающихъ точку зрѣнія канонистовъ. „Деньги,—говоритъ онъ,—это безплодная вещь, ничего не приносящая: онѣ только переносятъ путемъ договора, прибыль, вознаграждающую работу одного человѣка, въ карманъ другого.“ И тѣмъ не менѣе Локкъ признаетъ заемный процентъ справедливымъ. Доводомъ и соединительнымъ звеномъ служитъ для него полная аналогія между заемнымъ процентомъ съ одной стороны и наемною платою за земельный участокъ съ другой.

Ближайшей причиной обѣихъ является неравное распредѣленіе. У одного больше денегъ, чѣмъ ему нужно, у другого—меньше; поэтому первый находитъ „нанимателя“ для своихъ денегъ совершенно такъ же, какъ землевладѣлецъ, обладающій избыткомъ земельныхъ участковъ, въ то время, какъ его арендаторъ чувствуетъ въ нихъ недостатокъ. Но почему же должникъ соглашается платить за занятыя деньги процентъ? Опять по той же причинѣ, по которой арендаторъ соглашается платить ренту за пользованіе земельнымъ участкомъ. Вѣдь деньги,—правда, какъ рѣшительно подчеркиваетъ Локкъ, только съ помощью дѣятельности должника,—способны доставить ему въ оборотѣ болѣе шести процентовъ, совершенно такъ же, какъ земля, посредствомъ труда арендатора въ состояніи доставить болѣе плодовъ, чѣмъ сколько стоитъ его арендная плата. Итакъ, если такъ же заемный процентъ, получаемый капиталистомъ, долженъ быть разсматриваемъ, какъ плодъ труда другого лица, то это имѣетъ не большее значеніе, чѣмъ въ случаѣ земельной ренты. Даже наоборотъ, здѣсь мы видимъ гораздо меньше. Дѣйствительно, земельная рента

обыкновенно оставляетъ арендатору отъ плодовъ его прилежанія гораздо меньше, нежели заемный процентъ можетъ оставить берущему взаймы денежную сумму изъ общаго количества добытой имъ прибыли, Такимъ образомъ, Локкъ приходитъ къ выводу: „Занимать деньги за проценты не только неизбѣжно для многихъ людей, вслѣдствіе требованій дѣловой жизни и по причинѣ устройства человѣческаго общества, но можно сказать даже, что полученіе прибыли отъ отдачи денегъ взаймы такъ же справедливо и законно, какъ и полученіе земельной ренты и даже легче для должника.“

III.

Давидъ Юмъ.

Давидъ Юмъ (1711—1776) впервые выдвигаетъ — и въ этомъ его громадная заслуга — трудовое начало и считаетъ, что запасъ труда („Stock of labour“), а не деньги опредѣляетъ національное богатство. Но далѣе Юмъ не идетъ, признавая вѣрными идеи меркантилизма. Такъ онъ традиціонно хвалитъ торговлю и промышленность, защищаетъ роскошь и стоитъ за развитіе иностранной торговли. Деньги Юмъ считаетъ простымъ орудіемъ, но не первоисточникомъ, какъ меркантилисты, а слѣдствіемъ богатства, т. е. устанавливаетъ воззрѣніе, которое неизмѣнно сохраняется послѣ него въ политической экономіи. Юму же принадлежитъ первая попытка дать характеристику экономической эволюціи. Въ своемъ ученіи о стадіяхъ экономическаго развитія, Юмъ дѣлитъ экономическій процессъ на 4 періода: первый, въ которомъ главное занятіе охота и рыболовство, второй — земледѣліе, третій — мануфактурный періодъ и, наконецъ, четвертый — торговый. Что касается основныхъ типовъ хозяйства, то Юмъ признаетъ таковыхъ два — натуральное и денежное, понятія утвердившіеся послѣ него въ наукѣ. На тотъ же вопросъ, какъ извѣстно, впослѣдствіи обратили вниманіе Кэри, Листъ, Бруно, Гильдебрантъ и Бюхеръ [1]).

---

[1]) Нѣмецкій протекціонистъ, Фридрихъ Листъ не ушелъ далеко отъ Юма. Онъ только замѣняетъ первый періодъ Юма кочевничествомъ, а къ двумъ послѣднимъ присоединялъ каждый предыдущій, такъ что четвертый періодъ по Листу — „земледѣльческо-мануфактурно-торговый“

IV.

Маршаль Вобанъ.

Маршаль Себастьянъ ле-Престръ-де-Вобанъ (1633—1707), полагаетъ, что общественная организація покоится не на деньгахъ, а на рабочихъ классахъ и что истинное богатство заключается не въ благородныхъ металлахъ, а въ товарахъ, вырабатываемыхъ промышленностью и земледѣліемъ [1]). Онъ считаетъ, что разореніе народонаселенія, бывшее въ его время во Франціи особенно рѣзкимъ, происходитъ отъ налоговъ. Противъ этого, по мнѣнію Вобана, лучшее средство—введеніе „единаго налога", единой королевской десятины. Этотъ единый налогъ касается всѣхъ подданныхъ, но Вобанъ, въ силу условій времени, даже въ немъ чувствуетъ необходимость сдѣлать 18 категорій разнаго рода изъятій. Вобанъ полагаетъ, что внутренняя торговля бываетъ двухъ видовъ. Одна, которая увеличиваетъ богатство и которую слѣдуетъ поощрять, а другая ничего не приносящая, которую слѣдуетъ запрещать. Свои взгляды онъ изложилъ въ сочиненіи „Projet d'une dîme Royale", появившемся въ 1707 г. [2]).

V.

Пьеръ Буажильберъ,

Родственный Вобану экономистъ Пьеръ де-Буажильберъ, въ рядѣ сочиненій, рисуетъ мрачными красками положеніе фран-

---

Болѣе упрощено смотритъ Кэри. Онъ дѣлитъ экономическую эволюцію на три періода: охотничій, торговый и промышленный. Съ Гильдебрандтомъ и слѣдовавшимъ ему Рошеромъ возрождается Юмово ученіе о двухъ типахъ,—натуральномъ и денежномъ, къ которымъ Гильдебрандтъ прибавляетъ третій, кредитный типъ. Гильдебрандтъ и Рошеръ вносятъ, кромѣ того, существенную поправку, гласящую, что природныя и климатическія условія опредѣляютъ отдѣльные типы хозяйства. Принятое въ настоящее время дѣленіе принадлежитъ К. Бюхеру, различающему древнее, замкнутое хозяйство, городское средневѣковое хозяйство на заказъ и современное капиталистическое.

1) Маршаль Вобанъ въ „Dime rogale" говоритъ: „La vraie richesse d'un ragaume consiste dans l'abondance des denrées, dont l'usage est si nécessaire au coutiene de la vie des hommes qu'ses ne sournient s'en passer".

2) О Вобанѣ академическая рѣчь Фонтенелля: Eloge du marchal de Vauban, Парижъ, 1707.

цузскаго народа. Послѣдній онъ дѣлитъ на два класса: производящій и не пользующійся,—таковъ народъ въ собственномъ смыслѣ, и пользующійся, но не производящій, таково дворянство и другіе привилегированные классы. Дворянство, по мнѣнію Буажильбера, находится въ бездѣйствіи, а народъ въ бѣдности. Бѣдность происходитъ отъ государственнаго вмѣшательства и неравномѣрности налоговъ, а богатство не отъ денегъ, какъ думали меркантилисты, а отъ пользованія товарами, потребленія ихъ и умноженія земледѣльческихъ продуктовъ. Для Франціи, думаетъ Буажильберъ, необходимы: „Свободныя дороги и правильно распредѣленные налоги". Увеличеніе количества денегъ ничего не дастъ странѣ, „ибо деньги не богатство". „Ни золото, ни серебро,—говоритъ Буажильберъ,—нельзя ѣсть и имъ одѣваться". „Небо также далеко отъ земли,—продолжаетъ онъ,—какъ теорія меркантилистовъ отъ истины".

Буажильберъ ставитъ Сюлли выше Кольбера, отвергаетъ пользу низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, высказывается за земледѣліе противъ промышленности и торговли и находитъ, что согласно „естественнымъ законамъ", необходима экономическая свобода.

Нѣкоторые считаютъ Буажильбера не оригинальнымъ писателемъ [1]), а заимствующимъ многіе свои взгляды у малоизвѣстнаго англичанина Теккера, который нѣсколько ранѣе проповѣдывалъ гармонію классовыхъ и государственныхъ интересовъ и говорилъ о всеобщей солидарности.

Въ духѣ Буажильбера пишетъ Монтескьё, но спеціальныхъ сочиненій по политической экономіи у Монтескьё не было. Въ главѣ I книги XIII своихъ персидскихъ писемъ, Монтескьё высказываетъ, между прочимъ, соціалистическую идею права на трудъ.

VI.

Д'Аржансонъ.

Послѣднимъ изъ этого ряда былъ Маркизъ Рене Люи де-Вуайе Д'Аржансонъ (1694—1757), своеобразный писатель и мыслитель.

---

[1]) Его сочиненія Détail de la France sous le règne presant (1697) и Dissertation sur la nature de rischesse (1699).

Д'Аржансонъ является первымъ принципіальнымъ республиканцемъ до-революціоннаго времени. Онъ предлагаетъ организовать демократію при монархіи, что, въ концѣ концовъ, представляетъ собою ни что иное, какъ планъ уничтоженія государства и превращенія Франціи въ рядъ маленькихъ независимыхъ республикъ. Политическимъ идеаломъ Д'Аржансона были древне-греческія республики, штаты Голландіи и швейцарскіе кантоны.

Руссо оказалъ на него громадное вліяніе, что сказалось на первомъ его, циркулировавшемъ вначалѣ въ рукописномъ видѣ, сочиненіи, которое появилось въ печати только въ 1664 году, въ Амстердамѣ [1]). Д'Аржансонъ высказывается за идею вѣчнаго мира, просвѣщенія и усиленія политической власти третьяго сословія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проповѣдуя свободу личности, равенство правъ и имуществъ, каждой общинѣ онъ предлагаетъ самой избрать себѣ особую отрасль мануфактуры, чтобы отобрать у центральной власти ея права на промышленность. Онъ надѣется, что государство, такимъ образомъ, обѣднѣетъ. „Чтобы лучше управлять,—говоритъ онъ,—необходимо меньшимъ управлять". („Pour gouverner mieux il faudrait gouverner moins"). Д'Аржансону первому принадлежитъ высказанный имъ въ печати принципъ: „Laissez faire—laissez passer". „При государственныхъ заботахъ,—говоритъ онъ, исходя изъ того же принципа,—столицы полнѣютъ, деревни пустѣютъ". Д'Аржансонъ такъ же энергично проповѣдуетъ вѣчный миръ и необходимость уравненія въ правахъ съ духовенствомъ и дворянствомъ буржуазіи.

Идею вѣчнаго мира и любовь къ третьему сословію онъ заимствуетъ у аббата Сэнъ Пьера, писавшаго къ этому времени во Франціи.

Наиболѣе крупнымъ изъ перечисленныхъ является Ричардъ Кантильонъ, написавшій въ 1733 году замѣчательную книгу: „Опытъ о природѣ торговли" („Essai sur la nature de commerce en générale").

---

1) Второе изданіе въ Брюсселѣ, въ 1787 году. Оно озаглавлено: „Considérations sur le gouvernement de la France". Въ другомъ его сочиненіи: „Pensées sur la Réformation de l'Etat" Д'Аржансонъ говоритъ: „Свобода мать всѣхъ благъ, когда она соединена со справедливостью".

VII.

Ричардъ Кантильонъ [1]).

У насъ въ Россіи, если не считать небольшой замѣтки въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза (Петра Б. Струве), имѣется работа только студенческая Г. Кричевскаго: „Ричардъ Кантильонъ“ [2]).

Ко времени Кантильона въ переносѣ англійской мысли на континентъ Европы лежалъ весь исторический смыслъ эпохи. Эту задачу и исполнилъ Кантильонъ, но онъ не былъ простымъ переводчикомъ, а именно однимъ изъ тѣхъ завершителей и развивателей идей туманнаго Альбіона, которыми была полна Франція въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Кантильонъ здѣсь является связующимъ звеномъ. Его сочиненіе показываетъ не только глубокое пониманіе вышеназванныхъ экономистовъ, но уже содержитъ критическій разборъ нѣкоторыхъ изъ ихъ положеній и дальнѣйшее ихъ развитіе. Въ концѣ концовъ, Катильонъ справедливо можетъ оспаривать у Гурнэ честь исторической заслуги ознакомленія Франціи съ англійскими экономическими ученіями, которому, по незнанію, эта честь обыкновенно приписывается.

Біографія Кантильона немногосложна. Онъ родился въ 1680 г. въ Ирландіи, гдѣ отецъ его, Ричардъ Кантильонъ, градъ де-Киври (Kivry), владѣлъ землями, пожалованными ему за услуги Карломъ I. Дѣтство и юность Кантильона намъ неизвѣстны; мы сразу застаемъ его въ 1716 году въ Парижѣ, занимающимъ видное положеніе въ торговомъ мірѣ и притомъ главой одного изъ

---

1) О Кантильонѣ писали: Sievers, V. Turgot's Stellung in die politischen Oekonomie въ „Jahrbuch für Nationaloekonomie und Statistik за 1874 г., стр. 145.

2) Robert Legrand: Richard Cantillon. Un mercantiliste, précurseur des physiocrates. Парижъ, 1900 г.

См. „Рефераты и работы 1902—1904 г.“ (Студен. сборникъ подъ ред. Святловскаго). Спб 1905 г. Отсюда и взяты приведенныя въ текстѣ цитаты.

крупнѣйшихъ банкирскихъ домовъ. Карьера Кантильона складывалась столь блестяще, что возбудили опасенія всемогущаго въ то время Ло, видѣвшаго въ Кантильонѣ соперника. Не останавливаясь передъ средствами, Ло предложилъ Кантильону оставить Парижъ въ двадцать четыре часа, угрожая въ противномъ случаѣ заключеніемъ въ Бастилію. Кантильону удалось, однако, смягчить гнѣвъ своего врага обѣщаніемъ содѣйствовать успѣху его извѣстныхъ финансовыхъ комбинацій. Кантильонъ умеръ въ 1734 году насильственной смертью: онъ былъ убитъ съ корыстной цѣлью своимъ слугой, который, чтобы скрыть слѣды преступленія, поджогъ домъ своего хозяина. Вотъ и все, что мы знаемъ о Кантильонѣ, котораго, кстати сказать, долгое время смѣшивали съ его двоюроднымъ братомъ Филиппомъ Кантильономъ, авторомъ „The Analysis of Trade“, появившимся въ 1759 г. что между прочимъ дѣлаетъ г. Руксель [1]).

Банкирская дѣятельность, постоянныя сношенія съ иностранными государствами, рядъ путешествій, предпринятыхъ Кантильономъ, отразились на его сочиненіи. Не говоря уже о денежномъ обращеніи, механизмѣ обмѣна, теоріи банковъ—вопросахъ, разработка которыхъ отвѣчаетъ даже требованіямъ современной науки,—можно указать и на другую черту, стоящую также въ несомнѣнной связи съ его дѣятельностью. Это—космополитизмъ, переходъ при разсмотрѣніи экономическихъ вопросовъ къ болѣе широкой, общей точкѣ зрѣнія. Гиггсъ справедливо указываетъ что слова „en général“, стоящія въ заглавіи труда Кантильона, представляются весьма характерными [2]).

О литературной дѣятельности Кантильона говорить много не приходится. Намъ извѣстно только одно его сочиненіе, это—„Essai sur la nature du commerce en général, traduit de l'anglais“, вышедшее въ свѣтъ безъ указанія имени автора черезъ двадцать одинъ годъ послѣ его смерти, т. е. въ 1755 году; несмотря однако, на анонимность „Опыта о природѣ торговли“, никто изъ

---

[1]) *Rouxel*: Un précurseurs des physiocrates. Journal des Economistes, 1891, іюль.

[2]) Гиггсъ: Физіократы, русск. пер. стр. 14.

писателей XVIII в., на него ссылавшихся, не оспаривалъ принадлежности труда перу Кантильона. Съ этимъ согласны и всѣ изслѣдователи.

Уже было указано, что Кантильонъ въ первыя три четверти истекшаго вѣка былъ забытъ вслѣдствіе антиисторическаго направленія науки. Кромѣ этой общей причины имѣли значеніе и другія обстоятельства. Въ 1756 году появился „Ami des Hommes“ Мирабо, сочиненіе, какъ показалъ Бауеръ [1]), представляющее не что иное, какъ пространный комментарій съ дополненіями къ труду Кантильона. Колоссальный успѣхъ, какимъ этотъ трудъ пользовался, заставилъ совершенно забыть легшее въ основу книги Мирабо сочиненіе Кантильона, хотя самъ авторъ „Ami des Hommes“ не скрывалъ вліянія Кантильона на свою работу. Не такъ поступилъ англичанинъ Постлесуайтъ, совершившій, какъ утверждаетъ Гиггсъ [2]), плагіатъ, выписавъ цѣлыя страницы изъ Кантильона и не указавъ источника. „Universal Dictionnary of Trade and Commerce“ Постлесуайта вышелъ въ свѣтъ въ1751 г.; это показываетъ,—если мнѣніе Гиггса вѣрно,—что трудъ Кантильона до напечатанія былъ въ обращеніи въ рукописяхъ, а въ виду заимствованій его взглядовъ Мирабо, знакомство физіократовъ съ идеями Кантильона также несомнѣнно.

Изученіе экономическихъ воззрѣній Кантильона удобнѣе начинать съ понятія цѣнности и богатства, какъ въ виду важности, представляемой этими экономическими категоріями для теоріи, такъ въ виду ихъ кардинальнаго значенія для самаго ученія Кантильона. Соединеніе меркантилистическихъ и физіократическихъ взглядовъ наиболѣе отчетливымъ, опредѣленнымъ образомъ произошло при конструированіи именно этихъ понятій.

---

[1]) Jevons: Contemporary Review, 1881. январь, стр. 61 и дальше.

[2]) Эспинасъ: Исторія экономическихъ доктринъ.

[3]) Legrand: Richard Cantillon, 5 и 6.

[4]) Higgs: Предисловіе къ послѣднему изданію „Essai sur la nature du commerce en général“, стр. 4.

[5]) Stephan Bauer: Jahrbuch für Nationaloekonomie und Statistik, 1890, стр. 45 и дальше.

[6]) Гиггсъ: Физіократы, стр. 15.

„Земля,—говоритъ Кантильонъ,—является источникомъ и матеріальнымъ основаніемъ, изъ котораго создается богатство. Человѣческій трудъ является формою, производящею богатство, а само богатство есть не что иное, какъ средства существованія, удобства и жизненнаго комфорта". Уже одно опредѣленіе богатства, какъ „средствъ существованія, удобства и жизненнаго комфорта", представляетъ значительный прогресъ въ сравненіи съ отождествленіемъ богатства и денегъ—основнымъ тезисомъ меркантилизма; но Кантильонъ не рѣшается еще вполнѣ порвать съ этимъ догматомъ своихъ предшественниковъ: положеніе объ отождествленіи денегъ и богатства входитъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ его экономическое міровоззрѣніе, уживаясь съ новымъ, болѣе широкимъ опредѣленіемъ богатства и не исключая его. Дѣло въ томъ, что въ „Опытѣ о природѣ торговли" различаются два вида богатства: дѣйствительное, естественное или внутреннее богатство (richesse intrinsèque réelle) и сравнительное или относительное (richesse comparative). Подъ послѣднимъ разумѣется сравнительное количество денегъ, т. е. золота и серебра, которымъ владѣютъ государства. Дѣйствительное же богатсво заключается, не въ золотѣ и серебрѣ, а какъ было уже сказано, въ „средствахъ существованія, удобства и жизненнаго комфорта". Съ понятіемъ дѣйствительнаго богатства приходится имѣть дѣло, когда изучаютъ какое-нибудь государство въ изолированномъ состояніи, когда разсматриваютъ данную страну только въ отношеніи къ ней самой, ея доходу, ея обрабатывающей и добывающей промышленности и торговлѣ. Такъ какъ, однако, государства не живутъ и не могутъ жить изолированно, то начинаетъ имѣть значеніе и ихъ сравнительное богатство, денежный фондъ, находящійся въ ихъ распоряженіи.

Подобно двумъ видамъ богатства, Кантильонъ различаетъ и два вида цѣнностей: дѣйствительную, внутренную цѣнность (valeur intrinsèque) и мѣновую цѣнность, называемую обыкновенно рыночной цѣной (prix des marchès), такъ какъ она выражается чаще всего въ деньгахъ. „Дѣйствительная или

внутренная цѣнность всѣхъ вещей пропорціональная количеству земли и труда, необходома для ихъ производства“ [1]). „Въ этомъ опытѣ,—продолжаетъ Кантильонъ,—я постоянно пользоваться терминомъ „дѣйствительная цѣнность“ для опредѣленія количества земли и труда, входящихъ въ производство тѣхъ или иныхъ вещей, не находя болѣе подходящаго способа выразить мою мысль“.

Понятіе дѣйствительной цѣнности, установленное Кантильономъ, отличаетъ его отъ меркантилистовъ, не видѣвшихъ иной цѣнности, кромѣ рыночной, мѣновой, находящей свое выраженіе въ деньгахъ. Отъ физіократовъ Кантильона отдѣляетъ признаніе имъ мѣновой цѣнности. Вопросъ этотъ физіократами почти игнорировался, такъ какъ въ центрѣ ихъ теоретическихъ изысканій стояла дѣйствительная цѣнность, созидаемая, однако, не трудомъ и землей, какъ училъ Кантильонъ, а одной только землей, такъ какъ трудъ, по мнѣнію физіократовъ, не творитъ цѣнности. Мы знаемъ, что Кантильонъ не первый указалъ на роль труда при созданіи цѣнностей: такъ, еще Петти говорилъ, что „трудъ можетъ считаться отцомъ, а земля—матерью богатства“. Съ Петти сближаетъ Кантильона и попытка опредѣлить цѣнность предметовъ указаніемъ количества земли и труда, заключенныхъ въ нихъ, причемъ Кантильонъ подражаетъ Петти и въ стремленіи выражать одинъ изъ творящихъ цѣны факторовъ въ другомъ, т. е. опредѣлять трудъ въ землѣ или приводить землю къ труду. Петти держался второго пріема, замѣняя при опредѣленіи цѣнности количество земли, заключенное въ данномъ предметѣ, количествомъ труда, необходимаго для обработки потребной площади земли, и приходя, такимъ образомъ, въ конечномъ результатѣ къ труду, какъ къ единому фактору цѣнности. Кантильонъ, напротивъ, опредѣляетъ цѣнность при помощи второго фактора—„земли“. Къ такому выводу онъ приходитъ путемъ слѣдующихъ соображеній: трудъ, необходимый для созданія какой-либо цѣнности, замѣняется средствами

[1]) „Essai sur la nature du commerce en général“ 1 и 2. Цитаты дѣлаются по послѣднему изданію сочиненія Кантильона, перепечатанному въ 1892 году для Гарвардскаго университета съ изданія 1755 года.

существованія, необходимыми рабочему во время производства, средства же существованія извлекаются изъ земли, отсюда вытекаетъ возможность замѣстить трудъ опредѣленнымъ количествомъ земли. „Дѣйствительная цѣнность, — замѣчаетъ Кантильонъ, — измѣряется количествомъ земли, употребленной на производство, и количествомъ входящаго въ производство труда, т. е. земли, продукты которой потребляются лицами, принимающими участіе въ производствѣ“ [1]). Къ сожалѣнію, примѣры описаннаго способа опредѣленія цѣнности намъ неизвѣстны, такъ какъ „Дополненіе“, упоминаемое Кантильономъ, до насъ не дошло. Въ „Опытѣ о природѣ торговли“ встрѣчаются только иллюстраціи къ опредѣленію дѣйствительной цѣнности, показывающія возможныя комбинаціи, въ которыхъ земля и трудъ входятъ въ производство разныхъ товаровъ. Предположимъ, напримѣръ, что равныя количества шерсти употребляются на производство суконъ разныхъ сортовъ, требующихъ неравной затраты труда. Очевидно, что различіе цѣнностей будетъ обусловлено не землей, а трудомъ, затраченнымъ на производство. Возьмемъ другой примѣръ изъ приводимыхъ Кантильономъ въ его сочиненіи: цѣнность скошеннаго сѣна или срубленнаго лѣса образуется, главнымъ образомъ, не трудомъ, сравнительно незначительнымъ, а вторымъ факторомъ, образующимъ цѣнность,—землей; или цѣнность кружки воды въ Парижѣ опредѣляется трудомъ носильщика воды и т. д.

Заканчивая разсмотрѣніе взглядовъ Кантильона на цѣнность, нельзя не указать, что въ этомъ весьма важномъ вопросѣ Кантильонъ далеко оставилъ за собой меркантилистовъ и что кардинальное значеніе, придаваемое имъ при опредѣленіи цѣнности землѣ, даже въ ущербъ другому фактору—труду, уже сильно сближаетъ его съ физіократами.

Изучая обмѣнъ товаровъ, легко убѣдиться, что товары не всегда продаются по ихъ дѣйствительной, внутренней цѣнности. Причину отклоненій рыночныхъ цѣнъ отъ дѣйстви-

1) „Essai“, 127. La valeur réelle ou intrinsèque de toutes choses est proportionée à la terre et au travail nécessaires à leur production.

тельныхъ Кантильонъ видитъ „въ потребленіи населенія, его настроеніи, прихоти“. „Кто можетъ,—говоритъ Кантильонъ,—предвидѣть число рожденій и смертей въ государствѣ въ теченіе года? Кто въ состояніи предсказать увеличеніе или уменьшеніе издержекъ населенія? Цѣна товаровъ зависитъ, однако, отъ этихъ фактовъ, предусмотрѣть ихъ невозможно, почему предпріятія и ведутся съ рискомъ“ [1]). Правда, въ культурныхъ странахъ цѣны товаровъ, спросъ на которые отличается однообразіемъ, обыкновенно близки къ ихъ дѣйствительной цѣнности, почему, по мнѣнію Кантильона, въ этомъ случаѣ возможно правительственное установленіе цѣнъ.

Значеніе спроса и предложенія какъ факторовъ, устанавливающихъ рыночныя цѣны, вполнѣ понималось Кантильономъ. Изобиліе или рѣдкость денегъ, большее или меньшее количество предлагаемыхъ товаровъ—всѣ эти моменты отмѣчаются Кантильономъ при анализѣ понятій спроса и предложенія. Знакомый по своей дѣятельности со всѣми тонкостями обмѣна, Кантильонъ добавляетъ, что цѣны устанавливаются немногими, остальные же соглашаются на нихъ, причемъ большое значеніе имѣютъ ловкость и опытность, которыя позволяютъ обладающимъ этими качествами продавцамъ и покупателямъ при одинаковыхъ условіяхъ извлекать большія выгоды, чѣмъ могли бы получать контрагенты, лишенные указанныхъ способностей. Нельзя думать, что только наличное предложеніе играетъ роль при установленіи цѣнъ: „иностранные рынки всегда вліяютъ на данный рынокъ; если хлѣбъ дорогъ во Франціи, онъ поднимается въ цѣнѣ въ Англіи и другихъ сосѣднихъ странахъ“ [2]). Рыночныя цѣны, образуемыя уравненіемъ спроса и предложенія, оказываютъ вліяніе на производство, которое стремится приноравливаться къ потребленію. Земледѣльцы,—замѣчаетъ Кантильонъ,—будутъ изъ года въ годъ измѣнять

1) „Essai“, стр. 53.
2) „Essai“, стр. 63.

употребленіе обрабатываемыхъ ими земель, пока мало-по-малу не будутъ въ состояніи соразмѣрить количество получаемыхъ продуктовъ съ потребностями населенія“ [1]). Образовавшаяся уравненіемъ спроса и предложенія мѣновая цѣнность обыкновенно выражается въ деньгахъ. „Деньги обозначаютъ въ обычаѣ отношеніе цѣнностей [2]).

Нами разсмотрѣны понятія дѣйствительной и мѣновой цѣнности и дѣйствительнаго богатства. Сравнительное богатство, къ которому теперь необходимо перейти, заключается въ фондѣ, остающемся у государства послѣ годового потребленія. Фондъ этотъ можетъ заключаться въ магазинахъ съ хлѣбомъ, сукномъ и другими товарами, но обыкновенно состоитъ въ золотѣ и серебрѣ, большее или меньшее количество которыхъ и опредѣляетъ сравнительное богатство государствъ. Почему золото и серебро замѣняютъ въ этомъ фондѣ другія цѣнности, Кантильонъ излагаетъ въ связи съ теоріей денегъ. Приходя въ конечномъ результатѣ къ отождествленію сравнительнаго богатства съ золотомъ и серебромъ, Кантильонъ не устанавливаетъ этого положенія съ исключительностью, свойственной меркантилистамъ. Запасы хлѣба и другихъ товаровъ важны не только для дѣйствительнаго, но и для сравнительнаго богатства.

Какъ могло возникнуть двойное пониманіе богатства Кантильономъ? Въ какомъ отношеніи находятся между собою дѣйствительное и сравнительное, относительное богатства? Отвѣтъ на эти вопросы надо искать въ своеобразныхъ воззрѣніяхъ автора „Опыта о природѣ торговли“ на историческія судьбы народовъ. Въ исторіи каждаго государства можно, по мнѣнію Кантильона, подмѣтить циклы, состоящіе въ чередованіи бѣдности и богатства — подъ бѣдностью и богатствомъ въ данномъ случаѣ понимается изобиліе или недостатокъ денегъ. Исторія всякаго

---

1) id. 81.
2) id. 54.

народа начинается съ состоянія бѣдности, затѣмъ мало-по-малу государство начинаетъ богатѣть, но процвѣтаніе смѣняется бѣдностью, и круговоротъ возобновляется въ томъ же порядкѣ. Народъ не можетъ быть постоянно богатъ, всѣ страны не могутъ одновременно процвѣтать. Лёгранъ высказываетъ предположеніе, что пессимистическій взглядъ Кантильона на неизбѣжное паденіе даже наиболѣе богатыхъ странъ былъ внушенъ ему примѣрами упадка Венеціи, ганзейскаго союза, Испаніи [1]). Это, можетъ быть, и вѣрно, но, во всякомъ случаѣ, не на этихъ примѣрахъ обосновывалась вѣра Кантильона въ возрожденіе впавшихъ въ бѣдность странъ. Чередованіе богатства и бѣдности возможно только тамъ, гдѣ имѣется достаточный производительный фондъ, т. е. годная для обработки земля и трудящееся населеніе въ необходимомъ числѣ. Самый процессъ чередованія бѣдности и богатства рисуется Кантильону слѣдующимъ образомъ: если населеніе страны богатѣетъ, то, конечно, оно начинаетъ увеличивать свое потребленіе, увеличеніе спроса повыситъ товарныя цѣны и уменьшитъ вывозъ, такъ какъ иностранцы не будутъ въ состояніи покупать по новымъ возвышеннымъ цѣнамъ; вмѣстѣ съ обогащеніемъ страны и увеличеніемъ потребленія разовьется роскошь; ввозъ иностранныхъ продуктовъ сдѣлается необходимымъ, вывозъ же будетъ все болѣе и болѣе падать; въ концѣ концовъ страна потеряетъ свой денежный фондъ, который уйдетъ за границу въ уплату за ввозъ. Способы возстановленія утраченнаго денежнаго фонда разсматриваются Кантильономъ въ связи съ теоріей торговаго баланса, но уже можно отмѣтить, что отношенія между двумя видами богатства — дѣйствительнымъ и сравнительнымъ складываются такимъ образомъ: дѣйствительное богатство лежитъ въ основаніи сравнительнаго, которое есть только отраженіе, результатъ и логическое послѣдствіе дѣйствительнаго и возможно только тамъ, гдѣ имѣется необходимый производительный фондъ, т. е. земля и трудъ.

Если въ вопросахъ цѣнности и богатства Кантильонъ примиряетъ воззрѣнія меркантилистовъ и физіократовъ, то по взглядамъ на значеніе земледѣлія, только земледѣль-

[1]) Legrand: Richard Cantillon. 31.

цевъ и ихъ отношеніе къ другимъ классамъ населенія, Кантильонъ можетъ быть смѣло названъ прямымъ учителемъ Кенэ и Мирабо,—настолько его идеи близки къ основнымъ положеніямъ физіократовъ. Всякій членъ государства, по утвержденію Кантильона, зависитъ отъ землевладѣльцевъ, которые, не захотѣвъ обрабатывать своей земли, оставили бы все населеніе безъ необходимыхъ средствъ существованія. Свои земли собственники или эксплоатируютъ сами или сдаютъ въ аренду фермерамъ. „Изслѣдуя средства существованія населенія и поднимаясь до ихъ источника, всегда найдемъ, что они коренятся въ землѣ“ [1]). Дѣленіе продукта земли рисуется автору „Опыта о природѣ торговли“ въ слѣдующемъ видѣ: фермеры за пользованіе землей отдаютъ обыкновенно собственнику земли треть продукта, другая треть остается у фермера, какъ его доходъ, третья же поглощается издержками по обработкѣ земли и заработной платой. Фермеры и землевладѣльцы часть своего продукта отдаютъ фабрикантамъ, ремесленникамъ и другимъ классамъ населенія, не принимавшимъ прямого участія въ земледѣліи, въ обмѣнъ за ихъ услуги и произведенія. Очевидно, что классы населенія не занятые въ земледѣліи, могутъ существовать только при условіи, если на ихъ произведенія есть спросъ въ деревнѣ. На всей вообще экономической дѣятельности населенія отражается образъ жизни землевладѣльцевъ, такъ какъ, давая средства существованія ремесленникамъ и предпринимателямъ, землевладѣльцы регулируютъ распредѣленіе занятій; землевладѣльцами опредѣляется и численность населенія, которое ограничивается средствами существованія. Взгляды Кантильона на населеніе во многомъ предвосхитили ученіе Мальтуса. Подобно Мальтусу, Кантильонъ утверждалъ, что недостатокъ пищи наиболѣе могучій регуляторъ населенія, такъ какъ, не будь средства существованія ограничены, увеличенію населенія не было бы предѣловъ. „Люди размножаются какъ мыши на гумнѣ“ [2]). Примѣръ англійскихъ колоній, гдѣ населеніе черезъ три поколѣнія увеличи-

---

[1]) „Essai“, стр. 58.
[2]) id. 110.

вается настолько, какъ въ самой митрополіи черезъ тридцать, служитъ Кантильону наглядным подтвержденіемъ его мысли. Впрочемъ, Кантильонъ, предсказываетъ, что съ ростомъ потребностей и паденіемъ производительности земли, быстрота возрастанія населенія должна уменьшиться, такъ какъ на каждаго члена государства должна будетъ приходиться большая площадь земли, чтобы дать ему возможность жить сообразно его увеличившимся потребностямъ. Нельзя не признать правильнымъ замѣчаніе Гиггса, что въ разсужденіи Кантильона о дѣленіи продукта земли и роли землевладѣльцевъ содержится уже вся теорія „Tableau Economique“ Кенэ [1]).

Признавая первенствующее значеніе за земледѣльческимъ трудомъ, Кантильонъ констатируетъ, однако, высшую оплачиваемость ремесленнаго труда, понимая подъ послѣднимъ не только физическій трудъ рабочаго, занятаго при производствѣ тѣхъ или иныхъ товаровъ, но и такъ называемый интеллектуальный трудъ, какъ то: трудъ инженера, предпринимателя, кассира и т. д. Сравнительно низкая оплата земледѣльческаго труда вызывается тѣмъ, что трудъ этотъ не требуетъ продолжительной выучки, такъ что дѣти 7—11 лѣтъ могутъ уже быть полезными въ разныхъ земледѣльческихъ работахъ. Къ числу другихъ моментовъ, вліяющихъ на оцѣнку труда, Кантильонъ отнесъ ловкость, опасность, честность, требуемую отъ работника степень умственнаго развитія, смертность, процентъ которой не во всѣхъ отрасляхъ труда одинаковъ. Немного, какъ видимъ, осталось Адаму Смиту, несомнѣнно знакомому съ Кантильономъ, добавить въ его ученіи о причинахъ различія заработной платы въ разныхъ занятіяхъ [2]). Интересно въ ученіи Кантильона о заработной платѣ утвержденіе, что въ нее всегда входитъ не только сумма, необходимая для жизни рабочаго, но вдвое большая, такъ какъ на вторую половину платы содержится семья рабо-

[1]) Гиггсъ: Физіократы, стр. 28.

[2]) Адамъ Смитъ упоминаетъ о Кантильонѣ въ „Богатствѣ Народовъ, кн. I, гл. 8. О неравенствѣ заработной платы въ разныхъ занятіяхъ см. кн. I, гл. 10.

чаго, нормальный составъ которой предполагается состоящимъ изъ двухъ дѣтей и жены рабочаго; что заработная плата соразмѣряется съ семьей изъ двухъ дѣтей, объясняется, по Кантильону, большою смертностью дѣтей, доходящей до того, что половина дѣтей умираетъ еще до начала своей трудовой дѣятельности. Заработная плата должна не только содержать наличный составъ рабочихъ, но и обезпечить контингентъ ихъ въ будущемъ.

Изложеніе экономическихъ взглядовъ Кантильона было бы далеко неполнымъ, если бы не было указано на его теорію денегъ. Кантильонъ уже отмѣтилъ слѣдующія функціи денегъ: 1) во-первыхъ, деньги—наиболѣе вѣрный способъ сравненія обмѣниваемыхъ товаровъ, наилучшее мѣрило мѣновой цѣнности: 2) во-вторыхъ, деньги—средство сбереженія; 3)наконецъ, Кантильонъ указываетъ и покупательную силу денегъ. Если въ культурныхъ государствахъ для чекана денегъ употребляется преимущественно золото и серебро, то объясненіе этому надо искать въ свойствахъ указанныхъ металловъ [1]). Какъ и всякій товаръ, деньги имѣютъ дѣйствительную и мѣновую цѣнность. Дѣйствительная образуется количествомъ земли и труда, необходимыхъ для ихъ добыванія, сравнительная—по закону спроса и предложенія. Практическимъ выводомъ изъ теоріи денегъ Кантильонъ далъ попытку опредѣлить, какое количество денегъ нужно для обращенія. Опираясь на свои наблюденія, онъ пришелъ къ выводу, что потребное количество денегъ должно равняться девятой части годового продукта земли въ данномъ государствѣ. Впрочемъ, часть выпущенныхъ въ обращеніе денегъ задерживается и перестаетъ такимъ образомъ, выполнять свое назначеніе, почему является необходимымъ нѣсколько увеличить ихъ количество.

Изобиліе денегъ въ государствѣ, какимъ бы путемъ оно не было достигнуто, не спасетъ страну отъ упадка, къ которому оно въ силу естественнаго закона должно придти. „Черезчуръ большое количество денегъ, — замѣчаетъ Кантильонъ,

---

[1]) „Essai“, стр. 145.

вѣрный своей исторической теоріи, — сначала образуетъ основу могущества государствъ, но затѣмъ незамѣтно, но неизбѣжно приводитъ ихъ къ бѣдности“ [1]). Правда, правительство располагаетъ средствами нѣсколько замедлить процессъ паденія путемъ займовъ, пользованія своими запасами и т. д., но естественный ходъ событій неминуемо приведетъ страну къ паденію.

Важность денежнаго фонда, какъ основанія сравнительнаго богатства государствъ, заставляетъ Кантильона подробно изслѣдовать, какимъ образомъ государство можетъ добиться увеличенія денегъ. Первый путь къ созданію денежнаго фонда надо видѣть въ эксплоатаціи рудниковъ. Однако неизбѣжное паденіе государства происходитъ въ этомъ случаѣ скорѣе, чѣмъ при выгодномъ торговомъ балансѣ—второмъ способѣ увеличенія денегъ. Эксплоатація рудниковъ вызываетъ обогащеніе всѣхъ, такъ или иначе причастныхъ къ производству лицъ, напримѣръ: владѣльцевъ, рабочихъ и предпринимателей; всѣ эти лица увеличиваютъ свои расходы, покупая прежде недоступные имъ по цѣнѣ предметы и вообще расширяя свое потребленіе. Расширившійся спросъ, увеличеніе количества обращающихся денегъ вызовутъ повышеніе цѣнъ. Изъ всѣхъ классовъ населенія пострадаютъ больше всего землевладѣльцы, связанные съ фермерами долгосрочными контрактами, такъ какъ они будутъ не въ состояніи воспользоваться повышеніемъ цѣнъ. При дальнѣйшей эксплоатаціи рудниковъ, которая сопровождается все большимъ и большимъ увеличеніемъ цѣнъ, представится выгоднымъ получать товары изъ-за границы, гдѣ цѣны стоятъ ниже; деньги мало-по-малу начнутъ уходить изъ страны, мануфактуристы и ремесленники, не выдержавъ иностранной конкуренціи, обѣднѣютъ, и государство потеряетъ свой денежный фондъ.

Увеличеніе количества обращающихся денегъ является, какъ видимъ, причиной повышенія цѣнъ; но Кантильонъ останавливается и на явленіяхъ ограничивающихъ силу высказаннаго положенія. Ускореніе денежнаго обращенія, вліяніе иностранныхъ

[1]) „Essai“, стр. 244.

рынковъ можетъ повысить цѣны безъ соотвѣтствующаго увеличенія денегъ. Напротивъ, увеличеніе населенія, проникновеніе денежнаго обращенія въ сферы, имъ прежде незатронутыя, возвышеніе предложенія при возросшемъ спросѣ—всѣ эти причины могутъ даже при сильномъ увеличеніи денегъ не дать подняться цѣнамъ.

Въ вопросѣ о торговомъ балансѣ Кантильонъ наиболѣе близокъ къ меркантилистамъ. Достиженіе благопріятнаго баланса ставится цѣлью правительственной политики. Благопріятный балансъ, сущность котораго состоитъ въ превышеніи вывоза надъ ввозомъ, реализируетъ этотъ излишекъ въ видѣ денегъ, такъ что и благопріятный балансъ, какъ и эксплоатація рудниковъ, даетъ странѣ возможность увеличить свое сравнительное богатство, свой денежный фондъ. Результаты прилива денегъ не отличаются отъ разсмотрѣннаго уже случая увеличенія ихъ путемъ рудниковъ. Наступившее, какъ результатъ прилива денегъ, повышеніе цѣнъ еще болѣе способствуетъ обогащенію страны. Дѣйствительно, гдѣ товарныя цѣны высоки, тамъ за ту же самую сумму денегъ отдается меньше товаровъ, чѣмъ въ странѣ съ низкими товарными цѣнами. Въ первомъ случаѣ денегъ много, почему онѣ и имѣютъ меньше покупательной силы, въ государствахъ же съ сравнительно меньшимъ количествомъ денегъ—покупательная сила ихъ выше. Какъ ни близокъ Кантильонъ въ вопросѣ торговаго баланса къ меркантилистамъ, вліяніе физіократовъ сказывается въ этомъ случаѣ. Кантильонъ стоитъ за преимущественное развитіе тѣхъ отраслей промышленности, гдѣ трудъ играетъ первенствующую роль, вліяніе же второго созидающаго цѣнность фактора — земли—сравнительно ничтожно. Ввозить же рекомендуется главнымъ образомъ, продукты земли. Руководствуясь такой политикой, страна не только сохраняетъ основу своего существованія—землю, но еще получаетъ отъ сосѣдей необходимые для ея населенія продукты земли. Ошибочно было бы, однако, думать, что благопріятный торговый балансъ можетъ спасти страну отъ гибели, которая должна наступить въ силу естественнаго хода событій. И здѣсь, какъ и при обогащеніи страны эксплоатаціей

рудниковъ, наблюдается то же увеличеніе потребленія, то же возвышеніе цѣнъ, заставляющее обращаться къ усиленному ввозу изъ-за границы. Различіе только въ томъ, что развитіе мануфактуръ—необходимая предпосылка благопріятнаго торговаго баланса—въ соединеніи съ развитіемъ мореплаванія даетъ возможность дальше сопротивляться и пользоваться выгодами благопріятнаго баланса. Объясненіе этому Кантильонъ видитъ въ томъ, что иностранныя государства, къ которымъ придется обратиться при повышеніи цѣнъ, могутъ еще не располагать развитой промышленностью, и должно пройти извѣстное время, прежде чѣмъ спросъ, направленный на заграницу, встрѣтитъ соотвѣтствующее предложеніе.

Выгоды благопріятнаго баланса выражаются въ увеличеніи количества денегъ, что даетъ возможность пріобрѣтать въ обмѣнъ больше продуктовъ земли и труда, чѣмъ государство отдаетъ само. Платежныя средства населенія увеличиваются, такъ что налоги могутъ собираться легче и въ большемъ количествѣ. Даже во время военныхъ дѣйствій деньги не теряютъ своей покупательной силы у самого непріятеля, который охотно принимаетъ ихъ.

Слѣдуя Локку и другимъ англійскимъ писателямъ 17-го вѣка, Кантильонъ признавалъ, что *важенъ только общій итогъ балансъ же съ отдѣльными странами можетъ быть и невыгоднымъ*. Послѣдній вопросъ, затрагиваемый при разсмотрѣніи торговаго баланса, это—способы его опредѣленія; они различны, смотря по тому, идетъ ли дѣло объ общемъ балансѣ или о результатѣ торговли съ одной какой-нибудь страной.

Спеціальный балансъ опредѣляется вексельнымъ курсомъ: „очевидно, что городъ или какое угодно мѣсто, гдѣ курсъ стоитъ выше al pari,—должникъ того мѣста или города, гдѣ курсъ ниже“ [1]). Страна, гдѣ курсъ выше al pari, при отсутствіи векселей, должна была бы переслать свой долгъ наличными деньгами; повышеніе цѣны векселей выше ихъ номинальной стоимости, выше al pari и вызвано желаніемъ избѣжать расходовъ по пересылкѣ денегъ. Такимъ образомъ, вексельный курсъ ясно указываетъ, на чьей сторонѣ благопріятный торговый балансъ. Правда, курсъ можетъ

[1]) „Essai“, стр. 345.

подняться и вслѣдствіе ряда другихъ причинъ: субсидія союзникамъ, содержанія посланниковъ, платежа процентовъ по займамъ-прибыли на иностранные капиталы, но, несмотря на создаваемыя этими факторами уклоненія, опредѣленіе спеціальнаго торговаго баланса по вексельному курсу представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ и правильнымъ.

Способъ опредѣленія общаго баланса иной. Извѣстно, что чѣмъ благопріятнѣе балансъ, чѣмъ сильнѣе приливъ денегъ, тѣмъ цѣны выше. Слѣдовательно, повышеніе цѣнъ можетъ указывать на измѣненіе положенія баланса. Въ частности очень удобно опредѣлять по арендным цѣнамъ, платимымъ фермерами землевладѣльцамъ. Фермеры, какъ предполагаетъ Кантильонъ, только тогда согласятся на повышеніе арендныхъ цѣнъ, когда сами будутъ въ состояніи продавать свои продукты по болѣе высокимъ цѣнамъ, такъ что повышеніе арендныхъ цѣнъ возможно только при увеличеніи денегъ въ государствѣ. Если же владѣльцы отчуждаютъ въ аренду свои земли по низкимъ цѣнамъ, то при равенствѣ прочихъ условій—деньги рѣдки, балансъ неблагопріятенъ.

У экономистовъ XV-го и XVI-го столѣтій было обычнымъ соединять изученіе торговаго баланса съ разсмотрѣніемъ вопроса о процентѣ. Объяснялось это тѣмъ, что высота процента оказывала вліяніе на балансъ, почему правительственное установленіе процента представлялось весьма желательнымъ. Кантильонъ, слѣдуя примѣру Петти, порвалъ съ традиціонными взглядами меркантилистовъ, высказавшись противъ регламентированія процента. Только при отсутствіи правительственнаго вмѣшательства процентъ будетъ такимъ, какимъ онъ долженъ быть, какимъ его создаютъ существующія условія. Къ числу ихъ Кантильонъ относилъ вліяніе закона спроса и предложенія, вліяніе риска, которому подвергаются, помѣщая деньги въ чужія руки, наконецъ, имѣетъ значеніе и та прибыль, которую можно было бы получить, оставляя капиталъ у себя, не отдавая его въ ссуду. Высокіе проценты, разъ они вызваны этими условіями, не только терпимы, но и справедливы, тѣмъ болѣе, что попытки опредѣленія процента всегда были и будутъ безполезными. Процентъ въ

одно и то же время, въ одномъ и томъ же государствѣ не одинаковъ для различныхъ классовъ населенія. Такъ какъ въ числѣ условій, вліяющихъ на высоту процента, занимаетъ мѣсто и рискъ, то проценты по сдѣлкамъ и займамъ „крупныхъ и пользующихся репутаціей состоятельныхъ негоціантовъ“ [1]) ниже, чѣмъ у другихъ классовъ. По наблюденіямъ Кантильона, высота процента у богатыхъ негоціантовъ совпадаетъ съ процентомъ, платимымъ по земельнымъ ипотекамъ. Помимо всѣхъ указанныхъ причинъ, различіе высоты процента въ государствахъ обусловлено и значеніемъ, которымъ пользуются въ данной странѣ землевладѣльцы. Извѣстна роль этого класса въ жизни страны, землевладѣльцы даютъ главный спросъ; поэтому тамъ, гдѣ этотъ классъ невеликъ или удовлетворяетъ своимъ потребностямъ при содѣйствіи своихъ слугъ,—процентъ низокъ. Гдѣ указанныхъ условій нѣтъ, тамъ и процентъ будетъ выше.

Затронувъ въ своемъ трудѣ всѣ важнѣйшіе экономическіе вопросы, волновавшіе его современниковъ, Кантильонъ не могъ, конечно, обойти молчаніемъ вопросъ о банкахъ. Ни собственная дѣятельность, ни финансовыя операціи Ло, усиленно интересовавшія общественное мнѣніе, не позволяли оставить этотъ вопросъ безъ обсужденія. Кантильонъ различаетъ два вида банковъ: частные и государственные, національные, при чемъ развитіе частныхъ признаетъ полезнымъ, ко вторымъ же — государственнымъ — относится отрицательно. Основную выгоду банковъ какъ первой, такъ и второй категорій надо видѣть въ ускореніи обращенія, что равносильно увеличенію денегъ. Затѣмъ банки служатъ для храненія денегъ, избавляютъ владѣльцевъ денегъ отъ труда распоряженія ими. Опытъ показываетъ, что банкъ можетъ свободно распоряжаться принимаемыми вкладами, какъ какъ для удовлетворенія требованій о возвратѣ достаточно имѣть только десятую часть капитала.. Необходимость быть готовымъ къ платежу составляетъ основаніе риска.

Успѣхъ и процвѣтаніе банка стоятъ въ связи съ довѣріемъ, которымъ онъ пользуется. Поэтому государственные банки и имѣютъ больше вкладовъ, чѣмъ частные. Если чрезмѣрный выпускъ банковыхъ билетовъ со стороны частныхъ банковъ не можетъ вести за

[1]) „Essai“, стр. 279.

собой всѣхъ гибельныхъ послѣдствій, связанныхъ съ такимъ выпускомъ, то объясненіе этому надо, какъ думаетъ Кантильонъ, видѣть въ фактѣ непринудительности, свободы ихъ пріема. Государственный же банкъ въ состояніи сдѣлать пріемъ своихъ обязательствъ принудительнымъ и переполненіемъ рынка денежными знаками—вѣдь обязательства банка по ихъ дѣйствію тождественны съ деньгами—вызвать и ускорить обѣднѣніе государства. Въ небольшихъ государствахъ, гдѣ деньги рѣдки, государственный банкъ можетъ оказать важныя услуги государству; даже въ большихъ государствахъ нѣкоторыя спекуляціи могутъ удаваться; тѣмъ не менѣе, въ общемъ итогѣ государственные банки признаются Кантильономъ нежелательными. Заканчивая изложеніе возрѣній Кантильона, мы не можемъ не остановиться на двухъ разбираемыхъ имъ вопросахъ, а именно: отношеніи правительства къ хозяйственной жизни и на томъ методѣ, которымъ этотъ экономистъ пользуется. Въ вопросахъ экономической политики Кантильонъ старается избѣжать безусловныхъ, категорическихъ и непоколебимыхъ положеній. Отрицая, напримѣръ, полную свободу хозяйственной дѣятельности, онъ равно далекъ и отъ требованій всеобъемлющей мелочной регламентаціи; все зависитъ, по его мнѣнію, отъ сущности данныхъ отношеній. Въ вопросахъ о процентѣ, о направленіи хозяйственной дѣятельности страны, установленіи числа лицъ, занимающихся той или иной профессіей, Кантильонъ является сторонникомъ идеи „laissez faire“, которая находитъ въ немъ горячаго защитника. Наоборотъ, въ вопросахъ внѣшней торговли, протекціонизма, установленія цѣнъ на предметы первой необходимости—Кантильонъ вполнѣ слѣдуетъ воззрѣніямъ меркантилистовъ. И эта кажущаяся на первый взглядъ двойственность зависитъ не отъ отсутствія принципіальности во взглядахъ, а отъ той же исходной точки зрѣнія, ставящей интересы реальныхъ отношеній выше доктринерской схоластики.

Вопросы методологіи были, какъ извѣстно, совершенно чужды экономической наукѣ въ эпоху Кантильона [1]), поэтому

---

1) См. Святловскій, В.: Исторія развитія воззрѣній на методъ въ политической экономіи. „Народное Хозяйство“, 1901 г., кн. V.

едва ли можно говорить о сознательномъ примѣненіи имъ какого-либо метода въ его замѣчательномъ изслѣдованіи. Здѣсь болѣе интересенъ тотъ инстинктъ, то, такъ сказать, удивительное провѣдѣніе, которое возвышаетъ Кантильона какъ бы до сознанія имъ своей задачи. Тамъ, напримѣръ, говоря о торговомъ балансѣ, Кантильонъ дѣлаетъ глубокое замѣчаніе, что „только разсматривая каждую отрасль торговли отдѣльно, можно съ пользою регулировать торговлю съ за-границей; общими разсужденіями нельзя этого узнать опредѣленнымъ образомъ“ [1]). Вообще въ „Опытѣ о природѣ торговли“ абсолютныя утвержденія встрѣчаются очень рѣдко, выводы, къ которымъ приходитъ Кантильонъ, всегда покоятся, на признаніи относительности явленій, на опредѣленіи и учетѣ вліянія мѣстныхъ условій. Въ другую историческую эпоху, при другихъ обстоятельствахъ, данныя положенія и найденныя утвержденія могутъ, по его мнѣнію, вполнѣ утратить свою силу. Обращаясь постоянно къ исторіи, Кантильонъ въ ней ищетъ подтвержденія своихъ взглядовъ. Съ этой точки зрѣнія Кантильонъ является какъ бы отдаленнымъ предтечей современнаго историзма, отвергающаго абсолютное въ экономической теоріи и возводящаго относительность явленій на степень универсальнаго закона.

---

[1]) „Essai“, стр. 308.

III. Физіократизмъ.

I.

Въ области теоріи физіократы дали первую научную экономическую систему. Это дѣйствительно, была и „первая научная политико-экономическая школа“, какъ говоритъ Гиггсъ [1]).

Эта школа имѣла въ своей подпочвѣ опредѣленное классовое основаніе. Физіократизмъ съ точки зрѣнія классовой идеологіи являлся идеологіею третьяго сельскаго сословія, буржуа-землевладѣльцевъ. Идеологію другого подотдѣла того же класса, идеологію третьяго городского сословія—мы уже имѣли въ ученіи меркантилистовъ, теперь подымали голову помѣщикъ и крестьянинъ, сельскіе хозяева, задавленные феодализмомъ и государственнымъ предпочтеніемъ промышленности. По взглядамъ этой идеологіи мелкій помѣщикъ и крестьянинъ—оба мелкіе производителя приближались другъ къ другу, стоило только послѣднему подняться „до высоты сельскохозяйственнаго предпринимателя, до высоты арендатора буржуа, какъ это имѣетъ мѣсто въ Англіи“ (Онкенъ, стр. 347).

---

1) Гиггсъ: Физіократы, пер. СПБ. 1903. „Физіократы, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—являются первою и въ то же время наиболѣе тѣсно сплоченною школою въ исторіи политической экономіи. Раздѣляя сами, а также возбуждая и въ другихъ горячій интересъ къ изученію экономическихъ причинъ и слѣдствій,—они стойко отстаивали занятую ими позицію; отличались смѣлостью и оригинальностью, иногда парадоксальностью, и оказали огромную услугу послѣдующимъ поколѣніямъ своими глубокими теоріями, которыя подобно волнамъ, разлились по всему континенту. Земные владыки не гнушались обращаться къ нимъ за поученіями. И хотя родина, для которой они писали и работали, до сихъ поръ еще осталась глуха къ одной части ихъ ученія, тѣмъ не менѣе, необходимо вспомнить, что Адамъ Смитъ и Питтъ, Гэскисонъ, Пиль и Гладстонъ только повторяли ихъ аргументы, когда они, къ счастью или несчастью Англіи, насаждали въ ней политику свободной торговли“. (Стр. 90).

II.

Гурнэ и его направленіе.

Школа Гурнэ представляетъ собою особое направленіе предтечъ физіократовъ. Гурнэ ошибочно одно время, подъ вліяніемъ Мирабо и Дюпонъ де Намюръ считали даже—и совершенно несправедливо—и основателемъ физіократизма и авторомъ формулы „laissez faire“. И то и другое невѣрно. Гурнэ былъ предтечею физіократовъ, а формула „laissez-faire“, примѣненная впервые купцомъ Лежандромъ, въ литературный оборотъ была пущена другимъ предтечею физіократизма, талантливымъ публицистомъ Д'Аржансономъ.

Основатель школы—Жанъ Клодъ Мари Винценто де Гурнэ (1712—1759) былъ одно время однимъ изъ четырехъ „интендатовъ торговли въ Парижѣ“. Онъ много путешествовалъ, переводилъ иностранныхъ экономическихъ писателей (Чайльда и др.) и самъ написалъ нѣсколько сочиненій.

Въ „школѣ Гурнэ“—говоритъ проф. Онкенъ,—числится довольно большое число писателей, изъ нихъ Фарбоннэ былъ болѣе правый, Тюрго болѣе лѣвый и перешедшій затѣмъ къ Кенэ. Въ центрѣ, вмѣстѣ съ Гурнэ, были Мореллэ, Клико де Блервашъ и нѣкоторые другіе.

Школа Гурнэ отрицательно относилась къ существующему порядку вещей, но скорѣе стояла на почвѣ меркантилизма, освѣщеннаго либеральными взглядами, чѣмъ являлась выразительницею физіократизма, обоснованнаго Кенэ. Къ тому же такое направленіе, какъ справедливо замѣтилъ профессоръ Онкенъ „составляло только новость для Франціи“.

Школа Гурнэ все еще придаетъ громадное значеніе торговому балансу, который Франсуа Кенэ считалъ „химерою“, она восхваляетъ „навигаціонный актъ“ Кромвелля и проникнута настроеніемъ меркантилистическаго націонализма. Но Гурнэ и его послѣдователи уже либеральнѣе англійскихъ меркантилистовъ и больше сочувствуютъ идеямъ свободной торговли. Они уже рѣшительные противники запретительной экономической политики, рекомендуя лишь покровительственную. Гурнэ точно также

возставалъ и противъ внутреннихъ пошлинъ—этого оплота меркантильной политики—и указывалъ на необходимость введенія „единаго таможеннаго тарифа“.

Но наибольшее по тому времени значеніе имѣли взгляды школы Гурнэ на хлѣбную торговлю. Гурнэ и его послѣдователи горячо возставали противъ оковъ, наложенныхъ властями на хлѣбную торговлю. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ вліяніемъ сочиненія одного изъ представителей школы, былъ изданъ указъ 1754 года, впервые отмѣнявшій всѣ внутреннія стѣсненія этого вида торговли.

Но Гурнэ еще чуждъ основной догмѣ физіократизма, что земледѣліе единственный источникъ богатства, онъ признаетъ въ качествѣ таковыхъ и земледѣліе, и промышленность, и торговлю, что касается экономической политики, то Гурнэ полагаетъ, что внутренняя торговля должна проникнуться принципами неограниченной свободы конкурренціи, а промышленность освободиться отъ цеховой регламентаціи и монополіи корпораціи.

Въ отношеніи общей политики Гурнэ былъ сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма, но допускалъ государственное вмѣшательство только въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ, въ дѣлѣ регламентаціи процентовъ. И такъ Гурнэ типичная переходная фигура отъ меркантилизма къ физіократизму. Отсюда отсутствіе особенной собственной точки зрѣнія и „собственнаго ученія“, въ чемъ его не совсѣмъ правильно упрекаетъ Онкенъ „Гурнэ не имѣлъ собственнаго ученія“,—говоритъ онъ. „Гурнэ сознательно распространялъ только тотъ запасъ идей, который онъ извлекъ изъ иностранныхъ либерально-меркантилистическихъ сочиненій. Оригинальностью отличалось не его ученіе, а его способъ пропаганды. Онъ основалъ школу изъ молодыхъ чиновниковъ, чтобы такимъ образомъ ввести новый духъ въ управленіе торговлей, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался литературной агитаціей заинтересовать общественное мнѣніе экономическою жизнью. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ онъ и былъ предшественникомъ физіократовъ; что касается доктрины, то между нимъ и физіократами нѣтъ ничего общаго. Для этого ему недоставало, главнымъ образомъ, философскаго образа мышленія Кенэ“. Онкенъ считаетъ, что общепринятое мнѣніе о Гурнэ—продуктъ творчества Тюрго. Онъ полагаетъ

что Тюрго, старается приписать своему герою рядъ достоинствъ, но неудачно. „Гурнэ,—говоритъ онъ—былъ по происхожденію купцомъ, подобно Чайльду, и его кругозоръ ни въ какомъ отношеніи не былъ шире кругозора послѣдняго“.

Какъ и большинство наиболѣе видныхъ экономическихъ ученій, физіократизмъ представляетъ собою цѣлое міровоззрѣніе. Въ основѣ его лежатъ воззрѣнія естественнаго права, „порядокъ натуральный и соціальный“ („Ordre naturel et social“), къ которому сводилась соціальная философія не однихъ только экономистовъ.

III. Франсуа Кенэ.

Основатель физіократизма Кенэ смотрѣлъ на свои экономическіе труды, какъ на работу въ области практической философіи. Онъ считалъ себя Сократомъ новаго времени и полагалъ, что производитъ въ тогдашней философіи, руководившейся Декартомъ и Мельбраншемъ тотъ же поворотъ въ область практическаго, какой сдѣлалъ въ античномъ мірѣ его мнимый alter-ego. „Сократъ низвелъ мораль съ неба,—воскликнулъ Мирабо въ надгробномъ словѣ о Кенэ,—нашъ же учитель далъ ей возможность пустить всходы на землѣ“.

Политическая экономія, по мысли Кенэ, только часть философіи и не должна отдѣляться отъ сливающихся съ нею этикою и политикою. Ея цѣль—содѣйствовать соціальной и государственной реформѣ, направленной на осуществленіе естественнаго порядка. Въ то же время не должно быть перевѣса одного класса надъ другимъ, а равно розни между классами, вродѣ розни, существующей между представителями землевладѣнія и капитала.

Разсмотримъ теперь подробнѣе ученіе Кенэ. Оно изложено въ въ рядѣ сочиненій, изъ которыхъ важнѣйшія:

I. „Экономическая таблица“ съ ея объясненіемъ и „общими правилами“ экономической политики земледѣльческаго государства, озаглавленнымъ „Экстракты изъ королевскихъ экономій господина Сюлли“ 1758 г.

2) Естественное право. 1765.

3) Деспотизмъ Китая 1767 г. (въ журн. „Эфемериды Гражданина“, издававшемся Дюпонъ де Намюромъ).

4) Статьи въ Энциклопедіи Д'Аламбера и Дидро (Evidance въ т. VI, 1756, Fermies и Grains, въ т. VII, 1757).

5) Рядъ статей въ „журналѣ Агрокультуры, коммерціи и финансовъ“ съ 1754 по 1766 и статьи въ другихъ мѣстахъ.

Изъ нихъ наиболѣе важна „Экономическая таблица“, какъ излагающая и основанія и методъ Кенэ.

Кенэ придаетъ большое значеніе методу. Онъ слѣдуетъ въ своей методологіи Декарту, который примѣняетъ дедуктивный методъ „ариѳметико-геометрическій“ или „методъ точнаго изслѣдованія“, какъ онъ его называетъ.

Какъ извѣстно, дедукція у Декарта не дедукція діалектическая Аристотеля, а своя собственная, основанная на своеобразномъ эмпиризмѣ математики, которую Декартъ считалъ единственною дедуктивною областью знанія. Математическія знанія по Декарту одни свободны отъ заблужденія и недостовѣрности, ибо опытъ подверженъ невольному обману, дедукція же нѣтъ. „Изъ этого,—говоритъ Декартъ въ своихъ „Правилахъ для управленія разумомъ“ [1]),—вовсе не слѣдуетъ, что ариѳметика и геометрія являются единственными науками, достойными изученія, но отсюда вытекаетъ, что, кто ищетъ пути къ истинѣ, тотъ долженъ заниматься только такими объектами, познаніе которыхъ столь же достовѣрно, какъ ариѳметическія и геометрическія доказательства“.

Какъ и Декартъ, Кенэ не различаетъ при этомъ области моральныхъ и физическихъ отношеній и полагаетъ, что одинъ и тотъ же способъ изслѣдованія примѣнимъ въ естествознаніи и соціальной области.

Не только въ методологіи, но въ содержаніи своей догмы Кенэ находится вполнѣ подъ вліяніемъ Декарта. Онъ признаетъ тѣ же доказательства бытія Бога, что развиваетъ и Декартъ, такъ же обосновываетъ человѣческую свободу и свободу воли и признаетъ страсти основнымъ феноменомъ человѣческой души.

Совсѣмъ въ иномъ духѣ другой физіократъ-министръ Тюрго,

---

[1]) Декартъ. Сочиненія т. XI.

который сдѣлалъ рядъ попытокъ осуществить идеалы физіократизма на практикѣ [1]).

V.

Физіократизмъ въ Россіи.

I.

„Наказъ“ и начало изученія сельскаго хозяйства въ Россіи.

Физіократизмъ, смѣнившій у насъ, какъ и на Западѣ, меркантилизмъ, такъ же какъ и послѣдній не имѣлъ представителя среди русскихъ экономистовъ и писателей по вопросамъ сельскаго хозяйства. У насъ не было ни одного теоретика и ученаго, котораго можно было бы назвать русскимъ физіократомъ. Вполнѣ правъ поэтому проф. П. Н. Милюковъ, говорящій въ одной небольшой замѣткѣ по этому вопросу, что „чистыхъ представителей физіократической теоріи въ Россіи не было“, но что „вліяніе прикладныхъ выводовъ ихъ ученія сказалось въ первой половинѣ царствованія Екатерины II“ [1]).

Симпатіи Екатерины къ физіократизму выразились въ рядѣ законовъ и мѣропріятій, въ Наказѣ, въ сношеніяхъ съ иноземными физіократами, въ учрежденіи извѣстнаго Вольнаго Экономическаго Общества. Во всемъ этомъ ясно выражено новое теченіе.

Такъ, Екатерина уничтожила привилегіи и монополіи фабрично-заводскихъ предпріятій, отмѣнила посессіонной порядокъ ихъ устройства и способствовала внѣдренію въ Россіи системы свободной конкурренціи. Ея экономическій либерализмъ отражается и на дѣтищѣ меркантилизма, на таможенной политикѣ: она вводитъ уже значительно отступающій отъ принципа протекціонизма таможенный тарифъ 1766 года.

Учрежденіе въ 1765 году Вольнаго Экономическаго Общества является событіемъ большой исторической важности въ дѣлѣ послѣдующаго развитія русской экономической науки вообще и сельскохозяйственныхъ знаній въ частности. Екатерина содѣйствовала не

---

[1]) О Тюрго, котораго мы здѣсь не касаемся, существуетъ по русски кое-какая литература,—напримѣръ, Муравьевъ Тюрго. М. 1858; Афанасьевъ. Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго. Одесса, 1884, его же; Очеркъ дѣятельности Тюрго. Одесса, 1886, и т. д.

[2]) Милюковъ, П. Н. Физіократы въ Россіи. Энциклопедическій словарь Брокгауза и Эфрона. Спб., 1902 г., т. XXXV, стр. 694.

только организаціи, но и первымъ шагамъ въ дѣятельности этого учрежденія. Изданіе Наказа и сношенія Екатерины еще точнѣе указываютъ на настроенія первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины. Такъ, наприм., поскольку Посошковъ отводитъ первое мѣсто промышленности и торговлѣ и ратуетъ за протекціонизмъ, постольку Екатерининскій Наказъ возвеличиваетъ земледѣліе и свободу торговли. Впрочемъ, Наказъ, къ которому мы еще вернемся, нельзя назвать произведеніемъ физіократическимъ: въ немъ много оговорокъ и отступленій отъ ученія Тюрго и Кенэ.

Поклонница Монтескье, Вольтера и энциклопедистовъ, особенно Дидро, Екатерина не могла не пожелать ближе познакомиться съ родственнымъ энциклопедизму ученіемъ. И, дѣйствительно, Екатерина пыталась вступить въ непосредственныя сношенія съ французскими физіократами, которые являлись какъ бы вѣтвью энциклопедистовъ—ея друзей и наставниковъ. Одного изъ нихъ, именно французскаго физіократа Мерсье де-ла-Ривьера, она даже выписывала въ Петербургъ, хотя, услыхавъ и увидавъ этого ученаго, она поспѣшила отъ него отдѣлаться. Извѣстно и ее отрицательное отношеніе и къ А. Н. Радищеву, который былъ наслѣдователь воззрѣній приближавшагося къ физіократизму коммуниста Мабли [1]).

II.

Екатерина II и физіократъ Mercier de la Riviere.—Экономическія идеи Наказа.

Мерсье де-ла-Ривьеръ хотя и былъ убѣжденнымъ монархистомъ, но смотрѣлъ на соціальные вопросы совсѣмъ иначе, чѣмъ Екатерина. Онъ находилъ страну совершенно неустроенною, рабство крѣпостныхъ—возмутительнымъ, порядки—архаическими. Не обладая тою осторожностью, которую проявилъ пріѣхавшій нѣсколько лѣтъ спустя послѣ него его единомышленникъ Дидро [2]), Ривьеръ, конечно, возбудилъ неудовольствіе Екатерины, стремив-

[1]) О вліяніи Мабли на Радищева, см. А. Радищевъ. „Путешествіе", новое изд. 1905 г.

[2]) См. Бильбасовъ: Дидро въ Петербургѣ. Спб., 1884 г.

шейся маскировать либеральною декламаціею истинное положеніе вещей.

Мерсье де-ла-Ривьеръ отрицательно взглянулъ на Россію съ ея крѣпостнымъ правомъ. Въ сохранившихся его двухъ письмахъ отъ времени поѣздки его въ Петербургъ, т. е. $176^{7}/_{8}$ гг., встрѣчаются суровые отзывы непонятаго русскимъ дворомъ экономиста и философа [1]).

„Въ Россіи, пишетъ онъ аббату Райналю въ октябрѣ 1767 г.,— еще все необходимо устраивать. Чтобы выразиться лучше, слѣдовало бы сказать, что въ Россіи все необходимо уничтожить и затѣмъ вновь создать. Вы хорошо понимаете, что произволъ деспотизма, абсолютное рабство и крайнее невѣжество глубоко укоренили всевозможныя злоупотребленія, ибо нѣтъ растенія болѣе плодовитаго, болѣе трудно искоренимаго, чѣмъ злоупотребленія. И они растутъ повсюду, гдѣ только ихъ культивируетъ невѣжество“. Въ другомъ мѣстѣ того же письма М. де-ла-Ривьеръ пишетъ: „Культура земли находится въ Россіи совсѣмъ не въ томъ положеніи, въ какомъ она могла бы и должна бы быть. Потребленіе всегда служитъ соотвѣтствующимъ указателемъ производительности, но какое же потребленіе возможно среди рабовъ, которые не смѣютъ ничего ни произвести, ни показать, чтобы не привлечь къ этому взора ихъ господина?“ Этимъ же де-ла-Ривьеръ объясняетъ скудость скота, жатвы и вообще всякаго достатка у крѣпостныхъ. „Вотъ почему, говоритъ онъ, повторяя наблюденія Наказа,—между рабами распространенъ обычай прятать деньги, которыя они могутъ пріобрѣсти, и уже только поэтому одному деньги могутъ быть рѣдкими въ Россіи“ [2]).

Теперь выяснены отношенія Дидро къ Екатеринѣ: послѣдняя была лицемѣрна, фальшива и лжива съ великимъ французомъ. Ея извѣстные „отвѣты“ на его 88 письменныхъ вопросовъ до-

---

[1]) Они найдены и изданы Бильбасовымъ, В. А. въ приложеніи (I, 2) къ его изслѣдованію: „Дидро въ Петербургѣ“, Спб., 1884 г.

[2]) „Они закапываютъ, говорится въ Наказѣ,—въ землю деньги свои, боясь пустить оныя въ обращеніе; боятся богатыми казаться; боятся, чтобы богатство не навлекло на нихъ гоненія и притѣсненія“. (Гл. XII 276). Да и знаменитый „Денисъ“ взглянулъ на русскія условія не снисходительнѣе, хотя ихъ ему вполнѣ сознательно извращали.

ставили бы удовольствіе жрецамъ дельфійскаго оракула или отцамъ іезуитамъ. Съ теченіемъ времени и внѣшняя маска почтенія передъ Европою исчезла.

Уже въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина саркастически говоритъ о де-ла-Ривьерѣ, что онъ „считалъ русскихъ за четвероногихъ и очень любезно соглашался принять на себя трудъ поставить ихъ на заднія ноги», Правда, Вольтеръ самъ высмѣялъ лучшую работу этого физіократа „L'ordre naturel des sociètés politiques“ въ безсмертной сатирѣ „L'homme aux quarante écus“; правда, и де-ла-Ривьеръ сдѣлалъ непростительную ошибку, искренне повѣривъ либеральной декламаціи Екатерины, но все это уже предвѣщало скорый разрывъ. Онъ наступилъ въ слѣдующемъ десятилѣтіи, когда Екатерина жалуется на навязчивость непрошенныхъ совѣтниковъ, развязно величаетъ „экономистовъ“, какъ тогда называли физіократовъ „дурачьемъ“ и „крикунами“. За критикою былыхъ друзей наступила и измѣна ихъ принципамъ въ практическихъ мѣропріятіяхъ. Прежде поборница свободы, Екатерина уже стоитъ на скользкомъ пути оправданія ограниченій. „Я не сторонница запрещеній, но полагаю, что нѣкоторыя изъ нихъ введены съ цѣлью устраненія неудобствъ и было бы неблагоразумно и опрометчиво ихъ касаться“. Вскорѣ вся экономическая политика Екатерины радикально измѣняется въ сторону охранительной и протекціонной системы. Физіократизмъ былъ навсегда оставленъ и забытъ.

Но если опытъ съ де-ла-Ривьеромъ былъ не удаченъ, то направленіе его идей все же, хотя и временно, но отразилось на міровоззрѣніи Екатерины. Мы видимъ, что экомическія идеи Наказа навѣяны физіократами и тѣмъ ученіемъ о необходимости для центральной власти поддерживать размноженіе народонаселенія, которое было модно въ популяціонистикѣ XVIII столѣтія.

Такъ, восхваленіе сельскаго хозяйства, какъ важнѣйшаго фактора народнаго богатства,—этотъ основной девизъ физіократизма,—цѣликомъ отразилось и въ Наказѣ. „Не можетъ быть тамъ ни искусное рукодѣліе, ни твердо основанная торговля,—гласитъ 293 статья Наказа,—гдѣ земледѣліе въ уни-

чтоженіи, или нерачительно производится“ [1]. „Земледѣліе есть самый большой трудъ для человѣка“,—„земледѣліе есть первый и главный трудъ, къ которому поощрять людей должно“, говорится нѣсколько далѣе.

Но земледѣліе не можетъ быть успѣшнымъ въ старомъ аграрномъ, полукоммунистическомъ строѣ. Только экономическій индивидуализмъ, только частная собственность могутъ дать прочное основаніе для земледѣлія. Эта мысль, проникающая черезъ сочиненія физіократовъ и особенно ярко формулированная однимъ изъ величайшихъ индивидуалистовъ вѣка—Мерсье де-ла-Ривьеромъ—всегда занимала Екатерину II.

На эту тему она даетъ первую свою премію Вольному Экономическому Обществу, на этотъ же смѣлый и опасный, по мнѣнію современниковъ [2], вопросъ она категорически отвѣчаетъ въ Наказѣ: „не можетъ земледѣльчество процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго“ [3].

Раціональными пріемами къ веденію въ Россіи земледѣлія Екатерина считала „побужденіе закономъ“ (стр. 297), „награжденіе“ лучшихъ земледѣльцевъ (стр. 299) и „изданіе правительствомъ книгъ о земледѣліи, изъ которыхъ каждый крестьянинъ можетъ во своихъ недоумѣніяхъ пользоваться наставленіями“ (ст. 302).

По вопросу о торговлѣ, промышленности, машинахъ Екатерина уже не стоитъ на столь опредѣленной точкѣ зрѣнія, а скорѣе

---

[1]) „Наказъ“, глава XIII, стр. 101. Всѣ цитаты, какъ настоящая, такъ и послѣдующія, взяты изъ изданія 1893 года (Л. Ф. Пантелѣева).

[2]) Мы знаемъ изъ Исторіи Вольнаго Экономическаго Общества, составленной Ходневымъ, какъ подозрительно отнесся къ темѣ Екатерины весь комитетъ и какихъ усилій стоило либеральной группѣ послѣдняго добиться печатанія нѣкоторыхъ работъ, наприм. Барбье де л'Абейля, представленныхъ на соисканіе этой преміи. Послѣдній, между прочимъ, рекомендовалъ также „дать свободу невольникамъ“, отвѣтъ юриста Полѣнова?

[3]) Необходимость выбора между обѣими формами землевладѣнія занимала не одну Екатерину. Въ числѣ вопросовъ, предлагавшихся ей Дидро имѣлся вопросъ: „Отсутствіе собственности у крестьянъ не ведетъ ли къ дурнымъ послѣдствіямъ?“ („Questions et réponses“, „Русскій Архивъ“, 1880 г., кн. III, стр. 6).

на средней, примирительной, хотя и съ явнымъ предпочтеніемъ въ сторону либерализма.

По важному вопросу о свободѣ торговли она уклончиво замѣчаетъ, что „торговля оттуда удаляется, гдѣ ей дѣлаютъ притѣсненіе, и водворяется тамо, гдѣ ея спокойствія не нарушаютъ“ (ст. 317). Она высказывается въ пользу уничтоженія таможенныхъ откуповъ и введенія облегченной системы показаній „на вѣрѣ“, но признаетъ необходимость таможни („гдѣ есть торги, тамъ есть и таможни“). Ея таможенная политика и отношеніе къ вопросу о свободѣ торговли и протекціонизму выливаются въ форму срединной позиціи. „Государство,—говоритъ она,—должно держать средину между таможнею и торговлею и дѣлать такія распоряженія, чтобы сіи двѣ вещи одна другой не запутывали: тогда наслаждаются люди вольностью торговли“ (ст. 323).

По вопросу о свободѣ промышленности Екатерина придерживается той же „золотой середины“. „О цеховыхъ мастерствахъ и установленіи цеховъ для мастеровъ по городамъ еще состоитъ великій споръ: лучше ли имѣть цехи по городамъ, или безъ нихъ быть и что изъ сихъ положеній болѣе споспѣшествуетъ рукодѣліямъ и ремесламъ?“ (ст. 400). Для Россіи Императрица предлагаетъ слѣдующій выходъ изъ дилеммы: „не то безспорно, что для заведенія мастерства цехи полезны: а бываютъ они вредны, когда число работающихъ опредѣлено“, т. е., высказываясь формально за цехи, она желаетъ лишить этотъ институтъ его основного нерва — монопольнаго захвата производства, достижимаго только ограниченіемъ числа лицъ, входящихъ въ цехи.

Такъ же осторожно говорится въ Наказѣ и о волновавшемъ эпоху новшествѣ—о машинахъ. „Махины, которыя служатъ къ сокращенію рукодѣлія, не всегда полезны. Если что сдѣланное руками стоитъ посредственной (т. е. недорогой) цѣны, которая равнымъ образомъ сходна и купцу и тому, кто ее сдѣлалъ, то махины, сокращающія рукодѣліе, то-есть уменьшающія число работающихъ, во многонародномъ государствѣ будутъ вредны“ (ст. 314). „Однако, замѣчается далѣе, надлежитъ различать то,

что дѣлается для своего государства, отъ того, что (производится) для вывоза въ чужія краи“ (ст. 315).

Эта забота о „многолюдствѣ“ государствъ, лежавшая въ основѣ системы народнаго хозяйства у всѣхъ экономистовъ XVIII вѣка, очень сильна и у Екатерины. Здѣсь она цѣликомъ и безъ колебаній примыкаетъ къ тѣмъ взглядамъ, которые высказывали въ XVII в.—Секкендорфъ, Конригъ, Локкъ, Петти, въ XVIII в.—Монтескье, Руссо и физіократы. Въ этомъ основномъ вопросѣ тогдашней экономіи и статистики Екатерина разобралась основательно. Особая, XII-ая, глава Наказа спеціально посвящена вопросу „о размноженіи народа въ государствѣ“. Согласно господствовавшему взгляду, заботы объ увеличеніи народонаселенія признавались важнѣйшею задачею государства, которое принимало всѣ мѣры для поощренія размноженія, сохраненія дѣтей и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно сознавалось, что размноженіе населенія стоитъ въ тѣсной связи съ формою производства: „страны луговыя, и къ скотоводству способныя, обыкновенно мало имѣютъ народа потому, что мало людей находятъ себѣ тамо упражненіе; пахотныя же земли большее число людей въ упражненіи содержать и имѣютъ“ (ст. 273). Въ этомъ замѣчаніи Екатерина на столѣтіе опередила ученіе Левассера и мысли Дорринга по вопросу о соотношеніи народонаселенія съ формою производства.

III.

Вольное Экономическое Общество.—Программа фонъ-Клингштета.—Премія и тема Екатерины.—А. Т. Болотовъ.—Англійская система.—Переводы Боудена, Шубарта фонъ-Кеефельда, Рогенбука и др.—Шубартовская система. Шубартъ, Бланкеннагель, Рознотовскій.—Система Полтарацкаго.—Ливановъ и Левшинъ [1]).

Весною 1764 года были первыя засѣданія новаго Вольнаго Экономическаго Общества, и вышла первая часть его „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества къ поощренію въ Россіи земледѣлія и домостроительства“.

---

[1]) Bielfeld переведенъ на рус. языкъ кн. Шаховскимъ и Багровымъ въ 1768—1775 г. Iusti переведенъ на рус. языкъ Богословскимъ, 1772—1778 г. Sonnenfels, переведенъ на рус. языкъ Гавриловымъ, 1787 г.

„При неусыпномъ стараніи всѣхъ просвѣщенныхъ въ Европѣ народовъ о приведеніи себя поправленіемъ земледѣлія въ лучшее состояніе, что можетъ быть,—спрашивается въ „предувѣдомленіи“ перваго тома Трудовъ,—нужнѣе и полезнѣе, какъ къ таковой же ревности побудить любезныхъ согражданъ нашихъ?“ И, не видя ничего иного болѣе полезнаго, редакція Трудовъ развиваетъ цѣлый планъ „къ ревности побужденія“. Она ставитъ себѣ цѣлью „всѣ полезныя и новыя земледѣлія и экономіи, чужестранными народами понынѣ изобрѣтенныя и опытами уже извѣданныя матеріи, прилежно сообщать любезнымъ своимъ согражданамъ“, затѣмъ, производить „собственные опыты“ и „объ успѣхахъ ихъ народъ увѣдомлять“ и, наконецъ, „подробно узнать внутреннее состояніе здѣшнихъ провинцій, открыть ихъ недостатки и изыскать полезныя къ отвращенію тѣхъ недостатковъ средства“. Послѣдняя задача приводила къ экономической анкетѣ и къ системѣ заданія темъ на премію, которыя были вскорѣ введены въ нашъ обиходъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ.

И первая тема и способъ установки преміи были очень характерны для всей эпохи. „Неизвѣстная особа“ прислала 1 ноября 1766 г. въ Вольное Экономическое Общество заявленіе „черезъ подъячаго ямской канцеляріи отъ секретаря Языкова“, что ею объявляется конкурсная тема: „въ чемъ должна состоять собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости, и какое онъ право на то или на другое для пользы общенародной имѣетъ“.

Къ заявленію была приложена тысяча червонцевъ. Общество не особенно охотно пошло на встрѣчу желанію „неизвѣстной особы“ и когда въ его канцелярію поступило до 160 отвѣтовъ на разныхъ языкахъ, оно не нашло возможнымъ ни печатать болѣе радикальные изъ нихъ, ни перевести на русскій языкъ такъ и напечатанную по-французски работу Барбье де л'Абейля, получившаго первую премію. Въ архивѣ Общества и до сихъ поръ хранится въ рукописи главная масса поступившихъ отвѣтовъ.

Не болѣе практичны были и результаты первой анкеты.

Программа этого перваго русскаго экономическаго обслѣдова-

*

нія была составлена членомъ-основателемъ Общества Т. фонъ-Клингштетомъ и носила названіе: „Экономическіе вопросы, касающіеся до земледѣлія по разности провинцій“. На нее послѣдовали многочисленные отвѣты, иногда блестяще характеризовавшіе отдѣльныя провинціи. Часть этихъ описаній провинцій была напечатана, а часть и до сихъ поръ хранится въ рукописяхъ въ забытомъ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества. И какъ мы смогли лично убѣдиться изъ дѣлъ послѣдняго, шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы XVIII в. были временемъ большого оживленія въ дѣлѣ европеизаціи многихъ сельскихъ хозяйствъ. Мы приводимъ далѣе свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ писателей и произведеній, выступившихъ въ это время и положившихъ начало развитію русской агрономической литературы и тѣсно связанной съ нею литературы по экономіи сельскаго хозяйства.

Первымъ нашимъ писателемъ по вопросамъ сельско-хозяйственной экономіи былъ Андрей Тимофеевичъ Болотовъ (7 окт. 1738 г.—7 окт. 1833 г.). Изъ его знаменитыхъ записокъ („Записки Болотова“) [1]) видно, какое дѣятельное участіе принялъ онъ въ трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества, послѣ того какъ первый томъ работъ этого Общества попалъ къ нему въ деревню. Замѣчательную статью Болотова „О раздѣленіи полей“ [2]), гдѣ онъ возстаетъ противъ рутиннаго трехполья и рекомендуетъ модную въ его дни мекленбургскую семипольную систему сѣвооборота, можно считать первымъ русскимъ оригинальнымъ разслѣдованіемъ по сельско-хозяйственной экономіи.

Въ 1778 и 1779 гг. Вольное Экономическое Общество кромѣ „Трудовъ“ издавало еще „Сельскій Житель“,—первую русскую земледѣльческую газету, въ которой Болотовъ являлся единственнымъ сотрудникомъ. Послѣ закрытія „Сельскаго Жителя“ Болотовъ, по приглашенію знаменитаго Новикова, издававшаго тогда „Московскія Вѣдомости“, продолжалъ свое дѣло въ приложеніи

---

1) „Записки А. Т. Болотова“, 3 т. Приложеніе къ „Русской Старинѣ“ 1870 г. 3-е изд. Спб., 1875 г.

2) Болотовъ, А. Т.: О раздѣленіи полей. Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества за 1771 годъ, часть XVII, стр. 186.

къ вѣдомостямъ, называвшемся „Экономическій магазинъ“ и издававшемся съ 1780 по 1790 г. Позднѣе Болотовъ сотрудничалъ въ журналѣ Московскаго Общества сельскаго хозяйства.

Болотовъ получилъ разностороннее, а также и свое естественнонаучное и сельско-хозяйственное образованіе за границею. „Пребываніе Болотова за границею,—говоритъ К. Вернеръ,—совпало съ началомъ того стремленія къ улучшенію сельскаго хозяйства, которое во второй половинѣ XVIII вѣка охватило всю Западную Европу. Артуръ Юнгъ въ это время еще не появлялся, и наибольшимъ кредитомъ тогда пользовалась выгонная система полеводства, дававшая прекрасные результаты въ Голштиніи и, по словамъ Маршаля, утроившая доходность земли въ Іоркширѣ. Въ первой четверти XVIII вѣка передовые хозяева Мекленбурга и Западной Пруссіи начали уже заводить эту систему въ своихъ имѣніяхъ, но ихъ попытки были встрѣчены правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ крайне несочувственно. Агрономическія улучшенія нерѣдко идутъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянства и мелкихъ арендаторовъ; такъ оно было въ Англіи, гдѣ лэндлорды принялись за „огораживаніе“ земель, такъ оно было и въ Мекленбургѣ, гдѣ помѣщики начали сгонять мелкихъ арендаторовъ, чтобы присоединить ихъ земли къ владѣльческой запашкѣ. Мекленбургскій герцогъ вступился за крестьянъ, помѣщики, по словамъ Теэра, принуждены были дѣйствовать скрытно, „публично опорачивая“ новую систему полеводства. Но послѣ семилѣтней войны обстоятельства рѣзко измѣнились: война разорила крестьянъ и мелкихъ арендаторовъ, вслѣдствіе чего у многихъ помѣщиковъ на рукахъ осталось много земли, съ которою они не знали, что дѣлать. Тогда-то открыто заговорили о преимуществахъ мекленбургской системы полеводства.

„Вдругъ начали замѣчать,—говоритъ Теэръ,—что многія помѣстья, весьма истощенныя трехпольнымъ сѣвооборотомъ, и въ коихъ годъ отъ году убавлялось количество навоза и запашки, посредствомъ вновь принятой системы весьма поправились и начали доставлять гораздо большіе урожаи“. „Выгоды, получаемыя отъ сего рода хозяйства,—продолжаетъ Теэръ,—столь были очевидны, что начали эту систему почитать совершеннѣйшею изъ

всѣхъ возможныхъ, и помѣщики тѣхъ странъ поспѣшили воспользоваться правами своими надъ поселянами, чтобы соединить всѣ свои пахотныя земли и раздѣлить ихъ на клины. Съ сего-то времени начали только познавать истинную цѣнность земли".

Весь этотъ процессъ происходилъ почти на глазахъ молодого Болотова. Поселившись въ деревнѣ, онъ продолжалъ слѣдить за нимъ по газетамъ и сельско-хозяйственнымъ сочиненіямъ. Изучая „экономическія сочиненія", авторъ, по его собственнымъ словамъ, всегда останавливалъ свое вниманіе на раздѣленіи полей и разнообразныхъ способахъ пользованія землею. „Признаюсь,—говоритъ онъ,—что сначала всѣ эти способы казались мнѣ непримѣнимыми къ русскому хозяйству, но когда я внимательно ихъ разсмотрѣлъ и изслѣдовалъ всѣ причины, мѣшавшія примѣненію ихъ у насъ, то пришелъ къ иному заключенію" [1]).

Результатомъ всѣхъ приведенныхъ выше мыслей и сомнѣній явилась выше названная статья Болотова „О раздѣленіи полей". Изложенныя здѣсь идеи онъ вскорѣ имѣлъ случай примѣнить и на практикѣ въ одномъ казенномъ имѣніи Московской губерніи, но опыты его, по обстоятельствамъ, отъ него не зависѣвшимъ, дальше выработки плана и первыхъ шаговъ не пошли. Онъ не забылъ своей системы и въ послѣдующіе годы въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ. Здѣсь же онъ впервые проповѣдовалъ о необходимости введенія у насъ травосѣянія и о раціональномъ садоводствѣ [2]).

Почти единовременно съ появленіемъ статей Болотова началась серія переводовъ на русскій языкъ иностранныхъ агрономи-

---

[1]) Вернеръ, К. А. „Текстъ къ собранію портретовъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства". Отдѣльныя оттиски изъ журнала „Вѣстникъ Сельскаго Хозяйства". Москва, 1902 г.

[2]) Результатомъ пятидесятилѣтнихъ занятій Болотова по садоводству былъ его обширный трудъ по русской помологіи: „Изобрѣтеніе и описаніе разныхъ породъ яблоковъ и грушъ, родящихся въ Дворенинскихъ, а отчасти въ другихъ садахъ". Значеніе этой работы ясно уже изъ того, что даже въ 1861 году она была переиздана въ „Журналѣ Садоводства" (К. Вернеръ, loc. cit., стр. 15).

ческихъ сочиненій, и вмѣстѣ съ тѣмъ начинается у насъ проповѣдь англійской („англинской“) системы хозяйства.

Первымъ былъ переведенъ трудъ англичанина Томаса Боудена: „Наставникъ земледѣльческій“, вышедшій въ Москвѣ, въ 1780 году, въ переводѣ профессора Десницкаго [1]). Выборъ страны и книги свидѣтельствуетъ о симпатіяхъ тогдашнихъ людей науки къ Англіи; впрочемъ, Десницкій являлся англоманомъ и въ силу своего обученія въ этой странѣ.

Въ своемъ предисловіи къ книгѣ Боудена, Десницкій, восхваливъ „Земледѣльческое художество“, рекомендуетъ соотечественникамъ полное усвоеніе какъ общей постановки, такъ и системы сельско-хозяйственной культуры въ Англіи.

„Въ Англіи,—говоритъ переводчикъ,—никакихъ препятствій политическихъ земледѣлію теперь нѣтъ, и обработываемая тамъ земля повсемѣстно отдана въ торгъ, такъ что всякій желающій можетъ имѣть оную безпрепятственно; отъ чего вся Великобританія сдѣлалась повсемѣстнымъ почти пахотнымъ полемъ“, при этомъ цвѣтущее положеніе земледѣлія не зависитъ отъ „приставовъ и приказчиковъ“, которыхъ такъ цѣнятъ въ Россіи. Для Россіи,—по мнѣнію Десницкаго,—только тогда можно ожидать такого же успѣха, когда „сами помѣщики предварительно по содержащемуся въ сей книгѣ способу не учинятъ опытовъ сперва на своихъ боярскихъ земляхъ“, а потомъ уже на крестьянскихъ. Съ этою цѣлью Десницкій рекомендуетъ выписать всѣ необходимыя для земледѣлія орудія изъ Англіи, а также и „Фермера Ан-

---

1) Полное заглавіе этой книги слѣдующее: Томасъ Боуденъ Наставникъ земледѣльческій или краткое англинскаго хлѣбопашества показаніе. Въ пріуготовленіи земли новымъ способомъ подъ хлѣбъ, въ посѣвѣ, и удобреніе разнаго хлѣба разнымъ образомъ, въ поправленіи сѣнокосныхъ травъ, съ описаніемъ различныхъ ихъ питательныхъ свойствъ для скота, въ содержаніи луговъ и пастьъ по новому употребленію пахотныя земли подъ сѣно, со многими къ тому принадлежащими начертанными орудіями и поправленіями, каковыми вся сія книжка наполнена и издана на англійскомъ языкѣ Томасомъ Боуденомъ славнымъ землевладѣльцемъ въ провинціи Кентъ, а переведена на россійской языкъ и притомъ изъ наилучшихъ Англійскихъ земледѣлій писателей пріумножена и пополнена профессоромъ Семеномъ Десницкимъ Въ Москвѣ, въ университетской типографіи, у Н. Новикова, 1780 г.

глійскаго, коему отдать желаемое число десятинъ земли въ кортому на семь или на девятнадцать лѣтъ, какъ то водится въ Англіи, дать и учениковъ для наученія симъ способомъ производимому хлѣбопашеству Англѣскому". Менѣе состоятельнымъ хозяевамъ Десницкій совѣтуетъ прямо слѣдовать указаніямъ переведенной имъ книги Боудена.

Въ слѣдующемъ, 1781 году появляется уже и русское оригинальное сочиненіе, рекомендующее „любезнымъ соотечественникамъ" ту же англійскую систему. Это небольшая книжка Андрея Симборскаго: „Описаніе практическаго англинскаго земледѣлія" [1]). Книжка Симборскаго выходила изъ того же кружка лицъ, что и предыдущая: редакція Десницкаго, типографія Новикова.

Симборскій не совсѣмъ основательно указалъ на англійскихъ писателей, какъ на источники своихъ свѣдѣній: онъ ссылается на всѣхъ еще въ средніе вѣка любимыхъ агрономическихъ писателей, какъ Колумелла или Плиній; среди же англичанъ руководителями автора являются Гомъ, Арботномъ и, главнымъ образомъ, Артуръ Юнгъ; попадаются ссылки на Линнея и „Лорда Бакона".

Въ книжкѣ разсматриваются „общія примѣчанія о земляхъ" которыя различаются по влажности, крѣпости и другимъ внѣшнимъ признакамъ. За отсутствіемъ свѣдѣній по агрономической химіи, тогда еще только зарождавшейся, „неложные знаки качества земли" узнавали по „естественнымъ произрастѣніямъ, напр. Тиміанъ или Чеберъ показываютъ хорошую землю для корма скотины, Буковица и Земляника означаютъ землю угодную для лѣсовъ, Ромашка родится на рыхлой землѣ и т. д." (стр. 11). Разобравъ черноземъ, суглинокъ, глинистую, „хрящеватую", песчаную, мѣловатую, авторъ переходитъ къ доказательствамъ необходимости перемѣны растеній въ полѣ, что по его мнѣнію вызывается разнымъ

---

1) Полное ея заглавіе: Описаніе практическаго англинскаго земледѣлія. Собранное изъ разныхъ Англинскихъ Писателей Андреемъ Афанасьевичемъ г. Симбирскимъ, протоіереемъ, находящимся при Россійскомъ посольствѣ въ Лондонѣ; изданное подъ смотрѣніемъ г. Профессора Семена Десницкаго, въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, у Н. Новикова, 1781 г.

строеньемъ ихъ корней. Затѣмъ рекомендуется удобреніе (навозъ, мергель и зола) и разбираются культуры отдѣльныхъ хлѣбовъ.

Итакъ, первою системою полеводства, у насъ пропагандируемою, была система „англійскаго“ хозяйства. Десницкій, Симборскій, Комовъ, Ливановъ, Бакунинъ и другіе наши агрономы очень увлекались этою системою, которая была введена въ рядѣ крупныхъ помѣстій. Она являлась системою безъ обязательнаго сѣвооборота, но покоилась на одномъ правилѣ, а именно, чтобы при всѣхъ комбинаціяхъ, которыя могли прійти въ голову изобрѣтательному хозяину, злаки чередовались съ корнеплодами. Наименованіе „англійскимъ“ укрѣпилъ за этою системою Вернеръ, ссылаясь на такое же наименованіе его старыми агрономами [1]).

Послѣ Боудена у насъ переводился и рекомендовался нѣмецкій агрономъ Шубартъ фонъ-Клеефельдъ, прославившійся введеніемъ въ сѣвооборотъ клевера, за что онъ былъ возведенъ въ дворянское достоинство. Это была уже иная, не „англинская“, а „Шубартова“ или, какъ ее часто тогда называли, „Коппельная“ система земледѣлія.

Съ появленіемъ въ русскомъ переводѣ книги Шубарта и Россія стала мѣстомъ столь же шумной, хотя и весьма кратковременной пропаганды идей этого агронома. „Славный Шубартъ“, „рыцарь клевера“, — нашелъ у насъ цѣлый рядъ поклонниковъ среди которыхъ выдѣляется извѣстный дѣятель того времени генералъ Егоръ Ивановичъ Бланкеннагель, кстати сказать и піонеръ русскаго сахарнаго дѣла. Бланкеннагель въ началѣ 90-хъ годовъ побывалъ въ саксонскихъ имѣніяхъ Шубарта,—въ мѣстѣ паломничества всѣхъ тогдашнихъ прогрессивныхъ хозяевъ,—и пе-

---

1) „Такое названіе прямо соотвѣтствуетъ сути дѣла,—хозяйства этого типа были настоящими копіями съ англійскихъ и шотландскихъ фермъ. Во главѣ хозяйства обыкновенно стоялъ англичанинъ, часто называющійся „фермеромъ“; коренныя улучшенія почвы производились англійскими рабочими; на поляхъ работалъ инвентарь, либо выписанный изъ Англіи, либо построенный по англійскимъ образцамъ; скотъ былъ англійскій. Въ с. Вороновѣ (Подольскаго уѣзда, Московской губерніи) возвышался даже обелискъ, поставленный въ честь Артура Юнга, а сынъ послѣдняго въ 1807 году объѣзжалъ лучшія хозяйства для собиранія хозяйственныхъ и статистическихъ свѣдѣній. Словомъ, все здѣсь напоминало Англію“. (Вернеръ, ibid. стр. 33).

ренесъ систему Шубарта въ Россію гдѣ примѣнялъ ее не только къ своему, но и къ крестьянскому хозяйству.

Труды Шубарта были, по свидѣтельству современниковъ, настольною книгою каждаго нѣмецкаго агронома, а его русскій адептъ, Бланкеннагель, скоро заслужилъ тоже уваженіе среди своихъ соотечественниковъ. „Наши старые агрономы очень цѣнили Бланкеннагеля. О немъ съ большимъ почтеніемъ упоминаютъ Рознотовскій и Захаровъ“ (Вернеръ, стр. 17). Рознотовскій въ своей книгѣ „Новое земледѣлье“ называетъ Бланкеннагеля піонеромъ Шубартовской системы въ Россіи. За нимъ шелъ цѣлый рядъ подражателей (Ярославовъ, Поляковъ, Рознотовскій, Всеволжскій, Борисовъ, Угрюмовъ, Захаровъ и др.). Хозяйство самого Бланкеннагеля было описано въ брошюрѣ Захарова: „Усадьбы или новый способъ селить крестьянъ и собирать съ нихъ помѣщичій доходъ“. (С.-Петербургъ, 1801).

Въ Россіи „шубартовская система“, т. е. его сѣвообороты, продержалась недолго. „Они,—говоритъ К. Вернеръ,—вывелись подъ вліяніемъ тѣхъ же соображеній, какъ и въ Германіи: съ одной стороны, новое ученіе о плодосмѣнѣ не допускало слѣдованія двухъ колосовыхъ хлѣбовъ другъ за другомъ, а съ другой—клеверомъ стали пользоваться не одинъ, а два года“ (стр. 25). Вообще же, по всей вѣроятности, сѣвообороты Шубарта не удержались въ силу появленія такъ называемаго „клевероутомленія“, т. е. полнаго истощенія почвы клеверомъ.

Необходимо упомянуть и о другомъ апологетѣ Шубарта, его переводчикѣ Рознотовскомъ, который издалъ въ 1794 году въ Москвѣ книгу „Новое земледѣліе“ [1]).

„Нѣтъ истины“, говоритъ Рознотовскій „любезнымъ соотчичамъ“,—„столь доказанной ученѣйшими мужами, какъ сія, что земледѣліе есть самый изобильнѣйшій и существеннѣйшій источникъ государственнаго и частнаго хозяйства“. Вообще же Рознотовскій ратуетъ за новое земледѣліе, болѣе интенсивное, основанное

1) Андрей Рознотовскій, московской придворной экспедиціи членъ: Новое земледѣліе, основанное на правилахъ тайнаго совѣтника Іоанна Христіана Шубарта фонъ-Клеефельда, изданныхъ на нѣмецкомъ языкѣ въ Лейпцигѣ 1786 года третьимъ тисненіемъ. Москва (университетская типографія), 1794 г.

на удобреніи и содержаніи скота въ стойлѣ и введеніи травосѣянія на пустовавшемъ ранѣе парѣ.

Помѣщикъ Дмитрій Марковичъ Полтарацкій пытался ввести у насъ еще и третью систему—„сѣворальную“ или „рядо-полосную“. Она заключалась въ примѣненіи машиннаго посѣва, причемъ самая машина соединяется съ плугомъ. Рядовая сѣялка, изобрѣтенная англійскимъ агрономомъ Кукомъ, могла примѣняться и для злаковъ и для корнеплодовъ. Но его идеи оказались практически неосуществимыми. Таковы всѣ три первыхъ нашихъ направленія въ агрономіи. Но ими литература не исчерпывалась. Такъ, передъ Шубартомъ фонъ-Клеефельдъ переводился Герцель, а послѣ Рогенбукъ [1]). Книжка послѣдняго—совершенно безцвѣтное произведеніе, нѣчто вродѣ краткаго и элементарнаго учебника.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка выступаютъ и еще два болѣе раннихъ русскихъ писателя—Ливановъ и Левшинъ.

Михаилъ Ливановъ въ своей книгѣ, вышедшей въ 1799 году и посвященной Потемкину [2]), совѣтуетъ слѣдующіе пріемы полеводства. „Раздробляй землю и приводи частицы оной до такой степени мѣлкости, чтобы растѣніи корни между оными могли свободно разширяться и доставать себѣ питательныя соки“. Любопытно его опредѣленіе земли: „земля въ общемъ разумѣніи есть такое существо, которое въ водѣ распускается и мягчится такъ, что оное можно мѣсить какъ тѣсто“. Ливановъ, помимо механической обработки („раздробляй землю“ и пр.), рекомендуетъ также удобренія ея. Въ кругъ рекомендуемыхъ имъ удобреній входятъ: навозъ, „мѣловая глина“, известь и „всѣ роды солей“ (?).

Много болѣе плодовитымъ писателемъ, чѣмъ Ливановъ, былъ Василій Левшинъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ агрономическихъ сочиненій, изъ нихъ нѣкоторыя — громадныя по своимъ

---

[1]) Федоръ Рогенбургъ: „Руководство къ земледѣлію или главнѣйшія правила сельскаго хозяйства“. Спб., 1792 г. Оно мало чѣмъ разнится отъ другого болѣе ранняго, но отечественнаго произведенія: „О земледѣліи, писано Иваномъ Комовымъ, кол. асессоромъ, Московскаго Директора Экономіи Помощника, земледѣлія и другихъ наукъ профессора и пр.“. Москва (тип. Пономарева), 1788 г.

[2]) Ливановъ, М., проф. земледѣлія: „О земледѣліи, скотоводствѣ и птицеводствѣ“, въ Николаевѣ, 1799 г.

размѣрамъ. 1. „Словарь ручной натуральной исторіи“. Москва, 1788 г. 2. „Садоводство полное“. Москва, 1806 г. 3. „Полное наставленіе, на гидростатическихъ правилахъ основанное, о строеніи мельницъ каждаго рода: водяныхъ, также вѣтромъ, горячими парами, скотскими и человѣческими силами, въ дѣйствіе приводимыхъ, по которому каждый хозяинъ можетъ то производить. Со многими рисунками въ шести частяхъ состоящее, переведено съ нѣмецкаго языка, съ приложеніемъ особливаго прибавленія о разныхъ новыхъ изобрѣтеніяхъ и прочихъ полезностяхъ въ хозяйствѣ“. 6 т. Москва (унив. типогр.). 1810—1811. 4. „Книга для охотниковъ до звѣриной и птичей ловли“. Москва. 1814 г. 5. „Русская поварня“. Москва, 1816 г. 6. „Карманная книга для скотоводства“. Москва. 1817 г. 7. „Огородникъ, удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ до сего относящимся“. Москва. 1817 г. 8. „Цвѣтоводство подробное или русская флора“. 2 ч. Москва. 1826 г. и друг.

Всѣ работы Левшина — простыя, безъидейныя компиляціи, подходящія къ типу тѣхъ руководствъ, которыми и до сихъ поръ снабжаетъ Никольская хозяевъ „практиковъ“ нашихъ глухихъ медвѣжихъ угловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на „трудахъ“ Левшина видно, что въ первыя два десятилѣтія XIX столѣтія интересъ къ сельскому хозяйству отошелъ на второй планъ, уступивъ мѣсто другимъ симпатіямъ и задачамъ.

Кромѣ теоретиковъ въ эту же эпоху стали извѣстными и нѣкоторые сельскіе хозяева практики. Таковъ уже упомянутый Бланкеннагель. Затѣмъ въ началѣ столѣтія обращаютъ на себя вниманіе агрономы: англичанинъ Роджерсъ, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и проф. Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій [1]).

Но вернемся еще на минуту къ концу XVIII вѣка.

Параллельно съ научными изданіями тогда же началась работа по популяризаціи сельско-хозяйственныхъ знаній. Эта популяризація производилась въ духѣ того времени съ образнымъ морализированіемъ, съ нравоучительными діалогами между добродѣ-

[1]) О нихъ у К. Вернера: „Текстъ къ собранію портретовъ“ М. 1902 г.

тельными Правдиными, Мудромысловыми и Кривдиными, Обмановыми, Свиньиными и проч. Такова въ фонвизинскомъ духѣ книга „Деревенское Зеркало или общенародная книга, сочиненная не столько, чтобы ее читать, но по ней исполнять“ [1]).

Въ „Деревенскомъ Зеркалѣ“ добродѣтельный помѣщикъ Честанъ подробно наставляетъ своихъ крестьянъ во всѣхъ необходимыхъ имъ предметахъ. Книжки подобнаго рода, очевидно, имѣли успѣхъ, такъ какъ въ спискѣ именъ „особъ подписавшихся на эту книгу“ я нашелъ требованіе свыше 225 экземпляровъ, т. е. на количество значительное для того времени.

Итакъ, послѣдняя четверть XVIII вѣка является у насъ начальнымъ временемъ развитія какъ спеціальныхъ агрономическихъ свѣдѣній, такъ и пробужденія интереса къ тѣмъ общимъ вопросамъ, которые входятъ въ область начинавшей зарождаться въ Россіи экономіи сельскаго хозяйства. Послѣдующее Александровское царствованіе мало подвинуло начатое при Екатеринѣ. Писатели, какъ Левшинъ, не шли дальше практической рецептуры и страдали полнымъ отсутствіемъ общихъ мыслей, синтеза и общихъ горизонтовъ.

Къ тому же, появленіе смитіанства (см. слѣдующая статья: „Появленіе ученія Адама Смита“) на нѣкоторое время оттѣснило интересъ къ вопросамъ земледѣлія и сельско-хозяйственной экономіи. Этотъ интересъ проснулся нѣсколько позднѣе, въ Москвѣ, гдѣ вокругъ основавшагося въ 1818 году Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства сгруппировался рядъ талантливыхъ писателей и дѣятелей, какъ Масловъ, Павловъ, Шелеховъ и др.

---

[1]) Изданію Вольнаго Экономическаго Общества, Спб., 1798 г. Это извлеченіе изъ большого рукописнаго труда, хранящагося, какъ мы убѣдились, и понынѣ въ архивѣ Вольнаго Экономическаго Общества и представленнаго въ свое время на премію. Какъ рукопись, такъ и напечатанная подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ ея часть снабжены наивными рисунками съ подписанными подъ ними нравоучительными стихами.

IV.

Московское Общество Сельскаго Хозяйства. — Развитіе изученія сельскаго-хозяйства въ Россіи.

Дѣятельность Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства въ связи съ появленіемъ въ русскомъ переводѣ знаменитой книги отца агрономической науки Теэра отдѣляетъ первый, такъ печально кончившійся періодъ пробужденія интереса къ сельской экономіи отъ новой эпохи, когда свѣтъ науки и болѣе раціональная культура проникаютъ въ сельскую Россію. Вмѣсто маниловщины и узкой прописной морали „Деревенскаго Зерцала“, вмѣсто совѣтовъ слѣпо подражать Англіи и удобрять землю „всѣми солями“, появляется осмысленное знаніе научныхъ основъ земледѣлія и практическое примѣненіе ихъ на родной нивѣ. Правда, „новое“ еще рядъ долгихъ лѣтъ будетъ достояніемъ „верхнихъ десяти тысячъ“, но все же одна изъ труднѣйшихъ задачъ будетъ сдѣлана: добыто знаніе. И отнынѣ вопросъ уже сводится не къ тому, *что* именно нужно сдѣлать, а къ тому, *какъ* сдѣлать для массъ доступнымъ всѣ тѣ пріобрѣтенія, которыя уже давно являются достояніемъ привилегированныхъ культурныхъ одиночекъ.

Московское Общество Сельскаго Хозяйства, придерживаясь теоретическихъ взглядовъ московскихъ профессоровъ университета, само должно было, въ противовѣсъ Петербургскому, развить исключительно практическую дѣятельность. Вотъ что писалъ по этому поводу въ первомъ № журнала Общества „*Земледѣльческій Журналъ*“ (1818 г., стр. 158—159): „Великая Екатерина, вскорѣ по вступленіи своемъ на Престолъ, обратила особенное вниманіе на улучшеніе въ Государствѣ земледѣлія и 1765 года учредила въ С.-Петербургѣ Вольное Экономическое Общество, снабдившее Россію хорошими объ удобреніи и обработаніи полей сочиненіями. Поощряемые наградою золотыхъ медалей, ученые удачно рѣшили многія хозяйственныя задачи, но диссертаціи никакъ не могли сочетать теоріи съ практикою. Давно надлежало завести земледѣльческую школу съ практическою фермою—и сіе-то исполняется во дни наши подъ покрови-

тельствомъ благодѣтельнаго Монарха Александра I. Добровольно составившемуся въ Москвѣ Обществу Сельскаго Хозяйства Онъ дарствуетъ на первоначальныя издержки значительную сумму денегъ и нѣсколько десятинъ земли близъ столицы, для образцоваго заведенія въ семъ родѣ. Все, издаваемое нынѣ въ свѣтъ симъ Обществомъ, будетъ, такъ сказать, въ очахъ совершаться для жителей Москвы. Близкое къ ней устроеніе опытнаго хутора привлечетъ туда любопытныхъ и будетъ занимательною прогулкою для тѣхъ, которые пожелаютъ свѣрить, печатаемыя въ семъ Журналѣ, открытія и наставленія съ самыми произведеніями природы".

Появленію знаменитой и, какъ говорятъ спеціалисты, не утратившей и до сихъ поръ своего значенія книги Теэра русская сельско-хозяйственная экономія обязана С. А. Маслову [1]). Онъ перевелъ знаменитый многотомный трудъ Теэра: „Объ основаніяхъ раціональнаго сельскаго хозяйства" (М., 1830), который М. Н. Муравьевъ снабдилъ обширными примѣчаніями. Руководство это долго было единственною настольною книгою передовыхъ сельскихъ хозяевъ.

Въ эту эпоху прогрессомъ сельскаго хозяйства признавались: переходъ къ травосѣянію, искусственному удобренію, плодосмѣнной системѣ, къ изученію своей почвы и флоры.

Переходъ отъ трехполья къ плодоперемѣнному полеводству сталъ мечтою всѣхъ прогрессивныхъ сельскихъ хозяевъ. Въ посвященной этому вопросу книгѣ Людвига Фишера, вышедшей въ 1823 году [2]) и одобренной авторитетнымъ „Земледѣльческимъ Журналомъ" [3]), приводился рядъ образныхъ примѣровъ и указывались практическіе пріемы для этого перехода.

---

[1]) Дѣятельность Маслова не ограничилась переводомъ Теэра,—хотя и это одно уже было, особенно по тому времени, большою заслугою,— онъ много писалъ въ „Земледѣльческомъ Журналѣ", гдѣ излагалъ научные пріемы особенно отсталой у насъ сельско-хозяйственной техники.

[2]) Людвигъ Фишеръ: „Начертаніе руководства къ плодоперемѣнному хозяйству, съ показаніемъ примѣра перехода къ оному отъ трехпольнаго, переводъ съ нѣмецкаго". Москва. Типографія Селивановскаго. 2 ч. 1823 г.

[3]) „Земледѣльческій Журналъ", кн. VII за 1823 г., стр. 123.

Но раціональная постановка земледѣлія, какъ извѣстно, немыслима безъ естественно-научной основы. Много нужно было пережить нашей агрономіи, пока она дошла и осуществила это положеніе; впрочемъ, горячо написанная небольшая статья - докладъ Михаила Павлова: „О теоріи и практикѣ въ сельскомъ хозяйствѣ“ [1]), даетъ цѣнное указаніе на высоту пониманія въ началѣ 20-хъ годовъ затронутаго вопроса. Въ такъ назыв. „практикѣ“ Павловъ видитъ только рутинное повтореніе, изъ года въ годъ, „черезъ цѣлыя столѣтія и безъ малѣйшаго разсужденія [2]), тѣхъ же самыхъ пріемовъ, а слѣдовательно, „безъ всякаго помышленія объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства“. Между тѣмъ, „къ совершенствованію сельскаго хозяйства приступить съ успѣхомъ можетъ только тотъ, кто имѣетъ понятіе о началахъ, на коихъ производства онаго основываются“ [3]). „Познаніе сихъ началъ и показаніе, какъ симъ знаніемъ пользоваться, и есть теорія. Приведеніе теоріи въ дѣйствіе есть практика“ [4]).

„И такъ, если подъ именемъ теоріи разумѣть не игру воображенія, не мечтательность такъ наз. прожектеровъ, не все то, что говорится и пишется безъ должной основательности; но знаніе дѣла въ отношеніи къ началамъ, по коимъ ходъ онаго направляется, а подъ словами: практика, разумѣется не все то, что дѣлается безъ понятія о семъ дѣлѣ, но приведеніе теоріи въ дѣйствіе: то предложенный вопросъ: что болѣе способствуетъ успѣхамъ сельскаго хозяйства,—теорія или практика? — хотя и кажется нѣкоторымъ нерѣшеннымъ, не основателенъ“ [5]). „Теорія отъ практики, говоритъ далѣе Павловъ, принявъ сіи слова въ настоящемъ ихъ значеніи,—никакъ отдѣлить нельзя; одна неминуемо предполагаетъ другую; практика есть теорія въ дѣйствіи, а теорія есть практика въ мысли“ [6]). Ссылаясь на примѣръ Запада и восхваляя „нѣкоторыхъ изъ именъ, внесенныхъ

1) Земледѣльческій Журналъ, издаваемый Императорскимъ Московскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства. № VII. Москва, 1823 г.
2) Тамъ же, стр. 45.
3) Тамъ же, стр. 47.
4) Тамъ же, стр. 47.
5) Тамъ же, стр. 47.
6) Тамъ же, стр. 48.

для безсмертія въ исторію сельскаго хозяйства“ (труды Оливье де Серръ, Розье, Парматье, Артура Юнга, Кука, Шубарта, Теэра, Фелленберга), Павловъ заканчиваетъ свою статью указаніемъ, что „успѣхи сельскаго хозяйства приписываются (на Западѣ) не работникамъ, а людямъ высшей образованности, которые свѣдѣнія свои въ естественныхъ наукахъ старались приноровить къ земледѣлію“ [1]).

Тотъ же Павловъ въ статьѣ: „О побудительныхъ причинахъ совершенствовать сельское хозяйство въ Россіи“ („Земледѣльческій Журналъ“ за 1823 г., кн. VIII) горячо отстаиваетъ преимущества сельско-хозяйственной промышленности передъ другими отраслями народнаго хозяйства, мотивируя тѣмъ, что сельское хозяйство „превосходитъ всѣ средства, служащія къ составленію богатства“, и что „имущества искусственныя получаются уже изъ естественныхъ“, т. е. первичныхъ.

Но „сельское хозяйство находится еще въ младенчествѣ“ и какъ поднять его на надлежащую высоту?

„Мечтатели,—говоритъ Павловъ,—поставляютъ высоту оной въ томъ, чтобы и послѣдній изъ простолюдиновъ разсуждалъ о политикѣ“, но „ужасныя событія, за образованностью сего рода въ новѣйшія времена послѣдовавшія, ясно показываютъ неестественность оной“, поэтому образованіе простолюдину „должно состоять въ надлежащемъ разумѣніи дѣла своего званія“, т. е. сельско-хозяйственное образованіе. Послѣднее же цѣликомъ покоится на „естествовѣдѣніи“. Изъ практическихъ мѣръ Павловъ рекомендуетъ „землеудобреніе и плодопеременіе“. Другой авторъ прибавилъ къ этому „уничтоженіе неразмежованныхъ и черезполосныхъ владѣній“ и осушеніе и орошеніе почвы (стр. 192—197).

Высказавшій вышеприведенныя мысли М. Г. Павловъ, врачъ, проф. физики Московскаго университета, усиленно занимался и агрономіею, которую изучалъ за границею; онъ затѣмъ излагалъ ее и въ университетѣ, и внѣ стѣнъ его, въ публичныхъ лек-

1 Въ другомъ мѣстѣ того же журнала, стр. 110, другой авторъ (С. М—овъ) относитъ „земледѣліе“ къ числу „естественныхъ наукъ, не могущихъ имѣть иного основанія, кромѣ опытныхъ свѣдѣній“.

ціяхъ. Ему Россія обязана появленіемъ и первыхъ разсадниковъ сельско-хозяйственныхъ знаній, а именно основанію „Земледѣльческаго Училища“, и понынѣ существующаго въ Москвѣ, при Обществѣ Сельскаго Хозяйства, а также „Учебному хутору“ при этомъ Училищѣ. Лучшимъ изъ многочисленныхъ трудовъ Павлова считается „Курсъ сельскаго хозяйства“.

Другимъ извѣстнымъ агрономомъ былъ Шелеховъ, тверской помѣщикъ, написавшій популярную книгу: „Народное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ“. Онъ читалъ публичныя лекціи въ Петербургѣ и издалъ нѣсколько спеціальныхъ агрономическихъ сочиненій. Среди нихъ видное мѣсто занимаетъ: „Главныя основанія земледѣлія“. М. 1826. Здѣсь Шелеховъ находитъ, что при замѣтномъ общемъ ростѣ экономическаго успѣха Россіи отечественное „земледѣліе остается неподвижнымъ“. Считая одною изъ причинъ послѣдняго невѣжество, онъ предлагаетъ желающимъ присылать къ нему на лѣто въ помѣстье молодыхъ крестьянъ для обученія управленію земледѣльческими орудіями. Но основною идеею его была пропаганда плодопеременнаго хозяйства и уничтоженіе нашего рутиннаго трехполья.

Тотъ же тверской помѣщикъ, Дмитрій Шелеховъ, оставилъ намъ любопытную картину той борьбы съ рутиною и стариною, которую ему пришлось выдержать за новую систему земледѣлія.

Веденное столѣтіями однимъ и тѣмъ же способомъ хозяйство въ сельцѣ Фроловѣ, гдѣ поселился Шелеховъ, „находилось въ печальной необходимости ожидать изобилія и урожаевъ отъ случайности погодъ, зависѣть только отъ благопріятныхъ для урожая годовъ, и страдать при малѣйшемъ ихъ измѣненіи“. Невѣдѣніе заставляло быть „слѣпымъ исполнителемъ безотчетныхъ дѣйствій и предразсудковъ крестьянъ“, степень успѣшности хозяйства которыхъ (у лучшихъ изъ нихъ) была руководящимъ образцомъ для каждаго „благомыслящаго“ помѣщика.

Переломъ въ теоретическомъ міровоззрѣніи не могъ, въ концѣ концовъ, не отразиться и на практикѣ. Но реформа русскаго помѣщичьяго хозяйства,—а оно только, и то въ лучшей своей части, было доступно реформѣ,—произошла позднѣе, а именно въ 20-хъ годахъ. Въ то время, когда на общественной аренѣ героическое по-

литическое движеніе, не опираясь на реальныя силы, не имѣло практическаго успѣха, незамѣтный глазу, но глубокій и чреватый послѣдствіями, экономическій переворотъ не могъ быть остановленъ никакою внѣшнею силою.

Въ слѣдующей эпохѣ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, русская сельско-хозяйственная наука уже совершенно выбилась на правильный научный путь. Таковъ былъ результатъ толчка, даннаго въ свое время физіократизмомъ. Можно допустить, что и воззрѣнія декабристовъ могли находиться подъ нѣкоторымъ вліяніемъ физіократовъ, особенно въ области аграрнаго вопроса. Но во всякомъ случаѣ Пестель, знавшій уже и Ад. Смита и Сисмонди, и высказывавшій радикальные взгляды на аграрныя отношенія [1]), подъ вліяніемъ физіократовъ уже не могъ находиться [2]).

Итакъ мы видѣли, что физіократизмъ, какъ опредѣленное экономическое ученіе, имѣло успѣхъ не только на своей родинѣ, но и далеко за ея предѣлами. Первая стройная экономическая теорія,—воззрѣнія физіократовъ, — не оставалась только новымъ явленіемъ въ области теоріи: она имѣла и несомнѣнный, хотя и кратковременный практическій успѣхъ.

---

[1]) См. Семевскій, В.: Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб., 1909, стр. 627 и слѣд.

[2]) Такъ ошибочно унизываетъ, наприм., А. Миклашевскій: Исторія политической экономіи. Юрьевъ, 1909. стр. 160 (сноска).

*

Утопическій коммунизмъ.

I.

Религіозный коммунизмъ.

Соціальная жизнь народныхъ массъ въ средніе вѣка протекала въ мало благопріятной обстановкѣ. Временами условія быта становились настолько тяжелыми, что привыкшіе къ полурабству крѣпостные теряли терпѣніе. Взрывы народнаго гнѣва разражались тогда съ поражающею силою, жестокостью и настойчивостью. Но народная оппозиціи и массовыя движенія не могли ясно формулировать своихъ экономическихъ требованій и пожеланій, а тѣмъ менѣе стремиться къ осуществленію опредѣленнаго соціальнаго идеала. Соціальное недовольство и пробуждавшееся сознаніе не направлялись ни просвѣтительною философіею, ни интеллигентными революціонными вождями, ни готовою экономическою доктриною; всего этого тогда еще не было и поэтому угнетенные были вынуждены обращаться къ единственному источнику свѣта эпохи—къ религіи, отсюда, особая окраска средневѣковыхъ соціальныхъ движеній—религіозная. Достиженіе лучшаго будущаго не могло быть тогда самоцѣлью: каждый планъ преобразованія долженъ былъ быть выводомъ изъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ тезисовъ Священнаго Писанія.

Многіе изъ средневѣковыхъ соціально-религіозныхъ движеній доходили до формулировки крайнихъ коммунистическихъ, иногда даже анархистскихъ идеаловъ. Правда коммунизмъ у большинства слагался въ аскетическій коммунизмъ потребленія, а анархистскія тенденціи носили печать сельскаго быта и натурально-хозяйственнаго уклада. Для насъ особенно важенъ тотъ духъ, который воодушевлялъ средневѣковыхъ революціонеровъ.

Одною изъ наиболѣе раннихъ средневѣковыхъ религіозно-

коммунистическихъ сектъ является секта катарянъ, появившаяся на юго-западѣ Европы въ серединѣ XI вѣка и продержавшаяся около столѣтія. Катаряне не оставили какого-либо выдающагося литературнаго памятника и были безпощадно истреблены во время альбигойской войны (XII вѣкъ).

Въ слѣдующемъ столѣтіи въ Ломбардіи появляются апостолики—движеніе среди неимущихъ классовъ Италіи подъ предводительствомъ Сагареля изъ Пармы и его ученика Дольцино. Апостолики—„подражатели апостоламъ“,—также какъ и цѣлый рядъ другихъ сектъ (беггары, тюрлюпены, альбигойцы, вальденцы и пр.), склонялись въ своихъ тенденціяхъ къ общности имущества къ реформѣ брака и т. д.

Почти одновременно съ континентомъ, крестьянство Англіи начинаетъ соціально-религіозное движеніе. Здѣсь Виклифово движеніе смѣняется проповѣдью лоллардовъ,—одного изъ развѣтвленій континентальныхъ беггардовъ и развертывается въ кровавую крестьянскую войну 1381 года.

Но движенія всѣхъ упомянутыхъ сектъ меркнутъ передъ грандіознымъ и упорнымъ движеніемъ анабаптистовъ.

Оно начинается въ Тюрингіи, гдѣ священникъ писатель Томасъ Мюнцеръ, пламенными рѣчами и сочиненіями поддержалъ и объединилъ крестьянское движеніе противъ знати и духовенства. Томасъ Мюнцеръ защищалъ коммунизмъ и полагалъ, что общія матеріальныя блага должны распредѣляться согласно потребностямъ. Тюрингенское возстаніе было подавлено властями, поддерживаемыми Лютеромъ.

Та же участь постигла созданіе анабаптистскаго царства „Новаго Іерусалима“ въ г. Мюнстерѣ съ своимъ королемъ Іоанномъ Лейденскимъ. Въ Мюнстерѣ былъ осуществленъ коммунистическій порядокъ, съ общностью имущества и многоженствомъ. Въ 1535 году Мюнстеръ былъ взятъ, а „король“ послѣ жесточайшихъ пытокъ казненъ.

Оффиціально уничтоженный анабаптизмъ еще долгое время находилъ сочувствіе и приверженцевъ въ народныхъ массахъ. Этотъ періодъ былъ отмѣченъ рядомъ памфлетовъ религіозно-мистическаго характера. Соціальный элементъ въ нихъ слабъ и

неопредѣленъ хотя общее настроеніе мысли выясняется: въ немъ зрѣетъ сознаніе важности радикальныхъ экономическихъ реформъ. За памфлетами слѣдовало возбужденіе, переходъ отъ словъ къ дѣлу.

Періодъ средневѣковыхъ мечтаній заканчивается, и начинается время практическихъ попытокъ осуществленія реформаціонныхъ идеаловъ. Но окончательный разрывъ съ мистико-религіознымъ освѣщеніемъ соціальнаго вопроса наступаетъ лишь съ попытки дать свѣтское выраженіе основаніямъ коммунизма. Къ числу ихъ прежде всего относятся „утопія“ Томаса Мора и романы, вызванные подражаніемъ ей.

Изслѣдователи останавливались преимущественно на болѣе яркихъ фигурахъ средневѣковыхъ: Блаженномъ Августинѣ, Кампанеллѣ, Томасѣ Морѣ, Орезміусѣ. Болѣе мелкія личности и массовыя движенія обходились при этомъ за скудостью общихъ объ нихъ свѣдѣніяхъ. Между тѣмъ, только знакомство съ тѣмъ, что безъ громкихъ „звуковъ лиры или трубы“, происходило въ нѣдрахъ народа, стремившихся къ своимъ реформаторамъ, какъ яркимъ свѣточамъ ихъ мрачной эпохи, очень цѣнно и плодотворно.

Для насъ особенно важенъ тотъ духъ, который воодушевлялъ средневѣковыхъ реформаторовъ и ихъ безчисленныхъ послѣдователей [1]). Онъ пріучилъ массы къ реформатской мысли, къ коммунистическимъ идеаламъ, къ воспріятію всѣхъ сильныхъ и оригинальныхъ ученій, которыя появились въ слѣдующемъ 12 столѣтіи. Длинный рядъ замѣчательныхъ средневѣковыхъ реформаторовъ открывается мощными фигурами Абеляра (1142) и Арнольда Бретіанскаго (1158). Отъ нихъ уже заимствовали свои идеи Вальдо, Францискъ Ассизскій, Сегарели, Дольчино. Ихъ идеаломъ служила бѣдная жизнь апостоловъ. Слѣдуя и проповѣдуя „истинное счастье“ и „настоящую свободу“ въ добровольной бѣдности, средневѣковые реформаторы критиковали существовавшій

[1]) Гаусратъ, Адольфъ. Средневѣковые реформаторы, перев. подъ ред. Радлова, т. I. Абеляръ.—Арнольдъ Брешіанскій.—Спб. 1900 г., 378 стр. (Арнольдинцы, Вальденцы, Францискъ Ассизскій, Вѣчное Евангеліе, Сегарелли, Дольчино). Спб. Изд. Ф. Л. Пантелѣева. 1900 г. 321 стр.

въ ихъ дни нравственный, политическій и экономическій строй. Противоположность ихъ воззрѣній съ окружавшею дѣйствительностью не могла не наводить умы на тѣ соціальныя и экономическія идеи, которыя вскорѣ и были формулированы коммунистами. Но еще до ихъ появленія англичане 13 вѣка уже распѣвали на улицахъ революціонныя пѣсни, гдѣ спрашивалось „когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, гдѣ тогда былъ дворянинъ", а.

Анабаптисты. XVI вѣкъ съ его книгопечатаніемъ и реформаціею считается живымъ временемъ человѣческой исторіи. Но во многихъ движеніяхъ этого вѣка не было достаточной принципіальной послѣдовательности. Такъ, Лютеръ, произведшій радикальную реформу въ области религіи, оказался политическимъ обскурантомъ. Противникъ авторитета въ религіозной сферѣ, онъ признавалъ его въ политической и экономической жизни. Противъ такого дробленія принципа возстали Николай Шторкъ и Томасъ Мюнцеръ—основатели анабаптизма. Они и въ религіи пошли дальше Лютера, вскорѣ отдѣлились отъ него и свой радикальный взглядъ на вещи перенесли и въ сферу экономическихъ отношеній.

„Мы всѣ братья,—проповѣдывалъ Мюнстеръ,—и у насъ одинъ общій отецъ—Адамъ. Откуда же эта разница въ званіяхъ и богатствахъ, откуда та пропасть, которую создала тиранія и поставила между нами и сильными міра сего. Зачѣмъ намъ стонать отъ нищеты и изнуряться трудомъ, когда другіе утопаютъ въ наслажденіяхъ. Развѣ мы не имѣемъ права на равенство благъ, которыя по самой природѣ созданы для безразличнаго раздѣла между всѣми людьми. Земля—общее достояніе, въ которомъ и мы имѣемъ часть, но отъ насъ отнятую. Когда же мы уступали нашу часть отцовскаго наслѣдія. Пусть намъ покажутъ договоръ, который мы съ ними заключали. Отдайте же богачи міра, жадные хищники, наши имущества, которыя вы неправедно захватили, а ты несчастное стадо Христово неужели вѣчно будешь стонать въ угнетеніи подъ игомъ властей церковныхъ и свѣтскихъ. Подобныя рѣчи, произносившіяся въ публичныхъ мѣстахъ страстными и убѣжденными ораторами, глубоко дѣйствовали на народныя массы, стонавшія подъ

бременемъ церковныхъ десятинъ и феодальнаго деспотизма, и готовившіяся къ экономической революціи XVI вѣка, къ знаменитой крестьянской войнѣ.

Оба движенія—крестьянская война и анабаптистское движеніе—первоначально смѣшались и шли рука объ руку. Манифестъ воззванія возставшихъ крестьянъ былъ, какъ думаютъ, написанъ отцемъ анабаптизма Шторхомъ, служившимъ связью между обоими движеніями. Вотъ его 12 знаменитыхъ требованій:

Оба движенія были подавлены послѣ упорной и долгой войны войсками свѣтскихъ правителей. Но анабаптизмъ не прекратился. Въ мѣстечкѣ Цоликоне была выработана догма анабаптизма—получившая названіе Цоликонскаго вѣроисповѣданія. Руководящія идеи были изложены въ книгѣ „Возстановленіе“. Анабаптизмъ значитъ перекрещеніе, т. е. креститься должно вторично, при вступленіи въ зрѣлый возрастъ, т. е. сознательно относиться къ евангельскому ученію. Послѣднее искажено духовенствомъ, само существованіе котораго признается вреднымъ. Всѣ вновь крещенные создаютъ новую общину, возрожденную, безъ старыхъ язвъ народныхъ: суда и присяги, духовной и свѣтской іерархіи, безъ военной службы и накопленія богатства. Идеаломъ анабаптистовъ являлась общность и общее равенство, отсутствіе наказанія и награды, общность женъ и дѣтей. Анабаптистскія воззрѣнія быстро распространялись, ими руководили болѣе или менѣе значительные „пророки“, люди въ конвульсіяхъ возвѣщавшіе велѣніе отъ Бога. Подобнаго рода массовые психозы было, какъ извѣстно, не рѣдкостью въ средневѣковой исторіи.

Послѣ подавленія войсками перваго анабаптистскаго движенія, ихъ преслѣдовали и изгоняли рѣшительно отовсюду. Наконецъ они нашли себѣ пріютъ въ Моравіи, гдѣ подъ управленіемъ двухъ замѣчательныхъ людей, Гуттера и Габріэля Шердинга, основали цѣлый рядъ анабаптистскихъ общинъ, которыя были названы по мѣсту ихъ нахожденія: моравскими братствами. Моравскіе братья осуществили коммунистическіе идеалы анабаптизма на практикѣ и—рѣдкій случай въ исторіи—имѣли громадный практическій успѣхъ. Плодородіе страны, организаторскій геній Гуттера и Шер-

динга, фанатизмъ первыхъ анабаптистовъ—создали братствамъ тотъ блестящій успѣхъ, который одинаково свидѣтельствуется всѣми историками. Въ первой половинѣ XVI вѣка, въ особенности между 1525—1530 годами моравскіе братья (ихъ насчитывалось уже свыше 70 тыс. человѣкъ) достигли наивысшей точки благосостоянія и славы. Но принципы анабаптизма были доведены фанатиками до крайности. Обширныя, скопленныя братствами богатства привели къ разврату, пьянству, враждѣ. Примѣръ подали сами вожди движенія. Братства распались и анабаптисты постепенно разсѣялись. Затѣмъ анабаптизмъ въ послѣдній разъ нашелъ себѣ пріютъ въ городѣ Мюнстерѣ. Рядъ замѣчательныхъ анабаптистовъ—Книппердинга, Іоаннъ Бокольдъ, Матіасъ, Мелхіоръ Гофманъ—постепенно завладѣли этимъ богатымъ городомъ и ввели въ немъ коммунистическій строй. Необходимость военныхъ дѣйствій съ сосѣдями и поддержанія порядка внутри города заставили одного изъ пророковъ анабаптистовъ принять царскую корону.

Іоаннъ Бокольдъ царствовалъ въ землѣ анабаптистовъ цѣлыхъ два года, подъ именемъ царя Іоанна Лейденскаго.

Неудачи анабаптистовъ во многомъ зависѣли отъ недостаточной выработки ученія. Ихъ евангеліе книга „Возстановленіе“—замѣчательный памятникъ по богатству и силѣ мысли въ то же время представляетъ изъ себя нѣчто хаотическое. Между тѣмъ, коммунистическіе идеалы искали себѣ болѣе яркаго и болѣе сильнаго выраженія.

Литература, рисующая соціальное содержаніе религіознаго движенія среднихъ вѣковъ очень обширна. По русски могутъ быть указаны сочиненія Гаусрата: Средневѣковые реформаторы, (изд. Пантелѣева), т. I (Абеляръ—Арнольдъ Брешіанскій), СПБ. 1900 г.; т. II-ой Арнольдинцы, Вальденцы, Франциск Ассизскій, Вѣчное Евангеліе, Сегарелли, Дольчино. СПБ. 1900 г. Михайловъ: Революціонный анабаптизмъ, 1862 г. Сюдръ—Исторія коммунизма. Каутскій: Предшественники новѣйшаго соціализма, часть I отъ Платона до анабаптистовъ, рус. пер., СПБ. 1907 г.

II. Свѣтскій коммунизмъ.

I.

«Утопія» Томаса Мора.

Коммунистическій романъ „Утопія“ принадлежитъ перу англійскаго канцлера сэра Томаса Мора (Thomas More), государственному дѣятелю и писателю Англіи начала 16 вѣка; (род. въ 1478 г., умеръ 7 февраля 1545 года). Видное общественное положеніе Мора и особенность просвѣщенія того времени дали возможность книгѣ быть немедленно замѣченною. Къ этому времени свѣтская образованность въ Англіи достигла довольно высокой степени развитія. Схоластика, съ ея кухонной латынью, съ ея авторитетомъ отцовъ церкви и Аристотеля, уже утратила свое вліяніе. Культурные слои англійскаго общества были хорошо знакомы съ древнегреческой литературой. Рядъ греческихъ писателей, о которыхъ мы теперь имѣемъ довольно смутное, чисто школьное представленіе, были любимыми авторами, а надъ всѣмъ царилъ свѣточъ античнаго образованія, гордость эллинизма—Платонъ. Поэтому и крупнѣйшій англійскій писатель XVI вѣка не могъ не быть подъ сильнымъ вліяніемъ Платона. И дѣйствительно, Платонъ и вообще греческіе философы, а среди нихъ особенно эпикурейцы являются духовными отцами и учителями Мора.

Коммунистическіе идеалы Платона не могли найти себѣ отклика въ Англіи того времени. Въ концѣ XV столѣтія и въ первую половину XVI Англія, въ теченіи ряда вѣковъ жившая опредѣленнымъ хозяйственнымъ укладомъ, опредѣленнымъ общественнымъ строемъ, быстро и рѣзко измѣнила всю свою экономическую физіономію. Изъ патріархальной земледѣльческой страны, съ лордами и ихъ многочисленными арендаторами, съ крѣпостною зависимостью и низкой

заработной платой, съ домашнимъ производствомъ и почти натурально хозяйственными пріемами—Англія превратилась въ промышленную страну съ крупнымъ торговымъ и промышленнымъ капиталомъ съ обширными мануфактурами, громаднымъ шерстянымъ производствомъ, многочисленнымъ торговымъ флотомъ, съ большимъ заграничнымъ отпускомъ товаровъ.

Землепашество смѣнилось овцеводствомъ, обработка пшеницы—добычею шерсти; деревни опустѣли; крестьяне, насильно изгнанные изъ полей, бѣжали въ города или нищенствовали на большихъ дорогахъ; экономическая сила лордовъ и купцовъ значительно возросла; положеніе низшихъ классовъ населенія неизмѣримо ухудшилось. Т. Моръ былъ свидѣтелемъ этого перелома. И онъ не могъ оставаться равнодушнымъ ни къ усиливавшимся порокамъ быстро богатѣвшаго меньшинства, ни къ крайне бѣдственному положенію растерявшагося въ конецъ народа. Его книга поэтому является горячимъ протестомъ противъ современнаго ему порядка вещей. Анализу и критикѣ послѣдняго и посвящено въ значительной мѣрѣ сочиненіе Т. Мора, особенно первая часть его книги; вторую часть Т. Моръ посвятилъ описанію устройства такого идеальнаго государства, гдѣ уже осуществлены на практикѣ его излюбленныя экономическія идеи.

Первая часть „Утопіи“ для насъ не представляетъ сейчасъ особеннаго интереса. Она является превосходнымъ памятникомъ экономической исторіи Англіи того вѣка, великолѣпнымъ свидѣтельствомъ о ней проницательнаго современника, но въ общую сокровищницу экономической мысли она вкладываетъ столь ничтожную лепту, что на ней намъ не стоитъ здѣсь останавливаться. Иную цѣну, иное значеніе имѣетъ вторая часть,—описаніе острова Утопіи, гдѣ человѣчество живетъ иною лучшею жизнью, гдѣ экономическій строй совершеннѣе, а люди пользуются земнымъ соціальнымъ раемъ.

Долгое время существовало какое-то чисто отрицательное отношеніе къ коммунистическимъ романамъ; имъ не придавали никакого значенія, говорили, что это ни что иное, какъ пустыя созданія фантазіи. Затѣмъ стали относиться нѣсколько серьезнѣе; такъ, напримѣръ, смотритъ на нихъ Людвигъ Штейнъ въ

книгѣ „Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія“. Коммунисты являются, по его мнѣнію, провозвѣстниками новаго порядка. Такое отношеніе къ коммунистической литературѣ тоже, однако, нельзя назвать правильнымъ, такъ какъ здѣсь упускается изъ виду научное значеніе утопической литературы. Въ сущности нельзя проводить слишкомъ рѣзкаго различія между такого рода романами и экономическими трактатами, разбитыми на главы и параграфы. Разница здѣсь чисто внѣшняя. Платонъ, напримѣръ, излагалъ экономическіе взгляды въ видѣ діалога; въ средніе вѣка также часто употреблялась разговорная форма. Внѣшняя форма только дань времени, а иногда способъ популяризаціи. Сами же по себѣ коммунистическіе романы стоятъ съ идейной стороны не ниже, а иногда даже выше обычныхъ экономическихъ работъ. Конечно, есть и такіе коммунистическіе романы, на которые можно и должно смотрѣть только какъ на игру фантазіи. Таково, напримѣръ, сочиненіе Сирано де Бержеракъ, въ которомъ описывается путешествіе на луну [1]). Но въ ряду соціальныхъ романовъ есть такіе, которые по серьезности не уступаютъ трактатамъ о деньгахъ, торговлѣ и т. п. того же времени. Даже больше того, въ этихъ романахъ затрогивается соціальный вопросъ, котораго избѣгаетъ буржуазная литература, и поэтому имъ надо удѣлять такое же вниманіе, какъ и другимъ экономическимъ произведеніямъ.

Совершенно новымъ элементомъ, который вноситъ Моръ въ коммунизмъ, является идея государства. Ни у Платона, ни у проповѣдниковъ христіанства, государство, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, никакой роли не играетъ. Христіане подразумѣвали совершенно свободную общину. Что же касается Платона, то его „республика“ не государство въ нашемъ смыслѣ, а только городъ. По мнѣнію же Мора, въ коммунизмѣ должны жить не отдѣльныя общины и не отдѣльный городъ, а все государство, вся страна. Это очень, типично и является уже переходомъ къ соціалистическому міровоззрѣнію.

---

[1]) Около 1656 года. Недавно его романъ былъ перепзданъ; Cyrano de Bergerac- Histoire comique des etats et empires de la lune et du soleil. Парижъ (Delagrave) 1898 г.

II.

Содержаніе „Утопіи“ Мора несложно. Моръ разсказываетъ какъ ему пришлось встрѣтится съ однимъ путешественникомъ, который посѣтилъ островъ Утопію (οὐ τόπος—т. е. несуществующее мѣсто) и ознакомился съ общественнымъ устройствомъ, которое тамъ имѣетъ мѣсто.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что островъ, который описывается Моромъ, является почти изолированной страной. Его сношенія съ сосѣдями крайне ограничены. Это весьма характерная для всѣхъ коммунистическихъ построеній черта, черта, позволяющая обходить цѣлый рядъ неразрѣшимыхъ для нихъ вопросовъ. Это и сильная и вмѣстѣ съ тѣмъ слабая сторона. Сильная потому, что борется уже вполнѣ готовое государство, внѣ вліянія международнаго рынка и безъ сношеній съ сосѣдями. Слабая потому, что совершенно оставленъ въ сторонѣ вопросъ какимъ именно путемъ сложился этотъ совершенный строй и какъ онъ можетъ соотвѣтствовать современному. Небольшой островъ, по формѣ своей напоминающій полумѣсяцъ, заброшенъ въ океанѣ среди опасныхъ подводныхъ скалъ. Первымъ царемъ основателемъ государства былъ Утопусъ. Ко времени Мора здѣсь насчитывается уже 55 городовъ большихъ и великолѣпно построенныхъ.

Общественная организація утопійцевъ покоится на слѣдующихъ основаніяхъ:

Имущество, земля, домъ, орудія — являются собственностью общественной, государственной. Частной собственности нѣтъ. Это „новое слово“ Мора. Человѣчество, по его мнѣнію, будетъ только тогда счастливо, когда частной собственности не будетъ. Каждый имѣетъ право на трудъ, слѣдовательно, нѣтъ ни бѣдности, ни богатства, ни соціальныхъ бѣдствій, нѣтъ экономическаго неравенства.

Извѣстную дань своему времени отдалъ Моръ и въ своихъ воззрѣніяхъ на промышленность. Тѣ формы промышленности, которыя развивались на его глазахъ въ Англіи, ему не симпатичны. Онъ видитъ какъ поля земледѣльцевъ превращаются въ пастбища

для овецъ и земледѣліе вытѣсняется скотоводствомъ. Сознавая всю пагубность этого процесса для благосостоянія низшихъ слоевъ населенія, онъ возстаетъ противъ того направленія, которое въ его время приняло экономическое развитіе.

Главный промыселъ — земледѣліе, имъ заняты всѣ, ему учатся съ дѣтства въ школѣ, частью на практикѣ. „Кромѣ земледѣлія, которое представляетъ изъ себя общій промыселъ, каждый учится любому ремеслу, по своему желанію: валянію шерсти, дубленію кожи, ткачеству, обдѣлкѣ камней, слесарничеству, кузнечеству, столярничеству". Склонные къ ученому труду и занятые имъ прилежно въ свободное время, выдѣляются въ особый классъ, изъ котораго избираются: послы, жрецы, трапиборы и, наконецъ, глава государства барзамъ или адемъ. Все заработанное и добытое сдается въ общественные магазины, распредѣляющіе все количество по семьямъ. На рынкахъ такимъ же образомъ раздаются овощи и другіе продукты, на бойняхъ — скотъ, мясо. Потребленіе носитъ также коммунистическій характеръ. Обѣды устраиваются въ общихъ столовыхъ. „Дома Утопійцы ѣдятъ не охотно, такъ какъ считается и дурно и глупо брать на себя трудъ готовить дома обѣдъ и притомъ плохой, когда тутъ же недалеко приготовленъ превосходный. Готовятъ женщины по очереди, имъ прислуживаютъ, исполняя грязную работу, рабы. Столы ставятъ покоемъ, съ внѣшней стороны сидятъ вдоль стѣнъ мужчины, съ внутренней женщины, чтобы беременнымъ было легче выходить изъ-за стола. Кормилицы и кормящія обѣдаютъ отдѣльно съ младенцами, тамъ стоятъ кроватки, всегда пылаетъ очагъ для просушки пеленокъ и готова вода для мытья. Мать кормитъ своего ребенка сама.

Украшенія, золото и серебро они считаютъ позорнымъ и безцѣльнымъ; денегъ у нихъ вовсе нѣтъ. Золото и серебро носятъ рабы, ибо изъ нихъ дѣлаютъ кандалы. „Восхищаться невѣрнымъ мерцаніемъ брилліантовъ глупо, а носить ихъ стыдно".

Въ вопросѣ о бракѣ, тѣсно связанномъ съ вопросомъ о владѣніи имуществомъ, Моръ не пошелъ за Платономъ. Ему представляется возможнымъ устраняя частную собственность на имущество, оставить неприкосновенной современную уму форму семьи. Коммунистическія начала не должны, по его мнѣнію, распростра-

няться на семью. Съ трогательною наивностью изображаетъ онъ семейный бытъ утопійцевъ: „старѣйшій,—говоритъ онъ,—является главою семейства, женщины повинуются мужьямъ, дѣти родителямъ, а въ своей средѣ—младшій старшему“ [1]). Противорѣчія между признаніемъ семьи и отрицаніемъ частной собственности, Моръ не замѣтилъ и удержалъ семью цѣликомъ. Послѣдующіе коммунисты этой ошибки уже не повторили; не повторялъ даже Компанелла, который стоитъ гораздо ниже Мора.

„Разводъ въ Утопіи возможенъ съ согласія старѣйшинъ. Мужья наказываютъ тѣлесно женъ и дѣтей“. „Соблазнить женщину считается столь же тяжкимъ преступленіемъ, какъ изнасиловать; попытку къ соблазну, утопійцы приравниваютъ къ совершившемуся факту, „ибо,—говоритъ Моръ,—неудачу попытки они вовсе не ставятъ въ заслугу покушавшемуся.

Чисто механическимъ путемъ разрѣшается у него еще одинъ весьма щекотливый вопросъ о томъ, кто будетъ выполнять въ коммунистическомъ обществѣ грязные работы, напримѣръ, вывозку нечистотъ и т. п., что особенно необходимо въ городской жизни. Ему приходится ввести ужасный элементъ: р а б с т в о. Это идетъ въ разрѣзъ со всѣми стремленіями того вѣка: реформаціей и гуманизмомъ. Въ этомъ пунктѣ терпѣли крушеніе и другіе коммунисты. Въ маленькой общинѣ, гдѣ люди объединены чувствомъ тѣсной дружбы, этотъ вопросъ обойти еще можно, но въ государствѣ, гдѣ отношенія между гражданами не могутъ быть столь интимными, его разрѣшить очень трудно.

Р а б ы составляются изъ военно-плѣнныхъ, изъ желающихъ добровольно отдать себя въ рабство, изъ преступниковъ, наказанныхъ рабствомъ, наконецъ изъ покупныхъ иностранныхъ рабовъ. Обращеніе съ рабами впрочемъ самое гуманное. Добродѣтельныхъ рабовъ отпускаютъ на свободу, дурныхъ держатъ сурово въ трудѣ и оковахъ.

Личная жизнь не сложна. Самоубійство воспрещено, но совѣтуется неизлечимо больнымъ. Бракъ для женщинъ не ранѣе 18,—для мужчинъ не ранѣе 22 лѣтъ. До—брачныя сношенія стро-

1) Т о м а с ъ М о р ъ: „Утопія“, русскій перев. Генкеля, 1905, стр. 96.

жайше наказываются. Передъ бракомъ женихъ и невѣста должны увидать другъ друга, чтобы не были скрыты пороки и недостатки и чтобы о тѣлѣ не „судилось небрежно только по кистямъ рукъ и по лицу“. „Вѣдь не всѣ же такъ благоразумны,—замѣчаетъ Моръ,—чтобъ заботиться только о нравѣ своей жены“.

Что касается того какъ долженъ быть устроенъ судъ и какова должна быть организація управленія, то это въ каждый данный моментъ зависитъ, по его мнѣнію, отъ состоянія науки. Послѣдняя можетъ дать по этому поводу самыя практичныя указанія. Въ моментъ посѣщенія острова разсказчикомъ (онъ пробылъ тамъ 5 лѣтъ) общій строй жизни и управленія сводился къ слѣдующему: „Въ каждомъ домѣ живутъ, по крайней мѣрѣ, сорокъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ, да еще двое приписанныхъ сюда рабовъ, начальствуетъ надъ такимъ поселкомъ одинъ почтенный и зрѣлый по возрасту мужчина и такая же женщина, надъ каждыми тридцатью поселками начальствуетъ одинъ филархъ“. Помимо земледѣлія, они занимаются скотоводствомъ и птицеводствомъ. Послѣднимъ при помощи инкубаторовъ, которыхъ уже знаетъ, а можетъ быть и предсказываетъ Моръ. Лошадей, по возможности, замѣняютъ волами.

„Землю утопійцы засѣваютъ исключительно хлѣбными сѣменами, пьютъ они виноградное вино или же напитокъ изъ яблочнаго или грушеваго сока, наконецъ, чистую воду, а иногда съ примѣсью меда и ягодъ“. Спирта въ Утопіи не добываютъ, а излишній хлѣбъ вывозятъ заграницу. Власть въ Утопіи выборная. Сто семействъ выбираютъ изъ своей среды одного „филарха“ или „сифогранта“. Надъ каждыми десятью сифогрантами одинъ „протофиларухъ“ или „трениборъ“. Всѣ сифогранты (ихъ 200) выбираютъ закрытою баллотировкою изъ 4-хъ кандидатовъ главу государства пожизненно. Всѣ старѣйшины составляютъ сенатъ, ни одно дѣло не рѣшается въ тотъ день, когда предложено, а обсужденіе его переносится на слѣдующее засѣданіе, „чтобы никто не говорилъ наобумъ первое попавшееся на языкъ, потому что потомъ такой человѣкъ уже старается измыслить, чѣмъ бы подкрѣпить свое опрометчивое сужденіе, а о благѣ государства думаетъ при этомъ гораздо меньше.

Въ семьяхъ господствуетъ строго патріархальный бытъ; вся семья повинуется старѣйшему родственнику. Семья многочисленна, но не заключаетъ въ себѣ болѣе 10—16 взрослыхъ. При большемъ количествѣ часть выдѣляется, устраиваются колоніи на новыхъ сосѣднихъ земляхъ. Если туземцы сопротивляются, то начинаются войны. „Утопійцы считаютъ законнѣйшимъ основаніемъ для этого, если народъ не пользуется своими пустующими землями, да еще запрещаетъ другимъ владѣть этою землею и извлекать изъ нея для себя пропитаніе по указаніямъ самой природы".

Законовъ мало, но они строго исполняются. Господъ же законниковъ—Causidicos,—которые хитро и тонко толкуютъ законы и разбираютъ дѣла въ Утопіи вовсе нѣтъ. Они полагаютъ, что каждому лучше лично вести свое дѣло и разсказать прямо судьѣ то, что онъ разсказалъ бы своему адвокату.

Что касается религіозныхъ воззрѣній островитянъ, то они крайне несложны: душа безсмертна и благостью Божіей создана для счастья; за добродѣтель и хорошія дѣла послѣ этой жизни полагается награда, за пороки—предназначены наказанія. Хотя это и есть догматы религіи, но утопійцы полагаютъ, что можно дойти разумомъ до принятія ихъ. Единства вѣрованія, впрочемъ, въ Утопіи не наблюдается. Тамъ царитъ полная вѣротерпимость и потому существуетъ нѣсколько различныхъ вѣроученій. Но общественное богослуженіе, совершаемое всѣми почитаемыми священниками для всѣхъ одно. Изъ него устранено все, что мѣшало бы людямъ разныхъ вѣрованій сходиться для общихъ молитвъ. Въ области философскихъ вопросовъ утопійцы приближаются къ воззрѣніямъ эпикурійцевъ. Въ основѣ всѣхъ стремленій человѣка, по ихъ мнѣнію, лежитъ жажда наслажденія. Совершенно безсмысленно слѣдовать трудною и тернистою дорогою добродѣтели, не стремясь при этомъ, по возможности, къ прелестямъ жизни и добровольно подвергая себя страданіямъ безъ всякой надежды на хорошій результатъ. Разумъ побуждаетъ насъ вести жизнь возможно болѣе радостную и помогать другимъ въ достиженіи того же. Таковы принципы, которыми руководствуются въ жизни жители острова.

Вліяніе Утопіи было громадно. Книга Мора явилась для Европы

откровеніемъ, возвѣщавшимъ идеалъ лучшей соціальной жизни. Ее переиздавали, переводили, съ нее брали образецъ безчисленные послѣдующіе писатели.

III.

Утопія Томаса Мора появилась въ 1516 г. въ Лувенѣ въ типографіи Теодора Мартина и подъ редакціей друга канцлера Петра Эгидія (Жилля) подъ заглавіемъ:

Libellus vere aureus nec minvs salutaris quam festivus deoptimo reip. statu, deqznova insula Utopia authore clarissimo viro Thoma Moro inclytae civitatis Londinensis cive & vicecomite cura M. Petri Aegidii Antuerpiésis & arte Theodorici Martini Alustensis, Typographi almae Louaniensium Academiae nunc primum accuratissime editus: Cum gratia & privilegio" Arte T. Martini. Luvain, 1516 (Брит. Музей N c. 27 b. 30) *).

Это изданіе имѣло нѣсколько приложеній, напр. изображеніе острова Утопіи, письмо Эгидія къ Бузлидію, письмо Бузлидія къ Мору и т. п. Это первое изданіе сохранилось въ крайне маломъ числѣ, какъ рѣдкость оно хранится въ Британскомъ музеѣ, въ Парижской національной библіотекѣ, въ Брюсельской библіотекѣ и еще нѣсколькихъ большихъ книгохранилищахъ. Слѣдующее изданіе вышло подъ инымъ заглавіемъ (Ad lectorem, Habes candide lector opusculum illud vere aureu Thomal Mori de optimo reipublice statu, deqz nova insula Utopia, jam iterû sed multo carrecti'q pri'.. aeditu. (Br. M. ff. 16. 110—b. 65. ei u g. 2290.) появляется въ февралѣ 1517 г. (?) въ Парижѣ; затѣмъ въ мартѣ 1518, въ декабрѣ въ Базелѣ („De optimo reip. statv deqve noua insula Utopia libellus"... (J. Frobenium).

Затѣмъ появляется Лувенское (Lovanii Löwen) изданіе 1548 г. Кельнское 1555,8°, Базельское 1563 (въ первомъ полномъ собраніи сочиненіи Т. Мора), Франкфуртское 1601, Ганноверское 1613, in 12° и т. д. Что касается переводовъ Утопіи съ латинскаго, то пер-

*) Транскрапція: v какъ v, que какъ qz, et какъ &.

вый появился въ Базелѣ на нѣм. яз. въ 1524 г. „Von den wunderlichen Inseln“, второй нѣмецкій въ Лейпцигѣ 1612, Кельнское изд.—1629, Амстердамскія 1629 и 1631, затѣмъ 1753—два (Франкфуртъ и Лейпцигъ) и дешевое 1846 г. въ Лейпцигѣ (въ Reclams „Universalbibliothek“). Первый голландскій переводъ—1553 г. (Антверпенъ, пер. Hansa de Laet).

Нѣсколько ранѣе появился итальянскій переводъ (Ortensio Landi—Венеція, 1548); болѣе поздній переводъ: 1821 и 1863 г. въ Миланѣ. Въ 1550 появляется первый французскій L. Le Blond'a Парижъ, 1550, второй—Barthelemy Anneau—Ліонъ, 1559 и др. изъ новѣйшихъ: 1842 и 1888 г. (Парижъ).

Первый англійскій переводъ появляется въ Лондонѣ, въ 1551 г. A fruteful and pleasant work of the beste state of a publyque weale and of the newe yle called utopia etc. (Abracham Vele). Лондонъ, 1551 г. (Вг. М. с. 38 a II). Оно было переиздано въ 1906 году съ сохраненіемъ вида подлинника (Вг. М. КТС. 106 в. 15); второе изд. въ 1556, затѣмъ 1597, 1624, 1639, 1743, 1761, 1789, 1808, 1838, 1868, 1878 и др.

Русскихъ переводовъ „Утопіи“ нѣсколько. Первый появился въ 1789 г. въ Петербургѣ. Онъ называется „Утопія Томаса Моруса или картины всевозможно лучшаго правленія съ дозволенія Управы Благочинія“. Переводъ этотъ въ Россіи величайшая библіографическая рѣдкость, его нѣтъ и въ Им. Публичной библіотекѣ въ СПБ. Другой переводъ съ нѣмецкаго имѣется въ книгѣ Е. В. Тарле: Общественныя воззрѣнія, Томаса Мора въ связи съ экономическимъ состояніемъ Англіи его времени съ двумя приложеніями: 1) переводъ Утопіи съ латинскаго (?) и 2) рукопись современника о Томасѣ Морѣ. Изд. Міра Божія Спб. 1901 г. VI+225+127 стр. Сочиненіе Тарле, если его разсматривать съ исторической точки зрѣнія, является хорошею работою. Однако съ филологической стороны (т. е. относительно самаго перевода Утопіи), какъ это доказалъ В. Водовозовъ („Народное Хозяйство“ 1901 г. кн. XII), она неудовлетворительна. Смотри также разборъ книги Тарле В. Соломина (В. В. Святловскаго), тамъ же, кн. XII); при переводѣ Тарле пользовался не латинскимъ текстомъ Утопіи, а плохимъ нѣмецкимъ. Наконецъ, въ 1902 г. въ С.-Пе-

тербургѣ вышелъ переводъ Утопіи А. Генкеля, при участіи Н. Макшеевой съ біограф. очеркомъ Н. Макшеевой; этотъ переводъ выпущенъ вторымъ изданіемъ въ 1905 году.

Что касается изданіи латинскаго текста „Утопіи“ въ новѣйшее время, то лучшимъ можно считать: Th. Morus Utopia. Herausgeg. von Victor Michels und Theobald Ziegler. Berlin 1895 г. (Изъ серіи Lateinische Litteraturdenkmäler des XV и XVI Jahrhund., изд. Max Herrmann).

О Томасѣ Морѣ имѣется обширная литература. Лучшія сочиненія слѣдующія:

1.—Walter, W. I.: Th. Morus, son époque etc, (Br. M. 10815 bb. 21) 1847 (и Туръ, 1868).—2. Baumstark, R.: Th. Morus. Фрейбергъ, 1879 (Br. M. 10817 c l.).—3. Roper William.: The Life of Sir Thomas More, 1551.—4. Roper William.: тоже по латыни—1558, книга перепздавалась. Она написана зятемъ Мора, нынѣ весьма устарѣла, также какъ и подобныя же работы Гарнсфильда и Стихельтона, 1588.—5. Von Thommes, I. H.: Thomas Morus, 1847 (Br. M. 12550 g. 18). —6. Seebohm, F.: The Oxfurd Reformers of 1498 г. 1867. (Br. M. 8364 e. 34).—7. Hutton, W. H.: Sir Thomas More. Лондонъ, 1885 (или 1895 ?) (Br. M. 4018 c. 29). Біографія хуже біографіи Бриджетта.—8. Bremond, H.: Sir Thomas More, 1905 (Br. M.—4829 ccc).—9. Lee (Sydney): Great Englishmen of the 16 century etc. 1904 (Br. M.—10804 c. 22). —10. Louis, G.: Thomas Morus und seine Utopia, 1895. [Br. M. 11825 r. 7 (7)].—11. Lagarraga, B.: El Bienaventurado Tómas Moro, su vida, virtudes y muerto gloriosa, 1905. (Br. M. 10816 de 9).—12. Nisard.: Etudes sur la Renaissance, Erasme, Thomas Morus, Melanchton), устарѣло и поверхностно.—13. Miss Anna Manniry: Household of Sir Thomas More, 1851. Описаніе домашней жизни Мора. Такихъ изданій имѣется еще нѣсколько.—14. Kautzky, K.: Tromas More und Seine Utopia. Штутгардъ, 1888, популярная компеляція.—15. Rudhart: Thomas Morus aus den Quellen bearbeitet. 1 изд. Нюренбергъ, 1829, 2-ое Аугсбургъ, 1852 (устарѣло).—16. Bredgett: Life and writings of Sir Thomas More, lord Chancellor of Englapu

and martyr under Henry VIII. Лондонъ, 1883, 2-ое раньше— 1892; это наиболѣе подробная біографія Мора.

Лучшіе переводы: 1) Victor'a Michels'a и Theobald'a Ziegler'a (Берлинъ, 1895) въ серіи editiones principis Lateinische Litteraturdenkmäler des XV und XVI Jahrhunderts, herausgegeben von Max Herrmann 2) Lupton'a: The Utopia of sir Th. More in latin and english with notes, Oxford, 1895 и 3) Wesselу: Th. Morus Utopia, München, 1896. По русски о Морѣ писали: Яковенко, В.: Т. Моръ, СПБ., 1891.— Випперъ, Р.: Утопія Т. Мора, „Міръ Божій" за 1896, кн. Ш, Жуковскій, Ю.: Полит, и общ. теоріи XVI в. СПБ. 1871. Авсѣенко: Т. Моръ, „Русское Слово", за 1860 г. Янжулъ, И.: Новая фантазія на старую тему. „Вѣст, Евр." за 1890 г. кн. 4 и 5.

IV.

Коммунизмъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ.

Вторымъ Моромъ левеллеровъ былъ Уинстанлей, (Gerhard Winstanley), написавшій книгу подъ своеобразнымъ заглавіемъ: „Поднятіе знамени истинныхъ левеллеровъ или общиннаго государства, изложенное и предложенное сынамъ человѣческимъ Уильямомъ Эверардомъ, Джерардомъ Уинстанлеемъ и др., которые начали обрабатывать и удобрять невоздѣланную землю на Джорджъ Хиллѣ въ Уальтонскомъ приходѣ, въ графствѣ Сёррей", (Лондонъ, 1649). (Здѣсь описывается по методѣ Мора раціоналистическое и коммунистическое государство, гдѣ всѣ взоры обращены на земледѣліе). Ему принадлежитъ и второе, но болѣе систематически изложенное, сочиненіе: „Законъ свободы, изложенный въ видѣ программы возстановленія истиннаго управленія" [1]).

Уинстанлей подвергаетъ рѣзкой критикѣ, какъ духовенство, жестоко угнетающее, по его мнѣнію, народъ, такъ и судей, произволъ которыхъ противорѣчитъ законнымъ интересамъ народа; онъ жалуется на угнетеніе сельской бѣдности крупными землевладѣльцами и на тяжесть бремени отъ всякаго рода налоговъ, начиная отъ десятины, кончая городскими сборами у заставъ и на

[1]) „The law of freedom in a platform of true magistracy restored". Giles Colvert, 1651.

рынкахъ. Но главная причина бѣдствій, по его мнѣнію, это недостатокъ земли у желающихъ на ней трудиться. Весь соціальный вопросъ сводится у него, въ концѣ концовъ къ вопросу аграрному, къ надѣленію неимущихъ земли землею. При этомъ, въ будущей реформѣ право частной собственности на землю должно быть уничтожено. „Земля,—говоритъ Уинстанлей,—не принадлежитъ никому, ни по праву рожденія, ни по праву завоеванія". У всѣхъ людей должно быть полное имущественное равенство. „Никто,—говоритъ онъ,—не долженъ пріобрѣтать богатствъ иначе, какъ своимъ личнымъ трудомъ или трудомъ другихъ, которые только помогаютъ ему". Въ первомъ случаѣ по его мнѣнію, зажиточность не будетъ велика, во второмъ же—богатство добытое при помощи другихъ лицъ должно быть удѣляемо и этимъ послѣднимъ. Однако почестями отдѣльные люди должны пользоваться не равными, а только по заслугамъ. Высшая честь—быть вѣрнымъ слугой республики въ парламентѣ. Но парламентъ и республику Уинстанлей понимаетъ совершенно по своему: это только институты, защищающіе и охраняющіе общее пользованіе землею. „Ибо,—говоритъ Уинстанлей,—истинная республиканская свобода состоитъ въ свободномъ пользованіи землею".

Отсутствіе земли является источникомъ и нравственныхъ бѣдствій. „Отнятіе земли братомъ у брата, есть угнетеніе и порабощеніе". А результатомъ этого внѣшняго угнетенія является внутреннее рабство: алчность, высокомѣріе, горе, страхъ, отчаяніе, помѣшательство и пр.

Уинстанлей обращаетъ свое вниманіе и на промышленность. Его идеаломъ является мелкое производство, ремесло, для изученія котораго въ каждой общинѣ устраиваются общественныя мастерскія. Но самое производство должно быть коммунальное и всѣ продукты, въ концѣ концовъ, сдаются въ общественные магазины, которые ихъ и распредѣляютъ между гражданами.

Трудъ и обученіе обязательны. Послѣ 40 лѣтняго возраста разрѣшаются занятія согласно личному призванію, лица старше 60 лѣтъ занимаютъ общественныя должности, на которыя они избираются ежегодно. Исключеніе дѣлается только для почтмейстеровъ и священниковъ, дѣятельность которыхъ связана между собою.

Почтмейстеры доставляютъ всѣ свѣдѣнія, составляющія по своему характеру содержаніе нашихъ газетъ, а священники въ праздничные дни сообщаютъ эти свѣдѣнія народу. Священники знакомятъ гражданъ съ науками и законами.

Весьма обстоятельно изложена религія этой утопіи, религія весьма раціоналистическая, изложеніе которой, какъ не входящее въ наши задачи, я опускаю.

Уинстанлей въ 50-хъ годахъ примыкаетъ къ новому крайнему движенію того времени — квакерскому. Его послѣднее сочиненіе уже вполнѣ проникнуто духомъ квакеровъ [1]), первоначально являвшихся сектой, съ ярко выраженными коммунистическими стремленіями.

V.

Джемсъ Гаррингтонъ.

(1611—1677).

Утопія Гаррингтона „Океана“, — 1656. („Океанія“) написана съ совершенно иными пріемами, чѣмъ произведенія Т. Мора и Компанеллы. Гаррингтонъ не выдумываетъ никакого экзотическаго государства, а подъ весьма прозрачнымъ флёромъ описываетъ современную ему Англію. Сочиненіе, посвящено Кромвеллю. Эпиграфомъ ему служитъ знаменитый стихъ Горація: „Quid rides? mutato nomine, de te fabula narratur“.

Разобравъ различныя государственныя системы, Гаррингтонъ предлагаетъ устроить государство по образцу его республики „Океанія“, въ которыхъ два отличительныхъ признака: крайняя сложность и правильность выборовъ и крайняя правильность въ распредѣленіи поземельнаго владѣнія. Въ этой странѣ нѣтъ ни коммунизма, ни общихъ трапезни общности женъ, а, наоборотъ, весь строй ничѣмъ не отличается отъ общеевропейскаго строя. Только ограничено право владѣнія землею и никто не можетъ имѣть недвижимость, приносящую ежегодно болѣе 2-хъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ дохода. Другой основной законъ — это

[1]) „Рай святого или ученіе отца есть единственное удовлетвореніе души“.

крайне искусно придуманная система выборовъ, въ основаніе которой положенъ земельный цензъ. Гаррингтонъ убѣжденъ, что политическій строй является лишь надстройкой надъ извѣстною экономическою базою.

Несмотря на конфискацію книги и преслѣдованіе со стороны правительства, „Океана“ имѣла колоссальный успѣхъ. Подъ ея несомнѣннымъ вліяніемъ была написана Сіэсомъ Наполеоновская конституція VIII-го года, а взгляды Гаррингтона повліяли на цѣлый рядъ экономистовъ, и среди нихъ, главнымъ образомъ, на сэра Вилльяма Петти.

VI.

Ѳома Компанелла.

(1568—1639).

Доминиканскому монаху Ѳомѣ Компанеллѣ, среди ряда философскихъ и богословскихъ трудовъ, принадлежитъ государственный романъ: „Государство Солнца“ (Civitas solis), появившійся въ половинѣ 20-хъ годовъ на итальянскомъ языкѣ и изданный въ 1620 г. по латыни.

Онъ изложенъ въ формѣ діалога между однимъ монахомъ и путешественникомъ генуэзцемъ. Генуэзецъ разсказываетъ, какъ ему въ его морскихъ странствованіяхъ пришлось попасть въ своеобразно устроенное Государство Солнца. Общіе пріемы описанія и самая суть устройства этого города немного разнятся отъ „Утопіи“ Томаса Мора. Но общій характеръ сочиненія Компанеллы совершенно иной. На всемъ лежитъ отпечатокъ личности этого бурнонастроеннаго, дикаго и фанатичнаго монаха. „Этотъ удивительный монахъ — калабріецъ,—говоритъ Людвигъ Штейнъ—смѣлый до дикости, фантастъ до глупости, энергичный до титаническаго мученичества, воплощаетъ въ себѣ всѣ свойства, заканчивавшагося въ то время вѣка. Отъ другихъ составителей государственныхъ романовъ, онъ отличается своею глубокою вѣрою въ практическую осуществимость своихъ фантазій. Организація его государства не особенно сложна. Во I-хъ, это государство монархическое, во II-хъ,

монархія его вполнѣ теократична, т. е. она представляетъ собой нѣчто напоминающее организацію римской церкви. Въ своихъ владѣніяхъ, римскій папа являлся именно такимъ государемъ, княземъ-священникомъ, какого Компанелла ставитъ во главѣ своего государства, подъ именемъ „Высокаго Солнца“, и который обозначается знакомъ: Θ. Ему помогаютъ три свѣтскихъ государя или чиновника, которые по образцу современныхъ министровъ, вѣдаютъ отдѣльными отраслями государственнаго управленія.

Недвижимое имущество въ городѣ Солнца,—общее. Общи также спальни и столовыя, но жители не отличаются умѣренностью, какъ въ „Утопіи“; а наоборотъ, живутъ въ крайней роскоши. Трудъ играетъ такую же роль, какъ и наслажденіе, всѣ виды котораго здѣсь всячески поощряются. Свободная любовь крайне чувственна, рожденіе же дѣтей считается не частнымъ, а государственнымъ дѣломъ. Дѣторожденіе регулируется правительствомъ на основаніи статистическихъ данныхъ и экономическихъ соображеній. Улучшенный человѣческій родъ долженъ выработаться путемъ удачнаго скрещиванія. Всѣ ежедневно обязаны работать. Рабочій день опредѣляется въ 4 часа. Этого вполнѣ, по мнѣнію Компанеллы достаточно „для столь богатой природою мѣстности“.

Громадную и выдающуюся роль въ этомъ государствѣ играетъ наука. Всѣ стѣны въ городѣ, даже стѣны храмовъ покрыты рисунками, чертежами, надписями—и все научнаго характера. Матеріальная культура тоже не въ загонѣ. Ремесла, земледѣліе и скотоводство—въ особомъ почетѣ.

Таковъ вкратцѣ строй, представлявшійся желаннымъ пламенному монаху и искусному итальянскому писателю [1]) начала XVII вѣка.

„Государство солнца“ имѣло громадное вліяніе на современниковъ. Увлеченіе коммунизмомъ дошло до того, что нѣкоторые итальянскіе монахи предприняли попытку осуществить на практикѣ идеи Компанеллы. Для устройства реальнаго „Города Солнца“ пришлось обратиться къ другимъ странамъ свѣта.

---

[1]) Перу Компанеллы принадлежитъ между прочимъ: Discursus de Belgio sub Hispani potestatem redigendo, 1662.—Compendium librorum politicorum de Papana and Hispanica Monarchia, 1828.—Atheismus triumphatus, 1631.—Astrologicorum libri VII, 1630,—Medicinelium juxta propria principi, 1635; сонаты и пр. Philosophiae rationales partes quinque, 1638.

И вотъ въ теченіе того же 17-го вѣка была создана точная копія „Городу Солнца“ въ далекой странѣ, а именно въ Парагваѣ, въ Южной Америкѣ. Организаціею новаго коммунистическаго государства занялись монахи ордена іезуитовъ. Выдержавъ борьбу съ испанцами и окончательно поработивъ мѣстныхъ полудикихъ индійцевъ, новые реформаторы изгнали изъ захваченной ими территоріи всѣхъ европейцевъ. Изъ привезенныхъ поселенцевъ и порабощенныхъ туземцевъ было создано теократическое государство на коммунистическихъ началахъ. Этимъ неслыханнымъ дотолѣ государствомъ управляла сотня монаховъ, которымъ подчинялась стотысячная масса, преимущественно туземцевъ. Все населеніе было размѣщено въ небольшихъ городкахъ; въ каждомъ изъ нихъ насчитывалось отъ $2^1|_2$ до 7 тысячъ жителей. Эти городки были построены по заранѣе обдуманному симетричному плану. Жизнь въ нихъ была организована въ согласіи съ идеями, высказанными Компанеллою въ его „Городѣ Солнца“.

Религіозно-коммунистическая община іезуитовъ въ Парагваѣ просуществовала довольно долго, но при стремленіи осуществить въ жизни коммунистическія начала іезуитамъ приходилось преодолѣвать невѣроятныя трудности путемъ неустанной борьбы; они въ итогѣ отучали туземцевъ отъ ихъ природныхъ склонностей. Вольные сыны южно-американскихъ прерій, забывъ торговлю, охоту и бродяжничество, занялись тяжелымъ сельскохозяйственнымъ трудомъ, но все же духъ ихъ не соотвѣтствовалъ психологіи гражданъ „Города Солнца“. Правда, внѣшнія рамки послѣдняго были здѣсь строго скопированы. Вся недвижимость принадлежала государству въ его совокупности; право владѣнія движимостью было ограничено до крайности; такъ въ личномъ владѣніи могли быть только столовый ножъ, топоръ и плугъ, немногія украшенія и весьма скромное платье.

Не насадивъ и въ другомъ полушаріи коммунизма, этотъ замѣчательный въ исторіи человѣчества экспериментъ принесъ только пользу сосѣдямъ акклиматизировавъ здѣсь рядъ полярныхъ европейскихъ растеній. Но отцы іезуиты, кажется, не для этой цѣли переплыли Атлантику и добровольно закабалили себя на нѣколько поколѣній, на мелочную борьбу съ человѣческой природою.

Но это царство принудительнаго коммунизма не было чисто-земледѣльческимъ.

Помимо земледѣлія въ Парагвайскомъ коммунистическомъ государствѣ были введены всевозможныя ремесла. Къ нимъ, равно ко всякаго рода художественнымъ промысламъ, туземцы чувствовали особую склонность. Въ результатѣ все же возникла значительная торговля съ сосѣдями. Сбывали и свои издѣлія и продукты сельскаго хозяйства. Этотъ торгъ приносилъ государству громадные доходы, хотя по прежнему внутренней торговли и денегъ въ обращеніи не было. Другимъ противорѣчіемъ былъ милитаризмъ. Отучая туземцевъ отъ грабежа и войнъ, іезуиты вынуждены были завести для защиты территоріи войска на подобіе европейскихъ регулярныхъ.

Но самое главное это было то, что населеніе въ строѣ принудительнаго коммунизма не было счастливо. Оно совершенно не возрастало, а нѣсколько сильныхъ эпидемій сильно сократило его численность.

Государство іезуитовъ просуществовало бы, быть можетъ, еще долго если бы не идейное нападеніе на его вождей со стороны нѣкоего Помбаля, который въ 1757 году опубликовалъ имѣвшій феноменальный успѣхъ «Отчетъ республики іезуитовъ въ Парагваѣ». Здѣсь разоблачалась методическая жестокость и суровая фанатичность отцевъ іезуитовъ по отношенію къ беззащитному населенію. Римъ былъ крайне встревоженъ скандаломъ и южно-американскій экспериментъ рѣшено было окончить. Это было сдѣлано съ обычными для Ватикана пріемами: комиссія съ тайнымъ порученіемъ переплыла Океанъ и, явившись въ Парагвай, арестовала монашеское правительство Компанеллова царства. Новыя власти уже совершенно не поняли ни страны, ни туземцевъ, какъ не считались съ заведенными ранѣе съ такимъ трудомъ порядками. Въ итогѣ это своеобразное, по своему процвѣтавшее государство очень быстро пало и, спустя немного лѣтъ, мѣстности, усердно обрабатывавшіяся коммунистическими индѣйцами, вновь заросли дремучимъ лѣсомъ.

Литература о Компанеллѣ. Какъ уже было указано выше, изъ различныхъ сочиненій Компанеллы главное мѣсто занималъ „Городъ Солнца". О его изданіяхъ и переводахъ можно сообщить слѣдующее:

Впервые Городъ Солнца появился въ 1823 году. Книга носила названіе: F. Thomae Companellae: Appendit Politicae Civitas solis. dea Reipublicae philosophicae. Francofurti. Typis Egenolphi Emmelü, impensis vero Godofredi Tambachii. Anno salutis MDCXXIII.

Другое изданіе прямо называлось Civitas solis politica, Idea reipublicae philosophicae. (Ultraiecі, 1643). Изъ позднѣйшихъ изданій извѣстно 1862 года (Италія, Biblioteca rara).

Переводы „Государства солнца" (съ латинскаго). Есть указаніе на итальянскій переводъ 1615 года т. е. до перваго латинскаго изданія, но я нигдѣ подтвержденія не нашелъ. Современные итальянскіе переводы сдѣланы въ 1838 и 1904 гг. (T. Companella: La citta del sole. Lugano, 1836 и La città del sole di Tommaso Companella. Tradizione di Edmondo. Другія сочиненія Компанеллы:

1—Discursus de Belgio sub Hispani potestaten redigendo, 1602. 2—Compendium librorum politicorum de Papana and Hispanica Monarchia, 1828. 3—Astroligicorum libri VII, 1630. 4—Atheismus triumphatus, Римъ, 1631. 5—Medicinalium juxta propria, princip, 1835. 6—Philosophiae rationales partes quinque, 1638

О жизни и дѣятельности Компанеллы писали:

1—Baldacchini, M. Vita e filosophia di T. Companella, 1840. 2—Nys: Thomas Companella, sa vie et ses theorie politiques, 1889. 3—Felici, G. S, Le dottrine filosofico—reiligioso di Tommaso Companella, 1895. 4—P. Lafarge: Companella, есть русскій пер. Лафаргъ: Компанелла, изд. „Лучъ" Спб. 1906 г. 5—Квачала, И. И.: Компанелла, въ „Журналѣ Министерства Народ. Просвѣщенія" за 1906 г. 6—Объ немъ же между прочимъ Gobbi: L'economia politica des secolo XVI—XVII, 1889 (со стр. 19) и T. Farnari: Delle theorie economiche nelle Provincie Napolitane. Миланъ 1882. 8—Limanowsky: Dwa znakomici communisci: T. Morus i T. Companella, i ich systematy, 1873. Solmi. Modena, 1904.

Англійскій переводъ: „Companella's City of the sun" въ Marley's Universal Library, томъ 23, (Лондонъ, 1883 г.).

Русскій переводъ: „Государство солнца", перев. съ латинскаго съ примѣч. и допол. А. Г. Генкеля, Спб. 1907 г.

VII.

Дальнѣйшее развитіе коммунизма.

Коммунизмъ во Франціи 18 вѣка далъ рядъ крупныхъ именъ [1]) и рядъ интересныхъ ученій.

---

[1]) Жанъ Месле, (Jean Meslier), Морелли, (Morelly), Мабли (Mably), Лингэ, Ориссо-де Варвилль, Францъ-Буассель, (François Boissel), Бабефъ (Babeuf) и Д'артэ, ef (D'arte).

Въ Россіи въ 1783 году было написано замѣчательное сочиненіе князя М. М. Щербатова: «Путешествіе въ землю Офирскую».

Мы не будемъ прослѣживать далѣе исторію тонизма въ послѣдующемъ столѣтіи, давшемъ повсемѣстно въ Европѣ многочисленные памфлеты и романы коммунистическаго направленія. Многіе изъ нихъ являются необычайно характерными для своего времени и создаютъ параллельно съ развитіемъ оффиціальной науки свое вольное теченіе „Мысли плѣнной“. Научное изученіе послѣдняго времени воздало нѣкоторымъ изъ нихъ должное, указавъ на смыслъ и значеніе этого рода литературы.

Единовременно съ развитіемъ физіократизма у насъ впервые начинаетъ развиваться утопизмъ. Послѣдній, какъ всегда, открывается беллетристикою. Соціальный романъ у насъ, какъ и въ Европѣ, является первою ступенью въ развитіи соціалистическихъ настроеній. Соціально-политическіе романы появляются подъ прямымъ вліяніемъ безчисленныхъ переводовъ Вольтера [2]). Наши вольтеріанцы XVIII вѣка, повидимому, цѣнили въ геніальномъ писателѣ не только саркастическія выходки и ѣдкость критической мысли: онъ прельщалъ ихъ картинами лучшей, болѣе возвышенной жизни. Послѣ его безпощадной критики существующихъ порядковъ, эта жизнь кажется еще прекраснѣе и разумнѣе.

Рядъ русскихъ романистовъ, слѣдуя Вольтеру, рисуютъ заманчивыя картины лучшаго соціальнаго будущаго, освѣжающагося близостью къ природѣ. Философскій романъ Дмитріева-Мамонова [4]) и хаотическая повѣсть Левшина приближаются къ типу политическихъ романовъ съ обычнымъ пріемомъ посѣщенія иной страны. Въ повѣсти Левшина русскіе путешественники попадаютъ на луну,

[1]) См. Чечулинъ, Н.: Русскій соціальный романъ XVIII вѣка. Спб., 1900 г. (2 изд.), Кизеветтеръ А.: „Русская утопія XVIII вѣка“ въ сборникѣ „Помощь“, изд. 2, 1903 г. Мякотинъ В.: Дворянскій публицистъ Екатерининской эпохи, въ книгѣ „Изъ исторіи русскаго общества“, 1906, изд. 2-ое. Семевскій В.: Политическія и общественныя идеи декабристовъ. Спб. 1909 стр. 16 и слѣд.

[2]) Сиповскій, В. В. Къ исторіи русскаго романа, Спб. 1909 стр. 89—95.

[3]) Дмитріевъ-Мамоновъ, Дворянинъ—философъ, аллегорія 1 изд. 1769, 2 изд. 1796.

[4]) В. Левшинѣ: Новѣйшее путешествіе, цит. по В. Сиповскому. Русскій романъ, стр. 91.

гдѣ нѣтъ храмовъ, монаховъ, воиновъ, нѣтъ собственности и насилія, но зато процвѣтаютъ науки, земледѣліе и скотоводство. Писанныхъ законовъ тоже нѣтъ. „Законъ естественный,—говоритъ Левшинъ,—здѣсь довольно твердъ, когда исповѣдываетъ оный совѣсть каждаго; оный начертанъ неизгладимыми буквами въ душахъ нашихъ". „И зачѣмъ,—восклицаетъ далѣе авторъ въ строго анархистскомъ духѣ,—писать то, что каждый, по чувствамъ своимъ разумѣетъ безъ истолкованія?".

Въ другихъ русскихъ романахъ рѣзко звучала нота сочувствія угнетеннымъ. Тяжелое безправіе крестьянъ, „желѣзныя звенья невольничьей цѣпи", вся безпросвѣтность крѣпостничества встрѣчаютъ въ рядѣ беллетристическихъ сочиненій этого времени полное осужденіе. О бытѣ и нравахъ крѣпостничества авторы говорятъ съ нескрываемымъ негодованіемъ, „добрые помѣщики" служатъ, въ свою очередь, предметомъ восхваленія и умиленія.

Утопизмъ конца XVIII вѣка переходитъ въ Александровскую эпоху—въ чисто политическую оппозицію,—завершившуюся революціоннымъ движеніемъ декабристовъ.

Въ другихъ странахъ утопизмъ тѣсно связанъ съ Томасомъ Моромъ. Коммунистическими идеями, развитыми Моромъ, интересовались и въ слѣдующемъ, 17 столѣтіи въ Англіи. Параллельно съ этимъ теоретическимъ увлеченіемъ опять возрождается и практическое направленіе въ той его формѣ, которая была и до Утопіи Томаса Мора. Поэтому въ 17 вѣкѣ коммунизмъ въ Англіи развивается ввидѣ двухъ одновременныхъ теченій. Это отнынѣ становится характернымъ для этого направленія мысли вплоть до второй половины XIX вѣка, времени окончательнаго паденія коммунистической доктрины.

Теоретическое движеніе коммунизма въ 17 вѣкѣ питается государственными романами въ формѣ, родственной Утопіи. Практическое—возрождается въ духѣ средневѣковья, только мѣсто дѣйствія теперь иное. Это уже не старая арена анабаптизма Германія, а отдаленная Англія, гдѣ еще съ 14 вѣка религіозное сектанство подготовляло народъ къ соціальному радикализму.

Въ 15 и 16 вѣкахъ сектанство въ Англіи развивается и усиливается. Ко времени великой англійской революціи уже вся

страна была охвачена всевозможными сектами, среди которыхъ пуритане или левеллеры играли главную роль.

Во главѣ левеллеровъ ко времени Кромвеля стоялъ пылкій и непреклонный Джонъ Лильборнъ. Онъ неизмѣнно отстаивалъ права народа, который его буквально боготворилъ.

При содѣйствіи Лильборна былъ составленъ замѣчательный „народный договоръ на основѣ всеобщаго права на объединеніе всѣхъ безпристрастныхъ людей". Этотъ договоръ—Agreement of the people,—послужившій въ послѣдствіи по своимъ идеямъ прототипомъ общественному договору Руссо,—былъ составленъ въ 1649 году.

Здѣсь, переплетаясь между собою, излагаются политическія и экономическія воззрѣнія левеллеровъ. Рядомъ съ требованіемъ выборной демократической республики стоятъ пожеланія коренной реорганизаціи земельныхъ отношеній. Все это завершается стремленіемъ къ коммунистическому строю. Торговля, деньги, купля и продажа вообще, войско и судъ—должны быть уничтожены. Бѣдные должны быть надѣлены пустующею землею. Каждому должно быть предоставлено право на трудъ и право пользованія всѣми плодами его личнаго труда.

Вообще же соціальный вопросъ, по мнѣнію левеллеровъ, есть прежде всего аграрный. Онъ разрѣшается надѣленіемъ всѣхъ землею. „Тогда,—говорятъ левеллеры,—не будетъ ни бѣдныхъ, ни тунеядцевъ. Въ этомъ стремленіи многое можетъ сдѣлать церковь: „позоръ для религіи оставлять землю не воздѣланною, когда многіе умираютъ съ голоду".

Одинъ изъ левеллеровскихъ писателей высказывается въ пользу немедленнаго практическаго осуществленія намѣченныхъ идеаловъ, что вообще, считалось дѣломъ не труднымъ. «Небольшое число неутомимыхъ и неустрашимыхъ людей могли бы перевернуть міръ, если бы они разумно взялись за дѣло и надлежащимъ образомъ воспользовались своей жизнью и мужествомъ».

Другой писатель левеллеровъ Чемберленъ предлагаетъ разрѣшить соціальный вопросъ съ помощью средства, которое впослѣдствіи, а въ особенности въ наше время находитъ себѣ рядъ сильныхъ и выдающихся сторонниковъ—націонализаціи земли. Въ

своемъ сочиненіи: «Адвокатъ бѣдныхъ людей» (The Poor Men's Advocate, 1649). Чемберленъ предлагаетъ превратить въ національное имущество всѣ прежнія государственныя, церковныя и выморочныя земли и сдавать ихъ въ пользованіе неимущимъ.

У левеллеровъ имѣлся и свой Томасъ Моръ—Самуилъ Гартлибъ, написавшій левеллеровскую Утопію со слѣдующимъ, весьма своеобразнымъ заглавіемъ: „Описаніе славнаго королевства Макарія" (A description of the famous Kingdom of Macaria, Лондонъ, 1641 г.).

Въ концѣ того же вѣка коммунистическій романъ прививается во Франціи. Здѣсь длинную серію красиво написанныхъ утопій открываетъ въ 1677 году Веррасъ своею „Исторіею Северомбовъ", гдѣ авторъ описываетъ необыкновенно счастливую жизнь отдаленной, якобы посѣщенной имъ страны.

Въ самомъ концѣ того же вѣка утопическая литература впервые проникаетъ и въ Германію. Здѣсь анонимный авторъ издаетъ въ 1699 году „Государство Офирское", очень серьезное и интересное коммунистическое сочиненіе.

Объ утопическомъ романѣ существуетъ обширная литература. Общія свѣдѣнія можно найти какъ въ подробныхъ „исторіяхъ коммунизма" (наприм. Сюдра, Каутскаго и Бернштейна, Щеглова и др.), такъ и въ сочиненіяхъ вродѣ: F. Kleinwächter: Die Staatsromane, (Вѣна. 1891) или А. Кирхгейма: Вѣчная Утопія. рус. пер. (СПБ. 1902).

Классическая школа.

1. Общій обзоръ.

I.

Классическая школа,—эта блестящая и законченная идеологія буржуазіи,—находила, что основной принципъ существующаго строя—естественная его гармонія. Гармоніи народнаго хозяйства противорѣчитъ вмѣшательство въ него и отдѣльныхъ лицъ, и группъ, и государства. Активное вмѣшательство—это тормазъ для народнаго хозяйственнаго прогресса. Гармонія достигается при помощи основного фактора хозяйственной дѣятельности индивидуума—эгоизма. Руководясь эгоизмомъ, человѣчество достигаетъ высшаго благополучія, ибо частная польза совпадаетъ съ общественной. Итакъ, полная индивидуальная свобода въ области народнаго хозяйства—вотъ лозунгъ и идеалъ. Полная свобода промышленности, торговли, всякаго хозяйственнаго дѣйствія—вотъ принципы, которыми необходимо руководиться. Отсюда, — изучая частное хозяйство, экономическую жизнь индивидуума, можно понять и основоначала народнаго хозяйства. Познаніе частнохозяйственной системы возможно путемъ одной простой дедукціи изъ общихъ положеній естественнаго права и смитовой теоріи. Изъ основныхъ началъ можно легко постулировать и законы обмѣна, распредѣленія и пр.

Исторія происхожденія этихъ взглядовъ несложна, но весьма интересна.

Къ концу 18 столѣтія европейская промышленность развила тѣ специфическія формы капитализма, который характеризуетъ ее во всей послѣдующей ея исторіи. Въ техническомъ производствѣ произошелъ прогрессъ. Въ 1770 году ткачъ Джемсъ Гаргревсъ

изобрѣлъ прядильную машину „Дженни“, съ помощью которой можно было сразу пропускать цѣлый рядъ нитей, между тѣмъ какъ прежде можно было пропускать только одну нить. Это изобрѣтеніе сдѣлало возможнымъ расширить въ значительной мѣрѣ производство. Въ слѣдующемъ 1771 году Аркрайтъ изобрѣлъ, такъ наз., „ватерную“ машину, дѣйствовавшую при помощи воды и значительно облегчавшую производство нитей изъ хлопка. Дальнѣйшее изобрѣтеніе (1779 г.) Самуила Кромптона поставило прядильное производство на такую недосягаемую высоту, о которой прежде нельзя было и думать: одинъ рабочій при помощи новой „мюльной“ машины, объединившей два предыдущихъ изобрѣтенія Гаргревса и Аркрайта, могъ приводить въ движеніе 12.000 веретенъ. Эти всѣ изобрѣтенія касались превращенія хлопка въ нить. Затѣмъ въ 1785 году Картрайтомъ былъ изобрѣтенъ механическій станокъ, который перемѣнилъ всю физіономію крупной промышленности. Измѣненія механическаго станка продолжались вплоть до 1813 г., чему не мало способствовало примѣненіе силы пара, сдѣланное въ 1769 году Уаттомъ для горнозаводской промышленности и вошедшей съ 1785 года въ бумагопрядильное производство.

Кромѣ того, и въ транспортѣ замѣчались усовершенствованія. Въ 1777 году между Трентомъ и Мерсеемъ былъ вырытъ каналъ въ 96 миль, въ 1820-хъ годахъ появились шоссейныя, а съ 1827 и желѣзныя—дороги.

Въ результатѣ оказалось, что капиталистическое производство въ Англіи стало на твердую почву; по одному подсчету въ 1811 году въ Англіи было въ ходу около $4^1/_2$ милліоновъ механическихъ веретенъ. Экспортъ невѣроятно возросъ. Въ 1793 году изъ Англіи экспортировали на 17 мил. фунт. стерлинговъ, а спустя семь лѣтъ вывозъ удвоился 134 мил. фунт. стерл.

Все показывало, что капитализмъ шелъ быстрыми шагами въ Англіи и былъ первое время плодотворенъ, если имѣть въ виду приростъ населенія за періодъ времени съ 1751 по 1821 гг. Данныя очень любопытны. Первоначально населеніе въ каждыя 10 лѣтъ увеличивалось только на $3^0/_0$; появились изобрѣтенія и усовершенствованія въ области техники и за періодъ съ 1771 г. по 1781 г.

мы замѣчаемъ приростъ населенія на 6%; съ 1781 по 1791 г.— на 9%, съ 1791 г. по 1801 г.—на 11%, съ 1801 г. по 1811 г.—нѣчто неслыханное на 14 %, а съ 1811 г. по 1821 г.— даже на 21%, цифра, которая никогда не повторялась, и такого роста населенія въ Англіи больше никогда не было. Развитіе экспорта къ тому же показывало, что съ появленіемъ капитализма для Англіи наступило торговое благосостояніе.

Къ этому времени и появляются классическія сочиненія А. Смита, Рикардо и другихъ, менѣе извѣстныхъ писателей того же направленія. Они встали на защиту новыхъ условій, на защиту капитала. Поэтому къ рабочему вопросу всѣ эти экономисты отнеслись весьма своеобразно. Улучшеніе быта и условій труда рабочаго класса, говорили они, возможны только съ улучшеніемъ положенія всего населенія. Если что-либо наблюдается дурное, напр., хотя бы бѣдность, то это происходитъ благодаря дурнымъ нравственнымъ качествамъ рабочаго класса, а особенно благодаря его чрезмѣрной плодовитости, противъ чего справедливо де возставалъ Мальтусъ.

Въ ту же эпоху, когда происходили техническіе перевороты, приходилось бороться и съ условіями стараго строя. По закону Елизаветы нельзя было устраивать фабрикъ и заводовъ тамъ, гдѣ дѣйствовала цеховая система, такъ что капиталистическія предпріятія могли возникать только въ новыхъ городахъ или внѣ городовъ, т. е., въ мѣстностяхъ, на которыя не распространялось дѣйствіе ограничительнаго закона Елизаветы. Когда классъ капиталистовъ возросъ, то онъ сталъ домогаться уничтоженія прежняго закона. И вотъ парламентъ сталъ давать разрѣшенія на годъ-два на устройство фабрики въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствовалъ старый законъ. Но, такъ какъ фабрику и заводъ невыгодно— нельзя было открывать только на 1—2 года, то приходилось возобновлять на каждый срокъ условія вновь. Наконецъ, капиталисты добились того, что законъ Елизаветы былъ отмѣненъ.

Новый строй, основанный на капиталѣ, сталъ рѣшающимъ въ англійской промышленности. То же произошло во Франціи во время революціи и нѣсколько позднѣе въ Германіи.

Почти одновременно такое же движеніе шло и въ Соединенныхъ Штатахъ. „Великій расколъ“ англо-саксонской расы и всѣ

связанныя съ нимъ событія приводили вмѣстѣ съ тѣмъ къ мысли, что въ сущности дурное экономическое положеніе зависитъ отъ политическаго устройства и что экономическое измѣненіе должно зависѣть отъ ряда реформъ. Эта мысль была формулирована въ 1793 году Вильямомъ Годвиномъ.

1. Адамъ Смитъ.

Экономическая жизнь въ концѣ 18 столѣтія представляетъ собою рѣдкую въ исторіи революцію экономически глубоко связанную съ радикальными измѣненіями во всей техникѣ и промышленности. На протяженіи какихъ нибудь 30—40 лѣтъ мы видимъ, какъ старый феодальный, цеховой и крѣпостной строй окончательно превращается въ крупно капиталистическій; вмѣстѣ съ тѣмъ падаютъ послѣднія преграды, мѣшавшія изолированному національстическому государству съ его системой феодальнаго натуральнаго производства, внутреннихъ рынковъ и таможенной борьбы превращаться въ одно торгово промышленное космополитическое единство, съ общими кредитно-денежными операціями и съ сложными экономическими взаимодѣйствіями и взаимоотношеніями.

На протяженіи очень короткаго промежутка времени мы видимъ, что промышленность изъ ремеслъ превращается въ фабрику, ярмарочная торговля претворяется въ мировые рынки, крѣпостной превращается въ рабочаго, въ пролетарія. Кадры феодаловъ замѣняются бюрократіей, а былая организація военнаго государства смѣняется политической централизаціей.

Въ концѣ этого періода политически окрѣпло третье сословіе, стало устойчивымъ соотвѣтствующимъ крупному производству, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошли такіе радикальные процессы въ области внѣгородской, что и въ аграрномъ отношеніи произошла коренная перемѣна. Такъ вмѣсто неподвижной земельной собственности, охраняемой сословіями и закономъ, мы видимъ полную свободу въ ея мобилизаціи, вмѣсто единой, управляемой феодаломъ, деревни, ея разложеніе.

Правда, такая экономическая революція, реализировавшаяся

на протяженіи очень короткаго промежутка времени, не создалась только въ этотъ періодъ. Она только реализировалась въ немъ.

Процессъ подготовлялся давно, еще въ предыдущемъ столѣтіи, когда падалъ феодализмъ, росли города, а меркантильная система создавала промышленность, усиливала торговлю и собирала бюджетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходили и тѣ внутреннія измѣненія, которыя были вязаны со всѣмъ этимъ вторженіемъ государственной власти въ область хозяйственныхъ отношеній ея подданныхъ. Очевидно, что идеологія, развивающаяся на каждой изъ смѣняющихся ступеней этого развитія, была совершенно иной. Она формировалась каждый разъ въ полномъ соотвѣтствіи съ тою жизнью, которая служила ей почвой и, будучи завершеніемъ, осознаваніемъ процесса, помогала, въ свою очередь, обратному воздѣйствію теоріи на жизнь. Съ паденіемъ міровоззрѣнія меркантилизма развивается идейная его противоположность—космополитизмъ, раскрѣпощеніе личности, свобода экономической дѣятельности, вообще свобода промышленности.

Хотя физіократизмъ представлялъ собою нѣкоторые элементы стараго пониманія, а именно прибѣгалъ еще къ государственной власти въ вопросѣ земледѣлія и налоговъ, но онѣ скоро были изжиты надвигающимися новыми теченіями. Стоило только формулировать въ видѣ законченной діалогической системы процессъ, который совершался въ жизни, какъ эта формулировка получила первенствующее, исключительное значеніе.

Это формулированіе тѣхъ процессовъ, которые совершались раньше всего въ Англіи, и выпало на долю Смита.

Такъ обстояло дѣло въ исторіи ученій, посколько они касались экономической дѣятельности. Но если ихъ разсматривать, какъ непрерывно связанную между собою цѣпь, то мы видимъ, что къ этому моменту и въ области экономическихъ ученій назрѣлъ тотъ переворотъ, который въ это время происходилъ и въ области философской.

Меркантилисты и физіократы, также какъ и предшествующіе Канту метафизики, видѣли основные центры всѣхъ явленій во внѣшнемъ мірѣ и пытались познать свои истины изъ познанія внѣш-

ней природы. Меркантилисты считали центромъ хозяйственной дѣятельности деньги и товарный обмѣнъ, физіократы полагали, что основнымъ импульсомъ для созданія хозяйства является сельскій земледѣльческій трудъ и физическая природа.

Совершенно иначе взглянулъ на дѣло Смитъ. Вмѣсто внѣшней природы онъ поставилъ въ основу всего внутреннюю природу человѣка и его способности, т. е. совершилъ такую же самую революцію въ области пониманія экономическихъ явленій, какую къ этому времени совершилъ Кантъ въ области философіи. Какъ у Канта умственная природа человѣка является отнынѣ основной и исходной точкой для міропониманія, такъ и у Смита въ основѣ всего экономическаго міровоззрѣнія лежитъ психическая природа того же человѣка. Какъ исходной точкой своего ученія Кантъ ставитъ познаваніе способности людей, такъ и Смитъ полагаетъ, что все зависитъ отъ экономическаго импульса того же человѣка.

На это соотношеніе между экономическими ученіями Смита съ одной стороны и философскими ученіями Канта съ другой, обратилъ впервые вниманіе экономистъ Онкенъ. Онкенъ полагаетъ, что, какъ у Смита, такъ и у Канта въ противоположность до нихъ господствовавшему атомизму появляется космизмъ, что въ противоположность прежнимъ воззрѣніямъ у Канта въ основѣ стоитъ „человѣческое познаніе“, его натура, а у Смита „экономическій человѣкъ“, и что того и другого объединяетъ абстрактная структура ихъ ученій. Государственно-правовая школа Канта и народно-хозяйственная школа Смита представляютъ собою по этой концепціи двѣ родныя, почти тождественныя доктрины.

Кантъ считаетъ, что разумная природа существуетъ, какъ „цѣль сама въ себѣ“ и что высшимъ практическимъ принципомъ, категорическимъ императивомъ, являются опредѣленныя свойства человѣческой воли. Сходно смотритъ и Смитъ: въ основѣ общественно-хозяйственныхъ явленій лежитъ внутренній порядокъ, достижимость всѣхъ экономическихъ благъ свободной дѣятельностью (волею) индивидуумовъ. Категорическимъ императивомъ хозяйственной дѣятельности у человѣка является эгоизмъ. Кантъ и Смитъ находятъ, что наилучшая и наивысшая свобода заключается въ естественномъ порядкѣ.

Таковы сходныя антропоцентрическія точки зрѣнія у Канта и у Смита. Вмѣстѣ съ тѣмъ не лишены тожества и тѣ методы, при помощи которыхъ они изучали соотвѣтствующія явленія. Какъ ни относиться къ кантіанству, но во всякомъ случаѣ дедукція при общей постройкѣ кантовскаго міровоззрѣнія является не менѣе очевидной, чѣмъ та же дедукція у Смита, хотя Смитъ часто безсознательно и отступаетъ отъ этого метода.

Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія развитія цѣпи идей, Адамъ Смитъ представляетъ собою совершенно новое явленіе въ области исторіи ученій. Стоя на рубежѣ двухъ въ корнѣ противоположныхъ эпохъ, перелома двухъ совершенно противоположныхъ системъ міросозерцанія, онъ завершаетъ собою, то что уже къ его времени назрѣло, и формулируетъ тѣ принципы, которые надолго становятся особенно типичными для экономической теоріи и практики.

Вотъ почему на Адама Смита принято смотрѣть, какъ на основателя политической экономіи, хотя по существу онъ является только представителемъ новой эпохи. Если оцѣнивать Смита съ точки зрѣнія предшествовавшаго ему времени и перенестись въ тѣ условія и въ ту эпоху, когда писалъ Смитъ, то мы имѣемъ передъ собою безусловно первоклассную величину.

Если же, какъ часто дѣлаютъ, разсматривать Смита съ точекъ зрѣнія, развившихся послѣ него, и съ точки зрѣнія того тормаза, который оказала его доктрина для развитія народнаго хозяйства всего слѣдующаго времени, то, конечно, это будетъ два совершенно различныхъ отношенія, которыя не слѣдуетъ между собою смѣшивать.

Съ первой точки зрѣнія ученіе Смита безусловно революціонно, со второй—реакціонно. Остановимся на первой.

Весь этотъ меркантилизмъ съ его внѣдреніемъ въ личную и общественную жизнь индивидуума, безцеремонное государственное вмѣшательство, всѣ эти узко-эгоистическіе, національные и буржуазные интересы, которые занимали тогдашнихъ руководителей народнаго хозяйства и законодательства, находятъ себѣ суровую отповѣдь и энергичное противодѣйствіе со стороны Адама Смита. Идея естественнаго права и высшей внутренней гармоніи человѣ-

ческихъ отношеній—а на нихъ-то и стоялъ Смитъ—не позволяла отнынѣ связывать и принуждать отдѣльнаго индивидуума, такъ какъ это было раньше. Смитъ требуетъ полной свободы въ области хозяйственной, хотя онъ считаетъ полную свободу только цѣлью и идеаломъ. Точно такую же полную свободу отдѣльный индивидуумъ, предоставляетъ самъ себѣ и, какъ эгоистъ, онъ конечно стремится къ осуществленію своихъ собственныхъ эгоистическихъ выгодъ. „Преслѣдуя свою собственную выгоду", — говоритъ Смитъ на страницѣ 264, II тома: „человѣкъ часто работаетъ на пользу общую болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы онъ прямо задался этой цѣлью". „Каждый человѣкъ",— говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 261 тома II, русск. перев.). „старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе своего капитала. Правда, онъ имѣетъ въ виду при этомъ свои собственные интересы, а вовсе не общественную пользу, но все-таки его выгода съ естественною необходимостью побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества". Такимъ образомъ, цѣли отдѣльныхъ хозяйствующихъ индивидуумовъ и способы осуществленія этихъ цѣлей самымъ точнымъ образомъ совпадаютъ съ цѣлями общественными и имъ ни въ какомъ случаѣ не противорѣчатъ. Такое соотношеніе между общественной пользой и максимумомъ, развиваемымъ эгоизмомъ отдѣльныхъ хозяйствующихъ индивидуумовъ, становится понятнымъ, если мы вспомнимъ основную идею Смита— естественную гармонію человѣческихъ отношеній.

Смитъ выбираетъ эпикурейское обоснованіе міровоззрѣнія— эгоизмъ и индивидуализмъ. Онъ выводитъ и, кстати сказать, выводитъ изъ единаго принципа все экономическое ученіе, стоя на почвѣ тожества интересовъ отдѣльнаго человѣка и той среды, въ которой происходитъ его дѣйствіе. Отсюда понятны и всѣ дальнѣйшіе практическіе выводы, которые могутъ быть сдѣланы изъ его ученія. Всякія формы стѣсненія индивидуальной дѣятельности, будь то охрана труда отъ посягательства предпринимателей, будь то стѣсненіе свободной торговли, будь то стѣсненіе промышленной и земледѣльческой дѣятельности, встрѣчаетъ въ немъ горячаго противника.

Но нельзя сказать, чтобы Смитъ всегда и абсолютно отстаивалъ свою идею свободы,—онъ къ очень многимъ явленіямъ относится съ тѣмъ здравымъ пониманіемъ реальныхъ условій, которое было вообще свойственно его практической природѣ. Выставляя какой нибудь принципъ, онъ разсматриваетъ его, какъ принципъ конечный и вовсе не требуетъ немедленнаго и безусловнаго примѣненія его къ дѣйствительности, такъ что всѣ тѣ, которые впослѣдствіи стали на точку зрѣнія Смита, развивая эту точку зрѣнія абсолютно, очень скоро явились большими „Смитіанцами“, чѣмъ самъ Смитъ. Въ то же самое время тѣ замѣчанія, которыми сопровождалъ Смитъ реализацію различныхъ своихъ принциповъ, въ смыслѣ ихъ практическаго примѣненія, стали исходной точкой для лицъ, разсматривающихъ совершенно иначе ученіе Смита, всѣ тѣ его практическія замѣчанія о невозможности медленной реализаціи, скажемъ напримѣръ, свободы торговли или иныхъ принциповъ, послужили отправнымъ пунктомъ для тѣхъ, которые стремятся съ иной точки зрѣнія, чѣмъ первая группа смитіанцевъ, понять народно-хозяйственныя отношенія. Такимъ образомъ, Смитъ давалъ исходный пунктъ для двухъ совершенно противоположныхъ выводовъ, которые въ результатѣ, будучи подробно обоснованы, и даютъ тѣ двѣ взаимно противорѣчивыя экономическія школы, которыя во взаимной борьбѣ погребли наконецъ и самое ученіе Смита.

Политическая экономія Адама Смита не являлась трудомъ, исключительно посвященнымъ экономическимъ вопросамъ. Она есть только часть, входящая въ составъ общаго философскаго міровоззрѣнія этого писателя. Ученіе Адама Смита раздѣлялось на четыре части: на, такъ называемое, „естественное богословіе“ и этику, которыя онъ изложилъ въ своей книгѣ: „Теорія нравственнаго чувства“, затѣмъ на „Юриспруденцію“, которая, какъ видно изъ изслѣдованія спеціалистовъ по Смиту, является для насъ утерянной, и, наконецъ, „Политическую экономію“, которая была изложена въ книгѣ: „О причинахъ богатства и бѣдности народовъ“. Такое дѣленіе всего ученія на нѣсколько частей указываетъ, что Смитъ излагаетъ свои взгляды на экономическіе вопросы не только какъ таковые, но и въ зависимости съ об-

щими своими положеніями. А онъ, какъ профессоръ нравственной философіи, былъ по профессіи философъ, а не экономистъ, такъ что онъ допускалъ и альтруистическіе и эгоистическіе мотивы въ человѣческой дѣятельности. Но эти мотивы онъ считалъ дѣйствующими совершенно изолированно въ соотвѣтствующихъ областяхъ. Въ то время, какъ человѣкъ обнаруживаетъ максимумъ альтруистическихъ чувствъ въ области правовой, этической, богословской,—въ области экономической онъ является исключительно эгоистомъ.

Такимъ образомъ, тѣ пріемы нападокъ на Смита, которыми пытаются опровергнуть эгоизмъ человѣческой природы, доказывая, что человѣкъ не только эгоистъ, но полонъ и иныхъ чувствъ, представляютъ собою не что иное, какъ неправильное пониманіе того дѣленія, разграниченія человѣческихъ чувствъ, которое даетъ въ своей системѣ Смитъ. Если обратиться къ его основному сочиненію: „Природа и причины богатствъ націй“, какъ бы слѣдовало точно перевести его заглавіе, то мы видимъ, что оно распадается на 6 книгъ, включающихъ въ себѣ, съ современной точки зрѣнія, нѣсколько отдѣловъ экономической науки.

Такъ называемая „Теорія политической экономіи“ занимаетъ у Смита всего только введеніе и двѣ книги. Экономической политикѣ онъ посвящаетъ книги 3 и 4, и, наконецъ, ученію о финансахъ послѣднія двѣ части своего труда.

Такимъ образомъ, все то драгоцѣнное въ экономической наукѣ, что далъ намъ Смитъ, занимаетъ меньше половины всего его труда „О богатствѣ народовъ“.

Во введеніи Смитъ разсматриваетъ трудъ, какъ годовой трудъ народа, который даетъ первоначальный запасъ всякаго рода благъ, затѣмъ разсматриваетъ отношеніе произведеній труда къ числу потребителей, т.-е., опредѣляетъ размѣры снабженія народовъ предметами первой необходимости.

Въ книгѣ первой онъ анализируетъ причины, вслѣдствіе которыхъ увеличивается производительность труда, и порядокъ, въ которомъ произведенія труда естественнымъ образомъ распредѣляются между классами людей, образующими общества.

Въ книгѣ второй—экономическую политику.

Наконецъ, въ книгѣ третьей онъ разсматриваетъ капиталъ, всѣ его свойства, способы его умноженія, различное количество труда, приводимое капиталомъ въ движеніе и сообразно съ способами его примѣненія.

Въ книгѣ четвертой—исторію экономическихъ ученій.

Такимъ образомъ, съ современной научной точки зрѣнія Адамъ Смитъ излагаетъ, главнымъ образомъ, только процессы производства и распредѣленія, почти не касаясь отдѣловъ такъ назыв. „обмѣна“ и „потребленія“; послѣднимъ онъ удѣляетъ только самое ничтожное вниманіе. Нѣкоторые вопросы, чисто теоретическіе, освѣщены у него и въ его „экономической политикѣ“ изложеной въ книгѣ 3-ей и 4-ой. Въ 3-ей онъ указываетъ на разное отношеніе у различныхъ народовъ къ разнымъ видамъ промышленности и возникновеніе отсюда разной политики. Въ 4-ой разсматриваетъ различные варіанты экономическихъ теорій, указываетъ на слѣдствіе ихъ примѣненія въ области хозяйства. Такимъ образомъ, книга Смита еще не дифференцирована на отдѣльныя экономическія отдѣлы; въ ней еще установился тотъ типъ экономическихъ сочиненій, которые развились впослѣдствіи при болѣе детальномъ расчлененіи вопросовъ.

Въ своемъ изложеніи, какъ условій труда, какъ и свойствъ капитала, Смитъ придерживается англійскихъ условій, которыя онъ по всей видимости считаетъ въ дальнѣйшемъ въ значительной мѣрѣ постоянными и неизмѣнными. Всѣ тѣ отношенія между трудомъ и капиталомъ, между фабрикантами и рабочими, между землевладѣльцами и фермерами, которыя существовали въ то время въ Англіи, Смитъ закрѣпляетъ въ своей книгѣ, въ качествѣ постоянныхъ, чуть-ли не вѣчныхъ категорій народнаго хозяйства. На то явленіе, что эти основанія создались постепенно и, слѣдовательно, являются измѣнчивыми и только стойкими категоріями, и на то, что эти отношенія въ другихъ странахъ складываются иначе,—Смитъ не обращалъ рѣшительно никакого вниманія. Онъ усматриваетъ въ англійскихъ отношеніяхъ нѣчто постоянное, нѣчто закономѣрное, общее для всѣхъ временъ и народовъ. Это его обобщеніе мѣстныхъ и временныхъ условій въ

общія и постоянныя является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ и типичныхъ признаковъ всего ученія Адама Смита.

И, дѣйствительно, поскольку въ англійскомъ народномъ хозяйствѣ того времени сложилось и отразилось все то типично буржуазное, что формировалось уже въ то время въ Европѣ, постолько и ученіе Смита стало вообще характернымъ выразителемъ буржуазныхъ отношеній, — и все то, что представлялось въ его ученіи только отрицательнымъ, исключительно мѣстнымъ, то особенно скоро обнаружилось въ качествѣ противорѣчія съ его основнымъ положеніемъ.

Во всякомъ случаѣ, въ исторіи развитія европейской экономической жизни, ученіе Смита представляетъ собою фиксированіе и идеологію одной изъ наиболѣе характерныхъ эпохъ ея развитія.

III.

Физіократическія тенденціи, вызвавшія у насъ оживленіе общественной и литературной дѣятельности, продержались у насъ до начальныхъ лѣтъ XIX столѣтія, т. е. значительно дольше, чѣмъ на Западѣ, гдѣ ученіе Адама Смита очень быстро вытѣснило воззрѣнія Кенэ и Тюрго. Чтобы понять медленность этой смѣны въ Россіи, надо вспомнить условія того времени. Жизнь шла медленнымъ темпомъ. Хотя и пресса и почта уже почти правильно функціонировали, но съ достаточною быстротою распространялись однѣ придворныя и политическія новости и сплетни. Все же новое въ сферѣ науки, литературы или искусства подолгу оставалось неизвѣстнымъ маленькому интеллигентному міру, а если что и проникало, то больше случайно. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и величайшее экономическое твореніе того времени—система Адама Смита, въ цѣломъ своемъ видѣ долго оставалась у насъ неизвѣстною. Его „An inquiry into the nature and cause of the wealth of nations“, появившееся въ Лондонѣ въ 1776 году, появляется въ русскомъ переводѣ впервые только спустя четверть вѣка, періодъ времени, если вспомнить силу всеобщаго увлеченія и значеніе для эпохи Смита,—немалое. За этотъ срокъ въ самой

Англіи уже вышло пять изданій одного смитовскаго текста, да нѣсколько съ добавленіями другихъ экономистовъ [1]), а на континентѣ появился рядъ переводовъ на другіе европейскіе языки [2]). Въ журналахъ и курантахъ, въ альманахахъ и вѣдомостяхъ конца восемнадцатаго вѣка не только не содержится изложенія основныхъ мыслей замѣчательнаго творенія „великаго шотландца“, но нигдѣ нѣтъ упоминанія самаго имени Адама Смита. Оправданіемъ „любознательныхъ россіянъ“ служитъ ихъ исключительное вниманіе къ Франціи, къ ея блестящимъ, краснорѣчивымъ и популярнымъ философамъ и къ тому грандіозному зрѣлищу, которое „являла міру“ невиданная эпопея Великой Революціи и которое долго заслоняло собою всѣ интересы. Но то, что оправдывало общество, не можетъ быть простительнымъ ученымъ, академіи, всѣмъ этимъ дорого стоившимъ нѣмцамъ, выдававшимъ себя „за кладезь учености“. Они ничего не говорили о Смитѣ, хотя трудъ Смита былъ для тогдашняго времени тоже немаловажнымъ явленіемъ и въ своей области производилъ революціонный переворотъ. Вспомнимъ, что, по авторитетному мнѣнію профессора Онкена, Адамъ Смитъ произвелъ въ политической экономіи такой же переворотъ, какой его современникъ Эммануилъ Кантъ въ философіи. Изъ исторіи же экономической науки мы знаемъ, какое въ свое время громадное и немедленное вліяніе на науку и общественное мнѣніе Европы оказало появленіе творенія великаго шотландца. Но такъ было на Западѣ.

У насъ, въ Россіи, ученіе А. Смита въ систематическомъ видѣ стало доступно лишь въ 1804 году, т. е. со времени перевода его „Изслѣдованія“ на русскій языкъ. До того же времени взгляды Смита, и притомъ лишь нѣкоторые, были доступны лишь самымъ тѣснымъ кругамъ русскаго образованнаго общества, имѣвшимъ возможность слушать лекціи и рѣчи московскихъ профессоровъ Десницкаго и Третьякова. Оба эти ученыхъ познакомились

---

1) Лучшее изъ нихъ трехтомное изданіе William'a Playfair'a, съ примѣчаніями и краткою біографіею А. Смита. Лондонъ, 1805 года.

2) Лучшіе первые переводы: нѣмецкій—Garwe, 1791 г.; французскій—Germain'a Garnier, 1802 г.; датскій—Dräbye, 1779 г.; испанскій — Alonzo Ortiz'a.

съ доктриною Смита не изъ книгъ, а лично присутствуя на его лекціяхъ. Еще въ 1768 году они были посланы академіею наукъ въ Глазго (въ Шотландію), гдѣ тогда въ качествѣ профессора читалъ лекціи великій шотландецъ. Правда, тогда Смитъ еще не былъ извѣстенъ Европѣ какъ экономистъ, а лишь какъ философъ и талантливый представитель такъ называемой школы нравственной философіи. Теперь мы знаемъ, что взгляды Смита, какъ экономиста, есть продолженіе ея философскихъ воззрѣній, но тогда, по всей вѣроятности, это не было ясно. Во всякомъ случаѣ ни Десницкому, ни Третьякову не пришлось основательно познакомиться съ экономическимъ ученіемъ А. Смита, во-первыхъ, потому, что время, когда они слушали Смита, приходилось почти за 15 лѣтъ до написанія его „Богатства народовъ", во-вторыхъ, потому, что уже въ 1814 году Смитъ, уѣзжая на континентъ, прекратилъ чтеніе лекцій.

Болѣе талантливый изъ двухъ командированныхъ за границу аспирантовъ, Десницкій, интересовался преимущественно философской и юридической стороною ученія Смита и, заимствуя у него лишь общее направленіе, почти не обратилъ вниманія на Смитово ученіе о народномъ богатствѣ; зато его менѣе даровитый collega, Третьяковъ, именно на послѣдней сторонѣ дѣла остановился, а потому и смогъ сообщать и на лекціяхъ, а также въ своей рѣчи,—первомъ русскомъ сочиненіи, излагавшемъ Смита,—нѣкоторыя изъ основныхъ идей своего учителя, которыя, очевидно, уже и тогда опредѣленно формулировались Смитомъ. Упомянутая рѣчь Третьякова: „Разсужденіе о причинѣ изобилія и медленнаго обогащенія государствъ какъ у древнихъ, такъ и у нынѣшнихъ народовъ" появилась въ 1772 году, т. е. за четыре года до опубликованія самимъ Смитомъ его знаменитаго труда. Но „Разсужденіе", какъ и лекціи Третьякова, конечно, не могли ни дать полнаго представленія объ А. Смитѣ, ни способствовать популяризаціи его воззрѣній.

Увлеченіе Смитомъ началось значительно позднѣе, а именно, въ первыхъ годахъ новаго столѣтія.

Смитіанство и въ Россіи пришлось особенно по душѣ либеральной бюрократіи. Министры и высшія правительственныя ин-

станціи скоро прониклись основными положеніями экономическаго либерализма и стремились обосновать на немъ свои мѣропріятія въ области промышленности и торговли. Въ „Отчетѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1803 годъ“ задачи государственной власти прямо формулируются „по Смису“ [1]). То же направленіе отражается и на всей таможенной политикѣ этого времени [2]).

Вскорѣ появилось и систематическое изложеніе Смита.

Въ 1804 году, почти единовременно трудъ А. Смита появился у насъ и въ изложеніи и въ переводѣ. Первое изложеніе мы нашли на страницахъ оффиціальнаго органа министерства внутреннихъ дѣлъ: на страницахъ „С.-Петербургскаго Журнала“, во второмъ отдѣлѣ, носившемъ названіе: „Разсужденія и извѣстія, до внутренняго (?) управленія принадлежащія“, появилось „Изложеніе ученія Адама Смита и сравненіе онаго съ ученіемъ французскихъ экономистовъ“ [3]). Здѣсь впервые бѣгло реферировались важнѣйшія положенія доктрины главы классической школы, котораго оффиціальные авторы именуютъ „великимъ человѣкомъ“ и указываютъ, что имъ „постигнута великая истина“.

---

1) “Общія правила управленія“ заключаются въ томъ чтобы „оставлять въ свободѣ частную промышленность; имѣть сколько можно, достовѣрныя объ успѣхахъ ея свѣдѣнія, доставлять ей въ случаяхъ необходимыхъ нужныя пособія, особливо удалять отъ нея всякое стѣсненіе“.

2) См. Лодыженскій, К.: Исторія русскаго таможеннаго тарифа Спб. 1886?

3) Въ этомъ „толстомъ“ журналѣ того времени, издававшемся, къ сожалѣнію, всего шесть лѣтъ (съ 1804 по 1810 г.), удѣлялось значительное мѣсто и для статей экономическаго характера. Такова статья: „О свободномъ торгѣ золотомъ и серебромъ“, помѣщенная въ томъ же 1804 году; статьи: 1) „Объ исключительныхъ привилегіяхъ и злоупотребленія ихъ“, 2) „О роскоши“, 3) „Нѣчто о существенномъ богатствѣ людей, о полезномъ употребленіи людей и о распространеніи торговли и земледѣлія“, 4) „О бѣдности и о способахъ совершенно истребить нищенство“. Въ 1806 году были напечатаны: 1) „О началѣ и успѣхахъ торговли“, 2) „О деньгахъ“, „О препятствіяхъ въ усовершенствованіи земледѣлія“, 4) „О свободѣ торговли хлѣбомъ“ и 5) „О роскоши и великолѣпіи“. Въ 1807 г.: 1) „Откуда правительство можетъ заимствовать деньги въ чрезвычайныхъ случаяхъ“, изъ сочиненія Струензе, 2) „Должно ли правительство ободрять торговлю и фабрики предпочтительно земледѣлію?“ изъ Ферье и 3) „О торговыхъ запрещеніяхъ“, оттуда же. Въ по-

Болѣе обстоятельно ознакомилъ съ Адамомъ Смитомъ русское общество Христіанъ Шлецеръ [1]). Политическая экономія Шлецера [2]), уже удѣляетъ достаточно мѣста для основательной критикѣ физіократовъ [3]), а высказываемыя ея составителемъ взгляды подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Ад. Смита. На него Шлецеръ часто ссылается [4]) титулуетъ его „славнымъ“). Подъ еще большимъ вліяніемъ Смита, чѣмъ Шлецеръ, находился другой экономистъ того времени—Гереншвандъ. Гереншвандъ сочеталъ Смита съ принципами прусской камералистики. Въ своей книгѣ, изданной „по Высочайшему повелѣнію“ и озаглавленной: „О новѣйшемъ государственномъ хозяйствѣ“ (Спб., 1807), авторъ называетъ А. Смита „знаменитымъ Англійскимъ писателемъ“ (стр. 147), и признается въ заимствованіи у него важнѣйшихъ идей“ [6]).

слѣдніе два года (1808 и 1809) также помѣщались статьи о кредитѣ, налогахъ, о правѣ на изобрѣтенія, о свойствахъ хлѣбной торговли и о податяхъ вообще.

[1]) Шлецера, Шторха, Канкрина и нѣк. другихъ часто относятъ къ числу представителей такъ назыв. русско-нѣмецкой школы въ политической экономіи. Такъ дѣлаетъ, напр., Рошеръ въ своей исторіи политической экономіи въ Германіи, гдѣ онъ удѣляетъ этой группѣ экономистовъ значительное вниманіе. Но строго говоря, выдѣлять названныхъ писателей въ особое направленіе нѣтъ никакихъ основаній.

[2]) Подлинное заглавіе этого забытаго, но превосходнаго для своего времени курса политической экономіи слѣдующее: „Начальныя основанія государственнаго хозяйства или науки о народномъ хозяйствѣ, сочиненныя Христіаномъ Шлецеромъ, надворнымъ совѣтникомъ и политики профессоромъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ“. Далѣе слѣдуютъ два типичныхъ добавленія: „переводъ съ нѣмецкаго (С. Смирнова, магистра свободныхъ наукъ)“ и „для употребленія обучающихся въ гимназіяхъ“. 2 части. Москва, 1805—6 гг. Этотъ трудъ Шлецера былъ выдающимся для своего времени произведеніемъ и былъ переводимъ на языки нѣмецкій и французскій,—рѣдкая честь для русскаго автора того времени.

[3]) Шлецеръ: Начальныя основанія, ч. II, стр. 267—291. О школѣ физіократовъ Шлецеръ говоритъ, что она „составила во Франціи политическую секту, члены коей назывались экономистами или физіократами“.

[4]) Шлецеръ, ч. II, стр. 141.

[5]) Шлецеръ, ч. II, стр. 27.

[6]) Одинъ изъ первоклассныхъ писателей о Государственномъ Хозяйствѣ (Смиттъ), которымъ и я руководствовался отчасти, болѣе всѣхъ“ и т. д. Гереншвандъ, стр. 92.

Подъ такимъ же сильнымъ вліяніемъ Смита находился извѣстный экономистъ того времени Шторхъ, хотя и знавшій, но не писавшій, впрочемъ по-русски [1]). Генрихъ Шторхъ, преподаватель экономіи великимъ князьямъ Николаю и Константину Павловичу, былъ видный смитіанецъ фритредерскаго толка и крупный авторитетъ въ высшихъ сферахъ. Но Шторхъ къ этому времени не далъ еще ничего законченнаго, почему я и отношу его къ числу экономистовъ нѣсколько болѣе поздняго періода. Затѣмъ помимо названныхъ писателей Смита излагалъ проф. Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій [2]). Это былъ европейски образованный экономистъ, извѣстный впрочемъ, болѣе какъ талантливый сотрудникъ Сперанскаго.

Балугьянскій, въ бытность своею профессоромъ Педагогическаго Института, писалъ о „Θеоріи Адама Смитта“ въ издававшемся академикомъ Карломъ Германомъ „Статистическомъ Журналѣ“ [3]). Здѣсь Балугьянскій (или по невѣрной транскрипціи Кондырева Балудянскій) напечаталъ первый на русскомъ языкѣ очеркъ исторіи экономическихъ ученій: „Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ“. Въ этой статьѣ прекрасно и послѣдовательно изложены воззрѣнія меркантилистовъ, физіократовъ („экономистовъ“) и „θеорія“ А. Смита. Кондыревъ въ восторгѣ отъ этого труда: „Изображеніе сіе показываетъ,—говоритъ онъ (стр. 248),—что оно писано мужемъ ученымъ и съ большимъ знаніемъ въ политической экономіи; кратко и ясно представляетъ оно три главнѣйшія системы Государственнаго Хозяйства: 1) Систему, основанную на торговлѣ, богатство народное представляющую въ деньгахъ; 2) Систему экономистовъ,—въ необработанныхъ произведеніяхъ земли, и 3) Θеорію Адама Смитта,—въ трудѣ и мѣнѣ“.

Послѣ Балугьянскаго Смита у насъ пропагандировали: въ

---

1) О немъ см. ниже, въ статьѣ по исторіи статистики.

2) См. П. Барановъ: Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій, статсъ-секретарь, сенаторъ, тайный совѣтникъ (1769—1847 г.). Біографическій очеркъ. Спб. 1882 г. Его некрологъ, написанный Н. Алединскимъ, былъ въ свое время помѣщенъ на страницахъ „Сѣверной Пчелы“ (Спб. 1847 г., № 99). См. также Энцикл. словарь Брокгауза, т. II, стр. 835.

3) Выходилъ только съ 1806 по 1808 г.: издано было всего 4 книжки.

1812 году уже разъ упомянутый Кондыревъ, въ 1817 году И. Нейманъ [4]) и свободолюбивый Карлъ Германъ [2]) отчасти Стройновскій [3]). Въ результатѣ имя Смита въ Александровскую эпоху стало очень популярно. Мы всѣ знаемъ прелестное мѣсто изъ біографіи Евгенія Онѣгина, гдѣ поэтъ даетъ слѣдующую характеристику:

„За то читалъ Адама Смита
И былъ глубокій экономъ,
То-есть умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,
И чѣмъ живетъ, и почему
Не нужно золото ему,
Когда простой продуктъ имѣетъ".

Но эти идеи оставались для большинства простое декламаціею и не встрѣчали отклика въ помѣщичьей средѣ. Мы знаемъ, какъ

---

1) Нейманъ Иванъ, проф.: „Изслѣдованіе правилъ политической экономіи по системѣ Адама Смита", изд. Главнымъ Управленіемъ Училищъ. Спб., 1817 г. „Извлеченіе сіе изъ сочиненія Адама Смита о народномъ богатствѣ издается,—говоритъ въ предисловіи авторъ,—въ пользу училищъ, какъ руководствующая книга для преподаванія Политической Экономіи, дабы ученики въ своихъ занятіяхъ неотмѣнно имѣли въ виду самыя положенія и мысли славнѣйшаго по оной части сочинителя. Для сего приложено было стараніе обработать сію книгу по Англійскому подлиннику съ наблюденіемъ строгой точности, наипаче въ выборѣ техническихъ словъ".

2) Германъ рекомендовалъ Смита въ качествѣ руководства по статистикѣ. „Знаменитое сіе о политической экономіи сочиненіе указываетъ статистику предметы, на кои онъ преимущественно долженъ обращать свое вниманіе; а какъ оно главнѣйше основывается на статистикѣ, то въ ономъ обрѣтается сокровище отборныхъ Статистическихъ Свѣдѣній. Классическое сіе сочиненіе должно быть ручною книгою каждаго статистика". К. Германъ: Историческое обозрѣніе литературы статистики. Спб., 1817 г., стр. 11.

3) Нѣсколько хаотическое сочиненіе польскаго экономиста Валеріана Стржемень изъ Стройнова, графа Стройновскаго, озаглавленное: „Всеобщая экономія народовъ", переведено было съ польскаго и издано въ С.-Петербургѣ въ 1817 году въ 3 томахъ. Стройновскій чувствуетъ большую слабость къ физіократамъ и старается умалить заслуги Смита, которымъ онъ широко пользуется и котораго онъ уличаетъ въ притязательности на ему не принадлежащее. „Самолюбіе, подъ личиною неразумѣнія оныхъ правилъ (т. е. правилъ Кенэ), такъ водило перомъ его (Смита),—говоритъ Стройновскій,—какъ будто онъ творилъ въ сей наукѣ новыя понятія". Глава 19 (томъ I) этого сочиненія посвящена горячей, но совершенно ошибочной полемикѣ съ Ад. Смитомъ.

относился къ идеямъ Смита отецъ Евгенія: „Отецъ понять его не могъ и земли отдавалъ въ залогъ".

Ко времени появленія перечисленныхъ выше первыхъ изложеній Смита, даже нѣсколько ранѣе, а именно въ 1804 г., вышелъ въ свѣтъ и первый томъ русскаго перевода труда Адама Смита; переводъ сдѣланъ прямо съ англійскаго переводчикомъ Александровской эпохи Николаемъ Романовичемъ *Политковскимъ*-старшимъ (1763—1830). Политковскій былъ черниговскимъ вице-губернаторомъ и сдѣлалъ переводъ по распоряженію министра финансовъ, графа Ал. Ив. Васильева. Онъ издалъ А. Смита подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ; твореніе Адама Смита, переводъ съ Англинскаго", въ четырехъ томахъ, выходившихъ на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ (I въ 1802, II въ 1803, III въ 1805 и въ 1806 гг.) и напечатанныхъ въ Петербургѣ, въ типографіи Государственной Медицинской Коллегіи. Изданіе, внѣшній видъ котораго весьма недуренъ [1]), имѣло большой успѣхъ и доставило переводчику солидное имя. Впрочемъ, Петръ Кондыревъ, популяризовавшій Смита и отзывавшійся съ похвалою объ идеѣ изданія по русски Смита, не былъ доволенъ переводомъ. Онъ писалъ въ 1812 г. о переводѣ Политковскаго слѣдующее: „Отдавая почтенному г. переводчику всю должную справедливость за его подъятый трудъ,— нельзя однакожъ умолчать здѣсь того, что нѣкоторыя изъ ученыхъ сличавшіе оный съ Англинскимъ подлинникомъ, въ иныхъ хотя и немногихъ, мѣстахъ нашли невѣрность въ переводѣ, что особенно въ классической книгѣ весьма вредно; сіе, напр., можно замѣтить болѣе сначала до половины перваго тома". „Впрочемъ, безспорно,—смягчаетъ далѣе свой суровый отзывъ Кондыревъ,— что г. Политковскій переводомъ симъ пріобрѣлъ въ ученомъ свѣтѣ славу и благодарность соотечественниковъ, равно показалъ и зна-

---

[1]) Оно появилось при матеріальномъ участіи правительства, и раньше дававшаго средства для изданія выдающихся иностранныхъ сочиненій. Расходы по изданію Ад. Смита были покрыты изъ суммы въ 120 тыс. рублей, ассигнованныя въ 1803—1816 гг. на переводы сочиненій: Ад. Смита Бентама, Беккарія, Монтескье, Фенелона, Тацита и нѣкот. др.

ніе свое въ сей наукѣ“ [1]). Но какъ бы тамъ ни было, имя Смита въ Россіи стало отнынѣ популярно; изъ извѣстныхъ словъ Пушкина мы знаемъ, что интеллигентные люди того времени „читали Адама Смита“ и знали, „почему не нужно золото ему, когда простой продуктъ имѣетъ“. Знакомство со Смитомъ было, очевидно, въ свое время признакомъ хорошаго тона и общаго образованія. Но, какъ мы видѣли, не всѣ соглашались съ мнѣніемъ петиметровъ свѣтскихъ салоновъ Александровскаго времени.

Цеховые ученые жаловались на отсутствіе хорошаго перевода и хулили трудъ Политковскаго. Въ 1817 году профессоръ И. Нейманъ [2]), издавая свое краткое изложеніи Смита, обѣщалъ опубликовать и нѣчто болѣе подробное въ виду того, что ощущался „недостатокъ хорошихъ переводовъ главнѣйшихъ, касающихся до системы Адама Смита сочиненій“. Позднѣе о переводѣ Политковскаго отзывались еще болѣе сурово. Такъ, извѣстный экономистъ Вернадскій въ своемъ „Очеркѣ исторіи политической экономіи“ (Спб., 1858) считаетъ, что Переводъ Политковскаго во многихъ мѣстахъ „не точенъ и теменъ, и притомъ не полонъ, не заключая нѣкоторыхъ позднѣйшихъ прибавленій. Научные термины также устарѣли; книга же эта теперь рѣдка“ [3]). Тотъ же Вернадскій полагаетъ, что съ „Шотландомъ Адамомъ Смитомъ“ познакомилъ впервые Россію Шлецеръ. Мы видѣли изъ всего вышеприведеннаго, что мнѣніе Вернадскаго ошибочно [4]).

---

1) „Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство, слѣдуя теоріи Адама Смита. Сочиненіе Геттингенскаго Университета профессора Григорія Сарторіуса. Съ нѣмецкаго на россійскій языкъ перевелъ Импер. Казанскаго Университета Адъюнктъ Историческихъ наукъ и Политической Экономіи Петръ Кондыревъ“. Казань, въ универс. типогр., 1812, приложеніе, стр. 246-я. И. Вернадскій (Очеркъ исторіи etc., стр. 145) считаетъ, что Кондыревскій переводъ Сарторіуса „очень невразумителенъ по номенклатурѣ“.

2) Нейманъ. И.: Изслѣдованіе правилъ политической экономіи. Спб., 1817 г., стр. IV.

3) Вернадскій: Очеркъ, стр. 143.

4) „Въ Россіи первый представилъ Смитово ученіе Хр. Шлецеръ, профессоръ Московскаго университета, въ своихъ „Начальныхъ основаніяхъ государственнаго хозяйства“, М., 1805 г., переведенныхъ на нѣмецкій и французскій языки и изданныхъ 2-мъ изданіемъ въ 1821 г. Вернадскій: Очеркъ, стр. 146.

Желаніе Вернадскаго исполнилось уже въ пореформенное время, когда извѣстный переводчикъ 60-хъ годовъ, Бибиковъ, издалъ свой, по мнѣнію академика Янжула „довольно гладкій, но не безъ ошибокъ“ переводъ классическаго труда Смита [1]).

Итакъ, когда сто лѣтъ назадъ ученіе Адама Смита впервые появилось въ Россіи, оно быстро завоевало себѣ вниманіе, а затѣмъ пріобрѣло господство. Въ силу этого многое другое, что волновало тогда экономистовъ иного направленія, чѣмъ Смитъ, надолго осталось намъ чуждо. Общая скудость жизни сказывалась и на томъ, что своей оригинальной экономической литературы у насъ почти не было, все сводилось къ переводамъ. „Словесность Политической Экономіи на Россійскомъ языкѣ, — свидѣтельствуетъ намъ Кондыревъ,—у насъ малозначительна; мы имѣемъ одни переводы. но и тѣхъ не весьма въ достаточномъ количествѣ“.

Переводная литература была, впрочемъ, не первоклассная. Вотъ перечень главнѣйшихъ переводовъ: сочиненія барона Бильфельда: „Наставленія политическія“ [2]), Юсти: „Основанія силы и благосостоянія царствъ“ [3]), Муратopія: „Разсужденіе о благоденствіи общенародномъ“ [4]), Вирста: „Разсужденія о нѣкоторыхъ предметахъ законодательства и управленія финансами и коммерціею Россійской Имперіи“ [5]), его же: „Собраніе превосходныхъ сочиненій, до законодательства и управленія государственнаго хо-

---

1) „Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ, съ примѣчаніями, переводъ П. Бибикова. (Томъ I, со статьею Бланки „Жизнь и труды Адама Смита“, съ предисловіемъ Гарнье). Спб., 1866“.—П. А, Бибиковъ отзывается о переводѣ Политковскаго: „забытый переводъ этотъ, составляющій библіографическую рѣдкость, сдѣланъ былъ даже въ свое время на тяжеломъ, канцелярскомъ языкѣ, который въ настоящее время устарѣлъ тѣмъ болѣе, что наука полит. экономіи сдѣлала значительные успѣхи“. Популярное изложеніе Смита сдѣлано въ 1895 г., въ переводѣ Щепкина. Библіотека экономистовъ. Вып. I. Адамъ Смитъ. М. Изд. Солдатенкова.

2) Перев. I ч. кн. Ѳ. Шаховской въ 1768 г.; II-ую ч. пер. проф. Антонъ Барсовъ въ 1775 г.

3) Перев. Ив. Богаевскій. Спб. 1772—1778 г. 4 части. (Политической экономіи касаются части I-я и II-я).

4) Перев. М. Поповъ. М. 1780 г., 2 ч. (Политической экономіи касается только II-я часть).

5) Пер. И. Степанова. 2 ч. Спб. 1807 г.

зяйства, особенно финансовъ и коммерціи, относящихся“ [1]), Де Верри: „Политическая экономія“ [2]). Кромѣ того въ обращеніи были переводы талантливаго протекціониста и критика Смита, Александра Гамильтона (Спб., 1807), Стройновскаго В.: „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“ [3]) и ближайшаго предшественника Смита Лаудердаля (Спб., 1811).

Впослѣдствіи къ этой литературѣ присоединились кое-какія сочиненія учениковъ Смита, но они переводились не въ академическихъ цѣляхъ, а какъ ученое оружіе въ возникшемъ вскорѣ и у насъ спорѣ между приверженцами фритредерскихъ взглядовъ и защитниками протекціонизма. Среда фритредеровъ у насъ повезло Сею и Дюнойе, нѣкоторые изъ памфлетовъ которыхъ были у насъ, какъ указано ниже, переведены. Иначе дѣло обстояло съ протекціонизмомъ, защитниками и апологетами котораго наши отечественные экономисты выступили очень рано, даже раньше, чѣмъ ихъ европейскіе собратья.

Намъ остается еще указать на нѣкоторыя наши оригинальныя сочиненія по экономическимъ вопросамъ, вышедшая въ періодъ между 1800—1815 гг. Таковы книги: Василія Каницкаго: „О черезполосномъ владѣніи“ (С.Петербургъ, 1805 г.), проф. Якоба: „О деньгахъ разсужденіе“ (Спб., 1810), къ „Отвѣтному письму“ Щеткина (Спб., 1812) и нѣк. друг.

Такова была вся наша скромная экономическая библіотека перваго десятилѣтія 19-го столѣтія. Добавивъ къ этому нѣсколько книгъ и брошюръ по финансамъ и статистикѣ, уже начавшихся разрабатываться, мы имѣемъ передъ собою весь, такъ сказать экономическій багажъ того времени. Эпоха Наполеоновскаго нашествія, всколыхнувъ страну, внесла оживленіе и въ изученіе политической экономіи. Совершился переворотъ въ умахъ и въ настроеніи, и уже во второмъ десятилѣтіи чувствовалось воодушевленіе приближавшейся эпохи 20-хъ годовъ. Вотъ какъ наканунѣ послѣдней пишетъ о Смитѣ въ 1810 году лучшій экономистъ того времени, Николай Тургеневъ: „Въ нашемъ отечествѣ свѣдѣнія по

---

1) Ч. I. Спб. 1808 г.

2 Пер. Померанцева, съ франц. Спб. 1810 г.

3) Пер. В. Анастасевичъ. Вильна. 1809 г.

части Политической экономіи начали распространяться съ очевиднымъ успѣхомъ. Даже иностранцы, занимающіеся этою наукою, съ удовольствіемъ замѣчаютъ, что во всѣхъ русскихъ университетахъ учреждены для Политической Экономіи особыя каѳедры". Отмѣчая значеніе политической экономіи въ смыслѣ вліянія ея на созданіе политической нравственности, Тургеневъ о Смитовомъ ученіи отзывается какъ о системѣ критической. „Занимающійся, проходя эту систему, научается вѣрить только изслѣдованіямъ и соображеніямъ разсудка, простому здравому смыслу и всему тому, что естественно-непринужденно. Онъ и здѣсь увидитъ, что все благое основывается на свободѣ, а злое происходитъ отъ того, что нѣкоторые изъ людей обманываясь въ своемъ предназначеніи, берутъ на себя дерзкую смѣлость за другихъ смотрѣть и думать, за другихъ дѣйствовать и прилагать самое мелочное и всегда тщетное попеченіе" [1]).

Власть имущіе не послушались совѣта Тургенева, не послушались его и ученые. Дальнѣйшія и жизнь и наука представили собою рядъ блужданій отъ одного ученія къ другому, отъ стараго тезиса къ новому. Часто, очень часто всѣ забывали, „что благое основывается на свободѣ". Но какъ бы тамъ ни было, знакомство съ классическою школою не пропало даромъ, и, хотя до сихъ поръ русская политическая экономія все еще не отдѣлалась отъ заимствованій и подражаній, нѣкоторыя раціональныя положенія глубоко запали и въ народную душу и въ сознаніе интеллигенціи.

Литература объ Ад. Смитѣ чрезвычайно обширна.

Біографію Смита излагали: Дюгальдъ Стюартъ, В. Смеллie, Playfair (1805), J. Patterson, Brougham, M'Culloch, Беджготъ, Лезеръ (1881), Фарреръ (1881), Делакуръ (1886), Халданъ „Life of Smith" (Лондонъ 1887), Курсейль-Сенейль (1888). Лучшей слѣдуетъ признать работу: M-r John Rae's: Life of Adam Smith. (Лондонъ 1895).

О міровоззрѣніи Смита болѣе выдающіяся сочиненія:

Baert, J. F. B.: Adam Smith en zijn onder zoek naar den rijkdom der volken, Лейденъ 1858. Weiss: Zu Smiths Wealth of nations. Zeitsch. f. d. ges. Staatswiss. T. 33. 1877.

1) Тургеневъ Ник.: Опытъ теоріи налоговъ. Спб. Типографія Н. Греча, 1818 г., стр. VIII.

Skarzynsky, v.: Adam Smith, als Moralphilosoph und Schöpfer der Nationalökonomie. 1878.—Braun: Die religiösen und sittlichen Anschauungen von Adam Smith, Theologische Studien und Kritiken. T. 51, 1878. — Helferich: Adam Smith und sein Werk über die Natur und die Ursachen des Reichtums der Völker. 1877. Отдѣльно и въ „Zeitschrieft fur d. gesam. Staatswissenschaft". T. 33, 1878.—Cliffe Leslie: The political economy of Adam Smith in Essays in political and moral philosophy. 1879.—Baumann. Adam Smith's allgemeine Ansichten über Menschen und menschliche Verhältnisse въ „Philosophische Monatshefte", XVI, 1880.—Ad. Held. Zwei Bücher zur sozialen Geschichte England. Leipzig. 1881. (Есть русск. пер.).—Cunnigham: Adam Smith und die Merkantilisten, „Zeitschrift fur die gesamte Staatswissenschaft". Bd. 40. (1884).—Его-же: The progress of economic doctrine in England in the eighteenth century, въ „Economic Journal" 1, 1891.—Haldane: Life of Adam Smith. 1887.—Paszkowsky· Adam Smith als Moralphilosoph. 1890. (диссертація). — Walker. Adam Smith, der Begründer der modernen Nationalökonomie. Sein Leben und seine Schriften. 1880.—Schubert: Adam Smiths Moralphilosophie. „Philosophische Studien" Вундта. T. VI, 1891, 52 стр.—Chevalier; Etude sur Adam Smith et l'origine de la science économique въ „Journal des économistes", 3 série, 33 т.—Наиболѣе подробная библіографія изданій Смита и монографій о немъ—это „The Catalogue ot the Library of Adam Smith", изданный лондонскимъ экономическимъ клубомъ. (Макмилланъ) 1894 г.,—содержитъ около 1000 названій.

Сочиненія Smith, Adam: A review of Johnson's Englisch Dictionary, въ „Edinburgh Rewiew", 1755 г. затѣмъ Смита кромѣ „теоріи нравственныхъ чувствъ" и „богатства": Posthumous essays, published by Dr. Black and Dr. Hutton. 1795. Содержаніе послѣднихъ согласно указаніямъ Аллибона (Dictionary of Englisch literature II, 1871) слѣдующее: I. Отрывки изъ неоконченной книги „On the principles which lead and direct philosophical inquiries, illustrated 1) bu the history of astronomy, 2) by the history of the ancient logics and metaphysics".—II. Of the nature of that imitation wlich takes places in what are called the imitative arts. III. Of the affinity between certain Englisch and Italian verses. — IV. Of the external senses". — Его же: Essays on Philosophical Subjects. Лондонъ. 1795. (Шесть статей перечисленныхъ у Палгрева, т. III, стр. 423, изд. 1899).

Лучшимъ изданіемъ А. Смита является изданіе Wil-

liam'a Playfair'a (съ примѣчаніями и краткой біографіей А. Смита). Лондонъ, 1805.

Изъ переводовъ А. Смита (переведено на всѣ европейскіе языки), лучшими считаются нѣмецкій Garwe, 1791; французскій—Germain Garnier, 1802; датскій—Dräbye, 1779; испанскій—Alonzo Ortiz.; русскихъ два 1802 и 1864. (Политковскаго и Бибикова).

На русскомъ языкѣ: Смитъ, Адамъ. Изслѣдованіе свойства и причинъ богатства народовъ. 4 тома. Спб. 1802—1806. (Переводъ Политковскаго Николая).—Опытъ о богатствѣ народовъ. Съ примѣчаніями Бентама, Гарнье, Буханана, Макъ-Куллоха, Мальтуса, Милля, Рикардо, Сея, Сисмонди и Тюрго. Перев. П. А. Бибиковъ. Спб. 1866.—Теорія нравственныхъ чувствъ, или опытъ изслѣдованія о законахъ, управляющихъ сужденіями, естественно составляемыми нами сначала о поступкахъ прочихъ людей, а затѣмъ нашихъ собственныхъ. Съ письмами М. Кондорсе къ Кабанису. Перев. П. Бибиковъ. Спб. 1868.

О Смитѣ въ Россіи писали:

Серторіусъ. Начальныя основанія народнаго богатства и государственнаго хозяйства, слѣдуя системѣ Ад. Смита. Перев. П. Кондыревъ. Казань. 1812.

Нейманъ, И. Излѣдованіе правилъ политической экономіи по системѣ Ад. Смита. Спб. 1817.

Цѣхановскій, Гр. Значеніе Ад. Смита въ исторіи политико-экономическихъ системъ. Кіевъ. 1859.

Бибиковъ, В. Значеніе А. Смита въ исторіи политико-экономическихъ системъ. „Отечественныя Записки". 1860. 1.

Яковенко, В. Адамъ Смитъ, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ. Спб. 1893. Ц. 25 к.

Беджготъ. Адамъ Смитъ, какъ личность. Зн. 1876. 8.

2. Робертъ Мальтусъ.

(1766—1834).

Біографія Томаса Роберта Мальтуса не представляетъ собой ничего интереснаго. Знаменитый ученикъ Смита былъ скромный протестантскій пасторъ, жизнь котораго въ тихой деревенской обстановкѣ ничѣмъ не отличалась отъ обычной жизни представителей

сельскаго духовенства въ Англіи. Изъ фактовъ его внѣшней, скудной событіями, жизни можно отмѣтить только два: посѣщеніе имъ знаменитаго соціальнаго предпріятія Роберта Оуэна въ Нью-Ламаркѣ и участіе сначала въ королевскомъ научномъ обществѣ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Джемсомъ Миллемъ и Рикардо, въ основанномъ экономистомъ-статистикомъ Тукомъ „экономическомъ клубѣ“. Начиная съ 1810 года Мальтусъ много лѣтъ велъ интересную переписку съ Рикардо, съ которымъ сохранялъ все время дружественныя отношенія.

Первое литературное произведеніе Мальтуса появилось въ 1798 году и имѣло большой успѣхъ. Это былъ тотъ самый „Опытъ о законѣ народонаселенія“, который сыгралъ такую важную роль въ исторіи развитія экономической науки и создалъ автору всемірную извѣстность.

Въ слѣдующемъ году Мальтусъ издаетъ небольшой анонимный трактатъ „О причинахъ дороговизны товаровъ“. Въ 1805 году онъ перерабатываетъ, дополняетъ и выпускаетъ въ свѣтъ 2-ое изданіе своего „Опыта“, который затѣмъ при его жизни выдерживаетъ 4 изданія. Въ 1815 году Мальтусъ пишетъ „Замѣчанія на хлѣбные законы“, особое мнѣніе по вопросу объ ограниченіи ввоза хлѣба и весьма важное, хотя сравнительно мало извѣстное, сочиненіе: „Природа и возрастаніе ренты“. Наконецъ, въ 1820 году появилась въ свѣтъ его „Политическая экономія“, за которой шелъ рядъ болѣе мелкихъ теоретическихъ работъ.

Изъ тѣхъ біографическихъ данныхъ, которыя въ достаточной мѣрѣ имѣются въ настоящее время о Мальтусѣ, раскрывается для насъ своего рода человѣческая трагедія, трагедія, которую самъ Мальтусъ не переживалъ, но которая ясна намъ. По духу и сущности своего ученія. Мальтусъ—квинтъ эссенція опредѣленной классовой точки зрѣнія. Это страстный, узко-партійный апологетъ буржуазнаго строя и міровоззрѣнія, не будучи лично таковымъ. Онъ въ то же время былъ человѣкъ убѣжденный, идейный, никогда не дѣйствовавшій ради непосредственныхъ партійныхъ интересовъ въ ущербъ истинѣ, какъ онъ ее понималъ; при этомъ, незлобивость, невозмутимость, полное душевное равновѣсіе—вотъ черты, составлявшія истинную основу характера Мальтуса. Честность убѣжденій Маль-

туса отмѣчаются здѣсь не въ похвалу, а какъ весьма важный для выясненія его взглядовъ моментъ, такъ какъ то, о чемъ училъ по вопросу о народонаселеніи Мальтусъ, послужило впослѣдствіи орудіемъ для реакціонныхъ партій всѣхъ странъ.

Съ точки зрѣнія исторіи экономическихъ ученій Мальтусъ горячій приверженецъ классической школы и можетъ быть отнесенъ къ числу наиболѣе правовѣрныхъ учениковъ Адама Смита. Міровоззрѣніе Мальтуса типично буржуазное: умѣренный либералъ въ политикѣ, онъ является горячимъ защитникомъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ послѣднихъ онъ усматриваетъ „потребителей“ тѣхъ „избыточныхъ“ продуктовъ, которые остаются въ итогѣ дѣятельности промышленныхъ классовъ общества. Стремленіе къ накопленію и расширенію производства вызываетъ перепроизводство, а затѣмъ и кризисы. Поэтому, чтобы установить равновѣсіе наравнѣ съ классами, производящими по преимуществу необходимы классы, по преимуществу потребляющіе, а таковыми по мнѣнію Мальтуса, и являются крупные землевладѣльцы. Защищая вообще свободную торговлю, Мальтусъ, однако, считаетъ необходимымъ, чтобъ для хлѣба практиковалась иная политика; въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ должны быть установлены хлѣбныя пошлины.

Уже изъ этого мы можемъ видѣть, что Мальтусъ врагъ абстрактныхъ рѣшеній, онъ стоитъ за осторожность и индуктивное обоснованіе выводовъ. Его теорія земельной ренты появилась въ 1815 году и въ общемъ совпадаетъ съ воззрѣніями на земельную ренту Рикардо.

„Опытъ“ Мальтуса касается самаго основного вопроса—вопроса соціальнаго. А. Смитъ не представлялъ себѣ всей важности и специфичности этой проблемы, которая, впрочемъ, встала во всю свою трагическую высоту уже послѣ его смерти. О ней-то и трактовалъ Мальтусъ. Поднятый имъ вопросъ—получилъ громкую извѣстность, страстность и крайне продолжительное обсужденіе. Сама же данная Мальтусомъ формулировка вопроса оказала глубокое вліяніе не только на теоретическую мысль, но и на законодательство и общественныя отношенія. „Опытъ“ Мальтуса—одна изъ самыхъ горячихъ защитъ буржуазнаго строя, восхваленіе

роковой неизбѣжности и естественной необходимости соціальнаго неравенства, человѣческой нищеты и экономическихъ бѣдствій.

У холоднаго и блестящаго Рикардо участь рабочихъ классовъ обрисована въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; естественные законы народнаго хозяйства, по его мнѣнію,—таковы, что часть населенія никогда не можетъ выбиться изъ условій полу-животной жизни. Соціальный вопросъ неразрѣшимъ, онъ создается естественными условіями современной жизни. Рикардо не выясняетъ причинъ такого рода явленія и не ставитъ его въ связь со всѣмъ ученіемъ о народномъ хозяйствѣ. Эту задачу выполняетъ Мальтусъ. Соціальный вопросъ и нищета людей—неизмѣняемый продуктъ измѣняющихся соціальныхъ условій,—неизбѣжный и закономѣрный процессъ естественнаго развитія общественной жизни. Вся природа управляется естественными законами, подъ властью которыхъ находится и людское хозяйство. Біологическіе законы, особенно законъ размноженія,—одинаковы и для человѣка и для всей органической жизни. Нищета—закономѣрна,—функція прироста населенія, а самый законъ о народонаселеніи для Мальтуса только спеціальный случай общаго закона органическаго размноженія, который гласитъ, что живыя существа размножаются въ зависимости отъ средствъ пропитанія. Такимъ образомъ, народное хозяйство по Мальтусу является областью воздѣйствія естественныхъ законовъ, а изученіе соціальныхъ явленій должно происходить по общему методу, принятому въ естествознаніи.

Мальтусъ, какъ уже говорилось выше, возражалъ, яро доказывая, что отъ политическихъ реформъ не могутъ произойти экономическія измѣненія, а тѣ неурядицы, которыя наблюдаются въ народной жизни произошли отъ размноженія населенія. При такой постановкѣ вопроса, политическая агитація становилась ненужной, а такъ какъ это было на руку консервативному режиму, то эти взгляды привились среди правящихъ сферъ. Всѣ требованія рабочаго класса въ политической области отвергались, какъ отвергнутыя и съ научной точки зрѣнія.

Другой представитель классицизма—Рикардо далъ своей теоріей цѣнности въ руки правящихъ классовъ еще одно оружіе. Смитъ не различалъ какого рода цѣнности производитъ трудъ;

Рикардо внесъ это различіе. Послѣдній, какъ извѣстно, различалъ цѣнности: мѣновую и потребительную. Мѣновая цѣнность зависитъ отъ двухъ условій: рѣдкости и количества труда. Рѣдкость предметовъ, вліяющая на ихъ мѣновую цѣнность, бываетъ тогда, когда имѣется опредѣленное количество предметовъ, которое нельзя увеличить трудомъ человѣка, такъ какъ это не въ его власти. Самая же его цѣнность состоитъ изъ трехъ частей: ренты, капитала и заработной платы. Съ измѣненіемъ этихъ частей измѣняется и цѣнность. Такая конструкція теоріи вполнѣ оправдывала тѣ классовыя отношенія, которыя къ тому времени сложились въ Англіи не оправдывала той борьбы, которую велъ рабочій классъ съ крупной поземельной собственностью. Эта теорія была на руку и капиталистамъ и земельнымъ собственникамъ.

По теоріи Рикардо каждый изъ классовъ Англіи имѣетъ полное право на существованіе, а слѣдовательно, справедливо было и то правительство, которое поддерживало земельныхъ собственниковъ въ ихъ борьбѣ съ арендаторами, капиталистовъ съ рабочими. Другими словами, правительство находило себѣ поддержку въ теоріи экономистовъ классической школы.

Итакъ, Смитъ, Мальтусъ, Рикардо, а равно и dii minores классической школы были вѣрными союзниками правящихъ классовъ, внося quasi ученость въ ихъ консервативную, а чаще реакціонную теорію.

Рикардо-Мальтусовское толкованіе смитіанства придавало послѣднему мрачный характеръ. Жизнерадостное ученіе великаго шотландца—этотъ розовый вѣнецъ молодой буржуазіи—принимало пессимистическій оттѣнокъ, слышались трагическія ноты безнадежности и безвыходности страданія. Но изъ ученія Смита, эклектическаго и мало систематизированнаго можно было извлечь иныя ноты, иное, болѣе родственное самому Смиту ученіе. Стоило только соединить во-едино весь его апофеозъ индивидууму съ безбрежностью космополитизма, съ безразличіемъ къ мѣстнымъ національнымъ условіямъ.

Это и сдѣлала другая группа смитіанства—индивидуалисты и оптимисты,—Ж. Б. Сей, Бастіа, Принсъ Смитъ и другіе.

Основными законами, по которымъ размножается населеніе, являются слѣдующія положенія, ясно и опредѣленно формулированныя Мальтусомъ: 1) народонаселеніе строго ограничено средствами существованія; 2) народонаселеніе всегда увеличивается, когда увеличиваются средства существованія, если только оно не будетъ остановлено какой-нибудь могущественной встрѣчной причиной; 3) всѣ препятствія, которыя, ограничивая силу размноженія, дэржатъ населеніе на уровнѣ средствъ существованія, сводятся въ концѣ концовъ къ нравственному воздержанію, пороку и несчастьямъ; 4) отношеніе между средствами существованія и размноженіемъ таково, каково отношеніе между арифметической и геометрической прогрессіями; 5) соціальная политика.

Отсюда видно, что пища и половая дѣятельность находятся въ строгой зависимости, и что обреченный естественными законами на условія низкаго уровня питанія рабочій классъ не можетъ размножаться естественнымъ образомъ.

Слѣдовательно, между средствами существованія и количествомъ народонаселенія должна существовать строгая гармонія и всякое ея нарушеніе влечетъ за собою соціальныя бѣдствія. Только обезпеченные или лица, въ которыхъ по условію времени есть необходимость, имѣютъ право на существованіе. Всѣ остальные должны погибнуть. „Человѣкъ,—говоритъ Мальтусъ,—который вступилъ въ міръ, не имѣя заранѣе заготовленнаго мѣста, если его семья не имѣетъ средствъ воспитать его или если общество не нуждается въ его трудѣ,—такой человѣкъ не имѣетъ ни малѣйшаго права заявлять притязанія на кусокъ хлѣба. Онъ лишній на землѣ. На жизненномъ великомъ пиру—нѣтъ для него мѣста, на землѣ“. Эта черезчуръ откровенная фраза, правда имѣется только въ двухъ первыхъ изданіяхъ. Первое изданіе значительно рѣзче послѣдующихъ. Въ немъ порокъ или разнаго рода бѣдствія являются единственными регуляторами равновѣсія между количествомъ народонаселенія и средствами потребленія, а въ послѣдующихъ изданіяхъ появляется уже принципъ моральнаго воздержанія. „Природа повелѣваетъ ему удалиться изъ-за стола и она не замедлитъ сама исполнить свое повелѣніе“. Такого рода мрачная и

жестокая теорія являлась шагомъ впередъ въ развитіи ученія о народонаселеніи и въ то же время рѣзкой реакціей противъ господствовавшихъ тогда воззрѣній.

Въ ученіи Мальтуса имѣются положенія разнаго научнаго достоинства и качества. Три группы этихъ положеній: 1) естественно-научное наблюденіе, 2) его закрѣпленіе въ математическую формулу (прогрессіи) и 3) соціально-политическіе выводы по рабочему вопросу — являются самыми главными. Закрѣпленіе въ формулу—наукою отрицается, признаетъ его, кажется, одинъ г. проф. Георгіевскій; существованіе прогрессій, даже какъ тенденцій, отрицается за отсутствіемъ статистическаго основанія въ „законѣ“ Мальтуса.

Соціальная политика Мальтуса—совершенно произвольна; размноженіе населенія зависитъ отъ экономическихъ условій; чтобъ по Мальтусу ихъ улучшить, надо сократить размноженіе. Мы же думаемъ, что рабочее дѣло зависитъ отъ общихъ условій, а условія эти измѣнчивы.

„Законъ“ объясняетъ, по мнѣнію Мальтуса, причину бѣдности. „Большею частью,—говоритъ Мальтусъ,—закону о народонаселеніи слѣдуетъ приписать, какъ нищету и бѣдствія низшихъ классовъ народа во всякой странѣ, такъ и безплодность усилій, употреблявшихся до сихъ поръ высшими классами для облегченія этихъ бѣдствій“.

Въ книгѣ IV „Опыта“ Мальтусъ говоритъ: „Почти все, что до сихъ поръ предпринималось для облегченія участи бѣдныхъ, стремилось, при содѣйствіи изысканной заботливости, только покрыть непроницаемымъ покровомъ этотъ вопросъ и скрыть отъ несчастныхъ настоящую причину ихъ нищеты“. Между тѣмъ,—говоритъ Мальтусъ далѣе,—какъ заработной платы едва хватаетъ для прокормленія двухъ дѣтей, работникъ женится—и на рукахъ его оказывается пятеро или шестеро“.

Ученіе о народонаселеніи, этотъ важный отдѣлъ статистики, куда, строго говоря, и относится весь поднятый Мальтусомъ вопросъ,—занималъ умъ человѣческій съ древности. Еще античный

міръ развилъ довольно законченное ученіе о народонаселеніи. И это ученіе не было только теоретическимъ построеніемъ; оно рѣзко повліяло на все законодательство о бракахъ и на всѣ законодательные акты, имѣвшіе отношеніе къ вопросу о ростѣ народонаселенія.

Этимъ-же вопросомъ занимались и въ средніе вѣка, особенно во 2-й половинѣ, когда ученіе о народонаселеніи стало центромъ тогдашней экономической политики. Государство желало быть сильнымъ и богатымъ. Для перваго требовалось имѣть какъ можно больше солдатъ, для второго—купцовъ и ремесленниковъ. И то и другое было тѣсно связано съ общимъ возрастаніемъ населенія, на что и были направлены всѣ заботы правительства. Поощряя многосемейныхъ, сокращая вдовьи сроки и создавая различные сроки для брачущихся, — государственная власть устанавливала спеціальные налоги на холостяковъ, боролась съ эмиграціей и твердо уповала, что чѣмъ больше явится людей, тѣмъ больше создастся и средствъ для ихъ пропитанія. Ученіе Мальтуса возвѣстило какъ разъ обратное: побольше средствъ — и явятся люди! — такова была формула, а отсюда всѣ прежнія государственныя поощренія къ человѣческому размноженію признавались безусловно вредными. Такимъ образомъ, появилась совершенно новая точка зрѣнія, которая заставила разобраться болѣе глубоко и подробно въ важномъ для науки и человѣчества ученіи о народонаселеніи.

Что-же касается другого отношенія, а именно условія общественныхъ настроеній, то, какъ уже было сказано, сочиненіе Мальтуса и здѣсь представляло собой реакцію. Къ моменту появленія Мальтусова „Опыта“ великая французская революція только еще заканчивалась и порождаемыя ею идеи потрясали установившіеся—строй и міровоззрѣніе съ необычайной силой. На родинѣ Мальтуса зачитывались сочиненіями анархиста Вильяма Годвина старшаго, вѣрили въ теорію неограниченнаго прогресса, возвѣщеннаго Кондорсе, и съ захватывающимъ интересомъ слѣдили за первыми соціальными опытами Оуэна. Соціальныя бѣдствія объяснялись, какъ результатъ неустройства, какъ слѣд-

ствіе плохой организаціи и дурного правленія. Отсюда проистекало требованіе немедленныхъ соціальныхъ и политическихъ реформъ. Состоятельные классы и правительство, на нихъ опиравшееся, были встревожены. Тутъ-то и появилось успокоившее ихъ сочиненіе протестантскаго пастора. Соціальныя и политическія реформы немыслимы и ненужны—возвѣстилъ Мальтусъ,—необходимо только нравственное воздержаніе низшихъ классовъ. Соціальныя бѣдствія происходятъ не отъ плохой организаціи или управленія, а являются результатомъ нарушенія естественной гармоніи природы, нарушеніемъ равновѣсія между числомъ людей и количествомъ средствъ. Люди несчастны только отъ раннихъ браковъ и множества дѣтей, что создаетъ усиленное размноженіе, перепроизводство людей, т. е. нарушеніе важнѣйшаго закона народнаго хозяйства о спросѣ и предложеніи. Какъ перепроизводство товаровъ нарушаетъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, создавая перепроизводство, т. е. гипертрофію предложенія,—такъ и перенаселеніе, создавая неестественно большой спросъ, нарушаетъ тоже равновѣсіе. Соціальный вопросъ, такимъ образомъ, есть только простой логическій выводъ изъ нарушенія закона о спросѣ и предложеніи и составляетъ, по Мальтусу, только небольшую главу изъ ученія о народонаселеніи.

Лица, не знакомыя или не понимающія Мальтуса связываютъ все его ученіе съ пресловутыми прогрессіями, съ мнимымъ утвержденіемъ Мальтуса, что человѣчество растетъ въ геометрической, а средства существованія въ арифметической прогрессіи. Эти злосчастныя прогрессіи, о которыхъ такъ много писалось въ экономической литературѣ, представляютъ собою сочиненія Мальтуса только случайно взятый примѣръ, небольшую, и, надо сознаться, неудачную иллюстрацію для выраженія его мысли. Разсужденія „о прогрессіяхъ“ не стоитъ въ связи съ существомъ его ученія и, кромѣ того, самая наличность разсужденія, выдвигающая впередъ эти пресловутыя прогрессіи, оставляютъ въ тѣни все то, что именно составляетъ самую сущность Мальтусова ученія.

Не говоря уже о томъ, что самое упоминаніе о прогрессіяхъ даетъ съ точки зрѣнія Мальтуса всему ученію совершенно невѣрное выраженіе. Любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что подобнаго рода непониманіе возмущало самого Мальтуса. Во второмъ изданіи своего „Опыта“ Мальтусъ категорически говоритъ слѣдующее: „Говорятъ, что я написалъ большой томъ въ 4° для доказательства той мысли, что народонаселеніе размножается въ геометрической прогрессіи, а продовольствіе въ ариѳметической. Это невѣрно. Одно изъ этихъ двухъ положеній казалось для меня очевиднымъ, когда была обнаружена степень возрастанія населенія въ Америкѣ; второе-же—въ моментъ, когда оно было формулировано. Главная-же цѣль моего сочиненія иная: она состояла въ изученіи слѣдствій и вліянія на человѣческое общество естественныхъ законовъ, которые я разсматривалъ, какъ доказанные на первыхъ страницахъ“.

Инкриминируемое мѣсто таково: „Можно утверждать,—говоритъ Мальтусъ,—что если населеніе не встрѣчаетъ въ своемъ ростѣ препятствій, то оно удваивается каждыя 25 лѣтъ или растетъ въ геометрической прогрессіи“. Здѣсь говорится только о возможности утвержденія при наличности извѣстныхъ условій, т. е.—самъ Мальтусъ придаетъ этой прогрессіи смыслъ абстрактный, алгебраическій, въ дѣйствительной жизни не встрѣчающійся. Дѣйствительная жизнь полна, по Мальтусу, разнаго рода препятствій, недающихъ возможности осуществиться намѣченной прогрессіи. Мальтусъ перечисляетъ цѣлый рядъ неблагопріятныхъ для увеличенія народонаселенія факторовъ, цѣлую систему всякаго рода препятствій, не допускающихъ въ реальномъ мірѣ осуществленія его теоретической прогрессіи. Всѣ препятствія онъ раздѣляетъ на двѣ группы: 1) предупредительныя, 2) разрушительныя. Къ числу первыхъ Мальтусъ причисляетъ:

„Предупредительныя препятствія, если они добровольны, составляютъ свойство человѣческой

природы, вытекающее изъ способности, которою человѣкъ отличается отъ животныхъ, а именно, изъ способности предвидѣть отдаленныя послѣдствія и взвѣшивать ихъ“ (стр. 104). „Такія соображенія дѣлаются для предупрежденія и дѣйствительно предупреждаютъ во всякомъ цивилизованномъ обществѣ множество супружествъ. Они останавливаютъ большое число ранновременныхъ браковъ и противодѣйствуютъ въ этомъ отношеніи естественнымъ побужденіямъ“ (Мальтусъ, рус. пер. стр. 105).

Разрушительныя препятствія для размноженія населенія бываютъ весьма разнообразны. Къ нимъ относятся всѣ причины, клонящіяся какимъ бы то ни было образомъ сократить естественную продолжительность человѣческой жизни посредствомъ порока или несчастія. Поэтому къ этому разряду можно отнести всѣ вредныя для здоровья занятія, всякій трудъ грубый, чрезмѣрный и подвергающій человѣка опасностямъ непогоды, крайнюю бѣдность, скверное содержаніе дѣтей, нездоровыя условія жизни въ большихъ городахъ, всякаго рода излишества, болѣзни, эпидеміи, войну, чуму, голодъ.

Такимъ образомъ, препятствія играютъ очень важную роль и это даетъ возможность Мальтусу сказать, что „населеніе строго ограничено средствами къ существованію“, т. е. оно никакъ фактически не можетъ расти быстрѣе послѣднихъ, хотя имѣетъ такую тенденцію. Согласнаго съ нами мнѣнія держится и Н. В. Водовозовъ. „Не вникнувъ въ эту совершенно понятную мысль,—говоритъ онъ,—критики, въ родѣ Поля Леруа Болье, думаютъ уничтожить Мальтуса простой ссылкою на одинаковую заселенность земли въ настоящее время и въ древности, что, впрочемъ, еще подлежитъ очень большому сомнѣнію, а между тѣмъ проведенное Мальтусомъ разграниченіе между дѣйствительнымъ и возможнымъ приростомъ населенія само по себѣ въ высшей степени плодотворно и современная наука охотно пользуется имъ въ различныхъ цѣляхъ, между прочимъ и для опроверженія геометрической прогрессіи Мальтуса“ [1]).

[1]) Н. В. Водовозовъ: Очерки и статьи. М. 1894.

Всѣ недоразумѣнія, происходящія изъ теоріи Мальтуса, имѣютъ своимъ источникомъ слѣдующее, весьма остроумно формулированное Бонаромъ, наблюденіе: „Смитъ написалъ книгу, которую всѣ хвалятъ, хотя никто не читаетъ. Мальтусъ же создалъ книгу, которую тоже никто не читаетъ, но всѣ бранятъ [1]).

Но если прочесть сочиненіе Мальтуса и извлечь изъ него весь экстрактъ, который для удобства изложенія мы раздѣлимъ на три части, то мы получимъ:

1) Три основныхъ положенія ученія о народонаселеніи.

2) Ученіе о бѣдности (соціальный вопросъ) и практическое разрѣшеніе существующихъ соціальныхъ недоразумѣній.

3) Различные добавочные вопросы: критика коммунистическаго ученія Годвина и другихъ, вопросъ о препятствіяхъ, прогрессіи и т. д.

Такимъ образомъ центромъ тяжести являются два первые пункта—ученіе о народонаселеніи и ученіе о бѣдности. Ихъ Мальтусъ соединяетъ въ одно цѣлое, но было бы крайне ошибочно думать, что каждое изъ этихъ ученій не можетъ быть принято или отвергнуто въ отдѣльности. Нѣкоторые экономисты, совершенно отвергая Мальтусово ученіе о бѣдности, принимаютъ его теорію народонаселенія. Но если и съ нею не соглашаться, то во всякомъ случаѣ возможно признать, что постановка этой проблемы—большая заслуга Мальтуса.

Мальтусъ и его теорія имѣютъ, конечно, своихъ предшественниковъ. Еще писатели XVII и XVIII в., трактуя вопросы народонаселенія, высказываются за увеличеніе населенія и указываютъ на мѣры, содѣйствующія его развитію. Но среди этихъ писателей выдѣляется небольшая группа съ обратною тенденціею.

Въ Италіи на рубежѣ XVII вѣка Джіованни Ботеро въ своей книгѣ „Delle cause della grandezza e magnificenza delle citta“,

---

[1]) As it is Adam Smith has left a book which „every one praises and nobody reads“, Malthus a book which „no one reads and all abuse“ Bonar, I.: „Malthus and his work“. London, 1885 (стр. 3).

вышедшей въ 1598 г., даетъ рядъ соображеній о ростѣ народонаселенія, которое онъ считаетъ съ теченіемъ времени замедляющимся въ своемъ первоначально быстромъ ростѣ за отсутствіемъ „питающей силы“. Въ XVIII вѣкѣ неаполитанецъ Антоніо Джевонези и венеціанецъ Джаммаріа Ортесъ развиваютъ взгляды Ботеро. Джевонези считаетъ густое населеніе столь же вреднымъ, какъ и рѣдкое. Оно должно согласоваться съ страною и ея плодородіемъ. „Вполнѣ справедливо наши государственные люди,—писалъ онъ,—кричатъ со всѣхъ сторонъ: населеніе! населеніе! Но это послѣднее можетъ сдѣлаться самой ужасною причиною обезлюденья, если его не регулировать на вышеприведенныхъ основаніяхъ. Ибо когда природа болѣе уже не въ состояніи кормить людей, они начинаютъ уничтожать другъ друга“.

Ортесъ, придерживаясь тѣхъ же взглядовъ, кромѣ того полагаетъ, что населеніе растетъ въ геометрической прогрессіи и что для задержки этого роста нужно прибѣгнуть къ принужденію. Безбрачіе и воздержаніе отъ дѣторожденія—наилучшее по мнѣнію Ортеса, средство.

Въ Англіи въ томъ же духѣ писали—въ XVII вѣкѣ Джозіа Чайльдъ, въ XVIII—Веньяминъ Франклинъ, Артуръ Юнгъ и многіе другіе.

Въ Германіи въ XVIII вѣкѣ по вопросу о народонаселеніи высказывался Юстусъ Мозеръ, авторъ „Патріотическихъ фантазій“. Этотъ прославленный нѣмцами писатель—по мнѣнію Рошера „величайшій нѣмецкій политико-экономъ XVIII в.“—былъ филистеръ. Съ обычною своею злобною и брюзгливою манерою, кажущеюся нѣмцамъ глубокомысленною, онъ заявляетъ, что увеличеніе народонаселенія—это созданіе „нищихъ и воровъ“ и, что „прививку оспы“ и дѣятельность врачей слѣдовало бы прекратить, такъ какъ оспа удачное средство для сокращенія человѣческой плодливости. Чума и оспа—мудрая мѣра мудраго провидѣнія. Изложеніемъ точки зрѣнія этого христіанскаго писателя и прославленнаго нѣмецкаго патріота—мы покончимъ краткій обзоръ предшественниковъ Мальтуса, оставляя въ сторонѣ многихъ высказывавшихся по этому вопросу, но не говорившихъ такъ болѣе или менѣе ясно и опредѣленно, какъ указанные писатели.

Изъ ученія Мальтуса возникъ цѣлый рядъ теорій, такъ или иначе его дополняющихъ или развивающихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ совершенно исказили основныя мысли Мальтуса и дали такое направленіе его ученію, которое въ сущности является ни чѣмъ инымъ, какъ отрицаніемъ самой теоріи Мальтуса. Измѣненный, а часто извращенный Мальтусъ ложится въ основу взглядовъ большинства послѣдующихъ представителей мальтузіанства и еще болѣе—новомальтузіанскаго теченія.

Къ сторонникамъ теоріи Мальтуса слѣдуетъ отнести: въ Англіи обоихъ—Джемса и Джона Стюарта Миллей, во Франціи—Жана Баптиста Сея и Сисмонди, затѣмъ итальянца Пеллегримо Росси и бельгійца Кетле; въ „благоразумной“ Германіи ихъ гораздо больше (правда, не всѣ воспринимаютъ теорію Мальтуса цѣликомъ): изъ числа старыхъ экономистовъ—Карлъ Генрихъ Рау, Робертъ фонъ-Моль, Генрихъ Луденъ, изъ новыхъ — Адольфъ Вагнеръ, Рюмелинъ и Густавъ Конъ.

Многіе очень давно поняли мальтузіанство съ совершенно узкой специфически-половой точки зрѣнія; нашлись такіе; которые немедленно по выходѣ въ свѣтъ книги Мальтуса указывали на недостаточность предлагаемыхъ имъ средствъ, которыя бы уменьшали приростъ населенія. Въ итогѣ создалось цѣлое направленіе, отстаивавшее необходимость примѣненія физическихъ средствъ, могущихъ уменьшить плодовитость и тѣмъ ограничить численность семьи.

Одинъ изъ сторонниковъ этого направленія—англійскій общественный дѣятель начала XIX вѣка Фрэнсизъ Плессъ убѣдилъ даже Роберта Оуэна въ справедливости своей точки зрѣнія; и Оуэнъ пропагандировалъ ее въ Нью-Ламаркѣ. Направленіе это обычно называется нео-мальтузіанствомъ.

Въ 70-хъ годахъ это такъ называемое нео-мальтузіанское теченіе приняло большіе размѣры. 17 іюля 1877 года въ Лондонѣ была основана „Лига мальтузіанцевъ“, которая съ 1 февраля 1879 года издаетъ ежемѣсячный журналъ „Мальтузіанецъ“. Эпиграфъ этого листка гласитъ: „Всякому разумному существу мѣры, предупреждающія зачатіе, должны казаться столь же естественными, какъ мѣры предохраненія противъ обѣдненія

и преждевременной смерти". (Мальтусъ). Кромѣ того, это общество стремится распространить свое ученіе при помощи памфлетовъ, брошюръ и т. п. Приведемъ здѣсь цѣли и основные тезисы лиги:

I) агитація въ пользу отмѣны всякаго рода наказаній за публичное обсужденіе вопроса о народонаселеніи, съ цѣлью добиться изданія такихъ законоположеній, чтобы на будущее время нельзя было подводить на основаніи обычнаго права такого рода публичныя обсужденія подъ понятіе проступка;

II) распространеніе среди народа всѣми подходящими для этого средствами свѣдѣній о законѣ народонаселенія, его послѣдствіяхъ и вліяніи на нравы и мораль.

Основные тезисы лиги — слѣдующіе:

1) населеніе имѣетъ постоянную тенденцію размножаться свыше средствъ продовольствія;

2) препятствія, противодѣйствующія этой тенденціи, суть частью положительныя, разрушающія жизнь, частью предохранительныя, ограничивающія рождаемость;

3) положительныя препятствія суть: высокая смертность дѣтей, голодъ, война и дѣтоубійство;

4) предохранительныя препятствія состоятъ въ ограниченіи численности потомства при помощи воздержанія отъ вступленія въ бракъ и соблюденія благоразумной предусмотрительности по заключеніи брака;

5) продолжительный целибатъ, котораго требуетъ Мальтусъ, является причиной многихъ пороковъ въ половой сферѣ и многихъ болѣзней; раннее же вступленіе въ бракъ имѣетъ тенденцію благопріятствовать цѣломудрію, домашнему комфорту, общественному счастью и индивидуальному здоровью; но какъ мужчины, такъ и женщины совершаютъ тяжкій проступокъ по отношенію къ обществу, если производятъ на свѣтъ болѣе дѣтей, чѣмъ сколько они могутъ прокормить, одѣть, воспитать и пріютить;

6) перенаселеніе—самый главный источникъ пауперизма, невѣжества, преступленій и болѣзней;

7) публичное обсужденіе вопросовъ.

Теорія Мальтуса имѣетъ критиковъ не меньше, чѣмъ и по-

слѣдователей. Критику Мальтуса принято дѣлить на три группы: 1) соціалисты, 2) оптимисты, исходящіе изъ теоріи гармоніи хозяйственныхъ силъ и 3) приверженцы естествознанія. Возбуждавшій въ Россіи вопросъ о пересмотрѣ теоріи Мальтуса рано умершій экономистъ Водовозовъ дѣлитъ всю критику Мальтусова ученія на:

А) критику, отвергающую какъ наличность, такъ и возможность перенаселенія;

В) критику, дающую особое объясненіе фактамъ перенаселенія;

С) критику, допускающую наличность перенаселенія, но считающую возможнымъ такъ или иначе устранить его въ будущемъ. Но было бы правильнѣе дѣлить по пріемамъ опроверженія на: 1) опровергающихъ съ точки зрѣнія общихъ положеній всю систему, сюда относятся, главнымъ образомъ, всѣ соціалисты, 2) опровергающихъ противопоставленіемъ статистическаго анализа, 3) опровергающихъ анализомъ самой теоріи, ея внутреннимъ противорѣчіемъ.

Сама книга Мальтуса была написана противъ соціалиста Годвина, полагавшаго, что истинная причина всѣхъ страданій заключается въ недостаткахъ человѣческихъ учрежденій и полной негодности правительствъ. Понятно, что экономисты, согласные въ этомъ съ Годвиномъ, высказываются противъ Мальтуса. Фурье и Прудонъ негодуютъ противъ ученія Мальтуса, тщетно ищутъ опроверженія и примиряются на указаніи, что соціалистическая организація создаетъ искомое равновѣсіе между размноженіемъ и пропитаніемъ.

Евгеній Дюрингъ считаетъ теорію Мальтуса реакціонною. У каждаго экономическаго строя — по мнѣнію Дюринга, — своя емкость населенія, а потому нужно раздвинуть, если они недостаточны, рамки строя, препятствующаго увеличенію населенія.

Генри Джорджъ, — яро нападая на Мальтуса, утверждаетъ какъ разъ обратное. „Опасность, что родъ человѣческій размножится, что для него не хватитъ мѣста, — говоритъ Джорджъ, — такъ отдаленна, что она имѣетъ для насъ не болѣе практическаго значенія, чѣмъ новое возвращеніе ледниковаго періода или имѣющее въ концѣ концовъ произойти потуханіе солнца“.

Ф. Энгельсъ считаетъ теорію Мальтуса глубочайшимъ униженіемъ человѣчества такъ же, какъ и К. Марксъ. Послѣдній— рѣшительный противникъ мальтузіанства. Возраженія Маркса сводятся къ тремъ пунктамъ: 1) абстрактный законъ размноженія, примѣнимый къ флорѣ и фаунѣ, не приложимъ къ человѣчеству; 2) обѣдненіе и вымираніе часто не находятся въ указанной Мальтусомъ связи; и 3) каждая историческая эпоха и каждый способъ производства связанъ со своими „законами населенія".

У насъ въ Россіи такъ же сильно и рѣшительно высказывался Н. Г. Чернышевскій въ своихъ „примѣчаніяхъ къ Миллю".

Среди соціалистическихъ писателей нѣкоторымъ исключеніемъ является Карлъ Каутскій. Въ своемъ сочиненіи „Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft" (Вѣна, 1880 г.) онъ принимаетъ теорію Мальтуса. Объ опасности перенаселенія Каутскій говоритъ, что „опасность только можетъ быть отсрочена; эта опасность грозитъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе стараются распространить счастье". Необходимы искусственныя предохранительныя мѣры противъ рожденій (präservativer Verkehr), какъ средства регулировать взаимоотношеніе между количествомъ населенія и средствами пропитанія. Таково, вкратцѣ, отношеніе различныхъ экономистовъ къ мальтузіанству. Вообще же доктрина Мальтуса важна тѣмъ, что дала могучій толчокъ къ разработкѣ вопроса и подчеркнула связь между населеніемъ и пропитаніемъ. Связь между ними— не подлежитъ сомнѣнію; но и въ такомъ случаѣ мы не должны дѣлать выводовъ, сдѣланныхъ Мальтусомъ, а только видѣть одно изъ подтвержденій теоріи экономическаго матеріализма. Статистика до сихъ поръ не указала объективнаго недостатка въ пропитаніи, о чемъ не можетъ быть и рѣчи въ настоящее время. Мальтузіанство быть можетъ,—вопросъ будущаго.

И правъ Марксъ, указывающій на то, что каждая историческая эпоха имѣетъ свой особый законъ народонаселенія, правъ Дюрингъ, говорящій о „ёмкости", правъ и Листъ, когда онъ говоритъ, что каждое слѣдующее за другимъ — состояніе народнаго хозяйства имѣетъ особую, ему свойственную, емкость населенія.

Вопросъ же объ уменьшеніи или увеличеніи плодовитости лю-

дей—научно до сихъ поръ не выясненъ и не доказанъ; вопросъ объ увеличеніи или сокращеніи средствъ производства—тоже проблема болѣе чѣмъ неясная.

И такъ ученіе о народонаселеніи—важный отдѣлъ народнаго хозяйства, но ученіе Мальтуса и его политика въ этой области—недоказанная доктрина и политика лицемѣрія. Эта теорія близка къ сердцу всѣхъ защитниковъ существующаго строя, всѣхъ боящихся соціализма. И принятіе теоріи Мальтуса есть опасность большая, чѣмъ та опасность, о которой говорятъ „пророчествующіе мальтузіанцы", по крайней мѣрѣ эта указываемая опасность ближе и реальнѣе.

Для экономиста проповѣдь мальтузіанство—лицемѣріе, лицемѣріе пошлое и неблагородное: оно создаетъ почву для индифферентизма къ вопросу объ улучшеніи и измѣненіи окружающихъ насъ соціальныхъ условій, оно заставляетъ человѣка въ вопросѣ соціальномъ быть слѣпцомъ, холодно и равнодушно относиться къ бѣдствіямъ; въ результатѣ этого появляется конфликтъ между высокою теоріею, проповѣдуемой въ храмѣ науки, и отношеніемъ къ окружающему, конфликтъ, составляющій язву жрецовъ науки.

И даже лучшіе жрецы—
Во храмѣ вѣщіе пророки—
Внѣ храма—жалкіе слѣпцы!..

Литература о Мальтусѣ необычайно обширна. Сочиненія Мальтуса переиздавались не разъ.

1. Malthus, Thomas Robert. An Essay on the Principle of Population as, it affects the Future Improvement of society, with Remarks on the Speculations of M-r Godwin, M. Condorcet and other Writers. 1798 г., (1803, 06, 07, 17 и др. изд.).—2. Malthus. Principles of Political Economy 1820.—3. Malthus Definitions in political Economy. 1822 и пр.

„Опытъ о законѣ народонаселенія" Мальтуса, былъ переведенъ на всѣ главнѣйшіе европейскіе языки. Русскій переводъ съ прим. Н. Г. Чернышевскаго появился въ 1860 году и П. А. Бибикова со статьей переводчика „Жизнь и труды Мальтуса") въ 1868 году. Въ „Библіотекѣ экономистовъ", издававшейся въ Москвѣ Солдатенковымъ, подъ ред. Щепкина, третій выпускъ; составленный Ипполитомъ Вернеромъ, посвященъ Мальтусу, „Опытъ" приведенъ въ сильно сокращенномъ видѣ. Трактаты Мальтуса и Рикардо о рентѣ (1815 года) пер. и издалъ для практическихъ занятій со студ. А. Миклашевскій. Юрьевъ, 1908. Здѣсь переведены: 1) изслѣдованіе о природѣ и развитіи ренты, 2) замѣчанія

о вліяніи хлѣбныхъ пошлинъ. 3) основанія для мнѣнія о цѣлесообразности ограничить „ввозъ хлѣба.

О теоріи народонаселенія Мальтуса писали необычайно много; лучшими сочиненіями о Мальтусѣ считаются:

1. Thornton: Overpopulation and is Remedy. Лондонъ, 1846.
2. Proudhon: Contradictions Economiques. Парижъ, 1847.
3. Kautzky: Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft. Берлинъ, 1880.
4. Franz Oppenheimer: Das Bevölkerungsgesetz des T. R. Malthus und der neueren Nationalöconomie 2-е изд. 1901. Berlin & Bern (Jeder hein).

О неомальтузіанствѣ трактуютъ:

5. Charles Drysdale: The population Question accordins to Malthus, Лондонъ, 1878.
6. Annie Besant: The Law of Population. Лондонъ, 1878.
7. Stille: Bevölkerungsfrage. Берлинъ, 1879.
8. Otto: Künstliche Unfruchtbarkeit. Берлинъ, 1884.
9. Журналъ: „Malthusian“ съ 1879, изд. лиги „Malthusian League“.

О самомъ Мальтусѣ и его жизни—можно найти подробныя свѣдѣнія:

10. J. Bonar: Malthus and his work. Лондонъ, 1885.
11. Payne: History of the Family of Malthus. Лондонъ, 1890.
12. У насъ ученіе Мальтуса анализируется въ слѣдующихъ работахъ въ значительной части примѣчаній Н. Г. Чернышевскаго къ „Основаніямъ политической экономіи“ Дж. Ст. Милля, а также въ главѣ «Соціологическихъ очерковъ“ С. Южакова (Спб. 1891 г.). Отличный очеркъ жизни и научной дѣятельности Мальтуса даетъ въ серіи Павленковскихъ біографій покойный экономистъ Н. Водовозовъ, которому принадлежитъ и прекрасная статья: „Ученіе Мальтуса о народонаселеніи“, помѣщенная въ посмертномъ сборникѣ его статей: „Экономическіе этюды“, изд. М. И. Водовозовой. М. 1897 г. („Экономическіе взгляды Мальтуса“, „Журн. Моск. Юр. об.“ 1895 т., іюнь). Кромѣ того, хороша статья Валентинова, Г. (Плехановъ) „Возрожденіе мальтузіанства въ современной Европѣ“, Отечеств. Записки“, 82 г. 9, 10 кн. Наконецъ, отмѣтимъ Горбата; П. П. Мальтусъ и его ученіе, „Всемірный трудъ“ 70 г. 2; Милютинъ, В. А. Мальтусъ и его противники. „Современникъ“ 64 г., 4 и 5; Янжулъ. Очерки и изслѣдованія. М. 1884 г.

III.

Давидъ Рикардо.

(1772—1823).

При одномъ взглядѣ на портретъ Рикардо видно, что, что мы имѣемъ передъ собою не заурядаго человѣка; въ его физіономіи

есть нѣчто необычайное, геніальное, то, что отличаетъ лица, напр., Бетховена, Шумана, Моцарта и др. По общему выраженію, по чертамъ лица вы какъ бы предчувствуете, что передъ вами нѣчто выдающееся. Дѣйствительно, всѣ сочиненія Рикардо отмѣчены печатью необычнаго таланта и рѣзко выдѣляются изъ общепринятыхъ рамокъ. Какъ въ ряду другихъ экономистовъ, такъ и въ самой классической школѣ Рикардо занимаетъ особое положеніе, которое онъ сохраняетъ весь XIX вѣкъ и послѣ крушенія классицизма. Такова сила воздѣйствія геніальнаго мыслителя на успѣхъ развитія знанія!

Давидъ Рикардо родился въ 1772 г., т. е. за 4 года до появленія книги Ад. Смита. Сынъ голландскаго еврея, эмигрировавшаго въ Англію, онъ не получилъ систематическаго образованія. Крестившись, оскорбивъ этимъ своего отца, правовѣрнаго еврея, Рикардо рано ушелъ изъ дому. Онъ начинаетъ заниматься торговыми и коммерческими дѣлами, но главнымъ образомъ играетъ на биржѣ. 25 лѣтъ отъ роду Рикардо былъ уже однимъ изъ крупнѣйшихъ лондонскихъ биржевыхъ дѣльцовъ, милліонеромъ.

Но въ одинъ прекрасный день онъ прекращаетъ биржевую игру и всякую коммерческую дѣятельность, селится въ своемъ имѣніи и посвящаетъ весь свой досугъ научнымъ занятіямъ, преимущественно естественнымъ наукамъ. Прочитавъ однажды „изслѣдованіе причинъ богатства и бѣдности народовъ“ Адама Смита, Рикардо настолько заинтересовывается экономическими вопросами что съ тѣхъ поръ всецѣло и навсегда посвящаетъ себя политической экономіи. То обстоятельство, что Рикардо былъ на биржѣ положило очень ясный отпечатокъ на его дальнѣйшую дѣятельность и объясняетъ очень многое въ его теоріи. Находясь на биржѣ и наблюдая, какъ легко цѣнности переходятъ изъ рукъ въ руки, какъ почти абстрактно распредѣляется капиталъ изъ одной отрасли промышленности въ другую, Рикардо могъ научиться столь же просто и абстрактно изображать экономическія отношенія людей. Анализъ практической жизни ему чуждъ. Рикардо путемъ сильнаго раціоналистическаго мышленія, путемъ отвлеченій и логики, теоретически возсоздаетъ весь по его мнѣнію основной хозяйственный процессъ окружающаго его соціаль-

наго строя. Рикардо даетъ при этомъ поразительно красивыя и изящныя построенія.

Было уже сказано, что Рикардо занялся политической экономіей подъ вліяніемъ книги Ад. Смита, оказавшаго сильное вліяніе и на самое развитіе Рикардо; потребовалось много времени, пока Рикардо смогъ освободиться отъ непосредственнаго воздѣйствія великаго Шотландца. Рикардо выступаетъ впервые на литературномъ поприщѣ по денежному вопросу. Дѣло въ томъ, что въ 10-хъ годахъ 18 столѣтія Англія была усиленно занята валютными вопросами; въ тѣ дни здѣсь были серьезныя денежныя затрудненія, и весь Лондонъ интересовался вопросами денежнаго обращенія. Экономистамъ необходимо было отстаивать золотые слитки, и вотъ въ ихъ защиту выступилъ Рикардо. Тонкое пониманіе вопроса, ясность и точность изложенія сразу сдѣлало Рикардо замѣтной величиной въ этой области. Естественно, что дальше молодой писатель вынуждается вступить въ полемику съ другими писателями по тому же вопросу.

Продолжая полемизировать по вопросамъ денежной системы, Рикардо въ то же время пишетъ, не думая сначала отдавать свое произведеніе „Начала политической экономіи“, на судъ публики. Но подъ вліяніемъ доводовъ своего друга Джемса Милля, отца знаменитаго экономиста, Рикардо рѣшается выпустить свой трудъ въ свѣтъ, правда его убѣдили къ этому лишь спустя 15 лѣтъ послѣ написанія. „Начала“ Рикардо, написанныя съ необыкновенной простотой, ясностью и законченностью, имѣли огромнѣйшій успѣхъ. Рикардо сталъ величайшимъ авторитетомъ у современниковъ. Нашъ экономистъ 60-хъ г. Жуковскій настолько увлекся Рикардо, что пытался даже перевести языкъ Рикардо на математическія формулы: такъ логически стройна вся теорія Рикардо. Покойный московскій проф. А. И. Чупровъ клалъ въ основу всего экономическаго образованія студентовъ текстуальное изученіе Рикардо.

Сдѣлавъ многое для науки, Рикардо, однако, написалъ мало. Всѣ его сочиненія составляющія всего одинъ только томъ, переиздавались неоднократно. Лучшимъ изданіемъ считается изданіе 1848 года. О самомъ Рикардо и его воззрѣніяхъ существуетъ обширная литература. Большинство сочиненій о немъ имѣютъ

однако, скорѣе въ виду приведеніе въ систему воззрѣній Рикардо, чѣмъ ихъ критику.

Рикардо, какъ уже было отмѣчено, посчастливилось и въ Россіи. У насъ имѣется прекрасный переводъ Н. И. Зибера въ изданіи Пантелѣева. Недавно вышелъ другой переводъ издательства „Звено“. Кромѣ того, имѣется сокращенный переводъ подъ редакціей М. Щепкина и И. Вернера въ солдатенковской „Библіотекѣ экономистовъ“.

О Рикардо писалъ въ духѣ смитовскаго направленія Ю. Жуковскій, о которомъ мы говорили выше, и въ высшей степени обстоятельно—Н. И. Зиберъ въ своемъ трудѣ: „Д. Рикардо и К. Марксъ, въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“. Изъ болѣе мелкихъ изслѣдованій отмѣтимъ книгу Пытлаевскаго, изданную въ 1881 году въ Одессѣ, остальныя въ концѣ статьи.

Обратимся теперь къ самому Рикардо, къ его способу изложенія и къ его ученію. Обычный пріемъ, которымъ Рикардо излагаетъ вопросы, несложенъ: онъ беретъ нѣсколько основныхъ положеній и изъ нихъ путемъ строгой логики, дедукціи, выводитъ дальнѣйшее въ цѣльную и стройную систему. Отсюда, если вы принимаете одно изъ его основныхъ положеній, то логически принуждены принять и всѣ его воззрѣнія по данному вопросу: критика самихъ логическихъ построеній Рикардо почти невозможна. Лишь изрѣдка удается подмѣтить нѣкоторую шаткость, колебаніе въ изложеніи, но и это встрѣчается крайне рѣдко. Критика поэтому и не направляется на логическую сторону ученія Рикардо, а обращается къ самымъ основнымъ положеніямъ. Къ одному изъ такихъ основныхъ положеній Рикардо принадлежитъ его ученіе о цѣнности. Вслѣдъ за Смитомъ Рикардо различаетъ потребительную и мѣновую цѣнности. Мѣновая цѣнность свободно воспроизводимыхъ товаровъ опредѣляется затраченнымъ на производство этихъ товаровъ трудомъ; это обобщеніе наиболѣе простое и понятное для каждаго мыслящаго человѣка. Но Рикардо не говоритъ, что цѣнность опредѣляется исключительно трудомъ, онъ допускаетъ, что нѣкоторыя категоріи цѣнностей опредѣляются по иному принципу, по ихъ рѣдкости. Первый принципъ—цѣнность опредѣляется трудомъ,—было уже раньше высказано Юмомъ и Кантильономъ, но не такъ

ясно и опредѣленно какъ у Рикардо, оно затѣмъ цѣликомъ перешло въ ученіе Карла Маркса.

Современная критика установила, что Рикардо нѣсколько смѣшиваетъ трудъ съ издержками производства; это вопросъ изъ-за котораго дальнѣйшіе изслѣдователи разошлись и который послужилъ краеугольнымъ камнемъ для разногласій. По Рикардо, трудъ опредѣляетъ цѣнность не всѣхъ товаровъ, а только части—свободно воспроизводимыхъ товаровъ, трудъ, являясь регуляторомъ среднихъ, а не рыночныхъ цѣнъ, вмѣстѣ съ тѣмъ есть важнѣйшій, а не единственный регуляторъ этихъ среднихъ цѣнъ. Уже было отмѣчено, что въ вопросѣ о цѣнности Рикардо не былъ оригиналенъ; связь между цѣнностью товаровъ и трудомъ еще до Рикардо устанавливали сэръ Вилльямъ Петти, Франклинъ, Юмъ, Стюартъ, Кантильонъ, Смитъ, но Рикардо дѣлаетъ новый шагъ—онъ обосновываетъ ученіе о распредѣленіи на трудовой теоріи цѣнности. „Опредѣлить законы, регулирующіе распредѣленіе,—говоритъ Рикардо въ предисловіи къ „Началамъ“,—составляетъ главную задачу политической экономіи“. Съ современной точки зрѣнія въ трудовой теоріи цѣнности у Рикардо отсутствуетъ этическій моментъ соціализма; это у него лишь методологическое допущеніе. Прибыль и заработная плата—вотъ доли, на которыя, по Рикардо, распадается цѣнность, а за нею и весь общественный доходъ. Его доли взаимно противоположны антагонистичны. Но Рикардо не сдѣлалъ практическихъ выводовъ изъ обоснованныхъ имъ классовыхъ противорѣчій и противоположенности интересовъ труда и капитала. Ходъ мысли Рикардо слѣдующій.

Самый трудъ Рикардо разсматриваетъ какъ простой товаръ и не отличаетъ его отъ другихъ видовъ товаровъ. Что трудъ тѣсно связанъ съ личностью человѣка,—этого Рикардо не знаетъ. Трудъ оплачивается заработною платою, а капиталъ прибылью. И то и другое входитъ въ цѣну товара, но при этомъ чѣмъ больше прибыль на капиталъ, тѣмъ меньше заработная плата. Отношеніе ихъ обратно пропорціальное. Рикардо, высказывая это отнынѣ знаменитое положеніе, тѣмъ самымъ доказалъ все противорѣчіе, весь неустранимый антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ. Классо-

вая борьба, борьба рабочихъ и капиталистовъ получила такимъ образомъ строго научное обоснованіе. Вопросъ поставленъ у него рѣзко и опредѣленно, но Рикардо не дѣлаетъ изъ него необходимыхъ соціалъ-политическихъ выводовъ.

Ученіе о заработной платѣ Рикардо формулируется слѣдующимъ образомъ: заработная плата опредѣляется отношеніемъ населенія къ имѣющемуся въ странѣ капиталу; но что такое представляетъ собою лицо, получающее заработную плату, — Рикардо не разсматриваетъ. Для него рабочій—лицо, не имѣющее капитала. Тотъ, кто получаетъ заработную плату, тотъ продаетъ свой трудъ, какъ торговецъ, продающій свой товаръ; при невыгодныхъ конъюнктурахъ переходитъ отъ одной профессіи къ другой. Очевидно поэтому, что заработная плата въ одной профессіи не можетъ быть выше, чѣмъ въ другой. Заработная плата—это просто цѣна рабочей силы. Всякая цѣна колеблется подъ вліяніемъ спроса и предложенія; но имѣется одинъ общій уровень тяготѣнія—„естественная цѣна труда“. „Естественная цѣна труда — говоритъ Рикардо,—та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода“. Рыночная цѣна труда не расходится на долго съ естественной. Если жизненные припасы дороги, то и заработная плата должна быть такая, чтобы человѣкъ могъ пропитаться. Если заработная плата повысится, то улучшится матеріальное положеніе рабочихъ, проснутся половые инстинкты, населеніе увеличится и заработная плата должна будетъ опять понизиться. Если, наоборотъ, заработная плата понизится, то наступитъ большая смертность и заработная плата должна опять повыситься.

Такимъ образомъ двѣ теоріи заработной платы, — теорія фонда, которая говоритъ, что весь капиталъ страны надо дѣлить на населеніе, и „желѣзный законъ“ заработной платы Ласcаля, по которому цѣна труда не должна быть ниже издержекъ производства, имѣются и формулированы впервые у Рикардо.

Наиболѣе интереснымъ у Рикардо является постановка вопроса о земельной рентѣ, данная имъ въ 1815 году. Земельная рента по Рикардо представляетъ собою доходъ землевладѣльца. Трудовая цѣнность, создаваемая рабочимъ, распредѣляется между капита-

листомъ, получающимъ прибыль, и рабочимъ, получающимъ заработную плату. Землевладѣльцу здѣсь ничего не достается. Но рента такъ же, какъ и прибыль, представляетъ собою нетрудовой доходъ; однако, сходная въ этомъ отношеніи съ прибылью, рента разнится отъ нея тѣмъ, что не зависитъ отъ заработной платы. Рента подчиняется своимъ особымъ законамъ. Ея основаніе—неизбѣжное неравенство производительныхъ силъ природы на разныхъ участкахъ, ибо цѣна хлѣба опредѣляется стоимостью затратъ, обработки на наихудшемъ участкѣ, который не даетъ ренты. Рента можетъ существовать при землѣ и равнаго плодородія, но при условіи затратъ въ нее капитала, въ результатѣ чего будемъ имѣть неравную производительность послѣдующихъ затратъ. Благодаря бо́льшему спросу на хлѣбъ и повышенію цѣны, становится выгоднымъ увеличить затрату капитала. Болѣе раннія затраты даютъ избытокъ. Высокая рента не причина, а слѣдствіе высокихъ цѣнъ на хлѣбъ. Если бы землевладѣльцы отказались отъ ренты, цѣна бы на хлѣбъ не понизилась. Ибо, говоритъ Рикардо, „хлѣбъ дорогъ не потому, что уплачивается рента, но рента уплачивается потому, что хлѣбъ дорогъ“.

Землевладѣльцы такимъ образомъ, являются монополистами; они участвуютъ въ экономическомъ процессѣ по праву силы. „Они жнутъ, гдѣ не сѣяли“. Но какъ и въ вопросѣ объ соотношеніи прибыли и заработной платы, на этомъ Рикардо и останавливается. Логическій выводъ изъ его положеній, что землевладѣльцы, въ концѣ концовъ, враги общества, сдѣлали уже за него другіе.

Современная наука можетъ уже многое возразить какъ противъ ограничительнаго Рикардовскаго пониманія земельной ренты, такъ и противъ самаго метода доказательства ея происхожденія. Рикардо выяснилъ про-исхожденіе земельной ренты—экономическаго явленія при помощи метода дифференціи изъ естественныхъ условій, что является методологической ошибкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не подмѣтилъ явленія абсолютной ренты, столь существенной и важной стороны вопроса, указаннаго позднѣе Карломъ Марксомъ. Отсюда все дальнѣйшее развитіе теоріи земельной ренты должно представлять собою постепенное освобожденіе отъ основоположеній Рикардо.

Вообще же вся теорія Рикардо была далека отъ практической жизни: онъ не зналъ ни исторіи Англіи, ни дѣйствительности своего времени. Историческая перспектива и картина развитія капитализма была ему совершенно чужда. Соціальный строй для Рикардо нѣчто навсегда застывшее. Его то онъ проанализировалъ, расчленилъ и сказалъ, что это для всѣхъ временъ одинаково; изъ Рикардовской абстракціи и создалась его теорія. Всѣ его положенія о рентѣ, прибыли капиталистовъ и рабочихъ есть только теоретическое повтореніе англійскихъ условій опредѣленныхъ годовъ, теоретизація того времени, когда жилъ Рикардо. Для того времени капитализмъ въ Англіи былъ уже достаточно типиченъ. Картину условій своего времени Рикардо объяснилъ и выставилъ въ качествѣ общей структуры всей Европы. Онъ доказывалъ, что капитализмъ покоится на эгоизмѣ, что трудъ есть товаръ и т. д.

Въ тѣ дни, когда печатались сочиненія Рикардо, начали появляться и сочиненія, въ которыхъ относились съ состраданіемъ къ рабочему классу и въ которыхъ отмѣчали, что экономическая жизнь всюду не такъ благополучна, какъ утверждаютъ авторитетные экономисты. Публицисты и государственныя дѣятели начали уже давать новыя указанія, служащія предостереженіемъ оптимизму. Общественное мнѣніе начало прислушиваться къ нуждамъ низшихъ классовъ; ихъ положеніемъ заинтересовался и Рикардо. Онъ изучилъ вліяніе машинъ на рабочихъ и указалъ, что на рабочій классъ машины производятъ вредное вліяніе. Вопросъ этотъ очень миніатюрная глава въ его сочиненіи, но она все же идетъ въ разрѣзъ съ его основными положеніями и стоитъ отдѣльнымъ эпизодомъ.

Идеи Рикардо послужили основаніемъ для сочиненій цѣлаго ряда экономистовъ—англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ и распространялись по всѣмъ странамъ. По „началамъ“ Рикардо учились,—имъ подражали и ихъ развивали. Онъ затѣмъ и пришлось опровергать самымъ энергичнымъ образомъ.

Литература о Рикардо: I. Полныя собранія сочиненій Рикардо:

1. The works of Ricardo. Изд. Y. R. Mac Culloch. Лондонъ. 1846.
2. Oeuvres complètes de Ricardo. Парижъ. 1847. Тоже новое франц. изд. перев. Constancio et A. Fontegrand. (Съ прим. Y. R. Say, Malthus, Sismondi, Ross Blanqui и т. д.). Парижъ. 1832.
3. Лучшее изданіе: Principles of Political Economy and taxation, Conner'a. London, 1895.

Сочиненія Рикардо въ хроническомъ порядкѣ:

1. The high price of bullion a proof of the Depreciation of Bank-Notes. 1809.

2. Reply to Mr. Bosanquets „Practical Observations on the Report of the Bullion Committee". 1811.

3. An Essay on the Influence of a low Price of corn on the profits of stock, with remarks on Mr. Malthus'last two publications. 1815.

4. Proposals for an Economic and Secure Currency, with obserwations on the profits of the Banc of England. 1816. III-е изд. 1819.

5. The Principles of Political Economy and Taxation. 1817. 2-ое изд. 1819, 3-ье изд. 1821. Новое изд. E. C. K. Gonner. Лондонъ. 1895. Французское изд. F. S. Constancio. Парижъ. 1819, 1835. Нѣмецкое изд. A. Schmidt. Веймаръ 1821. Нѣмецк. изд. E. Baumstark. Лейпцигъ. 1837—38.

6. Essay on the fonding. system. B. Encyclopaedia Britannica. 1820.

7. On protection to Agriculture. 1822.

8. Speech on Mr. Westerns motion for a Committee to consider the effects produced by the resumption of cash pagments, delivered the 22 th of June, 1822.

9. Посмертное произведеніе: Plan for the establischment of a national bank 1824.

10. Парламентскія рѣчи. Изд. Hansard'a. Parl. Debats. 1819—1823.

О Рикардо и его воззрѣніяхъ писали:

1. Jemment, H.: Observations on Mr. Ricardo's Principles of political economy and taxation. Въ the pamphleteer. Томъ XXVII. Лондонъ. 1813.

2. Thompson Th. P.: Въ „the pamphleteer". Томъ XXVII. Лондонъ. 1813.

3. Jacob, W.: A letter to S. Whitbread, being a sequel to Considerations on the protection required by Britisch Agriculture; to which are added remarks on the publications of Mr. Ricardo. Лондонъ. 1815.

4. Smith, Thomas: A reply to Mr. Ricardo's Proposals for an Economical Currency. Лондонъ. 1816.

5. Crambie: A letter to David Ricardo, containing an Analysis of his Work, on the Depreciation of Banc Notes. Лондонъ. 1817.

6. Torrens, R.: A Comparative estimate of the effects which a continuance and a removal of the restriction upon Cash payments are respectively calculated to produce; with strictures on Mr. Ricardo's proposal for abtaining a secure currency. Лондонъ 1819.

7. Pinsent: Lettre to D. Ricardo in answer to his speech of the 7h of March 1821, Лондонъ. 1821.

8. Butler, T. W.: A reply to a Pamphlet publisched by David Ricardo on Protection to Agriculture. Лондонъ. 1822.

9. Turner: Considerations upon the agriculture etc. with observations on the pamphlet by D. Ricardo entitled protection to Agriculture. Лондонъ. 1822.

10. Reynolds, I. S.: Practical Observations on Mr. Ricardo's Principles. Лондонъ. 1822.

11. Paget, Th.: A letter addressed to D. Ricardo, on the true principle of the late depreciation in the currency. Лондонъ. 1822.

12. Sinclair: Answer to a tract recently publisched by D. Ricardo, an protection to Agriculture. Эдинбургъ. 1822.

13. Mill James: Некрологъ Рикардо въ „Morning Chronicle". Сент. 1823 и въ „Annual obituary". 1823.

14. Porter: Некрологъ Рикардо въ „the Peney Cyclopaedia". Лондонъ. 1823.

15. Quincey de: Dialogues of three templars. Лондонъ. 1824.

16. Bailey: A critical Dissertation on the Nature of value. Chiefly in reference to the weritings of Mr. Ricardo ond his followers. Лондонъ. 1825.

17. West: Price of corn and wages of labor; with obserwations upon Dr. Smith's, Ricardo's und Malthus' doctrines upon these subjects. Лондонъ. 1826.

Thünen, v.: Der isolierte Staat. T. I. 1826.

*

19. Remarks ou certain modern theories respecting rents and princes. Лондонъ. 1827.
20. Ross, I. C.: An examination of the opinions maintained in the principles of D. Ricardo. Лондонъ. 1827.
21. Mill, John Stuart: Chapters on Socialism. „Fortnightly Review". Книга XXV. Лондонъ. 1829.
22. Jones, R.: Essai on the Distribution of wealth. Лондонъ. 1831.
23. Leckie: Review of the procedings of the committee of the hause of Cammons on banks of issue 1840.
24. Его-же: An inquiry into the effects of the Bank restriction and the changes in the value, with an examination of the leading principles in the work on pol. ec. of D. Ricardo. 1841.
25. Blackwoods: Edinburgh magazine: Adam Smith and Ricardo. 1842.
26. Craig, I.: Remarks on some fundamental Doctrines of political economy. Эдинбургъ. 1844.
27. Culloch Mac.: См. его введеніе къ полному собранію соч. и его труд.: The literature of Political Economy. Лондонъ. 1845.
28. Bankers magazine Biographical Sketches: David Ricardo. Книга II. Нью-Іоркъ. 1847—1848.
29. Bernhard, Th. v.: Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigentum angeführt werden. Спб. 1849.
30. Thünen, v.: Der isolierte Staat. T. II. 1850.
31. Banfield: Six letters to the Right Hon. Sir R. Peel, Bart being an attempt to expose the dangerons tendency of the Theory of Rent advocated by Mr. Ricardo. Лондонъ. 1853.
32. Culloch, Mac: Treatises and Essais on subjects connected with Economical Policy: with biographical sketches of Quesnay, A. Smith and Ricardo. Эдинбургъ. 1853.
33. Dictiounaire de l'Ecnpomie politique (Coquelin и Guillaumin). Статья: Ricardo соч. Garnier. Парижъ. 1853.
34. Fontenay, R. de: Du revenu foncier. Парижъ. 1854.
35. Brougham: Lives of men of letters in time of George III. T. II. Лондонъ. 1856.
36. Trunk: Geschichte und Theorie der Lehre von der Grundrente, въ Jahrb. f. Nat. u. Stat. T. 6. (1866) и T. 12 (1868).
37. Berens: Versuch einer kritischen Geschichte der Grundrente. Москва. 1868.
38. Adler, A.: Ricardo und Carey in ihren Ansichten über die Grundrente. Лейпцигъ. 1873.
39. Cairnes: Essays in Political Economy. Лондонъ. 1873.
40. Knies: Geld und Kredit. Берлинъ. 1873—1879. II т. Стр. 317—37.
41 Rodbertus: Zur Beleuchtung der soc. Frage. 1, 2 und 3 Brief an v.—Kirchmann, enthaltend eine Widerlegung der Ricardoschen und Ausführung einer neuen Grundrententheorie. Лейпцигъ. 1875.
42. Carey, H. C.: Principles of social Science. 3 кн. Филадельфія. 1877.
Held, A.: Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands. Лейпцигъ. 1881.
44. Leser: Untersuchungen zur Geschichte der Nationalökonomie. 1881.
45. Bain: James Mill. Лондонъ. 1882.
46. Nicholson: Tenant's Gain not Landlord's loss. Эдинбургъ. 1883.
47. Brougham: Historical sketches of statesman who flourished in the time of George III. Филадельфія. 1885.
48. Todd, H.: The uncarned increment: observations on Ricardo's Theory of rent. Лондонъ. 1885.
49. Cohn, Gustaw. Nationalökonomischen Studien. Стр. 641. Штуттгартъ. 1886.
50. Dunbar: The Reaction in Political Economy in Quarterly Journal of Economies. Кн. I. Бостонъ. 1887.
51. Brentano: Die klassische Nationalökonomie. Лейпцигъ. 1888.
52. Horton, D.. The portig of Moneys, as regarded by A. Smith, Ricardo and Mill. Лондонъ. 1888.
53. Jevons: Theory of Political Economy. 3-ье изд. Лондонъ. 1888.
54. Ingram: History of Pol. economy. Эдинбургъ. 1888.

55. Posnet: The Ricardian theory of rent. Лондонъ. 1888.
56. Zuckerhandl: Zur Theorie der Preisen. Лейпцигъ. 1889.
57. Patten: Malthus und Ricardo. Балтимора. 1889.
58. Block: Le progrés de la Science Economique depuis A. Smith. Парижъ. 1890.
59. Stuart Verijn: Ricardo en Marx. Гаага. 1890.
60. Aschley: The rehabilitation of Ricardo. Въ „Economic Journal". 1891. Сент.
61. Rae, John: Contemporary Socialism. Лондонъ. 1891.
62. Nouveau Dictionaire d'économie politique. Парижъ. 1892. Статья: Ricardo соч. Vidal-Naquet.
63. Bonar: Philosophy and political economy. Лондонъ. 1893.
64. Patten: The Development of English thought. Нью-Іоркъ. 1893. Стр. 303—311.
65. Cannan: A history of the theories of production and distribution in english political economy from 1776—1848. Лондонъ. 1894.
66. Quincey, de: Logic of pol. economy. Эдинбургъ. 1894.
67. Schüller: Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner. Берлинъ. 1896.
68. Hollander: Some unpublished letters of D. Ricardo. (Quarterly Journal of Economics). Іена. 1896.
69. Cossa. Histoire de doctrines économiques. Парижъ. 1899.
70. Schüller: Die Wirtschaftspolitik der historischen Schule. Берлинъ. 1899.
71. Böhm-Bawerk: Kapital und Kapitalzins. Инсбрукъ. 1900.
72. Diel: Die Grundrenttheorie in ökon. System von K. Marx. Jahrb. f. Nat. u. Stat. III. F. T. 17.
73. Dietzel: Theorische Socialökonomie. Лейпцигъ. Стр. 206.
74. A. M. L. Ricardo Exchange Remedy.

По русски о Рикардо писали: Зиберъ: Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ. 1894. Энциклопедическій словарь. Брокгауза. Т. 26. Стр. 696—98. Статья М. С—въ. и въ общихъ курсахъ по исторіи политической экономіи.

Американскій послѣдователь классической школы.

(Кэри).

(1793—1879).

I.

Школа А. Смита развивалась въ двухъ направленіяхъ—пессимистическомъ, куда принадлежатъ Рикардо и Мальтусъ, и оптимистическомъ, во главѣ котораго были фритредеры Сэй и Бастіа. Они разрабатывали высказанныя Смитомъ положенія, согласно своей субъективной оцѣнки. При этомъ взгляды Рикардо и Мальтуса повліяли на теорію науки, на ходъ ея дальнѣйшаго развитія, а воззрѣнія Сэя и Бастіа — на законодательство и правительство. Смитіанцы разныхъ оттѣнковъ, такимъ образомъ, какъ бы раздѣлили между собою область вліянія. Въ итогѣ, классическая школа укоренялась въ Европѣ. Очевидно, позднѣе потребовалось много усилій для того, чтобы освободиться отъ ея смитіанства.

Разложеніе Смитовой школы идетъ различными путями; впереди другихъ необходимо упомянуть разложеніе, начавшееся внутри ея, т. е. среди самихъ смитіанцевъ.

Движеніе начинается въ Соединенныхъ Штатахъ въ лицѣ Кэри [1]). Къ нему и обратимся.

Кэри по своимъ взглядамъ настолько близко подходитъ къ Бастіа, что нѣкоторые считали его даже плагіаторомъ. Онъ представляетъ собою для науки тотъ интересъ, что его, сходные съ Бастіа, взгляды выросли на совершенно иной почвѣ, и онъ показы-

---

[1]) О Кэри: Ienks, I. W.: Henry C. Carey als Nationalökonom Iena, 1885; Held, A.: Carey und das Merkantilsysteme, Вюрцбургъ, 1866.

ваетъ, что всѣ до того времени имѣвшіеся учебники политической экономіи были ничѣмъ инымъ, какъ только результатомъ изученія на данной территоріи и при ограниченныхъ условіяхъ и что стремленіе создать положенія, которыя смогли бы имѣть долговременное значеніе, до сихъ поръ было совершенно неосуществимо.

Американецъ Генри Кэри родился въ 1793 году въ Филадельфіи. Онъ былъ сыномъ ирландскаго книгопродавца, засадившаго его съ 12 лѣтъ за прилавокъ. Разбогатѣвъ, онъ посвятилъ себя наукѣ. Умеръ въ 1879 году въ своемъ родномъ городѣ, гдѣ провелъ (почти) всю свою жизнь.

Число его сочиненій очень велико. Главнѣйшее изъ нихъ: Principles of sosial science", 3 т. 1858—59. На нѣмецкій языкъ сочиненія Кэри перевелъ Адлеръ („Handbuch der Socialwissenschaften" Мюнхенъ, 1866). Воззрѣнія Кэри въ теченіе его жизни не претерпѣли эволюціи. Его неумѣренно превознесъ Дюрингъ. Кэри не первый американецъ, выдвинувшійся въ политической экономіи. До него тамъ въ этой области были извѣстны: Бенжамэнъ-Франклинъ, принадлежавшій къ числу послѣдователей, но сравнительно независимыхъ, Адама Смита [1]), а также Александръ Гамильтонъ, написавшій „Отчетъ, представленный въ палату депутатовъ Соединенныхъ Штатовъ" (1791) [2]). Здѣсь излагаются Гамильтономъ тѣ мѣропріятія, при помощи которыхъ, по его мнѣнію, можно было бы поднять туземную промышленность. Онъ критикуетъ смитову свободу торговли, которую считаетъ осуществимою только тогда, когда она будетъ единовременно принята во всѣхъ странахъ. Думая, что благосостояніе страны быстрѣе поднимется отъ фабрикъ, чѣмъ отъ процвѣтанія земледѣлія, онъ высказывается въ пользу протекціонной системы для Америки. Къ тому же самому пришелъ впослѣдствіи и Кэри, стоявшій первоначально на почвѣ свободной торговли. Здѣсь Кэри совершенно отклоняется отъ воззрѣній Бастіа, бывшаго болѣе послѣдовательнымъ. Необходимо прослѣдить воззрѣнія Кэри на народное богат-

---

[1]) Hildebrand, R.: Benjamen Franklin въ „Jahrbuch für National. Oekonomie" за 1864 г.

[2]) Hamilton, A.: Reports presented to the House of Representative of the United States.

ство, рабочій вопросъ, деньги, земельную ренту и теорію Мальтуса, протекціонизмъ [1])—къ чему и переходимъ.

II.

Кэри полагаетъ, что народное богатство измѣряется не мѣновой цѣнностью, а полезностями жизни, предлагающимися населенію. Между мѣновой и потребительной цѣнностями противорѣчіе, не сознанное классическою школою. Съ прогрессомъ культуры, по его мнѣнію, создается все больше потребностей, подымающихъ благосостояніе, но все съ меньшею мѣновою цѣнностью. (Больше и дешевле). Новыя машины удешевляются, благосостояніе усиливается, положеніе массъ улучшается.

Кэри даетъ свое опредѣленіе цѣнности. Цѣнность—по Кэри—мѣра господства человѣка надъ природою. Цѣнность опредѣляется противодѣйствіемъ, которое нужно преодолѣть, чтобы овладѣть предметомъ. Чѣмъ больше человѣческая сила,—тѣмъ меньше цѣнность вещей. Цѣнность опредѣляется не стоимостью производства (Рикардо), а созданіемъ. При открытіи новой стали—вся старая сталь разцѣнивается уже по этой новой цѣнѣ.

Положеніе рабочаго класса, по взглядамъ Кэри, постепенно улучшается. Прежде рабъ, затѣмъ крѣпостной, нынѣ наймытъ оказываетъ громадное вліяніе на капиталъ. Послѣдній подъ конкурренціей падаетъ; доля рабочаго возростаетъ. Достигается не только свобода и самостоятельность, но и вліяніе на народное хозяйство и государство.

Такъ въ Америкѣ. Деньги—инструментъ для циркуляціи, при

---

[1]) Сочиненія Кэри: Essay on the Rate of Wages. 1835.—Harmony of Nature. 1836.—Principles of Political Economy. 3 т. 1837—40.—The Credit System in France, Great Britain and the United States. 1838.—Answers to the Questions. 1840.—The Post, The Present and the Future. 1848.—Harmony of Interest, Agricultural, Manufacturing and Commercial. 1850.—Slave Trade, Domestic and Foreign. 1853.—Principles of Social Science. 3 т. 1858—59.—Letters to the President on the foreign and domestic Policy of The Union. 1858.—Manual of Social Science, edit. by M. Mc. Kean. 1864.—The way to Outdo England without Fighting her 1865.—The Unity of Law. 1872.

ихъ увеличеніи увеличивается и народное хозяйство. „Предметы потребленія всегда стремятся покинуть тѣ мѣста, въ которыхъ они имѣютъ наименьшую полезность и наибольшую цѣнность и отыскиваютъ тѣ, въ которыхъ цѣнность наименьшая и полезность наибольшая“. Сырой матеріалъ денегъ стремится поэтому отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ пища и шерсть дешевы, а ткани и желѣзо дороги, къ мѣстамъ, гдѣ первые дороги, а послѣдніе дешевы.

Благородные металлы всегда стремятся къ тѣмъ странамъ, въ которыхъ цѣны на сырыя произведенія и фабричныя издѣлія наиболѣе сближаются; способность располагать услугами этихъ металловъ есть очевидный признакъ преуспѣвающей цивилизаціи. Съ возрастаніемъ количества денегъ—сырье дороже, мануфактура дешевле. (Кэри, гл. XXIV). Затѣмъ Кэри возстаетъ противъ теоріи земельной ренты Рикардо. Онъ утверждаетъ, что наблюденія въ Штатахъ показываютъ совершенно противоположное, чѣмъ утверждалъ Рикардо; Кэри объясняетъ ренту не изъ разницы цѣнъ. Рента, по Рикардо, появляется, когда приходится обратиться къ воздѣлыванію земель худшаго качества, послѣ того какъ всѣ лучшія земли заняты; хлѣбъ, собранный на лучшихъ земляхъ, произведенъ съ наименьшей затратой труда и потому дастъ излишекъ, который и образуетъ ренту. Кэри говоритъ, что это совершенно невѣрно. Наблюденія въ Америкѣ показываютъ, что было какъ разъ наоборотъ [1]). Піонеры вначалѣ селились на худшихъ мѣстахъ и затѣмъ уже переходятъ въ другія мѣста, лучшія, но которыя уже требуютъ примѣненія машинъ. Когда такія мѣста были захвачены — обратились къ самымъ лучшимъ, къ самымъ плодороднымъ мѣстамъ, преимущественно лѣсистымъ, гдѣ требуется не только примѣненіе машины, но и затрата капитала. Такъ было въ Америкѣ и жизнь населенія тамъ шла иначе, чѣмъ указываетъ Рикардо. Вначалѣ люди жили плохо, говоритъ Кэри, затѣмъ лучше и только въ третій періодъ живутъ превосходно, такъ какъ получаютъ наиболѣе высокую заработную плату. Основываясь на наблюденіяхъ жизни въ Америкѣ, Кэри доказываетъ

---

[1]) „Опирается на несуществующій фактъ. Наблюденія показываютъ, что настоящій законъ прямо противоположенъ этой теоріи“.

ошибочность взглядовъ Рикардо. Онъ утверждаетъ, что земледѣліе очень трудное занятіе. „Полевой работникъ, говоритъ Кэри, эмансипируется послѣднимъ“.

Кэри возражалъ также и Мальтусу, и энергично возставалъ противъ положенія, что чѣмъ меньше людей, тѣмъ лучше имъ живется. Кэри говоритъ, что люди, когда были дикими, жили плохо; но чѣмъ больше проявлялось сожительство и общежитіе, тѣмъ людямъ становилось жить лучше. Взять, напримѣръ, средніе вѣка, средневѣковый городъ... жизнь не была хорошей потому, что людей было мало, обмѣнъ былъ незначителенъ, такъ какъ трудно было передавать вещи изъ одной страны въ другую. По мѣрѣ же развитія населенія общеніе людей увеличивается, культура развивается и жизнь человѣка становится все лучше и лучше. Такимъ образомъ, Кэри смотритъ на Божій міръ болѣе оптимистически, чѣмъ мрачно настроенные Рикардо и Мальтусъ, послѣдніе изъ наблюденій надъ Англіей вынесли такой пессимизмъ, Кэри наблюдаетъ Америку и приходитъ къ противоположнымъ выводамъ. Очевидно, Мальтусъ и Рикардо указали не общіе законы природы, а лишь представили теоретизацію мѣстныхъ англійскихъ условій того времени, какъ въ сущности сдѣлалъ и Кэри для Америки. Такимъ образомъ, мы видимъ, что производится опытъ на опредѣленномъ пространствѣ, въ опредѣленное время и дѣлается соотвѣтственный выводъ, который приложимъ только къ частному случаю, а его прилагаютъ къ общему ходу экономической исторіи. Такая ошибка повторяется часто.

Помимо оптимистическихъ взглядовъ Кэри любопытно его отношеніе къ свободной торговлѣ. Если бы Кэри былъ вполнѣ послѣдователенъ, то онъ долженъ былъ бы требовать полнаго невмѣшательства въ экономическую жизнь. Но въ то время очень громадное вліяніе имѣли взгляды Юстуса фонъ-Либиха, который высказалъ взгляды на истощеніе земли. Онъ говорилъ, что если не возобновлять экстрагированнаго, то почва будетъ постепенно истощаться, такъ что минеральное содержаніе растеній, самый хлѣбъ—тотъ же капиталъ. Вывозъ хлѣба заграницу можетъ вызвать, такимъ образомъ, истощеніе почвы. На этомъ и основывается протекціонизмъ Кэри. Защищая эту точку зрѣнія, Кэри сталъ требовать запрещенія вы-

воза хлѣба и доказывалъ, что этого можно достигнуть различными таможенными заставами. Точку зрѣнія Кэри можно представить себѣ такимъ образомъ. Между двумя странами существуетъ обмѣнъ продуктовъ земледѣлія на предметы мануфактурной промышленности. Отъ такого круговращенія нельзя ждать обоюднаго благосостоянія, такъ какъ въ той странѣ, гдѣ господствуетъ земледѣліе, отъ вывоза хлѣба истощается почва. Поэтому этотъ процессъ обмѣна долженъ происходить только внутри земледѣльческаго государства. Поэтому то Кэри и возставалъ противъ вывоза хлѣба за границу. Это—главнѣйшія точки зрѣнія Кэри. Помимо очень остроумнаго изложенія своего ученія, Кэри любопытенъ еще тѣмъ, что обладалъ громаднымъ естественно научнымъ и философскимъ образованіемъ. Читая его произведенія, вы видите, что это не заурядный экономистъ; по его воззрѣніямъ—наука переводчица природы, а экономическая наука даетъ человѣку власть надъ природой. Поэтому понятно его вліяніе на американцевъ; протекціонизмъ Америки создался подъ вліяніемъ Кэри и заимствованъ былъ Европой; Европа, такимъ образомъ, оказалась подъ вліяніемъ Кэри. Особенно сочувственный отзвукъ нашелъ Кэри въ Германіи; кстати объ экономистахъ послѣдней.

До сихъ поръ приходилось говорить только о французахъ, англичанахъ, испанцахъ, итальянцахъ и ни разу о нѣмцахъ: они появляются въ экономической литературѣ только съ 19 столѣтія.

Конечно нѣмецкіе писатели высказывались по экономическимъ вопросамъ и раньше, но они, по признанію самихъ же нѣмецкихъ авторитетовъ, были совершенно лишены оригинальности. „Es fehlte durchaus an Originalität, какъ сказалъ проф. Конрадъ [1]).

Но нѣмецкая наука, дѣлаетъ исключеніе для одной школы,— тоже мало любопытной, — романтической, представителями которой являются Адамъ Мюллеръ (1779—1829). и К. фонъ-Галлеръ Эта школа считала, что въ основѣ ученіи Адама Смита лежитъ неправильное представленіе объ обществѣ — анатомическое, — безнравственный матеріализмъ. Но какъ же

---

[1]) Conrad: Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. I Theil, Iena, 1900 г. Стр. 345.

можно достигнуть благосостоянія? Надо вернуться назадъ, въ средніе вѣка, къ средневѣковому хозяйству, нѣсколько улучшенному; тогда и получится вполнѣ хорошій и правильный строй. Мюллеръ былъ клерикаломъ и большимъ крѣпостникомъ; родился въ Берлинѣ, центрѣ протестантизма, принялъ католичество и переѣхалъ въ Австрію. Въ сущности, ни А. Мюллеръ, ни ф.-Галлеръ никакого вклада въ науку не сдѣлали, а только показали, какъ возможно назадъ направлять все индейское движеніе.

Въ Германіи же нѣкоторый успѣхъ направленіе имѣло фритредерское. Конечно такимъ блестящихъ представителей „манчестерства“ какъ Сей или Бастіа во Франціи или Ричардъ Кобдэнъ въ Англіи здѣсь не было. Но всеже нѣмецкіе фритредэры Принцъ Смитсъ и Шульце-Деличъ заслуживаютъ нѣкоторое вниманіе. О первомъ изъ нихъ можно найти интересныя свѣдѣнія въ книжкѣ Бекера о нѣмецкомъ манчестерствѣ, въ общей сравнительно мало изученномъ [1]).

[1]) Becker, J.: Das Deutsche Manchestertum. Карсруэ. 1907.

Начало оппозиціи классицизму.

I.

Фридрихъ Листъ.

(1789—1846).

Листъ очень интересная фигура самъ по себѣ. Его жизнь прошла очень бурно. Онъ былъ профессоромъ, депутатомъ, промышленникомъ и всю жизнь провелъ въ борьбѣ. Любопытна здѣсь та безжалостность, съ которой онъ относился къ благамъ жизни и то упорство, съ которымъ онъ боролся. Онъ также возсталъ противъ смитіанства, особенно противъ основной его идеи—космополитизма. Онъ говорилъ, что это черезчуръ эгоистично, не національно, что каждая страна подчиняется своимъ законамъ и должна имѣть свою собственную національную систему. Свою политическую экономію онъ такъ и озаглавилъ: „Національная система политической экономіи“. Онъ много говоритъ о производительныхъ силахъ каждой страны, указываетъ, что должны быть проведены желѣзныя дороги, каналы, ратуетъ за устройство таможеннаго союза и является однимъ изъ отцовъ его; Листъ произноситъ много рѣчей и въ концѣ концовъ прививаетъ нѣмцамъ идею національнаго единства.

Съ особенной страстностью Листъ говоритъ о таможенныхъ пошлинахъ и о протекціонизмѣ. Онъ считаетъ, что свободная торговля—идеалъ, къ которому можно только приближаться, что протекціонизмъ и свободная торговля относительны, что для Германіи и Америки нуженъ протекціонизмъ, для Англіи—возможно свободная торговля.

Каждая страна,—говоритъ Листъ,—развивается постепенно; имѣются періоды или стадіи развитія: пастушескій, земледѣльческій,

земледѣльчески-промышленный, и земледѣл.-промышл.-торговый. При земледѣльческомъ періодѣ требуется протекціонизмъ, при торговомъ и земледѣльч.—тоже, а для странъ, гдѣ наступилъ послѣдній періодъ—мануфактурно-торговый,—протекціонизма не нужно. Англія находится въ этомъ послѣднемъ періодѣ и потому не нуждается въ протекціонизмѣ, а Германія и Россія нуждаются. Листъ, такимъ образомъ, признаетъ свободную торговлю лишь въ извѣстной степени, между тѣмъ, какъ его послѣдователи, „листіанцы", ее абсолютно отрицаютъ. Такъ обосновалась и вторая сторона. Итакъ Сей, Бастіа нашли себѣ достойнаго противника въ Листѣ. Разгорѣлся споръ: одни стоятъ за протекціонизмъ, другіе—за свободную торговлю.

Книга Листа пришлась ко двору во всѣхъ странахъ европейскаго континента; всѣ видѣли, что Англія процвѣтала и надѣялись на такое процвѣтаніе и у себя. Государственная власть повсемѣстно сдѣлалась сторонницею взглядовъ Листа. Очень интересно, что первый, кто писалъ у насъ о Листѣ,—былъ С. Ю. Витте, министръ финансовъ, а его дѣятельность—проведеніе, не всегда правда, послѣдовательное, идей Листа. Если спросить какое идейное зерно находится въ началахъ нашей таможенной политики, то получимъ рецептуру à la Листъ.

Книга Листа написана очень живо, сильно, снабжена крикливымъ предисловіемъ, читается легко. Если ее прочесть, то станетъ видно, какъ въ основу политики Листа легли національныя идеи, какъ постепенно изъ взглядовъ антисмитіанскихъ выработались положенія дѣйствительной практической жизни. Такимъ образомъ, всѣ экономисты, которые стоятъ на теоретической точкѣ зрѣнія А. Смита, по своимъ практическимъ выводамъ отъ него уклоняются. Оппозиція ихъ—очень смѣлая и рѣзкая—поколебала престижъ А. Смита.

II.

Сисмондъ де Сисмонди.

(1773—1842).

Затѣмъ движеніе появляется во Франціи; тамъ оно связано съ именемъ Сисмонди. Прежде чѣмъ перейти къ нему, я дол-

женъ сказать, что движеніе противъ ученія Адама Смита очень послѣдовательно—въ Америкѣ (Кэри), Франціи (Сисмонди), Германіи (Тюненъ и Листъ). Англія еще остается проникнутой взглядами классической школы. Оппозиціонная литература пріобрѣтаетъ все большее и большее вліяніе и имѣетъ успѣхъ, потому что признаніе капиталистическаго строя становится затруднительнымъ. Почти одновременно врывается новое ученіе—соціализмъ, сначала утопическій, а потомъ научный, который тоже возстаетъ противъ ученія А. Смита. Наконецъ появляется историческая школа,—совмѣстная работа новыхъ ученій окончательно добиваетъ остатки классической школы, а въ экономической жизни начинается новая борьба.

Біографія: Біографія Сисмонди очень несложна. Онъ родился 9-го мая 1773 года въ Женевѣ, гдѣ провелъ почти безвыѣздно и всю свою жизнь. Деревенская жизнь въ окрестностяхъ Женевы и тихая кабинетная работа—вотъ образъ жизни Сисмонди. Онъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ, посвятившимъ всю свою жизнь наукѣ.

Какъ ученый, Сисмонди отличался оригинальными взглядами, выдѣлявшими его изъ главной массы современниковъ, внѣ группировки и теченій которыхъ онъ всегда стоялъ. Въ силу своихъ обширныхъ трудовъ и рѣдкой эрудиціи онъ былъ приглашаемъ въ Валенскій университетъ и въ Сорбонну, но скромный ученый отказался отъ профессуры. Въ 1800 году онъ былъ секретаремъ торговой камеры въ департаментѣ „Леманъ“, какъ тогда называлась присоединенная къ Франціи Женева. Въ 1815 году Сисмонди посѣтилъ Лондонъ, въ разгаръ промышленнаго кризиса.

Сочиненій Сисмонди написалъ очень много. Ими, безъ преувеличенія, можно наполнить цѣлый шкафъ; одна его „Исторія Франціи“ представляетъ собою трудъ въ 31 томъ; „Исторія Италіи“—тоже объемиста.

Наиболѣе типичнымъ изъ воззрѣній Сисмонди является его ученіе о доходѣ и объ отношеніи дохода къ производству и населенію. „Сисмонди полагаетъ, что, по мѣрѣ развитія капитализма, производство обгоняетъ потребленіе. Пролетаризированная, въ силу того же процесса, страна не даетъ необходимаго избытка потребителей, а внѣ ея ей грозитъ конкурренція другихъ, вы-

ступающихъ съ тѣмъ же запросомъ, капиталистическихъ странъ. Возникаетъ грозный вопросъ о внутреннемъ рынкѣ, который, такимъ образомъ, въ силу появленія капитализма, сокращается [1]). Этому способствуетъ и разореніе мелкаго производства. Въ итогѣ отъ капиталистическаго производства „потеря для всѣхъ, уменьшеніе національнаго дохода, которое въ слѣдующемъ году поведетъ къ уменьшенію общаго потребленія“ (Сисмонди, I, 344).

Послѣдующая экономическая теорія доказала, что Сисмонди былъ неправъ: развитіе капитализма вообще и фермерства въ частности не сокращаетъ, а создаетъ внутренній рынокъ. „Сисмонди, бившійся надъ спеціальнымъ разсмотрѣніемъ отношенія капитала къ доходу и на самомъ дѣлѣ обратившій особую формулировку этого отношенія въ differentia specifica своихъ „Nouveaux Principes“ не сказалъ ни одного научнаго слова, не внесъ ни одного атома въ разрѣшеніе проблеммы“. (Marx, Das Kapital, II, 385, I изд.). Капитализмъ—говоритъ Сисмонди, пріучилъ рабочаго жить отъ субботы до субботы, не заботясь о будущемъ. „Въ рабочемъ притупили, такимъ образомъ, нравственное чувство симпатіи“, (II, 266). Супружеское благоразуміе“ тутъ не имѣетъ мѣста. „Дѣти рождаются только для нищеты и для порока“. Противъ такого положенія вещей должны возстать и „религіозная мораль“, на обязанности которой проповѣдь брачнаго цѣломудрія, и административная мудрость, долженствующая „не обманывать людей надеждою на независимое положеніе“. Всего этого, конечно, не было, „когда соціальная организація не отдѣляла класса трудящагося отъ класса владѣющаго какой нибудь собственностью“. Тогда „одного общественнаго мнѣнія было достаточно для предотвращенія язвы нищенства“. „Въ это хорошее время“ для земледѣльца—продажа наслѣдія его отцовъ, для ремесленника—растрата его маленькаго капитала всегда заключала въ себѣ нѣчто постыдное“. Но въ современномъ строѣ „люди осужденные не имѣть

---

1) „Итакъ, вслѣдствіе концентраціи имуществъ у небольшого числа собственниковъ, внутренній рынокъ все болѣе и болѣе сокращается, и промышленности все болѣе и болѣе приходится искать сбыта на внѣшнихъ рынкахъ, гдѣ ей угрожаютъ великія революціи“ (Сисмонди, I, 361).

никогда никакой собственности“ не могутъ испытывать чувства стыда при обнищаніи.

Это бездушное, узкобуржуазное морализированіе и идеализація мелкой собственности очень типично для Сисмонди и проникаетъ все его міровоззрѣніе.

Сисмонди не раздѣляетъ взглядовъ Рикардо на р е н т у. Онъ опровергаетъ взгляды Рикардо не какъ таковые, а вообще полаа гаетъ, что перенесеніе на земледѣліе категорій товарнаго хозяйства и капитализма—недопустимо. Онъ разсматриваетъ ренту (le fermage) также, какъ и физіократы, какъ „чистый продуктъ“ (produit net), какъ „трудъ природы“ и наивно полагаетъ, что рента „не отнимаетъ никакой доли ни у фермера, ни у потребителя“ (I, 312). Надъ всѣмъ этимъ покоится идеализація патріархальныхъ отношеній мелкаго земельнаго собственника, крестьянина.

Сисмонди, стоя на и с т о р и ч е с к о й почвѣ, пересмотрѣлъ школу Смита; сравнивая ея выводы съ фактическимъ матеріаломъ. Итоги этой работы онъ опубликовалъ въ своей „Политической экономіи“ и въ другихъ сочиненіяхъ. Значеніе этихъ сочиненій было огромно. Но взгляды Сисмонди были новыми и расходились съ общепринятными. По этому поводу онъ говоритъ о себѣ: „Я разошелся съ моими друзьями, политическія воззрѣнія которыхъ раздѣляю, я обратилъ вниманіе на опасность тѣхъ нововведеній, которыя они рекомендуютъ, я указалъ, что нѣкоторыя учрежденія, на которыя они нападали, какъ на злоупотребленія, имѣли благодѣтельныя послѣдствія. Я призывалъ, наконецъ, во многихъ случаяхъ, вмѣшательство общественной власти для регулированія роста богатства, вмѣсто того, чтобы свести политическую экономію къ принципу болѣе простому и съ виду болѣе либеральному—къ laisser faire.— Изученіе Англіи укрѣпило меня въ новыхъ началахъ. Я видѣлъ, какъ въ этой изумительной странѣ, переживающей грандіозное испытаніе, словно для поученія всего остального міра, производство увеличивалось, а количество наслажденій уменьшалось. И масса населенія и мыслители этой страны забываютъ, что увеличеніе богатства не есть цѣль политической экономіи, а только средство для доставленія счастья всѣмъ...“

„Ни въ одной странѣ банкротства не такъ часты, нигдѣ колос-

сальныя состоянія, которыхъ бы хватило на то, чтобы покрыть государственный заемъ, поддержать имперію или республику, не разрушаются съ такою быстротою. Всѣ жалуются, что дѣла рѣдки, трудны и мало прибыльны. Два ужасныхъ кризиса, съ промежуткомъ всего въ нѣсколько лѣтъ, разорили часть банкировъ и привели въ отчаяніе всѣхъ англійскихъ фабрикантовъ... Послужило ли національное богатство, успѣхи котораго бросаются въ глаза всякому, на пользу бѣдному. Ничуть не бывало. Народъ въ Англіи лишенъ довольства настоящимъ и увѣренности въ будущемъ. Въ деревняхъ нѣтъ болѣе крестьянъ: ихъ заставили уступить мѣсто поденьщикамъ; въ городахъ нѣтъ болѣе ремесленниковъ или независимыхъ хозяевъ маленькихъ мастерскихъ—есть только фабриканты. Фабричный рабочій не знаетъ, что значитъ обезпеченное положеніе; онъ получаетъ только заработную плату, а такъ какъ эта плата не можетъ быть достаточной для него во всѣ времена года, то онъ почти каждый годъ принужденъ просить милостыни у государства“.

„Англійская нація нашла выгоднымъ оставить хлѣбопашество, требующее много ручного труда, и потому изгнала половину хлѣбопашцевъ, жившихъ на ея поляхъ; она нашла выгоднымъ замѣнить фабричныхъ рабочихъ паровыми машинами, и вотъ ткачи, уступившіе мѣсто паровымъ станкамъ, умираютъ теперь съ голода; она нашла выгоднымъ довести рабочую плату до самаго низкаго уровня, при которомъ только рабочіе въ состояніи существовать, и рабочіе, ставъ ничѣмъ инымъ, какъ пролетаріями, уже не боятся погружаться въ еще большую нужду...

Каковы же результаты накопленія этихъ несмѣтныхъ богатствъ. Не пожертвовала ли Англія цѣлью ради средства, забывая людей ради вещей.“

Сисмонди, такимъ образомъ, выступаетъ въ роли горячаго критика смитіанства, а это въ его время была уже большая заслуга. Правда, эта критика была часто совершенно поверхностна, а то положительное ученіе, которое онъ взамѣнъ предлагалъ—болѣе чѣмъ недостаточно, но все таки, съ точки зрѣнія эволюціи экономическихъ ученій, Сисмонди являлся новымъ ея этикомъ.

„Сей и Рикардо пришли къ выводу, что потребленіе не имѣетъ

другихъ границъ, кромѣ производства на самомъ же дѣлѣ потребленіе ограничено доходомъ... Самое удивительное явленіе, поражающее насъ въ революціи, переживаемое нынѣ хозяйствомъ, заключается въ чрезмѣрномъ ростѣ производительныхъ силъ, не соотвѣтствующемъ потребностямъ рынка—въ избыткѣ предложенія товаровъ и бѣдности тѣхъ, кто путемъ своей работы создалъ слишкомъ много богатства. Констатированіе этого явленія заключаетъ въ себѣ, повидимому, внутреннее противорѣчіе. Богатство состоитъ изъ продуктовъ труда. Какъ же можетъ быть увеличеніе богатства—причиной бѣдности?“

Дѣло въ томъ, что современный строй ведетъ къ уменьшенію національнаго дохода. Понижая издержки производства, вводя машины, понижая предпринимательскую прибыль—разоряютъ всѣ классы. Сокращается внутренній рынокъ, благодаря конкурренціи и концентраціи, внѣшній—благодаря сліянію въ одинъ міровой.

Естественный механизмъ спроса и предложенія приводитъ въ свободномъ, нерегулируемомъ общественной властью, хозяйствѣ къ перепроизводству, къ превышенію предложенія.

Сисмонди оцѣниваетъ новый строй не съ точки зрѣнія Смита,—съ точки зрѣнія роста общей суммы національнаго богатства,—а съ новой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія благополучія большинства населенія. Оцѣнка капитализма у Сисмонди отрицательна. Свою критику онъ обосновываетъ массою историческихъ фактовъ, рисующихъ губительное вліяніе крупной промышленности на массы англійскаго народа. Кризисъ, по Сисмонди, результатъ недостаточнаго потребленія, критика его мягче и слабѣе глубокихъ и обобщающихъ замѣчаній соціалистовъ, но зато болѣе обоснована, болѣе „документальна.“

Новый строй, покоящійся на капитализмѣ страдаетъ:

1) Отсутствіемъ равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ.

2) Отсутствіемъ равновѣсія между ростомъ національнаго дохода и ростомъ населенія.

Этими свойствами объясняются кризисы и пауперизмъ.

Теорія кризисовъ—теорія, объясняющая кризисы процессами

внѣ производства—Сисмонди замѣчательна и имѣла глубокое вліяніе на науку. Рикардо и Сей—игнорируютъ дѣйствительную цѣль всякаго хозяйства; по ихъ ученію—накопленіе, по Сисмонди богатство, не цѣль, а средство для удовлетворенія нашихъ потребностей. Конечная же цѣль хозяйства заключается въ потребленіи.

Воззрѣнія Сисмонди вошли въ ученіе Родбертуса, Геркнера, Дюринга, Гобсона, а у насъ такой точки держатся Исаевъ, В. В. (Воронцовъ). Нѣкоторые утверждаютъ, что Сисмонди оказалъ большое вліяніе даже и на Маркса; но Туганъ-Барановскій, въ своей теоріи кризисовъ, находитъ, что Сисмонди оказалъ большое вліяніе на Родбертуса, чѣмъ на Маркса.

Необходимо, кстати, отмѣтить поправку къ теоріи кризисовъ Сисмонди, которую дѣлаетъ Туганъ-Барановскій: „У Сисмонди центръ тяжести заключается въ слѣдующемъ: существуетъ общественный строй, который опредѣляетъ размѣры потребленія, а самъ опредѣляется размѣрами средствъ. Поэтому, разъ между ними нѣтъ правильной зависимости, то та масса товаровъ, та лавина произведенныхъ продуктовъ, которая имѣется на рынкѣ, не находитъ себѣ сбыта. Является избыточной продуктъ, который и служитъ осново-причиною кризиса“.

Турганъ-Барановскій полагаетъ, что изложенная теорія не согласуется съ фактами. Общественный спросъ не управляется общественнымъ доходомъ, такъ какъ не потребленіе управляетъ производствомъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ; происходитъ какъ разъ обратное: то, что будетъ произведено, окажетъ вліяніе на потребителя; общественное производство само создаетъ себѣ спросъ. Напримѣръ, если есть фабрика, на которой 100 рабочихъ, то съ введеніемъ машинъ количество ихъ уменьшится примѣрно, до 90; затѣмъ, съ появленіемъ новыхъ машинъ число ихъ будетъ только 80. Общая сумма дохода сократится, но спросъ на товаръ нисколько не измѣнился бы, потому что хотя рабочихъ стало меньше, но потребность въ рабочихъ окажется въ другомъ мѣстѣ; капиталисты будутъ покупать машины и имъ нужны будутъ новые рабочіе и для производства машинъ и для

работы на нихъ. Такимъ образомъ отъ уменьшенія потребленія дѣло не зависитъ, а зависитъ отъ спроса.

Таковы двѣ различныя точки зрѣнія на возникновеніе кризисовъ. Мнѣ кажется, что каждый изъ этихъ взглядовъ можетъ быть правильнымъ, поскольку говорится объ отдѣльныхъ процессахъ, возможныхъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Бываютъ моменты при мѣстныхъ какихъ нибудь условіяхъ, когда производство удешевленіемъ вызоветъ потребленіе. Подтвержденіемъ этого служатъ многіе факты. Бываютъ и обратныя явленія, когда потребленіе вызываетъ производство, но сказать, что всегда имѣется только одинъ процессъ—нельзя, такъ какъ экономическая жизнь и хозяйство очень сложныя явленія; возможны только случаи, когда одинъ процессъ пріобрѣтаетъ большое значеніе, другой—меньшее.

Другую, болѣе важную, поправку дѣлаетъ Туганъ-Барановскій, когда говоритъ что не потребленіе играетъ роль въ кризисахъ, а иное, а именно—распредѣленіе. Капиталистическое хозяйство переживаетъ кризисы и перепроизводство, но не отъ недостаточнаго потребленія, а отъ невозможности достигнуть, при неорганизованности производства, вполнѣ пропорціональнаго распредѣленія.

„Что касается до народной бѣдности, то она, дѣйствительно, способствуетъ кризисамъ, но лишь постольку, поскольку она препятствуетъ тому, что національное производство распредѣлялось пропорціонально. Еслибы производство было организовано планомѣрно, еслибы рынокъ обладалъ полнымъ знаніемъ спроса и властью пропорціональнаго распредѣленія производства, свободнаго передвиженія труда и капитала изъ одной отрасли промышленности въ другую, то какъ бы низко ни было народное потребленіе, предложеніе товаровъ не могло бы превысить спроса. Но накопленіе капитала, при неорганазованности національнаго производства, при анархіи, господствующей въ немъ, неизбѣжно приводитъ къ кризисамъ“.

Другая основная болѣзнь капитализма—отсутствіе равновѣсія между ростомъ дохода и ростомъ населенія.

Мальтусъ признаетъ размноженіе—одною изъ причинъ болѣзни, но Сисмонди полагаетъ, что это можно принять во вниманіе только ввиду характера капиталистическаго строя. Такимъ образомъ,

по ученію Сисмонди, кризисы находятся въ зависимости отъ наличности капитализма. Если бы не было капитализма, то не было бы и кризисовъ, и онъ предполагаетъ возможнымъ иной строй, при которомъ не будетъ господства капитализма. Это уже новое слово Сисмонди. Онъ не отрѣшается окончательно отъ стараго и говоритъ новое; это важное пріобрѣтеніе для смитовской школы. Здѣсь еще надо коснуться другого вопроса: равновѣсія между населеніемъ и доходами. Сисмонди считалъ, что „избыточное населеніе“ есть результатъ индустріи, результатъ „выселенія людей машинами“, т. е. результатъ исторически-опредѣленнаго строя, а не общихъ естественно-историческихъ условій, какъ думаетъ Мальтусъ.

Но Сисмонди не анализировалъ этого противорѣчія, не пытался въ немъ разобраться, а только сѣтуетъ и жалуется на капитализмъ, морализируя во вкусѣ разсчетливаго швейцарскаго крестьянина. Въ итогѣ онъ вполнѣ соглашается съ выводами Мальтуса, хотя и признаетъ, что размноженіе не есть что либо фатальное, но исключительно результатъ капиталистическаго строя. При другомъ строѣ законъ Мальтуса не имѣетъ такой непреложной силы. Какого же рода этотъ новый строй? Сисмонди былъ умѣреннымъ либераломъ, былъ противъ всеобщихъ демократическихъ выборовъ въ Женевѣ, былъ скромнымъ романтикомъ и потому идеалъ видѣлъ не въ будущемъ, а въ возвращеніи назадъ къ патріархальному крестьянскому хозяйству, къ тому, что онъ видѣлъ въ Швейцаріи: мелкому производству, мелкой собственности, землевладѣнію, къ кустарнымъ и ремесленнымъ промысламъ и т. п. Будучи врагомъ капитализма, онъ рекомендовалъ то мелкое хозяйство, среди котораго жилъ самъ, т. е. то, которое у насъ рекомендуютъ народники: мелкую крестьянскую собственность, кустарные промыслы и т. д. Но такъ какъ капитализмъ есть уже фактъ, то надо смягчить формы его проявленія. Сисмонди предлагаетъ цѣлую программу, которая послужила зерномъ исторической школы.

1) Необходимо отбросить идею Смита о полной экономической свободѣ, необходимо государственное вмѣшательство въ экономическую жизнь народа.

2) Необходимы аграрные законы; необходимо раздробить крупные майораты, надо издать законы въ защиту сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

3) Что касается фабричнаго законодательства, то надо договорами обезпечить рабочія организаціи.

4) Воскресный и дѣтскій трудъ.

5) Надо устроить фонды для рабочихъ на случай старости, инвалидности, безработицы и т. п.—словомъ, устроить то, что теперь извѣстно подъ именемъ государственнаго страхованія рабочихъ.

Всѣ свои выводы Сисмонди подкрѣплялъ историческими соображеніями. Такимъ образомъ, Сисмонди 1) требуетъ мелкаго производства и мелкой земельной собственности, возврата назадъ къ крестьянскому хозяйству и 2) для капитализма онъ рекомендовалъ цѣлый рядъ реформъ къ улушенію рабочаго класса, что легло въ основу исторической школы въ Германіи.

Вотъ это ученіе Сисмонди, особенно въ первой части, имѣетъ связь съ ученіемъ народниковъ. Фактическая связь установлена изслѣдованіями въ „Жизни“, „Началѣ“, „Новомъ Словѣ“, которыя доказали, что идеи Сисмонди въ 20-хъ годахъ были распространены у насъ, что народническі идеи взяты изъ Франціи, съ Запада. Сисмонди повліялъ на Гакстгаузена, который повліялъ на Чернышевскаго, а этотъ былъ отцомъ В. В. Такимъ образомъ, народники имѣютъ преемственную связь съ Сисмонди, и хотя Чернышевскій можетъ быть Сисмонди не читалъ, но такая преемственная связь возможна. Здѣсь любопытно то, что сходныя теоріи и сходныя условія и съ точки зрѣнія экономическихъ ученій народничества есть повтореніе взглядовъ Сисмонди. Это еще лишній разъ показываетъ, что всѣ эти ученія являются лишь теоретизаціей мѣстныхъ условій: у Рикардо—Англіи, у Кэри—Америки, у Сисмонди—Женевы.

За оппозиціей Смиту со стороны Ф. Листа, Сисмонди и фонъ Тюнена, ученіе котораго мы здѣсь опускаемъ,—выступаетъ новая полоса—эпоха исторической школы; послѣдняя уже подрываетъ самыя принципіальные основы классической школы.

Литература о Сисмонди.—Сочиненія Сисмонди.

1.—Tableau de l'agriculture Toscane, Женева, 1881.

2. De la richesse commerciale au principes de l'économie politique. 2 т. Женева, 1803. 2 изд. Парижъ, 1937.

3. Mémoire sur le papier monnaie dans les Etats autriechiens, Веймаръ, 1810.

4. De la constitution de Genève. Женева, 1815.

О Сисмонди писали:

Elster L.: „Simonde de Sismondi" въ Iahrb. für Nation. Oekon. за 1887 г. (N. F. т. XIV).

Lippert: „Simondi", Handwörterbuch des Staatswissenschaften, томъ VI (2 Auf., 1901), стр. 747.

Spahn, C.: „Der socialpolitische Standpunkt der Schweiz. Nationalökonomen Simonde de Sismondi, Шаффгаузенъ, 1886.

Fournier de Flaix: „Simonde de Sismondi" въ „Nouveau dictionnaire d'économie politique". T II, Парижъ, 1892.

Aftalion: L'oeuvre économique de Sismondi, Парижъ, 1899.

По русски о Сисмонди писали: Эфрусси, Б.: „Соціально-экономическія воззрѣнія Сисмонда де Сисмонди", въ жур. „Рус. Богатство", 1896 г. кн. 7 и 8. Ильинъ, В.: Къ характеристикѣ экономическаго романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты). Статья въ сборникѣ статей того же автора „Экономическія этюды и статьи". Спб., 1899.

Утопическій Соціализмъ.

I.

Сенъ-Симонъ.

I.

Біографія. Графъ Генрихъ де Рувруа Сенъ-Симонъ родился въ 1760 году. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода и получилъ въ семьѣ блестящее воспитаніе, которымъ руководили выдающіеся ученые, между прочимъ Даламберъ. Тринадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ заключенъ въ тюрьму собственнымъ отцомъ за открытое заявленіе объ измѣнѣ католическому вѣроученію. Вскорѣ, впрочемъ, что тоже любопытно, ему удалось оттуда бѣжать.

Вообще духовный обликъ Сенъ-Симона сложился очень рано; душевныя и интелектуальныя качества его были прямо недюженныя и гордое сознаніе своего духовнаго превосходства давало ему уже въ раннемъ возрастѣ силы обнаруживать свою самостоятельность.

Въ юности Сенъ-Симонъ принималъ участіе въ возстаніи англійскихъ колоній въ Америкѣ; онъ былъ тамъ въ числѣ офицеровъ отправленныхъ въ помощь американскимъ инсургентамъ французскихъ войскъ. Въ теченіе пяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Америкѣ, Сенъ-Симонъ успѣлъ заявить себя храбрымъ воиномъ и дослужиться до чина полковника. Когда онъ вернулся на родину, онъ былъ сдѣланъ комендантомъ крѣпости Мецъ. Бросивъ вскорѣ военную службу, Сенъ-Симонъ отправляется путешествовать по Европѣ. Во время революціи мы его снова видимъ на родинѣ, въ его родовомъ имѣніи. Свое сочувствіе революціи онъ засвидѣтельствовалъ отказомъ отъ графскаго титула и отклоненіемъ отъ себя чести быть избраннымъ меромъ мѣстной общины. Онъ мотивировалъ свое рѣшеніе тѣмъ, что бывшимъ дворянамъ вообще опасно вручать власть въ общинахъ. Революція же положила начало и его разоренію: она лишила его родового имѣнія. Экспропріація

этого потомка Карла Великаго довершена была его другомъ Редерномъ, который, пользуясь безграничнымъ довѣріемъ Сенъ-Симона, пріобрѣлъ съ помощью спекуляціи милліонное состояніе, бывшаго графа оставивъ ему небольшой годовой доходъ.

Потеря имущества не обезкуражила благороднаго человѣка: онъ зналъ, что у него есть другое богатство и что ему, какъ онъ выражался, предстоитъ „подняться на сухую и скалистую гору, на вершинѣ которой находится алтарь славы". Онъ охотно предоставилъ Редерну собирать сокровища, измѣряемыя деньгами, самъ же мечталъ о славѣ провозвѣстника новой истины. Самъ Карлъ Великій, чья кровь текла въ жилахъ Сенъ-Симона, явившись почью сказалъ ему, что его успѣхи, какъ философа, сравнятся съ тѣми, какихъ онъ, Карлъ Великій, достигъ, какъ воинъ и политикъ.

Почувствовавъ въ себѣ призваніе преобразовать философію, построивъ ее изъ обобщеннаго знанія, представляемаго точными науками, Сенъ-Симонъ принялся изучать до сихъ поръ мало знакомыя ему дисциплины. Но и здѣсь сказался его недюженный и въ высшей степени оригинальный складъ ума. Онъ не погружается въ кропотливое изученіе научныхъ трудовъ, а пытается воспринять и претворить въ своемъ сознаніи пріобрѣтенія человѣческаго генія, знакомясь съ ними внѣ всякой системы, полагаясь не столько на память и на добросовѣстный анализъ, сколько на свою творческую силу. Онъ старается поддерживать близкое знакомство съ учеными и профессорами медицинскихъ и политехническихъ школъ, улавливая въ бесѣдахъ съ ними то, что ему нужно для построенія своего новаго міровоззрѣнія. На ряду съ этимъ Сенъ-Симонъ пытается проникнуть въ тайны жизни и человѣческихъ страданій путемъ общенія съ болѣе или менѣе широкимъ кругомъ лицъ. Съ этой цѣлью онъ дѣлаетъ изъ своего дома салонъ, въ который приглашаетъ выдающихся людей своего времени. Женившись на красивой и очень интересной женщинѣ и ведя роскошную жизнь—насколько позволяли ему остатки его богатства,—онъ пріобрѣтаетъ обширный кругъ знакомствъ и оказывается въ состояніи съ большимъ успѣхомъ производить свои наблюденія. Жизнь на широкую ногу, однако же, отняла у него

послѣдніе доходы и онъ очутился чрезъ годъ въ положеніи нищаго.

Съ этого времени, а Сенъ-Симону было уже теперь 40 лѣтъ,— начинается для него періодъ его творческой работы. Затруднительныя матеріальныя обстоятельства, правда, не могли не отражаться неблагопріятно на его занятіяхъ, но онъ стоически выносилъ всѣ лишенія и упорно продолжалъ вѣрить въ свою миссію, несмотря на всѣ неудачи, постигавшія его попытки обратить на себя вниманіе ученаго міра.

Весьма характерна для этой истинно-аристократической, чуждой всего мѣщанскаго натуры та свобода отъ всякихъ собственническихъ предразсудковъ, отъ буржуазнаго самолюбія, которую проявилъ Сенъ-Симонъ въ этотъ періодъ своей жизни. Лишенный всякихъ средствъ къ жизни, неспособный зарабатывать деньги трудомъ въ болѣе или менѣе приличныхъ размѣрахъ, онъ не считаетъ для себя унизительнымъ обращаться съ просьбами о поддержкѣ къ выдающимся ученымъ и даже къ Наполеону, которымъ онъ посылаетъ свои произведенія, собственноручно переписанныя. Кое-какъ ему удалось найти работу по перепискѣ въ ломбардѣ со скуднымъ вознагражденіемъ. Постоянно нуждаясь онъ не задумывается сдѣлать попытку привлечь къ изданію своихъ работъ своего бывшаго компаніона, поступившаго съ нимъ въ высшей степени нечестно, попытку, которая, конечно, не могла облегчить ему его положеніе. Охотно принимаетъ онъ помощь своего бывшаго слуги Діара, на средства котораго издаетъ свои первыя произведенія.

Первая литературная работа Сенъ-Симона представляла собою маленькую брошюрку, содержащую призывъ къ образованію „собранія избранниковъ человѣчества“ и написанную страннымъ языкомъ, подражающимъ библейскому [1]). Полный неуспѣхъ брошюрки не останавливалъ Сенъ-Симона. Онъ продолжалъ мечтать о новыхъ планахъ и не уставалъ проповѣдывать свои взгляды.

Съ теченіемъ времени ледъ равнодушія былъ однако же пробитъ: въ ученомъ мірѣ стали обращать вниманіе на страннаго

---

[1]) Lettres d'un habitant du Geneve. 1802.

проповѣдника. Особенно усилился интересъ къ нему съ того времени, когда появились его важнѣйшіе труды „Catechisme des industriels“, „Système industriel“ и широко задуманное произведеніе послѣднихъ лѣтъ его жизни „Nouveau Christianisme“. Идеи Сенъ-Симона начинаютъ встрѣчать сочувствіе и находить себѣ адептовъ. Историкъ Огюстьенъ Тьерри самъ называлъ себя „пріемнымъ сыномъ Сенъ-Симона“. Общими идеями Сенъ-Симона—особенно его мыслью о единствѣ знанія, о трехъ періодахъ развитія мысли и о необходимости общественной науки—проникся одинъ изъ крупнѣйшихъ французскихъ философовъ—родоначальникъ французскаго позитивизма—Огюстъ Контъ.

Матеріальная необезпеченность и всякаго рода неудачи не покидали однако нашего философа до самой его смерти. Въ 1825 году онъ сдѣлалъ попытку къ самоубійству, но и здѣсь его постигла неудача; онъ прострѣлилъ себѣ только глазъ. Чрезъ два года послѣ этого онъ скончался на рукахъ у своихъ—уже имѣвшихся въ то время—вѣрныхъ послѣдователей. Для дѣла всей жизни Сенъ-Симона весьма характерны слова, сказанныя имъ предъ смертью его любимому ученику—Родригу: „Думали, что религія должна исчезнуть,—сказалъ онъ,—потому что католицизмъ одряхлѣлъ. Это ошибка; религія не можетъ исчезнуть изъ міра—она лишь преобразуется. Не забывайте этого. И помните, для того, чтобы совершать великія дѣла, нужно быть вдохновенными. Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей“. Самыми послѣдними его словами было предсказаніе о скоромъ образованіи партіи рабочихъ, которой пренадлежитъ будущее.

Та сторона ученія Сенъ-Симона, которая тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ задачами общественной борьбы его эпохи и которая сдѣлала его имя безсмертнымъ, была усвоена не философами, а практическими проповѣдниками соціализма, наиболѣе яркими представителями которыхъ являются два основателя Сенъ-Симонистской церкви—Базаръ и Анфантенъ.

II.

Сенъ-Аманъ Базаръ (род. въ 1791 г.) вступилъ на поприще общественной борьбы въ эпоху реставраціи. Онъ былъ однимъ изъ дѣятелей тайнаго общества „Карбонаровъ", стремившагося низвергнуть Бурбоновъ, какъ власть навязанную Франціи инсургентами. Какихъ либо опредѣленныхъ политическихъ идеаловъ у этого общества не было: оно хотѣло только предоставить Франціи самой рѣшать о своей формѣ правленія. Когда вожди общества были раскрыты и подвергнуты суду, приговорившему ихъ къ смертной казни, Базаръ успѣлъ во время убѣжать. Но лишь въ серединѣ 20-хъ годовъ онъ могъ вернуться на родину и здѣсь совершенно случайно сошелся съ учениками Сенъ-Симона, незадолго передъ этимъ умершаго. Базару показалось, что именно въ ученіи Сенъ-Симона онъ можетъ найти то, что онъ такъ долго искалъ. Онъ увлекся основными идеями Сенъ-Симона и пытался развить ихъ въ систему. Базаръ внесъ въ Сенъ-Симонистское движеніе революціонныя стремленія и старался направить его по широкому пути открытой практической дѣятельности и общественной борьбы. Первыя прокламаціи Сенъ-Симонистовъ расклеенныя ими на стѣнахъ Парижа,—вскорѣ послѣ революціонныхъ дней 1830 г., вызывали правда, много насмѣшекъ, но съ ними все же считались даже въ палатѣ депутатовъ. Когда въ школу сенъ-симонистовъ вступилъ цѣлый рядъ воодушевленныхъ новой идеей представителей образованнаго общества, во главѣ этого братства, проповѣдывавшаго новую религію съ новымъ культомъ и издававшаго журналъ „Producteur„ поставлены были два „верховныхъ отца". Однимъ изъ нихъ былъ Базаръ, который, однако, вскорѣ ушелъ совсѣмъ изъ братства, разойдясь съ нимъ во взглядахъ.

Изъ работъ Базара заслуживаютъ вниманія слѣдующія: Discussions morales, politiques et réligieuses, гдѣ обсуждаются вопросы, повлекшіе къ расколу въ общинѣ и Réunion générale de la famille, посвященное самому расколу.

Другимъ „верховнымъ отцомъ„ общины былъ Анфантенъ, вдохновенный пророкъ, считавшій себя Мессіей новой религіи.

III.

Варѳоломей Просперъ Анфантенъ (род. 8 февраля 1788 г. въ Парижѣ), былъ сыномъ банкира и самъ въ молодости принималъ участіе въ банкирской дѣятельности. Въ началѣ 20-хъ годовъ онъ примкнулъ къ ученію Сенъ-Симона и послѣ смерти философа сталъ, вмѣстѣ съ Базаромъ, во главѣ новой школы. Анфантенъ не только развилъ основныя научныя положенія сенъ-симонизма, но тщательно разрабатывалъ также догматы и вопросы культа, характеризовавшіе новую религію. Въ братствѣ подъ управленіемъ Анфантена царила строгая, но не стѣснявшая особенно личности, дисциплина. Женщины принимали участіе во всѣхъ проявленіяхъ общинной жизни наравнѣ съ мужчинами. Таковы были завѣты самаго Сенъ-Симона. Анфантенъ пришелъ даже къ той мысли, что для полноты совершенства въ братствѣ должно быть отведено первенствующее мѣсто не одному только главѣ мужескаго пола, но и „верховной матери“. По его мнѣнію, необходимо было отыскать женщину, которая могла бы, наряду съ нимъ, занять мѣсто главы школы, женщину, которая была бы тоже Мессіей „новаго христіанства“. Несмотря на всѣ поиски, такой женщины не находилось.

Цвѣтущая пора сенъ-симонистскаго братства продолжалась, однако, недолго. Въ широкихъ кругахъ стала ходить весьма нелестная слава о школѣ сенъ-симонистовъ. Ихъ увлеченіе новымъ культомъ, странныя церемоніи, въ связи съ необычною проповѣдью, казавшихся сумасбродными, идей вызывало въ публикѣ насмѣшки и всевозможные преувеличенные толки. Проповѣдь новой свободной любви и поведеніе нѣкоторыхъ членовъ общины разсматривались, какъ оскорбленіе нравственности. Къ тому же денежныя дѣла братства сильно пошатнулись и ему грозило банкротство. Попытка перейти отъ проповѣди къ практическому осуществленію ихъ экономическаго идеала, выразившагося въ организаціи рабочихъ ассоціацій, потерпѣла фіаско и дала только убытокъ. Судебный процессъ, начатый противъ братства по обвиненію его въ нарушеніи закона о союзахъ, въ возбужденіи ненависти къ согражданамъ и

въ оскорбленіи нравовъ, довершилъ дѣло. Вожаки были приговорены къ заключенію. Впослѣдствіи Анфантенъ снова вернулся къ частной жизни и занялся торговлей. Онъ умеръ 31 мая 1864 года.

Главное сочиненіе Анфантена называется „Economie politique et Politique.“. Оно представляетъ собою рядъ статей, помѣщавшихся въ „Глобусѣ“. Здѣсь излагались важнѣйшія экономическія доктрины сенъ-симонизма:—ученіе объ эксплуатаціи неимущихъ собственниками, теорія соціальнаго антагонизма, проектъ національнаго банка и ученіе о налогѣ на наслѣдство. Нравственнымъ проблемамъ посвящено большое сочиненіе Анфантена „Morale“ осужденное уголовнымъ закономъ. Кромѣ того, имъ написано небольшое количество брошюрокъ.

Въ 1894 году наступаетъ новая эра. Въ этомъ году, согласно завѣщанію Анфантена, въ арсеналѣ (парижскомъ) вскрывается сундукъ съ документами того времени, проливающими новый свѣтъ на всю эпоху.

Результатомъ изученія и анализа новаго драгоцѣннаго наслѣдія являются два труда:

1. Sharléty, S.: Histoire du Saint-Simonisme (1825—1864). Парижъ. (Hachette), 1896. и

2) Weill: L'ecole Saint-Simonienne, Парижъ 1896.

III.

Идеи Сенъ-Симона.

Сенъ-Симонъ видѣлъ свое призваніе въ созданіи новой религіи, которую онъ называлъ новымъ христіанствомъ. По его мнѣнію, человѣчество уже вступило въ тотъ періодъ своего развитія, когда оно должно распроститься съ чисто умозрительнымъ толкованіемъ жизни міра и его судебъ, т. е. съ метафизикою, съ тою метафизикою, которая нѣкогда смѣнила собою слѣпую вѣру въ обоготворенныя силы природы. Человѣчество должно перейти къ новой религіи, основанной на точномъ знаніи. Передъ людьми стояла задача: поставить науку на мѣсто старой философіи, т. е. свести всѣ научныя истины въ одно цѣлое, которое представляло бы собою законченное міросо-

зерцаніе, дающее отвѣтъ на всѣ существеннѣйшіе запросы человѣческаго духа. Въ то же время эта общая наука, эта „научная философія“,—какъ позже принято было выражаться,—должна была не устранить религію, а только реформировать ее. Какъ понималъ Сенъ-Симонъ сущность религіи, это остается невыясненнымъ. Но несомнѣнно, что для него представлялось недостаточнымъ одно только „трезвое знаніе“. Та философская система, которую Сенъ-Симонъ пытался построить на почвѣ точнаго знанія, должна была сама получить характеръ религіи, ставъ непосредственною руководительницею въ дѣятельности человѣчества, направленной къ достиженію высшихъ, конечныхъ цѣлей и, оставляя мѣсто для чисто религіознаго экстаза, для энтузіазма, безъ котораго, по мнѣнію Сенъ-Симона, невозможны никакія „великія дѣла“.

Однако высшую цѣль человѣческой дѣятельности и идеалы, открываемые его новой религіей, Сенъ-Симонъ понималъ не такъ, какъ понимали ихъ всѣ прежнія религіозныя системы. Въ этомъ отношеніи онъ являлся типичнымъ выразителемъ духа своей эпохи, проникнутой утилитаризмомъ. „Наступитъ день,—говорилъ онъ въ своей первой работѣ, въ „Письмахъ женевца“,—когда земля будетъ раемъ“. „Религія должна,—пишетъ онъ въ послѣдующемъ своемъ трудѣ,—„Новое Христіанство“ (Nouveau Christianisme, (1825),—направлять общество въ великой цѣли возможно скораго улучшенія участи бѣднѣйшаго и самаго многочисленнаго общественнаго класса“. „Первый долгъ состоитъ въ томъ,—говоритъ въ томъ же сочиненіи Сенъ-Симонъ,—чтобы употреблять всѣ находящіяся въ распоряженіи людей средства на возможно быстрое улучшеніе нравственной и физической жизни бѣдныхъ“. Это улучшеніе участи людей онъ понималъ, какъ „обезпеченіе имъ свободнаго развитія ихъ способностей“. Истинное христіанство учитъ также, что „богатые, увеличивъ счастье бѣдняковъ, улучшили бы и свое собственное существованіе“.

Сведеніе религіозныхъ идеаловъ съ неба на землю стоитъ у Сенъ-Симона въ тѣснѣйшей связи съ той идеей, которая по его ученію отличала новое христіанство отъ стараго. Подвергая кри-

тикѣ христіанскую религію, Сенъ-Симонъ останавливается главнымъ образомъ на этическихъ заповѣдяхъ христіанства, но, признавая въ общемъ эти заповѣди, считаетъ ошибочнымъ и во всякомъ случаѣ непригоднымъ для новаго человѣчества ученіе о о необходимости подавлять требованія плоти. Отношеніе христіанства къ вопросу о духѣ и матеріи представлялось Сенъ-Симону въ сильно упрощенномъ видѣ. Онъ думалъ, что христіанство по самому существу своему враждебно плоти и ставитъ своимъ идеаломъ отказъ отъ плотской жизни, какъ отъ жизни грѣховной, во имя исключительно духовнаго совершенствованія. Поэтому задачей новаго христіанства Сенъ-Симонъ считалъ признаніе святости плоти, осуществленіе рая на землѣ, въ этой жизни, гдѣ духъ и тѣло одинаково цѣнны. Самой существенной же этической заповѣдью христіанства Сенъ-Симонъ считаетъ тотъ принципъ, что всѣ люди—братья и что они должны другъ друга любить.

Однако, несмотря на такую, чисто утилитарную и скорѣе этическую [1]), нежели религіозную интепретацію ученія Христа, Сенъ-Симонъ не отрицаетъ божественнаго происхожденія этой религіи [2]). Если же въ христіанствѣ, какимъ мы его знаемъ, встрѣчается много наивнаго и несогласнаго съ нашими развитыми положеніями и съ этическими требованіями новаго христіанства Сенъ-Симона, то лишь потому—такъ думалъ Сенъ-Симонъ,—что Богъ, основавшій христіанство, передавалъ его истины людямъ, приспособляясь къ ихъ пониманію и къ ихъ нравственному состоянію.

Новое христіанство должно быть,—по идеѣ Сенъ-Симона, очищено отъ всѣхъ противорѣчащихъ наукѣ положеній. Но въ немъ останется и культъ и церковная организація „но какъ аксессуары“. Оно будетъ имѣть свое духовенство и его духовенство будетъ имѣть свое начальство.

---

[1]) „На ученіе морали новые христіане будутъ смотрѣть какъ на самое главное“ (Сенъ-Симонъ: Новое Христіанство, гл. II).

[2]) Въ его „Новомъ Христіанствѣ“ (1825), въ діалогѣ между новаторомъ и консерваторомъ, новаторъ заявляетъ объ этомъ рѣшительно и опредѣленно.

Культъ, однако, будетъ имѣть своей главной цѣлью: „обращать вниманіе вѣрныхъ всѣхъ классовъ на нравственность“. „Обязанности духовества будутъ сведены къ тому, чтобы проповѣдывать новое христіанское ученіе, объ усовершенствованіи котораго будутъ постоянно заботиться главы церкви“.

Беря на себя задачу примиренія религіи съ наукою, Сенъ-Симонъ считалъ необходимымъ реформировать не только христіанство, но и современную науку. Его цѣлью было, какъ онъ сказалъ въ одномъ изъ отрывковъ своей автобіографіи: „проложить новую карьеру человѣческому пониманію—карьеру физико-математическую“.

Онъ „возымѣлъ проектъ подвинуть впередъ науку такимъ образомъ, чтобы она сдѣлала шагъ къ общему знанію“. Въ общей системѣ наукъ, которыя должны быть, по его мнѣнію, не разрозненными дисциплинами, занятыми каждая своей областью, а единымъ связнымъ знаніемъ, имъ отводится одно изъ главныхъ мѣстъ въ наукѣ о человѣкѣ и о человѣческомъ обществѣ. Ученые его времени забыли, по словамъ Сенъ-Симона, человѣка для своихъ мелочныхъ изслѣдованій о тѣлахъ неорганическихъ. Онъ возмущался тѣмъ, что ученые не разрѣшаютъ вопросовъ о лучшихъ формахъ общественной жизни, предоставляя это изобрѣтателямъ-фантазерамъ, строящимъ свои планы на ни чѣмъ не обоснованныхъ измышленіяхъ. Такимъ образомъ, Сенъ-Симонъ какъ бы намѣтилъ тотъ планъ построенія научной философіи, который затѣмъ былъ усвоенъ позитивистской школой. Тутъ въ зародышѣ мы находимъ уже и мысль о трехъ стадіяхъ развитія человѣчества, и идею обобщеннаго и систематизированнаго знанія, какъ эквивалента философіи, и указаніе на существенное значеніе науки объ обществѣ, которая должна замѣстить собою произвольныя построенія политиковъ. Нѣкоторые изъ біографовъ Сенъ-Симона готовы поэтому считать его родоначальникомъ европейскаго позитивизма. Такъ, напримѣръ, Мукль говоритъ о Сенъ-Симонѣ, какъ о мыслителѣ, оказавшемъ на дальнѣйшее развитіе философіи вліяніе, которое нельзя считать незначительнымъ. „Можно безъ преувеличенія сказать,—говоритъ

Мукль, [1])—что всѣ руководящія соціальныя идеи Конта взяты у Сенъ-Симона, которому потомство до сихъ поръ еще не воздвигло надлежащаго памятника".

Что касается собственно общественной науки, то въ этой области заслугой Сенъ-Симона является прежде всего разграниченіе понятій общества и государства. Современная ему политическая жизнь съ достаточной ясностью показала Сенъ-Симону, что форма правленія не имѣетъ такого всеразрѣшающаго значенія, какое ей приписывали философы революціонной эпохи [2]). Общественное развитіе по ученію Сенъ-Симона, имѣетъ свои законы, которые должны быть открыты наукою для того, чтобы можно было предвидѣть историческій ходъ развитія общественныхъ формъ. Въ этомъ отношеніи Сенъ-Симонъ является провозвѣстникомъ не только позднѣйшаго позитивизма, но и такъ называемаго историческаго матеріализма. Онъ продолжаетъ еще сохранять старыя представленія о роли идей въ исторіи, продолжаетъ вѣрить въ то, что измѣненія въ общественной жизни обусловливаются интелектуальнымъ развитіемъ человѣчества. Но имъ же впервые съ полной опредѣленностью выдвинута мысль о зависимости общественнаго прогресса отъ измѣненій, совершающихся въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній. Сенъ-Симонъ стоитъ такимъ образомъ на точкѣ зрѣнія дуалистической школы. Но объясненія общественной эволюціи, какъ явленія, обусловливаемаго измѣненіемъ въ матеріальныхъ условіяхъ общественной жизни, занимаютъ въ его міросозерцаніи центральное мѣсто. Базисомъ соціальнаго строя являются для него факты хозяйственной жизни и прежде всего—опредѣленныя явленія экономической жизни и техники. „Вотъ почему,—какъ говоритъ Мукль [3]),—Сенъ-Симонъ принужденъ былъ считать политическую экономію, объектомъ которой служатъ хозяйственныя отношенія, основой политики". Что касается другихъ „надстроекъ", какъ то: религіи, морали и

---

[1]) Muckle: Saint-Simon und die oekonomische Geschichtsrtheorie. Iena, 1906. стр. 4.

[2]) Saint-Simon. L'Industrie, т. XVII, стр. 228.

[3]) Muckl, loc. cit. стр. 20.

т. д., то Сенъ-Симомъ склоненъ былъ устанавливать скорѣе ихъ зависимость отъ развитія духовныхъ силъ. Но подробнаго анализа этой зависимости онъ не давалъ. Она принималась имъ безъ критики. Тамъ же, гдѣ его мысль дѣйствительно пыталась вскрыть существующія соотношенія и гдѣ его изслѣдованіе опиралось на факты, т. е. въ вопросѣ объ отношеніи экономики къ политикѣ— его дуализмъ исчезалъ, и онъ высказывался въ духѣ, очень близкомъ матеріалистическому пониманію исторіи.

Говоря объ экономическихъ отношеніяхъ, какъ объ основѣ экономическаго развитія, Сенъ-Симонъ имѣетъ въ виду прежде всего отношенія собственности. Соціальная организація опредѣляется, по его мнѣнію, въ конечномъ счетѣ „законом собственности". Законъ, опредѣляющій собственность является наиболѣе важнымъ"; онъ служитъ базисомъ соціальнаго зданія" [1]). Однако, сколько нибудь полнаго и обстоятельнаго анализа самаго „закона собственности" и его роли въ хозяйственной жизни мы напрасно стали бы искать у Сенъ-Симона. Лишь въ самыхъ общихъ чертахъ указываетъ онъ на значеніе собственности въ ту или другую изъ разсматриваемыхъ имъ историческихъ эпохъ.

Исторія человѣческаго общества представляетъ собою, по Сенъ-Симону, смѣну различныхъ формъ соціальной организаціи, характеризующейся преобладаніемъ того или другого вида собственности. Наблюдавшаяся имъ, какъ современникомъ реставраціи, борьба между феодально-клерикальными элементами общества и классомъ промышленниковъ, дала Сенъ-Симону возможность съ опредѣленностью выяснить различіе между двумя эпохами, на рубежѣ которыхъ онъ жилъ [2]). На нихъ то преимущественно и сосредоточивается его вниманіе. Далѣе Сенъ-Симонъ указываетъ на „необходимость общей перестройки всей соціальной системы".

Та стадія развитія общества, которая, по мнѣнію Сенъ-Симона, переживала свой расцвѣтъ въ средніе вѣка, и послѣдніе слѣды которой давали еще знать себя въ его время, характери-

---

[1]) L'industrie, т. XIX, стр. 43.

[2]) Современный „кризисъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ переходѣ отъ феодальнаго и теологическаго къ индустріальному и научному строю".

зовалась имъ, какъ періодъ преобладанія земельной собственности. Соотвѣтственно этому, ея общественная организація представляла собою „комбинацію теологически-папской власти съ феодально-военной“. Первая и является остаткомъ того времени, когда христіанство являлось господствующей религіей, преобладаніе же знати — наслѣдіе эпохи, когда воинственные франки стали собственниками земли и подчинили себѣ галловъ, сдѣлавъ ихъ неимущими. Общая власть церкви и феодаловъ стала подвергаться опасности съ тѣхъ поръ, какъ въ развившихся городахъ появилась новая сила, въ лицѣ класса промышленниковъ, „индустріаловъ“, какъ онъ ихъ называетъ. Этотъ классъ обнимаетъ всѣ производительныя общества—отъ предпринимателей и ученыхъ до рабочихъ и носильщиковъ [1]).

Новый классъ, вступившій на арену исторіи и несущій съ собой новую форму собственности, собственности промышленной, а потому новую общественную организацію, долженъ утвердить свое господство путемъ борьбы съ представителями стараго режима. Таковъ, по мнѣнію Сенъ-Симона, смыслъ всей французской революціи. Здѣсь мы видимъ, такимъ образомъ еще одинъ пунктъ, въ которомъ мысль Сенъ-Симона приближалась къ точкѣ зрѣнія марксизма. Онъ устанавливаетъ ту истину, что процессъ измѣненія общественныхъ формъ приходитъ всегда въ формѣ борьбы классовъ.

Борьба, ведущаяся между классомъ земельныхъ собственниковъ и промышленниками, должна, по мнѣнію Сенъ-Симона, завершиться побѣдою послѣднихъ и установленіемъ такъ называемаго индустріализма. Но въ опредѣленіи этого новаго строя Сенъ-Симонъ не даетъ полной законченности и опредѣленности. Особенно вредитъ Сенъ-Симону его спутанное представленіе о самомъ классѣ индустріаловъ. Его анализъ классовыхъ отношеній не проникъ настолько глубоко, чтобы вскрыть противорѣчія, уже намѣчавшіеся въ этомъ классѣ, представлявшемся Сенъ-Симону единымъ. Противоположности между представителями промышленнаго капитала и рабочимъ классомъ, лишеннымъ средствъ производства,

---

[1]) Prosper Enfantin: Die nationalökonomie des Saint simonismus. Нѣм. пер. Villaret съ введеніемъ G. Adler'a. Лейпцигъ, 1905 . стр.9.

какъ между классами антагонистическими, онъ не замѣчалъ. Если внутри класса индустріаловъ онъ и усматривалъ нѣкоторое разслоеніе, то оно сводилось къ противоположности между представителями промышленности, въ число которыхъ входили какъ рабочіе, такъ и предприниматели, и выдѣлившимися изъ этого класса представителями *денежной* аристократіи. Послѣднюю онъ разсматривалъ какъ силу, *враждебную* классу промышленниковъ. Тутъ въ зародышѣ уже имѣется, правда, идея о противоположности интересовъ капитала съ интересами труда, такъ какъ на капиталистовъ предпринимателей Сенъ-Симонъ смотритъ, какъ на трудящихся и ихъ собственность готовъ былъ считать совершенно законною. Постепенно, по мѣрѣ углубленія въ изслѣдованіе современныхъ ему отношеній, Сенъ-Симонъ, все болѣе и болѣе суживалъ идеи „промышленниковъ"—понимая подъ этимъ терминомъ, въ концѣ концовъ лишь представителей умственнаго и физическаго *труда*. Но все же отчетливаго представленія о двухъ рѣзко враждебныхъ другъ другу классахъ—собственниковъ предпринимателей съ одной стороны и пролетаріевъ продающихъ свой трудъ—съ другой,—у Сенъ-Симона не было. Можно думать, что обнаружить антагонизмъ этихъ классовъ ему мѣшало недостаточно развившееся еще въ его время противорѣчіе труда и капитала, а также тотъ временный союзъ въ которомъ находились буржуазія и пролетаріатъ въ эпоху реставраціи, когда имъ приходилось вести совмѣстную борьбу съ пережитками феодальныхъ порядковъ.

Все сочувствіе Сенъ-Симона было на сторонѣ „индустріаловъ", въ которыхъ онъ видѣлъ носителей лучшаго общественнаго порядка. По его мнѣнію, установленіе индустріализма повлечетъ за собою уничтоженіе классового антагонизма, а въ концѣ концовъ даже и устраненіе національныхъ противорѣчій. „На этой ступени человѣческой культуры философъ будетъ въ состояніи окинуть взоромъ все прошедшее и будущее человѣчества. На заднемъ фонѣ картины онъ увидитъ рабство, затѣмъ сможетъ съ полнымъ удовольствіемъ прослѣдить какъ рабство постепенно смягчалось, пока наконецъ, не исчезли самыя слабыя его формы и не образовалась соціальная организація, которая должна непосредственно стремиться къ счастью большаго числа своихъ членовъ. Когда фи-

лософъ будущаго будетъ разсматривать прошедшее, онъ увидитъ народы находящимися въ ожесточенной борьбѣ другъ съ другомъ, тогда какъ въ будущемъ ему представится лишь картина счастливыхъ націй, соперничающихъ одна съ другой лишь въ сферѣ науки, индустріи, морали". [1]) „Индустріализмъ", повидимому, представлялся Сенъ-Симону, тѣмъ строемъ, при которомъ возможно осуществленіе высшаго идеала человѣчества, понимаемаго нашимъ философомъ, какъ „мирный и прочный порядокъ вещей", обезпечивающій человѣку развитіе всѣхъ его способностей. Къ такому идеалу должно было привести развитіе индустріи—и поэтому для Сенъ-Симона вся соціальная дѣятельность сводится мѣропріятіямъ, способствующимъ утвержденію и укрѣпленію индустріализма. Эпиграфомъ къ издававшемуся имъ сборнику „L'Industrie" онъ взялъ выраженіе „tout par l'industrie, tout pour elle".

Въ связи съ этими взглядами стояла и его оцѣнка политическаго значенія класса промышленниковъ. Этотъ послѣдній, какъ утверждалъ Сенъ-Симонъ, имѣетъ наибольшія способности для управленія дѣлами государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сенъ-Симонъ требовалъ отъ промышленниковъ, чтобы они съ полнымъ сознаніемъ своей миссіи направили свою дѣятельность къ обезпеченію существованія бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Передавая въ свою очередь политическую власть преимущественно промышленникамъ, Сенъ-Симонъ полагался между прочимъ на ихъ собственный интересъ. Промышленники, по его мнѣнію, „всего болѣе заитересованы въ поддержаніи общественнаго спокойствія, въ умѣренности публичныхъ издержекъ. Они же больше всѣхъ приспособлены къ административной дѣятельности, такъ какъ ихъ промышленные успѣхи въ предпріятіяхъ частныхъ служатъ живымъ примѣромъ ихъ способностей въ этомъ родѣ" [2]). Интересенъ въ этомъ отношеніи, какъ показатель, до чего доходило иногда преклоненіе Сенъ-Симона предъ промышленниками, слѣдующій отрывокъ изъ

1) Изъ предисловія Георга Адлера къ переводу Анфантена, loc. cit. стр. 10.

2) Цетировано въ сокращенномъ видѣ по книгѣ Щеглова: Исторія соціальныхъ системъ. СПБ. 1870, стр. 331.

Приводится у Hubbart'a: Saint Simon, sa vie et ses travaux. Парижъ 1857, стр. 153.

„Исповѣданія вѣры основателей положительной политики“. „Вѣрую, что богатые промышленники, повелѣвая рабочими въ ежедневныхъ трудахъ, черезъ это являются начальниками народа, котораго они составляютъ необходимую часть; откуда слѣдуетъ, что они прямые, естественные націи, единственной, которой нравственность, справедливость и здоровый смыслъ позволяютъ дать права политическія“. Но цѣлью всей политики промышленнаго класса всегда было для него „обезпеченіе участи пролетаріевъ, причемъ работоспособнымъ должна быть гарантирована работа, а неспособнымъ къ работѣ—содержаніе“. Предъ смертью онъ завѣщалъ даже, какъ мы видѣли, организацію партіи рабочихъ, которымъ повидимому онъ не отказывалъ въ самостоятельной роли въ общественной жизни. По его предположенію участь неимущихъ должна быть улучшена въ томъ смыслѣ, чтобы рабочіе стали членами предпринимательскихъ организацій, собственниками, стоящими другъ къ другу въ отношеніи сотрудниковъ. Въ этихъ предположеніяхъ уже различается въ зародышѣ идея ассоціаціи, впослѣдствіи развитая учениками Сенъ-Симона.

Что касается вообще практическихъ указаній, которыя опредѣлили бы направленіе дѣятельности послѣдователей новой религіи, то Сенъ-Симонъ въ этомъ отношеніи большею частью ограничивался лишь общими мѣстами. Прежде всего онъ устанавливалъ тотъ принципъ, что въ основѣ дѣятельности новыхъ апостоловъ должна лежать мирная пропаганда идей, имъ возвѣщенныхъ. Необходимо, по его мнѣнію, прежде всего „воодушевить массу“. Практическія реформы онъ предлагалъ предпринять людямъ, обладающимъ властью. Самымъ крупнымъ практическимъ требованіемъ Сенъ-Симона является его требованіе уничтоженія всѣхъ наслѣдственныхъ привиллегій. Сенъ-Симонъ указываетъ, между прочимъ рядъ частныхъ мѣръ законодательнаго характера, долженствующихъ привести положеніе промышленности къ болѣе нормальному состоянію. Необходимо, по его мнѣнію, облегчить переходъ земельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ

другія, предоставить политическія права не землевладѣльцамъ, а земледѣльцамъ и т. д.

Индустріальный строй не предполагаетъ, однако, демократическаго равенства. Власть продолжаетъ въ немъ оставаться іерархическою—напоминающею власть церкви. Соотвѣтственно тому догмату новой религіи, по которому духъ и матерія признаются одинаково святыми, и которыхъ, слѣдовательно, устраняетъ изъ пониманія жизни и изъ этики внесенный въ нихъ старый христіанскій дуализмъ,—власть въ новомъ обществѣ также становится единой. Это одновременно и свѣтская и духовная власть. Носителями ея должны быть ученые и философы во главѣ съ духовнымъ вождемъ-первосвященникомъ.

Идеи Сенъ-Симона оставшіяся въ его собственныхъ трудахъ въ незаконченномъ и неразвитомъ видѣ, были восприняты его учениками создавшими, какъ мы уже говорили, новую религіозную общину и установившими съ большой опредѣленностью основные догматы новаго христіанства.

IV.

Сенъ-симонизмъ.

Основныя идеи сенъ-симонизма изложены въ собраніи лекцій, читанныхъ въ улицѣ Тараньи и изданныхъ книгою, носящей названіе „Ученіе Сенъ-Симона“. Вдохновителемъ этихъ лекцій былъ Анфантенъ. Изложеніе же принадлежитъ главнымъ образомъ Бокеру. Здѣсь подвергается жестокой критикѣ современное состояніе европейскаго общества и признаются принципы будущаго болѣе совершеннаго соціальнаго строя. Недостатки современнаго общественнаго порядка представляются сенъ-симонистамъ въ значительной мѣрѣ обусловленными хаотическимъ состояніемъ современной науки, удѣляющимъ массу вниманія частнымъ областямъ естествознанія и оставляющимъ безъ изученія человѣческое общество и управляющіе имъ законы. Тотъ же хаосъ наблюдается по ихъ мнѣнію и въ промышленномъ мірѣ. Они рѣшительно возстаютъ противъ распространеннаго въ то время экономическаго ученія,

видѣвшаго идеалъ экономической политики въ принципѣ „laissez-faire, laissez passer“. Такая политика приводитъ, по словамъ „Ученія“, лишь къ торжеству немногихъ счастливцевъ, покупаемому цѣною нищеты массъ и полной анархіи въ производствѣ. При томъ неравенствѣ имуществъ и при полной необезпеченности массъ, которыя созданы ненормальными условіями общественной жизни, искусство не можетъ свободно развиваться, нравственность находится въ упадкѣ, вмѣсто того, чтобы прогрессировать.

Новая наука, которая должна сдѣлать возможнымъ и новый общественный порядокъ, будетъ однимъ крупнымъ, планомѣрно ведомымъ и потому цѣлесообразно пользующимся силами предпріятіемъ. Она подвергнетъ изслѣдованію общественные законы и укажетъ различныя формы въ развитіи общества. Это поможетъ людямъ пользоваться уроками исторіи и примѣнять ея указанія къ жизни. Наука откроетъ намъ, что человѣчество будетъ счастливо только тогда, когда на мѣсто существовавшей до сихъ поръ эксплоатаціи человѣка, человѣкомъ будетъ провозглашенъ принципъ „всеобщей ассоціаціи“. „Всякому по способностямъ, всякой способности по ея дѣламъ“—такъ формулировали сенъ-симонисты въ своемъ „Ученіи“ основное положеніе будущаго права.

Для достиженія новаго порядка вещей—необходимо прежде всего реформировать собственность. Сенъ-симонисты не проповѣдывали коммунизма и уничтоженія собственности. Они только желали ее преобразовать, такъ какъ такого преобразованія, т. е. въ сущности окончательной отмѣны уже отжившихъ правъ собственности, какой она была въ феодальную эпоху, требуетъ сама жизнь. Необходимо, чтобы собственность стала достояніемъ тѣхъ, кто имѣетъ на нее право по своей способности къ мирному труду. Всякую же передачу собственности по правамъ рожденія, т. е. по наслѣдству, нужно отмѣнить. Устами Сенъ-Симона, говоритъ Базаръ, человѣчество провозглашаетъ: „Нѣтъ болѣе наслѣдства“. Здѣсь мы наталкиваемся уже на попытку систематизаціи и дальнѣйшаго развитія идей Сенъ-Симона, въ ихъ приложеніи къ вопросамъ практической политики.

Особенно интересно развиваютъ сенъ-симонисты ученіе Сенъ-

Симона о различныхъ формахъ историческаго процесса. По ихъ мнѣнію въ исторіи замѣчается смѣна, такъ называемыхъ, органическихъ эпохъ эпохами критическими и обратно. Подъ первыми понимаются эпохи, которыя характеризуются общепризнаннымъ авторитетомъ извѣстныхъ идей и общей работой для одной опредѣленной цѣли. Напротивъ, критическія эпохи характеризуются разрушеніемъ старыхъ авторитетовъ и традицій, исчезновеніемъ общности чувствъ и мыслей, распадомъ общественнаго цѣлаго и замѣной его толпою индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ только свои интересы. Переживаемая Европой стадія общественнаго развитія представлялась имъ эпохой критической, которая должна смѣниться болѣе устойчивой органической эпохой индустріализма. Какъ на симптомъ приближенія новой органической эпохи, Базаръ указываетъ на „широкое распространеніе банковыхъ предпріятій, которыя являются посредниками между работниками, нуждающимися въ капиталѣ, и владѣтелями капитала, которымъ нѣтъ желанія его эксплоатировать. Эти банки должны только перейти отъ частныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои личныя цѣли, въ руки общества, для того, чтобы обнаружилась во всемъ своемъ значеніи соціально-реформаторская роль такого рода учрежденій [1]). Базаръ возлагаетъ громадныя надежды на эту реформу банковъ. Ему кажется, что такая реформа избавитъ промышленность отъ кризисовъ, гармонизируетъ отдѣльныя отрасли труда, обезпечитъ свободу личности, не создавая равенства и т. д. [2]).

Но для того, чтобы человѣкъ приспособился къ новымъ условіямъ жизни, онъ долженъ быть соотвѣтствующимъ образомъ воспитанъ. Отсюда вообще вытекаютъ заботы о воспитаніи дѣтей, которымъ сенъ-симонисты въ своемъ „Ученіи“ удѣляли довольно много мѣста. Къ этой же цѣли должно быть направлено и законодательство и религіозная проповѣдь, соединенная съ культомъ. Въ „Ученіи“ подробно развивается также тотъ догматъ „новаго христіанства“, который отличаетъ его отъ старой религіи, и всячески подчеркивается необходимость отказаться отъ противопоставленія

---

[1]) См. Prosper Enfantin, loc. cit. стр. 19.
[2]) Тамъ же, стр. 20.

духа и матеріи. Духъ и матерія, по ученію сенъ-симонистовъ, представляютъ собою не двѣ различныхъ субстанціи, а только „два вида одного и того же бытія“.

Вся нравственность должна быть основана на любви. „Любовь,—такъ преподается въ „Ученіи“ [1]),—это жизнь въ самомъ единствѣ. Пониманіе, сила—только виды ея проявленія. Люди, у которыхъ любовь есть господствующее чувство, естественно должны быть начальниками общества, и такъ какъ любовь обнимаетъ въ одно время и конечное и безконечное, и такъ какъ она ищетъ Бога и найдетъ его въ будущемъ, то отсюда слѣдуетъ, что начальниками общества могутъ быть только представители религіи, священники“. Соціальный священникъ представляется въ „Ученіи“, какъ „живой законъ“, опредѣляющій и мораль и право общества.

Здѣсь замѣтна уже тенденція понять индустріальный строй исключительно, какъ строй, который требуетъ отъ людей прежде всего участія въ производительномъ трудѣ. Идеалъ индустріализма заставляетъ сенъ-симонистовъ склоняться къ такому толкованію слова „промышленникъ“, при которомъ оно должно было бы совпадать со словомъ: непосредственный производитель, рабочій.

Такимъ образомъ, идея классовой борьбы остававшаяся у ея основоположника Сенъ-Симона нераскрытою во всемъ своемъ содержаніи, находитъ себѣ у его учениковъ болѣе полное выраженіе. Для нихъ передовымъ классомъ, несущимъ съ собой новый общественный порядокъ является уже не классъ индустріаловъ, охватывающій какъ представителей труда, такъ и представителей капитала, а только классъ рабочихъ, „единственно производительный классъ общества“,

Этимъ сенъ-симонизмъ еще болѣе, чѣмъ самъ Сенъ-Симонъ опредѣлилъ дорогу послѣдующаго марксизма, заимствовавшаго во французскомъ утопическомъ соціализмѣ рядъ своихъ историософскихъ основоположеній.

---

[1]) Doctrine Saint-simonienne (exposition) Парижъ, 1854, стр. 433.

Литература о Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонизмѣ весьма обширна. Всю относящуюся сюда, библіографію можно раздѣлить на три періода. Во-первыхъ—обширная полемическая, преимущественно легкомысленно презрительнаго или насмѣшливаго тона, литература современниковъ движенія. Съ 1850 г., т е. со времени появленія книги Лоренца фонъ-Штейна: Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich, (Лейпцигъ, 1850 г. 3 тома), равно со времени усиленія вниманія къ теоретикамъ соціальной реформы наступаетъ второй періодъ изученія и реабилитаціи сенъ-симонизма, реабилитаціи, доходящей до панегриковъ. Важнѣйшія сочиненія этого періода перечислены ниже въ рубрикѣ „литература о Сенъ-Симонѣ". Въ 1894 году наступаетъ новая эра. Въ этомъ году согласно завѣщанію Анфантена въ Арсеналѣ (Парижскомъ) вскрывается сундукъ съ документами того времени, проливающими новый свѣтъ на всю эпоху. Результатомъ изученія новаго драгоцѣннаго наслѣдія являются два труда:

1. Georges Weill: L'Ecole Saint-Simonienne, son histoire, son influence jusqu'a nos jours.—Парижъ. (Felix Alcan). 1896.

2. Sébastien Charléty: Histoire du Saint-Simonisme. (1825—1864). (Ouvraje couronné par l'Academie française). Парижъ. (Hachette et Co). 1896 г.

Сочиненія Сенъ-Симона.

1 L' Organisateur. Есть нѣсколько изданій. Полное: 1 выпускъ въ 3-ьемъ изд., 2-ой выпускъ во 2-мъ изд.

2. L'industrie ou Discussions politiques, morales, et philosophiques dans 'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants.

3. Systeme industriel. 1821—22, 3 parties in—8.

4. Catéchisme des industriels. Paris, 1828—32, „en 4 cahiers formant 422 pages".

По русски о Сенъ-Симонѣ писали:

1. Штейнбергъ, С.: Общественные и историческіе взгляды Сенъ-Симона. „Жизнь" за 1900 г., кн. II.

2. Ивановъ, Ив.: Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ. Москва, 1901.

3. Инсаровъ, Х.: Сенъ-Симонъ и сенъ-симонизмъ, „Научн. обозр." 1903 г. № 1.

5. М. В—ій: Сенъ-Симонъ. Энциклопед. словарь Брокгауза.

6. Щегловъ, Д: Исторія соціальныхъ системъ. Т. I, стр. 275—436. Спб., 1870.

6. Чернышевскій, Н.: „Іюльская монархія", въ жур. „Современникъ" 1860 г., № 5, стр. 129 и слѣд.

Литература о Сенъ-Симонѣ:

1. Bazard: Doktrin de Saint-Simon. I-ой годъ, 1828—29., II-ой 1830.

2. Carowé, Fr. W.: Der Saint-Simonismus und die neue Französische Philosophie. Лейпцигъ, 1831.

3. Fournel: Bibliographie Saint-Simonienne. 1833.

4. Lechevallier. Jules: Etudes de la science sociale. 8°. 1834. (противъ сенъ-симонизма).

5. Veit, M.: Saint-Simon und der Saint-Simonismus. 1834,

6. Reubaud.: Etudes sur les Réformateurs. Парижъ. 1848.

7. Littre: Auguste Comte et la Philosophie positive. Парижъ, 1857.

8. Hubbard, G; Saint-Simon, sa vie et ses travaux, suivi des fragments des plus célébres écrits de Saint-Simon. Парижъ 1857.

9. Van der Wod et Nieuwenhuis: Der Seer van Saint-Simon Ontvound. Амстердамъ, 1860.

10. Renouvier: Année philosophique. 1867.

11. Booth, Arthur: Saint-Simon et le Saint-Simonisme. Лондонъ, 1871.

12. Ferraz: Socialisme, Naturalisme, Positivisme. Парижъ, 1877.

13. Janet, Paul: Saint-Simon et le Saint-Simonisme. Парижъ, 1877.

14. Flint: Philosophie de l'histoire en France. 1878.

15. Quacq: Die Socialisten. Томъ III-й Амстердамъ, 1887.

16. Warschauer: Saint-Simon und der Saint-Simonismus. Лейпцигъ, 1892.

17. Adam: La Philosophie en France. Парижъ, 1893.

18. Weill: Un précurseur du Socialisme. Парижъ, 1894.

19. Faguet E.: Le Comte de Saint-Simon. „Revue des Deux Mondes" за. 1894.

20. Pinet: L'école polytechnique et le Saint-Simoniens. Тамъ-же.

21. Weill: Saint-Simon et son oeuvre. Парижъ, 1894.

22. Weisengrün: Die sozialwissenshaftlichen Ideen Saint-Simons. Базель, 1895.

23. Michel: L'idée de l'Etat. Парижъ 1895.

24. Charléty: Histoire de Saint-Simonisme. Парижъ, 1896.

25. Weill: L'école Saint-Simonienne. Парижъ, 1896.

26. Muckle, Friedrich: Saint-Simon und die ökonomische Geschichtstheorie. Jena. 1906.

II.

Шарль Фурье.

(1772—1837 гг.).

I.

Шарль Фурье (Франсуа-Мари-Шарль), сынъ зажиточнаго безансонскаго торговца сукномъ, родился 2-го Апрѣля 1772 года въ г. Безансонѣ. Въ школѣ Фурье учился, повидимому, недолго, такъ какъ оставилъ ее, когда ему было 12-13 лѣтъ. Дальнѣйшее образованіе онъ черпалъ изъ книгъ самаго разнообразнаго содержанія, которыя ему приходилось читать. Фурье, какъ сообщаетъ его біографъ и ученикъ Ш. Пелляренъ (Pellarin), изучалъ впослѣдствіи довольно долго анатомію, физику, естественную исторію и обладалъ хорошими познаніями въ географіи, зачитывался Платономъ, Ньютономъ и Лейбницемъ.

Оставивъ школу, Фурье долженъ былъ заниматься подготовкою къ торговой дѣятельности. Не имѣя никакой склонности къ ремеслу торговца, онъ нѣсколько разъ бросаетъ свое ученіе, но, въ концѣ концовъ, все же поступаетъ на службу къ одному купцу въ Ліонѣ. Здѣсь, въ центрѣ французской торговли и крупной промышленности Фурье открывается возможность прекрасно познакомиться съ этою отраслью человѣческой дѣятельности, здѣсь, безъ сомнѣнія, онъ могъ прочно обосновать свое утвержденіе о торговлѣ, какъ одномъ изъ величайшихъ золъ экономической жизни. Его правдивая и искренняя душа возмущалась связанной съ торговлей необходимостью лгать и надувать. Еще въ отцовскомъ домѣ, когда ему было 5 лѣтъ, онъ былъ наказанъ за сообщеніе покупателю правды.

О чувствахъ, волновавшихъ Фурье въ эти годы, онъ крас-

норѣчиво повѣствуетъ самъ слѣдующимъ образомъ: „Разоблачить всѣ интриги биржи и маклеровъ значитъ предпринять одинъ изъ подвиговъ Геркулеса. Я сомнѣваюсь чтобы, этотъ полубогъ, принимаясь за чистку авгіевыхъ конюшенъ, испыталъ столько отвращенія, сколько испытываю я, роясь въ той клоакѣ нравственныхъ нечистотъ, которая называется биржевымъ и маклерскимъ притономъ,—предметъ, который не былъ даже задѣтъ наукою. Чтобы надлежащимъ образомъ трактовать его, надо быть практикомъ съ младыхъ ногтей и воспитаться, какъ я, съ шести лѣтъ въ меркантильныхъ овчарняхъ. Тамъ я уже въ этомъ возрастѣ замѣтилъ контрастъ, царящій между торговлей и истиной. На урокахъ катехизиса и въ школѣ меня учили, что никогда не должно лгать, а потомъ меня отводили въ магазинъ, чтобы съ малолѣтства обучить меня благородному ремеслу лжи, или искусству продажи. Возмущенный продѣлками и обманами, я отводилъ въ сторону покупателей и открывалъ имъ это. Одинъ изъ нихъ былъ настолько неловокъ, что въ пылу жалобъ выдалъ меня, въ результатѣ чего я получилъ здоровую трепку. Мои родители, видя, что у меня есть вкусъ къ истинѣ, воскликнули тономъ упрека: „Этотъ ребенокъ совсѣмъ не годится для торговли“. И дѣйствительно, я почувствовалъ къ ней тайное отвращеніе и въ семь лѣтъ далъ клятву, которую Аннибалъ произнесъ противъ Рима въ девять лѣтъ: я поклялся въ вѣчной ненависти къ торговлѣ. Меня, однако, пустили по этой части противъ моей воли. Явившись въ Ліонъ, куда меня привлекала перспектива путешествія, и дойдя до двери банкира Шерера, къ которому меня провели, я бросился при всѣхъ вонъ на улицу и заявилъ, что никогда не буду купцомъ. Я, такъ сказать, отказался отъ узъ Гименея съ торговлей у самаго алтаря. Тогда меня хотѣли приспособить къ коммерціи въ Руанѣ, но я вторично дезертировалъ. Наконецъ, я склонилъ шею подъ иго ярма и потерялъ свои лучшіе годы въ готовальняхъ лжи, слыша со всѣхъ сторонъ прожужжавшее мнѣ за это время уши зловѣщее предвѣщаніе: „Ужъ очень честенъ этотъ малый! совсѣмъ не годится для торговли“. И, дѣйствительно, я былъ одураченъ и ограбленъ во всемъ, что только не предпринималъ. Но если я нисколько не

гожусь, чтобы заниматься торговлей, то вполнѣ гожусь, чтобы разоблачить ее".

Въ 1792 году, получивъ наслѣдство, Фурье открываетъ въ Ліонѣ собственную торговлю колоніальными товарами, но во время взятія возставшаго Ліона войсками конвента, теряетъ все свое имущество и самъ еле спасается отъ разстрѣла. Затѣмъ, взятый по конскрипціи 1793 года (объявленное конвентомъ народное ополченіе) въ военную службу, онъ проводитъ въ ней два года и по выходѣ въ отставку поступаетъ приказчикомъ къ хлѣбному торговцу въ Марсели. Его патронъ однажды, чтобъ поддержать цѣны на подобающей высотѣ, выбросилъ въ море цѣлую партію риса. Этотъ случай, жестокій случай безцѣльнаго уничтоженія необходимаго для массы продукта, произвелъ на Фурье неизгладимое впечатлѣніе. Онъ окончательно укрѣпился въ мысли, что торговля вообще совершенно не нужна. Послѣ службы у купца, Фурье жилъ въ Парижѣ, былъ маклеромъ въ Ліонѣ, откуда послѣ 1808 года переѣхалъ въ Швейцарію, жилъ около 5 лѣтъ у своихъ родственниковъ въ Белле, но, въ концѣ концовъ, попалъ въ Парижъ, гдѣ прожилъ послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни. Въ бытность свою въ Ліонѣ Фурье выступаетъ на литературномъ поприщѣ: въ ліонскихъ журналахъ онъ помѣщаетъ статьи, пишетъ стихи и т. п.

Въ 1803 году въ „Bullètin de Lyon" Фурье помѣстилъ статью „Континентальный тріумвиратъ и вѣчный миръ черезъ 30 лѣтъ", гдѣ онъ предсказываетъ раздѣлъ Пруссіи между Россіей и Австріей; Австрія послѣ этого будетъ въ свою очередь подѣлена между Россіей и Франціей, а эта послѣдняя будетъ покорена Россіей. Это его произведеніе было встрѣчено весьма неблагосклонно: автора осмѣивали и даже обвиняли въ шарлатанствѣ. Однако въ 1808 году Фурье издаетъ свое первое фундаментальное сочиненіе: La theorie de quatre mouvements et des destinèes generales", содержащее въ себѣ основныя мысли всей его системы, получившія дальнѣйшее развитіе въ другихъ его сочиненіяхъ. За этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ его сочиненій. Въ 1822 году, напримѣръ, онъ выпускаетъ „Traitè de l'association domestique et agricol" („Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи"), въ 1828 г. "Nouveau

Monde industriel et sociètaire“ („Новый общественный и промышленный міръ“) и т. д.

Въ началѣ одинокій, чуть ли не всѣми осмѣиваемый, Фурье, однако, мало-по-малу, начинаетъ находить себѣ сторонниковъ и учениковъ. Въ 1896 году онъ пріобрѣтаетъ перваго ученика, глухого чиновника Жюста Макрона, давшаго ему средства на изданіе „Traité de l'association“, за нимъ идутъ Греа, Кларисса Венуре и Викторъ Консидеранъ, впослѣдствіи глава фурьеристовъ и еще при жизни Фурье стоявшій во главѣ кружковъ его послѣдователей. Ученики Фурье основываютъ для пропаганды идей учителя журналъ „La rèforme industrielle ou le phalanstère“, по прекращеніи котораго выпускаютъ: „La Phalange, journal de la science sociale“ (превращенный, затѣмъ, съ 1843 года въ ежедневный листокъ). Фурье дѣятельно сотрудничаетъ въ нихъ, помѣщая цѣлый рядъ статей по различнымъ вопросамъ.

Условія, въ которыхъ пришлось жить Фурье, развили въ немъ, сильнѣе, чѣмъ что либо другое, духъ фантазіи, духъ творчества. Еще въ молодости онъ занимается различными реформаторскими проектами; онъ подаетъ ихъ и префекту, и депутату, и правительству, въ надеждѣ, что кто либо изъ нихъ поможетъ ему въ ихъ осуществленіи. Онъ пытается сойтись съ той же цѣлью съ Сенъ-Симономъ и Оуэномъ, но безуспѣшно: тѣ отвергаютъ его проекты и обиженный Фурье пишетъ послѣ этого, въ 1831 году: „Pièges et charlatanisme des sectes S. Simon et Owen, qui promettent l'association et le progrés“, („Уловки и шарлатанство сектъ Сенъ-Симона и Оуэна, которыя обѣщаютъ ассоціацію и прогрессъ“). Но онъ все же не теряетъ надежды, что вотъ въ одинъ прекрасный день явится одинъ изъ „кандидатовъ“ (Фурье насчиталъ въ Европѣ 4000 человѣкъ кандидатовъ, имѣющихъ возможность осуществить его проекты), и осуществятся его идеи. Въ одной изъ своихъ книгъ онъ объявилъ даже свои пріемные часы, когда онъ будетъ ждать „кандидата“, и такъ былъ увѣренъ въ томъ, что „кандидатъ“ явится, что ежедневно до самой смерти поджидалъ его. Умеръ онъ въ Парижѣ 9-го Октября 1837 года.

Перейдемъ теперь къ краткому изложенію ученія Фурье.

II.

Центральнымъ мѣстомъ докторины Фурье является „теорія страстнаго влеченія“. Законы страстнаго влеченія, по Фурье, согласны съ закономъ притяженія матеріи, а отсюда уже какъ выводъ слѣдуетъ „сходство четырехъ движеній: матеріальнаго, органическаго, животнаго и общественнаго или сходство видоизмѣненій матерій съ математическою теоріею страстей человѣка и животныхъ“. Страсти—ничто иное, какъ указаніе нашей дѣятельности, истолкованіе видовъ Промысла. Страсти, данныя Богомъ, побуждаютъ человѣка къ дѣятельности. И тотъ, кто слѣдуетъ страстямъ, а не придуманнымъ людьми законамъ, тотъ будетъ доволенъ всѣмъ и счастливъ. Нравственная организація страстей перестроитъ соціальный бытъ человѣчества.

Въ мірѣ существуетъ единство движенія—страстное влеченіе,—движеніе это—одна изъ отраслей всеобщаго движенія. Кромѣ страстнаго движенія существуютъ еще — органическое, инстиктивное, и аромальное, которое, впрочемъ, Фурье прибавилъ лишь впослѣдствіи, но они являются лишь главными отраслями, тогда какъ страстное или соціальное есть основная, (pivotal, pivot—ось, стержень) „пивотальная“—отрасль всеобщаго движенія.

Изъ всѣхъ этихъ движеній людямъ извѣстно лишь матеріальное; Фурье объясняетъ остальныя, останавливаясь въ особенности на соціальномъ. Теорія соціальнаго движенія должна объяснить намъ прошедшее, настоящее и будущее человѣчества. Согласно этой теоріи, „существованіе рода человѣческаго должно продолжаться приблизительно 80,000 лѣтъ. Вся соціальная карьера, совершаемая въ это время, раздѣляется на четыре фазиса и 32 періода“. Первый фазисъ—дѣтство или безсвязность—представляетъ собою движеніе восходящее, продолжается 5 тысячъ лѣтъ; второй фазисъ—усиленіе или порядокъ—движеніе тоже восходящее, продолжается 35 тысячъ лѣтъ; третій фазисъ—упадокъ или порядокъ нисходящій—35 тысячъ лѣтъ и, наконецъ, четвертый—дряхлость или безсвязность нисходящая 5 тыс. лѣтъ. Второй и третій фазисы—періоды счастья, тогда

*

какъ первый и четвертый—періоды несчастья. Каждый фазисъ дѣлится на періоды. Наступленіе каждаго новаго періода сопровождается различными перемѣнами, даже космическими. Тотъ періодъ, который мы переживаемъ (цивилизація) не есть послѣдній періодъ въ экономической дѣйствительности.

...„При взглядѣ на эту таблицу (фазисовъ), вы прежде всего поражаетесь,—говоритъ. Фурье,—узостью взглядовъ нашихъ философовъ которые увѣряютъ, что цивилизація есть послѣдній предѣлъ общественныхъ судебъ, въ то время, какъ она есть ничто иное, какъ пятое между тридцатью двумя возможными обществами и притомъ одинъ изъ наиболѣе несчастныхъ періодовъ“ [1]).

Мы уже видѣли, какъ смотрѣлъ на страсти Фурье—это краеугольный камень его системы Фурье подробнѣе другихъ разсматриваетъ душевныя страсти. Ихъ, по Фурье, семь: дружба, любовь, отеческое чувство, честолюбіе, кабалиста или страсть къ интригѣ, альтерната, или страсть къ перемѣнамъ и композита или слѣпое увлеченіе; такъ какъ не всѣ онѣ были извѣстны людямъ раньше, то Фурье придумалъ для нихъ названіе и поясняетъ подробно что это за страсти. Каждой страсти въ нѣкоторыхъ областяхъ соотвѣтствуютъ извѣстные факты; такъ, напр., любви соотвѣтствуетъ въ музыкѣ — ноты, затѣмъ лазуревый цвѣтъ, дѣленіе, эллипсисъ, олово. Главныхъ страстей 12; путемъ ихъ комбинаціи получается 810 различныхъ характеровъ, которые Фурье называетъ „главной клавіатурою характеровъ“.

Мы уже говорили, что, по Фурье, необходимо дѣйствовать согласно страстямъ: въ гармоніи страстей—счастье каждаго отдѣльнаго человѣка и всего человѣчества. Цивилизація, по Фурье, переходный періодъ. Дать господство гармоническому дѣйствію страстей, говоритъ Фурье, предназначено будущему гармоническому порядку, который будетъ слѣдовать за періодомъ цивилизаціи. Этотъ новый порядокъ Фурье называетъ „земледѣльческой ассоціаціей“. Фурье энергично доказываетъ выгодность крупной ассоціаціи для промышленности и земледѣлія, такъ напр., онъ гово-

1) Русскій переводъ Щеглова: См. Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней. Спб. 1889. т. I, стр. 27.

ритъ: „Триста поселянъ, соединившись въ ассоціацію, имѣли бы одинъ прекрасный сарай, вмѣсто трехсотъ никуда негодныхъ, имѣли бы одно хорошее заведеніе для выдѣлки вина, вмѣсто трехсотъ плохихъ; въ разныхъ случаяхъ, особенно лѣтомъ, они разводили бы три или четыре огня, вмѣсто трехсотъ; они посылали бы въ городъ только одну молочницу съ бочкою молока привѣшенной на рессорахъ, вслѣдствіе чего они имѣли бы экономію ста полудней, теряемыхъ ста молочницами, которыя несутъ въ городъ по кувшину молока". [1])

Осуществленіе идеала „земледѣльческой ассоціаціи" зависитъ отъ удачнаго опыта. Необходимо этотъ идеалъ осуществить въ жизни. Тогда всѣ увидятъ превосходство „земледѣльческой ассоціаціи" надъ существующимъ порядкомъ вещей и всѣ вступятъ въ ассоціацію. Этому поможетъ и страсть къ богатству и удовольствіямъ, которыя будетъ доставлять ассоціація своимъ членамъ, такъ что въ ассоціацію, разсуждаетъ Фурье, войдутъ и богатые и бѣдные, ибо страсти у нихъ однѣ и тѣ же.

Ассоціацію, обрабатывающую какой либо участокъ, Фурье называетъ ф а л а н г о й. Фаланга, состоящая приблизительно изъ 1600 человѣкъ, будетъ раздѣлена на 16 т р и б ъ, которыя дѣлятся на х о р ы; хоръ мужской и хоръ женскій. Каждая триба имѣетъ опредѣленное количество человѣкъ, соединяющихся въ трибы сообразно своимъ наклонностямъ, характеру и т. п. Но кромѣ этого дѣленія въ фалангѣ будетъ существовать еще и дѣленіе на с т р а с т н ы я с е р і и. „Страстная серія,—говоритъ Фурье,—есть союзъ, соединеніе различныхъ небольшихъ корпорацій или группъ, изъ которыхъ въ каждой господствуетъ какой нибудь видъ одной и же страсти, которая, слѣдовательно, составляетъ общую, родовую страсть для цѣлой серіи. Двадцать группъ, воздѣлывающихъ двадцать сортовъ розъ, образуютъ родовую серію розистовъ, и видовыя серіи бѣло-розистовъ, желто-розистовъ, махрово-розистовъ и т. д." [2]).

---

1) Щ е г л о в ъ: Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней, Спб. 1889 т. II, стр. 42.

2) Щ е г л о в ъ: Исторія соціальныхъ системъ отъ древности до нашихъ дней. Спб., 1889, т. II, стр. 50.

Теорія ассоціаціи, говоритъ Фурье, ограничивается искусствомъ сформировать и привести въ дѣйствіе страстныя серіи.

Въ самой фалангѣ будетъ существовать неравенство имуществъ; каждый членъ фаланги имѣетъ свое собственное достояніе. Лучшія части помѣщенія для фаланги фаланстера—съ видами на окрестность занимаютъ богатые, менѣе удобныя части фаланстера—предоставляются бѣднымъ. Произведенные продукты дѣлятся пропорціонально труду, капиталу и таланту; $^{4}/_{12}$ идетъ капиталистамъ, $^{5}/_{12}$ труду и $^{3}/_{12}$—познаніямъ теоретическимъ и практическимъ. И акціи, выдаваемыя участникамъ фаланги, послѣ оцѣнки всѣхъ взносовъ—землей, деньгами, вещами,—выдаются пропорціонально взносу каждаго.

Свой взглядъ на собственность вообще Фурье точно выразилъ, когда однажды, въ письмѣ къ своему ученику Ж. Макрону, говоря о сенъ-симонистахъ, сказалъ: „Проповѣдывать въ 19 вѣкѣ уничтоженіе собственности и наслѣдства — это чудовищность, отъ которой можно только пожимать плечами“.

Для того, чтобъ ясно представить себѣ жизнь въ фаланстерѣ Фурье, мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ отношеніи между полами. Въ этой области Фурье допускалъ полную свободу. Женщина въ фаланстерѣ пользуется свободой отдаваться кому она захочетъ. И Фурье создаетъ нѣсколько формъ брака: ультрагамія, омнигамія, экстрагамія. Этимъ онъ далъ поводъ цѣлому ряду писателей кричать о своемъ отрицаніи семьи.

Отмѣтимъ еще то, что воспитаніе дѣтей въ фалантерѣ Фурье предполагаетъ общественное. И страницы, посвященныя вопросу о воспитаніи, настолько глубокомысленны, что до сихъ поръ не потеряли своего интереса.

Что касается управленія будущихъ ассоціацій, то Фурье предлагаетъ для этого цѣлую іерархію чиновъ: во главѣ фаланги долженъ стоять унархъ, надъ тремя фалангами—дуархъ, надъ дуархами начальствуютъ тріархи и т. д. до омніарха,

стоящаго во главѣ фаланговъ всего міра, которому Фурье назначаетъ мѣстопребываніемъ Константинополь.

Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ ученіе Фурье.

Фурье—одинъ изъ тѣхъ глубокихъ соціальныхъ мыслителей 18 и 19 столѣтій, которые оказали большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе соціально-экономическаго міросозерцанія и служатъ родоначальниками всего послѣдующаго соціализма. не укладываясь, однако, въ схему тѣхъ ученій, появленію которыхъ они способствовали. Въ ученіи Фурье можно видѣть три элемента: 1) личнаго предвѣдѣнія, 2) элементъ психологическій и философскій и 3) элементъ политико-экономическій. Въ области политико-экономической, Фурье принадлежитъ замѣчательная схема историческаго развитія, теорія концентраціи производства и одновременнаго народнаго обнищанія.

Фурье не считалъ, что хозяйственный трудъ, по своему существу, долженъ быть непріятенъ человѣку. Нѣкоторые видятъ въ этомъ даже „великую заслугу“ Фурье [1]); но эта идея высказывалась многими значительно раньше. Фурье считаетъ, что новый феодализмъ „промышленный, финансовый и торговый“ не меньшее зло, чѣмъ феодализмъ стараго режима. Онъ, указывая на бѣдственное положеніе трудящихся классовъ, подвергаетъ жестокой критикѣ современную экономическую дѣйствительность. Цивилизація не удовлетворяетъ,—говоритъ Фурье,—„первому требованію, которое слѣдуетъ предъявить къ хорошей организаціи—требованію созданія возможно большей суммы богатства“. Цивилизованное общество состоитъ, по его мнѣнію, на $^2/_3$ изъ непроизводительныхъ элементовъ—паразитовъ; $^1/_2$ всей земли—хищные звѣри и дикари, $^3/_4$—варвары и головорѣзы и $^1/_7$ приходится на долю цивилизованныхъ и воровъ, „похваляющихся своимъ превосходствомъ и умножающихъ нищету и развратъ“.

Одной изъ важныхъ заслугъ Фурье является то, что онъ далъ могущественный толчекъ к о о п е р а т и в н о м у движенію. Не менѣе важно его обоснованіе идеи „п р а в о н а т р у д ъ“.

---

[1]) М. Туганъ-Б а р а н о в с к і й: Современный соціализмъ въ своемъ историческомъ развитіи. Спб. 1906 г., стр. 35.

Въ общемъ, Фурье является типичнымъ представителемъ, такъ называемаго, федералистическаго соціализма (реакція идеи централистическаго соціализма). Сходныя воззрѣнія мы находимъ у Томсона, Оуэна, Дюринга и др.

Еще при жизни Фурье, его ученики издавали, въ цѣляхъ пропаганды идей учителя, два журнала: „La reforme industrielle ou le phalanstère“ и „La Phalange, journal de la science sociale.“

Благодаря пропагандѣ, которую въ особенности велъ талантливый Викторъ Консидеранъ, школа Фурье пріобрѣла много новыхъ послѣдователей. Сенъ-симонизмъ, уже приближавшійся въ это время къ упадку отъ своего прежняго господства надъ умами общества того времени, далъ школѣ Фурье нѣсколькихъ дѣятельныхъ приверженцевъ. Такіе сенъ-симонисты, какъ аббатъ Трансонъ, Ж. Лешевалье и др. сдѣлались фурьеристами. Тогда возникаетъ цѣлый рядъ фурьеристскихъ изданій: „Democratie pacifique“, „Almanachs phalanstériens“ и др. во Франціи и въ другихъ странахъ, какъ напр. „The London Phalang“—въ Лондонѣ, „Phalang“ и „Harbinger“ въ Сѣверной Америкѣ.

Самъ Фурье говорилъ, что осуществленіе его плановъ зависитъ отъ опыта, который покажетъ дѣйствительную цѣну предлагаемаго имъ общественнаго преобразованія. Ученики и послѣдователи Фурье также были убѣждены въ этомъ. И еще при жизни Фурье, въ началѣ 30-хъ годовъ было приступлено къ осуществленію этого опыта. Рѣшили устроить небольшихъ размѣровъ фаланстеръ. Пріобрѣли невдалекѣ отъ Парижа землю, приступили къ постройкѣ зданія, но до конца дѣла не довели, повидимому, изъ-за возникшихъ среди самихъ иниціаторовъ разногласій. Послѣ этого опыта, послѣдователями Фурье въ 30-хъ и 40-хъ годахъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ подобныхъ опытовъ. Въ одной Сѣверной Америкѣ ихъ было болѣе 30-ти. Но ни одинъ изъ нихъ не удался. Нѣкоторые изъ фаланстеровъ просуществовали сравнительно долго, одна „фаланга“ въ Нью-Джерсѣ въ Сѣверной Америкѣ даже до 12 лѣтъ [1]), но въ концѣ концовъ они все же распались.

[1]) Она состояла изъ 112 членовъ и имѣла 670 акровъ земли; въ результатѣ—отъ фаланги остался долгъ въ 17.000 долларовъ (Semler, Geschichte des Socialismus in Nordamerica).

Всѣ эти неудачи, конечно, должны были оказать извѣстное вліяніе на послѣдователей идеи фаланстера. Большинство изъ нихъ, люди чувства, фантазіи—потеряли прежнюю вѣру или ушли изъ школы и примкнули къ другимъ, появившимся на сцену теченіямъ общественной мысли.

Ученіе Фурье нашло себѣ послѣдователей и въ Россіи. На смѣну увлеченію сенъ-симонизмомъ въ началѣ 40-хъ годовъ пришло увлеченіе фурьеризмомъ. Въ передовыхъ кружкахъ того времени изучается и оживленно комментируется среди другихъ соціалистовъ и Фурье. Герценъ, изучавшій Фурье, говоритъ, что фурьеризмъ глубже всѣхъ другихъ теорій раскрылъ вопросъ о соціализмѣ, но онъ, однако, отвергаетъ его практическія предложенія, какъ „неполное рѣшеніе задачи". Въ 1845 году горячій сторонникъ Фурье — Буташевичъ-Петрашевскій приступаетъ къ изданію и выпускаетъ въ свѣтъ два тома „Словаря иностранныхъ словъ", гдѣ въ цѣломъ рядѣ статей излагались фурьеристскія теоріи. У Петрашевскаго собирается цѣлый кружокъ лицъ, интересующихся и обсуждающихъ вопросы о преобразованіи общественнаго и политическаго строя. Здѣсь были Н. Я. Данилевскій, братья Ахшарумовы, Европеусъ, Спѣшневъ и др. Поднимался вопросъ и о томъ, чтобы привлечь правительство къ созданію фаланстеровъ, заинтересовать его въ пропагандѣ фурьеризма. Но правительство предпочло арестовать Петрашевскаго и весь его кружокъ.

Однако послѣ разгрома петрашевцевъ фурьеристскія идеи распространялись въ обществѣ. Въ рядѣ статей, печатавшихся въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Современникѣ", В. А. Милютинъ излагалъ взгляды Фурье; сторонникомъ этихъ теорій былъ и нашъ знаменитый сатирикъ М. Е. Салтыковъ-Щедринъ („Мелочи жизни"). Н. Г. Чернышевскій, придававшій Фурье большое значеніе, бо̀льшее, чѣмъ Сенъ-Симону, излагалъ, расходясь съ Фурье въ нѣкоторыхъ пунктахъ, его ученіе о привлекательности труда.

I. СОЧИНЕНІЯ ФУРЬЕ:

Fourier, Charles. 1) Triumvirat continental et paix perpetuelle sous trente ans. Lyon. 1803. 2) Théorie des quatre mouvements et des destinées générales. 425 стр. Лионъ, 1808 г.

2) Traité de l'association domestique et agricole. 2 тома. 1312 стр.

Парижъ 1822 г., въ собраніи сочиненій (изд. 1841—46 г., вошло въ т. 2—5 подъ заглавіемъ: Théorie de l'unité universelle.

3) Là fausse industrie morcelée, répugnante, mansongère, et antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, véridique quadruple produit. 2 vol. 12⁰ Парижъ. (Bossange) 1835—36.

4) Livret d'annonce du nouveau monde industriel. 1830.

5) Le nouveau monde industriel, ou invention du procedé d'industrie attrayante et combinée, distribuée en séries passionnées. XVI+576 стр. Парижъ (!) (Bossange-père) 1829. Это, одно изъ главнѣйшихъ сочиненій Фурье, было вторично напечатано въ Парижѣ, въ 1830 году. Согласно Н. Водовозову: Le nouveau monde industiel et sociétaire, Besançon. 1828.

6) Pièges et charletanisme des deux sectes Saint-Simon et Owen, qui promettent l'association et le progrès. VIII+72 стр. Парижъ, 1831.

7) Рукописи Фурье были опубликовываемы съ его смерти въ теченіе восьми лѣтъ подъ общимъ заглавіемъ: „Publications des manuscrits de Charles Fourier". Парижъ, 1851—1858 гг. Названія этихъ рукописей приведены у Stammhammer'a—Bibliographie des socialismus und Communismus. (Iena, 1883 г. Затѣмъ по смерти были напечатаны II-мъ изданіемъ: Théorie des quatre mouvements et des destinées générales (Парижъ, 1840) и Traite de l'association domestique et agricole. 4 т. Парижъ. 1841. (Перв. изд. 1822 въ двухъ томахъ). Затѣмъ также:

Fourier, Charles.—Cités ouvrières. Des modifications à introduire dans l'architecture des villes. 8⁰. Парижъ. (Libr. phalanst.). 1849 (1448 г.).

— Égarement de la raison démontré par les ridicules des sciences incertaines et frágments, 8⁰. Парижъ. (Libr. phalanst.) 1847.

— Sur l'ésprit irreligieux des modernes et dernières analogies 8⁰. Парижъ. Libr. phalanst) 1850.

— Analyse du mécanisme de l'agiotage et de la méthode mixte en étude de l'attraction. 8⁰. Парижъ (Libr. phalanst.) 1848.

— L'association et le travail attrayant. 32⁰. Парижъ. (Libr. de la Biblioth. démocratique). 1873.

— L'harmonie universelle et le phalanstère exposés sur Fourier, recueil mètodique et morseaux choisis de l'auteur. 2 vol. 12⁰ Парижъ (Libr. phalanstèrienne) 1849. Сборникъ избранныхъ сочиненій, изданныхъ учениками въ системѣ посмертная брошюра: „Anarchie industrielle et scientifique".

Собраніе сочиненій Фурье было издано:

1) Въ 6 томахъ Oeuvres complètes. Парижъ, (libr. sociétaire). 1841—48

2) Въ 12 томахъ—Oeuvres choisies. Edition Gide. Парижъ, у Cuillaumin'a, въ 1830 году.

Изъ переводовъ Фурье извѣстны:

1) The passions of the human soul and their influence on society and civilisation. Пер. съ франц. H. Doherty. 2 т. Лондонъ. 1851.

2) Die gesellschaftliche und industrielle neue Welt mit ihren Vortheilen in Vergleich der seitherigen Civilisation. Пер. Evander. 8⁰. Гейдельбергъ. 1835.

3) Cenni sul sistema di associazione universale. Миланъ. (Ambrosoli). Годъ не обозначенъ.

II. ФУРЬЕРИЗМЪ.

Фурьеристскихъ журналовъ было два:

1) Le Phalanstère, journal pour la fondation d'une phalange agricole et manufacturière, associée en traveaux et en ménage. I-ый № вышелъ 1 іюня 1832 года, послѣдній № 39 2-го тома—въ 1836 году, когда онъ преобразовался въ журналъ:

2) La Phalange, journal de la science sociale découverte et constituée par Charles Fourier. Парижъ съ 10 іюля 1836 года (т. I, № 1-й и по декабрь 1849 г. (Т. X, № 2-й). Главнѣйшими сотрудниками были

Консидеранъ, Пажэ, Виллегардэль, Луи Бланъ, Бурдонъ, Колэнъ, Контагрэль, Пелларжъ, Беррэ и нѣк. друг.

Изъ учениковъ Фурье наиболѣе извѣстны:

Vigoureux, Clarisse M-me; ея сочиненія:

1) Paroles de providence. 1-ое изд. 1834, 2-ое 1847 г.

2) Theorie sociétaire. Журнальная статья.

Considerant, Victor. Изъ его многочисленныхъ работъ болѣе извѣстны:

1) Destinées sociales, exposition élémentaire complète de la théorie sociétaire. Парижъ. 1-ое изд. 1836, 2 т., 2-ое изд.—1847—49, 3-е—1851 г.

Особенно важна для изученія фурьеризма:

2) Exposition du système phalanstérien de Fourier. 3-е изд.—1848. 4-ое—1842, 5-ое—1872, равно какъ и 3): „Le socialisme devant le Vieux monde ou le vivant devant les morts suivi de: Jesus Christ devant, les conséils de guerre par V. Meimier. Paris 1850. 4 tirage Libr. phalanstérienne.

4) Manifeste de l'école sociétaire fondée par Fourier. 1-ое изд. 1841, 2-ое изд.—1842 г.

5) Théorie de l'éducation naturelle et attrayante. Парижъ. 1845 г. Нѣмецк. переводы 1847 и 1850 г.

Toussenel: L'ésprit des bêtes. Парижъ. 1848 и 1853.

— Travail et fainéantise. etc. Парижъ. 1849.

Bergbrugger, Louis Adrien: Conférence sur la théorie sociétaire de Ch. F. Ліонъ. 1834.

Pellarin, Charles Doherty, Guillon, Hennequin, Paget и мн. другіе. Нѣкоторыя изъ сочиненій послѣднихъ, посвященныя Фурье, указаны ниже.

Cantagrel: „Du droit du travail et de son organisation pratique. Phalanga". T. II. 1845 г. Стр. 261 т. I. 1847 стр. 152.

III. СОЧИНЕНІЯ, ПОСВЯЩЕННЫЯ ФУРЬЕ.

Во первыхъ, Фурье и фурьеризму посвящены особыя главы во всѣхъ значительныхъ исторіяхъ политической экономіи, и особенно исторіи соціализма и коммунизма (напр. Энглендера, Л. Штейна, Марло, Дюринга, Меринга, Грюна, Сюдра, Рейбо и пр.), а равно въ различныхъ словаряхъ подъ соотвѣтствующей буквой помѣщаются обычныя въ такихъ случаяхъ свѣдѣнія; во вторыхъ имѣется слѣдующій рядъ монографій:

Transon: Théorie sociétaire de Ch. Fourier. Парижъ 1832.

Pompery: Théorie de Ch. Fourier, Парижъ 18° 1841.

— Système de Fourier étudié dans ses propres écrits. Парижъ (Delay) 1892.

Cantagrel: Le fou du Palais Royal, dialogue sur la théorie phalanstére: Парижъ à la libr. phalanst. 1845.

Gatti de Gamond. Fourier et son système. 5-е изд. Парижъ. 1841 г.

— Оуэнъ и его ученики посвятили Фурье рядъ статей въ ихъ журналѣ: „The New Moral World", (томы V—X), выходившемъ въ Лондонѣ съ 1834 по 1846 гг.

— Catéchisme de Fourier, ou Fourier réfuté par lui même. Парижъ. 1841. 5-ое изд. Парижъ. 1845.

Paget. Examen du systéme de Fourier. Парижъ. 1844.

Pellarin, Fourier, sa vie et sa théorie 1 и 2 изд. 1843, 4 изд. 1849,—5-ое изд. дополненное пер. 1871 съ портретомъ, lib. (Dentu).

Лучшая французская біографія Фурье, составленная къ тому же его ученикомъ; всѣ послѣдующія авторы заимствовали у него біогр. данныя.

— Notice biographique sur Charles Fourier, suivie d'une exposition de la théorie sociétaire 12°. Безансонъ (тип. Déis). 1839 г.

— Dinoux Frénée: Charles Fourier et ses disciples. 55 стр. 8° Nîmes. (тип. Clavel-Yallivet и Co). 1871.

Villegardelle Francois: Accord des intérêts dans l'associotion et besoin des communes, avec une notice sur Charles Fourier.

Парижъ. Изд. бюро библіофил. Общ. (Capelle). 1 изд.—1844. 2-е допол. и перераб. 32⁰—Парижъ 1848 (изд. тамъ же).

Warschauer Otto: Fourier. Берлинъ. 1892 г. Третій выпускъ его коммунистической библіотечки.

Pellarin Charles: Lettre de Fourier au grand juge (4 nivôse au XII). Fourier et ses contemporains. L'utopie etc. Парижъ 12⁰. Librairie de sciences sociales, 1874 г.

Muiron, Just: Nouvelles transactions sociales rèligieuses et scientifiques de Virtomnius. Paris. Bossange pére. 1832. (Muiron одинъ изъ выдающихся послѣдователей Фурье. Его-же. Sur les vices de nos procédés industriels; aperçu démontrant l'urgence d'introduire le procédè sociétaire 8⁰. Paris. 1834 г.

Becker Bernhard: Karl Fourier. Съ прилож. Der Socialpalast oder das Familistère in Guise съ портретомъ Фурье и снимкомъ фаланстера. 16⁰ Брауншвейгъ. (Bracke'jr). 1874—75.

Coignet. Bank-und Handelsform nach Fourierischen Grundsätzen, нѣм. пер. Бюркли. Цюрихъ, 1855.

Greulich: Fourier. „Jahrbücher für Socialwissenschaft", Рихтера, годъ II-ой, Цюрихъ. 1880 г. Приведена старая литература.

Booth Arthur I: Fourier. Очеркъ въ „Fortnightly Review". Лондонъ. 1872.

Georg Adler: Fourier: Handw. der Staatswis. т. III. стр. 632—633.

Bebel A: Fourier. Sein Leben und seine Theorie. Штутгартъ, 1888. (составляетъ № 17 серіи (Dietz). Интернаціон. Библіотеки); лучшая нѣмецкая монографія о Фурье. Есть русскій пер. О. Лаврова въ изд. „Просвѣщенія" Спб. (1906 г.) ц. 42 к., и въ изд. „Знанія".

Churoa: Darstellung der Socialtheorie Fouriers. Брауншвейгъ. 1840.

Dain Charles: De l'abolition de l'esclavage, suivi d'un article de Fourier. Парижъ. (Considerant) 1836 г.

Bourgin Hubert: Fourier Contribution à l'étude socialisme français. II. 1905.

Gide, Charles: Les prophéties de Fourier. Nimes. 1886.

Его же Oeuvres choisies de Fourier. (съ обширнымъ введеніемъ). Парижъ. 1889.

Barbier Olivier Al: Notice bibliographique sur Ch. Fourier въ газетѣ „Bibliographie de la France", 1837 г. и въ 1 изд. „Le Phalanstère", 1849 г. № 1 Янв.

Courceile-Seneuie: Charles Fourier, въ Dict. de l'économie politique. 1854 г.

Wolting M: Das Problem der Ehe bei Fourier und Tolstoi. въ „Neue Zeit", 1890—1 г.

Janet Paul: Charles Fourier, въ Revue des Deux Mondes № 1 окт. 1879 г.

IV. О Фурье въ Россіи.

1) Лучшей русской работой о Фурье является Водовозовъ, Н. В.: Фурье. Опытъ критическаго обзора его ученія. „Русская Мысль" 1892 г. № 9.

2) Исаевъ, А.: Мѣсто Фурье въ общественно-хозяйственной наукѣ. „Юрид. Вѣстникъ" 1880 г. кн. 5 и 6.

3) Бибиковъ, П. А.: ст. „Современные утописты.—Изложеніе и критическій разборъ теоріи Фурье" въ его книгѣ „Критическіе очерки" Спб. 1865 г.

4) Куперникъ: Шарль Фурье. „Кіевскій сборникъ въ пользу пострад. отъ неурожая". Кіевъ 1892 г. (статья слаба).

5) Щегловъ; Исторія соціальныхъ системъ. Т II. Критическое обозрѣніе ученій Фурье, etc. Спб. 1889 г.

6) Б. И. Фурье и фурьеризмъ. Казань. 1905 г. (ц. 60 коп.). стр. 95.

7) Тотоміанцъ, В.: Фурье и кооперація. Спб. 1906 г. Изд. „Лучъ" (брошюра; ст. изъ „Образованія" 1905 г. № 11—12).

Русановъ, Н.: Соціалисты запада и Россіи (Фурье, Марксъ и пр.). Спб. 1908 г.

Вильгельмъ Вейтлингъ.

(1808—1871).

I.

По общепринятому мнѣнію, германская соціалдемократія ведетъ свое лѣтосчисленіе съ 1872 года, т. е. со времени, когда еще подъ именемъ „соціалистической рабочей партіи“ она, въ лицѣ Бебеля и Либкнехта впервые вступала въ только что открытый имперскій парламентъ; по тому же воззрѣнію несложна и ея идеологія: духовными отцами соціалдемократіи были Марксъ и Энгельсъ, вліянію которыхъ подготовили почву 1848 годъ, Интернаціоналъ и Фердинандъ Лассаль.

Такова схема легенды.

Не умаляя дѣйствительно колоссальнаго значенія названныхъ писателей, но раздвигая за ними вглубь перспективу, историческое изслѣдованіе отвергаетъ юность соціалдемократіи, какъ теченія, и указываетъ на отдаленнѣйшіе этапы наростанія ея міровоззрѣнія. Въ результатѣ оказывается, что и сама идея и массовые носители ея уже болѣе столѣтія подвизаются на исторической сценѣ Европы. Истинными созидательными источниками нѣмецкой соціалъдемократіи явились: метафизическая философія XVIII вѣка, французскій утопизмъ, машинное производство и міровой рынокъ. Первые два—и въ этомъ исторія соціальной мысли первой половины XIX вѣка—преломились до своей антитезы,—вторые сплотили все возрастающее число бѣдствующихъ и ожесточающихся наемниковъ. Съ точки зрѣнія исторіи, весь вопросъ сводится къ моменту контакта этихъ двухъ силъ, и тотъ, на чью долю выпадетъ такая историческая миссія, будетъ признанъ истиннымъ родоначальникомъ рабочаго движенія. И съ этой точки зрѣнія неважно, чѣмъ именно впервые проникся рабочій классъ,—пусть пролетаріатъ потомъ дошелъ до антитезы воспринятаго имъ въ

началѣ,—важно то, что онъ проникся. Второстепенно и то, что рабочіе или тогда не были организованы или довольствовались средневѣковыми формами общенія,—громадную роль сыграло сознаніе интересовъ и возникновеніе общаго стремленія къ ихъ защитѣ. Но все это требовало времени, а отсюда ясно что формальному появленію соціалдемократіи предшествовалъ продолжительный подготовительный періодъ.

Въ этой предварительной стадіи можно различить два теченія, которыя мы назвали бы—кабинетнымъ и демагогическимъ.

Займемся первымъ, какъ болѣе раннимъ. Оно открывается гуманнымъ памфлетомъ Песталоцци и глубокомысленнымъ трактатомъ Іоганна Готлиба Фихте. Знаменательное сочетаніе: педагогъ и философъ стоятъ у колыбели новаго Евангелія міровой исторіи. Работа ихъ въ разныхъ областяхъ исторически солидарна. Трудъ Песталоцци: „Nachforschungen über den Gang der Natur in der Entwicklung des Menschengeschlechtes (1797), раскрываетъ тѣ широкіе горизонты, для которыхъ безсмертное откровеніе Фихте „Geschlossener Handelsstaat“ сообщаетъ соціальное содержаніе [1]).

Новое слово произносится не только въ Германіи и Швейцаріи. Доведенные до отчаянія дѣйствительностью, которую не оздоровили ни Руссо, ни гильотина Конвента, ни преторіанцы Наполеона, французскіе реформаторы создаютъ изъ нѣдръ своей фантазіи грандіозныя и законченныя картины иного соціальнаго будущаго, съ готовымъ строемъ, съ новою религіею съ увлекательною жизнью. Жаждущіе перерожденія обоготворили высокихъ мечтателей, создавъ нѣкоторымъ изъ нихъ уже неслыханный въ эту эпоху полурелигіозный культъ, но греза не осуществилась... И только позднѣе узнали, что утопизмъ, какъ система,—соціальный гашишъ, мечта, безъ возможности воплощенія, орудіе—безъ реальной силы, волшебный замокъ, безъ единой входной двери. Но, повторяемъ, алчущіе правды первой половины „прак-

---

[1]) До сихъ поръ остается невыясненнымъ все громадное значеніе Фихте для развитія соціализма. Если не считать недавнюю попытку призыва къ Фихте (черезъ Лассаля) Струве, въ литературѣ предмета, остается все еще единственное изслѣдованіе Маріанны Веберъ „Fichte's Socialismus“ Тюбенгенъ, 1900.

тическаго“ XIX вѣка глубоко вѣрили тогдашнимъ соціальнымъ пророкамъ Франціи.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ французскій утопизмъ становится всеобщимъ достояніемъ; нѣмцы также одѣваютъ жилеты á la Saint Simon и завязываютъ галстухи по послѣдней фурьеристской модѣ. Мечты о фаланстерахъ и безмятежномъ житьѣ икарійцевъ пришли въ Германію двумя путями: верхніе слои, уже подготовленные Фихте, или знакомились съ французскими авторами въ подлинникѣ, или довольствовались передачею, но передачею Гейне, Беттины фонъ-Арнимъ, Лоренца Штейна. Довольно трезвенная нѣмецкая интеллигенція не пускала коммунизмъ дальше гостиной, и развѣ у немногихъ, болѣе чуткихъ, прибавились новыя иллюзіи и новыя сомнѣнія, столь хладнокровно успокоенныя вскорѣ Гегелемъ. Иное дѣло низшіе слои; они заимствовали непосредственно у источника и принимали все за чистую монету. Ихъ Меккою былъ Парижъ, тогда вполнѣ гостепріимный сѣвернымъ нѣмцамъ, какъ теперь Фирвальдштетское озеро или аллеи Платера. Со всѣхъ концовъ Германіи стекались въ Парижъ многочисленные бѣглецы отъ звѣрскаго прусскаго сыска, политическіе агитаторы, юноши „пораженные міровой скорбью“ и безконечныя вереницы странствующихъ,—въ силу многовѣкового обычая своей профессіи,—ремесленниковъ. Они возвращались на родину опредѣленно настроенные, съ жаждою радикальныхъ преобразованій и подготовляли почву для смѣны кабинетнаго теченія—демагогическимъ.

Въ ихъ числѣ былъ и Вильгельмъ Вейтлингъ, пролетарій по рожденію, бродячій портной по профессіи, оригинальный мыслитель и недюжинный агитаторъ по призванію.

Освоившись въ Парижѣ съ доктринами французскихъ утопистовъ, особенно съ ученіемъ Этьена Кабэ, Вейтлингъ переработалъ воспринятое по своему въ 40-хъ годахъ развилъ свои мысли въ цѣлое своеобразное соціалистическое ученіе, проникнутое религіознымъ духомъ его среды и того времени. Свои задушевныя думы онъ излагалъ въ книжкахъ и въ статьяхъ, имъ же издаваемыхъ газетъ. Одаренный отъ природы красотою и мощною фигурою, краснорѣчивый и фанатичный, Вейтлингъ говорилъ и писалъ

пламеннымъ, полубиблейскимъ языкомъ, наминающимъ проповѣди вождей анабаптизма.

Въ итогѣ, упорный и даровитый демагогъ не могъ не имѣть успѣха; его пропаганда вызвала первое сознательное массовое движеніе обездоленнаго рабочаго люда Германіи. Внѣдривъ въ пролетаріатъ соціальное недовольство и начатки стремительнаго самоопредѣленія, прививъ ядъ идеалистическаго исканія, Вейтлингъ тѣмъ самымъ создалъ эмбріонъ будущей соціалъ-демократіи.

Итакъ, это онъ,—геніальный рабочій, самоучка,—сомкнулъ цѣпь идеи и среды, вызвалъ контактъ и, перевернувъ страницу соціальной исторіи, сталъ родоначальникомъ нѣмецкаго рабочаго движенія.

II.

Жизнь этого историческаго человѣка интересна и поучительна. Вильгельмъ Вейтлингъ изъ Магдебурга, родился 9 октября 1808 г. въ очень бѣдной рабочей семьѣ. Кто былъ его отцомъ—мы не знаемъ. Въ метрической книгѣ записано только имя его матери, Христины Вейдлингенъ изъ Геры, и указаны два воспріемника, сапожникъ Іоахимъ Кемпфъ и каменьщикъ Іоганнъ Вейдлингъ. Такимъ образомъ ясно, что Вейтлингъ былъ внѣбрачнымъ ребенкомъ. Онъ выросъ, по собственному указанію, въ крайней нищетѣ и въ большихъ лишеніяхъ. Подросткомъ юный Вильгельмъ обучился портновскому ремеслу и, по обычаю нѣмецкихъ ремесленниковъ, уже съ двадцатилѣтняго возраста, т. е. въ 1828 году велъ бродячую жизнь по всей Германіи. Эта школа жизни обогащала, конечно, наблюдательный умъ и дала возможность обостриться тому острому чувству негодованія противъ соціальной неправды, которое въ высшей мѣрѣ характеризуетъ Вейтлинга. Въ серединѣ 30-хъ годовъ нашъ странствующій подмастерье попадаетъ въ Парижъ, куда въ то время былъ еще вполнѣ открытъ доступъ нѣмецкому ремесленнику. Въ Парижѣ Вейтлингъ остается нѣсколько лѣтъ подрядъ и не тратитъ времени даромъ. Парижъ того времени былъ ареною борьбы различныхъ коммунистическихъ

школъ и теченій. Властителями думъ не только молодыхъ поколѣній, но, въ извѣстной мѣрѣ, и всего рабочаго класса, были Бабефъ, Фурье, сенсимонисты Анфантенъ и Базаръ, Кабэ. Бѣдный нѣмецкій ремесленникъ, попавъ въ Парижъ, быстро проникается коммунистическими идеалами, увлекается ими и съ азартомъ истиннаго прозелита рѣшается посвятить свою жизнь ихъ пропагандѣ. Все это радикальнымъ образомъ измѣняетъ и его прежнюю профессію и все его міровоззрѣніе, ранѣе довольно неопредѣленное и неинтересное. Въ свою очередь французскій коммунизмъ претерпѣваетъ рѣшительную переработку въ умѣ талантливаго и бывалаго нѣмецкаго ремесленника.

Въ Парижѣ Вейтлингъ знакомится также съ тайнымъ нѣмецкимъ революціоннымъ обществомъ того времени, съ „Союзомъ Справедливыхъ“, и принимаетъ отнынѣ горячее участіе въ томъ движеніи, которое вызывалось и поддерживалось нѣмецкими эмигрантами.

Въ Парижѣ, какъ позднѣе и въ другихъ мѣстахъ, Вейтлингъ, въ силу его природнаго краснорѣчія и благодаря опубликованію его первой и весьма интересной брошюры: „Человѣчество какъ оно есть и какъ оно должно быть“ (Die Menschheit wie sie ist und wie sie sein sollte“ 1833), сразу обратилъ на себя вниманіе тогдашнихъ радикальныхъ кружковъ. Еще большій успѣхъ Вейтлингъ имѣлъ въ Швейцаріи, куда онъ переселился изъ Парижа въ 1841 году.

Переѣздъ въ Швейцарію былъ уже шагомъ въ Германію. Дѣло въ томъ, что Швейцарія въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка играла для Германіи ту же роль, что позднѣе Бельгія для Франціи, или Лондонъ и Женева для русскихъ. Изъ Швейцаріи Вейтлингу уже было легко распространять свои взгляды на родину.

И вотъ, изъ Швейцаріи, благодаря Вейтлингу, новыя французскія идеи проникаютъ въ Германію. Страна Флоріана Гейера и Томаса Мюнцера вновь начинаетъ прислушиваться къ совершенно утраченной ею соціальной идеѣ. Франція, такимъ образомъ, сыграла роль воскресительницы соціальнаго настроенія въ нѣмецкой странѣ.

Эта связь была ясно понята и формулирована еще въ 1844 году Карломъ Марксомъ, который на страницахъ „Deutsche — Französche Jahrbücher“, пророчески возвѣстилъ міру слѣдующія замѣчательныя слова: „Эмансипація Германіи будетъ эмансипаціею всего человѣчества, но когда въ Германіи все будетъ готово, то возстаніе вспыхнетъ только по пробуждающемуся пѣнію галльскаго пѣтуха“.

Уже было сказано, что въ 1841 году Вейтлингъ поселился въ Женевѣ. Здѣсь его взгляды нашли себѣ полное сочувствіе въ средѣ бѣдныхъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, не подражавшихъ зажиточнымъ швейцарцамъ въ ихъ слабости къ частной собственности. Въ многочисленныхъ, ютившихся тогда въ Швейцаріи нѣмецкихъ рабочихъ ферейнахъ горячее слово Вейтлинга имѣло большой успѣхъ. Въ Швейцаріи же Вейтлингъ сталъ еще болѣе радикаленъ и рѣзокъ, подъ вліяніемъ ученика Прудона, анархиста Мозеса Гессъ, оригинальность мысли котораго, запальчивость и рѣзкость пріемовъ вліяли на людей впечатлительныхъ.

Въ цѣляхъ болѣе успѣшной пропаганды, Вейтлингъ, живя въ Вёве, съ осени 1841 года приступаетъ къ изданію рабочей газеты: „Hülferuf der deutschen Jugend“. Вышло 4 номера. Этотъ же органъ издавался позднѣе подъ заглавіемъ: „Die junge Generation“.

Въ 1842 году Вейтлингъ издаетъ свое главное сочиненіе „Гарантіи гармоніи и свободы“, „Garantien der Harmonie und Freiheit“. Эта книжка была отпечатана въ значительномъ для того времени количествѣ 2 тысячъ экземпляровъ.

Вѣрные друзья и единомышленники Вейтлинга, Августъ Бекеръ и Симонъ Шмидтъ, переѣзжали изъ кантона въ кантонъ, распространяя, и не безъ успѣха, книжку своего друга.

Весною 1843 года Вейтлингъ отправился въ Цюрихъ, несмотря на предупрежденіе Фрёбеля (извѣстнаго педагога), доказывавшаго, что въ этомъ кантонѣ, въ виду особо религіознаго настроенія населенія, Вейтлингу не прожить. Такъ и случилось. Въ Цюрихѣ знали Вейтлинга, какъ автора „Евангелія бѣднаго грѣшника“, гдѣ Христосъ изображается провозвѣстникомъ коммунистическаго ученія. По примѣру старыхъ нѣмецкихъ религіозныхъ реформаторовъ,

Карлсштадта и Мюнцера, Вейтлингъ признавалъ христіанство первоисточникомъ демократическихъ идей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ считалъ, что каждое соціальное ученіе должно примкнуть къ христіанству, согласоваться, а не уничтожать религію. Послѣднюю должно, по мнѣнію Вейтлинга, использовать для политическаго и соціальнаго освобожденія человѣчества. Наконецъ, въ брошюрѣ высказывался рядъ радикальныхъ взглядовъ на роль духовенства и на необходимость реорганизаціи современнаго соціальнаго строя.

Все это, вмѣстѣ взятое, вызвало энергичное преслѣдованіе Вейтлинга цюрихскою полиціею, тѣмъ болѣе, что и печаталась сама книжка въ одной изъ цюрихскихъ типографій.

Рукопись и первые отпечатанные листы были конфискованы, а самъ авторъ присужденъ къ тюремному заключенію. Въ тюрьмѣ, куда попалъ Вейтлингъ, онъ составилъ сборникъ „Тюремной поэзіи“ (Kerkerpoesie—), который появился вскорѣ въ свѣтъ съ посвященіемъ матери автора.

Выпущенный изъ цюрихской тюрьмы, Вейтлингъ былъ высланъ въ Германію. На баденской границѣ онъ былъ арестованъ и выпровоженъ въ Пруссію, а затѣмъ въ Гамбургъ. Здѣсь онъ знакомится съ Генрихомъ Гейне.

Знакомство ихъ произошло въ книжной лавкѣ Гоффмана и Кампе, о чемъ мы знаемъ изъ разсказа Г. Гейне объ этой встрѣчѣ. Разсказывая объ этомъ Гейне попутно характеризуетъ нѣмецкое революціонное движеніе, сравнивая его съ англійскимъ. Онъ говоритъ: „Англійскіе чартисты руководились только голодомъ, а не идеей; если они утоляютъ свой голодъ ростбифомъ и плум-пуддингомъ, а жажду добрымъ элемъ,-то становятся неопасными: они отваливаются (отъ соціальнаго вопроса), какъ напившіяся піявки“. Иное впечатлѣніе произвели на него отечественные агитаторы, въ частности Вейтлингъ. „Болѣе или менѣе тайные руководители нѣмецкихъ коммунистовъ—говоритъ онъ далѣе,—великіе логики, а самые сильные изъ нихъ вышли изъ школы Гегеля„.—„Они единственно живые люди въ Германіи“,—удостовѣряетъ Гейне,—и имъ,—пророчески добавляетъ геніальный сатирикъ,—принадлежитъ будущее“.

Затѣмъ Вейтлингъ переселяется въ Лондонъ, гдѣ англійскіе, нѣмецкіе и французскіе соціалисты встрѣтили его съ распростер-

тыми объятіями, называя „мужественнымъ и высокоталантливымъ вождемъ нѣмецкихъ коммунистовъ“. Но въ Лондонѣ Вейтлингъ все же не обосновался. а въ 1846 году получивъ письмо отъ Кригея, перебрался въ Америку, гдѣ принялъ предложенное ему редактированіе „Volkstribun'a“ и гдѣ продолжалъ попрежнему агитировать. Центромъ его дѣятельности и пропаганды былъ „Союзъ Освобожденія“ — американское общество нѣмецкихъ коммунистовъ.

Изданіе „Volkstribun'a“ не пошло, и литературная склонность Вейтлинга вылилась въ изданіи и личной продажѣ имъ же написанныхъ брошюръ. Такъ, впервые появились здѣсь: „Nothruf an die Männer der Arbeit und der Sorge“ и англійскій переводъ „Евангелія бѣднаго грѣшника“ („The gospel of the poar sinner“[1]). Друзьями Вейтлинга въ этотъ періодъ были: Альбертъ Брисманъ и нѣкоторые другіе американскіе фурьеристы. Часть изъ нихъ принадлежала къ обширному по тогдашнему времени союзу: „Der Befreiungsbund“. Программа союза представляла собою смѣсь государственно — соціалистическихъ и коммунистическихъ идей, облеченныхъ въ масонскую внѣшность. Пропагандируя свои идеи и агитируя въ пользу „Союза Освобожденія“, неутомимый Вейтлингъ предпринялъ въ началѣ 1848 года обширную поѣздку по штатамъ и доѣхалъ до Новаго Орлеана. Вернувшись въ Нью-Іоркъ, онъ узналъ о революціонномъ движеніи въ Германіи.

Революція 1848 году увлекла Вейтлинга въ Берлинъ. Онъ принялъ энергичное участіе въ движеніи и даже издавалъ коммунистическій листокъ: „Der Urwähler“. Въ октябрѣ того же года онъ принялъ участіе во второмъ демократическомъ конгрессѣ, а спустя мѣсяцъ былъ высланъ изъ Берлина.

Въ Гамбургѣ, гдѣ онъ временно основался, ему удалось организовать нѣсколько отдѣленій „Союза Освобожденія“, съ крайне революціонно-коммунистической программой. Когда въ августѣ 1849 года гамбургская полиція выступила противъ этой агитаціи, Вейтлингъ вновь уѣзжаетъ въ Америку. Здѣсь онъ пытался основать

---

1) Schlüter, Hermann: Die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung in America. Штуттгартъ, 1907, стр. 49. Въ книгѣ Шультера впервые собраны свѣдѣнія объ американской жизни Вейтлинга; отсюда и заимствуемъ соотвѣтствующія данныя.

въ штатѣ Висконсинъ коммунистическую общину, при содѣйствіи организованнаго имъ рабочаго союза. Но осуществленію его идей помѣшала распря между его послѣдователями. Съ этого момента Вейтлингъ уже совершенно сходитъ со сцены. Онъ поступаетъ писцомъ въ переселенческое бюро, а свое свободное время посвящаетъ астрономіи и изобрѣтенію портновской машинки для выдѣлки петель. Но эти занятія были уже совершенно безплодными; его астрономическія открытія, какъ оказывается, извѣстны за тысячу лѣтъ до него, а секретъ остроумной машины для выдѣлки петель такъ и остается неоткрытымъ. Вейтлингъ умеръ 25-го января 1871-го года.

Такова богатая гоненіями и лишеніями жизнь родоначальника нѣмецкаго (современнаго) соціальнаго движенія.

Присмотримся ближе—каково было содержаніе его сочиненій, въ чемъ заключались его идеи и какое мѣсто въ исторіи нѣмецкаго соціализма возможно отвести этому дѣятелю.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію сочиненій Вейтлинга.

1. Проектъ общества коммунистическаго развитія,—рукописъ, найденная у Вейтлинга при обыскѣ въ Цюрихѣ. Содержаніе идей слѣдующее: пропаганда всегда возможна, ее можетъ вести и небольшое число людей, пользуясь всякимъ подходящимъ случаемъ. Для перехода къ лучшему соціальному будущему необходимы: общее братство, забвеніе собственности, введеніе въ обращеніе „ты“, прощеніе обиды, постоянное общеніе и разсматриваніе причиненія непріятностей, какъ болѣзненнаго явленія; изученіе и обсужденіе всѣхъ соціальныхъ системъ; умѣренность. Принимая новаго члена въ такой союзъ, ему должны предлагать нижеслѣдующій вопросъ: „Мы, рабочіе, наконецъ устали трудиться для лѣнтяевъ и пр., мы желаемъ жить вмѣстѣ новою жизнью, хочешь ли такъ, какъ и мы?“

2. Гарантіи свободы и гармоніи.

Основныя идеи этого произведенія слѣдующія:

Языкъ, границы, отечество—все это не нужно, какъ не нужны и существующія догмы. Люди должны жить общею равною и свободною жизнью. Новая организація общества должна порвать со всѣмъ старымъ. Каждый долженъ имѣть дѣло на то же удовле-

твореніе потребностей, что и другой. Работа должна давать возможность проявлять всѣ способности.

Коренная причина соціальной неурядицы—нарушеніе гармоніи и равновѣсія между потребностями и способностями. Гармонія заключается въ дружественномъ семейномъ союзѣ обнимающемъ все человѣчество.

Все управленіе должно находиться въ рукахъ ученыхъ и геніевъ: философовъ, физиковъ, механиковъ. Верховною инстанціею является „Совѣтъ трехъ".

Во всей системѣ управленія, какъ въ центральныхъ, такъ и въ мѣстныхъ органахъ—выборное начало. „Центральныя компаніи" вѣдаютъ управленіе „провинціальными компаніями" и занимаются преимущественно научными и техническими вопросами.

Существуетъ, по Вейтлингу, три сорта труда: необходимый, полезный и пріятный. Первые два опредѣляются въ часахъ и дѣлятся на число способныхъ къ труду. По мнѣнію Вейтлинга, примѣрно, для удовлетворенія жизненныхъ потребностей государство должно требовать отъ каждаго шестичасового труда. Самое занятіе, выборъ вида труда и профессіи, вполнѣ зависитъ отъ воли каждаго. Но такъ какъ у всякаго человѣка могутъ найтись и другія потребности, напримѣръ, къ роскоши, къ комфорту, то для удовлетворенія такихъ потребностей надо работать большее количество чѣмъ шесть часовъ. Каждый часъ сверхъ общей шестичасовой нормы заносится въ особую „коммерческую" книгу, какъ „коммерческій часъ". На деньги, полученныя за коммерческіе часы, каждый въ концѣ года можетъ пріобѣтать все то, что ему лично нравится.

Воспитаніе дѣтей производится за общественный счетъ; все дальнѣйшее образованіе—также за счетъ общества. Судъ и тюрьмы во всей странѣ уничтожаются, а всѣ преступники лѣчатся въ особыхъ учрежденіяхъ, какъ больные.

Для реализаціи этихъ идей Вейтлингъ видѣлъ два пути—пропаганду и ухудшеніе существующихъ условій. Второй путь Вейтлингъ считалъ болѣе дѣйствительнымъ.

Для предварительнаго приведенія въ исполненіе своихъ плановъ Вейтлингъ считалъ необходимымъ: уничтоженіе всѣхъ гряз-

ныхъ жилищъ, всего грязнаго платья и бѣлья, полную отмѣну всѣхъ долговъ.

Объективная критика не можетъ не отмѣтить заимствованія Вейтлингомъ ряда, и притомъ основныхъ, идей у французскихъ коммунистовъ но какъ въ общей концепціи, такъ и въ оттѣнкахъ видно нѣчто свое, самобытное.

Вейтлингъ не просто заимствуетъ и перелагаетъ. Французскій утопизмъ, изысканный и аристократическій, въ своемъ изящномъ полетѣ превращается въ умѣ Вейтлинга въ суровое демократическое ученіе.

Сектантская замкнутость и извѣстное самодовольство, которымъ проникнуты всѣ эти глубокія въ своихъ необъятныхъ историческихъ перспективахъ картины несбыточнаго будущаго, смѣняется у него безпокойнымъ настроеніемъ разгнѣванной улицы, революціоннымъ порывомъ. То, что Фурье и Сенъ-Симонъ ждали отъ королей и милліонеровъ, Вейтлингъ ожидаетъ отъ революціи. Вмѣсто чуда онъ вѣритъ въ свои силы; Вейтлингъ, какъ рабочій, привыкъ полагаться только на себя, справедливо думая, что соціальное счастье не дается, а берется съ бою. И кто упрекнетъ энтузіаста бѣдняка, что онъ этотъ первый дерзнувшій пролетарій, чуждый систематическаго образованія дѣлаетъ ошибки въ своихъ историческихъ и философскихъ доводахъ. Не въ нихъ, не въ объективной логичности и сухой эрудиціи его сила и власть надъ поколѣніемъ. И пусть онъ всю исторію культуры наивно считаетъ исторіею разбоевъ, пусть онъ искренне вѣритъ въ свою убогую, какъ и его бюджетъ, бухгалтерію „коммерческихъ часовъ“,—его пути прямѣе французовъ ведутъ къ цѣли, его ученіе даетъ уже нѣчто всѣмъ тѣмъ, кто, какъ и онъ, перенесъ на себѣ всѣ ужасы нищеты, всѣ тяжести обратной стороны европейской цивилизаціи.

Общія мѣста и блестящія мысли французскаго генія—Вейтлингъ превращаетъ въ практическія наставленія и реальныя требованія честной нѣмецкой натуры. Вмѣсто изысканнаго пафоса умозрительнаго благожелательства у Вейтлинга горькія замѣчанія обездоленнаго, но глубоко вѣрующаго въ просвѣтъ и побѣду труженника, беззавѣтно любящаго свой угнетаемый народъ. Онъ не чуждый жизни сектантъ, а пропагандистъ, агитаторъ.

Все это несомнѣнно крупный историческій шагъ впередъ по пути развитія соціальной доктрины, но шагъ все еще не окончательный. Несмотря на свой революціонный демократизмъ, ремесленникъ Вейтлингъ еще чуждъ истинной пролетарской точки зрѣнія, того специфическаго чувства, той принципіальности опредѣленнаго и яснаго міровоззрѣнія, которое дается усвоеніемъ классового міропониманія. Вейтлингъ не отрицаетъ значенія политической свободы, но, въ концѣ концовъ, чисто анархически думаетъ, что при наличности современной денежно товарной системы никакимъ парламентаризмомъ ничего нельзя сдѣлать. И хотя онъ осуждаетъ Фурье и фурьеристовъ, по системѣ которыхъ не только трудъ, но и талантъ и капиталъ получаютъ соотвѣтственное вознагражденіе,— онъ и самъ еще не чуждъ утопизма и коммунистическаго сектантства въ своихъ мечтахъ объ общихъ столовыхъ и иныхъ эгалитарныхъ предпріятіяхъ старой соціальной рецептуры. И въ то же время Вейтлингъ, хотя и неясно, но все же признаетъ и значеніе политической власти для рабочаго класса, но безъ яснаго объ этомъ отчета и безъ очевидныхъ логическихъ выводовъ.

Въ результатѣ Вейтлингъ чуждъ и послѣдующаго пролетарскаго самосознанія, первые проблески котораго у него все же замѣчаются, и того буржуазнаго утопизма предыдущей эпохи, отъ котораго онъ все же неокончательно освобождается. Другими словами, Вейтлингъ—типичная переходная фигура отъ кабинетнаго утопизма къ пролетарскому соціализму.

Стоя еще во многомъ на почвѣ французовъ, Вейтлингъ уже революціонеръ новаго времени и новаго типа и, какъ первый успѣшный агитаторъ нѣмецкаго рабочаго класса, можетъ быть, по справедливости, названъ и родоначальникомъ нѣмецкаго рабочаго движенія.

Литература соціальной исторіи XIX вѣка несправедлива къ Вейтлингу; въ историческихъ описаніяхъ рабочаго движенія Европы, хотя и вспоминаютъ Вейтлинга, но о роли его позабыли и значеніе умалили. Въ исторической перспективѣ Вейтлингъ какъ бы прячется за великими тѣнями полубоговъ дальнѣйшей соціальной исторіи. Колоссальныя фигуры Фердинанда Лассаля, Карла Маркса,

Энгельса и Родбертуса заслонили скромнаго рабочаго, но ему мѣсто рядомъ съ ними.

Это, впрочемъ, сознавали его современники. Людвигъ Фейербахъ, получивъ отъ одного ремесленника книгу Вейтлинга, былъ пораженъ силою его слова и сказалъ, что „это пророкъ своего сословія". Суровый и скупой на похвалы, Энгельсъ называетъ Вейтлинга „единственнымъ нѣмецкимъ соціалистомъ, который дѣйствительно что либо сдѣлалъ". А безпощадный и саркастическій Марксъ, гнѣвно спрашиваетъ, можетъ ли вся блестящая буржуазія указать на такое свое евангеліе, какъ рабочій классъ въ трудѣ Вейтлинга. Онъ же называетъ фигуру Вейтлинга „атлетомъ пролетаріата".

И мы должны воздать должное забытому. Вейтлингъ открылъ тріумфальное шествіе рабочаго движенія Запада, первый влилъ пламенную мысль въ дремавшій пролетаріатъ. И всюду, гдѣ создается классовое движеніе, всюду, гдѣ соединяются обездоленные въ защиту своихъ интересовъ, должны помнить имя родоначальника нѣмецкаго рабочаго движенія —портного Вильгельма Вейтлинга.

Литература и источники о Вейтлингѣ:

1. Die Communisten in der Schweiz nach den, bei Weitling vorgefundenen, Papieren. Komissional bericht an die H. Regirung des Stadtes Zürich (von Bluntschli). Цюрихъ, 1843. (То же во франц. переводѣ).

2. Generalbericht an den Staatsrath von Neuschatel über die geheime deutsche Propaganda, 1846.

3. Rückerinnerung an den in Zürich entdeckten Schweizer Communismus, анонимно, 1843.

4. Der Communismus in seiner praktischen Anwendung auf das sociale Leben. 1843.

5. Ueber den Communismus in der Schweiz, 1843.

6. Seiler, Sebastian: Der Schriftsteller Wilhelm Weitling und der Kommunistenlärm in Zürich. Eine Verteidigungsschrift 8°, Бернъ (Jenni Sohn), 1843.

7. Lorenz Stein: Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs. Ein Beitrag zur Zeitgeschichte, 2 изд. Лейпцигъ (Wigand), 1848, стр. 586—587.

8. Weitling, W, und seine System; „Die Zukunft", Jahrgang, Берлинъ, 1877/78.

9. Kaler: Wilhelm Weitling, seine Agitation und Lehre, Zürich 1887, 2 изд., Verlag „Vorwärt.", Берлинъ (годъ ?).

10. Der Communismus und die liberalen Bestrebungen unserer Zeit. Въ „Das Vaterland" № 234, 235. Дармштадтъ. 1843.

11. Clark, F. C.: A neglected socialist,—въ анналахъ америк. академіи полит. и соц. знаній за 1895.

12. (Мерингъ) Вильгельмъ Вейтлингъ (біографическій очеркъ), пер. съ нѣмецк. Мандельштама, безъ указанія нѣм. автора. Спб. 1906, изд. „Молотъ“.

13. Величкина, В.: Вильгельмъ Вейтлингъ. Спб. 1906, изд. „Впередъ“.

14. Hildebrand: Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft. Т. I. Франкфуртъ на Майнѣ 1848.

15. Wermuth und Stieber: Die Kommunisten der Schwörungen des 19 Jahrhundertes. 2 часть. Берлинъ. 1853.

16. Marx, C.; Herr Vogt. Парижъ. 1860.

17. Adler: Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland. Бреславль. 1885.

18. Schlüter: H.: Die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung n Amerika. Штуттгартъ (Dietz). 1907.

Сочиненія В. Вейтлинга:

1. Die Menschheit, wie sie ist und sein sollte. 1 изд., 12 анонимное вышло въ 1838 году; 2-ое изд., 8⁰,—Бернъ (Jenni Sohn), 1845. 3-е изд. (современное), Мюнхенъ 1895 г.; рус. пер. Чернявскаго („Человѣчество, каково оно есть и какимъ оно должно быть“), изд. „Просвѣщенія“. Спб. 1906 г.

2. „Der Hilferuf der deutschen Jugend“, ежемѣсячн. журналъ, издавался въ Женевѣ, 1 № вышелъ 1 сент. 1841 года и на 4 № прекратился. Затѣмъ выходилъ подъ названіемъ: „Die junge Generation“, Monatsschrift, выходилъ въ 1842—43 г. въ Бернѣ, Веве, Лангенталѣ и Цюрихѣ.

3. Garantien der Harmonie und Freiheit, Vivis (selbstverlag), 8⁰, декабря 1842 года; 2-ое изд.—тамъ же въ 1845 г.; 3-ье изд., 8⁰, Гамбургъ, 1849.

4. Kerkerpoesien, 8⁰, Гамбургъ (Hoffmann und Campe). 1844.

5. Das Evangelium eines armen Sünders, есть русскій переводъ съ біографіей автора, 8⁰, Бернъ (Jenni), 1845. 2-ое дополн. изд., 8⁰, Барсфельдъ, 1846, 3-ье изд. New-Jork 1847; французскій пер. Critique réligieuse du communisme, Vevag, 1846. 4-ое изд. (1-ое современное), München (Ernst), 1894. 5-ое (2-ое современ.) тамъ же съ предисловіемъ Eduard'a Fuchs'a 1896.

6. Briefe an die Landsleute, 1847.

7. Ein Nothruf an die Männer der Arbeit und Sorge, 8, New-Jork 1847; 2-ое изд. 1848.

8. „Republik der Arbeiter“, herausg. von W. Weitling, журналъ Нью-Іоркъ, 1851—54.

9. „Der Urwähler“ Wochenblatt, Берлинъ 1848, послѣ 8 №№ превратился въ „Urwähler-Zeitung“, Organ für Jedesmann aus dem Volke. Berlin (Rud Liebmann), № 1,—29 марта 1849, № 226—30 дек. 1845 г.; затѣмъ превратился въ „Berliner Volkszeitung“. Предполагается, какъ объявлено въ предисловіи Е. Fuchs'a, ко 2-му соврем. изданію „Евангеліе бѣднаго грѣшника“ издать полное собраніе его сочиненій съ историобіографическимъ введеніемъ Гуго.

Луи Бланъ.

(1811—1881).

Луи Бланъ родился 29 октября 1811 года; онъ сынъ чиновника. Воспитаніе Бланъ получилъ въ коллегіи города Родоса. По окончаніи послѣдней, 17-лѣтній Бланъ долженъ былъ уже снискивать себѣ пропитаніе уроками. Окружающіе долгое время мало довѣряли юному педагогу, къ тому же еще маленькаго роста.

Въ концѣ 30-хъ годовъ онъ выступилъ въ качествѣ литератора. Двѣ его стихотворныя поэмы получили премію Аррaской академіи, а политическія статьи печатались въ Аррaской газетѣ „Les progrés du Pas-de-Calais“.

Въ 1833 году онъ переселяется въ Парижъ, гдѣ сотрудничаетъ въ газетѣ „Bon Sens“. Статьи его имѣли большой успѣхъ. Въ 1838 г. онъ основалъ свою собственную газету „La revue du progrès politique, social et littèraire“,—значительное мѣсто въ которой было отведено рабочему вопросу. Въ слѣдующемъ году, за статью противъ Луи Бонапарта онъ подвергся внезапному ночному нападенію, едва не стоившему ему жизни. Будущій императоръ, тогда только просто Луи Бонапартъ, издалъ книгу: „Les idées napolèonniennes“, на которую Бланъ отвѣтилъ рѣзкою критикою. „Вы намъ предлагаете,—говоритъ Луи Бланъ,—все то, что было дѣломъ вашего дяди, кромѣ войны... Ахъ милостивый государь, вѣдь это будетъ деспотизмъ, только безъ славы, это дворъ надъ нашими головами, но безъ Европы у нашихъ ногъ, это имперія, но безъ императора“.

Въ томъ же 1839 году на страницахъ его газеты появилось его самое извѣстное сочиненіе „Organisation du travail“, которое сыграло видную роль въ ходѣ соціальныхъ событій Франціи. Оказавъ большое вліяніе на рабочихъ Парижа, эта книга имѣла выдающійся успѣхъ и далеко за его предѣлами.

Газета Блана прекратилась въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, такъ какъ Бланъ принялся за изданіе обширнаго 6-ти томнаго труда: „Histoire de dix ans“, первый томъ котораго вышелъ въ Парижѣ въ 1841 году. Покончивъ съ этимъ сочиненіемъ, Луи Бланъ приступилъ къ новому своему, самому большому, труду: „Histoire de la révolution française“. Изъ 15 напечатанныхъ имъ томовъ до 1848 года вышли два. Объ „Исторіи“ имѣли колоссальный успѣхъ, особенно „Исторія десяти лѣтъ“, которая въ короткій промежутокъ времени, несмотря на свой большой объемъ, выдержала рядъ изданій.

Въ то же время Луи Бланъ принимаетъ участіе въ вліятельной парижской газетѣ „Reforme“. Имя его стало настолько извѣстнымъ, что въ 1846 году ему предлагали быть членомъ палаты депутатовъ.

Особенно выдвинула Луи Блана революція 1848 года, въ которой передовымъ бойцомъ уже оказывался пролетаріатъ. Были моменты, когда самое осуществленіе новаго соціалистическаго строя казалось практически легко исполнимымъ.

Но въ Парижѣ возставшій пролетаріатъ былъ раздавленъ артиллеріею Кавеньяка, и движеніе потонуло въ грандіозныхъ сѣрыхъ волнахъ буржуазіи. Но пропасть, раскрывшаяся такимъ образомъ между пролетаріатомъ и буржуазіей не исчезла. Лучшіе умы тщетно пытались перебросить черезъ нее спасительные мостики.

Этотъ антагонизмъ обоихъ классовъ сталъ рѣзко проявляться во Франціи еще съ самаго начала 40-хъ годовъ. И, примѣрно, съ этого времени пролетаріатъ все больше приходитъ въ возбужденіе, движимый двумя магическими формулами: организація труда и право на трудъ [1]). Буржуазія глядѣла встревоженно на предвѣстниковъ новой бури.

Король, между тѣмъ, былъ занятъ династическими планами и

---

1) Ламартинъ: „Histoire de la révolution de 1848. Парижъ 1849 г. т I. стр. 329: „Le mot d'organisation du travail était devenu, grâce à l'obscurité des termes, depuis dix ans le mot de la croisade des prolétaires contre l'état politique et social“.

Тоже у Гарнье: статья его „quelques mots d'explication et d'histoire au sujet des principales formules socialistes“, въ „Journal des Economistes“ 1848 г. т. XX стр. 375 и слѣд.

интригами противъ мѣшавшихъ ему англійскихъ министровъ. Когда суровый и набожный Гизо вступилъ въ 1840 году на постъ премьера во Франціи, противъ короля и капиталистовъ въ обществѣ и парламентѣ подняла голову либеральная оппозиція, несмотря на то, что парламентъ превратился почти въ клубъ короля, эта оппозиція требовала реформъ въ самой парламентской системѣ Франціи. „Но среди рабочаго населенія Парижа, — говоритъ Файфъ, [1]) — дѣйствовали другія силы и другія идеи, сравнительно съ тѣми, что занимали собою политиковъ собранія. Теоріи соціализма, увлекавшія въ первые годы царствованія Луи Филиппа только немногихъ мыслителей и читателей, глубоко распространились въ массы народа и обратились въ символъ вѣры бѣдняка".

Смѣлые парадоксы Сенъ-Симона и Шарля Фурье разбудили дремавшую мысль, а рѣдкій по фанатизму энтузіазмъ, изступленная страстность, непоколебимая вѣра въ свое ученіе — двинули общество въ сторону экономическихъ вопросовъ. Экономизмъ, переустройство соціально-экономическаго строя стало девизомъ дня. Тутъ уже не трудно было указать на роль пролетаріата, особенно страдавшаго отъ тогдашней экономической системы. И на эту роль пролетаріата указалъ впервые Луи Бланъ.

„Идея новаго общественнаго строя овладѣла умами рабочаго сословія въ предмѣстьяхъ Парижа не въ какой либо отдаленной или сложной формѣ. Рабочій читалъ у Луи Блана, самаго новаго и понятнаго изъ преподавателей, о правѣ труда, объ обязанности государства доставлять работу своимъ гражданамъ. Это было нѣчто дѣйствительное и обязательное. За это онъ былъ готовъ, въ случаѣ надобности, взяться за оружіе и былъ совершенно равнодушенъ къ распространенію избирательныхъ правъ на другую часть буржуазіи или къ переходу власти изъ рукъ однихъ искателей мѣстъ въ руки другихъ".

Логика общественныхъ событій съ неумолимою послѣдовательностью вела къ тому, чтобы и въ моментъ дарованія парламентской реформы рабочія массы оставались въ оппозиціи. Дѣйстви-

1) Файфъ. Исторія Европы XIX вѣка, т. I и II съ 1792—1848), рус. пер. Изд. Солдатенкова. М. 1889.

тельно, 24 февраля 1848 года, пролетаріатъ, несмотря на уступки Луи Филиппа буржуазіи, свергнулъ тронъ во Франціи. Поводомъ была поднявшаяся въ то время агитація въ пользу реформы выборовъ. Король въ тронной рѣчи въ парламентѣ въ 1847 году высказывается противъ агитаціи за реформу. Тогда оппозиція организуетъ цѣлый рядъ банкетовъ. Одинъ изъ нихъ, устроенный въ западномъ Парижѣ, въ Елисейскихъ поляхъ 24 февраля 1848 года, правительство объявило незаконнымъ. Оппозиція, имѣвшая намѣреніе вмѣстѣ съ банкетомъ устроить мирную демонстрацію, не хотѣла доводить дѣло до кроваваго столкновенія. Депутаты уклонились даже отъ участія въ банкетѣ. Но явившіеся на улицу рабочіе устраиваютъ баррикады. Доселѣ вѣрная „царю и отечеству“ національная гвардія на этотъ разъ не обнаруживаетъ особеннаго желанія „подавлять крамолу“ и измѣняетъ Луи Филиппу. Растерявшійся король даетъ отставку Гизо. Въ Парижѣ по этому поводу всеобщее ликованіе, но пролетаріатъ и его вожди дѣятельно готовятся къ новому выступленію. Убійство въ тотъ же день 80 рабочихъ передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ даетъ сигналъ къ новому возстанію. Рабочіе берутся за оружіе снова. На этотъ разъ окончательно перепуганный Луи Филиппъ отрекается отъ престола въ пользу своего внука. Но уже поздно. Толпа, ворвавшись въ палату депутатовъ, избираетъ временное правительство.

Въ числѣ членовъ временнаго правительства былъ и Луи Бланъ. Онъ опирался на многочисленный парижскій пролетаріатъ, усиленно предлагавшій ему диктатуру. „Если бы Бланъ — говоритъ Л. Штейнъ [1]), въ этотъ великій историческій моментъ имѣлъ мужество возстать противъ своихъ товарищей по министерству и захватить предлагаемую ему соціальную диктатуру—соціалистическое государство было бы создано. Надолго ли—это другой вопросъ, но все же оно существовало бы“.

24 февраля 1848 года Луи Бланъ попалъ въ число членовъ временнаго правительства. Уже на другой день, 25 февраля, по настоянію Луи Блана, временное правительство признаетъ право на

---

[1]) Л. Штейнъ. Соціальный вопросъ. Стр. 327.

трудъ. Далѣе, когда предложеніе Блана объ учрежденіи министерства труда было отвергнуто, то взамѣнъ министерства правительство учредило извѣстную Люксембургскую комиссію, подъ предсѣдательствомъ Блана. Благодаря иниціативѣ комиссіи было устроено нѣсколько производительныхъ ассоціацій.

Правительство въ 1848 году дало ассоціаціямъ [1]) заказъ на изготовленіе 100.000 мундировъ, что заняло трудъ 2.000 рабочихъ, и сѣдла для кавалеріи, (нужно, впрочемъ, замѣтить, что ассоціаціи въ Парижѣ существовали и до Луи Блана, такъ, напримѣръ, ассоціація столяровъ въ 1830 году). Но уже въ 1851 г. эта работа сдавалась не ассоціаціямъ, а поштучно.

Организаціей національныхъ мастерскихъ этой,—по выраженію историка французскаго соціализма Поля Луи,—каррикатурной пародіей на соціализмъ" [2]), противники Луи Блана хотѣли подорвать его авторитетъ, а, главное, дискредитировать соціализмъ.

Тома, стоявшій во главѣ національныхъ мастерскихъ и составившій намъ исторію ихъ, прямо говоритъ о томъ, что національныя мастерскія были организованы съ цѣлью „довести до абсурда" теоретическія построенія Луи Блана. На самомъ дѣлѣ ни Луи Бланъ, ни Люксембургская комиссія тутъ ни причемъ. Правительство возстановило это учрежденіе, существовавшее, какъ институтъ временнаго характера, еще въ 1789 и въ 1830 годахъ. И Пфейферъ, Конценъ, Вульслей, Саргантъ и др. приписывающіе въ противоположность Лассалю учрежденіе національныхъ мастерскихъ вліянію Луи Блана, въ этомъ несправедливы.

Послѣ іюньскихъ событій, сраженія между правительственными войсками и рабочими національныхъ мастерскихъ, Луи Бланъ былъ привлеченъ къ суду за его „преступную" роль въ этихъ событіяхъ. Луи Блану ничего не оставалось, какъ бѣжать въ Англію,

---

[1]) Число ассоціацій въ Парижѣ:

	Устроенныя правительсвомъ (3 м. субсидіи).	Добровольныя.
1848 годъ.	45	300
1854 „	30	30
1876 „	1	—

[2]) Поль Луи. Исторія соціализма во Франціи, стр. 228.

что онъ и сдѣлалъ. Въ Англіи онъ пробылъ 20 лѣтъ. Письма его изъ Англіи во французскія газеты: „Lettres sur l'Angleterre“ (4 т. Парижъ, 1865 г.) имѣли въ свое время громадный успѣхъ. Послѣ франко-прусской войны онъ вернулся во Францію, гдѣ былъ немедленно избранъ членомъ національнаго собранія. Коммунары предлагали ему быть диктаторомъ, но Бланъ отказался; до своей смерти онъ былъ дѣятельнымъ членомъ парламента. Въ 1879 году, когда Бланъ предпринялъ путешествіе по Франціи, онъ былъ какъ бы вознагражденъ за свое 20-лѣтнее изгнаніе: его всюду встрѣчали съ тріумфомъ.

Въ 1882 году, 6 декабря, Луи Бланъ умеръ. Похороны его были устроены за счетъ государства.

Воззрѣнія Луи Блана изложены главнымъ образомъ въ его „Organisation du travail“. Развитію же отдѣльныхъ вопросовъ посвящено много мѣстъ въ другихъ работахъ историческаго и публицистическаго характера.

Въ общемъ міросозерцаніе Луи Блана находится подъ сильнымъ вліяніемъ сенъ-симонизма, отчасти же Фурье и Ж. Ж. Руссо. Однако ни одно изъ этихъ вліяній не подчинило себѣ его мысли вполнѣ. Онъ во многомъ расходится не только съ Ж. Ж. Руссо, отрицая, напр., его идею непосредственнаго народнаго законодательства, и съ Фурье, который внушилъ ему лишь общую идею ассоціаціи и навелъ на мысль о значеніи привлекательнаго труда, но и съ сенъ-симонизмомъ, историческая точка зрѣнія котораго была имъ усвоена съ значительными поправками.

Такъ называемое идеалистическое пониманіе исторіи, часто заслонявшееся у сенъ-симонистовъ прямо противоположными воззрѣніями, выдвигается Луи Бланомъ на первый планъ. По его мнѣнію, историческое развитіе обусловливается всецѣло успѣхами знанія. Только наука можетъ поэтому открыть выходъ изъ того ненормальнаго положенія, въ какомъ находится современное общество. И будучи признана, научная истина не можетъ не повліять на ходъ исторіи. Если до сихъ поръ человѣческое общество, переживая различныя стадіи своего развитія, не могло освободиться отъ соціальныхъ бѣдствій, то это объясняется для Луи Блана лишь недостаточнымъ знаніемъ истинныхъ условій общественнаго благо-

получія. „Язва общества, по его мнѣнію, заключается прежде всего въ невѣжествѣ, жертвою котораго становятся всѣ классы. Нужно повліять на людей, измѣнить ихъ нравственное и умственное состояніе, для того, чтобы люди перемѣнили тогда и свой общественный строй. Этого же можно достигнуть только съ помощью науки. Извѣстно выраженіе Луи Блана, что „не сила руководитъ міромъ, а мысль“, и что „исторія дѣлается книгами“.

Общественная эволюція разсматривается Луи Бланомъ, какъ смѣна различныхъ стадій умственнаго развитія. Онъ также, какъ и сенъ-симонисты, находитъ въ исторіи три главныхъ фазиса, характеризующіеся тремя различными и противорѣчащими другъ другу принципами. Но характеристика этихъ фазисовъ не совпадаетъ у него съ той, какую дѣлали сенъ-симонисты. Исторія по воззрѣнію Луи Блана предоставляла поочередно преобладаніе тремъ принципамъ: власти, индивидуализма и братства. Власть регулировала жизнь людей съ помощью внѣшняго принужденія и навязываемыхъ вѣрованій. Освободившись отъ слѣпого подчиненія власти, человѣкъ провозгласилъ абсолютное значеніе своихъ индивидуальныхъ правъ и сталъ полагаться на свои личныя силы. Наконецъ, третья эпоха исторіи, только теперь начинающаяся, является эпохой братства: солидарность людей и вытекающая изъ признанія ея необходимость организоваться въ гармоническое цѣлое, должна устранить какъ рабство, создаваемое властью, такъ и всѣ бѣдствія, связанныя съ эгоистическимъ существованіемъ ничѣмъ не связанныхъ между собой людей.

Признавая вмѣстѣ съ сенъ-симонистами фактъ разслоенія общества на классы и преобладанія однихъ классовъ надъ другими, Луи Бланъ не видитъ однако же въ классовой борьбѣ того значенія общественнаго прогресса, который могъ бы сослужить службу борьбѣ за новый лучшій общественный строй. Наоборотъ, для прогресса необходимо устранить антагонизмъ классовъ и привлечь всѣхъ членовъ общества къ примиренію и къ сознательному устроенію жизни на новыхъ началахъ. Общество изобрѣтетъ силу, необходимую для разрѣшенія современныхъ противорѣчій лишь въ единеніи и въ общей коллективной дѣятельности. Здѣсь на помощь является наука, призывающая къ разумному отноше-

нію къ жизни и утверждающая ту истину, что личный интересъ человѣка не противорѣчитъ интересамъ общества, а находится съ ними въ полной гармоніи.

Отрицаніе классовой борьбы не приводило однако Луи Блана къ отрицанію революціи, какъ неизбѣжнаго момента въ развитіи общества. Наоборотъ, онъ самъ называлъ себя революціонеромъ. Развитіе новыхъ идей, совершающееся медленно и постепенно, приводитъ неизбѣжно къ перевороту, который можетъ совершаться болѣе или менѣе быстро, и заключается въ замѣнѣ одной общественной организаціи другою, ей противоположной. Революція, какъ ее понимаетъ Луи Бланъ, не всегда принимаетъ бурный разрушительный характеръ. Чѣмъ больше въ обществѣ будетъ распространено правильное, научное пониманіе вещей, чѣмъ больше участіе будетъ принимать народъ въ законодательствѣ, тѣмъ легче революція можетъ совершиться мирнымъ безкровнымъ путемъ. Всеобщая подача голосовъ, по мысли Луи Блана, окажетъ въ этомъ отношеніи неоцѣнимую услугу.

Современный строй, въ которомъ съ особенной силой проявляютъ себя начала индивидуализма, долженъ быть примѣненъ, если общество не желаетъ погибнуть. Должна произойти революція, которая поставила бы во главу угла принципъ братства. Поэтому необходимо прежде всего подвергнуть критикѣ самыя основы современнаго строя и позаботиться о распространеніи правильныхъ научныхъ воззрѣній на общественную жизнь.

Обстоятельной и жестокой критикѣ подвергается Луи Бланомъ особенно принципъ конкурренціи, царящій въ современномъ обществѣ. Конкурренція является источникомъ всего зла. Она не въ одинаковой, правда, степени, но все же гибельна какъ для рабочихъ, такъ и для фабрикантовъ. Подробно описывая самый процессъ такъ называемаго свободнаго договора между работникомъ и работодателемъ и указывая причины постояннаго пониженія цѣнъ, къ которымъ рабочіе вынуждаются голодомъ, Луи Бланъ подчеркиваетъ безвыходность рабочаго и его полную необезпеченность. Конкурренція создаетъ бѣдность, а бѣдность порождаетъ пороки. Она обусловливаетъ перепроизводство и промышленные кризисы. Въ средѣ же предпринимателей конкурренція создаетъ постоянную вражду и слу-

житъ часто причиною разоренія. Мелкая собственность поглощается крупною, и въ концѣ концовъ создается олигархія „финансовыхъ вельможъ“. Конкурренція обращается, по словамъ Луи Блана, во „всеобщую экспропріацію“.

Луи Бланъ считаетъ поэтому необходимымъ бороться съ распространеннымъ въ его время ученіемъ фритредеровъ, провозглашавшихъ принципъ laassez faire—laissez passer. По его словамъ совершенно непослѣдовательно для государства, берущаго на себя защиту гражданъ отъ опасностей, являющихся въ сущности результатомъ свободной конкурренціи, отказываться отъ мѣропріятій, которыя могли-бы предупредить эти опасности, т.-е. отъ вмѣшательства въ экономическую жизнь.

Но такое зло, какъ конкурренція, должно быть устранено силою, равною ему по могуществу. Отъ него можно избавить общество, противопоставивъ конкурренціи конкурренцію же, только иначе осуществляемую. Какъ извѣстно, предпріятіе ведущееся въ крупныхъ размѣрахъ съ болѣе крупнымъ капиталомъ, въ силу своей большей мощности оказывается побѣдителемъ въ борьбѣ за рынокъ. Поэтому,—разсуждаетъ Луи Бланъ,—нужно найти капиталиста, который могъ бы помѣряться съ самыми крупными предпринимателями—и тогда эти послѣдніе будутъ побѣждены. Такимъ капиталистомъ можетъ явится государство, поддерживающее своими капиталами ассоціаціи производителей. Ассоціація—это единственная форма, которая можетъ избавить человѣчество отъ угнетающихъ его бѣдствій. Наемный трудъ долженъ быть совершенно уничтоженъ, оплата же труда должна производиться сообразно съ количествомъ рабочихъ часовъ. Ассоціація не представляется Луи Блану чѣмъ либо искусственно изобрѣтеннымъ и навязываемымъ человѣчеству, вопреки его общимъ стремленіямъ. Наоборотъ, это есть наиболѣе приспособленная къ человѣческимъ инстинктамъ форма труда, такъ какъ личное и общественное начало неразрывно связаны въ человѣкѣ. Всякое право личности, по мнѣнію Луи Блана, получаетъ силу лишь при отождествленіи его съ общественнымъ интересомъ. Всѣ граждане должны обратиться постепенно въ членовъ ассоціацій. Это послѣднее требованіе выставлялось Луи Бланомъ какъ идеалъ, къ которому должно стремиться общество Онъ

понималъ, что ассоціація можетъ дѣйствительно привести къ желаемымъ результатамъ лишь въ томъ случаѣ, если она является всеобщей, если она охватываетъ всѣ отрасли промышленности. Именно поэтому Луи Блану представлялось существенно необходимымъ участіе государства въ дѣлѣ организаціи ассоціацій. Но нельзя сказать, чтобы этотъ взглядъ проводился Луи Бланомъ послѣдовательно. У него замѣтно нѣкоторое колебаніе въ вопросѣ о роли государства. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже высказывается такъ, какъ будто имѣетъ въ виду свободное самостоятельное образованіе ассоціацій, безъ участія государственной власти. Онъ предлагалъ иногда иной путь: постепенное завоеваніе, основываемыми самими рабочими, за свой страхъ и рискъ, общественными организаціями, сперва одной, затѣмъ нѣсколькихъ и, наконецъ, всѣхъ отраслей промышленности. Однако, государству вообще принадлежитъ въ системѣ Луи Блана весьма видное мѣсто. Онъ придаетъ громадное значеніе организаторской дѣятельности прогрессивнаго государства. Поэтому можно сказать съ увѣренностью, что въ общемъ въ пониманіи Луи Блана переходъ отъ конкурренціи къ ассоціаціи представляется съ рядомъ политическихъ мѣропріятій.

Луи Бланъ совмѣстно съ Видалемъ и Пикёромъ выработалъ планъ организаціи ассоціацій съ помощью государства. По этому плану правительство должно было сдѣлать крупный заемъ, который пойдетъ на постройку общественныхъ мастерскихъ. Частныя мастерскія медленно и постепенно будутъ поглощаться этими крупными предпріятіями. Государство же должно обезпечить личности ея право на трудъ и на помощь, въ случаѣ какихъ либо бѣдствій или въ видѣ пособій.

Предоставленіе государству такой роли не вызывало у Луи Блана никакихъ смущеній, потому что онъ имѣлъ въ виду государство, въ которомъ общество рѣшаетъ дѣла чрезъ посредство народныхъ представителей. Для свободы частныхъ лицъ организаторская дѣятельность такого демократическаго государства не можетъ, по его мнѣнію, представлять никакой опасности.

Вообще же никакого принужденіи ко вступленію въ ассоціаціи Луи Бланъ не предполагаетъ. Онъ думаетъ напротивъ, что ассоціація будетъ привлекать къ себѣ работниковъ помимо какихъ бы

то ни было обязательныхъ требованій со стороны государства. Государство ограничится помощью желающимъ образовать ассоціацію. Единственнымъ же стимуломъ ко вступленію въ нее будетъ привлекательность самаго труда въ ассоціаціи. Луи Бланъ вообще, вслѣдъ за Фурье, настаиваетъ на привлекательности труда, которая еще увеличивается, въ случаѣ коллективной организаціи работы. Въ его общественныхъ мастерскихъ работа организуется сама собой, исключительно вслѣдствіи привлекательности труда, такъ какъ согласованность различныхъ профессій съ соотвѣтствующими естестественными стремленіями, сдѣлаетъ изъ труда наслажденіе.

Возлагая всѣ свои надежды на ассоціацію, Луи Бланъ не былъ однако коммунистомъ въ томъ смыслѣ, чтобы отрицать вообще всякую собственность. Онъ уже совершенно отчетливо понимаетъ различіе между собственностью на средства производства, на капиталъ и собственностью потребительной. Право собственности вообще имъ не отрицается, но оно, по его мнѣнію, должно быть подчинено задачамъ общественнаго благополучія. Допустима лишь та собственность, которая не противорѣчитъ принципамъ коллективнаго и вполнѣ солидарнаго сотрудничества. Отсюда вытекаетъ, что право собственности должно распространяться лишь на продуктъ труда, посколько онъ является средствомъ потребленія. Что же касается средствъ производства, то таковыя, при коллективной организаціи труда, не могутъ быть частною собственностью. Всѣ орудія производства должны быть только собственностью ассоціаціи. Собственность же на предметы потребленія должна находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ трудомъ. Поэтому нѣтъ никакихъ основаній для сохраненія института наслѣдственной собственности. Обмѣнъ однако не устраняется Луи Бланомъ даже и для того идеальнаго строя, гдѣ царитъ вообще ассоціація. И хотя оплата труда производится непосредственно ассоціаціей, распредѣляющей между своими членами все необходимое, однако желающимъ предоставляется получать взамѣнъ продуктовъ денежные знаки. Но и въ этомъ случаѣ все же предполагается, что оплата труда является не заработной платой въ нашемъ смыслѣ этого слова, а осуществленіемъ права работника на полный продуктъ труда. Исходя изъ этого принципа, Луи Бланъ отрицаетъ

для идеальнаго состоянія общества, когда ассоціація станетъ всеобщею, всякое представленіе о доходѣ. Таковой признается имъ лишь для переходной стадіи.

Воззрѣнія Луи Блана, ближе подходя къ жизни и не заключая въ себѣ слишкомъ широкихъ мечтаній, нашли гораздо больше доступа въ массѣ, чѣмъ ученіе Фурье и Сенъ-Симона. Тѣмъ не менѣе практическая осуществимость Луи Блановскаго проекта оказалась ничуть ни большею, чѣмъ осуществимость безумныхъ плановъ Фурье.

Работы Луи Блана:

Organisation du travail., перв. изд. Paris 1839 (имѣла много изд.).
Histoire de dix ans. 6 томовъ. Paris 1841.
Histoire de la révolution française. 15 томовъ около 1840—1860 г.
Lettres sur l'Angleterre. Paris 1865. 4 т.
Histoire de la révolution de 1848. Paris 1870.
Pages d'histoire de la révolution de Fevrier 1848. Paris. 1850.
Le socialisme, droit au travail, réponse à M. Thiers Paris. 1848.
Révélations historiques. Brux. 1859. 2 т.
Question d'aujourd'hui et de demain. Paris 1873—74
Le catéchisme des socialistes. 1849.
Appels aux honnêtes gens. 1850
Plus de Girondins: la république une et in ivisible. 1851.
L'état et la commune. 1865.
Révolution de Fevrier au Luxembourg. 1849.

Литература о Луи Бланѣ:

Ward Sames: Louis Blanc on the working classes. Лондонъ 1848.
Ch. Robin: Louis Blanc, sa vie et ses oeuvres. Парижъ 1857.
D. Stern: Histoire de la révolution de 1848. 3 т. 1851—1853.
de Mirecourt: Louis Blanc. Парижъ 1858.
Hip. Castille: Louis Blanc. Парижъ 1859.
Ch. Edmonde: Célébrites contemporains. 3-ій выпускъ (Louis Blanc). Парижъ 1883.
O. Warschauer: Louis Blanc. Берлинъ 1896.
Louis Blanc въ „Gegenwart", т. IV. Лейпцигъ, 1850.
L. Elster: Louis Blanc въ „Handw. d. St.".
L. Faucher: Du systéme de M. L. Blanc. Paris 1848.
Елисѣевъ, А. В.: Луи Бланъ, въ „Вѣст. Ев. за 1883 г., кн. 1, 3.
Жуковскій, Ю.: Матеріалы для общественной науки. Прудонъ и Луи Бланъ. Спб. 1866.
Щегловъ: Исторія соціальныхъ системъ. Т. II-ой, стр. 445—695. Спб. 1889.
Черновъ, И.: Луи Бланъ. Изд. „Молодой Россіи". Москва 1906.

Карлъ Іоганнъ Родбертусъ-Ягетцовъ.

(1805—1875).

I.

Передъ нами своеобразная жизнь, лишенная яркихъ красокъ и событій, хотя они близко надвигались на скромнаго экономиста. Внѣшняя фабула его жизни слѣдующая:

Карлъ Іоганнъ Родбертусъ родился въ самомъ началѣ XIX столѣтія (12 августа, 1805) въ г. Грейфсвальдѣ, маленькомъ университетскомъ центрѣ на сѣверѣ Германіи. Родбертусъ принадлежалъ къ интеллигентной семьѣ: отецъ его былъ профессоромъ римскаго права Грейфсвальдскаго университета и возбудилъ у него охоту къ юриспруденціи, которою онъ занимался въ Гёттингенскомъ и и Берлинскомъ университетахъ. По окончаніи курса молодой Родбертусъ поступилъ (1826) на государственную службу. Но чиновничья карьера молодого Родбертуса продолжалась недолго. Въ 1830 онъ уже началъ свой четырехлѣтній періодъ неопредѣленныхъ скитаній по Германіи и заграницею, а съ 1836 года уже хозяйствуетъ въ своемъ померанскомъ имѣніи Ягетцовъ (Jagetzow—откуда и приставка къ фамиліи), купленномъ имъ за два года передъ тѣмъ. Здѣсь Родбертусъ прожилъ, за небольшими перерывами, сорокъ одинъ годъ, т. е. вплоть до своей смерти (1875). Такимъ образомъ, центръ жизни Родбертуса—сельское хозяйство и мѣстные интересы помѣщичьей провинціи.

Въ качествѣ мѣстнаго землевладѣльца, Родбертусъ участвовалъ въ мѣстныхъ собраніяхъ, въ собраніяхъ окружныхъ и провинціальныхъ и, наконецъ даже во II-мъ соединенномъ ландтагѣ 1848 года. Все это заставляло удѣлять время политикѣ, и, въ

эпоху революціоннаго движенія 1848 года, Родбертусъ выработалъ даже свой проектъ прусской конституціи. Какого политическаго направленія онъ держался?

Войдя въ ландтагъ, Родбертусъ былъ предводителемъ партіи лѣваго центра и даже въ теченіе девяти дней министромъ въ либеральномъ министерствѣ Ауэрсвальда. Вскорѣ съ роспускомъ національнаго собранія окончилась и политическая дѣятельность Родбертуса, къ которой онъ больше не возвращался. Только разъ, а именно въ 1862 году, когда прогрессисты предлагали Родбертусу стать въ ихъ ряды, передъ Родбертусомъ вновь открывалась широкая политическая перспектива. Но Родбертусъ уклонился, несмотря на то, что убѣждали многіе, между прочимъ, и Фердинандъ Лассаль. Кстати объ этой дружбѣ, скрасившей его старость. Ихъ отношенія представляютъ собою интересную страницу изъ жизни идей 60-хъ годовъ Германіи. Ихъ отношенія стали извѣстны изъ опубликованной недавно интересной переписки. Они обмѣнивались взглядами и идеями, причемъ болѣе питательнымъ источникомъ въ теоретическихъ вопросахъ являлся сухой, скучный, но глубокомысленный померанскій помѣщикъ. Въ дѣлѣ практической политики—Лассаль тоже оказался невліятеленъ, онъ мало сдвинулъ Родбертуса влѣво. Рѣшительный соціалистъ въ экономическихъ вопросахъ и радикальный умъ въ теоріи, Родбертусъ являлся „кадетомъ“ въ области прикладной экономіи.

Приведемъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, характеризующихъ эту сторону личности Родбертуса. Въ началѣ 70-хъ годовъ Родбертусъ, наблюдая давно и страстно ожидавшійся имъ процессъ Объединенія Германіи, возложилъ горячія надежды на Пруссію и ея желѣзнаго канцлера. Конечно, ему очень скоро пришлось разочароваться въ наивной надеждѣ, что германское государство, разрѣшивъ національный вопросъ, перейдетъ къ разрѣшенію вопроса соціальнаго. Та „естественная,—какъ онъ всегда думалъ,—связь между монархіею и соціализмомъ“ не только не наростала, но совершенно порывалась. Неудивительно поэтому, что развитіе соціалистическаго движенія въ Германіи, направляетъ его симпатіи въ сторону соціалъ-демократіи. 30 ноября 1871 года Родбертусъ пишетъ: „поскольку ядро соціалъ-демократической партіи чисто-

научно — я принадлежу ей всею душою". При содѣйствіи Рудольфа Мейера, Родбертусъ въ концѣ 1871 года знакомится съ виднымъ представителемъ соціалистической партіи, Газенклевером. Онъ стремится убѣдить послѣдняго въ необходимости большой терпимости къ современному государству и самъ все болѣе убѣждается въ важности рабочаго движенія. Вмѣстѣ они одно время вырабатываютъ проектъ газеты или журнала, хотя вскорѣ принципіально расходятся. Нѣсколько позднѣе Родбертусъ, подъ вліяніемъ съ одной стороны сочувственнаго обращенія къ нему большого собранія рабочихъ, съ другой—радикальнаго публициста Шрамма, рѣшается на организацію компаніи въ пользу соціализма и мечтаетъ вступить въ ряды парламентскихъ представителей соціалъ-демократіи. Онъ ставитъ только нѣкоторыя условія. Эти переговоры остались неоконченными, а условія, — невыясненными, такъ какъ вскорѣ, 6-го Декабря 1875 года, Родбертусъ скончался.

Не менѣе своеобразно отношеніе Родбертуса къ рабочему вопросу. Первая его литературная работа, работа написанная еще въ 1837 году и увидавшая свѣтъ лишь по его смерти была посвящена рабочимъ. Она озаглавлена „Die Forderungen der arbeitenden Klassen" и написана сжатымъ и образнымъ языкомъ на подобіе лучшихъ рѣчей Цицерона.

Въ 1842 году онъ пишетъ о нормальномъ рабочемъ днѣ и основываетъ въ Грейфсвальдѣ отдѣленіе „Балтійскаго Общества о нуждахъ рабочаго класса", но въ практической дѣятельности не примыкаетъ къ радикальному или коммунистическому лагерю, а остается умѣреннымъ либеральнымъ прогрессистомъ; даже позднѣе, а именно въ 1862 году, когда Лассаль пригласилъ его къ соучастію въ своемъ тріумфальномъ рабочемъ движеніи, Родбертусъ отклонилъ предложеніе. Свой отказъ онъ мотивировалъ въ „Открытомъ письмѣ къ Комитету нѣмецкаго рабочаго ферейна въ Лейпцигѣ". Здѣсь онъ соглашается, что германскіе рабочіе совершенно правы въ своемъ отрицаніи направленія Шульце-Делича. Но Родбертусъ не присоединяется и къ его противнику—Лассалю, вдохновителю союза. Онъ считаетъ, что производительныя ассоціаціи съ содѣйствіемъ государственной власти,—одинъ изъ основ-

ныхъ пунктовъ Лассалевской программы, — не въ силахъ разрѣшить соціальный вопросъ: онъ глубже. Но выставляя болѣе глубокія требованія, онъ самъ не присоединяется къ исполненію даже меньшихъ. Эта своеобразная позиція — обычная характерная черта Родбертуса, который не разъ высказывается, что политическія задачи не должны заслонять задачи экономическія. Въ области политики Родбертусъ, крайне умѣренъ: онъ приверженецъ такъ назыв. идіальной монархіи, т. е. „добраго короля", пекущагося преимущественно о матеріальныхъ благахъ своихъ подданыхъ. Зато въ экономическихъ вопросахъ, а это и былъ центръ тяжести его работъ и мысли, Родбертусъ — одна изъ замѣчательнѣйшихъ фигуръ XIX вѣка. Чисто экономическимъ вопросамъ и посвящены его главнѣйшія сочиненія.

Теоретическія разсужденія Родбертуса развиваются ввидѣ цѣпи вопросовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ, по его мнѣнію, простое констатированіе фактовъ. И къ основнымъ вопросамъ своей теоріи — къ вопросу о сущности ренты вообще, поземельной ренты и прибыли на капиталъ въ частности, — онъ подходитъ тѣмъ же путемъ.

„Въ силу какихъ основаній, — спрашиваетъ онъ во „II соціальномъ письмѣ", — несмотря на то, что всякій доходъ есть только продуктъ труда, въ обществѣ получаютъ доходъ лица, которые не ударили палецъ объ палецъ для его созданія?" — „Такихъ же лицъ, — удостовѣряетъ онъ тутъ же, — существуетъ, безъ сомнѣнія, безчисленное множество, цѣлые классы". Но чтобы въ эту категорію не включили лицъ, которые все же получаютъ такой доходъ въ вознагражденіе за дѣйствительно оказываемыя услуги, какъ напр., врачи, судьи или учителя, Родбертусъ повторяетъ свой вопросъ еще въ болѣе опредѣленной формѣ, а именно: „Какія основанія ведутъ къ тому, что участвующія въ первоначальномъ распредѣленіи благъ, не прилагая собственнаго труда и не оказывая за это иныхъ услугъ, получаютъ доходъ, являющійся всецѣло продуктомъ другихъ и, притомъ, продуктомъ труда другихъ?" *). Отвѣтъ на этотъ основной вопросъ проблемы распредѣленія и даетъ Родбертусъ всею совокупностью своей теоріи. Она основывается прежде всего на его теоріи цѣнности и на теоріи прибыли на капиталъ.

1) Родбертусъ (рус пер. стр. 103).

Въ основѣ экономическаго ученія Родбертуса лежитъ ученіе о созданіи процента на капиталъ исключительно путемъ эксплоатаціи рабочихъ, а слѣдовательно и всѣхъ матеріальныхъ благъ исключительно путемъ труда рабочихъ. Эту теорію въ нѣмецко-экономической литературѣ принято для сокращенія называть „теоріей эксплуатаціи“ (Ausbeutungstheorie).

Содержаніе этой теоріи можетъ быть кратко формулировано слѣдующимъ образомъ: всѣ блага, имѣющія цѣнность, представляютъ собой продукты человѣческаго труда и, притомъ, исключительно этого труда. Но рабочіе не получаютъ всего продукта, который они одни создали, ибо часть его идетъ къ капиталистамъ, при содѣйствіи института частной собственности, давшаго капиталистамъ въ руки неустранимыя вспомогательныя средства для производства. Средствомъ къ этому служитъ договоръ, при помощи котораго рабочая сила дѣйствительныхъ производителей, вынужденныхъ къ тому голодомъ, покупается только за часть того, что ею будетъ сдѣлано. Между тѣмъ остатокъ продукта попадаетъ въ руки капиталиста, какъ прибыль, полученная безъ труда. Такимъ образомъ процентъ на капиталъ содержитъ въ себѣ часть продукта чужой работы, полученнаго путемъ эксплоатаціи стѣсненнаго положенія рабочихъ. Родбертусъ не являлся въ этомъ вопросѣ новаторомъ: такого рода взгляды—достояніе многолѣтней экономической мысли.

Еще Локкъ въ своемъ „Civil government“ (кн. 2, гл. 5, § 40) полагалъ, что собственность, хотя это съ перваго взгляда и незамѣтно, возникла путемъ труда, и что трудъ является тѣмъ элементомъ, который придаетъ каждой вещи другую цѣнность. Нужно только подумать, — говоритъ Локкъ, — какова разница между участкомъ земли, на которомъ культивируется табакъ или свекловица, и участкомъ, отведеннымъ подъ ячмень или пшеницу, или, наконецъ, кускомъ той же земли, но уже необработанной, и немедленно будетъ видно, что приложеніе труда сразу создаетъ высокую цѣнность. Если мы будемъ сравнивать и высчитывать, какая часть производится природой и какая трудомъ, то нетрудно замѣтить, что 9/10 каждой вещи приходятся на долю послѣдняго“.

Въ томъ же духѣ высказывались Джемсъ Стюартъ, гово-

ривший хотя и не такъ ясно, но все же полагавшій, что доходъ на капиталъ есть продуктъ чужой работы. Затѣмъ Зонненфельсъ (Handlungswissenschaft), который называлъ капиталистовъ классомъ лицъ, которые ничего не дѣлаютъ, но питаются потомъ рабочихъ классовъ". Въ томъ же духѣ высказывался Бушъ („Geldumlauf") и, наконецъ, кое-какіе намеки на эту же точку зрѣнія можно найти у нѣмецкихъ экономистовъ 18-го вѣка, Содена и Лотца.

Много большую роль въ развитіи теоріи эксплуатаціи сыграли Вильямъ Томсонъ въ Англіи и Сисмонди во Франціи. Томсонъ оченъ кратко, но съ замѣчательной ясностью и глубиною формулировалъ основоположенія трудовой теоріи цѣнности. Земельная рента и процентъ на капиталъ является, по нему, вычетами изъ полнаго, принадлежащаго рабочимъ, созданнаго продукта.

Въ настоящее время трудно установить, сколь сильное вліяніе оказалъ Томсонъ на развитіе Карла Маркса и Родбертуса, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что имѣвшія распространеніе сочиненія этого соціалиста въ первой четверти 19-го столѣтія, были неизвѣстны послѣдующимъ серьезнымъ изслѣдователямъ соціальнаго вопроса.

Сисмонди можно въ значительно меньшей степени назвать представителемъ этой теоріи, хотя онъ, въ своемъ „Nouveaux Principes d'Économie Politique" воспринимаетъ положеніе А. Смита, что трудъ является единственнымъ источникомъ человѣческаго богатства. Въ другомъ мѣстѣ, (Études sur l'Économie politique, изд. 1837, стр. 4),—онъ говоритъ, что „богатство есть продуктъ человѣческаго труда, который создаетъ человѣку всѣ матеріальныя блага, въ которыхъ онъ встрѣчаетъ необходимость". Но Сисмонди уже дѣлаетъ нѣкоторые выводы, что позволяетъ его поставить на

---

1) Литературныя мнѣнія о Томсонѣ, вообще включенномъ въ исторію ученій въ самое послѣднее время, раздѣляются. Въ то время, какъ Антонъ Менгеръ ставитъ Томсона прямымъ предшественникомъ Карла Маркса, Бёмъ-Баверкъ полагаетъ, что признать эту связь ни въ какомъ случаѣ не является дѣломъ обязательнымъ. „Если,—говоритъ онъ,—какое нибудь ученіе виситъ, такъ сказать, въ воздухѣ,—ни въ какомъ случаѣ нѣтъ надобности, чтобы формулировка той же самой мысли всегда являлась бы въ качествѣ заимствованной, и что оригинальность какого либо писателя вовсе не этимъ опредѣляется".

особое мѣсто, въ качествѣ переходнаго писателя отъ Смита и Рикардо, къ позднѣйшимъ соціалистамъ. Среди послѣднихъ раньше другихъ высказались Прудонъ и Родбертусъ.

Прудонъ считаетъ непреложнымъ, что рабочій имѣетъ естественное право собственности на весь изготовляемый имъ продуктъ. Въ договорѣ о заработной платѣ онъ уступаетъ это право собственнику капитала за заработную плату, которая меньше уступленнаго продукта. Происходитъ это потому, что рабочій не знаетъ ни своего права, ни размѣра своей уступки, ни смысла контракта, который съ нимъ заключаетъ капиталистъ. Все же это хорошо извѣстно капиталисту, который обнаруживаетъ при этомъ худшія свойства человѣческой природы.

По Прудону трудовая цѣнность представляетъ собою идеалъ, недостигнутый еще современнымъ обществомъ. Для Рикардо трудовая цѣнность есть теорія существующаго капиталистическаго строя. Для Прудона трудовая теорія цѣнности—революціонная теорія будущаго,—теорія освожденія пролетаріата.

Итакъ существуютъ двѣ теоріи: 1) Одна признаетъ трудъ производства (воспроизводства) регуляторомъ среднихъ товарныхъ цѣнъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, 2) вторая констатируетъ понятіе трудовой цѣнности, какъ полное понятіе пропорціональности между трудовыми затратами и мѣновыми отношеніями продуктовъ; такая цѣнность—хозяйственный идеалъ, равнозначущій полному господству интереса труда въ экономическихъ отношеніяхъ. Теоріи эти не только не противорѣчивы, но прямо дополняютъ одна другую. Таково было состояніе радикальной экономической мысли до Родбертуса.

Наконецъ высказывается Родбертусъ. Онъ воспринимаетъ оба указанныхъ направленія и дѣлаетъ еще добавленіе: ему принадлежитъ третій варріантъ трудовой теоріи цѣнности, такъ назыв. абсолютная теорія трудовой цѣнности. Итакъ Родбертусъ воспринимаетъ всѣ три варріанта, (свой, Прудона и Рикардо). Что же онъ говоритъ?

Отсюда абсолютная теорія—цѣнность сама по себѣ—общественный трудъ, какъ бы заключенный и кристаллизованный въ трудовомъ продуктѣ.

Трудъ есть субстанція, существо, природа цѣнности (познаніе вещи въ себѣ, нуменъ). Трудъ не главнѣйшій верховный факторъ, а сама цѣнность, единственная цѣнность, исключительная цѣнность. Гдѣ нѣтъ труда—нѣтъ цѣнности, что не содержитъ труда—не имѣетъ цѣнности.

Теорія эта находится въ противорѣчіи и съ теоріей Рикардо, признающей и другіе источники цѣнности, и съ теоріей Прудона,—ибо, если уже теперь абсолютная трудовая цѣнность осуществлена, то она не можетъ быть идеаломъ для будущаго. Все это было высказано еще въ 1842 году, въ сочиненіи къ „Познанію нашихъ государственно-хозяйственныхъ условій".

Изъ абсолютной трудовой теоріи цѣнности Родбертусъ выводитъ и свою теорію земельной ренты; она изложена во II и III соціальныхъ письмахъ къ Кирхману и резюмирована въ началѣ письма IV-го („Капитала"). Общественный доходъ, получающійся въ итогѣ производства, распадается на двѣ главныя части: на заработную плату и на ренту. Послѣдняя въ свою очередъ раздѣляется на прибыль на капиталъ и на земельную ренту. Къ рентѣ такимъ образомъ относится не только земельная рента, но также и прибыль на капиталъ. Рента представляетъ собою доходъ, получаемый также въ силу владѣнія имуществомъ.

Какимъ же образомъ можетъ возникнуть эта рента? Рента, какъ и всякая цѣнность по теоріи Родбертуса появляется исключительно путемъ труда, но такъ какъ рента не есть результатъ труда того лица, которое ее получаетъ, то слѣдовательно, она появляется лишь въ силу труда другого лица. Поэтому для возникновенія ренты необходимы два условія:

Первое—экономическое. Наличность избытка продукта при раздѣленіи труда, ибо трудъ, со времени своего раздѣленія, создаетъ больше того, чѣмъ нужно рабочимъ для поддержанія жизни и для продолженія ихъ труда. Другими словами—трудъ производитъ столько, что является возможность для другихъ жить на его результаты.

Второе—юридическое. Наличность частной собственности, т. е. существованіе учрежденій, способствующихъ передачѣ части продукта труда рабочихъ другимъ лицамъ, ибо земля и капиталъ,

а потому и самый продуктъ труда—никогда не принадлежали рабочимъ а всегда другимъ частнымъ лицамъ.

Первоначально такого рода учрежденіемъ служило р а б с т в о, когда рабовладѣлецъ оставлялъ рабамъ лишь такую долю ихъ труда, которая была необходима для поддержанія ихъ жизни, забирая все остальное себѣ. „Но рабство возникаетъ лишь на опредѣленной ступени производительности общественнаго труда, благодаря тому, что ранѣе трудъ былъ мало производителенъ и не могъ создать какого либо избытка продукта". Рабовъ просто ѣли или убивали. Въ настоящее время рабства нѣтъ, но его замѣняетъ отсутствіе с р е д с т в ъ у рабочихъ и институтъ ч а с т н о й с о б с т в е н н о с т и. „Голодъ замѣняетъ плеть". „Что называлось раньше кормомъ для рабовъ,—говоритъ онъ,—теперь называется заработной платой". Кромѣ того, на ренту вліяли и другія условія и впереди другихъ р а з д ѣ л е н і е т р у д а, распаденіе общества на классы и т. п.

Р а з д ѣ л е н і е т р у д а увеличило силы, производительность. Въ изолированномъ состояніи, д о р а з д ѣ л е н і я т р у д а—наши потребности п р е в о с х о д я т ъ наши силы. При общественномъ состояніи, —п р и р а з д ѣ л е н і и т р у д а—наши силы превосходятъ наши потребности". Но вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда возникаетъ и э к с п л у а т а ц і я однихъ классовъ другими, р а б о т а ю щ и х ъ классовъ н е р а б о т а ю щ и м и.

Получивъ свободу, рабочій получаетъ только свободу, но ни земли, ни капитала. То и другое—собственность другихъ. При производствѣ рабочій получаетъ только ч а с т ь продукта, остальныя—доходъ землевладѣльца капиталиста. Только, слѣдовательно, часть произведеннаго рабочимъ продукта попадетъ ему въ руки, все остальное захватываютъ собственники земли и капитала.

Такъ возникаетъ рента, нетрудовой доходъ вообще; но въ капиталистическомъ хозяйствѣ онараздѣляется на двѣ части: д о х о д ъ к а п и т а л и с т о в ъ и д о х о д ъ з е м л е в л а д ѣ л ь ц е в ъ, т. е. прибыль и земельную ренту. Это „распаденіе ренты", также основано на принципѣ трудовой цѣнности; дѣло въ томъ, что и производители сырья и фабриканты должны получать прибыль тоже каждый пропорціонально своему т р у д у. Итакъ рента есть д о л и

цѣнности продукта, а если цѣнность пропорціональна труду, то и рента должна быть, при прочихъ равныхъ условіяхъ, пропорціональна труду. Если производство сырья стоило такого же труда, какъ и превращеніе сырья въ фабрикатъ, то сумма ренты на I ступени=суммѣ ренты на II ступени, (а=в). Но капиталъ, на которой начисляется рента всегда больше на двѣ ступени, ибо на I—въ расходы производства не входитъ сырье, а II—это необходимая составная часть этихъ расходовъ.

Отсюда процентъ прибыли долженъ быть выше въ производствѣ сырья, чѣмъ въ производствѣ фабриката. Но съ законами капиталистической конкурренціи несовмѣстимо существованіе двухъ разныхъ процентовъ прибыли.

Въ связи съ этими взглядами стоятъ теоріи Родбертуса о причинѣ кризисовъ и источникахъ пауперизма, въ которыхъ онъ также является послѣдовательнымъ соціалистомъ. Онъ полагаетъ, что все уменьшающаяся доля рабочаго при общемъ ростѣ національнаго богатства—создаетъ хроническое все усиливающееся недопотребленіе рабочихъ, а отсюда небольшія задержки въ сбытѣ и производствѣ товара.

Отсюда по его мнѣнію, причина кризиса заключается „въ томъ, что въ нынѣшней—государственно-хозяйственной организаціи, при возрастающей производительности труда, заработная плата рабочаго класса составляетъ все меньшую и меньшую долю національнаго продукта„ [1]).

Пауперизмъ Родбертусъ разсматриваетъ, какъ фактъ незыблемо установленный статистикою и притомъ фактъ новой исторіи. При прежнихъ отношеніяхъ бывало или общее или частное и притомъ временное обѣднѣніе. Съ появленія же раздѣленія труда, легшаго всею тяжестью на классъ рабочихъ, и съ присвоеніемъ функцій государственно-хозяйственныхъ отдѣльными поземельными собственниками и капиталистами, частичное обѣднѣніе общества и къ тому же все одного и того же класса, стало постояннымъ. Это постоянное обѣднѣніе рабочихъ, растущее быстрѣе, чѣмъ растетъ

[1]) Курсивъ Родбертуса. Предисловіе къ I-му соціальному письму фонъ-Кирхману. Спб. 1906.

народонаселеніе, развивается параллельно съ другимъ, также постояннымъ фактомъ: неуклоннымъ, обгоняющимъ ростъ населенія, возрастаніемъ національнаго богатства. „Это одновременное обѣднѣніе и обогащеніе возможно въ силу того, что только часть общества пользуется національнымъ имуществомъ“ [1]).

Впрочемъ, какъ эти, такъ и вообще экономическіе взгляды Родбертуса не имѣли при его жизни широкаго распространенія, хотя многіе изъ нихъ не могли не стать достояніемъ болѣе передовыхъ писателей его эпохи. Только спустя много лѣтъ, съ ростомъ соціалъ-демократіи, Родбертусъ былъ выдвинутъ умѣренными соціалистами и радикальными либералами въ противовѣсъ Марксу. Особенно сильно настаивалъ на его значеніи въ 80-хъ годахъ Адольфъ Вагнеръ. Сдержанность Родбертуса, блѣдность его тоновъ, а главное почти полное отсутствіе практической стороны соціализма—все это прельщало нѣмецкихъ ученыхъ и побуждало ихъ къ апологіи Родбертуса contra Марксъ.

III.

Сочиненія Родбертуса, изданныя при его жизни:

1. Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände. 1 Heft. 5 Theoreme. (Neu-Brandenburg und Friedland, Barnewitz). 1842 [2]).
2. Die preussische Geldkrisis. Анкламъ и Свинемюнде. (Dietze). 1845.
3. Für den Kredit der Grundbesitzer. Eine Bitte an die Reichsstände. Берлинъ. 1847.
4. Die neuesten Grundtaxen des Herrn von Bülow-Cummerow. 1847 г.
5. Mein Verhältniss in dem Konflikt zwischen Krone und Volk. An meine Wähler. Берлинъ, 1849.
6. Soziale Briefe an von Kirchmann. 1 Brief: Die soziale Bedeutung der Staatswirttschaft. Берлинъ, (Fridrich Gerhard). 1850.
7. — 2. Brief: Kirchmanns soziale Theorie und die Meinige. Берлинъ, 1850.
8. — 3. Brief: Wiederlegung der Ricardoschen Lehre von der Grundrente und Begründung einer neuen Rententheorie. Берлинъ, 1851 г.
9. Die Handelskrisen und die Hypothekennot der Grundbeistzer.. Берлинъ, (F. Schneider), 1858.

---

[1]) Родбертусъ. I-ое письмо къ фонъ-Кирхману, стр. 9 (рус пер.). Спб. 1906.

[2]) До этого Родбертусъ написалъ небольшую работу озаглавленную: „Die Forderungen der arbeitenden Klassen“. Она была составлена въ 1837 году и послана въ Аугсбургскую газету. Редакція отклонила помѣщеніе статьи. Работа была напечатана полвѣка спустя, по смерти Родбертуса, именно въ 1885 году.

10. „Zur Frage des Realskredit“ въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, январь, 1868.

11. Erklärung.—Seid deutsch!—An Mazzini.—Was sonst?—Четыре вмѣстѣ съ фонъ-Бергъ и Л. Бухеромъ изданныхъ въ 1861 г., агитаціонныхъ листка.

12. Offener Brief an das Komité des deurben Asheitctervereins zu Leipzig. Лейпцигъ. (Otto Wiegand). 1863.

13. Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Kreditnot des Grundbesitzes. 1 томъ. Die Ursachen der Not. Берлинъ. (Bath). II томъ. Zur Abhilfe. Iena. (Mauxe). 1868—1869. Второе изданіе 1876.

14. Der Normalarbeitstag. Первоначально въ „Berliner Revue“, затѣмъ отдѣльно. Берлинъ, 1871.

15.—Среди другихъ болѣе мелкихъ газетныхъ и журнальныхъ статей обращаютъ вниманіе статьи Родбертуса, помѣщенныя въ журналѣ: „Jahrbuch für Nat. и Statistik“.

I. Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klass. Altertums:

1) Zur Geschichte der agrarischen Entwickelung Roms unter den Kaisern, томъ II. 1864.

2) Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus, томъ IV, 1865. Томъ V, 1865, томъ VIII, 1867.

II. Zur Frage des Sachwerts des Geldes im Altertume, томъ XIV, 1870. Томъ XV, 1870.

III. Ein Problem für die Freunde der Ricardoschen Grundrententheorie, томъ XIV, 1870.

IV. Was waren Mediastini? Томъ XX, 1873.

V. Bedenken gegen den von den Topographen Roms angenommenen Tract der Aurelianischen Mauer, томъ XXIII, 1874.

Статьи Родбертуса, изданныя по его смерти:

1. Das Kapital. Vierter socialer Brief an v. Kirchmann. Изданіе и предисловіе Kozac. Берлинъ 1884.

2. Zur Beleuchtung der socialen Frage. Часть II-ая. Изданіе при участіи Kozac съ предисл. A. Wagner'a. Берлинъ 1885.

3. Hermann Wagener: Aus Rodbertus Nachlass. 1886.

Литература о Родбертусѣ довольно обширна; болѣе обстоятельными сочиненіями являются:

1. Kolischer, H.: Rodbertus' Ansicht über den landwirtschaftlichen Hypothekenkredit. Вѣна 1876.

2. Kozak: Rodbertus-Jagetzow's sozialökonomische Ansichten, Jena (Fischer) 1882; большая систематическая сводка воззрѣній Родбертуса.

3. Adler, G.: Rodbertus, der Begründer des wissenschaftlichen Sozialismus. Лейпцигъ 1883.

4. Zuns: Einiges über Rodbertus. I Das Rodbertussche Grundrentenproblem. II Zur Kritik der „Kreditnot“. Берлинъ 1883.

5. Schipppel, M.: Die Rodbertussche Grundrententheorie und die Werttheorie Ricardo's. въ серіи „Staatswis. Abhandlungen издав. Neisser'омъ, 1882.

6. Bahr: Rodbertus' Theorie der Absatzkrizen. Вѣна 1884.

7. Wirth, M.: Der drohende Untergang der Arbeiter Klasse von Rodbertus. Лейпцигъ 1884.

8. Lexis: Zur Kritik der Rodbertusschen Theorie въ „Jahrb. für Nat. und Statistik“, Neue Folge, томъ 9, 1884.

9. Peters: Ein Beitrag zur Lohnreform unter Zugrundelegung der sözialökonom. Ansichten von Rodbertus. 1884.

10. Emele: Der Sozialismus Rodbertus-Iagetzow. Загмарингенъ, 1885.

11. Engels: Marx und Rodbertus, въ „Neue Zeit“ за 1885.

12. Wirth M: Bismark, Wagner, Rodbertus. Лейпцигъ 1885.

13. Dietzel: Karl Rodbertus. Darstellung seines Lebens und Seiner Lehre. 2 вып. Jena (Fischer), 1886—1887—лучшая монографія о Родбертусѣ.

14. Osgood: Scientific socialism of Rodbertus въ „Political science quarterly“. T. I за 1886 г.

15. Ruhkopf: Karl Rodbertus' Theorie von den Handelskrisen. Лейпцигъ 1892.

16. Andler: Les origines du socialisme d'État. Парижъ 1897.

17. Wermert: Pro Societate. II Zur Würdigung des Rodbertus und Seines Staatssozialismus. Галле 1897.

18. Ientsch: Karl Rodbertus. Штутгартъ 1899.

19. Для біографіи Родбертуса имѣютъ значеніе: предисловіе къ выше упомянутой книгѣ Kozak'a и Dietzel'я и статья Karl'a Grün'a: „Zur Erinnerung an Karl Rodbertus“ въ приложеніи къ Аугсбургской Allgem. Zeitung, № 41 отъ 6 февр. 1876.

II. Родбертусъ на русскомъ языкѣ:

Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности, пер. подъ ред. Тарасова, вып. 1, Ярославль, 1881—1887.

Нормальный рабочій день. Пер. М. Я. Герценштейна, „Юридическій Вѣстникъ“, за 1891 г. т. I.

(I письмо).—I соціальное письмо къ фонъ-Кирхману. Пер. I. Давыдова, изданіе „Начало“ (В. В. Святловскаго), Спб. 1906 г.

(II и III письма). — Къ освѣщенію соціальнаго вопроса. Соціальныя письма къ фонъ-Кирхману, письмо II и III. Пер. проф. М. Н. Соболева. Изд. Глаголева, Спб. 1905.

(IV письмо).—Капиталъ. Четвертое соціальное письмо къ фонъ-Кирхману, съ портретомъ автора. Пер. I. Давыдова, изд. „Начало“ (В. В. Святловскаго). Спб. 1906.

Родбертусъ. Теорія ренты и изслѣдованій о капиталѣ: сокращенный переводъ и введеніе (т. е. съ предисловіемъ) А. А. Кауфмана. М. 1908 г.

О Родбертусѣ:

Н. Зиберъ: Карлъ Родбертусъ Ягецовъ. „Юридическій Вѣстникъ“ 1881. № 1—3.

Переписка Родбертуса съ Ад. Вагнеромъ. „Русская Мысль“, 1886. Декабрь.

Кононовъ, А. (К.): Родбертусъ, въ томѣ XXVI Энцикл. Словаря Брокгауза. Спб. 1899 стр. 891—902.

М. Туганъ-Барановскій: Очерки по новѣйшей исторіи политической экономіи. С.-Петербургъ. 1903 г. стр. 252—292.

Лучшимъ на русскомъ языкѣ сочиненіемъ о Родбертусѣ является работа Г. В. Плеханова; „Экономическая теорія Карла-Родбертуса-Ягецова“. Напечатанная сначала въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (за подписью—Валентиновъ) въ 80-хъ годахъ, она вошла затѣмъ въ томъ собранія сочиненій Плеханова „За двадцать лѣтъ“ С.-Петербургъ. 1906 г. (стр. 503—647).

Фердинандъ Лассаль.

(1825 — 1864).

I.

Исторія геніевъ знаетъ одно удивительное явленіе: двойственность лица, реальный и миѳическій образъ исторической фигуры. Вспомните, напримѣръ, Наполеона. Наполеонъ—кропотливаго, эмпирическаго изслѣдованія и Наполеонъ такъ назыв. наполеоновской легенды—это два разныхъ типа, два лица, двѣ фигуры.

Одинъ раздраженный, одутловатый мелочный интриганъ и карьеристъ, бездушный и алчный тиранъ, съ мѣщанскими вкусами и солдатскимъ міровоззрѣніемъ, случайная игрушка рока,—другой титанъ энергіи и мысли, задумчивый и величественный образъ, геніальный могиканъ изъ плеяды величайшихъ кумировъ человѣчества, какъ Ганнибалъ, Александръ Македонскій, Юлій Цезарь.

То же и съ Лассалемъ. Мы знаемъ двухъ Лассалей:—историческаго изслѣдованія и Лассаля легенды.

Второй Лассаль—это Лассаль, такъ сказать, посмертный, но неумирающій отъ ядовитаго скальпеля историческаго анализа и критической провѣрки фактовъ, ибо легенда имѣетъ живой источникъ: она питается духомъ и формою его произведеній, а вся фигура освѣщается тѣмъ грандіознымъ факеломъ соціальнаго движенія, который держится мозолистыми руками все возростающей многомилліонной массы.

Мы поймемъ эту двойственность, если обратимъ вниманіе на то, что жизнь Лассаля, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Брандесъ[1]) „прожита была съ такой страстной интенсивностью и такою бурною поспѣшностью, что человѣкъ какъ бы пролетѣлъ передъ совре-

[1]) Г. Брандесъ: Литературные портреты. Изд. І. Юровскаго. Спб., 1896 г., стр. 14.

менниками, прежде чѣмъ они успѣли опомниться". Весь характеръ Лассаля какъ бы поддерживаетъ эту двойственность.

„Въ одномъ изъ своихъ писемъ, полномъ нетерпѣнія по поводу медленнаго развитія событій, Лассаль употребляетъ выраженіе: „моя пламенная душа"; изъ тысячъ людей, которые употребляютъ это, сдѣлавшееся фразой, выраженіе, онъ одинъ употреблялъ его безъ преувеличенія, въ глубинѣ его души дѣйствительно было нѣчто, напоминавшее пламя. Его пламенная любовь къ наукѣ и расширенію своихъ познаній, его жажда справедливости и истины, его одушевленіе, неукротимое самолюбіе, его глубокое тщеславіе, мужество, его любовь къ власти—все носило тотъ же пламенный, пожирающій характеръ".

„Онъ былъ носитель свѣта и носитель пламени; носитель свѣта, смѣлый и дерзкій, какъ самъ Люциферъ, факелоносецъ, охотно освѣщавшій самого себя отблескомъ факела, которымъ онъ вносилъ свѣтъ и ясность—grand oseur et grand poseur. Въ Гераклитовомъ мірѣ господствующимъ принципомъ было соединеніе лука и лиры; лира—символъ гармоніи, т. е. совершеннаго образованія, лукъ со своей смертоносной огненной стрѣлой обозначаетъ дѣятельность и уничтоженіе. Точно такъ же и въ характерѣ Лассаля господствовало соединеніе лука и лиры—совершенное теоретическое образованіе и неутомимая жажда практической дѣятельности" [1]). „Глубокая доходящая до страстности преданность всеобъемлющему морально-общественному идеалу, преданность, не останавливающаяся передъ самопожертвованіемъ, и рядомъ съ ней бьющее черезъ край чувство своей собственной грандіозной личности, увѣренность въ себѣ, выражающаяся въ самоувѣренности, потребность главенствовать и вести за собой [2])" вотъ та канва, та почва, на которой создавались различныя казусы, дающіе поводъ говорить о „двойственности" Лассаля.

Обратимся же къ біографіи этого выдающагося дѣятеля на политическомъ и научномъ поприщахъ, и тогда, быть можемъ, мы легче поймемъ какъ эту „двойственность", такъ и его воззрѣнія.

---

1) Г. Брандесъ. Ibid. стр. 15—16.

2) Петръ Струве: „На разныя темы (1893—1901 гг.)". Сборникъ этатей. Спб. 1902, стр. 260.

Фердинандъ Лассаль родился 2-го апрѣля 1825 г. въ Бреславлѣ. Онъ сынъ купца средней руки, еврея. Объ этомъ возрастѣ мы знаемъ изъ его дневника, который онъ велъ въ возрастѣ 15—16 лѣтъ“ [1]).

Въ такомъ, почти дѣтскомъ, возрастѣ юный Лассаль пишетъ въ своемъ дневникѣ, что „родись я принцемъ или княземъ, я былъ бы и душой и тѣломъ аристократъ, но такъ какъ я сынъ простого буржуа, то буду въ свое время демократомъ“—такъ пишетъ онъ 15 лѣтъ, а именно 19 іюля 1840 г., и, тѣмъ самымъ, наиболѣе вѣрно опредѣляетъ свой характеръ.

Учился Лассаль сначала въ бреславльской гимназіи, гдѣ за свое „легкомысліе“ получалъ плохіи отмѣтки. По собственному желанію, во избѣжаніе столкновеній съ отцомъ, былъ переведенъ въ коммерческое училище въ Лейпцигъ. Но и здѣсь Лассаль не измѣнился. На свидѣтельствѣ его директоръ сдѣлалъ ему такую аттестацію: „выскочка, дерзокъ, безпутенъ и заносчивъ“.

Отношенія между Лассалемъ и педагогическимъ персоналомъ становились все болѣе и болѣе натянутыми, и въ маѣ 1841 г. Лассаль заявилъ въ разговорѣ отцу, что онъ уходитъ изъ школы и избираетъ теперь предметомъ изученія „величайшую, обширнѣйшую науку въ мірѣ—исторію“.

Выдержавъ экзаменъ на аттестатъ зрѣлости Лассаль поступаетъ (Пасха 1842 г.) сначала въ бреславльскій университетъ, затѣмъ переводится въ берлинскій (Пасха 1844 г.). Въ маѣ 1845 г. Лассаль выходитъ изъ берлинскаго университета и возвращается домой въ Бреславль, но къ концу того же года онъ уѣзжаетъ въ Парижъ—изучать рукописи Гераклита въ тамошнихъ библіотекахъ. Въ Парижѣ Лассаль знакомится съ Гейне; онъ оказываетъ уже больному и старѣющему поэту услугу—въ процессѣ о наслѣдствѣ, который тотъ велъ. Лассаль произвелъ выгодное впечатлѣніе на Гейне, и тотъ написалъ (3 янв. 1846 г.) къ Варнгагену фонъ Энде свое пророческое письмо: „Мой другъ, господинъ Лассаль,

---

[1]) Дневникъ Лассаля имѣется въ русскомъ переводѣ. Фердинандъ Лессаль. Дневникъ. Пер. съ нѣмецкаго. Изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901 г.

который вручитъ вамъ это письмо,—молодой человѣкъ съ необычайными дарованіями: съ основательнѣйшей ученостью, глубочайшими познаніями, съ проницательностью ума, какой я никогда не встрѣчалъ, съ богатѣйшимъ талантомъ изложенія—онъ соединяетъ энергію воли и такую habilité въ дѣйствіяхъ, что положительно повергаетъ меня въ изумленіе, и если онъ не утратитъ симпатіи ко мнѣ, то я жду отъ него очень существенной помощи. Во всякомъ случаѣ это соединеніе знанія и мощи, таланта и воли было для меня пріятнымъ явленіемъ... Г-нъ Лассаль — вѣрнѣйшій сынъ новаго времени, не желающаго ничего знать о томъ самоотреченіи и кротости, съ которыми мы въ наше время носились, которыми бредили болѣе или менѣе лицемѣрно. Это новое поколѣніе хочетъ наслаждаться и господствовать въ мірѣ видимомъ; мы, старики, смиренно преклонялись передъ невидимымъ, мечтали о поцѣлуяхъ тѣней и небесныхъ пахучихъ цвѣтахъ, отрекались и плакали, и все же были, можетъ быть, счастливѣе, чѣмъ эти суровые гладіаторы, которые такъ гордо идутъ навстрѣчу смерти".

Съ 1846 г., одно практическое дѣло увлекло Лассаля на цѣлыхъ 8 лѣтъ его жизни (1846—1854). Оно заключалось въ слѣдующемъ.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Парижъ Лассаль познакомился съ нѣкоею графиней Софіей Гацфельдъ. Угнетаемая мужемъ Софія Гацфельдъ принуждена была повести противъ мужа процессъ о выдѣлѣ ей части имущества. Но прусскіе суды подъ давленіемъ придворныхъ сферъ, въ которыхъ графъ былъ своимъ человѣкомъ, неоднократно рѣшали дѣло не въ пользу графини. Тронутый ея несчастьемъ, Лассаль бросился въ борьбу между этой высокопоставленной дамой и ея мужемъ. Въ своей рѣчи передъ судомъ ассизовъ, 11 авг. 1848 г., въ г. Дюссельдорфѣ онъ такъ объяснялъ мотивы побудившіе его взяться за дѣло Гацфельдъ: „Семья молчала. Но сказано вѣдь: гдѣ молчатъ люди, тамъ говорятъ камни. Гдѣ оскорблены всѣ человѣческія права, гдѣ молчитъ самый голосъ крови, и человѣка оставляютъ безпомощнымъ его прирожденные защитники,—тамъ по праву возстаетъ первый и послѣдній родственникъ человѣка—человѣкъ".

Рѣчь Лассаля была превосходна; такой рѣчи никогда не слыхалъ судъ, такимъ языкомъ никто не говорилъ съ чиновниками этого

почтеннаго учрежденія. Обвинялся онъ въ моральномъ соучастіи въ кражѣ шкатулки, въ томъ, что подговорилъ двухъ молодыхъ людей украсть у любовницы графа Гацфельдъ шкатулку, въ которой должны были находиться важные документы по дѣлу графини Гацфельдъ, которое велъ Лассаль,

„Въ этомъ процессѣ я увидѣлъ не частное дѣло, а воплощеніе общихъ принциповъ и общихъ основныхъ точекъ зрѣнія“— говорилъ Лассаль въ той же защитительной рѣчи, и изъ его словъ становится понятно—почему Лассаль съ такимъ упорствомъ и даже упрямствомъ велъ борьбу втеченіе столь долгаго времени. „Дѣло графини,—говоритъ одинъ біографъ,—сразу выбило молодого Лассаля изъ обыденной колеи, заставивъ его забыть всѣ его планы относительно ученой карьеры“. Родители его были огорчены брошенною карьерою филолога, тѣмъ болѣе, что „такіе люди, какъ Бекъ и Александръ Гумбольдъ, предсказывали Лассалю блестящую будущность“.

„Я понялъ,—говоритъ какъ бы о себѣ Лассаль,—
для чего родился
И для чего такъ крѣпко закаленъ,
Я былъ въ горнилѣ тяжкихъ испытаній;
Огнемъ забушевала кровь во мнѣ,
И бѣшено, съ какимъ то сладострастьемъ,
Я кинулся въ великую борьбу,
Какъ бѣшено волна стремится въ море,
Обрушивалъ на головы враговъ
Я громы грознаго негодованья,
Насмѣшки ѣдкимъ жаломъ ихъ язвилъ,
И при единодушномъ одобреньи
И громкомъ хохотѣ Европы всей,
Въ своихъ пародіяхъ неумолимо,
Я пригвождалъ къ позорному столбу
Ихъ жалкое ничтожество. Но вызвалъ
Я этимъ ненависти цѣлый міръ
И, въ рукопашной схваткѣ съ этимъ міромъ,
Борюсь я грудь о грудь на жизнь и смерть“.

1) Лассаль: Францъ фонъ-Зикингенъ. Переводъ А. и С. Криль. Спб. 1873 г., стр. 130.

Въ 1848 г. мы видимъ 23-хъ лѣтняго Лассаля уже виднымъ дѣятелемъ крайней демократической (республиканской) партіи въ Прирейнской Пруссіи.

Онъ сотрудничаетъ въ „Neue Rheinische Zeitung“, редакторами которой были К. Марксъ и Фр. Энгельсъ. Сотрудничая въ газетѣ Маркса, Лассаль впервые сталъ сближаться съ нимъ, и, естественно, что Марксъ оказалъ нѣкоторое вліяніе на Лассаля.

Вмѣстѣ съ партіей Маркса Лассаль принимаетъ активное участіе въ революціи. Онъ произноситъ цѣлый рядъ рѣчей, призывая къ вооруженной борьбѣ съ правительствомъ. 22-го ноября 1848 г. Лассаля арестовываютъ за рѣчь, произнесенную въ Нейссѣ.

Его защитительная рѣчь въ этомъ процессѣ представляетъ изъ себя въ высшей степени интересный документъ. Рѣчь эта, напечатанная до суда, не была имъ произнесена, такъ какъ судъ рѣшилъ вести дѣло при закрытыхъ дверяхъ, а Лассаль отказался говорить свою рѣчь при такой обстановкѣ. Рѣчь эта, какъ и всѣ его послѣдующія рѣчи представляетъ образецъ ораторскаго искусства.

„Необычайное знаніе—говоритъ справедливо Брандесъ [1])—соединяется тутъ съ вполнѣ современнымъ, строго логическимъ и строго дѣловымъ краснорѣчіемъ; между строкъ сквозитъ сдержанное одушевленіе и огонь, которые по временамъ вспыхиваютъ то тутъ то тамъ, неописуемая смѣлость натиска поддерживается непоколебимой стальной твердостью при всякомъ отраженіи и защитѣ; языкъ и стиль сами по себѣ—цѣлый типъ. Ни слѣда декламаціи. У автора черезчуръ много знанія и силы, чтобъ ему пришла охота декламировать. Но нѣтъ слѣда и научнаго балласта. Здѣсь выступаетъ въ бой тяжело вооруженный, но рѣдко кто такъ легко владѣлъ тяжелымъ оружіемъ“.

Весной 1862 г. Лассаль прочиталъ въ Берлинѣ три лекціи: „Философія Фихте“, „О сущности конституціи“ и „Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія“, которую онъ издалъ въ видѣ брошюры съ подзаголовкомъ: „Программа работниковъ“. Въ рѣчи „объ основной связи

---

[1]) Г. Брандесъ. ibid., 9 стр.

и т. д.“, какъ и въ другихъ рѣчахъ Лассаля, содержатся понужденія, призывы къ дѣйствію, къ активному выступленію.

„Высокая всемірно-историческая честь (такого) предназначенія должна преисполнить собою всѣ ваши помыслы,—говоритъ Лассаль въ „Программѣ работниковъ“ [1]), поднимая вопросъ о необходимости для рабочихъ сдѣлать свою идею руководящей идеей всего общества. Вы — скала, на которой созиждется церковь настоящаго“.... „Вы уже достаточно испытали, чтобы знать что такое цезаризмъ. Поэтому прочь новый компромиссъ! Ножъ къ горлу и колѣно на грудь!“ [2]).

Въ другой разъ онъ восклицаетъ: „Важнѣйшіе центры завоеваны, Лейпцигъ и фабричные округа Саксоніи за насъ. Гамбургъ и Франкфуртъ на Майнѣ стали подъ наши знамена“....

„Прусскій Рейнъ выступаетъ впередъ полнымъ маршемъ! Если Берлинъ присоединится—движеніе станетъ непреодолимымъ....

„Захотите ли вы, рабочіе Берлина, принять на себя отвѣтственность въ томъ, что своимъ образомъ дѣйствій задержали это великое германское движеніе, тріумфъ нашего общаго дѣла? Захотите ли вы, рабочіе столицы, навлечь на себя упреки въ томъ, что вы, которые обязаны были шествовать впереди—послѣдними присоединились къ движенію?“.

„Удары палицы“, „смотръ“, „батальоны!“—вотъ эпитеты и сравненія Лассаля. Формулируя его настроеніе можно сказать:

Лассаль не хочетъ революціи, но она наступитъ; она наступитъ въ мірѣ, если во время и сверху хватитъ ума рѣшитъ то, что диктуетъ время. Если опоздать, то—сила прорвется среди всѣхъ „конвульсій насилья, съ дикоразвивающимися локонами, съ желѣными сандаліями на ногахъ“.

Лассаль еще лѣтомъ 1862 г. въ Лондонѣ развивалъ Марксу свои планы относительно широкой агитаціи среди рабочихъ. Удобный случай вскорѣ представился. 11 февр. 1863 г. онъ получилъ отъ комитета для созыва германскаго конгресса рабочихъ письмо въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

„Ваша брошюра о особомъ соотношеніи въ развитіи современ-

---

[1]) Сочиненія Ф. Лассаля. Т. I. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1905, стр. 3.
[2]) Лассаль. Собр. соч. рус. пер. Т. II, стр. 273.

ной исторической эпохи съ рабочимъ сословіемъ“ встрѣчена съ громаднымъ сочувствіемъ среди рабочихъ“. Такой же отзывъ далъ Центральный Комитетъ въ № 6 своей „Рабочей Газеты“ и на вышедшія къ тому времени памфлеты Лассаля.

„Въ засѣданіи 10 февраля—говорится далѣе,—исполнительный комитетъ постановилъ обращаясь съ довѣріемъ къ Лассалю: „въ любой, вамъ кажущейся подходящей, формѣ изложить свои взгляды на средства развитія рабочей идеи и особенно на значеніе ассоціаціи“.

Но это письмо Лассаль отвѣтилъ извѣстной брошюрой отъ 1 марта 1863 года: „Гласный отвѣтъ центральному комитету, утвержденному для созыва обще-германскаго рабочаго конгресса въ Лейпцигѣ“.

Здѣсь Лассаль прежде всего возражаетъ Шульце-Деличу, утверждавшему, что рабочіе могутъ „обходиться“ безъ собственной политической партіи, что рабочіе могутъ не интересоваться политикой. Лассаль, наоборотъ, говорилъ о томъ, что рабочіе не должны идти въ хвостѣ прогрессистовъ, голосъ ихъ долженъ раздаваться самостоятельно. Объ отношеніи же рабочихъ къ прогрессистамъ, Лассаль говоритъ слѣдующее [1]):

„Всегда сознавать себя и являться партіей самостоятельной и совершенно отдѣльной отъ партіи прогрессистовъ, поддерживать ее въ вопросахъ и пунктахъ общаго интереса, но рѣшительно отворачиваться отъ нея и итти противъ нея, какъ скоро она удаляется отъ интересовъ рабочаго сословія; такимъ образомъ, заставить ее или итти впередъ и превзойти свой нынѣшній уровень, или все глубже погружаться въ болото ничтожества и безсилія, въ которомъ она теперь погрязла уже по колѣна,—такова должна быть простая тактика германской рабочей партіи противъ партіи прогрессистовъ“.

Организація рабочихъ въ политическую партію является, по мнѣнію Лассаля, исторической необходимостью.

Переходя къ вопросу объ улучшеніи положенія рабочаго класса Лассаль находитъ, что „сдѣлать рабочее сословіе своимъ собственнымъ предпринимателемъ—вотъ единственное средство устранить

[1]) Лассаль. Собр. соч. Изд. Н. Глаголева. Т. II, стр. 61.

желѣзный и жестокій законъ, опредѣляющій заработную плату [1]), а это возможно только при производительной ассоціаціи: „единственное средство уничтожить жестокій законъ, опредѣляющій заработную плату, законъ, къ которому рабочее сословіе приковано, какъ къ лобному мѣсту, состоитъ въ поощреніи и развитіи свободныхъ индивидуальныхъ рабочихъ ассоціацій государствомъ“ [2]). „Но какъ склонить государство къ этому вмѣшательству?“ — спрашиваетъ Лассаль и отвѣчаетъ [3]):

„ . . . и на этотъ вопросъ тотчасъ представляется ясный, какъ солнце, отвѣтъ—это возможно только при всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ. Тогда только склоните вы государство выполнить свой долгъ, когда всѣ законодательныя собранія Германіи будутъ основаны на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ“.

Во всей той программѣ, которую Лассаль выставляетъ въ „Гласномъ отвѣтѣ“, чувствуется священное рвеніе, напоминающее рвеніе религіозныхъ новаторовъ,—пылкая иниціатива, но въ то же время бросается въ глаза крайне слабая практическая сторона этой программы. Но всѣ недостатки этой программы объясняются и искупаются, какъ замѣтилъ еще Ланге [4]), вѣрою во всемірно-историческое значеніе даннаго момента и въ признаніе собственной личности.

Здѣсь Лассаль, по справедливому замѣчанію Онкена [5]), „дѣйствовалъ гораздо болѣе, какъ политикъ, чѣмъ какъ соціальный теоретикъ и практикъ“.

Въ письмѣ къ своему дюссельдорфскому другу Леви Лассаль сравнивалъ свой отвѣтъ съ вюртембергскими тезисами Лютера, въ 1517 г. Результатомъ „Гласнаго отвѣта“ было то, что 23 мая 1863 г. въ Лейпцигѣ состоялось учредительное собраніе Общегерманскаго Рабочаго Союза, на которомъ присутствовали представители 11 городовъ.

---

[1]) Лассаль: Собр. соч. Т. II, стр. 73.

[2]) Ibid., стр. 83.

[3]) Ibid., стр. 83—84.

[4]) См. Ф. А. Ланге: Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Пер. съ 4-го нѣм. изд. А. Б. Блека съ пред. Р. И. Сементковскаго. 2-ое изд. Ф. Павленкова. Спб. 1895 г., стр. 261.

[5]) Германъ Онкенъ: Лассаль, какъ политическій дѣятель. Пер. съ нѣм. А. Ивашкевичъ. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905, стр. 219.

Въ основу статута организуемаго Союза былъ положенъ принципъ централизаціи; президенту Союза принадлежала почти диктаторская власть, и такимъ президентомъ былъ на 5 лѣтъ избранъ Лассаль. Притокъ новыхъ членовъ въ Союзъ былъ очень невеликъ: черезъ 3 мѣсяца было всего 900 членовъ.

Желая привлечь новыхъ членовъ, Лассаль отправился въ агитаціонную поѣздку. Въ Барменѣ, Солингенѣ и Дюссельдорфѣ онъ произноситъ рѣчь, озаглавленную: „Празднества, пресса и франкфуртская палата депутатовъ; три симптома общественнаго настроенія“. Его рѣчи и поѣздки были настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ по Германіи. Мощи и красотѣ слова Лассаля поклонялись всѣ, его разъ слышавшіе.

Но Лассалю было мало роли вождя „рабочихъ батальоновъ“. Въ Солингенѣ съ нимъ произошла извѣстная исторія съ телеграммой Бисмарку.

Во время рѣчи Лассаля довольно бурное собраніе, гдѣ говорилъ онъ, было распущено прогрессивнымъ бургомистромъ. Лассаль телеграфировалъ Бисмарку: „Прогрессивный бургомистръ, въ сопровожденіи десяти вооруженныхъ ружьями жандармовъ и нѣсколькихъ полицейскихъ съ обнаженными шашками, только что распустилъ безъ всякаго законнаго повода, созванное мною рабочее собраніе. Я тщетно протестовалъ, ссылаясь на законъ о союзахъ. Я едва удержалъ народъ—около 5.000 человѣкъ въ большой залѣ Стрѣлковаго общества и нѣсколько тысячъ внѣ ея стѣнъ—отъ насилія. Меня сопровождали на телеграфъ жандармы и десять тысячъ народа, которые думали, что я арестованъ. Знамя эльберфельдскихъ рабочихъ конфисковано. Прошу о самомъ строгомъ, самомъ быстромъ законномъ удовлетвореніи“. Этотъ безтактный, не демократическій поступокъ и сама телеграмма служатъ, по удачному замѣчанію Бернштейна [1]), „показателемъ того, какъ сильно Лассаль начиналъ уже въ это время утрачивать чувство политическаго такта“.

Этотъ обдуманный поступокъ имѣлъ цѣлью вызвать возбужденіе, онъ хотѣлъ подчеркнуть дѣйствія прогрессистовъ, а также свою роль въ начинавшемся рабочемъ движеніи.

[1]) Бернштейнъ: Лассаль, т. I, собр. соч. стр. LXXVIII.

Лассаль все больше утрачивалъ „чувство политическаго такта“, все больше становился на скользкій путь „дипломатическихъ средствъ“ и дошелъ до того, что однажды уговаривалъ подать королю прошеніе о помилованіи трехъ рабочихъ, своихъ приверженцевъ, приговоренныхъ къ тюремному заключенію за то, что они будто бы нанесли раны ножами нѣсколькимъ фабрикантамъ, надоѣдливо кричавшимъ во время извѣстнаго собранія въ Солингенѣ [1]). Рабочіе отклонили это предложеніе. Подачей рекомендуемаго адреса Лассаль хотѣлъ „показать правительству силу, чтобъ принудить его къ рѣшенію, которое болѣе всего было нужно ему самому“. Путь полученія всеобщаго избирательнаго права подъ давленіемъ рабочей партіи на правительство казался ему слишкомъ долгимъ. Онъ сближается съ Бисмаркомъ, надѣясь своимъ вліяніемъ на него укоротить этотъ путь.

Онъ зналъ о намѣреніи Бисмарка ввести всеобщее избирательное право и потому то онъ въ берлинской защитительной рѣчи сказалъ, что Бисмаркъ сыграетъ роль Роберта Пиля.

„Къ счастію для добраго имени революціонера Лассаля, къ счастью для великаго дѣла выработки самосознанія нѣмецкихъ рабочихъ, которое онъ такъ хорошо началъ и которое онъ теперь коверкалъ, физическія силы Лассаля лѣтомъ 1864 года совершенно исчерпались“ [2]).

Хроническая болѣзнь горла требовала леченія, и Лассаль отправляется на воды въ Ригу. Здѣсь онъ встрѣчается съ дочерью баварскаго дипломата Дёнигеса, Еленой, которую онъ зналъ еще въ Берлинѣ. Въ это время она была невѣстой румынскаго магната, Янко фонъ Раковица, но изъ-за Лассаля она отказывается отъ него. Вскорѣ Лассаль сдѣлалъ предложеніе ей и просилъ руки Елены у ея отца, но получилъ отказъ. Мы не будемъ приводить здѣсь данныя печальной дуэли Лассаля [3]). Результатъ ея—смерть, послѣдовавшая 31-го августа 1864 г.

1) См. Онкенъ, стр. 325. В. Гумпловичъ, стр. 35.

2) Гумпловичъ, В. Лассаль. Изд. „Лучъ“. Спб. 1906, стр. 35.

3) Въ письмѣ къ К. Марксу (1858 г.) Лассаль говоритъ о дуэли „. . я считаю дуэль безсмысленной окаменѣлостью уже пройденной культурной ступени не только на основаніи моихъ собственныхъ принциповъ, но я всегда думалъ, и думалъ бы также твердо и теперь, если бы дѣло шло не обо мнѣ самомъ, что она исключается именно прин-

Когда великаго человѣка не стало, члены Лассалевскаго Союза долго не хотѣли вѣрить, что ихъ вождь такъ безславно покончилъ свою жизнь; они твердо были убѣждены, что „убійство“ совершено на политической подкладкѣ. Въ своемъ завѣщаніи Лассаль рекомендовалъ Союзу въ свои преемники Бернгарда Беккера; Союзу же онъ оставилъ 500 талеровъ ежегодной ренты. Похороненъ Лассаль на еврейскомъ кладбищѣ въ Бреславлѣ. На могилѣ его имѣется эпитафія знаменитаго знатока классической филологіи, Августа Бекка (Boeckh): „Hier ruht was sterblich war von Lassalle, dem Denker und Kämpfer“.

„Смерть—говоритъ Бернштейнъ [1])—вернула Лассаля рабочему движенію“.

Его имя стало знаменемъ, такъ какъ онъ первый сломилъ пламенемъ слова ледъ политическаго индифферентизма рабочихъ массъ.

Оцѣнки и характеристики Лассаля разнообразны. Французъ Э. де-Лавеле говоритъ: „Ф. Лассаля его приверженцы считаютъ мессіей соціализма. При его жизни они его слушали, какъ оракула: а по смерти чтили, какъ полубога. Онъ для нихъ предметъ настоящаго культа: въ 1874 г. они праздновали десятилѣтнюю годовщину его смерти такими церемоніями, которыя казались богослуженіемъ новой религіи. Они даже дерзаютъ сравнивать его съ Христомъ и вѣрятъ, что его доктрины также пересоздадутъ настоящее общество, какъ христіанство обновило древнее общество“.

„Лассаль, — говоритъ другой писатель, Фридрихъ Альбертъ Ланге,—[2]) былъ одною изъ тѣхъ рѣдкихъ натуръ, которыя почерпаютъ вдохновеніе къ активному вмѣшательству въ окружающую жизнь не въ слѣпой вѣрѣ въ маленькую, сравнительно близкую цѣль, а въ идеальномъ радикализмѣ; а это возможно конечно лишь въ томъ случаѣ, когда такая голова вѣритъ съ наивной страст-

---

ципами демократической партіи“. Письма Ф. Лассаля къ К. Марксу и Ф. Энгельсу. Съ прим. Ф. Меринга. Изд. „Литерат. Дѣло“. Спб. 1905 (стр. 117).

1) Бернштейнъ: Ф. Лассаль. Собр. соч. Лассаля. Изд. Н. Глаголева. Т. I, стр. CXI.

2) Ф. А. Ланге: Рабочій вопросъ. Спб. 1895. Изд. Павленкова, стр. 261.

ностью истиннаго пророка во всемірно-историческое значеніе даннаго момента и въ призваніе своей собственной личности".

„Его партія—говорилъ Ланге передъ этимъ [1])—„выступила съ пылкой иниціативой, съ священнымъ рвеніемъ, напоминающимъ беззавѣтность религіозныхъ новаторовъ,—но съ поразительно мизерной и двусмысленной программой. Конечно, при этомъ не слѣдуетъ предполагать, что Лассаль весь высказался въ своей программѣ"...

Нашъ писатель П. Б. Струве говоритъ: „Не докторъ философіи или права, не профессоръ, не академикъ—и одинъ изъ ученѣйшихъ философовъ и юристовъ своего времени. Не министръ, не членъ парламента—и одинъ изъ вліятельнѣйшихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей эпохи, значеніе котораго не умерло вмѣстѣ съ нимъ, но росло послѣ смерти и выросло въ огромную общественную силу" [2]).

Любопытна характеристика Лассаля, сдѣланная проф. Августомъ Онкеномъ [3]).

„Въ жизни Лассаля... политическія и научныя стремленія постоянно смѣняли или, скорѣе, отстаивали другъ друга, и то единство мышленія и бытія, которое установилъ Гегель, казалось, воплощалось въ стремленіяхъ ученика, когда онъ то брался за чистую науку, чтобы при ея посредствѣ вліять на политику, то пытался осуществить въ политикѣ постулаты науки. Такова была жизненная идея Лассаля, исходя изъ которой только и можно понять связь между различными фазами его дѣятельности".

Это необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣніи философіи Лассаля. Всѣ труды Лассаля проникнуты философскимъ духомъ, какъ его труды по философіи, такъ и всѣ другія.

Лассаль — идеалистъ-гегельянецъ; но, недовольствуясь Гегелемъ, онъ задумываетъ „полную реформацію" его, но въ духѣ его основъ и по его методу. Этого Лассаль не выполнилъ.

Въ „Гераклитѣ" Лассаль говоритъ, что въ настоящее время

---

[1]) Ф. Ланге: Рабочій вопросъ, стр. 262.

[2]) Петръ Струве: На разныя темы въ сборникѣ статей. Спб. 1902 стр. 259.

[3]) Германъ Онкенъ: Ф. Лассаль. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905, стр. 129.

нельзя „понимать и излагать исторію философіи въ видѣ изолированной дисциплины“.

Брандесъ объ этомъ требованіи историческаго изложенія говоритъ такъ: „Однако такое настойчивое требованіе историческаго изложенія можетъ заставить насъ считать точку зрѣнія Лассаля въ указанномъ сочиненіи менѣе гегельянской и болѣе новой, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Предисловіе, въ которомъ такъ сильно подчеркивается эта историчность, написано несомнѣнно послѣ всей книги. Въ остальныхъ частяхъ точка зрѣнія—чисто метафизическая“ [1]). Далѣе онъ же говоритъ [2]): „... Я не хочу сказать, что Лассаль не понялъ Гераклита. Гегелевско-метафизическій методъ и годился именно тамъ, гдѣ нужно было понять мыслителя, сила и оригинальность котораго лежатъ въ діалектикѣ, граничащей съ софистикой“. И въ другомъ мѣстѣ: „если, такимъ образомъ, Лассаль пользуется чисто гегелевскимъ методомъ въ воемъ историко-философскомъ изслѣдованіи, то, съ другой стороны, спослѣднее очевидно интересовало его главнымъ образомъ потому, что онъ видѣлъ въ Гераклитѣ предтечу своего учителя“.

Лассаль — порожденіе нѣмецкой идеалистической философіи; онъ не только побывалъ въ школѣ Канта, Фихте и Гегеля, какъ Марксъ и Энгельсъ, ушедшіе въ матеріализмъ. Въ немъ этотъ духъ былъ живъ до конца его бурной дѣятельности. „Этотъ духъ съ необыкновенной силой отразился на его соціально-философскомъ міросозерцаніи“.

Въ рѣчи о Фихте Лассаль говоритъ, что этотъ духъ есть—„священное Вестово пламя метафизическаго мышленія,—пламя, съ которымъ несмотря на его метафизическую сверхъ-чувственность, точно такъ же, какъ съ огнемъ римскихъ весталокъ неразрывно связаны земныя судьбы нѣмецкой націи“. Этимъ идеалистическимъ пламенемъ и питается его политическій пафосъ, оно сказывается въ лиризмѣ его рѣчей.

Специфическое гегельянство—тоже нашло себѣ мѣсто. Напримѣръ, въ анализѣ отношеній труда и капитала.

---

[1]) и [2]) Г. Брандесъ: Литературные портреты, стр. 45—46 и 46—47.
[3]) Брандесъ. ibid., стр. 48.

1) Тезисъ. Средніе вѣка первую роль играетъ—трудъ; со времени французской революціи;

2) Антитезисъ—первую роль играетъ капиталъ;

3) Синтезъ — новая историческая эпоха — трудъ опять пріобрѣтаетъ значеніе, но съ подчиненіемъ себѣ капитала.

„Система пріобрѣтенныхъ правъ“—оригинальное и самое систематическое сочиненіе Лассаля. „Цѣлью всего сочиненія является уничтоженіе пропасти между догматической и исторической разработкой права“ [1]).

„Наше время стремится выработать себѣ новое соціально-политическое міровоззрѣніе; задача „системы пріобрѣтенныхъ правъ“—раскрыть основную его идею. Только плоскій буржуазный либерализмъ отдѣляетъ въ гражданскомъ правѣ соціальный элементъ отъ политическаго, тогда какъ оба эти элемента составляютъ одно неразрывное цѣлое (основная мысль Л.: „въ соединеніи политики и экономіи—моя главная сила“, писалъ онъ Родбертусу)“ [2]).

„Въ „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“ Лассаль со ссылкой на Фихте превосходно замѣчаетъ и разъясняетъ, что обычное словоупотребленіе, отожествляющее буржуазный либерализмъ съ индивидуализмомъ, рѣшительно не мирится съ буржуазными принципами и учрежденіями“ [3]).

Лассаль въ письмѣ къ Дункеру—своему издателю и другу—говоритъ: „я вообще пытался создать то, чего до сихъ поръ не хватало, и недостатокъ чего былъ особенно чувствителенъ, т. е. я хотѣлъ создать оплотъ для революціи и соціализма въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ изъ научной юридической системы“ [4]).

О „системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“, Пленеръ говоритъ: „Das Buch Lassalle's kann mit vollem Recht Anspruch auf den Namen einer wissenschaftlichen Leistung machen. Seine civilistische Gelehrsamkeit ist zum mindesten auf dem Durchschnittsniveau der strengen juristischen Litteratur, sein Scharfsinn in der Interpre-

---

[1]) Брандесъ. Литер. портреты, стр. 103.

[2]) Лассаль—ст. П. Струве въ Энцикл. Слов. Брокгауза. Томъ XVII стр. 363.

[3]) Петръ Струве. На разныя темы, стр. 265.

[4]) Ав. Онкенъ, стр. 133—134.

tation einzelner Stellen ist oft ungewöhnlich, so bleibt als sein angeblicher Hauptfehler eben nur die philosophische Construction zurück, welche Leben und Bewegung in das ermüdende Gleichmass der Pandekten stellen bringen will. Und nützt denn das scharfsinnige Ausdenken eines grundlegenden Gedankens durch alle Einzelcombinationen hindurch der Wissenschaft nichts". Продолжаетъ онъ: „Solche Versuche müssen immer wieder erneuert werden, um eine von Detail strotzende Wissenschaft guttig aufzustüfteln und sie vor der Gefahr einer blossen Summirung angehaufter Kenntnisse zü bewahren" [1]).

Политическіе взгляды Лассаля лучше всего характеризуются, его словами, обращенными къ рабочимъ: „Всеобщее и прямое избирательное право—это не только вашъ политическій, но и вашъ основной соціальный принципъ, основное условіе всякаго соціальнаго улучшенія". Вообще же Лассаль республиканецъ; государственникъ и противникъ федеративнаго начала.

Свой политическій идеалъ онъ формулировалъ въ письмѣ къ Родбертусу: „Grossdeutschland moins les dynasties", т. е. объединеніе всѣхъ нѣмецкихъ земель, не исключая и земель австрійской короны въ единую республику.

Но Лассаль не сторонникъ прусской гегемоніи и не шовинистъ, какъ его хотѣли представить. Въ 1859 г., въ своей брошюрѣ „Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens"—Лассаль предвидитъ печальныя послѣдствія будущаго. Онъ говоритъ:

„Доброе согласіе—никогда не было болѣе своевременно, чѣмъ теперь, въ моментъ возрожденія французоѣдства возвѣстить это всякому, кто хоть сколько-нибудь можетъ обозрѣть ходъ европейской культуры—доброе согласіе между двумя великими культурными народами, нѣмцами и французами—это пунктъ, отъ котораго безповоротно зависитъ всякая политическая свобода, весь прогрессъ цивилизаціи въ Европѣ, всякое умноженіе и осуществленіе идейной жизни (der geistigen Ideemasse), словомъ все развитіе демократіи и тѣмъ самымъ культурное развитіе вообще. Отъ этого пункта зависитъ не только судьба опредѣленной націи—

---

[1]) Ernst von Plener: Ferdinand Lassale. Leipzig, 1884 г., стр. 29.

онъ есть жизненный вопросъ всей европейской демократіи". И далѣе: „Такая война будетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, самой огромной... по своимъ послѣдствіямъ побѣдой, одержанной реакціоннымъ принципомъ съ марта 1848 года" [1]).

Въ своихъ рѣчахъ „О сущности конституціи" и „Что же дальше?" Лассаль считаетъ основою государственныхъ учрежденій,—истинною конституціею—соотношеніе реальныхъ общественныхъ силъ. Эту реалистическую точку зрѣнія Лассаль противопоставляетъ чисто юридической, которую выставляли либералы. Во время конфликта съ правительствомъ Лассаль рекомендовалъ парламенту не собираться и тѣмъ вынудить правительство сбросить „конституціонную маску".

Соціальная философія Лассаля менѣе оригинальна. Здѣсь сказывается безспорное вліянія Лоренца Штейна и К. Маркса.

Въ „Arbeiterprogramm" (1862 г.) Лассаль намѣчаетъ, согласно съ Марксомъ, историческій процессъ смѣны феодально-средневѣковаго строя современнымъ капиталистическимъ.

Историко-философское обоснованіе этому давало гегельянство. Въ качествѣ гегельянца онъ могъ воскликнуть: „Каждую строчку, которую я пишу,—я пишу, во всеоружіе современной науки". Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно гегелевскому ученію о государствѣ, Лассаль полагаетъ, что рабочій классъ—носитель чистой идеи государства, какъ нравственнаго единства индивидуумовъ, воспитывающаго человѣчество для свободы. Исторія, по Лассалю, „совершающійся съ внутреннею необходимостью непрерывный процессъ развитія разума и свободы". Здѣсь сказывается сходство въ возрѣніяхъ съ повліявшимъ на Лассаля Лоренцемъ фонъ-Штейномъ.

Нѣкоторые говорятъ даже о заимствованіи, но какъ справедливо замѣтилъ Германъ Онкенъ [2]), „заподозрить оргинальность мышленія Лассаля можно только въ его идеяхъ и ихъ проведеніи, но не въ самой ихъ сущности" [3]).

---

1) Цитируемъ переводъ, сдѣланный П. Струве въ ст. „Еще о Лассалѣ". „На разныя темы", стр. 274—275.

2) Г. Онкенъ: Лассаль, стр. 180.

3) Лассаль: Собр. соч. Изд. Н. Глаголева. Т. I, стр. 31—32.

„Исторія,—говоритъ Лассаль,—есть борьба съ природой, съ нищетой, невѣжествомъ, бѣдностью, безсиліемъ и, слѣдовательно, со всяческой неволей, въ которой мы находились, когда родъ человѣческій зачиналъ свою исторію. Постепенное преодолѣніе этого безсилія есть развитіе свободы, которое представляетъ собою исторія. Мы никогда не сдѣлали бы ни одного шага впередъ въ этой борьбѣ и не сдѣлаемъ его, если бы вели или стали вести ее каждый самъ по себѣ, каждый по одиночкѣ.

Назначеніемъ государства и является совершить это развитіе свободы, развитіе рода человѣческаго въ направленіи къ свободѣ.

Государство есть такое единство личностей въ одномъ нравственномъ цѣломъ, единство, умножающее въ милліоны разъ силы всѣхъ отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ это единеніе, безконечно увеличивающее индивидуальныя силы каждой изъ нихъ. Такимъ образомъ, цѣль государства не въ томъ, чтобы охранять только личную свободу и собственность индивидуума, которыми, согласно буржуазной идеѣ, человѣкъ будто бы обладаетъ уже при своемъ вступленіи въ государство; нѣтъ, цѣль государства, наоборотъ, въ томъ, чтобы такимъ соединеніемъ людей дать имъ возможность осуществлять такія цѣли, достигать такихъ ступеней существованія, какія никогда недостижимы для отдѣльной личности, дать имъ возможность пріобрѣсти такую сумму просвѣщенія, силы и свободы, какая была бы немыслима для отдѣльной личности.

Итакъ, цѣль государства—положительно развивать и неустанно совершенствовать человѣческое существо; другими словами,—осуществлять въ дѣйствительности назначеніе человѣка, т. е. культуру, къ которой человѣческій родъ способенъ; цѣль государства—воспитаніе и развитіе человѣчества въ направленіи къ свободѣ“.

„Съ самой ранней юности въ идеѣ государства для Лассаля воплощались и мораль, и право, и разумъ. Всѣ его сочиненія проникнуты увлеченіемъ этой идеей, вѣрой въ миссію государства, не только какъ защитника, но и какъ ревнителя права и культуры“. Но это не былъ „культъ государства“, которому (культу)

Лассаль противополагалъ реалистическое пониманіе государства, какъ организаціи мѣняющихся въ своемъ господствѣ классовыхъ интересовъ.

Но это реальное пониманіе конкретнаго соціальнаго содержанія государства нельзя противопоставлять этическому пониманію государства, какъ морально-общественнаго начала.

„Побѣда коллективнаго сознанія надъ слѣпыми и стихійными силами природы—таковы, по Лассалю, задачи государства.

Это будетъ не поглощеніе личности Левіафаномъ—государствомъ, а освобожденіе личности отъ естественныхъ и историческихъ узъ. Лассалевское пониманіе государства оказываетъ вліяніе и на академическую науку. Такъ катедеръ-соціалисты раздѣляютъ взглядъ Лассаля на государство и его протестъ противъ манчестерства.

Интересны также его взгляды на роль 4-го сословія.

Лассаль утверждалъ, что съ 1848 г. наступаетъ новая эпоха, гдѣ руководящую роль должно пріобрѣсти 4-ое сословіе.

„Четвертое сословіе! Сколько копій поломано въ спорахъ объ этомъ понятіи! Его старались отрицать, изгнать, опровергнуть, все напрасно! Четвертое сословіе фактически существуетъ, и нѣтъ той силы, которая могла бы снова стереть его съ лица земли и помѣшать ему добиться своихъ правъ".

„Организація этого сословія при содѣйствіи государства" — вотъ задача времени.

Но такое рѣшеніе соціальнаго вопроса не ново. Такое же философское и историческое обоснованіе давалъ уже Луи Бланъ. Въ практическихъ предложеніяхъ они одинаковы. Но Лассаль глубже, онъ болѣе соціалистъ; онъ занятъ и основною проблемою соціализма—доходомъ, получаемымъ безъ труда. Помимо Луи Блана Лассаль заимствуетъ свои воззрѣнія у Карла Маркса, Прудона, Родбертуса—иногда безъ всякихъ указаній. Мы знаемъ также, что программа Лассаля представляетъ собою расширеніе идей Луи Блана.

Программа, предложенная Лассалемъ сводится къ слѣдующему: „При современныхъ условіяхъ, когда ремесло все болѣе и болѣе вытѣсняется крупнымъ производствомъ, единственное средство поднять рабочихъ, какъ производителей—это сдѣлать ихъ своими

собственными предпринимателями и уничтожить различіе между предпринимательской прибылью и заработной платой, замѣнивъ послѣднюю дѣйствительнымъ продуктомъ труда рабочаго. Для этой цѣли необходимо учрежденіе свободныхъ производительныхъ ассоціацій рабочихъ съ государственнымъ кредитомъ и подъ контролемъ государства. Только такимъ путемъ возможно будетъ освободить рабочихъ отъ гнета желѣзнаго закона заработной платы".

Самъ Лассаль смотрѣлъ на производительныя ассоціаціи, какъ на переходную мѣру. Въ письмѣ къ Родбертусу—26 мая 1863 г.—онъ писалъ: „Моя совѣсть, какъ теоретика, никогда не позволила бы мнѣ говорить о „разрѣшеніи соціальнаго вопроса" посредствомъ ассоціацій. Здѣсь дѣло идетъ только о практической переходной мѣрѣ, а не о теоретическомъ принципіальномъ окончательномъ разрѣшеніи вопроса,—разрѣшенія котораго вы даже сами ожидаете лишь по прошествіи 500 лѣтъ. Но мнѣ кажется неоспоримымъ, что это разрѣшеніе наступитъ постепенно, если будутъ существовать ассоціаціи, и оно удивительно облегчится при этомъ"...

Свои идеи онъ обосновалъ въ блестящей полемикѣ противъ Шульце-Делича. Противъ производительныхъ ассоціацій Лассаля послѣдователи Маркса приводили тотъ справедливый аргументъ, что при существованіи свободной конкуренціи и вообще капиталистическаго строя они обречены на капиталистическое вырожденіе.

Тоже говоритъ и Родбертусъ, давая юридическую формулировку этому возраженію; осуществленіе плана Лассаля „поведетъ къ самому рѣзкому развитію корпоративной (а не коллективной) собственности на орудія производства, которая измѣнитъ только личный составъ имущихъ и будетъ въ тысячу разъ болѣе ненавистной, чѣмъ современная собственность".

Обычно связываютъ имя Лассаля,—и это главное, что сохранилось о немъ понынѣ въ широкихъ слояхъ—съ такъ назыв. ж е л ѣ з н ы м ъ з а к о н о м ъ з а р а б о т н о й п л а т ы.

Лассаль возродилъ конструкцію идей Рикардо въ своемъ „желѣзномъ законѣ". Формулировка Лассалемъ его теоріи заработной платы сдѣлана имъ въ знаменитомъ „Гласномъ Отвѣтѣ", въ его великолѣпномъ интермеццо къ рабочей агитаціи. Вотъ его под-

линныя слова [1]): „При теперешнихъ отношеніяхъ, подъ господствомъ спроса и предложенія труда, рабочую плату опредѣляетъ слѣдующій желѣзный законъ: средній размѣръ заработной платы всегда сводится на безусловно необходимое содержаніе, требуемое привычками народа для поддержанія жизни и для размноженія. Вотъ точка, вокругъ которой вращается дѣйствительная поденная плата, какъ маятникъ, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже". Далѣе Лассаль опредѣляетъ и условія дѣйствія закона, если плата въ дѣйствительности подымется или опустится.

Относительно случаевъ подъема онъ говоритъ, что заработная плата „не можетъ надолго подняться выше этого средняго размѣра, потому что тогда, вслѣдствіе улучшенія положенія рабочихъ, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размноженіе, рабочее населеніе умножилось бы и, такимъ образомъ, увеличилось бы предложеніе рукъ, что низвело бы рабочую плату къ прежнему размѣру или ниже."

Относительно случаевъ обратныхъ, т. е. опусканія, Лассаль говоритъ: „заработная плата не можетъ долго продержаться и и ниже размѣра, безусловно необходимаго для существованія, потому что тогда наступаютъ выселенія, безбрачіе, воздержаніе отъ дѣторожденія и, наконецъ, уменьшеніе числа рабочихъ посредствомъ нищеты, что ослабляетъ предложеніе рабочихъ рукъ и потому низводитъ заработную плату до прежняго размѣра".

„Слѣдовательно,—заключаетъ Лассаль—дѣйствительный средній размѣръ заработной платы состоитъ въ безпрестанномъ колебаніи вокругъ этого центра тяжести ея, причемъ она то возвышается (періодъ благоденствія во всѣхъ или нѣкоторыхъ отрасляхъ труда), то падаетъ (періодъ болѣе или менѣе общей нужды и кризисовъ)". Лассаль никогда не приписывалъ себѣ чести „открытія" желѣзнаго закона заработной платы, теоріи задолго до него формулированной, намѣчавшейся еще задолго и до Рикардо, а именно съ XVII вѣка.

Лассаль самъ на это указалъ въ своемъ „Гласномъ Отвѣтѣ" [2])

[1]) Собр. соч. Лассаля. Т. II, стр. 67.
[2]) Собр. соч. Лассаля. Т. II, стр. 68.

„Законъ этотъ открытъ и доказанъ именно либеральной экономической школой“. И нѣсколько далѣе:—„въ либеральной школѣ нѣтъ ни одного извѣстнаго экономиста, который отрицалъ бы его. Адамъ Смитъ и Сей, Рикардо и Мальтусъ, Бастіа и Джонъ Стюартъ Милль—всѣ сходятся въ признаніи его“.

Теорія, слѣдовательно, и по Лассалю, не нова, но Лассаль выдвинулъ ее, снабдивъ боевымъ эпитетомъ и универсалировалъ ее [1]).

„Экономическіе принципы Лассаля не оригинальны. Они заимствованы частью изъ классической школы (англійской), частью у соціалистовъ Маркса, Родбертуса и Прудона. Онъ не является послѣдователемъ кого-либо изъ нихъ, а заимствуетъ у всѣхъ чисто эклектически. Воззрѣнія на деньги и значеніе рабочаго времени заимствованы имъ, по его же признанію, у Маркса“. (Diehl, K.).

„Между Лассалемъ и Марксомъ полная противоположность. Лассаль—идеалистиченъ, національненъ, государственный соціалистъ, Марксъ—матеріалистиченъ, интернаціоналенъ и противъ государственнаго соціализма. Марксъ критикуетъ Лассаля въ письмѣ къ Браке. Научный соціализмъ не признаетъ Лассаля, но роль его въ исторіи нѣмецкаго соціализма громадна“. (См. Diehl, K.: Lassale).

Главное значеніе Лассаля въ томъ, что онъ двинулъ впередъ нѣмецкое рабочее движеніе, положилъ начало организаціи рабочихъ, какъ самостоятельной политической партіи, давъ ей ясную программу.

Диль говоритъ: „Лассаль вызвалъ рабочее движеніе; обсужденіе соціальныхъ вопросовъ онъ сдѣлалъ достояніемъ массы; онъ популяризируетъ воззрѣнія соціалистовъ. Лассаль разоблачилъ ошибки манчестерской школы и выдвинулъ значеніе государства въ хозяйственныхъ вопросахъ“.

„Основныя соціально-политическія положенія и требованія

---

1) „Лассаль первый,—говоритъ Эд. Бернштейнъ,—употребилъ выраженіе „желѣзный“ въ приложеніи къ этому закону. И не только одно выраженіе: для него съ этимъ выраженіемъ связывалось понятіе о неизмѣнномъ, абсолютно дѣйствующемъ“. Къ„ вопросу о желѣзномъ законѣ за работной платы“. Русск. пер. Спб. 1902 г., стр. 7.

Лассалевской агитаціи до послѣдняго времени... составляли интегральную часть программы германской соціалъ-демократіи. Только на эрфуртскомъ конгрессѣ, въ 1891 г. окончательно восторжествовала доктрина Маркса".

Эрфуртская программа уже не содержитъ никакихъ элементовъ лассальянства. Отнынѣ—уже господствуетъ новая формула: рабочій вопросъ—вопросъ и политическій и соціальный.

Первый писавшій о Лассалѣ въ Россіи—Яковъ Ватсонъ (†). Въ его „Этюдахъ и очеркахъ по общественнымъ вопросамъ" (Спб. 1892 г.) имѣется статья, написанная въ сентябрѣ и напечатанная въ одномъ изъ журналовъ осенью 1863 г., „Объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи". Въ этой статьѣ отразилось настроеніе того времени.

Противопоставляя двѣ системы содѣйствія рабочему классу—основанной на идеѣ самопомощи (Шульце-Деличъ), и на идеѣ государственнаго вмѣшательства (Лассаль), Ватсонъ говоритъ, что въ лицѣ Лассаля послѣдняя идея терпитъ пока фіаско. „Въ настоящее время,—замѣчаетъ тотъ же авторъ далѣе,—перевѣсъ находится повидимому на сторонѣ системы Шульце-Делича, но объ этомъ дѣлѣ нельзя еще сказать послѣдняго слова" [1]).

Другая точка зрѣнія на Лассаля появилась много позднѣе, она выражена въ статьѣ Струве „Еще о Лассалѣ", въ которой онъ горячо защищаетъ Лассаля. [2]):

„Ошибки Лассаля въ области экономической науки совсѣмъ обезврежены и похоронены исторіею. И потому съ особенною яркостью выступаетъ его неумирающая заслуга, тотъ идеалистическій духъ, въ которомъ онъ понималъ соціальную проблемму, сліяніе ея воедино съ самыми завѣтными и дерзновенными запросами практической и теоретической мысли.

Лассаль навсегда останется замѣчательно цѣльнымъ и чарующимъ—живымъ воплощеніемъ въ одной могучей индивидуальности самаго трезваго соціальнаго реализма и самаго смѣлаго и проникновеннаго соціальнаго идеализма. У него были почти всѣ силь-

---

[1]) Ватсонъ: стр. 142.

[2]) П. Струве. На разныя темы, стр. 265.

ныя стороны реалиста Маркса, и въ то же время онъ, дѣйствительно, унаслѣдовалъ духъ философскаго идеализма Канта, Фихте и Гегеля, а не отказался отъ него, какъ Марксъ, въ пользу матеріализма и эволюціонно-историческаго позитивизма".

Бернштейнъ недавно закончилъ свою, пріобрѣтшую такую широкую извѣстность, книгу призывомъ: „Назадъ къ Ланге!"

Мы очень высоко цѣнимъ личность, критическій духъ и историческія заслуги автора „Исторіи матеріализма". Но мы думаемъ что возвращеніе къ нему можетъ дать лишь очень мало для созданія положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т. е. въ сущности, на старыхъ идеалистическихъ основахъ. Въ поискахъ духовнаго маяка достаточно высокаго и яркаго, взоръ сторонниковъ соціальнаго идеализма долженъ естественно обратиться къ послѣднему, дѣйствительно крупному представителю философскаго идеализма, къ Ф. Лассалю. Къ „діалектическимъ" и инымъ убѣжденнымъ „матеріалистамъ" мы обратились бы поэтому съ призывомъ: „Назадъ къ Лассалю!" Это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ: назадъ къ Гегелю и еще дальше и больше—къ Фихте. Но назадъ не къ ихъ діалектикѣ, которую можно ставить „вверхъ ногами", которая можетъ быть сгибаема и на матеріалистическій, и на идеалистическій ладъ, а къ ихъ строгому и несгибаемому идеалистическому существу. Каково оно—объ этомъ совершенно явственно и достаточно говорятъ историческія фигуры Фихте и Лассаля.

Сочиненія Ф. Лассаля:

1. Meine Assisenrede, gehalten vor den Geschworenen zu Düsseldorf am 3. V. 1849 gegen die Anlage, die Bürger zur Bewaffnung gegen die königliche Gewalt aufgereitz zu haben. Дюссельдорфъ. 1849.
2. Die Philosophie Heraclites des Dunkeln von Ephesos. Берлинъ. 1857.
3. Franz von Sickingen. Берлинъ. 1859.
4. Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens. Берлинъ. 1859.
5. Fichtes politisches Vermächtnis und die neueste Gegenwart. Гамбургъ 1860.
6. Gotthold Ephraim Lessing. Гамбургъ 1861.
7. System der erworbenen Rechte. Лейпцигъ 1861, 1880.
8. Die Philosophie Fichtes und die Bedeutung des deutschen Volksgeistes. Берлинъ 1862.
9. Ueber Verfassungswesen. Берлинъ 1862.
10. Arbeiterprogramm. Берлинъ 1862.
11. Was nun? Zweiter Vortrag über Verfassungswesen. Цюрихъ 1863.
12. Macht und Recht. Цюрихъ 1863.
13. Die Wissenschaft und die Arbeiter. Цюрихъ 1863.
14. Die indirekte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen. Цюрихъ 1863.

15. Offenes Antwortschreiben an das Generalkomitee zur Berufung eines. Allg. Deutschen Arbeiterkongresses zu Leipzig. Цюрихъ 1863.
16. Zur Arbeiterfrage. Lassales Rede am 16. IV. 1863.
17. Arbeiterlesebuch. Франкфуртъ на М. 1863.
18. An die Arbeiter Berlins. Берлинъ 1863.
19. Herr Bastiat-Schulze von Delitzsch, der ökonomische Julian. Берлинъ 1864.
20. Die Agitation des Allg. Deutschen Arbeitervereins und das Versprechen des Königs von Preussen. Берлинъ 1864.
21. Der Hochverratsprozess wider Ferdinand Lassalle vor dem Staatsgerichtshofe zu Berlin am 12. III. 1864. Берлинъ 1864.
22. Der Prozess wider Ferdinand Lassalle vor der korrektionellen Appellkammer zu Düsseldorf am 27. VI. 63. Франкфуртъ на М. 1866. Нью-Іоркъ 1882. Лейпцигъ 1891—92.

Полныя собранія рѣчей и произведеній Лассаля:

1. Изд. Georg Hotschick. Нью-Іоркъ 1882.
2. Изд. Германской Соц.-Демокр. Рабочей Партіи. Самое полное и лучшее. Съ біографическимъ очеркомъ Бернштейна. Берлинъ. 1892.

На русскомъ языкѣ сочиненія Лассаля появились въ рядѣ переводовъ.

Лассаль, Ф.: Объ особенной связи современнаго историческаго періода съ идеей рабочаго сословія. „Современникъ“ 1865 г., кн. 9.
— Сочиненія. Перев. Зайцева, т. I. Спб. 1870, теперь рѣдкость; т. II. Спб. 1871 (сожженъ цензурою).
— Францъ фонъ-Зикингенъ. Пер. А. и С. Криль. Спб. 1873.
— Дневникъ. Былъ напечатанъ въ „Сѣв. Вѣстн.“ и отдѣльно въ изд. Б. Н. Звонарева. Спб. 1901 г.
— Сочиненія. 3 т. Пер. подъ ред. I. Давыдова. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1905.

О Фердинандѣ Лассалѣ и его воззрѣніяхъ писали:

1. Hieronymus: Herostrat-Lassalle, der ökonom. Kronprätendent 1864.
2. Oberwinder: Lassalles Leben und Wirken. Ein Vortrag gehalten am 26. I. 68. Wien. Pischers Witwe. Вѣна 1868.
3. Würzbach: F. Lassalle. Вѣна 1871. Zeitgenossen. 3 книга.
4. Jäger: Der moderne Socialismus. Берлинъ 1873.
5. Becker, B.: Geschichte der Arbeiteragitation F. Lassalles. Брауншвейгъ. 1874—75.
6. Brandes: F. Lassalle. Ein litterärisches Charakterbild. Берлинъ 1877. 2-ое изд. Лейпцигъ 1889. 4 изд. 1900.
7. Solnzew: Eine Liebesepisode aus dem Leben F. Lassalle. Лейпцигъ 1878.
8. Lassalles Briefe an Rotbertus-Jagetzow. Mit einer Einleitung von Ad. Wagner. Puttkammer. Берлинъ 1878.
9. Mehring, F.: Die deutsche Socialdemokratie. 3-ье изд. Бременъ 1879.
10. Kutschbach: Lassalles Tod. Хемницъ 1880.
11. Rotbertus: Briefe und Aufsätze Изд. P. Мейера. Берлинъ 1880.
12. Kutschbach: Sophie Solnzeff u. F. Lassalle. Берлинъ 1881.
13. Meyer, R.: Der Emancipationskampf des 4. Standes. 2-ое изд. Берлинъ 1881.
14. Lindau: Lassalles letzte Rede. Бреславль 1882.
15. Auberg, A.: Ferdinand Lassale. 1883.
16. Plener, V.: F. Lassalle. Лейпцигъ 1884.
17. Laveleye: Le socialisme contemporain. 2-ое изд. Парижъ 1884.
18. Kutschbach: Lassalles Leiden. Берлинъ. 1887.
19. Lenbach, F. v.: Lassalles Leben. Берлинъ 1887.
20. Becker, B.: Enthüllung über das tragische Lebensende F. Lassalle. Шлеицъ 1888—1892.

21. Vogler: F. Lassalle. Sein Leben u. Wirken. Biblothek d. menschl. Wissens. Dresden 1888—90.
22. Kohut: F. Lassalle. Sein Leben u. Wirken. Лейпцигъ 1889.
23. Kegel: F. Lassalle. Штуттгартъ 1889.
24. Menger, A.: Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. 2-oe изд Штутгартъ 1891.
25. Marx, K.: Критика готской программы. Neue Zeit. 1891. № 18.
26. Kennard: F. Lassalle въ Nineteenth Century. 1891. X.
27. Lassalles Briefe an Hans von Bülow. Дрезденъ 1893.
28. Mayer, G.: Lassalle, als socialökonom. Берлинъ 1894.
29. Brandt, L. O.: Lassalles socialist. Anschaungen und prakt. Vorschläge. Iена 1895.
30. Marx, K: Ein Brief an J. B. v. Schnitzer über Lassalleanismus u. Gewerkschafskämpfe. Neue Zeit. 1896—97.
31. Lange: Die Arbeiterfrage. 1895.
32. Andler Ch.: Les origines du socialisme d'État en Allemagne. Парижъ 1897.
33. Herkner.: Die Arbeiterfrage. 2-oe изд. Берлинъ 1897.
34. Mehring.: Die deutsche Socialedmokratie. Штуттгартъ 1897.
35. Sombart: Socialismus und soc. Bewegung. 2-oe изд. Iена, 1900.
36. Rakowitza, geb. v. Dönniges: Meine Beziehungen zu Lassalle. Много изданій.

По-русски о Фердинандѣ Лассалѣ писали:

Коршъ, В. Ѳ.: Послѣдній романъ въ жизни Лассаля. „Этюды“ Спб. 1885 (сначала въ „Вѣст. Евр.“ 80 г. 3 кн.).
— Послѣдніе дни Ф. Лассаля. „Русская Мысль“ 88 г. кн. 10.
Ватсонъ, Э. К.: Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи. „Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ“. Спб. 1892.
В., Л. Г.: Дневникъ Ф. Лассаля. „Русская Мысль“ 91 г. 4, 8.
С. С.: Романическій эпизодъ изъ жизни Ф. Лассаля. Дневникъ. Переписка. Исповѣдь. „Вѣстникъ Европы“ 77 г. 11 кн.
— Спиритъ Лассаль съ того свѣта. „Слово“ 78 г. 2.
— Ф. Лассаль. „Современникъ“ 65 г. 8.
П. Струве. Въ Сборникѣ на разныя темы.
Чичеринъ, Б.: Нѣмецкіе соціалисты. Ф. Лассаль и К. Марксъ. Спб. 1878 г.
Классенъ, В. Я.: Жизнь Лассаля въ связи съ его научной и общественной дѣятельностью. Спб. 96 г.
Б—въ, Е.: Новые матеріалы къ біографіи Ф. Лассаля. „Сѣв. Вѣстникъ“. 90 г. 10 кн.

Карлъ Генрихъ Марксъ.

(1818—1883).

1. Біографія.

Карлъ Генрихъ Марксъ родился 5 мая 1818 г. въ г. Трирѣ, въ прирейнской провинціи. Отецъ его, происходившій изъ семьи еврейскихъ раввиновъ, былъ адвокатомъ. Матерью его была голландская еврейка, урожденная Генріетта Пресбургъ. Въ 1824 г. семья Маркса перешла въ протестантство. Молодой Марксъ учился въ гимназіи въ Трирѣ, курсъ которой окончилъ въ 17 лѣтъ, а затѣмъ въ университетѣ въ Боннѣ и Берлинѣ. Въ Берлинѣ онъ занимался правомъ, исторіей и философіей, готовясь къ профессурѣ, но бросилъ эту мысль, послѣ лишенія Бруно Бауэра права читать лекціи на богословскомъ факультетѣ въ Боннѣ, гдѣ онъ былъ доцентомъ. Марксъ все же сдалъ экзаменъ на доктора философіи. Его диссертація „Философія Эпикура“ была заочно представлена въ Іенскій университетъ 15 апрѣля 1841 г. Эпиграфомъ къ ней служилъ извѣстный гордый отвѣтъ Прометея служителю боговъ [1]).

Литературная дѣятельность Карла Маркса начинается съ 1842 года. Съ этого времени начала выходить „Рейнская Газета“ (Rheinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe) въ Кельнѣ. Ее издавали вожди оппозиціонной буржуазіи—прирейнскіе либералы Камтаузенъ, Ганземанъ и др. Центральное мѣсто въ газетѣ занимала критика засѣданій ландтага. Въ этой газетѣ Марксъ сначала участвовалъ въ качествѣ сотрудника, а затѣмъ сталъ ея главнымъ редакторомъ. Помимо политики онъ вносилъ элементъ экономическій: въ газетѣ появлялись статьи по вопросамъ о свободной торговлѣ и покровительственной системѣ, о роли

[1]) Обстоятельной біографіи К. Маркса до сихъ поръ нѣтъ. У насъ о Марксѣ могутъ быть прочитаны переводная книжка Каутскаго („К. Марксъ)“ и П. Берлина („К. Марксъ и его время“).

промышленности и т. п. Этому помогалъ и составъ редакціи: здѣсь, кромѣ радикаловъ изъ группы вейтлинговскихъ коммунистовъ (Беккера и Зейдлера)—сотрудничали Гейне, Штирнеръ, братья Бауеры, Притцъ.

Любопытно, что Карлъ Марксъ въ то время былъ противъ коммунизма, называлъ его „Stömperei“, но все же усиленно занимался французскими соціалистами — Прудономъ, Фурье, Луи-Бланомъ и Сенъ-Симономъ.

Въ той же газетѣ въ № 221 (въ приложеніи) была напечатана и рѣзкая статья, направленная противъ Гуго, представителя исторической школы въ правѣ „Das philosophische Manifest der historischen Rechtsschule“.

Когда потребовалось смягченіе тона газеты, Марксъ не согласился на это и ушелъ. Газету закрыли. Марксу въ это время было 25 лѣтъ. Къ этому времени онъ женился на Дженни фонъ-Вестфаленъ, дочери крупнаго прусскаго чиновника и сестрѣ извѣстнаго впослѣдствіи министра графа Вестфаленъ. У Маркса было трое дѣтей: два мальчика и дочь.

Въ 1843 году Марксъ, вмѣстѣ съ политическимъ радикаломъ, Арнольдомъ Руи, основываетъ въ Парижѣ „Deutsch-Französische Jahrbücher“. Журналъ этотъ, котораго вышло всего два номера, произвелъ на Бѣлинскаго, какъ мы узнаемъ изъ книги Пыпина „Жизнь Бѣлинскаго“, громадное впечатлѣніе. Журналъ прекратился, частью вслѣдствіе трудности доставки его въ Германію, частью вслѣдствіе редакціонныхъ разногласій. Руи былъ гегельянецъ и буржуазный радикалъ, Марксъ уже перешелъ къ соціализму. Кромѣ того, журналъ потерпѣлъ неуспѣхъ, въ виду того, что новому органу не удалось привлечь къ участію вождей французскаго соціализма. По словамъ Меринга, ихъ оттолкнулъ крайній атеизмъ Маркса, а они тогда пытались сблизить соціализмъ съ христіанствомъ.

Въ это время Марксъ усиленно былъ занятъ экономическими вопросами. На него оказали вліяніе французскіе соціалисты (Прудонъ и др.) и книга Лоренца фонъ-Штейна: „Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs“, 1842.

Въ „Deutsch-französische Jahrbücher“ у Маркса было по-

мѣщено двѣ статьи: „Zur Kritik der Hegel'schen Rechtsphilosophie“, гдѣ Марксъ высказывается противъ политической революціи, которая, по его мнѣнію, „сонъ“, и за пролетарскую соціалъ-демократическую революцію, за освобожденіе, которое было бы эмансипаціей нѣмцевъ, могущей сдѣлать „ихъ людьми“. Марксъ говоритъ: „Der Kopf dieser Emancipation ist die Philosophie, ihr Herz — Proletariat“.

Вторая статья, „Zur Judenfrage“, въ которой Марксъ говоритъ, что историческое развитіе эмансипируетъ евреевъ. Онъ разсматриваетъ вопросъ не съ теологической или національной точки зрѣнія, а съ экономической.

Затѣмъ Марксъ участвуетъ въ маленькой оппозиціонной нѣмецкой газеткѣ „Vorwärts“ издаваемой въ Парижѣ, и помѣщаетъ въ ней „Kritische Randglossen zu dem Artikel: „Der König von Preussen und die Socialreform. Von einem Preussen.“—Рѣзкій тонъ газеты заставилъ прусское правительство, черезъ своего посла Александра фонъ-Гумбольта сдѣлать соотвѣтствующее представленіе французскому министерству, въ результатѣ чего всѣ не французскіе сотрудники „Vorwärts'a“ были высланы. Въ ихъ числѣ находился и Марксъ. Изъ Парижа онъ ѣдетъ въ Брюссель (1845); съ нимъ туда же направился и его новый другъ, Фридрихъ Энгельсъ, съ которымъ Марксъ сошелся еще въ 1844 г. и который принималъ участіе въ его работѣ, носящей названіе „Die heilige Familie oder Kritik der Kritischen Kritik. Gegen Bruno Bauer und Consorten“, 1845. Въ зиму 1846/47 г. Марксъ выступаетъ противъ Прудона; онъ какъ бы разграничиваетъ соціализмъ отъ анархизма, съ которымъ онъ всегда враждовалъ. Марксъ пишетъ на французскомъ языкѣ „Misère de la philosophie“ отвѣтъ на „Философію нищеты“ Прудона.

Противъ Прудона Марксъ ополчается очень рѣзко:

„Г. Прудонъ, — говоритъ Марксъ,—имѣетъ несчастіе быть особенно непризнаннымъ въ Европѣ. Во Франціи онъ имѣетъ право быть дурнымъ экономистомъ, такъ какъ слыветъ за хорошаго нѣмецкаго философа. Въ Германіи онъ имѣетъ право быть плохимъ философомъ, такъ какъ слыветъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ французскихъ экономистовъ. Мы въ качествѣ, въ одно и

то же время, нѣмца и экономиста, пожелали протестовать противъ этой двойной ошибки."

„Работа г. Прудона,—говоритъ онъ въ предисловіи,—не простой трактатъ по политической экономіи, не обыкновенная книга,—это библія: „Тайны", „тайны, исторгнутыя изъ лона Бога", „откровенія"—въ ней нѣтъ ни въ чемъ недостатка. Но такъ какъ въ наши дни пророки подвергаются еще болѣе добросовѣстному обсужденію, чѣмъ простые авторы (les auteurs profanes),—то пусть читатель покорится и пройдетъ вмѣстѣ съ нами сухой и мрачный путь эрудиціи, начиная съ „Бытія", чтобы подняться потомъ вмѣстѣ съ г. Прудономъ въ плодоносныя эфирныя страны супра-соціализма (см. Proudhon: „Philosophie de la misère". Prologue, p. III ligne 20)".

Къ этому времени у Маркса уже съ большей или меньшей опредѣленностью сложился рядъ идей, легшихъ въ основаніе его соціологической системы. Уже въ этой работѣ, посвященной полемикѣ съ Прудономъ, онъ высказываетъ свои взгляды на значеніе классовой борьбы: „Общество, его соціальныя отношенія—основаны на антагонизмѣ классовъ. Эти отношенія, не отношенія индивида къ индивиду, но рабочаго къ капиталисту, фермера къ земельному собственнику. Уничтожьте эти отношенія и вы уничтожите все общество" [1]).

Позднѣе Марксъ, въ отдѣльныхъ статьяхъ, подвергалъ столь же безпощадной критикѣ воззрѣнія послѣдователей Прудона.

Въ періодъ времени передъ 1848 годомъ Марксъ сближается съ „коммунистическимъ союзомъ". Это былъ старый союзъ, основанный еще въ 1836 году портнымъ В. Вейтлингомъ и К. Шапперомъ,—называвшійся тогда „Bund der Gerechten", а позднѣе „Communisten Bund". Они сносились циркулярами съ Лондономъ и

1) Карлъ Марксъ: Нищета Философіи, рус. пер. Кіевъ, 1899, стр. 74. Эта французская брошюра Маркса, направленная противъ „системы экономическихъ противорѣчій" Прудона, большого и основного труда этого писателя, была переведена на нѣмецкій языкъ только въ 1885 г. Бернштейномъ и Каутскимъ, подъ заглавіемъ „Das Elend der Philosophie".—(2-е изданіе въ 1892 г. у Dietz'а въ Штутгартѣ, русскіе переводы: 1) Кіевъ, 1889, 2) Одесса, 1905 г., изд. Е. М: Алексѣевой, пер. С. А. Алексѣева, 3) Петербургъ, изд. Львовича. пер. В. И. Засуличъ, подъ ред. Г. П. Плеханова.

Парижемъ. Членъ союза, часовщикъ Мостъ, весною 1848 г. ѣдетъ изъ Лондона въ Брюссель созвать конгрессъ коммунистовъ. Такихъ конгрессовъ состоялось два: одинъ весною 1847 г., другой—осенью того же года.

Марксъ вмѣстѣ со своими брюссельскими единомышленниками реорганизовали союзъ, устроивъ центральный органъ въ Парижѣ, а для нормировки дѣятельности издали, послѣ второго конгресса въ ноябрѣ 1847 года—свою программу—„Коммунистическій маманифестъ“ [1]).

„Коммунистическій манифестъ“ вначалѣ былъ встрѣченъ довольно холодно. Но съ конца 50-хъ годовъ онъ получаетъ міровую извѣстность. На русскій языкъ онъ переведенъ былъ впервые Бакунинымъ въ 1860 г., затѣмъ Вѣрою Засуличъ въ 1882 г.

Послѣ февральской революціи 1848 года Марксъ перебрался снова въ Парижъ. Его приглашало туда временное правительство. 1-го марта 1848 г. онъ получилъ изъ Парижа отъ члена временного правительства Фердинада Флассона слѣдующее приглашеніе: „Вѣрный, дорогой другъ. Земля французской республики—убѣжище всѣхъ друзей свободы. Тиранія Васъ угнетала, свободная Франція открываетъ Вамъ свои двери, Вамъ и всѣмъ, кто борется за святыню, соединяющую всѣ народы. Первый представитель французскаго правительства сдѣлалъ бы, (по отношенію къ Вамъ) то же (что и я). Братскій привѣтъ“. Это приглашеніе подоспѣло весьма кстати, такъ какъ разъ въ это время брюссельскія власти распорядились о высылкѣ Маркса.

Въ Парижѣ Марксъ быстро убѣдился, что силы коммунистовъ слабы, а дни революціи сочтены. Къ 1 іюня 1848 г. мы его видимъ опять въ Кельнѣ. Здѣсь нарождается Рейнская Газета, но уже „Новая рейнская газета“. Въ редакціи приняли участіе: Энгельсъ, Вильгельмъ Вольфъ, Георгъ Виртъ, Эрнстъ Дранке и поэтъ Фер-

1) Въ послѣднее время усумнились въ подлинности коммунистическаго манифеста, который одинъ изъ анархистовъ (Черкесовъ) считаетъ плагіатомъ манифеста фурьериста Консидерана. Дѣйствительно, съ внѣшней стороны нѣкоторое заимствованіе литературныхъ оборотовъ кое гдѣ имѣется, но содержаніе, а главное основной смыслъ Консидерановскаго и Марксовскаго манифестовъ настолько же далеко другъ отъ друга, какъ фурьеризмъ и марксизмъ.

динандъ Фрейлигратъ. Газета просуществовала менѣе года, вышло только 6 выпусковъ. Главной задачей своей она ставила защиту интересовъ пролетаріата. Въ ней помѣщена была статья Карла Маркса: „Die Klassenkämpfe in Frankreich“, продолженіемъ которой является „18 Брюмера Луи Бонопарта“.

Переселившись въ Германію, Марксъ принималъ участіе въ движеніи 1848 года, собственно въ дѣлахъ „Кельнскаго рабочаго союза“ и въ мѣстномъ „совѣтѣ демократовъ“. Въ союзѣ, которымъ руководилъ часовщикъ Мостъ и Шапперъ (сотрудникъ Вейтлинга). Вскорѣ, за участіе въ „агитаціи“, Марксъ былъ привлеченъ къ суду, но оправданъ.

16 мая 1849 года Марксъ снова подвергается изгнанію. Наступаютъ тяжелые для него и его семьи годы. Нужда и поиски заработка, работа ради куска хлѣба—все это отнимало у него очень много времени. Онъ въ это время принимаетъ участіе въ англійскихъ журналахъ, а именно въ Нью-Іорской Трибунѣ бывшаго фурьериста Карла Даная, Ежемѣсячникѣ Патнамса, Монхеу и въ „Новой Американской Циклопедіи“. Кромѣ того, въ этотъ же періодъ имъ написанъ цѣлый рядъ статей политическаго характера: „Жизнь Пальмерстона“, „Пальмерстонъ и Польша“,—Palmerston what nos huhdown и др.

Періодъ политическаго застоя въ 50-ые годы, наступившій послѣ общаго революціоннаго возбужденія и оказавшій на нашего Герцена такое подавляющее вліяніе, для Маркса былъ временемъ упорнѣйшаго литературнаго труда. Къ этому времени относятся между прочимъ „18 Брюмера Луи Бонапарта“ (1852) Критика политической экономіи 1859, „господинъ Фогтъ“ (1860 г.) рѣзкая брошюра противъ Фогта, утратившая теперь свой интересъ.

Участіе Маркса въ практической дѣятельности связанной съ рабочимъ движеніемъ, возобновляется съ 1864 года. Въ этомъ году въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ проф. Биснея и Фридриха Гаррисона основана была „Международная ассоціація рабочихъ“ (Die Internationale Arbeiter Association), получившая просто названіе „Интернаціонала“. Многіе изъ членовъ этой ассоціаціи склонны были къ коммунистическимъ и анархистскимъ идеямъ.

Встрѣчались среди нихъ даже люди съ бланкистскими тенденціями,

Хотя Марксу и не принадлежала иниціатива созванія интернаціонала, но онъ быстро занялъ въ немъ положеніе руководителя. Марксъ былъ душею всего дѣла въ продолженіи 8 лѣтъ, т. е. вплоть до Гаагской конференціи, когда интернаціоналъ палъ. Дѣятельность общества выразилась главнымъ образомъ въ поддержкѣ стачекъ и въ образованіи филіальныхъ отдѣловъ, занимавшихся пропагандой идей интернаціонала. Съ паденіемъ интернаціонала вліяніе идей Маркса на рабочее движеніе, особенно въ Германіи—однако не уменьшилось. Ученикъ Маркса, Вильгельмъ Либкнехтъ, распространилъ идеи учителя среди нѣмецкихъ рабочихъ вмѣстѣ съ другимъ агитаторомъ, Августомъ Бебелемъ. Въ 1875 году на конгрессѣ въ Готѣ произошло сліяніе двухъ соціалистическихъ фракцій—болѣе многочисленной Лассальской—и менѣе многочисленной Марксистской. Послѣдняя въ идейномъ отношеніи одержала верхъ, и съ тѣхъ поръ марксистское міросозерцаніе стало господствующимъ въ средѣ активныхъ участниковъ рабочаго движенія въ Германіи.

Ко времени его участія въ Интернаціоналѣ относится и появленіе величайшаго труда Маркса, по политической экономіи, составившаго эпоху въ исторіи развитія этой науки, — „Капитала“. Въ немъ установлена новая точка зрѣнія на цѣнность и произведенъ глубочайшій анализъ современнаго экономическаго строя—капитализма.

Въ 1867 г. вышелъ первый томъ знаменитаго „Капитала“ (производство). Остальные тома вышли уже по смерти ихъ автора.

Второй томъ былъ изданъ въ 1885 г. (процессъ обращенія).

Третій—въ 1891 г. (средняя норма прибыли и земельная рента), изданъ подъ руководствомъ Энгельса.

Наконецъ, четвертый въ 1904/5 г. (Исторія ученій о прибавочной стоимости изданъ подъ руководствомъ Каутскаго.

Карлъ Марксъ скончался 14-го марта 1883 г., въ Лондонѣ.

Такова жизнь Маркса. Вся она прошла какъ мы видимъ, въ постоянной борьбѣ, въ постоянной практической и теоретической работѣ, всецѣло посвященной рабочему движеніи и связаннымъ

съ нимъ вопросамъ. Въ литературныхъ произведеніяхъ Маркса особенно поражаетъ его изумительная эрудиція не только въ сферѣ экономическихъ наукъ, но и въ другихъ областяхъ. Онъ зналъ русскій языкъ и былъ знакомъ съ русской литературой, читалъ Пушкина, Гоголя и Щедрина. Мысли Маркса отличались трезвостью, силою анализа. Онъ чуждъ неопредѣленныхъ порывовъ, энтузіазма, иллюзій. Нѣкоторыя черты его характера производили на сталкивавшихся съ нимъ людей непріятное впечатлѣніе. Въ его отношеніяхъ ко многимъ людямъ слышалось неудержимое презрѣніе, сарказмъ его былъ поистинѣ безпощаденъ, его пафосъ боевой, разрушительный. Вражда, ненависть къ угнетателямъ какъ бы замѣняла въ его душѣ любовь къ угнетеннымъ.

Зомбартъ говоритъ, что Марксъ видѣлъ всегда лишь темную сторону человѣческой души и преслѣдовалъ ее. Прудонъ, Бакунинъ, Бланки, Герценъ подвергались его нападкамъ не только за свои воззрѣнія, но и за свои личныя качества, дѣлавшія ихъ совершенно чуждыми Марксу. Особенно тяжелой для многихъ была та черта его характера, которая заставляла подозрѣвать въ немъ человѣка съ деспотическими наклонностями.

„Ничего похожаго не было въ интимномъ кругу Маркса. Онъ царилъ, а всѣ прочіе были его покорными слугами и учениками. И горе было бы ученику, который бы осмѣлился ослушаться учителя. Нравственная атмосфера, въ которой жилъ этотъ духовный владыка, недурно охарактеризована въ шутливомъ письмѣ, цитируемомъ Либкнехтомъ, однимъ изъ самыхъ преданныхъ учениковъ Маркса, иногда выходившимъ, однако, изъ повиновенія своему строгому учителю. Либкнехтъ получилъ приглашеніе отъ своего пріятеля, переселившагося въ Америку, хорошо знавшаго интимный кружокъ Маркса, принять участіе въ редактированіи американской газеты. „Ты будешь здѣсь, по крайней мѣрѣ, свободнымъ человѣкомъ, — писалъ Либкнехту его другъ,—получишь возможность дѣйствовать самостоятельно. А что ты тамъ? Игрушка въ чужихъ рукахъ, оселъ, котораго заставляютъ таскать тяжести, чтобы потомъ осмѣять. Что такое ваше духовное царство? Наверху возсѣдаетъ на тронѣ всезнающій, премудрый Далай-Лама—Марксъ. Затѣмъ долго-долго нѣтъ ничего. Потомъ идетъ Энгельсъ. Опять

долго-долго нѣтъ ничего. И наконецъ, приходитъ, быть можетъ, очередь „сентиментальнаго осла“ Либкнехта“. Но Либкнехтъ, какъ и прочіе другіе, мирился со своимъ положеніемъ—онъ нашелъ въ ученіи Маркса символъ вѣры, научную основу всей своей практической общественной дѣятельности. Могучая индивидуальность геніальнаго мыслителя, несмотря на свои для многихъ отталкивающія черты, заключала въ себѣ что то чрезвычайно импонирующее. Чувствовалась не только огромная умственная сила, но и желѣзная воля. Соединеніе того и другого создавало совершенно исключительный и моральный авторитетъ, которымъ этотъ царь пользовался среди своихъ послѣдователей.

„Въ лицѣ Маркса мы имѣемъ передъ собою удивительно цѣльную законченную фигуру, какъ бы всю вылитую изъ бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоувѣренное, но въ то же время угловатое, жесткое, рѣзкое сквозитъ во всякой чертѣ его характернаго нравственнаго облика. Видно что передъ вами человѣкъ, привыкшій царить надъ умами людей и не допускающій ни минуты сомнѣнія въ своемъ правѣ на это. Его портретъ нѣсколько напоминаетъ изображеніе Юпитера Олимпійца. И дѣйствительно, такимъ олимпійцемъ, повелителемъ неба, держащимъ въ своихъ рукахъ громоносныя стрѣлы, долженъ былъ казаться Марксъ своимъ многочисленнымъ ученикамъ и послѣдователямъ. Въ своемъ собственномъ царствѣ онъ былъ не конституціоннымъ монархомъ, но самодержавнымъ владыкой. Его умственное руководительство превращалось въ желѣзную диктатуру, которой долженъ былъ подчиняться каждый, поддерживавшій съ нимъ духовное общеніе“ [1]).

Марксъ представлялъ собою,—говоритъ одинъ его біографъ,—типъ человѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія... Всѣ его движенія угловаты, но смѣлы и самонадѣянны; рѣзкій голосъ, звучавшій какъ металлъ, шелъ удивительно къ радикальнымъ приговорамъ надъ лицами и предметами, которые онъ произносилъ. Марксъ и не говорилъ иначе, какъ такими без-

---

[1]) Туганъ-Барановскій, М.: Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. Спб. 1903, стр. 292.

апелляціонными приговорами, надъ которыми, впрочемъ царствовала одна до боли рѣзкая нота, покрывавшая все, что онъ говорилъ. Нота выражала твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собою [1]).

Міровоззрѣніе Карла Маркса легло въ основу одного изъ важнѣйшихъ умственныхъ теченій второй половины XIX и начала XX столѣтія—марксизма, имѣющаго, вмѣстѣ съ политическою партіею, ставящею своею задачею его распространеніе, (съ соціалъ-демократическою рабочею партіею пролетаріата)—міровое значеніе и распространеніе.

Само собою поэтому понятно, что литература о Карлѣ Марксѣ и марксизмѣ на всѣхъ языкахъ необъятна. Предполагая единовременно—дать особый очеркъ, посвященный К. Марксу и марксизму, мы здѣсь, поэтому ограничиваемся только вышеприведенными преимущественно біографическими замѣчаніями.

---

1) Замѣчательное десятилѣтіе—1838—1848, въ сборникѣ „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. III, стр. 156.

Историческая школа.

I.

Возникновеніе историзма.

Начало XIX вѣка застало полный расцвѣтъ ученія классической школы. О томъ, что это—„школа", „направленіе" тогда, да и долго послѣ того, не знали. Доктрина классицизма—считалась чистою наукою, кодексомъ „вѣчныхъ" „незыблемыхъ" экономическихъ истинъ. Поэтому Адамъ Смитъ—этотъ Аристотель политической экономіи,—безгранично царилъ надъ умами и сердцами. Dei minores,—Рикардо и Мальтусъ, раздѣляли съ нимъ славу. Ихъ ученія дополняли и раскрывали смыслъ „изслѣдованія причинъ богатства и бѣдности народовъ", этого, какъ потомъ поняли, откровенія европейской буржуазіи.

Какая потребовалась грандіозная работа мысли, какой безпощадный анализъ, прежнихъ убѣжденій и вѣрованій чтобы свергнуть съ пьедестала такого колосса мысли и системы, какъ логически стройно и по своему глубоко продуманное ученіе классической школы. Только новый и пышный расцвѣтъ соціальной науки, только ѣдкая и неустанная критика ряда первоклассныхъ талантовъ, да неоспоримыя доказательства новыхъ фактовъ новой жизни,—перевернули страницу въ исторіи экономическихъ ученій и разъяснили, что вѣчные законы Смита только идеологія плутократіи. Въ теченіи XIX вѣка вся соціальная обстановка Европы совершенно измѣнилась. На исторической сценѣ появился новый классъ—пролетаріатъ, который рѣзко заявилъ, что наука Смита не Евангеліе, а грубый амморальный кодексъ фабрикантовъ и капиталистовъ. Въ наукѣ реакція противъ царственнаго классицизма шла медленно и скрытно; въ началѣ изолированно, и съ

самыхъ разныхъ точекъ зрѣнія подкапывались подъ основы смитіанства, особенно противъ его выраженія въ мальтузіанствѣ. Мораль послѣдняго—снисходительное отношеніе къ эксплоатаціи трудящихся и оправданіи процента—опровергаютъ соціалисты; презрѣніе къ сельской жизни и мелкому производству—разрушаютъ Сисмонди и фонъ-Тюненъ; величественную идею космополитизма безпощадно критикуетъ Фридрихъ Листъ,—но самое ужасное опустошеніе производитъ новая философія, ея отрицаніе абсолютизма и исключительное признаніе относительнаго, измѣняющагося, эволюціоннаго метода. Вдохновители новаго міровоззрѣнія—Сенъ-Симонъ, а оффиціально Огюстъ Контъ—создали непреодолимую стѣну для дальнѣйшаго распространенія классицизма, а то, что не сдѣлалъ позитивизмъ докончили успѣхи естествознанія и исторіи и историческое направленіе въ юриспруденціи. Наступила совсѣмъ иная умственная атмосфера, для Адама Смита не оставалось болѣе почвы. И вотъ классицизмъ отступаетъ, мѣстами исчезая безслѣдно, мѣстами перерождаясь въ переходныя теченія.

Въ такой то умственной атмосферѣ и появилась историческая школа въ политической экономіи. Приписывать честь ея появленія одному какому нибудь фактору, хотя бы внѣдренію въ умы новой философіи Огюста Конта, или успѣхамъ естествознанія, которое въ это время сдѣлало гигантскій шагъ впередъ, или, наконецъ, господствовавшему, модному тогда историзму въ правѣ и политикѣ—нельзя: такое указаніе было бы односторонне. Каждый изъ этихъ факторовъ вкладывалъ въ дѣло развитія направленія посильное вліяніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно точно указать и времени происхожденія историзма. Правда, школьная рутина связываетъ возникновеніе историзма въ политической экономіи съ появленіемъ сочиненій Рошера, Книса, Б. Гильдебранта тѣмъ самымъ, какъ будто указывая съ одной стороны единый источникъ его происхожденія, съ другой—подмѣняя опредѣленіемъ факта его объясненія. Появленіе сочиненій Рошера чисто внѣшнее указаніе, а не выясненіе причинъ ихъ появленія.

Одно время полагали, что историческая школа въ политической экономіи появилась подъ вліяніемъ исторической же школы въ юриспруденціи и что воззрѣнія экономистовъ-историковъ: Рошера,

Книса и Гильдебранта навѣяны юристами-историками: Тибо, Герингомъ и Савиньи [1]). Это фактически невѣрно: историческія изысканія показали, что историческія школы юристовъ и экономистовъ развились рѣшительно безъ всякаго взаимодѣйствія, хотя и подъ вліяніемъ общихъ условій.

„Историческая школа нѣмецкихъ экономистовъ, говоритъ Менгеръ [2]),—беретъ свое начало не отъ Бурка, не отъ Нибура или Вильгельма фонъ-Гумбольда, а коренится въ сущности, главнымъ образомъ въ стремленіяхъ тѣхъ нѣмецкихъ историковъ, которые въ концѣ прошлаго и въ первые четыре десятилѣтія послѣдняго вѣка читали въ нѣкоторыхъ германскихъ университетахъ, вслѣдствіе тогдашнихъ университетскихъ порядковъ,—исторію и на ряду съ ней политику, а потому имѣли близкій поводъ примѣнять свои историческія познанія къ наукѣ политики, и наоборотъ, познанія въ послѣдней къ историческимъ сужденіямъ". Еще болѣе,—скажемъ мы, помимо этой, весьма цѣнной фактической поправки проф. Менгера,—играли роль общіе моменты эпохи. Это во первыхъ—общія условія эпохи наканунѣ 1848 года, уже взбудораженной соціальнымъ вопросомъ и соціализмомъ, возвѣщеннымъ академическимъ кругамъ Лоренцомъ Штейномъ, а пролетаріямъ—Вильгельмомъ Вейтлингомъ; это, во вторыхъ общій характеръ основъ философской и научной мысли того времени, когда эмпиризмъ въ естествознаніи и позитивизмъ въ философіи разсматривалъ всѣ явленія съ точки зрѣнія ихъ развитія и относительности.

Эспинасъ при объясненіи происхожденія исторической школы указываетъ на то, что еще до появленія историзма раздавались протесты противъ классицизма. Первый протестъ исходилъ изъ рядовъ философовъ анти-революціоннаго направленія, Жо-

---

1) Такъ думаетъ, наприм., Д. Ингрэмъ (Исторія политической экономіи, 2 изд. 1894 г., стр. 287). Англійскій ученый полагаетъ, историческая школа явилась „простымъ распространеніемъ на экономическія отношенія взглядовъ исторической школы въ юриспруденціи".

2) К. Менгеръ: Изслѣдованіе о методахъ соціальныхъ наукъ. пб. 1894 г., стр. 122.

зефъ де Мэстръ, защитникъ монархіи и папства, отрицалъ революціонный догматъ, что человѣческія учрежденія могутъ принять характеръ универсальности и необходимости. Онъ говорилъ, что не можетъ быть единообразнаго „самаго лучшаго направленія для всѣхъ народовъ". Общія же начала должны быть согласованы съ условіями мѣста и характеромъ населенія. Но не одинъ Ж. де- Мэстръ, Сенъ Симонъ,—этотъ изумительный, но хаотическій геній,—также осуждалъ философскую метафизику и требовалъ позитивной постановки вопросовъ. За нимъ идетъ. его замѣчательный ученикъ Огюстъ Контъ, уже съ полною послѣдовательностью отвергающій абсолютизмъ въ теоріи и „вѣчныя и незыблемыя" явленія въ экономической жизни. Совершенно новыя принципы міропониманія подрываютъ самыя основы смитіанства.

Почти одновременно съ Контомъ, Савиньи,—историкъ-юристъ,—утверждалъ, что юридическія учрежденія не плодъ отвлеченнаго разума, а создаются нуждами, вѣрованіями, политическими и соціальными условіями народовъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ писателей несомнѣнно главное вліяніе оказалъ О. Контъ. Цивилизація не твореніе разума, а результатъ прогресса, процесса безпрерывнаго. Экономическія явленія только часть соціальныхъ. Они измѣнчивы и относительны. Изоляція политической экономіи, рекомендованная Смитомъ, отъ соціологіи немыслима. Незыблемые законы экономіи такая же безплодная абстракція, какъ незыблемые законы исторіи. Вотъ философскія основанія, легшія въ основу исторической школы, дальнѣйшему развитію которой помогла борьба съ манчестерствомъ, тогдашнимъ типичнымъ выразителемъ смитіанства. Попытку дать объясненіе генезиса исторической школы сдѣлалъ Н. Х. Бунге. Въ его «Историческомъ очеркѣ экономическихъ ученій», отмѣчается связь политико-экономическихъ изслѣдованій съ историческими: «Уже въ XVII столѣтіи Гаррингтонъ усматривалъ зависимость образа правленія отъ распредѣленія земельной собственности и видѣлъ причину политическихъ переворотовъ въ несоотвѣтствіи землевладѣнія съ политическимъ устройствомъ государства. Гдѣ, говоритъ онъ, вся земля принадлежитъ государству, какъ на Востокѣ и въ Египтѣ, тамъ существуетъ деспотія; гдѣ земля — достояніе немногихъ, тамъ

господствуетъ аристократія; а гдѣ земельная собственность раздроблена, тамъ царство демократіи» [1]).

Адамъ Смитъ отводитъ много мѣста исторіи, но «послѣдователи Смита,—по словамъ Бунге,—по большей части не только не связывали теоріи съ историческими фактами, но нерѣдко строили цѣлую систему науки на отвлеченныхъ положеніяхъ или даже на гипотезахъ».

Откуда же возникла историческая школа? Указывая на цѣлый рядъ сочиненій, появившихся въ 20—30 годахъ, какъ, напр., сочиненія Ренье по экономической исторіи древнихъ народовъ, Валлона: «Исторія рабства въ древности», Бека: «Государственное хозяйство Аѳинъ» и др., гдѣ нѣкоторыя хозяйственныя явленія разсматривались въ связи съ политической жизнью,—Бунге все же считаетъ, что историзмъ «ведетъ начало» отъ Рошера. Конечно, Рошеръ одинъ изъ первыхъ, начавшихъ новый путь, но онъ началъ его не интуитивно, а въ согласіи съ общими своими научными и философскими положеніями. Послѣдующія условія дали другіе благопріятные моменты для развитія исторической школы, успѣхъ изысканій въ прошломъ народнаго хозяйства, все большее крушеніе общихъ устоевъ классицизма и успѣхи эволюціонизма и необходимость отмежеваться отъ революціонизма соціалистовъ. На этой почвѣ теоретическая позиція и превратилась въ школу съ своею собственною экономическою политикою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, историческая школа, развиваясь сама, пережила эволюцію и съ точки зрѣнія измѣнившихся воззрѣній.

Въ настоящее время, къ историческому направленію въ политической экономіи примыкаетъ большинство, такъ назыв., офиціальныхъ представителей академической науки; въ Германіи, гдѣ профессора всѣхъ чиновъ и ранговъ стоятъ на стражѣ историзма, это направленіе господствуетъ въ университетахъ и разумѣется, что при такомъ обширномъ кругѣ сторонниковъ разсматриваемое направленіе выражается въ различныхъ оттѣнкахъ во взглядахъ, поэтому можно говорить о различныхъ развѣтвленіяхъ этой школы.

---

[1]) Бунге, Н. Х.: Очеркъ политико-экономической литературы. Спб. 1895 г., стр. 175.

II.

Главнѣйшія теченія исторической жизни.

Историческую или историко-реалистическую школу[1]) принято дѣлить на двѣ: старо-историческую (Рошеръ, Книсъ, Бруно Гильдебрантъ) и ново-историческую (Шмоллеръ, Брентано, Шёнбергъ и мн. др.).

Ново-историческая, въ свою очередь, можетъ быть подраздѣлена на:

1) прусско-этическую, правое крыло историческаго направленія, яркими представителями котораго являются Шмоллеръ и Шёнбергъ;

2) радикально-реалистическую,—лѣвое крыло историзма—съ Луйо Брентано, фонъ-Шульце-Геверницемъ и Генрихомъ Геркнеромъ во главѣ;

3) на переходную къ соціалъ-демократіи, съ Карломъ Бюхеромъ, Вернеромъ Зомбартомъ и Юліусомъ Вольфомъ, при чемъ каждый посвоему соединяетъ элементы этихъ двухъ враждующихъ направленій. Остановимся на взглядахъ наиболѣе видныхъ представителей разсматриваемаго направленія.

Иногда,—и это совершенно невѣрно,—относятъ къ исторической школѣ А. Шеффле и А. Вагнера. Ни ихъ „государственно-соціалистическія воззрѣнія“, ни ихъ случайное участіе на конгрессахъ исторической школы (т. е. на съѣздахъ Verein'a für Socialpolitik) не даютъ къ этому никакого повода. Шеффле и Вагнеръ занимаютъ совершенно особое мѣсто между различными теченіями германской экономической жизни.

A. Старо-историческая школа.

Это направленіе появляется въ Германіи, въ 40-хъ годахъ XIX столѣтія. Въ названный періодъ всѣ три представителя

---

1) Проф. А. Н. Миклашевскій называетъ это направленіе школою „соціалъ-политиковъ“. Такое наименованіе, какъ переносящее опредѣленіе изъ области теоретической экономіи въ область экономической политики, для даннаго направленія, является, какъ мы укажемъ ниже, совершенно недопустимымъ

староисторизма—Вильгельмъ Рошеръ, Карлъ Книсъ и Бруно Гильдебрантъ, выступаютъ каждый со своимъ болѣе значительнымъ произведеніемъ. Геттингентскій профессоръ Рошеръ—выпускаетъ свой „Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft nach Geschichtlicher Methode“ въ 1843,—Бруно Гильдебрантъ издаетъ свою „Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft“ въ 1848 г. и нѣсколько позднѣе, въ 1853 году Карлъ Книсъ „Politische Oekonomie vom Standpunkte der Geschichtlichen Methode“ въ 1853 г. Всѣ трое экономистовъ имѣютъ много общаго, хотя они сильно разнятся между собою,

Начнемъ съ Рошера.

Рошеръ не занимался вопросами методологіи, но первый самъ примѣнилъ съ послѣдовательностью и строгостью новый методъ. Не выступая открыто врагомъ классицизма и даже усиленно воздавая ему въ своихъ работахъ должное его представителямъ, онъ строилъ собственное зданіе на совершенно иныхъ основаніяхъ.

---

1) Вильгельмъ-Георгъ-Фридрихъ Рошеръ род. въ 1817 г. Отецъ его былъ чиновникомъ министерства юстиціи. Его учителями были Леопольдъ Ранке, Гервинусъ и филологъ Отфридъ Мюллеръ. Въ Геттингенѣ и Тюбингенѣ, гдѣ учился Рошеръ, господствовала историко-политическая школа Шпитлера, Дальмана, Гервинуса. Жизнь Рошера, какъ частнаго человѣка, была обычной жизнью зауряднаго профессора и тусклой, какъ жизнь обывателя. Онъ выступаетъ съ сочиненіями: „De historicae doctrinae apud sophistas majores vestigiis. Геттингенъ. 1838. Чтеніе лекцій Рошеръ начинаетъ съ 1840 г. слѣдующими курсами: 1) Artis historicae principa e Thukydides exemplo demonstrata, и 2) Oeconomia politica (6 часовъ въ недѣлю). Затѣмъ появляется его малозначительная книга историческаго содержанія „Leben, Werk und Zeitalter des Thukydides“ и рецензія на Листовскую „Nation. System der politischen Oeconomie“. Геттингенъ 1840, а съ марта 1840 г. Рошеръ перебирается въ Лейпцигъ. Въ Лейпцигѣ онъ пробылъ 46 лѣтъ, т. е. до 1894 г., несмотря на частыя приглашенія въ другіе университеты.

Изъ многочисленныхъ сочиненій Рошера слѣдуетъ отмѣтить его основное—курсъ политической экономіи („System der Volkswirthschaft“. 4 т.), выдержавшій въ нѣкоторыхъ томахъ свыше 20 изданій; онъ выходилъ постепенно съ 1854 по 1886 гг. Томъ I-ый „Grundlagen der Nationalökonomie“ въ 1854 г., II-ой „Nationalökonomie des Ackerbaus“, 1859; III. „Nationalökonomie des Handels und Gewerbefleisses“, 1881,—System der Finanzwissenschaft. 1886. Систему Рошера дополняютъ его „Nationalökonomie des Armenwesens“ (1895) и „Kolonialpolitik“ (18). Изъ другихъ его сочиненій выдѣляется „Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland, 1874.

Кропотливо собирая факты и свѣдѣнія и отказываясь отъ всякихъ обобщеній, онъ съ рѣдчайшимъ трудолюбіемъ соединялъ его въ обширные лабиринты положительнаго матеріала. Общіе тоорети-ческіе взгляды, Рошера при философской опредѣленности общей позиціи, были довольно тусклы и эклектически неопредѣленны. Но „общая позиція“ Рошера и теперь заслуживаетъ серьезнаго вниманія, въ 40-хъ же годахъ она безусловно являлась „новымъ словомъ“.

Нѣтъ общихъ незыблимыхъ вѣчныхъ законовъ,—какъ учила классическая школа. „Каждый народъ,—говоритъ Рошеръ,—самъ вырабатываетъ свою исторію. Юридическія формы, хотя бы онѣ не удовлетворяли безусловнымъ требованіямъ разума и справед-ливости, имѣютъ право на существованіе. Какъ не далеки онѣ отъ идеала, но онѣ имѣютъ или имѣли причину бытія и соотвѣт-ствовали потребностямъ времени. Мнѣнія, раздѣлявшія поколѣнія и вѣка имѣютъ причиной не человѣческую глупость или злой умыселъ, а фактическія событія“. Впрочемъ самъ Рошеръ съ современной точки зрѣнія былъ плохой историкъ: онъ подчинялъ историческій элементъ схематическому построенію, не озаряя въ то же время свою схему свѣтомъ идеала. Онъ совершенно отка-зывается отъ всякаго идеала и даже считаетъ такое занятіе ни къ чему не ведущимъ. По Рошеру, единственными задачами по-литической экономіи являются: „простой разсказъ во первыхъ объ экономической природѣ и потребностяхъ народа; во вторыхъ опи-саніе законовъ и учрежденій, которые предназначены для удовлетво-ренія послѣднихъ; наконецъ, большій или меньшій успѣхъ, ко-торый они имѣли [1]). „Мы пытаемся представить простое изобра-женіе хозяйства и потребностей народовъ и изображеніе законовъ и учрежденій. Словомъ мы хотимъ представить анатомію и фи-зіологію народнаго хозяйства, т. е. хотимъ создать для государ-ственнаго хозяйства нѣчто сходное съ тѣмъ, что Савиньи-Эйхорн-скій методъ далъ для юриспруденціи.

---

1) „Die einfache Schilderung zuerst der wirtschaftlichen Natur und Bedürfnisse des Volkes; zweitens der Gesetze und Anstalten, welche zur Befriedigung der letzteren bestimmt sind; endlich des grösseren oder geringeren Erfolges, den sie gehabt haben“. Roscher, W.: „Grundlagen der Nationalökonomie“, Штуттгартъ,20 изд. 1892 г., стр. 59.

Экономистъ долженъ стоять на почвѣ дѣйствительнаго и ставить себѣ задачи, сходныя съ задачами естествоиспытателя, что же касается человѣческой дѣятельности, то люди вообще, по мнѣнію Рошера „не ангелы, но и не дьяволы"; стремленія же къ лучшему, къ идеалу присущи всякому лицу и всякому народу.

Итакъ, Рошеръ замѣнялъ научные общіе „законы" соціальной экономіи—законами развитія экономическихъ фактовъ. При измѣненіи обстановки и принципы измѣняются. Напримѣръ—государственныя мѣропріятія, ограничивающія свободу торговли. „Не люди существуютъ для законовъ и учрежденій,—говорилъ Рошеръ,—а наоборотъ—законы и учрежденія для людей. Что соотвѣтствуетъ одному состоянію общества, то другому вредно". Экономическій идеалъ, тѣмъ не менѣе, не осуществимъ, „хотя измѣняемость учрежденій и законовъ и не зло, которое должно бы искоренять, но, однако, одного экономическаго идеала не можетъ быть для народовъ такъ же, какъ платье не шьется по одной мѣркѣ" [1]).

Такова въ общихъ чертахъ экономическая теорія, развиваемая Рошеромъ. Такъ смотрятъ на него и сами историки. „Рошеръ,—восторженно увѣряетъ его наиболѣе послѣдовательный ученикъ Шмоллеръ,—развилъ истинно-научное направленіе, которое снова и надолго влило кровь въ жилы чахоточнаго тѣла политической экономіи. Рѣчь шла о томъ, чтобы выдохшійся раціонализмъ снова излѣчить сильной дозой эмпирическо-историческаго міровоззрѣнія; необходимо было перенести опытный методъ строго научной спеціальной работы въ область того человѣческаго знанія, которое сдѣлалось мѣстомъ схоластическихъ препирательствъ и борьбы политическихъ партій, ареною для диллетантовъ и журналистовъ" [2]).

Перейдемъ теперь къ другому, хотя и менѣе видному чѣмъ Рошеръ, но съ точки зрѣнія теоріи быть можетъ болѣе глубокому представителю историческаго направленія—къ Карлу Кнису [3]).

---

[1]) Рошеръ В.: Начала народнаго хозяйства, русск. пер. 1860 г., стр. 53.

[2]) Шмоллеръ.

[3]) Карлъ-Густавъ-Адольфъ Книсъ родился въ Марбургѣ, въ 1821 г., гдѣ получилъ высшее образованіе и гдѣ, въ качествѣ приватъ-доцента,

Главная задача Книса—доказательство относительности экономическихъ ученій и указаніе на ихъ тѣсную связь съ національностью и данною историческою эпохою: „Никакая экономическая доктрина не является поэтому абсолютно вѣрною, но каждая изъ смѣнявшихъ другъ друга системъ политической экономіи имѣла въ свое время право на существованіе и заключала долю истины". „Экономическая наука подвержена процессу развитія, въ тѣсной связи съ развитіемъ изучаемаго ею объекта—народнаго хозяйства" [1]). Для уясненія же существа экономической науки очень важно правильное пониманіе существа, такъ назыв., экономическихъ законовъ.

Книсъ полагаетъ, что 1) нѣтъ особыхъ экономическихъ законовъ; существуютъ чисто естественные законы, дѣйствующіе вездѣ, а, слѣдовательно, и въ экономической области; 2) нѣтъ механическихъ явленій; всѣ онѣ поддаются воздѣйствію соціальной среды; 3) существуютъ не законы, а отношенія причинности, въ которыхъ хотя и можно подмѣтить закономѣрность, но которые имѣютъ относительное и ограниченное опредѣленными конкретными условіями примѣненіе.

Въ первой своей экономической работѣ, посвященной Рошеру [2]), Книсъ горячо привѣтствовалъ направленіе Рошера, видя въ немъ залогъ великаго будущаго. Книсъ пересмотрѣлъ въ немъ цѣлый рядъ основныхъ вопросовъ экономіи въ стройной, хотя и скучно изложенной системѣ.

началъ, въ 1846 году, читать лекціи по исторіи. Спустя 9 лѣтъ Книсъ дѣлается профессоромъ во Фрейбургскомъ университетѣ, а въ 1865 году въ Гейдельбергѣ, въ которомъ онъ прожилъ до конца своей жизни (1898 г.). Изъ сочиненій Книса выдѣляются: Die Statistik, als selbstständige Wissenschaft. Кассель. 1850; его политическая экономія, носящая скорѣе характеръ обширнаго введенія и вышедшая дважды, каждый разъ подъ нѣсколько инымъ заглавіемъ; I изд.—Die politische Oekonomie vom geschichtlichen Methodepunkte. Брауншвейгъ 1853 II изд.—Die politische Oekonomie vom geschtchflichen Standpunkte, тамъ же 1883.—Geld und Kredit. 2 т. Берлинъ 1873—79.—K. F. von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und Du Pont de Namur. 2 т. Гейдельбергъ 1892.

1) Ср. М. Туганъ-Барановскій: Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи. Спб. 1903 г., стр. 191.

2) K. Kniss: Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. Брауншвейгъ 1853.

По Кнису, „политико-экономическій законъ не можетъ быть выраженіемъ однихъ только естественно-историческихъ законовъ реальнаго міра, политико экономической законъ скорѣе всего выразится въ функціи. Какъ въ ученіи о величинахъ понятіе скорости есть функція движенія и времени, такъ и экономическія явленія, а черезъ нихъ также политико-экономическіе законы, суть функціи естественныхъ и человѣческихъ силъ реальнаго и личнаго міра. Варріанты въ факторахъ формулъ функцій приносятся съ одной стороны вытекающими изъ мѣста и времени различіями, въ которыхъ можетъ выразиться дѣйствіе реальныхъ силъ, или въ которыхъ существо послѣднихъ постепенно (stufenweise) развивается передъ встрѣчающимся съ ними въ хозяйствѣ человѣкомъ, и, съ другой, различіями въ людяхъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ образовательныхъ элементовъ разныхъ временъ и особенностей характера разныхъ народовъ. Замѣтимъ здѣсь кстати только, что къ этой простой истинѣ можетъ быть сведенъ основной законъ, который проходитъ черезъ всѣ части политической экономіи по историческому методу законъ относительности („Gesetz der Relativität“) относительная истина и продолжающаяся эволюція политико-экономическихъ законовъ, относительная примѣнимость ихъ въ экономической политикѣ, относительное оправданіе самихъ по себѣ различныхъ экономическихъ установленій въ концѣ концовъ также вытекаютъ отсюда и въ особенности тѣмъ вѣрнѣе, когда принимается во вниманіе одинъ факторъ, человѣкъ, во всемъ его значеніи и въ полномъ объемѣ своего существа“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ Книсъ говоритъ: „Предположенія, отъ которыхъ они зависятъ, измѣняются сообразно съ измѣнчивостью человѣческой воли, и сообразно съ измѣнчивостью всѣхъ условій народной жизни, вліяющихъ на устроеніе хозяйства. Слѣдовательно и экономическіе законы мѣняются и даже въ этихъ измѣненіяхъ замѣчается законосообразность; вѣдь говоримъ же мы о законахъ развитія народнаго хозяйства. Но и эти законы, какъ и тѣ, временно проявляющіеся въ народномъ хо-

[1]) Книсъ, К. Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode.

зяйствѣ, суть не что иное, какъ выраженіе законосообразности точно опредѣленныхъ исторически развившихся условій.

Словомъ, по Кнису, законъ и законосообразность понимаются здѣсь не въ томъ смыслѣ, какъ они понимаются при явленіяхъ внѣшней природы. Этотъ выводъ очень важенъ. Изъ такого пониманія вытекаетъ то, что отвѣтственность въ данныхъ экономическихъ условіяхъ падаетъ на 1) индивидуумъ, 2) общество и 3) государство. Экономическія условія—произведенія этихъ трехъ данныхъ, и они могутъ быть измѣняемы по ихъ желанію. Отсюда—весьма важная выдающаяся роль экономической политики.

Нормы экономической политики, по Кнису, не безусловны и абсолютны для всѣхъ временъ и народовъ, а только для данныхъ конкретныхъ условій. Поэтому для практическаго разрѣшенія текущихъ экономическихъ вопросовъ всегда важно точное и достовѣрное знаніе конкретныхъ условій; какъ конкретныхъ условій, которыя должны быть реформированы, такъ и конкретныхъ предположеній, такъ называемыхъ законовъ, выведенныхъ изъ наблюденія экономической жизни различныхъ народовъ. Открытіе и примѣненіе подобныхъ законовъ требуетъ строго точнаго метода. Въ виду необходимости такого знанія въ настоящее время пріобрѣтаютъ огромное значеніе для нашей науки съ одной стороны статистика, какъ средство полнаго познанія экономическихъ условій насколько они могутъ быть выражены въ числахъ и цифрахъ, а съ другой историческое изслѣдованіе лежащихъ позади насъ законченныхъ экономическихъ періодовъ.

Итакъ, по современному воззрѣнію такъ называемые законы народнаго хозяйства, какъ выводы изъ опыта, имѣютъ силу только при опредѣленныхъ конкретныхъ предположеніяхъ, а слѣдовательно выведенныя изъ нихъ нормы для хозяйственной жизни могутъ быть приложимы только тамъ, гдѣ на лицо и ихъ предположенія. Въ виду этого, въ настоящее время мы признаемъ лишь относительные законы и нормы и отсюда лишь относительныя разрѣшенія экономическихъ проблеммъ.

Обращаясь къ Бруно Гильдебранту, мы отмѣтимъ что Шмол-

*

леръ, самъ видный представитель историческаго направленія, считаетъ, что у Рошера и Гильдебранта много общаго и противопоставляетъ имъ Книса. Рошеръ и Гильдебрантъ—историки легко усвояемые, общедоступные. „Въ противоположность имъ Книсъ тяжело развивающій свою мысль, неповоротливый, серьезный, глубоко разбирающійся теоретикъ, который стремился къ новому проникновенному обоснованію проблеммъ. Не исторія интересуетъ его въ первую голову, а углубленіе и возрожденіе экономической науки вообще“ [1]).

Изучая старо-историческую школу, мы могли замѣтить, что ея представители все же не отказываются совершенно отъ метафизическихъ задачъ политической экономіи, они не отбрасываютъ совсѣмъ дедукціи. Многочисленные ученики Книса, Рошера и Гильдебранта пошли дальше учителей. Они, уступая духу времени, его философской тенденціи, совершенно отказывались отъ какихъ бы то ни было метафизическихъ задачъ въ политической экономіи. Единственно вѣрнымъ методомъ политической экономіи была признана индукція, единственно вѣрными средствами для достиженія истины—изученіе историческаго прошлаго („что было“) и статистическое наблюденіе („того, что есть“) въ настоящемъ. Созданіе обобщающей теоріи было признано или невозможнымъ (Брентано) или весьма преждевременнымъ (Шмоллеръ).

Бруно Гильдебрантъ стоитъ на почвѣ существующаго порядка, хотя ему хорошо знакомы воззрѣнія соціалистовъ. Онъ полагаетъ, что „безъ частной собственности общество осталось бы безжизненною однородною массою, безъ индувидуальнаго разнообразія и развитія“. Итакъ мы разсмотрѣли старо-историческую школу, въ лицѣ Рошера, Книса, Бруно и Гильдебранта. Перейдемъ теперь къ ново-исторической.

---

[1]) Шмоллеръ, Г.: Zur Litteraturgeschichte der Staats-und Socialwissenschaften. Лейпцигъ, 1888 г., стр. 206. О К. Книсѣ, кромѣ общихъ замѣчаній и отрывочныхъ свѣдѣній въ словаряхъ и курсахъ исторіи ученій, ничего неизвѣстно; жизнь его прошла тихо и крайне однообразно. Книсъ былъ скромный гелертеръ обычнаго нѣмецкаго типа. Его некрологъ и оцѣнка—Blenck: „Karl Kniss“ въ Zeitschrift des K. preus. statistich. Bureaus, за 1899 г., стр. 210 и слѣд.

Ново-историческая школа.

II.

I. Шмоллеръ и Шёнбергъ.

Въ первую голову мы разсмотримъ правое ея крыло, прусско-этическое направленіе, „столпами“ котораго являются Шмоллеръ и Шёнбергъ. Начнемъ со Шмоллера [1]).

Шмоллеръ типичный образецъ буржуазнаго ученаго, стоящаго на стражѣ правительственной мудрости. О себѣ Шмоллеръ чрезвычайно высокаго мнѣнія, смѣшивая очевидно свое мѣсто на служебной карьерѣ и въ чинопроизводствѣ (съ 1884 г. онъ состоитъ членомъ прусской палаты господъ государственнаго совѣта)—съ наукою.

„Я пытался въ одно и то же время,—заявлялъ Шмоллеръ въ своей рѣчи въ прусской академіи наукъ,—быть и экономистомъ и историкомъ. Я видѣлъ передъ собою цѣль завершить и закончить, то, что Бруно, Гильдебрантъ, Книсъ и Рошеръ пытались осуществить въ германской національной экономіи. Именно: осво-

---

1) Густавъ Шмоллеръ родился въ 1838 г. въ Гейльбоннѣ, учился въ Тюбингенѣ. Съ 1864 г. онъ экстраординарный и съ 1865 г.—ординарный профессоръ въ Галле. Въ 1872 г. Шмоллеръ переходитъ въ Страсбургскій университетъ, а съ 1882 г. онъ состоитъ профессоромъ въ Берлинскомъ университетѣ и членомъ русской Академіи наукъ.

Изъ многочисленныхъ работъ Шмоллера отмѣтимъ: „Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe in 19 Jahrhundert, Галле 1870, рядъ сочиненій по исторіи страсбургскихъ цеховъ; важное теоретическое сочиненіе „Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft“, 1875 г., направленную противъ прусскаго историка Трейчке, обвинявшаго сторонниковъ прусско-этическаго направленія въ сочувствіи соціализму и вызвавшую полемику съ австрійскою школою; историко-литературный сборникъ—„Zur Litteraturgeschichte“, 1888; сборникъ „Zur Social und Gewerbepolitik“, наконецъ двухтомный курсъ, „Grundriss“, 1900—1902, какъ бы завершившій его „систему“.

бодить совершенно эту науку отъ догматизма или отъ англо-французской утилитарной философіи и направить ее физіологически и исторически глубже на твердой почвѣ". (Изъ словаря Конрада). Этой задачи, несмотря на громкое заявленіе Шмоллеръ не исполнилъ. „Эта привлекательная задача не была разрѣшена Шмоллеромъ ни въ его болѣе раннихъ трудахъ, ни въ его курсѣ политической экономіи. Шмоллеръ не сдѣлалъ ни одного шага впередъ сравнительно съ Рошеромъ и Книсомъ и, подобно имъ, много говорилъ объ историческомъ методѣ въ экономической наукѣ, но никакой новой исторической теоріи хозяйственнаго процесса не создалъ".

Въ Германіи Шмоллеръ „между прочимъ" слыветъ за глубокаго философа [1]). Съ этимъ, впрочемъ, внѣ Германіи мало кто соглашался. Туганъ-Барановскій, наприм., иного мнѣнія на этотъ счетъ. „Заслуга Шмоллера,—говоритъ онъ [2]),—заключается въ превосходныхъ историческихъ работахъ фактическаго характера. Для широкихъ историческихъ обобщеній Шмоллеру не хватило силы теоретической мысли",—т. е. того самаго, что лежитъ въ основѣ всякаго серьезнаго философскаго развитія. Философія Шмоллера воспринимаетъ, но не разлагаетъ; въ этомъ ея главный недостатокъ.

Шмоллеръ подходитъ къ своему опредѣленію науки о народномъ хозяйствѣ только послѣ исторической справки, оттѣняющей его опредѣленіе. „Д. С. Милль,—говоритъ Шмоллеръ,—опредѣляетъ политическую экономію, какъ науку занимающуюся изученіемъ природы богатства и законовъ его производства и распредѣленія. Но природа богатства включаетъ въ себя также и техническую сторону, а законы производства и распредѣленія богатства не исчерпываютъ ея задачъ, независимо отъ вопроса о томъ, открыты они или нѣтъ" [3]). Поэтому Шмоллеръ такъ опре-

1) „Arbeiten spezielle von Schmoller zeigen, welch gründliches Studium er gerade der Philisophie zugewendet hat", говоритъ проф. Конрадъ (Grundriss zum Studium der politischen Oekonomie. I Theil, 3 изд. Iena, 1900, стр. 393.

2) М. Туганъ-Барановскій. Очерки, стр. 199.

3) Г. Шмоллеръ. Народное хозяйство, наука о нар. хоз. и ея методы. Пер. проф В. М. Нечаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1902 г., стр. 11.

дѣляетъ понятіе „политическая экономія“: „политическая экономія есть наука, которая описываетъ народно-хозяйственныя явленія, опредѣляетъ и объясняетъ ихъ въ связи съ ихъ причинами, поскольку они могутъ быть поняты, какъ единое цѣлое, причемъ, конечно, предполагается, что прежде будетъ опредѣлено правильно понятіе народнаго хозяйства [1]).

Въ центрѣ науки надо поставить повторяющіяся типичныя явленія, ибо вѣдѣнію политической экономіи подлежитъ, какъ спеціальная отрасль, только ея ядро, которое и должно состоять изъ такихъ типичныхъ явленій; на периферіи она покрывается сосѣдними науками. Важно также установленіе границъ содержанія науки и ея систематизація, методъ и ея расчлененіе.

Шмоллеръ дѣлитъ политическую экономію на общую и спеціальную. Общая политическая экономія носитъ характеръ философско-соціологическій. „Она исходитъ изъ сущности общества, общихъ причинъ экономической жизни и поведенія, описываетъ статически и динамически типическія органы и процессы хозяйства и важнѣйшія учрежденія, съ нимъ связанныя. Она стремится систематически и принципіально къ тому, чтобы изъ несовершенныхъ отрывковъ нашего знанія сдѣлать цѣлое; она идетъ отъ общаго къ спеціальному, привлекая особенныя свѣдѣнія только для выясненія, иллюстраціи тѣхъ истинъ, которымъ она надѣется научить“ [2]). „Наоборотъ спеціальная политическая экономія проникнута историческими и практическими, „полицейско-правовыми тенденціями“ (15 стр.). „Она выходитъ изъ конкретнаго, особеннаго, и вскрываетъ подробности причинъ и учрежденій“ (16 стр.).

Но обѣ части дополняютъ другъ друга, обѣ „исполняютъ свою задачу тѣмъ лучше, чѣмъ болѣе одна часть покоится на широкомъ философскомъ, а другая на историческомъ и практическомъ основаніи“ (16 стр.).

---

1) Ibid., стр. 12.
2) Г. Шмоллеръ. Народное хозяйство etc., стр. 15.

Переходя къ методу, одному изъ самыхъ важныхъ вопросовъ политической экономіи, Шмоллеръ говоритъ, что методъ политической экономіи долженъ служить къ послѣдовательному познанію народнаго хозяйства" „во всемъ его объемѣ и исторической послѣдовательности" [1]). А разъ мы хотимъ познать народное хозяйство въ его исторической послѣдовательности, то значитъ исторію въ широкомъ смыслѣ мы включаемъ въ область науки изучающей народное хозяйство, въ область соціологіи. Но мы изучаемъ полагаетъ Шмоллеръ и настоящее, слѣдовательно, мы включаемъ сюда и излѣдованіе фактовъ, относящихся къ этому — настоящему.

Подобное признаніе можетъ повести къ безсмысленному нагроможденію фактовъ, какъ это было, думаетъ Шмоллеръ, у меркантилизма и камералистики. Избавляетъ отъ этого естественная школа народнаго хозяйства.

Еще Лассаль совершенно вѣрно замѣтилъ, что „матерьялъ безъ мысли—все еще имѣетъ относительную цѣнность, он мысль безъ матеріала—лишь пустая химера". Но тѣло, конечно, не въ множествѣ фактовъ. Можно оперировать и съ Робинзономъ.

Еще Лотцъ замѣтилъ, что „знать фактъ — не все, но нѣчто крупное, не придавать этому цѣны, потому что требуешь большаго,—это приличествуетъ лишь гезіодовскимъ глупцамъ, которые никогда не могутъ понять, что половина часто лучше, чѣмъ цѣлое".

Таково въ общихъ чертахъ отношеніе къ основнымъ вопросамъ деоріи Шмоллера. Оно типично узостью своего круга. Разсчлененіе, описаніе, ограниченіе... Ничего активнаго, движущаго, вдохновеннаго.

Ярый антагонистъ Шмоллера — Луйо Брентано остроумно сравниваетъ отношеніе Шмоллера къ экономическимъ явленіямъ съ отношеніемъ къ поступкамъ дѣйствующихъ лицъ проявляемаго хоромъ въ древне-греческой трагедіи. Онъ скорбитъ съ плачущими и радуется съ идеальными личностями, восторгается и злодѣйствомъ и добродѣтелью, смотря по тому, кто на сценѣ.

---

[1]) Ibid., стр. 17.

Шмоллеръ сравнительно съ другими представителями исторической школы менѣе всего заслуживаетъ упрека въ симпатіи къ радикализму. Онъ не только сторонится соціализма, но активный гонитель марксизма. Онъ противникъ рѣшительныхъ мѣропріятій. Всякая реформа, по его мнѣнію, должна быть медленно подготовлена и проведена правительственною властью. Но симпатіи къ государственному вмѣшательству у Шмоллера подозрительнаго свойства. Это скорѣе—нѣжность къ такъ называемому полицейскому государству, слабость—чисто консервативнаго свойства, недовѣріе къ самодѣятельности и свободѣ низшихъ классовъ.

Политическій идеалъ Шмоллера—Фридрихъ I, хотя и просвѣщенный и грамотный въ сравненіи съ современными—правитель и отмѣченный историками въ средѣ другихъ бездарностей—Великимъ, но все же типичное Его Королевское Прусское Величество. Шмоллеръ во всемъ убѣжденный приверженецъ и защитникъ прусскаго государственнаго строя, т. е. монархистъ и чиновникъ.

Близко къ Шмоллеру подходитъ другой представитель школы проф. Шёнбергъ [1]).

Экономическая физіономія Шёнберга лучше всего видна изъ его отношенія къ рабочему вопросу. Что особенно важно, по мнѣнію Шенберга, такъ это подъемъ нравственности въ рабочемъ классѣ. Подъемъ этотъ лучше всего достигается не путемъ образованія или соціальныхъ учрежденій, а при содѣйствіи... духовенства. Увеличьте вліяніе поповъ и нравственность рабочихъ поднимется—полагаетъ Шенбергъ. Къ тому же Шенбергъ, какъ и многіе самодовольные и сытые буржуа,—мальтузіанецъ. Типичнымъ проявленіемъ безнравственности рабочихъ являются, по мнѣнію Шенберга, ранніе браки и большое количество дѣтей. Вотъ подлинныя его слова: „Пока господствуетъ такой безнравственный образъ дѣйствій—до тѣхъ поръ нельзя найти никакихъ средствъ надолго повысить доходъ низшихъ слоевъ рабочихъ. Зло чрезмѣрнаго рожденія дѣтей составляетъ, можетъ быть, центръ соціальнаго во-

---

1) См. Шёнбергъ, статья въ Handwörterbuch'ѣ der Staatswissenschaften. T. VI-ой.

проса". (См. Handbuch der Politischen Oekonomie громадный электрическій курсъ—подъ общею редакціею .проф. Шёнберга).

Не знаешь, чему тутъ больше дивиться—доктринерской тупости или холодному индиферентизму.

Справедливость требуетъ замѣтить, что въ рабочемъ вопросѣ однимъ мальтузіанствомъ и рекомендаціею поповъ Шёнбергъ не ограничивается. Какъ приверженецъ исторической школы Шёнбергъ все же высказывается за общую соціально - политическую программу школы, а именно:

1) За страхованіе рабочихъ; 2) фабричное законодательство; 3) за свободу рабочихъ союзовъ.

Но свободу союзовъ Шенбергъ допускаетъ только „въ предѣлахъ законности", онъ принимаетъ ее съ значительными ограниченіями. Онъ считаетъ необходимымъ „установить наказаніе за публичное приглашеніе къ противозаконному прекращенію работъ, подвергающее опасности общественное благо". Агитаторовъ-революціонеровъ, агитаторовъ по профессіи—Шёнбергъ особенно не долюбливаетъ. Для нихъ онъ рекомендуетъ усиленныя наказанія.

Провиденціальной миссіей синдикатовъ и предпринимательскихъ союзовъ Шёнбергъ считаетъ — ихъ борьбу съ рабочими, нарушающими договоръ. Союзы работодателей-капиталистовъ должны по Шёнбергу, „обязывать своихъ членовъ не принимать къ себѣ рабочихъ, нарушившихъ договоръ, и выдвигать въ крайнихъ случаяхъ противъ общихъ противозаконныхъ рабочихъ забастовокъ (тайно поддерживаемыхъ рабочими другихъ предпринимателей), какъ угрозу, такъ и дѣйствительное осуществленіе общей остановки производства".

Ослѣпленный ненавистью къ рабочему, осмѣлившемуся потребовать слѣдуемое ему по праву отъ обирающаго его (эксплуатирующаго) капиталиста, Шёнбергъ даже не замѣчаетъ, что предлагаемое имъ средство не совсѣмъ пригодно. Остановка производства въ моментъ длящейся забастовки рабочихъ не такъ ужъ—не то что полезна, выгодна предпринимателю, но даже не опасна и страшна для рабочихъ.

Фабричное законодательство и государственное страхованіе

нравятся Шенбергу больше-чѣмъ коллективная самопомощь рабочихъ союзовъ, такъ какъ эти мѣропріятія исходятъ отъ любезнаго Шенбергу государства. О рабочихъ союзахъ Шенбергъ отзывается очень типично, а именно: „Дѣятельность рабочихъ союзовъ можетъ оказаться вредною для общества. ..... Если союзы являются лишь орудіями борьбы защищаютъ только эгоистическіе классовые интересы, то они могутъ усилить антагонизмъ между работодателями и рабочими, (а слѣдовательно такіе союзы:) могутъ постоянно угрожать соціальному миру, наносить большой вредъ предпринимателямъ, промышленности, справедливымъ интересамъ капитала и потребителей и даже... ухудшить положеніе рабочихъ.

— Опасность такого вреднаго дѣйствія рабочихъ союзовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ниже образованіе рабочихъ, и чѣмъ меньше ихъ экономическая предусмотрительность. Эта опасность неодинакая въ различныхъ странахъ. Поэтому (важный) вопросъ: „нужно ли и посколько нужно содѣйствовать, въ интересахъ рабочихъ и народнаго блага, развитію рабочихъ союзовъ“, не можетъ быть рѣшенъ одинаково для всѣхъ странъ и для всѣхъ отраслей фабричной промышленности“.

Приведенное мнѣніе ясно свидѣтельствуетъ о холодномъ индиферентизмѣ къ эмансипаціонной борьбѣ пролетаріата и о непониманіи ея задачъ. Шёнбергъ смѣшиваетъ народное благо съ интересами тѣхъ, кому дорого сохраненіе частной собственности вообще.

Къ Шёнбергу какъ нельзя лучше подходитъ характеристика, данная г. Плехановымъ цѣлой категоріи буржуазныхъ экономистовъ; „изъ мирныхъ и объективныхъ мыслителей—говоритъ Плехановъ [1]) — буржуазные экономисты превратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала, направляющихъ всѣ свои усилія на то, чтобы перестроить съ военными цѣлями все зданіе науки“.

---

1) Г. В. Плехановъ. Собр. соч. Т. I. Изд. „Библіотеки научнаго соціализма“. Женева 1905, стр. 185. („Соціализмъ и политическая борьба“).

— Требованія реформы у Шёнберга сводятся къ палліативамъ; онъ, какъ и Шмоллеръ, чуждъ радикализма. Самодѣятельность рабочихъ вызываетъ у Шенберга опасенія за проникновеніе ихъ классовыми интересами, дозволительными повидимому только фабрикантамъ.

Соціальная политика Германіи, сдѣлавшая много въ области фабричнаго законодательства и страхованія и въ то же время ограничивающая свободу рабочихъ союзовъ, вполнѣ по вкусамъ нетребовательнаго для другихъ гелертера.

Я сказалъ, что сохраненіе частной собственности—conditio sine qua non для Шёнберга. Но не для одного Шёнберга, а для большинства представителей исторической школы. Они считаютъ институтъ частной собственности не принадлежностью данной исторической ступени, а основой всей человѣческой культуры. Историки, сводящіе все къ эволюціи, просмотрѣли важный историческій фактъ, что частная собственность ничто иное, какъ простая историческая категорія. И у нея существуетъ свой генезисъ, развитіе, апогей и разложеніе. Такимъ образомъ историческая школа логически обязана настаивать на эволюціи собственности, а ея соціальная политика вынуждаетъ высказываться противъ. Это безусловный трагизмъ, но историки живутъ въ этомъ ослѣпленіи.

Если Шмоллеръ и Шёнбергъ въ излишнемъ усердіи „превратились въ воинственныхъ охранителей и стражей капитала“, то Луйо-Брентано, представитель радикально реалистическаго направленія въ исторической школѣ, представляетъ собою типъ болѣе или менѣе объективнаго экономиста; онъ служитъ выраженіемъ въ нѣмецкой экономической наукѣ либеральнаго духа Англіи и въ то же время проявляетъ общее тяготѣніе къ Манчестерству.

II. Луйо Брентано.

Луйо Брентано род. 18 декабря 1844 г. Онъ происходитъ изъ зажиточной семьи и рано посвящаетъ себя наукѣ. Ставъ въ 1871 году, послѣ поѣздки съ Энгелемъ, извѣстнымъ статистикомъ въ Англію, гдѣ онъ изучилъ исторію и дѣятельность рабочихъ союзовъ,—доцентомъ въ Берлинѣ,—онъ съ тѣхъ поръ посвящаетъ

себя исключительно научно-педагогическій дѣятельности. Изъ Берлина Брентано переходитъ въ Страсбургъ, оттуда въ Лейпцигъ, далѣе въ Вѣну и наконецъ въ Мюнхенъ, гдѣ пребываетъ и по нынѣ.

Пребываніе Брентано въ Мюнхенѣ отразилось на его работахъ. Условія страны, ея мѣстные интересы, еще въ весьма значительной степени связанныя съ земледѣліемъ, быстро отозвались на темахъ очередныхъ работъ нашего экономиста. Изъ Gewerbepolitik'а онъ становится скоро Agrarpolitik'омъ [1]). Въ послѣдній періодъ съ 1894 года онъ издаетъ серію работъ, посвященныхъ вопросамъ землевладѣнія и земледѣлія. Таковы его работы посвященныя праву единонаслѣдія, феодализму [2]) и пр.:

Историческая школа не создала никакого практическаго политическаго направленія въ германской жизни, не создала ни одной политической партіи ни въ рейхстагѣ, ни въ ландтагахъ, ни въ коммунахъ. Интересуясь практической политикой, живой Брентано съ трудомъ мирился съ такимъ положеніемъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ минувшаго вѣка онъ содѣйствовалъ, но какъ всегда,— закулисно—образованію особой парламентской партіи такъ наз. національ-соціаловъ.

Во главѣ движенія стояли пасторъ Науманнъ, Мауренбрехеръ, Гёре, проф. Зомъ и фонъ-Герлахъ, депутатъ избранный отъ партіи въ рейхстагъ.

Идея партіи—умѣренный, національзированный соціализмъ. Задача—демократизировать нѣмецкую интеллигенцію и создать рабочую партію на національной почвѣ. Сравнительно съ соціалъ-демократами, это направленіе менѣе радикально, безъ космополитизма и исключительной роли одного пролетаріата, но въ сравненіи съ остальными партіями—крайнее теченіе.

Но партія „умерла, не успѣвши расцвѣсть". По признанію искренняго пастора Наумана, сама задача, поставленная себѣ партіей, оказалась несостоятельною. Національ-соціалы затерялись въ грандіозномъ движеніи соціалъ-демократіи.

---

[1]) Agrarpolitik I Theoretische Einleituug in die Agrarpolitik, Штутгартъ. (Gotta). 1897.

[2]) Erbrechtspolitik. Alte und neue Feudalität. Штутгартъ, 1899 г.

Теперь они сузили свою задачу, основная тенденція которой уже не воздѣйствіе на рабочія массы, а перевоспитаніе интеллигенціи. Послѣдняя въ Германіи дѣйствительно требуетъ и воздѣйствія и перевоспитанія.

Сильно ошибается тотъ, кто, помятуя о громадной соціалъ-демократіи, считаетъ Германію вообще передовою страной. Интеллигенція Германіи буржуазна, косна, консервативна. Она осмѣяла Нитцше, не понимала Бёклина, протестуетъ противъ женской эмансипаціи, ненавидитъ соціализмъ. Демократизировать интеллигентскую массу, привить нѣмецкому интеллигенту прогрессивныя убѣжденія—и задаются цѣлью націоналъ-соціалы.

Но вернемся къ Брентано.

Кромѣ содѣйствія націоналъ-соціаламъ Брентано, какъ общественный дѣятель, игралъ видную роль въ созданіи международнаго общества защиты труда и въ агитаціи противъ законопроекта о каторжной тюрьмѣ (Zuchthausforlage).

Правительство Вильгельма II-го, чуть ли не по личной иниціативѣ самого императора, внесло въ рейхстагъ слѣдующаго рода законопроектъ. Всякій, будь то рабочій или предприниматель—безразлично, препятствующій работѣ насиліемъ или угрозою—долженъ быть подвергнутъ тюремному заключенію до 3-хъ лѣтъ.

Брентано въ публичныхъ лекціяхъ и въ прессѣ энергично возсталъ противъ этого законопроекта. Отношеніе Брентано къ этому вопросу: можетъ быть окарактеризовано слѣдующимъ образомъ. Брентано энергично ратовалъ за расширеніе существующаго § 152, гдѣ говорится, что рабочій въ цѣляхъ чисто экономическихъ имѣетъ право организоваться объединяться въ союзы и т. д. и высказывался противъ § 153, преслѣдующаго всякаго рода нарушенія рабочаго договора. Дѣло въ томъ, что § 153 сильно ограничиваетъ права, предоставляемыя § 152.

Затѣмъ Брентано рекомендовалъ еще болѣе расширить положительную сторону § 152 и только тогда соглашался на усиленіе наказанія для всѣхъ нарушителей этого §. Напримѣръ, за разрушеніе фабричныхъ зданій съ одной стороны, за противодѣйствіе дѣятельности рабочихъ союзовъ—съ другой.

Съ этой же точки зрѣнія онъ отстаиваетъ и права рабочихъ

выставлять при стачкахъ посты у воротъ фабрики, рабочіе которой забастовали,—съ цѣлью предупрежденія и мирнаго уговора товарищей, такъ наз. streikpostenstehen. Это по мнѣнію Брентано естественный актъ справедливости по отношенію къ рабочимъ, такъ какъ рабочіе вообще слабѣе, организаціи ихъ бѣдны, у нихъ нѣтъ ни черныхъ листовъ, ни тѣлефоновъ, которые имѣются въ распоряженіи у фабрикантовъ.

Агитація Брентано оказала громадное вліяніе на общественное мнѣніе и соединенными усиліями оппозиціи—весь правительственный законопроектъ провалился. Такого рода выступленія — выступленія научно-политическаго характера типичны для Брентано, біографія котораго несмотря на его преклонный возрастъ далеко не можетъ считаться завершенной.

Отзывчивый и чуткій на злобы дня, блестящій ораторъ и образцовый педагогъ Брентано создалъ вокругъ себя „школу“, хотя сочиненія его лишены научнаго „багажа“ и многотомной эрудиціи нѣмецкихъ гелертовъ. Брентано—типичный эссеистъ, переходящій часто въ боевую экономическую публицистику. Таковъ онъ въ жизни, на лекціяхъ и въ своихъ произведеніяхъ.

Міровоззрѣніе Брентано—лѣвое крыло историческо-реалистическаго направленія. Поэтому у него характерны взгляды на трудъ и его природу, на рабочій вопросъ вообще, и въ частности на профессіональные рабочіе союзы, рабочее законодательство и государственное страхованіе. Изъ этихъ взглядовъ легко уже опредѣлить его отношенія къ соціализму и соціалъ-демократіи.

Вопросъ о трудѣ и рабочемъ договорѣ онъ разсматриваетъ въ его историческомъ происхожденіи.

Исторія рабочаго договора, по его мнѣнію, сводится къ исторіи труда, гдѣ можно отмѣтить два періода отношеній: 1) періодъ обязанности (не свободныя отношенія) и 2) періодъ добровольности (договоръ). Римскіе юристы, полагаетъ Брентано, (напр., институція Гайя, III, 142) устанавливали для рабочаго договора свободнаго гражданина или для найма на службу тѣ же правила, что и для купли и продажи всякаго другого товара; при покупкѣ-продажѣ естественно покупать возможно дешевле и продавать возможно дороже.

Въ дальнѣйшей исторіи тѣ же отношенія покоились на принципахъ власти и обязанности.

Германское право съ этого и начало, въ него перешли указанныя начала. Рабочій — рабъ, покупая раба, покупаютъ его трудъ—такъ гласитъ германское право.

Личное начало и личный интересъ появились раньше всего въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. Крѣпостной колонъ, полу-рабъ, уже хозяйствуетъ на иныхъ началахъ. Теперь господинъ получалъ только часть дохода своего крѣпостного, но и эта часть уже была больше прежняго цѣлаго. Въ итогѣ оказывалось, что личный интересъ сильнѣе физическаго побужденія и что крѣпостной трудъ лучше и продуктивнѣе рабскаго.

И то, что было выгодно, было признано. Въ рабѣ былъ признанъ человѣкъ, и мѣсто раба занялъ крѣпостной.

Но рабочее отношеніе все еще оставалось чисто владѣльческимъ. Правда, крѣпостной уже не былъ больше вещью, онъ образовывалъ сословіе и тѣмъ самымъ пріобрѣталъ нѣкоторыя права; это ограничивало господство надъ нимъ и какъ надъ орудіемъ производства, и какъ надъ человѣкомъ. Въ это время у господина еще былъ интересъ заботиться о своемъ крѣпостномъ. Дальнѣйшій процессъ развитія отношеній показалъ, что «большій и лучшій трудъ» достигается лучше при свободномъ трудѣ, чѣмъ при крѣпостномъ, выгоднѣе свободный трудъ, чѣмъ трудъ крѣпостного, тѣмъ болѣе, что не нужно содержать, кормить «свободнаго» рабочаго. Вмѣсто вѣчно недовольныхъ крѣпостныхъ появляется «свободные» рабочіе, дневное пропитаніе которыхъ зависитъ только отъ того—имѣютъ ли они работу или нѣтъ. Появляется договоръ. Вмѣсто договора о рабѣ является договоръ съ рабочимъ.

Раньше всего этотъ важный переворотъ произошелъ въ области промышленности, позднѣе въ сельскомъ хозяйствѣ.

Баринъ-господинъ сталъ работодателемъ, батракъ и подмастерье—работникомъ, рабочимъ. Крѣпостническое отношеніе превращается съ юридической точки зрѣнія въ чисто наемническое. Вмѣсто обильно регламентированнаго права—римское право свободныхъ гражданъ. Это положеніе — говоритъ Гай — свойственно

новымъ народамъ. И, дѣйствительно, Англія, не знавшая римскаго права, развила то же положеніе.

Новыя условія встрѣтили поддержку въ наукѣ со стороны нѣкоторыхъ экономистовъ, главнымъ образомъ, Адама Смита; трудъ, по Смиту,—товаръ, рабочій—продавецъ, работодатель—покупатель труда. То же самое говоритъ и экономистъ Германъ: рабочій договоръ—просто договоръ о куплѣ-продажѣ.

Этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе въ 105 § о промышленности (изд. 1869 г.) германскаго законодательства. Этотъ § гласитъ, что «установленіе отношеній между самостоятельными промышленниками и ихъ подмастерьями, помощниками и учениками есть предметъ свободнаго соглашенія». Въ итогѣ Брентано говоритъ: «Въ существующемъ строѣ народное хозяйство является суммою покоющихся на собственности и свободѣ хозяйствъ отдѣльныхъ членовъ общества, связанныхъ въ одно цѣлое раздѣленіемъ труда и обмѣномъ».

«Преслѣдуя,—продолжаетъ Брентано, опредѣляя задачи хозяйственной дѣятельности отдѣльнаго члена общества и какъ бы говоря отъ его имени, — при уваженіи одинаковыхъ правъ остальныхъ лицъ, только свои личные интересы, каждый участвуетъ въ общемъ удовлетвореніи потребностей всей націи».

По Родбертусу—каждому сословію и отдѣльному лицу даются для выполненія опредѣленныя хозяйственныя функціи, но это, по мнѣнію Брентано, не свобода. Свобода, думаетъ онъ вообще немыслима безъ авторитетнаго руководства.

Чѣмъ всеобъемлющѣе производство, тѣмъ меньше оставляетъ оно свободы отдѣльному производителю, изъ само-цѣли человѣкъ становится орудіемъ великаго цѣлаго, «личность дѣйствуетъ въ качествѣ простой части крупнаго цѣлаго».

Каутскій въ комментаріи къ «Эрфуртской программѣ» считаетъ однимъ изъ серьезныхъ возраженій коммунизму то, что при немъ рабочій не сможетъ работать какъ и когда захочетъ. Такая свобода—по мнѣнію Каутскаго—несовмѣстима съ какимъ бы то ни было планомѣрнымъ совмѣстнымъ трудомъ многихъ лицъ и не можетъ вообще существовать послѣ того, какъ современная техника сдѣлала производство общественнымъ. Конечно, абсолютной

свободы нѣтъ, но соціализмъ старается сдѣлать привлекательнымъ трудъ и при отсутствіи свободы труда.

Соціалъ-демократія не можетъ—говоритъ Каутскій [1])—устранить зависимость работника отъ хозяйственнаго цѣлаго, въ которомъ онъ образуетъ одно изъ колесъ, но на мѣсто зависимости рабочаго отъ капиталиста, котораго интересы враждебны его собственнымъ, она поставитъ зависимость его отъ общества, членомъ котораго онъ является, отъ общества равноправныхъ товарищей, имѣющихъ одни и тѣ же интересы».

Итакъ, мы можемъ видѣть, что зависимость отъ воли общества не противорѣчитъ ни свободѣ вообще, ни свободѣ труда въ частности. Выставляютъ еще «другое» возраженіе: чѣмъ совершеннѣе соціальная организація, тѣмъ острѣе чувство свободы.

«Послѣ того, какъ обезпечены необходимыя жизненныя потребности, ближайшей, сильнѣйшей личной потребностью является свобода—говоритъ Джонъ Стюартъ Милль—растетъ интенсивность и потребность свободы».

Но мы уже видѣли, что соціалистическія свободы даже и безъ свободы труда все же лучше, чѣмъ буржуазныя—вмѣстѣ съ свободой труда, свободой—по остроумному замѣчанію Каутскаго—самому искать себѣ господина.

Всѣ эти возраженія были разобраны соціалистическими писателями, «неизмѣримая заслуга которыхъ заключается въ глубокомъ пониманіи капиталитическаго строя и его опасностей; этимъ пониманіемъ они расчистили путь къ соціальнымъ реформамъ».

Но вернемся къ договору рабочаго и предпринимателя.

Замѣна стараго права о трудѣ — правомъ о наймѣ и патріархальнаго отношенія—отношеніемъ покупателя къ продавцу съ точки зрѣнія формальнаго права—представляетъ громадный шагъ впередъ. Принципіально законодательство признало равноправіе рабочаго и работодателя. Но по существу произошло ухудшеніе, и неравенство фактически продолжало оставаться тѣмъ же неравенствомъ. Работодатель вправѣ при переполненіи рынка понижать заработную плату—только признаніе со стороны законода-

---

[1]) Цитируемъ русское изд. „Эрфуртской программы“. Изд. „Колоколъ“ Е. Д. Мягкова. 2-ое изд. М. 1905 г., стр. 204.

тельства дѣйствующаго съ непреодолимою силою. Рабочій вправѣ при возрастающемъ спросѣ на рабочія руки требовать повышенія заработной платы соотвѣтственно положенію рынка.

Работодатель, полный воспоминаній о своемъ прежнемъ положеніи господина, видитъ въ требованіи повышенія заработной платы ни на чемъ не основанную дерзость, а въ притязаніи рабочихъ на участіе въ установленіи условій труда—невыносимую наглость. „Онъ отказываетъ рабочему—говоритъ Брентано о работодателѣ—въ дѣйствительномъ признаніи за нимъ положенія, отведеннаго ему законодательствомъ". И такъ поступаетъ, думаетъ Брентано, не одинъ предприниматель, но и власти и общественное мнѣніе.

Особенности труда — товара, по Брентано, заключаются въ томъ, что: 1) личность рабочаго неотдѣлима, 2) нѣтъ ничего иного кромѣ труда.

И вотъ въ результатѣ кто устанавливаетъ условія труда — тотъ устанавливаетъ размѣръ труда, цѣну физическ., умствен., нравств., гражд. сост. рабочихъ.

Появилось законодательство, защищающее слабыхъ. § 105 установилъ, что отношенія между рабочимъ и работодателемъ есть предметъ свободнаго соглашенія, за исключеніемъ ограниченій, указанныхъ общеимперскимъ закономъ. Но этотъ § все же—результатъ соціальной эволюціи и борьбы.

Въ этой борьбѣ рабочій является самой с л а б о й стороной. Бѣдность, незнаніе рынка, незнаніе положенія промышленности—ставятъ его въ тяжелое положеніе. Тутъ являются различныхъ званій и ранговъ „благодѣтели", съ самыми разнообразными прожектами избавленія рабочаго класса отъ невыносимо-тяжелаго положенія.

Наиболѣе утопичнымъ является—предложеніе мальтузіанцевъ: вліять на рабочій рынокъ посредствомъ воздержанія отъ произведенія потомства. Брентано такъ говоритъ объ этомъ предложеніи: „Половая стачка должна быть международной, но и тогда это быть можетъ уменьшило бы предложеніе труда въ будущемъ поколѣніи".

Далѣе при уменьшеніи спроса на трудъ единичный рабочій не въ состояніи сократить и регулировать предложенія труда. Армія

безработныхъ, этотъ неизбѣжный спутникъ существующаго способа производства, наводняетъ рынокъ свободными руками и голодными ртами и, конечно, тѣмъ самымъ мѣшаетъ этому регулированію и сокращенію.

Смитъ и Тюрго, требуя и выставляя принципъ свободнаго договора, имѣли передъ глазами мелкое производство съ мастерами-одиночками; въ крупной промышленности, за рѣдкими исключеніями, нѣтъ индивидуальныхъ условій труда и въ противоположность мелкому производству здѣсь не примѣнимъ и не соотвѣтствуетъ условіямъ мѣста принципъ „свободнаго договора“.

Въ крупной индустріи договоръ заключается между сильнымъ капиталистомъ-предпринимателемъ съ одной стороны и слабыми, не организованными массами съ другой. Но на помощь рабочимъ массамъ приходятъ профессіональные рабочіе союзы.

Подъ вліяніемъ профессіональныхъ союзовъ свободный рабочій договоръ получаетъ нѣсколько иной характеръ. Благодаря профессіональнымъ союзамъ, рабочій договоръ достигаетъ развитія, котораго онъ, согласно экономической природѣ договорнаго объекта, долженъ достигнуть съ естественною необходимостью. Онъ не диктуется болѣе отдѣльнымъ работодателемъ каждому рабочему въ частности, а заключается на общихъ для всѣхъ членовъ организацій условіяхъ, выработанныхъ третейскими судами и въ камерахъ соглашеній, опирающихся на союзы рабочихъ и общества работодателей. Только благодаря этому осуществляется то равноправіе сторонъ при заключеніи рабочаго договора, изъ котораго исходило законодательство, провозглашая свободу рабочаго договора. Только благодаря этому осуществляется лежащее въ ея основѣ политико-экономическое представленіе о рабочемъ, какъ продавцѣ, и работодателѣ—какъ покупателѣ. Только благодаря этому работодатель пріобрѣтаетъ недостающую ему теперь увѣренность въ соблюденіи рабочимъ договора. Такимъ образомъ, лишь благодаря этому устраняется дисгармонія между правомъ и дѣйствительностью, расшатывающая, — поскольку рабочій договоръ есть договоръ о куплѣ-продажѣ, — наши современныя соціальныя условія, и въ то же время лишь благодаря этому даны условія, связанныя съ надеждой, изъ которой исходило законодательство,

объявляя „свободу рабочаго договора“,—что свобода эта поведетъ къ возможно большому развитію силъ и къ благополучію каждаго.

Кромѣ того, профессіональные союзы оказываютъ, такъ сказать, воспитательное воздѣйствіе какъ на работодателя, такъ и на рабочаго. Работодатели логикою обстоятельствъ вынуждаются къ дѣйствительному признанію того равноправія рабочихъ при заключеніи рабочаго договора, которое законодательство давно уже признало за ними. Рабочіе пріучаются къ познаванію трехъ предѣловъ, которые ставятся самою природою вещей осуществленію ихъ требованій и желаній.

Результатомъ этого взаимнаго воспитанія—является вызываемая въ обѣихъ сторонахъ склонность замѣнить борьбу лучшимъ средствомъ при посредствѣ третейскихъ судовъ и договорныхъ отношеній.

III. Общая оцѣнка исторической школы.

Перейдемъ теперь къ общей оцѣнкѣ исторической школы, какъ научнаго направленія, и выяснимъ себѣ цѣнность теоретическихъ воззрѣній историзма.

Приступая къ характеристикѣ исторической школы, мы прежде всего должны поставить ей въ активъ тотъ грандіозный фактическій матеріалъ по исторіи ученій и исторіи хозяйства, который собрали и разработали его многочисленные представители.

Уже піонеры этого направленія вызвали въ германской наукѣ живой интересъ къ изученію исторіи хозяйственнаго быта и дали сильный толчекъ къ появленію множества превосходныхъ историческихъ монографій; затѣмъ появился рядъ выдающихся коллективныхъ работъ. Таковы многотомныя изслѣдованія „союза соціалъ-политиковъ“ (Verein'a für Socialpolitik), громадный словарь Конрада (Handwörterbuch der Staatswissenschaften), словарь Эльстера и пр. Въ томъ же духѣ и Die Entwicklung der

1) „Народное Хозяйство“ книга IV 1903 г. Брентано: „Профессіональныя организаціи рабочихъ“.

deutschen Volkswirtschaftslehre in 19 Jahrhundert, посвященная Шмоллеру и т. д. Нѣкоторые изъ экономическихъ журналовъ вродѣ жур. проф. Конради, Шмоллера, Брауна и изданія семинарій (Брентано, Шмоллера, Бюхера и многихъ другихъ) представили въ концѣ концовъ тѣ же коллективныя изслѣдованія, иногда производимыя даже по общему плану. Въ результатѣ смыслъ минувшихъ ученій и картины прошлаго экономическаго быта были возстановлены съ рѣдкою добросовѣстностью и кропотливой точностью; предъ умственными взорами ученыхъ встали средневѣковые цехи, денежныя системы, которыя историческая школа досконально изучила. Этимъ историческая школа не ограничивалась. Она изучала кромѣ того городскую жизнь, рабочій вопросъ, земледѣліе, экономическую исторію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ активъ же исторической школы необходимо поставить и то строгое отношеніе къ методологіи вообще и въ приложеніи своего метода въ частности, которое такъ характерно для исторической школы. Слѣдуя своему требованію эмпирическаго (индуктивнаго) метода, они тѣмъ самымъ были превосходными коллекціонерами, очень осторожными въ своихъ обобщеніяхъ. Въ итогѣ нынѣ ни одно научное направленіе не можетъ обойтись безъ справки и указаній исторической школы.

Въ смыслѣ развитія экономической теоріи главнѣйшей заслугой исторической школы было внѣдреніе идей историзма и релятивизма въ изученіе общественныхъ явленій. Это было, тѣмъ самымъ, окончательное изгнаніе классической школы съ ея человѣкомъ безъ вѣры, класса, національности. Мѣстное, временное, измѣнчивое—стало на мѣсто космополитическаго, вѣчнаго и неизмѣннаго классической школы. И вмѣстѣ съ тѣмъ безстрастное отношеніе къ міру смѣнилось опредѣленнымъ морализированіемъ. Уже начиная съ протеста противъ экономическаго стремленія къ наживѣ, -этой основной черты хозяйствующаго индивида классической школы, историзмъ вводилъ этическіе моменты въ экономическую теорію. Съ точки зрѣнія той же общественной морали, историческая школа протестуетъ противъ невмѣшательства въ экономическія отношенія и рабочій договоръ, считая, что носителемъ идеи справедливости должна быть внѣклассовая и без-

партійная государственная власть. Итакъ, эти теоретическіе принципы играютъ большую роль въ приложеніи къ вопросамъ практической жизни, идея государственнаго вмѣшательства и особенно этическая реакція противъ мелко-матеріалистическаго классицизма и экономическаго оптимизма манчестерцевъ также должна быть поставлена въ заслугу исторической школѣ. Не односторонній эвдемонизмъ ради личности, а ради всего цѣлаго долженъ быть поставленъ во главу угла по мнѣнію исторической школы. И, наконецъ, органически связанное съ общими положеніями предыдущаго, ученіе о государственномъ вмѣшательствѣ, принципъ относительности релятивизма экономической жизни. И дѣйствительно, историческая школа, указывая на рѣшающее вліяніе обстоятельствъ и на развитіе формъ экономической жизни, во многомъ развязываетъ руки соціальной политикѣ. „Мы видимъ, что небольшія, произвольныя уклоненія, возможныя на пути развитія то въ ту, то въ другую сторону, большей частью уравновѣшиваютъ другъ друга по закону большихъ чиселъ. И здѣсь встрѣчаются виды гармоніи часто поразительной прелести, которые существовали съ давнихъ поръ, прежде чѣмъ кто-либо изъ людей могъ ихъ предчувствовать. Они выражаются въ безчисленныхъ законахъ природы, независящихъ отъ признанія ихъ людьми и надъ которыми, какъ замѣтилъ Бэконъ, только тотъ можетъ пріобрѣсти власть, кто умѣетъ имъ подчиняться. Развѣ не долженъ быть принимаемъ во вниманіе наукою тотъ необъяснимый, небросающійся съ перваго взгляда основной фонъ картины вещей, предъ которымъ нашъ анализъ долженъ остановиться, назовемъ ли мы его жизненной силой, или родовымъ типомъ, или Божественной мыслью! Тѣмъ необходимѣе, при изслѣдованіи этихъ основъ человѣческихъ знаній, со стороны ученыхъ самопознаніе и честность, признающія существованіе этого порядка, ибо, отрицая его, пришлось бы отрицать связь цѣлаго, представляющую гораздо большую важность, чѣмъ анализируемыя частности. Тѣмъ, конечно, рѣшительнѣе я долженъ протестовать противъ желанія обвинять въ ереси тѣхъ, которые не понимаютъ священной обязанности науки; путемъ все далѣе идущаго изслѣдованія отодвигать все болѣе назадъ эти необъяснимыя основы скрытаго порядка.

Такія положенія опредѣлили отношеніе историзма къ соціальной проблемѣ вообще и къ рабочему вопросу въ частности. Эти положенія въ разныхъ варіаціяхъ повторялись историками при разныхъ поводахъ и ими сопровождались.

Каждое мѣропріятіе, каждый законопроектъ правительства, особенно обсуждавшійся въ „союзѣ соціальной политики [1])“.

Задачи новаго союза были формулированы во вступительной рѣчи Шмоллера, который заявилъ, что общимъ для собравшихся является прежде всего опредѣленное представленіе о государствѣ, одинаково далекое какъ отъ либеральнаго индивидуума, выше всего ставящаго свободу личности, такъ и отъ соціалистическаго идеала государства, поглощающаго личность.

Каждое направленіе при наличности подходящихъ условій, можетъ быть доведено до крайностей. То же случилось и съ исторической школою, во второмъ и третьемъ поколѣніи ученыхъ легко выродившейся въ простое безыдейное описательное направленіе. Что у первыхъ піонеровъ историзма являлось чисто теоретической позиціей, своего рода безусловно философскимъ экономическимъ агностицизмомъ, у дальнѣйшихъ развивателей историзма превратилось именно въ полную безыдейность. Это привело къ мелочности, архивности, оопортунизму и попыткамъ теоретическаго обоснованія тѣхъ чисто случайныхъ классовыхъ тенденцій, которыя развивали первые представители этого направленія.

Но раньше, чѣмъ окончательно установить размѣры и характеръ пассива исторической школы, необходимо на минуту остановиться на ея экономической политикѣ: она проникнута оппортунизмомъ своего положенія „между двухъ огней“ — между реакціонно-буржуазнымъ лагеремъ и соціализмомъ. Срединная по-

---

[1]) Первое историческое собраніе Verein für Socialpolitik, объединившее представителей этого направленія, состоялось въ 1872 г., въ Эйзенахѣ. Задачи новаго союза были формулированы во вступительной рѣчи Шмоллера, который заявилъ, что общимъ для собравшихся является прежде всего опредѣленное представленіе о государствѣ, одинаково далекое какъ отъ либеральнаго индивидуума, выше всего ставящаго свободу личности, такъ и отъ соціалистическаго идеала государства, поглощающаго личность.

зиція—обязываетъ признавать соціальную реформу безъ соціальнаго радикализма, соціальный эволюціонизмъ безъ революціонизма.

Мы разсмотрѣли активъ исторической школы. Въ пассивъ же ея мы поставимъ:

1. Изгнаніе идеаловъ, безъидейность, какъ результатъ „агностицизма".

2. Оппортунизмъ, въ практической политикѣ.

3. Архивность въ избраніи темъ.

4. Предпочтеніе описанія анализу и синтезу.

5. Неопредѣленное отношеніе къ соціализму.

Въ соціализмѣ,—нужно отдать справедливость многимъ представителямъ историзма,—они признаютъ здоровое ядро—особенно же близки къ соціализму Вагнеръ и Шеффле.

Нѣкоторые представители историзма, какъ, напр., Геркнеръ и Брентано, близко подходятъ къ ревизіонистой соціалъ-демократіи, къ Фольмару или Бернштейну.

Основную теоретическую позицію историзма, его философское описаніе многіе не ясно себѣ представляющихъ Въ поискахъ логическихъ построеній раціоналистическаго типа они находятъ только эмпирическій матеріалъ и останавливаются въ недоумѣніи. Такъ дѣлаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ.

„Отличительная черта исторической школы говоритъ Туганъ-Барановскій отсутствіе солиднаго теоретическаго базиса и даже вообще пренебреженіе (?) къ теоріи. Самъ Рошеръ, глава школы, не сдѣлалъ ровно ничего въ области экономической теоріи. Но даже и въ построеніи исторіи хозяйства заслуги Рошера весьма невелики [1])".

Впрочемъ далѣе тотъ же экономистъ высказываетъ болѣе правильныя взгляды. Онъ говоритъ что благодаря увеличенію архивностью экономисты исторической школы не блещутъ широкими обобщеніями или глубокомысленными историко-экономическими теоріями;.... они стремятся осторожнымъ сопоставленіемъ фактовъ прошлаго хозяйственнаго быта съ фактами современности достигнуть безпристрастнаго и объективнаго пониманія послѣдней.

1) Туганъ-Барановскій. Очерки etc. 191 стр.

Это имъ не всегда удается, но нельзя отрицать ихъ заслугъ, какъ усердныхъ собирателей научныхъ фактовъ [1])

Каутскій слѣдующимъ образомъ характеризуетъ историческую школу: „Историческая школа буржуазной экономіи въ своемъ настоящемъ видѣ считаетъ стремленія къ общей оцѣнкѣ общественнаго движенія пережитымъ уже взглядомъ. По ихъ мнѣнію, экономическая наука не должна заниматься изслѣдованіемъ соціальныхъ законовъ и объединенінмъ ихъ въ одну общую систему; задача ея ограничивается простымъ зарегистрированіемъ соціальныхъ явленій прошлаго и настоящаго. Такимъ образомъ, она привыкаетъ плавать по поверхности вещей. Если же какой-нибудь изъ ея представителей, несмотря на это, почувствуетъ искушеніе идти въ глубь вещей, то ему, оказывается, очень не по себѣ на этой глубинѣ, и онъ безпомощно осматривается кругомъ.

Съ нѣкотораго времени и въ рядахъ нашей партіи распространилось стремленіе вытѣснить теорію Маркса не какой либо иной теоріей, но недостаткомъ теоріи, свойственнымъ исторической школѣ,—замѣнить теоретика репортеромъ.

Пусть тому, чья задача состоитъ не въ простомъ безцѣльномъ шатаніи отъ факта къ факту, а въ планомѣрномъ и рѣшительномъ движеніи къ одной великой цѣли, раскрытая нами здѣсь Брентановская путаница послужитъ предостереженіемъ противъ современныхъ методовъ исторической школы“ [2]).

Литература объ исторической школѣ не особенно обширна. Отзывы, свѣдѣнія и характеристики исторической школы можно найти во всѣхъ главнѣйшихъ сочиненіяхъ по исторіи политической экономіи. (Кауцъ, Ингремъ, Бунге, Эспинасъ, Мейеръ, Косса, Эйзенгартъ, Людвигъ Штейнъ, Туганъ-Барановскій, Миклашевскій и пр.). Затѣмъ имѣется нѣсколько спеціальныхъ работъ, посвященныхъ исторической школѣ; таковы:

Berghoff-Ising: Ueber die historisch - ethische Richtung in der Nationalökonomie. Leipzig. (D & H). 1889.

---

1) Туганъ-Барановскій. Очерки etc. 175 стр.

2) К. Каутскій. „Толстой и Брентано“ въ сборникѣ его статей „Очередныя проблемы международнаго соціализма“, пер. съ нѣм. В. Величкиной и Н. Ульяновой, книгоизд. „Оріонъ“. Спб. 1906 г., стр. 126.

Schüller, Richard: Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner. 1895.

„ „ Die Wirthschaftspolitik der Historischer Schule. Leipzig. 189.

St.-Mark: Étude sur l'enseignement de l'économie politique dans les universités d'Allemagne et d'Autriche. Парижъ 1892.

Oppenheimer: Der Kateder-Socialismus. 1872.

Roscher, W.: The History of German Political Economy въ „Essays in Political and Moral Philosophy", 1879.

Rae John: The Economic Movement in Germany въ „Contemporary Socialism", 2 изд. 1891.

Philippovich, Eugen: „The Verein für Socialpolitik" въ Quarterly Journal of Economics, окт. за 1894.

Conrad Else: Verein für Socialpolitik 1906.

Симоненко, Ѳ.: Политическая экономія въ ея новѣйшихъ направленіяхъ.—Обзоръ и критическая оцѣнка ученій главныхъ представителей современной экономической науки, особенно ново-исторической школы. Варшава 1900 г.

Австрійская школа.

I.

Австрійская школа въ полит. экономіи впервые появилась въ началѣ 70-хъ годовъ XIX в., въ значительной мѣрѣ, какъ реакція противъ преувеличеній и исключительности индуктивнаго метода изслѣдованія и описательнаго направленія примѣняемаго исторической школой.

Названіе „австрійской“ она получила отъ того, что первымъ выступившимъ съ рѣзкой критикой историзма былъ извѣстный австрійскій экономистъ и профессоръ Вѣнскаго университета Карлъ Менгеръ, который увлекъ за собою рядъ другихъ австрійскихъ экономистовъ (Визеръ, Саксъ, Цукернандль, Бёмъ-Баверкъ и др.

Неоспоримая заслуга исторической школы заключается въ томъ, что она собрала громадный фактическій матеріалъ по исторіи народнаго хозяйства и своимъ спектицизмомъ и выясненіемъ значенія условій мѣста и времени развѣнчала абстрактность классической школы.

Это направленіе оставляетъ въ наслѣдство будущихъ поколѣній много блестящихъ историческихъ монографій, пролившихъ свѣтъ на изжитыя уже формы хозяйственныхъ отношеній, на безпредѣльное увлеченіе индуктивнымъ методомъ, стремленіе предоставить этому методу исключительное господство въ теоретической политической экономіи привело къ тому, что многіе представители исторической школы исключаютъ изъ политической экономіи науку объ общихъ принципахъ экономическихъ явленій и свели ее къ простому регистрированію фактовъ.

Общіе законы экономіи историческая школа, стоя на почвѣ своего философскаго агностицизма, признаетъ безпочвенною схола-

стикою и метафизикою, а общіе принципы—пустыми абстракціями ничего общаго не имѣющими съ дѣйствительностью, а самое политическую экономію причисляютъ къ категоріи историческихъ наукъ, а потому объ исторической школѣ можно сказать, что у нея исторія идетъ впереди, а за ней экономика.

Между тѣмъ экономистамъ было бы правильнѣе смотрѣть на исторію только какъ на вспомогательную науку по отношенію къ политической экономіи и не забывать, что всякая теорія, въ концѣ концовъ, немыслима безъ извѣстнаго рода абстракціи, хотя бы даже въ одной только области „основныхъ понятій“, къ которой нѣкоторые сводятъ всю экономическую теорію. Слѣдовательно историческая школа естественно отодвигала на задній планъ всѣ чисто теоретическіе вопросы и, если не затрагивала прошлое, то занималась изученіемъ хозяйственной жизни въ данное время и въ данномъ пространствѣ, словомъ—вторгалась въ область экономической статистики.

Это теченіе и встрѣтило сильную оппозицію со стороны Карла Менгера и его школы.

Представители этой школы стояли на діаметрально противоложной точкѣ зрѣнія. Не надо бояться абстракціи полагаютъ они, всякая точная наука, какой является и политическая экономія, должна быть абстрактна, а слѣдовательно и методъ ея долженъ быть инымъ т. е. отъ индукціи мы переходимъ къ дедукціи, или придерживаясь терминологіи творца австрійской школы, отъ „эмпирико-реалистическаго“ метода къ „точному“.

Правда отступленіе отъ обычной въ логикѣ терминологіи Менгеромъ сдѣлано безъ достаточнаго основанія, но мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ придерживаться этой терминологіи. Сигналомъ къ борьбѣ противъ исключительности исторической школы послужило сочиненіе Менгера „О методѣ въ соціальныхъ наукахъ и въ политической экономіи въ особенности“, въ которомъ онъ съ большой ясностью излагаетъ основы экономической методологіи. Менгеръ видитъ причину упадка теоретической экономіи въ Германіи именно въ господствѣ статистико-историческаго метода въ этой области.

„Когда наука сбивается съ истиннаго пути, когда господ-

ствующія школы вносятъ въ нее ложные методологическіе пріемы, тогда то выясненіе методологическихъ вопросовъ является условіемъ дальнѣйшаго прогресса и тогда чрезвычайно умѣстенъ споръ о методѣ". (Менгеръ Ueber die Method, XII ст.), говоритъ Менгеръ. Вопросъ о методѣ ставился въ политической экономіи часто, но постановка его была черезчуръ прямолинейна, въ упрощенномъ видѣ его можно формулировать въ слѣдующей формѣ: какимъ путемъ мы достигаемъ познанія экономическихъ законовъ — путемъ индукціи или дедукціи? Но при этомъ забывали, что политическая экономія не представляетъ собой чего-нибудь цѣлаго — однороднаго, развитіе ея шло по разнымъ направленіямъ и въ данное время она заключаетъ въ себѣ четыре отдѣла экономическихъ знаній, (теор. полит. экономію, эконом. политику, финансовую науку и хозяйственную исторію), а потому не можетъ быть и вопроса о единствѣ метода.

Все будетъ зависѣть отъ того, который изъ этихъ четырехъ отдѣловъ мы имѣемъ въ виду.

Этимъ же объясняется и безрезультатность споровъ. Чувствовалось, что вопросъ о методѣ нуждается въ правильной его постановкѣ, и заслуга новаго пересмотра вопроса вполнѣ справедливо выпала на долю Менгера. Другими вопросами, которые выдѣлили австрійцевъ изъ среды остальныхъ европейскихъ экономистовъ, были своеобразныя обоснованія ученія о цѣнности и вытекающее изъ него ученіе о доходѣ на капиталъ. И въ этихъ вопросахъ, если австрійцы не дали окончательнаго разрѣшенія вопроса, то своимъ вниманіемъ къ этимъ центральнымъ вопросамъ и посильною попыткою ихъ разрѣшенія дали новую возможность ихъ пересмотра и углубленія.

II.

Основоположною книгою австрійской школы можно считать вышеупомянутую книгу Менгера о методѣ. Вокругъ этой книги завязалась ожесточенная полемика. Менгеру возражалъ экономистъ-историкъ, берлинскій профессоръ Густавъ Шмоллеръ въ статьѣ „Zur Methodologie der Staats und Socialwissenschaften", напеча-

танной въ Шмоллеровскомъ Ежегодникѣ въ 1883 году. Здѣсь Шмоллеръ точнѣе формулировалъ ранѣе высказанные имъ взгляды на методъ въ его извѣстной работѣ „Ueber einige Grundfragen des Rechts und Volkswirtschaft“, появившейся въ 1875 году. Возраженіе Шмоллера вызвало новое нападеніе, уже чисто-полемическое, со стороны Менгера въ его книгѣ „Die Irthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie“, изданной въ слѣдующемъ 1884 году. Въ томъ же году два другихъ ученыхъ—Dietzel и Emil Sax издали свои методологическія изслѣдованія въ поддержку воззрѣній Менгера. Въ 1888 году появилась небольшая работа Брентано „Die klassische Nationalökonomie“. Ему много позднѣе возражалъ ученикъ Менгера Richard Schüller въ интересной брошюрѣ „Die klassische Nationalökonomie und ihre Gegner“ въ 1895 году. Такова внѣшняя сторона этого многолѣтняго спора, уже имѣющаго въ лицѣ Hasbach'a и Artom'a [1]) своихъ историковъ. У насъ въ Россіи интересующихся этимъ знаменитымъ методологическимъ споромъ своевременно знакомилъ проф. Левицкій, ставшій при его оцѣнкѣ на сторону австрійской школы“ [2]).

Вернемся къ самому труду Менгера. Въ началѣ своего изслѣдованія Менгеръ опредѣляетъ двѣ весьма различныя точки зрѣнія, которыя опредѣляютъ собой и разницу въ методѣ. Міръ явленій можетъ быть разсматриваемъ или съ точки зрѣнія отдѣльныхъ явленій въ опредѣленномъ пространствѣ и въ опредѣленное время, или же съ точки зрѣнія самихъ формъ явленій.

Первое направленіе изслѣдованія состоитъ въ познаніи индивидуальнаго явленія, а второе—въ познаніи родового. Отсюда вытекаютъ и двѣ группы научныхъ знаній—индивидуальная и родовая.

Отъ изученія конкретныхъ явленій легко перейти къ изученію

---

1) Camillo Artom: „La recente evoluzione della metodologio nella scienza economica tedesca“. (Giornale degli Economisti 1888) Artom различаетъ три направленія—историческое, экзактное и органическое, которое многіе не выдѣляютъ въ особое направленіе.

2) Левицкій, В.: „Вопросъ о методѣ политической экономіи въ новѣйшей германской литературѣ“. Въ журналѣ „Юридическій Вѣстникъ“ за 1884 г., № 12. Его же. „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“. Ярославль 1890 г.

такихъ формъ явленій, которыя называются типами. Дѣйствительноо несмотря на большое разнообразіе конкретныхъ явленій, мы можемъ легко убѣдиться, что отдѣльное явленіе не представляетъ собой какую-либо особую, вполнѣ отличную отъ всѣхъ другихъ форму, а наоборотъ, на опытѣ мы убѣждаемся, что извѣстныя явленія съ большею или меньшею правильностью повторяются. Вотъ эта повторяемость явленій и служитъ основой для понятія о „типѣ“. Мы наблюдаемъ точно такую же повторяемость и во взаимныхъ соотношеніяхъ между конкретными явленіями, которыя опредѣляются, какъ „типическія“. Примѣръ: явленія купли, денегъ, спроса и предложенія, цѣны, капиталъ, проценты представляютъ собой типическія формы экономическихъ явленій, а правильное паденіе цѣны товаровъ вслѣдствіе усиленія предложенія, паденіе процентовъ вслѣдствіе значительнаго прилива капиталовъ—это будутъ типическія соотношенія между экономическими явленіями.

Познаніе формъ явленій является необходимымъ условіемъ полнаго познанія реальнаго міра, а безъ познанія типическихъ соотношеній мы были бы лишены дара предвидѣнія и господства надъ вещами. Все сказанное по отношенію ко всему міру явленій Менгеръ цѣликомъ переноситъ въ сферу хозяйственныхъ отношеній и соотвѣтственно этому дѣлитъ и всю политическую экономію на три части.

Изученіе экономическихъ явленій въ ихъ послѣдовательности и взаимной связи, т. е. изученіе со стороны ихъ индивидуальныхъ признаковъ, образуетъ отдѣлъ статистики и исторіи народнаго хозяйства; изученіе же типическихъ формъ экономическихъ явленій и ихъ соотношеніе составляетъ предметъ теоретической политической экономіи. Къ третьему отдѣлу относятся такъ называемыя практическія науки или искусства (Kunstlehren), подъ которыми Менгеръ разумѣетъ народно-хозяйственную политику и финансовую науку. Обѣ названныя науки выясняютъ намъ явленія не съ исторической и не съ теоретической сторонъ ихъ изслѣдованія, а они устанавливаютъ тѣ основанія, опираясь на которыя мы наиболѣе цѣлесообразно достигаемъ опредѣленнаго рода стремленій. Итакъ, подъ политической экономіей Менгеръ разумѣетъ эти три области знанія, т. е. теоретическую экономію, прикладную экономію и фи-

нансы. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ экономическія явленія разсматриваются съ разной, совершенно особой точки зрѣнія, а слѣдовательно и методы изученія должны быть различны.

Разсмотримъ м е т о д ъ, по которому Менгеръ ведетъ свое изслѣдованіе въ теоретической экономіи. Мы уже упоминали о томъ, что этотъ методъ получаетъ названіе „точнаго“, „экзактный“. Посмотримъ, въ чемъ заключается его сущность. Формулировать методъ можно слѣдующимъ образомъ: разъ какое-либо явленіе наблюдается при наличности данныхъ условій, то при наступленіи тождественности тѣхъ же условій должно быть налицо и вышеупомянутое явленіе. Здѣсь и заключается основная разница между методомъ новымъ и методомъ эмпирико-реалистическимъ, господствующемъ въ исторической школѣ. Эмпирико-реалистическій методъ констатируетъ факты хозяйственной жизни, говоритъ, что за такими-то явленіями слѣдуетъ такое-то, но неизбѣжности слѣдованія этого явленія за предшествующими—этой увѣренности закона онъ недаетъ. Для того же, чтобы прійти къ такому закону, выражающему неизмѣнный порядокъ явленій, мы должны искать точку опоры уже не въ эмпиризмѣ явленій, а въ свойствахъ человѣческаго мышленія, дающаго намъ возможность явленія конкретной дѣйствительности разсматривать въ абстрактномъ видѣ, путемъ нашего мышленія „абстрагируя ихъ“. Всѣ факты соціальной жизни отличаются крайней сложностью и запутанностью, такъ какъ они являются производными разнообразныхъ явленій, какъ внѣшней природы, такъ и разнообразныхъ стремленій, присущихъ человѣку, моральныхъ, религіозныхъ нравовъ, стремленій къ поддержанію физической жизни отдѣльнаго индивидуума, семьи, цѣлаго общества и т. п. Поэтому различныя дисциплины объясняютъ только какую-нибудь сторону этихъ сложныхъ соціальныхъ явленій.

Политическая экономія идетъ тѣмъ же путемъ—и она беретъ часть этой обширной науки—соціологіи, а именно она ставитъ своей задачей выяснить законы человѣческаго общества со стороны его хозяйственной дѣятельности. Вѣрная своему „точному“ методу, она исходитъ изъ наиболѣе общихъ факторовъ хозяйственной жизни, а такими она считаетъ потребности человѣка и стремленіе къ ихъ удовлетворенію съ наименьшою затратою труда.

Итакъ, теоретическая политическая экономія изучаетъ міръ хозяйственныхъ явленій не во всей ихъ полнотѣ, а беретъ только отдѣльныя ихъ стороны. Такое изученіе и есть логическое развитіе „точнаго“ метода, противополагаемаго индукціи исторической школы.

III.

Другой не менѣе кардинальный вопросъ, выдѣляющій австрійскую школу изъ ряда другихъ экономическихъ ученій—это ученіе о цѣнности, занимающее центральное мѣсто въ политической экономіи.

Ученіе о цѣнности, предложенное австрійскою школою, такъ называемая субъективная теорія цѣнности имѣетъ свою не лишенную интереса исторію, которую мы здѣсь вкратцѣ и прослѣдимъ.

Еще въ XVIII вѣкѣ нѣкоторые экономисты (Галліани, Тюрго, Кондильякъ) полагали, что цѣнность обмѣниваемаго блага пропорціональна его полезности и что цѣнность представляетъ собою чисто субъективное явленіе. Великій Тюрго уже отмѣчаетъ фактъ нашей чисто индивидуальной оцѣнки предметовъ: строго отличаетъ цѣнность и цѣну. Кондильякъ считаетъ пользу единственнымъ источникомъ цѣнности. Но болѣе обширной и обоснованной мы встрѣчаемъ эту теорію у Росси, Жанъ-Баптиста Сея, Шторха. Жанъ Баптистъ Сей полагаетъ, что каждый предметъ, прежде чѣмъ быть обмѣненнымъ, оцѣнивается (съ точки зрѣнія субъективнаго значенія) самимъ лицомъ, которое желаетъ его вымѣнять на товаръ, предлагаемый другимъ. Онъ выясняетъ свою потерю отъ отдачи и размѣры прибыли, удовлетворенія, отъ получки.

Сей и Шторхъ объяснили цѣнность полезности хозяйственныхъ предметовъ, такъ какъ между цѣнностью и полезностью существуетъ, на первый взглядъ, значительная связь, связь наблюдаемая и простымъ здравымъ смысломъ. Но анализъ указалъ на иное. Такъ мы часто совсѣмъ не цѣнимъ предметовъ, которые безусловно полезны или цѣнимъ предметы не въ степени ихъ полезности (напр., золото выше хлѣба).

И это видимое противорѣчіе не могла устранить теорія Сея и Шторха. Но, несмотря на такія противорѣчія, все же казалось

очевидной связь между полезностью и цѣнностью; вывести теорію цѣнности изъ этого затрудненія взялся талантливый нѣмецкій экономистъ Бруно Гильдебрандтъ, мысли послѣдняго были развиты подробнѣе Карломъ Книсомъ. Онъ вводитъ слѣдующее положеніе, что необходимо сравнивать не всѣ конкретныя вещи, а ихъ запасы. Такъ весь хлѣбъ полезнѣе всѣхъ алмазовъ.

Идея соотношенія цѣнности съ полезностью получаетъ дальнѣйшее развитіе въ трудахъ Госсена, Джевонса, Вольраса, Менгера, Визера, Бёмъ-Баверка.

Госсенъ написалъ книгу, вышедшую въ 1854 г.: „Entwikelung des Gesetzes des menschlichen Verkehrs“, но эта книга вслѣдствіе своей неясности, обилія математическихъ формулъ и общей странности изложенія до послѣдняго времени оставалась неоцѣненной.

Госсенъ, послѣ длиннаго опредѣленія значенія удовольствія, говоритъ: „Внѣшній міръ имѣетъ для насъ цѣнность, и отсюда слѣдуетъ, что цѣнность внѣшняго міра для насъ именно въ той же мѣрѣ подымается и опускается, какъ помощь, которую она намъ оказываетъ при достиженіи нашей жизненной задачи. Размѣры же этой помощи точно измѣряются размѣрами (величиной) удовольствія (Lebensgenuss), которое она намъ доставляетъ“, стр. 24.

Госсенъ дѣлитъ всѣ предметы на три класса.

I-ый—дары природы и произведенія (спеціально), только что вышедшія отъ мастера.

II—Всѣ остальные предметы внѣшняго міра.

III—Землю (природу), косвенно создающую предметы. Всѣ эти три категоріи оцѣниваются по степени ихъ способности удовлетворять наслажденію.

Какъ мы уже упоминали выше, книга Госсена прошла совершенно незамѣченной и о ней вспомнили только тогда, когда также теорія цѣнности была развита почти единовременно и совершенно самостоятельно Джевонсомъ [1]), Карломъ Менгеромъ [2]) и Вальрасомъ [3]).

---

1) Джевонсъ: „Theory PoliticalEconomy“, 1871.
2) Менгеръ, К.: „Grundsetze der Volkswirtschaftslehre“, 1871.
3) Вальрасъ, Л.: „Elements d'économie politique pure“, 1874.

Всѣ три вышеупомянутые экономисты пришли къ отрицанію взгляда, что цѣнность есть свойство вещи самой по себѣ, ея, такъ сказать, аттрибутъ. Они нашли, что цѣнность есть только отношеніе между отдѣльнымъ хозяйствующимъ субъектомъ и предметомъ, т. е. что цѣнность есть понятіе не объективное, а вполнѣ и исключительно субъективное.

Второе, не менѣе важное положеніе, къ которому они пришли, заключается въ опредѣленіи, что понятіе цѣнности неразрывно связано съ представленіемъ объ опредѣленномъ ограниченномъ количествѣ предметовъ запаса благъ. Но и эта идея имѣетъ своихъ предшественниковъ въ лицѣ Даніэля Бернулли, Бентама и другихъ.

Работа Бернулли чисто математическая, изъ отдѣла теоріи вѣроятности, но пріурочена къ вычисленію цѣнности и постолько имѣетъ для насъ интересъ. Бернулли устанавливаетъ фактъ измѣненія цѣнности въ зависимости отъ количества и устанавливаетъ его довольно своеобразнымъ путемъ, исходя изъ анализа игры и вѣроятности выигрыша.

Онъ полагаетъ, что одно и то же количество денегъ имѣетъ различную цѣнность въ зависимости отъ богатства или имущества лица, т. е. цѣнность возрастаетъ въ опредѣленномъ отношеніи къ количеству, а именно какъ логариѳмъ количество.

Мы остановимся только на развитіи той общей идеи, которая положена въ основу его теоріи.

Она сводится, какъ уже сказано выше, къ факту измѣненія цѣнностей въ зависимости отъ количества, причемъ ходъ разсужденій Бернулли приблизительно слѣдующій: онъ устанавливаетъ отношеніе между приростомъ дохода и увеличеніемъ счастья, при чемъ указываетъ, что приростъ счастья идетъ болѣе замедленнымъ путемъ. Кромѣ того Бернулли полагаетъ, и въ этомъ его отличіе отъ послѣдующихъ изслѣдователей, что онъ установилъ и законъ этого замедленія прироста счастья.

Законъ замедленія выражается въ прогрессіи арифметической, развивающейся въ то время, когда приростъ дохода происходитъ

---

1) „Specimen theoriae novae de mensura sortis“ 1738 г. Въ комментаріяхъ петербургской Академіи, т. V.; переиздано по нѣмецки Брентано и Лезеромъ въ 1896 г., въ Лейпцигѣ (D. & H.).

путемъ геометрическимъ. Бернулли устанавливаетъ слѣдующее отношеніе, въ которомъ математически формулируетъ вышеизложенное, а именно: $dy = \frac{b \cdot dx}{x}$ причемъ y—счастье, цѣнность, x—деньги, b—постоянная величина, откуда $y = \log x + c$. Знаменитый математикъ Принцгеймъ, переиздавшій specimen theoriae nuowae, говоритъ, что содержаніе закона Бернулли распадается на двѣ части:

1) На опытный законъ, въ которомъ говорится, что преимущество вообще возрастаетъ съ величиною прибыли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно тѣмъ кажется меньшимъ, чѣмъ уже больше имѣющееся налицо имущество, другими словами, преимущество—возрастающая функція прибыли и уменьшающаяся имущества.

2) На гипотезу, которая устанавливаетъ, что преимущество варьируетъ прямо пропорціонально съ прибылью и обратно пропорціонально съ имуществомъ.

Признавая первую, Принцгеймъ считаетъ вторую часть закона Бернулли довольно таки произвольною.

Спустя полъ-вѣка, послѣ появленія работы Бернулли, тѣмъ же вопросомъ занялся знаменитый Іеремія Бентамъ. Теорія цѣнности Бентама есть часть его этики и политики и притомъ часть самая основная. Она входитъ, какъ составная часть одного законченнаго блестящаго цѣлаго—его философскаго міровоззрѣнія. Какъ философъ, основатель утилитарнзма, Іеремія Бентамъ примыкаетъ къ знаменитому главѣ Киренской школы Аристиппу, къ великому Эпикуру, къ его изумительному продолжателю римлянину Лукрецію Кару. Бентамъ учитъ, что внѣ удовольствія и страданія нѣтъ никакого первичнаго блага, внѣ боли и безотрадности никакого нормальнаго существованія. Отсюда и положеніе, что удовольствіе и свобода отъ страданій есть единственно драгоцѣнное, образуетъ исходную точку его ученія о богатствѣ и цѣнности, его утилитарной этики.

Поэтому, думаетъ Бентамъ, происхожденіе понятія о цѣнности можетъ возникнуть по пути психологическаго анализа.

Размѣръ цѣнности, ея величина, зависитъ, по Бентаму, отъ семи нижеслѣдующихъ условій:

1) отъ интензивности удовольствія или страданія:

2) отъ продолжительности;

3) отъ размѣровъ вѣроятности его наступленія;

4) отъ временнаго отдаленія его наступленія;

5) отъ распространенія на большее или меньшее количество людей;

7) отъ плодородія.

6) отъ чистоты.

„Возьмемъ, какъ данное, existenzminimum, т. е. что годового дохода какого то-либо человѣка, какъ разъ хватаетъ на его жизнь; предположимъ, что этотъ минимумъ растетъ въ какомъ нибудь постояннымъ отношеніи, —то, въ такомъ случаѣ растетъ въ извѣстныхъ доляхъ ceteris paribus и счастье (примитивная сумма цѣнности) владѣльца этого дохода не въ томъ же отношеніи; значительно болѣе ростъ этого счастья въ противоположность деньгамъ замедленнѣе; но при этомъ нельзя установить, въ какой мѣрѣ оно медленнѣе растетъ; даже нельзя съ увѣренностью сказать, что существуетъ постоянная величина этого замедленія".

Таково положеніе, носящее названіе аксіомы Бентама.

Такимъ образомъ схема Бентамовской аксіомы очень похожа на законъ Бернулли, формулированный за полъ-столѣтія до Бентама.

Бентаму спеціальное сочиненіе Бернулли осталось неизвѣстнымъ, по крайней мѣрѣ спеціалисту Бентама—Оскару Краусу (Zur Theorie des Werthes. Eine Bentham-Studie. Halle. a. S. 1902) установить это знакомство не удалось.

Если сравнить законъ Бернулли и аксіому Бентама, то оказывается, что послѣдняя съ одной стороны формула болѣе общая. а съ другой болѣе удачная и обоснованная.

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и знаменитый Лапласъ въ своей „Essai philosophique sur les probabilites". Парижъ 1830.

Лапласъ выводитъ чисто математическимъ путемъ правило, что относительная цѣнность безконечно малой суммы равняется ея абсолютной цѣнности, дѣленной на всю величину имущества даннаго лица.

На этомъ мы закончимъ обзоръ тѣхъ идей, которыя впослѣдствіи легли въ основу такъ называемой австрійской теоріи цѣнности. Намъ важно констатировать тотъ фактъ, что основныя

положенія субъективной оцѣнки и предѣльной полезности были формулированы задолго до появленія трудовъ экономистовъ австрійской школы, хотя наибольшую разработку эта теорія получила въ трудахъ австрійскихъ экономистовъ и наибольшее распространеніе ея нужно отнести именно къ періоду ея разработки австрійцами.

Перейдемъ теперь къ самому изложенію этой теоріи цѣнности и постараемся разобраться въ самой сущности ихъ ученія о субъективной цѣнности.

По мнѣнію представителей субъективной или австрійской школы цѣнность не является объективнымъ, внутреннимъ свойствомъ матеріальныхъ благъ, цѣнность, по ихъ опредѣленію, есть результатъ своеобразнаго отношенія между объектомъ и субъектомъ, но они подчеркиваютъ главнымъ образомъ этотъ субъективный моментъ въ цѣнности, и поэтому цѣнность опредѣляется слѣдующимъ образомъ. Цѣнностью называется то значеніе, которое представляетъ матеріальное благо или комплексъ матеріальныхъ благъ съ точки зрѣнія благополучія субъекта".

Отъ субъективной цѣнности они строго отличаютъ объективную цѣнность, разсматриваемую ими исключительно, какъ мѣновую силу. Но что является мѣриломъ цѣнности даннаго блага? Мѣриломъ является та величина пользы, которую приноситъ данному субъекту матеріальное благо, отсюда устанавливается точное опредѣленіе понятія полезности хозяйственныхъ благъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ двумя видами полезности,—одно понятіе абстрактной полезности даннаго рода вещей, и затѣмъ польза, извлекаемая изъ даннаго конкретнаго предмета.

Эти два понятія совершенно различны ибо отвѣты при ихъ оцѣнкѣ будутъ даны діаметрально противоположные.

Тутъ берется примѣръ воды. Вода полезна вообще, но не каждый стаканъ воды приноситъ намъ одинаковую пользу.

Такъ какъ выгода, получаемая человѣкомъ отъ обладанія матеріальными благами, заключается въ большинствѣ случаевъ въ удовлетвореніи его потребностей, то мы можемъ поставить два вопроса: 1) удовлетвореніе какой изъ нѣсколькихъ потребностей зависитъ отъ даннаго предмета и 2) какъ велика важность соотвѣтствующей потребности и ея удовлетворенія? Рас-

членяя это положеніе на два вышеформулированные вопроса, мы подходимъ къ Менгеровской скалѣ человѣческихъ потребностей. Посмотримъ же какое понятіе потребности кладетъ онъ въ основаніе своей скалы.

Онъ беретъ не различные виды потребностей, а отдѣльныя конкретные потребности, въ силу того что, хотя скала конкретныхъ потребностей и является болѣе сложной и запутанной, но она даетъ намъ болѣе реальное и соотвѣтствующее дѣйствительности представленіе о потребностяхъ и степени ихъ удовлетворенія. Дѣйствительно, если мы возьмемъ предѣлы одной и той же потребности, то не всегда эта потребность будетъ одинакова интенсивной. Часто же возможно такое положеніе, что конкретная потребность въ пищѣ будетъ стоять ниже конкретной потребности маловажныхъ видовъ и т. д.

Итакъ, мы видѣли что въ основу своей скалы, Менгеръ беретъ конкретныя потребности и анализируетъ всѣ потребности вмѣстѣ взятыя, а затѣмъ и въ предѣлахъ каждой удѣльной потребности, все сводится къ установленію двухъ принциповъ: 1) классификаціи различныхъ нашихъ потребностей и 2) послѣдовательности въ важности для насъ каждой отдѣльной потребности. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ 10 предметовъ, которые удовлетворяютъ 10 различнымъ потребностямъ. Расположимъ эти потребности въ нисходящемъ порядкѣ по ихъ сравнительному значенію и намѣтимъ внутри каждой изъ нихъ послѣдовательныя ступени.

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9	9	—	—	—	—	—	—	—	—
8	8	8	—	—	—	—	—	—	—
7	7	7	7	—	—	—	—	—	—
6	6	6	—	6	—	—	—	—	—
5	5	5	—	5	5	—	—	—	—
4	4	4	4	4	4	4	—	—	—
3	3	3	—	3	3	—	3	—	—
2	2	2	—	2	2	—	2	2	—
1	1	1	1	1	1	—	1	1	1
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Получилась схема, въ которой римскія цифры суть категоріи потребностей, арабскія цифры — различные виды конкретной потребности. I представляетъ собой самый важный видъ потребностей, напр. потребность въ пищѣ, II потребность въ одеждѣ, III—въ жилищѣ, IV — въ чистотѣ, V — табакъ и т. д. Арабская же цифра 10 показываетъ самыя важныя конкретныя потребности, цифры 9, 8, 7, 6 все менѣе и менѣй важныя конкретныя потребности вплоть до 1 т. е. самой маловажной конкретной потребности. То что даетъ взятая нами скала можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

1) «соизмѣреніе различнаго значенія потребностей;

2) выборъ между оставшимися безъ удовлетворенія и подлежащими удовлетворенію;

3) опредѣленіе степени, дойдя до которой, каждая потребность должна найти себѣ удовлетвореніе.

Все это и составляетъ именно ту часть экономической дѣятельности людей, которая: 1) болѣе всякой другой занимаетъ умы, 2) оказываетъ наибольшее вліяніе на ихъ экономическія стремленія, и 3) почти непрерывно производится каждымъ хозяйствующимъ субъектомъ».

Теперь посмотримъ, какимъ путемъ идетъ удовлетвореніе потребностей, зависящихъ отъ даннаго матеріальнаго блага? Несомнѣнно, что простая забота о собственной пользѣ заставляетъ каждаго человѣка соблюдать строгій порядокъ въ вопросѣ удовлетворенія своихъ потребностей.

Начиная съ самыхъ важныхъ, служащихъ для поддержанія нашей жизни, затѣмъ уже идетъ забота объ удовлетвореніи все менѣе и менѣе важныхъ и неотложныхъ потребностей. Обратимся къ тому же примѣру съ водой. Первый стаканъ воды служитъ для питья (т. е. поддержанія жизни), второй для умыванія, третій—для менѣе важныхъ нуждъ и такъ далѣе, т. е. чѣмъ больше запасъ даннаго блага, тѣмъ менѣе важная потребность удовлетворяется имъ, тѣмъ ниже спускается полезность послѣдняго члена этого ряда.

Эту наименьшую полезность единицы даннаго запаса хозяйственныхъ предметовъ Визеръ назвалъ Grenznützen, Джевонсъ—final degree of utility, а по русски—предѣльною полезностью. Эта

предѣльная полезность очень важна при оцѣнкѣ благъ. Мы видѣли, что каждая послѣдующая единица запаса удовлетворяетъ менѣе важной потребности. Допустимъ, что у насъ запасъ ограниченъ. Какая же изъ нашихъ потребностей останется неудовлетворена при утратѣ единицы запаса?

Отвѣтъ очевиденъ, т. е. наименѣе важная потребность изъ числа могущихъ быть удовлетворенными при помощи даннаго запаса, или, говоря другими словами, та потребность, которая занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду потребностей.

Выводъ чрезвычайно важный: итакъ, «основою цѣнности служитъ не наибольшая польза, которую могла бы принести данная вещь, и не средняя польза, которую можетъ принести вещь даннаго рода, а именно наименьшая польза, ради полученія которой эта вещь, или вещь ей подобная, еще можетъ раціональнымъ образомъ употребляться при конкретныхъ хозяйственныхъ условіяхъ» (Бёмъ-Баверкъ, стр. 44). Отсюда и измѣреніе цѣнности вещи величиною ея предѣльной пользы. Тутъ строго разграничиваются понятія цѣнности и полезности. Конкретная польза каждой единицы запаса различна, но цѣнность всей ихъ суммы всегда будетъ одинакова. Эти понятія нерѣдко смѣшиваются и при ихъ смѣшеніи чрезвычайно трудно разобраться во всей теоріи субъективной цѣнности. Принявъ за основаніе все вышеизложенное, понятны будутъ, кажущіеся на первый взглядъ противорѣчивыми, факты, подобные тому, что малополезныя вещи имѣютъ цѣнность гораздо болѣе высокую, чѣмъ вещи гораздо болѣе полезныя.

Максимальная полезность пищи выше, чѣмъ полезность жемчуга и алмаза, но предѣльная полезность ниже, ниже этой же полезности алмаза и жемчуга.

Мы видѣли, что предѣльная полезность падаетъ отъ величины запаса. Запасъ же жемчуга и алмазовъ ограниченъ, слѣдовательно его предѣльная полезность всегда высока и потребность въ нихъ у богатыхъ классовъ населенія всегда далека отъ удовлетворенія. Математическаго соотношенія между паденіемъ предѣльной полезности разныхъ предметовъ не существуетъ, такъ какъ паденіе предѣльной полезности предметовъ необходимости падаетъ очень быстро, въ виду того, что существуетъ естественный предѣлъ для ихъ на-

сыщенія, но не то мы видимъ, когда вопросъ касается предметовъ роскоши и украшеній, эта потребность никогда не бываетъ вполнѣ удовлетворенной. Отсюда; какъ естественный результатъ, вытекаетъ и рѣзкое колебаніе цѣнъ предметовъ необходимости и относительная устойчивость предметовъ роскоши.

Вотъ главная сущность и развитіе теоріи субъективной цѣнности, какое она получила въ трудахъ Менгера, Бёмъ-Баверка и Визера.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ объективной мѣновой цѣнности и какъ она понимается австрійской школой. На эту цѣнность австрійцы смотрятъ какъ на способность какого-нибудь предмета обмѣниваться на другія матеріальныя блага, то-есть это и будетъ простая мѣновая сила, присущая данной вещи. Вся теорія объективной мѣновой цѣнности вытекаетъ логически изъ теоріи субъективной цѣнности, т. е. главнымъ моментомъ въ установленіи цѣны товаровъ будетъ субъективная оцѣнка со стороны продавца и покупщика, а Аріадниной нитью для этихъ послѣднихъ будетъ служить все та же предѣльная полезность предметовъ.

Нужно только взять различные случаи покупки и продажи товаровъ, тогда эта теорія становится вполнѣ наглядною, но такъ какъ въ ней по существу нѣтъ ничего оригинальнаго, а потому мы на ней подробно останавливаться не будемъ. Таково рѣшеніе проблемы цѣнности у австрійцевъ, рѣшеніе, отвоевавшее въ настоящее время всеобщее вниманіе, не исключая и круговъ соціалистическихъ, особенно въ Англіи, Италіи и Франціи.

IV.

Теперь мы перейдемъ къ другому вопросу, кореннымъ образомъ отличающему австрійскую школу отъ другихъ научныхъ теченій въ политической экономіи, а именно къ вопросу о доходѣ на капиталъ. Выясненіе источниковъ дохода на капиталъ тѣсно связано съ вопросомъ о цѣнности хозяйственныхъ благъ. Бемъ-Баверкъ говоритъ по этому поводу „Проблемма дохода съ капитала есть въ конечномъ основаніи проблемма цѣнности“ и слѣдовательно намъ въ дальнѣйшемъ изложеніи нужно будетъ твердо помнить тѣ

основныя положенія, которыя легли въ основу теоріи цѣнности и которыя будутъ служить и отправными точками для намѣченнаго нами вопроса.

Наиболѣе полное развитіе получила эта проблемма въ трудахъ австрійскаго экономиста, считающагося наиболѣе выдающимся представителемъ австрійской школы, послѣ Карла Менгера, а именно у Бёмъ-Баверка, въ его трудѣ „Kapital и Kapitalzins“.

Сочиненіе Бёмъ-Баверка распадается на двѣ части: первая содержитъ критическій обзоръ ученій о прибыли на капиталъ, другая содержитъ его собственную теорію, попытку дать самостоятельное разрѣшеніе вопроса. Насъ, при нашемъ изложеніи будетъ интересовать только вторая часть, насколько она явилась выразительницей самостоятельнаго ученія австрійцевъ.

Посмотримъ же въ чемъ заключается самая сущность этого ученія. Бёмъ-Баверкъ утверждаетъ, и это является основой его ученія о доходѣ на капиталъ, что время вліяетъ на хозяйственныя явленія, и вліяніе времени заключается въ томъ что „настоящія блага по общему правилу болѣе цѣнны, чѣмъ будущія блага такого же рода и количества“. Причинъ, обусловливающихъ болѣе высокую цѣнность настоящихъ благъ сравнительно съ одинаковыми будущими благами Бёмъ-Баверкъ насчитываетъ три: „Первая основная причина, которая вызываетъ различіе въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ, заключается въ различіи отношеній между потребнымъ количествомъ и запасомъ въ разные періоды времени“ т. е. вопросъ сводится къ тому, что отношеніе между запасомъ благъ къ потребности въ нихъ въ настоящее время отличается отъ того, которое наступитъ въ будущемъ. Различіе это и ведетъ къ тому, что громадное большинство людей субъективно цѣнитъ настоящія блага выше будущихъ. Вотъ первая причина, вторая же построена на чисто психологическомъ основаніи, лежащемъ въ характерѣ человѣка—въ его свойствѣ придавать будущимъ ощущеніямъ, какъ пріятнымъ, такъ и непріятнымъ, меньшее значеніе, чѣмъ настоящимъ, а такъ какъ средствами къ удовлетворенію нашихъ потребностей служатъ настоящія или будущія блага, то отсюда и вытекаетъ болѣе высокая оцѣнка первыхъ. Третья же причина чисто техническая. Здѣсь необходимо вспом-

нить взглядъ Бёмъ-Баверка на сущность капиталистическаго производства. Люди, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, достигаютъ своихъ хозяйственныхъ цѣлей или непосредственно, или окольнымъ путемъ т. е. человѣкъ можетъ работать или голыми руками, или при помощи средствъ производства т. е. при помощи „посредствующихъ благъ“. Вотъ этотъ второй способъ или окольный путь и есть по Бёмъ-Баверку, капиталистическое производство.

Но такъ какъ окольный процессъ производства, выполняемый при посредствѣ орудій, машинъ, сопряженъ съ потерей времени, то блага, существующія уже въ настоящемъ, являются, по техническимъ причинамъ, болѣе предпочтительными средствами для удовлетворенія потребностей. Словомъ всѣ три названныя причины содѣйствуютъ тому, что люди всегда цѣнятъ настоящія блага выше будущихъ. Бёмъ-Баверкъ считаетъ, что „естественное различіе въ цѣнности настоящихъ и будущихъ благъ, есть источникъ, изъ котораго беретъ начало всякій доходъ съ капитала“, и онъ доказываетъ, исходя изъ этого положенія, что всякій доходъ съ капитала вытекаетъ самъ собою, какъ слѣдствіе изъ этого положенія. Онъ считаетъ это опредѣленіе вполнѣ естественнымъ и постояннымъ, такъ какъ оно есть результатъ психической природы человѣка и техники хозяйства, такъ что совершенно устраняется вопросъ объ эксплуатаціи и несправедливомъ распредѣленіи благъ.

Такимъ образомъ Бёмъ-Баверкъ приходитъ къ выводу, что вся постановка вопроса о доходѣ на капиталъ у соціалистовъ совершенно невѣрна и что все соціалистическое ученіе объ эксплуатаціи трудящихся капиталистами сплошное заблужденіе.

Такая позиція австрійской школы не могла не отразиться на ихъ теоретическихъ взглядахъ по вопросу о заработной платѣ. Бёмъ-Баверкъ (въ 1890 г.), а за нимъ и нѣкоторые другіе писатели австрійской школы (напримѣръ американецъ Таусигъ, въ 1896 г.) пытались возродить теорію фонда заработной платы, давно отвергнутую боевую теорію европейскихъ капиталистовъ первой половины XIX вѣка. Основныя положенія „обновленной“ теоріи фонда слѣдующія.

Бёмъ-Баверкъ разсматриваетъ „покупку труда“ при условіяхъ свободной конкурренціи и въ предположеніи, что предложеніе това-

ровъ исчерпывается опредѣленнымъ имущественнымъ запасомъ, Кромѣ того предполагается что: 1) весь спросъ и все предложеніе встрѣчаются на одномъ обнимающемъ все народное хозяйство рынкѣ; 2) что всѣ отрасли производства имѣютъ одну и ту же производительность и одинаковое возрастаніе производительности при удлиненіи производительнаго періода, т. е. по терминологіи Бёмъ-Баверка „тождественную скалу приращеній продукта". На высоту же средней заработной платы рѣшающее вліяніе оказываютъ, по мнѣнію Бёмъ-Баверка, три фактора:

1: величина національнаго фонда средствъ существованія (Substistenzfond).

2: число рабочихъ, долженствующихъ содержаться на этотъ фондъ и

3: характеръ скалы производительности при постепенномъ удлиненіи періодовъ производства.

Такимъ образомъ передъ нами въ новомъ обоснованіи основы старой теоріи фонда заработной платы, что лишній разъ подчеркиваетъ специфичность соціально-экономической и философско-теоритической позиціи австрійской школы. Интересно, что нѣкоторые изъ австрійцевъ дѣлали попытку переобосновать и теорію дифференціальной ренты Рикардо, теорію противъ которой сдѣлали столько существенныхъ возраженій соціалисты въ XIX вѣкѣ [1]).

Появленіе сочиненій экономистовъ австрійской школы оживило обсужденіе ряда основныхъ вопросовъ теоретической политической экономіи, сильно поблекшихъ подъ вліяніемъ „агностицизма" исторической школы. Австрійцы воскресили былыя традиціи классической школы, особенно Рикардо, считающаго проблему цѣнности—основнымъ вопросомъ экономической теоріи. Но въ ученіи о цѣнности они не пошли по стопамъ послѣдняго. Также, какъ и раньше ихъ Джевонсъ, они усматриваютъ ключъ къ вопросу о цѣнности въ вопросѣ о предѣльной полезности, но идутъ не математическимъ, какъ Джевонсъ, а психологическимъ путемъ. Многіе эко-

[1]) См. Бёмъ-Баверкъ въ Kapital und Kapitalzins. Инсбрукъ, 1884-9, т. II, стр. 381 и слѣд.; также фонъ-Шуллернъ-Шраттенгофенъ: Unlersuchungen über Begriff und Wesen der Grundrente. Лейпцигъ, 1899. Срав. Fr. Oppenheimer: D. Ricardo's Grundrententheorie. Берлинъ, 1909 г., стр. 18.

номисты, недовольные историзмомъ или остерегающіеся соціализма, подпали подъ вліяніе австрійской школы. Мориц Блокъ во Франціи, Косса въ Италіи, Кларкъ, Паттенъ, Андрьюсъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Левицкій и Туганъ-Барановскій въ Россіи и др. въ той или иной мѣрѣ подпали вліянію австрійской школы, вызывающей все болѣе критическихъ возраженій со стороны все болѣе растущаго ряда экономистовъ-теоретиковъ.

Важнѣйшія сочиненія представителей австрійской школы:

1. Карлъ Менгеръ, проф. Вѣнскаго университета, род. въ 1840 году въ Галиціи. — Grundsätze der Volkswirthschaftlehre, Вѣна, 1871. Untersuchungen über die Methode der Sozialwissenschaften. 1883. Die Irrtümer des Historismus. 1884. Beiträge zur Währungsfrage in Oesterreich-Ungarn. 1892. Der Uebergang zur Goldwahrung 1892. „On the origin of money" въ Economie Journal за 1892 и нѣсколько другихъ журнальныхъ статей.

2. Евгеній фонъ Бёмъ-Баверкъ. Rechte und Verhältnisse vom Standpunkte der volkswirth. Güterlehre. Инсбрукъ. 1889. Kapital und Kapitalzins. т. I, 1884, т. II, 1889, кромѣ того рядъ журнальныхъ статей и ихъ сборниковъ.

3. Фридрихъ фонъ Визеръ: Ursprung und Hauptgesetze des wirthschaftlichen Werthes. Вѣна, 1884. Der Natürilche Werth, Вѣна, 1889.

4. Эмиль Саксъ: Wesen und Aufgaben der Nationalökonomie. Вѣна 1884. Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. Вѣна 1887.

5. Робертъ Цукеркандль. Theorie des Preises. Лейпцигъ, 189.

6. Сочиненія Е. фонъ Филипповича, Виктора Матайи. И. Коморцинскаго, Роберта Майера и другихъ.

Объ австрійской школѣ писали Зейдлеръ, въ Jahrbücher für Nat. Oekon. und Statistik, мартъ 1890, гдѣ приведена подробная библіографія до 1890 г. Конигліани (Effetti Economici delle Imposte, 1890), Лоріа въ „Nuova Antologia" апрѣль 1890, С-тъ Маркъ: Etudes sur l'enseignement de l'economie politique dans les universitès de l'Allemagne et de l'Autriche въ Revue d'Economie politique за 1882 г., Шуллернъ-Шриттенхофенъ: Die Theoretische Nationalökonomie Italien in neuester Zeit, 1891. Бонаръ. The Austiran Economists въ Quarterly Journal of Economie за 1888 г., статьи Шмоллера въ 1883 и 1888 гг. и т. д.; въ Россіи объ австрійской школѣ писали Левицкій, Туганъ-Барановскій, Эфрусси и др.

ЧАСТЬ XIV.

Анархизмъ.

(Краткій историческій очеркъ).

„... vindice nullo, sponte sua, sive lege fidem rectumque colebat; poena metusque aberant, nec verba minacia fixo aere legebantur, nec supplex turba timebat judicis ora sui, sed erant sine judice tuti".

Ovidii Nasonis.

„Во всѣ времена, начиная съ древней Греціи, появились личности и направленія, стремившіяся не къ замѣнѣ одной власти другою, а къ уничтоженію власти, насѣвшей на общественныя учрежденія".

П. Кропоткинъ.

I.

Съ точки зрѣнія науки анархизмъ представляетъ собою совершенно особое экономическое ученіе, получившее обоснованіе впервые въ XIX вѣкѣ, но корни котораго можно прослѣдить далеко вглубь временъ. Анархизмъ, какъ теоретическая концепція, не имѣетъ ничего общаго ни съ коммунизмомъ, ни съ коллективизмомъ (соціализмомъ), съ которыми его постоянно смѣшиваютъ и съ которыми онъ соприкасается только при критикѣ основъ существующаго буржуазнаго строя. Анархизмъ кореннымъ образомъ отличается отъ коммунизма признаніемъ принципа полнаго индивидуализма, который онъ ставитъ во главу угла, а отъ коллективизма (соціализма) — отрицаніемъ государственно-правовой организаціи и „классовой" точки зрѣнія. Анархизмъ требуетъ совершенно особаго, основаннаго на полной свободѣ отдѣльной личности, порядка человѣческаго общежитія, стремящагося замѣнить вражду классовую и индивидуальную гармоніею въ частной жизни. Общественная жизнь, съ точки зрѣнія анархизма должна складываться безъ всякихъ внѣшнихъ принудительныхъ нормъ, только какъ сумма федерирующихъ самостоятельныхъ общинъ. Будущій соціальный порядокъ долженъ вылиться въ особую форму безвластія (ἀναρχή) и безгосударственности, такъ какъ и власть

и государство съ его принудительными нормами являются все тѣмъ же насиліемъ, составляющимъ фальшивую основу прошлаго и настоящаго европейской „культуры“. Анархисты отрицательно относятся къ политической дѣятельности, къ парламентаризму, и не придаютъ значенія пролетаріату, выдвигая взамѣнъ его весь народъ. И если современное буржуазное общество смѣнится соціалистическимъ строемъ, то анархистамъ придется свергнуть послѣдній, такъ какъ онъ также будетъ покоиться на принципахъ государственности и правового принужденія, которое должно быть совершенно упразднено. Анархизму, такимъ образомъ, одинаково ненавистны и буржуа капиталистической стадіи и „насильники“ соціалистическаго строя, который они считаютъ „послѣднею универсальною глупостью человѣчества“. Итакъ въ сферѣ практической соціальной политики анархисты логически отрицаютъ всѣ формы правленія (парламентаризмъ и пр.), безразличны къ классовому движенію прелетаріата, враждебны къ законодательству, суду и тюрьмамъ, какъ нормирующимъ извнѣ дѣятельность человѣка. Намѣчаемый анархизмомъ идеалъ общежитія сводится къ полной свободѣ личности и свободныхъ автономныхъ общинъ, связанныхъ только сознательнымъ взаимнымъ договоромъ.

Пути, которыми достигается такое идеальное устройство, указываются различными представителями различно. Нѣкоторые, въ отрицаніе основной философской идеи анархизма, рекомендуютъ путь насилія, „дѣйствія“, прямого воздѣйствія (action directe), чѣмъ создаютъ возможность ряду лицъ и группъ, не понимающихъ и извращающихъ теоретическія положенія анархизма, прикрывать именемъ анархизма насильственныя дѣянія, иногда тяжкія преступленія. Многіе. изъ числа такихъ „анархистовъ“,—заносимыхъ проф. Ломброзо въ категорію преступныхъ дегенератовъ,—ничего общаго съ анархизмомъ, какъ соціально-философскою теоріею, не имѣютъ.

Другіе считаютъ, что идеалы анархизма начнутъ осуществляться по мѣрѣ внутренняго усвоенія самихъ идей и отказа участвовать въ отрицательныхъ сторонахъ современной культуры. Возникающее отсюда пассивное сопротивленіе приводитъ къ идеѣ нравственнаго усовершенствованія, къ аскетизму и „опрощенству“.

II. Зарожденіе идей анархизма.

Исторію анархизма изложить также трудно, какъ написать исторію протеста народа и мысли противъ гнёта. При этомъ исторіи анархизма, какъ преемственной системы ученій, школъ и идей до XIX столѣтія, строго говоря, и не существовало: историческія условія порождали проявленіе анархизма, въ которомъ чаще выливалось настроеніе, чѣмъ догма. „Анархизмъ,—говоритъ Кропоткинъ,—ведетъ свое происхожденіе изъ созидательной народной дѣятельности, которою вырабатывались въ прошломъ всѣ учрежденія общежитія, и изъ протеста, изъ возстанія личности и народовъ противъ насѣвшей на эти учрежденія силы". Естественно, поэтому, что въ древности этотъ протестъ принимаетъ философскій характеръ, а въ средніе вѣка проникается религіознымъ элементомъ, Въ эпоху коммунистическихъ романовъ анархизмъ также принимаетъ беллетристическую форму и издается въ видѣ мечты объ анархистскомъ общинно-безвластномъ строѣ. Къ 18-му вѣку анархистскія идеи освобождаются отъ элементовъ христіанства и мечтательности. Они облекаются въ политико-общественную форму, съ двойною склонностью и къ публицистикѣ и къ наукѣ. На рубежѣ 19-го вѣка анархизмъ, слѣдуя за Годвиномъ, наполняется экономическимъ содержаніемъ. Съ этого времени онъ черпаетъ свою силу изъ того же „протеста критическаго и революціоннаго, изъ котораго родился весь соціализмъ". Характеръ вѣка также накладываетъ свою руку: освобождаясь отъ узъ мистики и метафизики анархизмъ становится дѣятельнымъ и революціоннымъ. Такимъ образомъ, исторія развитія анархизма тѣсно связана съ общею исторіею жизни и идеи. Онъ выясняется, какъ и всякое другое соціально-политическое ученіе, изъ историческаго хода событій и мысли. Но все же анархизмъ, какъ опредѣленное соціально-экономическое ученіе, не можетъ быть изложенъ и разсмотренъ попутно, а требуетъ выдѣленія своей исторіи въ особый отдѣлъ. Всѣ тѣ, кто ошибочно,—по нашему глубокому убѣжденію,—разсматриваютъ анархизмъ или

какъ одну изъ наиболѣе „крайнихъ разновидностей“ соціализма или какъ одно изъ логическихъ завершеній нѣкоторыхъ соціалистическихъ идей,—не различаютъ тѣхъ философскихъ и экономическихъ основаній, на которыхъ зиждутся соціализмъ и анархизмъ, эти два принципіально разнородныя ученія. И сколько бы не тождественны были сочиненія анархистовъ и соціалистовъ и по критикѣ капиталистическаго строя, и по революціонному характеру предлагаемыхъ ими практическихъ мѣръ, а иногда, и по общимъ абрисамъ картинъ предугадываемаго ими „будущаго“ строя, они всегда остаются глубоко противоположными въ своемъ основаніи, пониманіи и методахъ.

Итакъ, объективный научный анализъ требуетъ строгаго разграниченія анархизма и соціализма; отведеніемъ анархизму подобающаго ему мѣста въ системѣ историческихъ идей достигается и болѣе ясное пониманіе той важности и значенія, которое имѣютъ и должны имѣть анархисты-теоретики, какъ наиболѣе пламенные дѣти великаго духа смѣлаго правдоискательства. Пусть методы ихъ мышленія часто грѣшатъ противъ элементарныхъ школьныхъ пріемовъ, пусть выводы ихъ, подхваченные толпою превращаются въ ужасное оружіе, пусть „вулгарный“, „боевой“ анархизмъ извращаетъ самую идею этого ученія,—анархизмъ, какъ серьезная идеологическая доктрина и какъ всякая исторически значительная доктрина—является громадною движущею силою человѣческаго мышленія, а слѣдовательно прогресса всего человѣчества. Поэтому она заслуживаетъ такого же внимательнаго изученія, какъ коммунизмъ или соціализмъ, давно включенные въ сферу безпристрастной науки.

III.

Среди неустраненныхъ заблужденій, завѣщанныхъ современному обществу эпохою схоластики, однимъ изъ значительныхъ является искаженіе смысла и роли нѣкоторыхъ философскихъ ученій древней Греціи.

Впереди другихъ—софисты и циники, глубокомысліе которыхъ было чуждо толпѣ аѳинской улицы. Извращеніе же одного изъ наиболѣе цѣлостныхъ и смѣлыхъ ученій послѣ сократическаго

періода и сведеніе его до жалкой пародіи должно быть цѣликомъ отнесено на счетъ того всесвѣтнаго мѣщанства, которое было не менѣе ужасно подъ портиками Акрополя, чѣмъ въ гостинной современнаго парвеню.

Каррикатура на софистовъ была набросана идеологомъ этого мѣщанства, Аристоѳаномъ, и подхвачена моральными схоластиками, учениками Аристотеля.

Родные братья мірового рыцарства стоиковъ—циники дали намъ стройное, логически продуманное ученіе, которое выгодно отличалось отъ остальныхъ, врашавшихся больше въ области космогоніи, діалектики или морали тѣмъ, что оно открыто взглянуло на область соціалъ-экономическую. Циники проповѣдывали отрицаніе организованнаго принужденія и государственной власти, требовали упрощенія экономическихъ отношеній и уравненія соціальныхъ группъ. Они съ остротою позднѣйшихъ утопистовъ разлагали хозяйственную подоплеку окружавшаго ихъ быта и въ высказываемыхъ идеалахъ намѣчали строй—соціально-свободный, радостный и свѣтлый. Враги религіи, „граждане всего міра“,—циники доказывали аллегоричность миѳовъ и Гомера. Въ ихъ мечтѣ не было ни законовъ и тюремъ, ни правителей и принужденія, ни богатства и бѣдности, ни эксплуататоровъ и рабовъ. И надо вспомнить, чѣмъ было государство для античнаго міра, надо понять весь гипнозъ обоготвореннаго законодательства, парализовавшаго умъ грека и волю римлянина, чтобы оцѣнить всю смѣлость идейнаго возстанія, поднятаго циниками.

Твердая критика благороднаго Платона остановилась передъ гранитными устоями античнаго строя—передъ рабствомъ. Даже въ мечтѣ, въ философской своей республикѣ, греческій утопистъ не осмѣливается занести руку на основу своего соціальнаго строя. Безпощадно отбрасывая авторитетъ и традиціи, классовые и національные инстинкты, вѣковыя вѣрованія и предразсудки—черезъ этотъ рубиконъ переходятъ циники.

И всматриваясь теперь, умудренные опытомъ тысячелѣтнихъ исканій соціальной правды, въ соціально-философскую концепцію Антисѳена (366 г.), мы видимъ и убѣждаемся, что передъ

нами первыя вѣхи, первые наброски, впослѣдствіи такъ смѣло развернутой доктрины анархизма.

Изъ рядовъ цинической школы вышелъ основатель особаго философскаго ученія Зенонъ [1]), одинъ изъ основоположниковъ замѣчательной доктрины стоицизма. Зенонъ сохранилъ и развилъ анархическія основоположенія цинической школы. Нѣкоторые склонны считать, что анархизмъ впервые былъ обоснованъ только Зенономъ, но конструкція Зенона, тождественная въ итогахъ съ циническимъ воззрѣніемъ, имѣетъ совершенно иную отправную точку зрѣнія.

Зенонъ считаетъ отсутствіе потребностей наивысшимъ идеаломъ человѣка и отсюда, естественно, отрицаетъ не только всякія потребности, но и всѣ блага, ведущія къ ихъ удовлетворенію. Это отрицаніе въ обобщеніи логически приводитъ къ отрицанію всѣхъ культурныхъ институцій: собственность, бракъ, право, государство, торговлю. Особенно обстоятельно Зенонъ обосновываетъ свое отрицаніе государства, его всемогущество (Omnipotenzia). Не опекающее государство, а законы нравственной, внутренней жизни должны регулировать поведеніе человѣчества. И такъ какъ они развиваются при жизни совмѣстно съ природою, то кромѣ жизни вмѣстѣ съ послѣдней никакого иного воспитанія для ребенка не нужно.

IV.

Христіанство.

Христіанство, заигрывавшее съ нѣкоторыми соціалистическими идеями болѣе умѣреннаго характера, было совсѣмъ чуждо анархизму. Только у христіанской секты II-го вѣка, у карпократіанъ, послѣдователей гностика Карпократа изъ Александріи, можно усмотрѣть нѣкоторые принципы коммунистическаго анархизма[2]).

[1]) Adler, G.: Anarchismus, Статья въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, т. I, изд. 2, стр. 297. Эта статья пер. на рус. языкъ Ивановой, изд. „Мысль“, 1906.

[2]) Adler, G.: Anarchismus. Статья въ Handwörterbuch'ѣ. Томъ I, 2 изд., стр. 297 и 298 (рус. пер. Ивановой, изд. отдѣльной брошюрой, изд. „Мысль“, 1906 г.).

Проходятъ вѣка. На развалинахъ благородной античной культуры водружается хоругвь византійской церкви и знамя римскаго папы. Уловленная въ новыя тенета арійская культура бьется, ища исхода отъ догматизма, схоластики и абсолюта. Въ странные дни европейскаго средневѣковья это исканіе смѣшивается съ соціальнымъ возстаніемъ. Но это возстаніе еще не народная крестьянская война, не сознательность Великой Революціи. Въ поискахъ за свѣточемъ правды вышли, въ сумерки, отдѣльныя группы. Онѣ, какъ мелкія племена Великаго Переселенія народовъ, многочисленныя и разрозненныя, бродятъ отъ вождя къ вождю, отъ заблужденія къ заблужденію. Объединяются онѣ въ большія волны, вродѣ полчищъ анабаптизма или монашествующаго рыцарства. Чаще же, за свой страхъ и рискъ, со стихійной наивностью созидаютъ свой особый соціально-религіозный идеалъ. Въ калейдоскопѣ мечущихся ученій средневѣковья мы видимъ и анархистовъ XIII вѣка—моравскихъ братьевъ [1]). Они отрицаютъ государственную власть, право и соціальное неравенство. Ихъ мечта—свободная, самоуправляющаяся община свободныхъ, равныхъ и счастливыхъ людей.

Ихъ главою нѣкоторые считаютъ Амальриха Бенскаго, изъ Бены, который былъ около 1200-го года магистромъ богословія въ Парижѣ [2]). По его смерти, въ 1206 году его воззрѣнія распространялись его ученикомъ, Давидомъ Дикан скимъ, и были осуждены Парижскимъ Соборомъ 1210 года.

Тоже ученіе появилось въ Богеміи въ эпоху гусистскихъ войнъ и распространялись подъ именемъ „адамитовъ“, уничтоженныхъ вначалѣ XV вѣка гусистами [3]).

О моравскихъ братьяхъ извѣстно очень мало. Они затерялись въ толпѣ многочисленныхъ сектъ и толковъ того времени. Но идея ихъ не умерла. Въ началѣ она воскресаетъ въ секцію

---

[1]) Такъ называемые „братья и сестры свободнаго духа“.

[2]) Объ немъ въ книгѣ: Eduard Bernstein und Karl Kautsky: Die Vorläufer des neueren Socialismus, т. I, Штуттгартъ, 1905, стр. 169. Тоже рус. изд. Леонтьевыхъ, стр. 184.

[3]) Ср. Bernstein Ed. und Katzsky, K.: Die Vorläufer des neueren Socialismus“, т. I, изд. 2-ое 1905, стр. 69.

анабаптистовъ. Нѣкоторыя отдѣльныя писатели этой эпохи также приходятъ къ тому же строю идей. Таковы:

1) Калабрійскій аббатъ Іоакимъ фонъ-Флорисъ, жившій около 1200-го года. Затѣмъ выше указанные:

2) Амальрихъ фонъ-Бэна (1204 г.), парижскій теологъ.

3) „Адамиты“ (1421) уничтожены гусистами и, наконецъ,

4) Петръ Челчицкій или Хельчицкій (съ 1420 г.).

Въ ихъ ученіяхъ идеи коммунистическаго анархизма переплетаются съ религіознымъ мистицизмомъ и теологической моралью. Это даетъ возможность нѣкоторымъ историкамъ ученій отмѣчать эту эпоху, т. е. съ XIII по XV вѣкъ включительно, какъ эпоху „христіанскаго анархизма“. Такое наименованіе можетъ быть только условно принято, для удобства исторической классификаціи, но отнюдь не какъ признаніе особой разновидности анархизма: трудно выдумать большую противоположность, чѣмъ христіанство и анархизмъ. Хельчицкій съ своею „Сѣти вѣры“ заслуживаетъ особаго вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ вызвалъ и въ Россіи нѣкоторое вниманіе [1])

Въ Россіи о Хельчицкомъ писали Ястребовъ и Левъ Толстой. Первый серьезный трактатъ [2]), второй небольшое предисловіе къ брошюрѣ популярно перелагающей одинъ изъ трактовъ Хельчицкаго.

Ястребовъ, основываясь на трактатѣ „о трогіемъ люди“ „O trogiem ludi“—даетъ характеристику общественно-политическихъ воззрѣній Хельчицкаго. Общественный элементъ его ученія, было бы конечно правильнѣе обосновать на другомъ трактатѣ: „Сѣть вѣры“, гдѣ общественно-экономическій элементъ содержится въ большей степени. Въ „Сѣти вѣры“ Хельчицкій отрицаетъ судъ и принудительную власть, возстаетъ противъ папы и императора и порицаетъ всѣ нетрудящіяся сословія.

---

[1]) Ястребовъ, В. Н.: Этюды о Петрѣ Хельчицкомъ и его времени (изъ исторіи гуситской мысли) т. I. Спб. 1908.

[2]) Петръ Хельчицкій: „Сѣть Вѣры“, съ чешскаго изложилъ Ю. С. Анненковъ, со вступ. статьею Л. Н. Толстого (изд. Посредника № 637) изд. 2 М. 1907.

О судѣ Хельчицкій [1]) говоритъ: „Хотя судъ и помогаетъ возвращенію отнятой собственности, но вводитъ въ грѣхи, отъ которыхъ христіане не иначе могутъ избавиться, какъ отказавшись отъ судовъ“. („Сѣть вѣры“, часть I. гл. 9) [2]). „Право гражданское, говоритъ онъ,—право языческихъ царей“ (ч. I, гл. 32). „Іисусъ теперь очень бѣденъ“—говоритъ Хельчицкій“ (гл. 80). „Папа упразднилъ Христа“ (гл. 17), а „другой Китъ, ввалившійся въ сѣть вѣры и разодравшій ее—есть императоръ“ (гл. 19).

Нападая на дворянство, Хельчицкій говоритъ: „Оно такъ размножилось, что земли ему становится мало. Всѣ хотятъ господствовать въ богатствѣ, и инымъ не на что; многихъ гнететъ бѣдность, а работать не хотятъ, работы стыдятся, а глотка у всѣхъ большая, вотъ идутъ разбойнически на замки, драть и грабить бѣдный людъ, чтобы наслаждаться своимъ высокимъ родомъ, удовольствіемъ и праздностью, обладая большимъ богатствомъ. Иные должаютъ безъ конца, выманиваютъ деньги льстивыми рѣчами и разными обѣщаніями, а работать ни за что не хотятъ, чтобы не опозорить трудомъ своего благороднаго происхожденія. Обширнѣйшими и наилучшими землями овладѣли эти паны и обратились эти земли въ пустыню и волки по нимъ бѣгаютъ, а сами они по придворному встаютъ и садятся и проводятъ все время въ безконечныхъ разговорахъ о разныхъ новостяхъ“,

Частная собственность на землю, городская жизнь и денежное обращеніе также предметъ ненависти Хельчицкаго: „Каинъ, говоритъ онъ, послѣ убіенія брата своего, построилъ городъ, чтобы сберегать награбленныя сокровища и первый нарушилъ простоту жизни людей, установленіемъ границъ между землями и изобрѣтеніемъ вѣса и мѣры“. Итакъ, „убійство привело его къ осно-

---

[1]) Я цитирую не по изданію Посредника, а Академіи Наукъ. Сочиненія Петра Хельчицкаго (1 Сѣть вѣры. II Реплика противъ Боскупца) трудъ началъ Анненковъ, окончилъ академикъ И. Ягичъ, Спб' 1893. Сборникъ отдѣленія русскаго языка и словесн. Томъ LX.

[2]) Литература о Петрѣ Хельчицкомъ. (Peter Chělcický Holl). Quellen und Untersuchungen zur Geschichte und Böhmischen Brüder, два тома, Прага, 1882; его-же: Petr Chělcický a spisy jého, 1881.

ванію городовъ, а города для поддержанія своего существованія, должны были добывать себѣ средства насиліями и быть всегда наготовѣ отражать нападенія другихъ".

Современное ему общество, во всѣхъ его высшихъ классахъ, кажется Хельчицкому простымъ „сбродомъ".

Монахи и духовенство—„сбродъ зараженный духомъ антихриста и враждебный Христу". Христу противны и „сброды, украшенные гербами". Они „противны ему своимъ тщеславіемъ и содомскою жизнью; горожане—тѣмъ, что отвергли законъ Божій и руководятся законами судейскими, предоставляющими свободу тѣлу". Достается отъ него и „университетскимъ магистрамъ", защищающимъ „антихристовы заблужденія".

Анархистскія идеи не чужды писателямъ XVI и XVII вв. Описаніе Телемскаго аббатства—„L'Abbaye de Thélème",—сдѣланное Франсуа Рабле, а также удивительный коммунистическій романъ „Небесные міры", написанный въ 1562 г. въ Венеціи, Дони, [2]) не позволяетъ и въ XVI вѣкѣ забыть анархистскую доктрину. Тоже дѣлаетъ въ слѣдующемъ столѣтіи Фенелонъ въ своемъ знаменитомъ Телемакѣ. Его бетикскіе крестьяне живутъ въ анархи-коммунистическихъ общинахъ и блаженствуютъ не хуже жителей той далекой земли, о которой повѣствуется въ томъ же вѣкѣ въ приключеніяхъ Якова Садэра [2])

На анархистской точкѣ зрѣнія стоитъ Этьенъ де ла Боетье (Boetie) въ своемъ: „La servitude Volontaire ou le Contr'un").

Подобнаго рода сочиненія не были единственными. Въ „Мемуарахъ о состояніи Франціи при Карлѣ IX" можно найти рядъ другихъ памфлетовъ, проникнутыхъ той же идеею ненависти къ тиранамъ и тиранству [3]).

Значительно менѣе выяснена наличность анархистскихъ воззрѣній въ концѣ XVIII вѣка. Если съ одной стороны можно утверждать, что Вильгельмъ фонъ Гумбольтъ, Фихте или Годвинъ въ

---

[1]) Doni, A. F.: Mondi celesti, terrestri et internali, Venetia, 1562 (?) Я нашелъ только изданіе 1568 года (Британскій Музей 1079 c. II).

[2]) „Aventures de Jacques Sadeur", 1676. Переиздано въ 1872 году въ Парижѣ D. Jonaust'омъ въ „Библіотекѣ библіофилофъ".

[3]) Ср. Nettlau: Bibliographie de L'Anarchie, Брюссель и Парижъ 1897 г., стр. 2.

той или иной мѣрѣ приближаются къ анархизму, то совершенно невыясненнымъ является анархизмъ въ эпоху Великой Французской Революціи. Лучше извѣстна наша эпоха для Англіи; здѣсь почти одновременно пишутъ Эдмундъ Буркъ, Вильямъ Годвинъ и Вильямъ Томсонъ. Изъ нихъ Годвинъ является съ точки зрѣнія современнаго анархизма наиболѣе рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ.

Раньше, чѣмъ перейти къ тремъ названнымъ писателямъ бросимъ бѣглый взглядъ на общую картину того времени.

V. XVIII-ый вѣкъ.

Итакъ всмотримся въ характеристику духа времени, создавшаго идейную атмосферу, въ которой переплетались и рождались многія замѣчательныя умственныя теченія и доктрины.

Говоря объ идейной атмосферѣ второй половины XVIII вѣка, прежде всего приходится остановиться во первыхъ на Ж.Ж. Руссо. Вотъ истинный философскій базисъ для послѣдующаго анархизма. Во вторыхъ приходится остановиться на двухъ революціяхъ Великой Французской, все еще окончательно невыясненной, и американской—совершенно,—если не считать недавней книги Іелленека,—неоцѣненной [1]).

Грандіозное вліяніе идей Руссо не могло не отразиться и на послѣдующихъ концепціяхъ анархизма. „Contrat social“ является исходнымъ пунктомъ обоснованія государственно-правовыхъ идей анархизма, а сочиненія Руссо, всѣ вмѣстѣ взятыя, основаніемъ стремленію, приблизиться къ природѣ и жизни, жить согласно съ законами послѣдней, т. е. стремленію, которое можетъ быть названо однимъ изъ основныхъ въ соціальной и этической философіи анархизма. Это пониманіе начинаетъ проникать и въ научную литературу Франціи. Такъ, одинъ изъ французскихъ экономистовъ высказался слѣдующимъ образомъ: „Rousseau est le vrai père de l'anarchisme; toute la théorie se déduit de ses principes“ [2]).

[1]) Jellenek, G.: Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte. Лейпцигъ, 2-ое изд. 1904.

[2]) Desjardins: Rousseau, въ „Revue Economie Politique“, XII за 1893 г.

Неудержимое стремленіе къ природѣ къ идилліи пастушеской жизни, къ доброму дикарю, „bon sauvage“, къ Робинзону, изъ анализа примитивныхъ потребностей, котораго дедуцировалась вся соціальная наука,—представляетъ собою грандіозное и серьезное теченіе этой эпохи. Кружевная концепція физіократовъ, ошибки конвента и революціи, основныя идеи Адама Смита и англійскихъ анархистовъ того времени,—все питается изъ одного общаго источника. И какимъ трагическимъ кажутся намъ теперь всѣ эти идилліи во вкусѣ Ватто или Буше. „Всѣ эти „китайскія“ бесѣдки въ „англійскихъ“ паркахъ, гдѣ дамы въ фижмахъ и кринолинахъ встрѣчались съ своими пастушками въ напудренныхъ парикахъ и яркихъ атласныхъ камзолахъ. Трагическими, потому что жизнь, все болѣе усложнявшаяся и ухудшавшаяся, шла именно въ совершенно обратномъ направленіи. Уже гильотина дорубала послѣднія головы защитниковъ свободы, расчищая путь преторіанцамъ Наполеона, уже дѣти, вмѣсто гирляндъ статуѣ разума, плели въ подвалахъ слѣпые кружева или становились за веретенами душныхъ и грязныхъ фабрикъ,—уже міровой рынокъ все болѣе внѣдрялъ на развалинахъ феодальной жизни безпощадно капиталистическое производство со всѣми его послѣдствіями и спутниками, а общество продолжало наивно бесѣдовать о добродѣтеляхъ примитивныхъ племенъ, о соціальной невинности инковъ и китайцевъ, о высокихъ достоинствахъ масона или вообще чувствительнаго („sensible“) человѣка.

Каковъ былъ характеръ новой наступавшей эпохи еще никто не предвидѣлъ. Разрушеніе феодальнаго строя представлялось преддверіемъ къ свѣтлому соціалистическому царству ближайшаго будущаго. Наростаніе буржуазіи и капитализма сознавалось только какъ мгновенный успѣхъ и, если Сіесъ вполнѣ понималъ минутную силу буржуазіи, то никто, рѣшительно никто въ Европѣ, не сознавалъ, что вся Великая Французская Революція только открывала дверь тріумфальному шествію капитала. Вотъ почему тогда на меньшее, чѣмъ на всеобщее счастье всего человѣчества не соглашались и вотъ почему самыя радикальныя теоріи не только имѣли успѣхъ, но и должны были появляться. Общею ихъ почвою былъ Руссо. Изъ Руссо черпали свои доводы одинаково Робеспьеръ съ

Сенъ-Жюстомъ и „соціальный атеистъ“ Анахарзисъ Клодъ и нерѣшительные жирондисты. Навѣрное изъ Руссо заимствовали свои идеи и анархисты Великой Революціи. Именъ ихъ мы въ точности не знаемъ, но присутствіе ихъ повсюду чувствуется. Обобществленіе земли и производства, устройство независимыхъ самоуправляющихъ общинъ, протестъ противъ централизаціи—все это можно найти въ цѣломъ рядѣ мѣропріятій того времени. Какъ на анархиста Революціи Нейттлау указываетъ на (Sylvain'a Maréchal'я Сильвана Марешаля),—выпустившаго въ 1791 году небольшую брошюрку [1]), въ которой онъ объясняетъ, что „la nature n'impose à l'homme ni Dieu, ni lois“. Анархисткими признаются памфлетъ Жана Варлэ (Jean Varlet) [2]) и одно изъ письменныхъ обращеній къ Національному Собранію [3]).

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ лицѣ Гебертистовъ мы также имѣемъ дѣло съ рядомъ писателей и мыслителей, подходившихъ и развивавшихъ анархистскія идеи [4]). Но гебертисты, какъ справедливо замѣтилъ тотъ же Неттлау „n'ont pas encore été suffisamment étudiés sous ce rapport“ [5]).

Вопросъ объ анархистскихъ идеяхъ, на наличность которыхъ указываютъ нѣкоторыя изъ мѣропріятій Революціи, въ настоящее время является еще болѣе спорнымъ, чѣмъ вопросъ о соціалистическихъ ея тенденціяхъ, о которыхъ существуетъ два взаимно противоположныхъ взгляда [6]).

---

[1]) Maréchal, S.: Dame Nature à la Barre de l'Assemblée Nationale 1791. См. Nettlau: Bibliographie, стр. 3.

[2]) Varlet, J.: Voeux formès par des Français libres...“, Парижъ, 1793.

[3]) L'Adresse de Jacques Koux, présentée à la Convention Nationale. 1793.

[4]) О гебертистахъ между прочими писали: G. Tridon: Les Hébértistes, plainte contre une colomnie de l'Histoire, въ жур. „Candide“ за 1864.—G. Avenel: Anacharsis Clootz. Парижъ, 1865.—S. Ch. Brunet: Le Père Duschesne de Rébert. Парижъ, 1859.—S. A. Régnard: Chaumette et la Commune de 1793.

[5]) Nettlau: Bibliographie, 1897.

[6]) Въ то время, когда К. Каутскій объясняетъ въ своей „Die Klassengegensätze von 1789“ соціализмъ якобинцевъ ничѣмъ инымъ, какъ страхомъ передъ ними („Die blasse Furcht“),—E. Balfort Bax въ своей „The Story of The French Revolution“ признаетъ законъ 1793 г. (loi du maximum) за „мѣропріятіе съ прямою соціалистическою тенденціею“. Къ мнѣнію Каутскаго присоединяется Лихтемберже, а Эдгардъ Кине въ своей революціи приводитъ заявленіе монтаньяра

Иное дѣло анархистскія идеи у забытыхъ англійскихъ писателей этой эпохи.

VI. Вильямъ Годвинъ.

(1756—1836).

На рубежѣ двухъ столѣтій появляется въ Англіи Вильямъ Годвинъ Старшій (род. 3 марта 1756, ум. 7 апрѣля 1836), публицистъ, ученый и новеллистъ, извѣстный, съ одной стороны своею полемикою съ Мальтусомъ, съ другой—какъ непосредственный предтеча современнаго анархизма.

Источники воззрѣній Годвина, причины ихъ развитія, да и самая личность этого англійскаго писателя—еще очень мало изучены. Мало изучены и его серьезныя произведенія [1]) и его романъ являющійся выдающимся для своего времени сочиненіемъ.

Годвину принадлежитъ рядъ сочиненій. Изъ нихъ наиболѣе выдающимся является: An enquiry concerning political justice and its influance on general virtue and happiness. — Изслѣдованіе относительно политической справедливости и ея вліянія на общую нравственность и счастье,—вышедшее въ Лондонѣ въ 1793 году. Здѣсь излагается цѣлая оригинальная система воззрѣній на право, государство, собственность, на соціально-политическій строй вообще.

Бодо (Baudot): „La convention n'avait pas sur la propriété une autre, opinion que celle du Code civil; elle a toujours regardé la propriété. comme la base fondaméntale de l'ordre social".

[1]) Сочиненія Годвина экономическаго характера слѣдующія: 1) Thoughs on Mann, 1831.—2) An Enquiry concerning Political Justice etc. 2 т. 1793. въ XVIII вѣкѣ выдержало 4 изд. 2 изд. 1796, 3-ье изд. 1798 и америк. изд. Филадельфія 1796. Затѣмъ сочиненіе было забыто, въ XIX вѣкѣ переиздано все лишь однажды (1865), да отдѣльно глава о собственности (Лондонъ, 1890). Нѣмецкій переводъ.—Untersuchung uber die politische Gerechtigkeit. Вюрцбургъ, 1803. 3. The Enquirer; Reflections on education, manuers and literatur. Лондонъ, 1797. 2 изд, Дублинъ, 1797. 3-ье Лондонъ, 1823. Съ экономической точки зрѣнія особенно цѣнна II-ая часть. 4) On population An Enquiry concerning the Power of Increase in the Numbers of Manking (отвѣтъ Мальтусу). Лондонъ. 1820, франц. переводъ—Recherches sur la population. Парижъ, 1821 (у Ramus'a ошибочно показано 1881); дешевое нѣмецкое изд. библотеки Reclam'a, Лейпцигъ, 1892.

Согласно взглядамъ Годвина—высшій законъ общежитія—благо совокупности, которое зависитъ отъ существа нашей души, отъ нашихъ добродѣтелей; съ точки зрѣнія этого блага всякое законодательство и всякое право являются вредными, а государство прямо разрушительнымъ, такъ какъ общество и государство—два института совершенно разнаго происхожденія и находятся между собою въ прямомъ антогонизмѣ. Мелкія, взаимно мало объединяющіяся общины—вотъ соціально-политическій идеалъ Годвина. Мелкія общины не знаютъ частной собственности, ибо этотъ институтъ, какъ особенно вредный и для общаго блага и для индивидуальной добродѣтели — прежде всего совершенно уничтожается. Познавшіе эти новыя истины—должны распространять ихъ мирнымъ путемъ, путемъ убѣжденія. „Новое слово“ нужно только разъяснить другимъ. Понявшіе будутъ вербовать новыхъ адептовъ, а съ сознаніемъ правды всѣмъ человѣчествомъ само собою рухнутъ и исчезнутъ ненужныя установленія: государство, собственность, право.

Міровоззрѣніе Годвина можетъ считаться за послѣднее время до извѣстной степени выяснившимся. По своимъ взглядамъ Годвинъ является идейнымъ отцомъ анархизма 19 вѣка, хотя окончательная формулировка того оттѣнка анархистскихъ идей, которыя раздѣлялъ Годвинъ была сдѣлана Прудономъ, Бакунинымъ и Кропоткинымъ, создавшихъ то опредѣленное теченіе въ анархизмѣ, которое получило названіе коммунистическаго анархизма. Другое крыло послѣдняго составляетъ анархизмъ индивидуалистическій, ведущій свое начало отъ Макса Штирнера и питающійся въ настоящее время сочиненіями Фр. Ницше.

Антонъ Менгеръ ставитъ Годвина очень высоко. „Вообще,—говоритъ онъ,—можно разсматривать Годвина какъ перваго научнаго соціалиста новаго времени, у котораго въ зародышѣ находятся уже всѣ идеи современныхъ соціализма и анархизма. Онъ оказалъ на Галля, Оуэна и Томсона, а черезъ нихъ на развитіе соціализма, наиболѣе мощное вліяніе“ [1]).

---

[1]) Menger, A.: Das Recht auf den vollen Arbeitsvertrag, 2 изд. Штуттгартъ, 1891, стр. 40.

Дѣйствительно, такое вліяніе не могло не быть, такъ какъ Годвинъ даетъ цѣлостное и законченное ученіе о правѣ, государствѣ и собственности. Согласно Годвину, высшій законъ общежитія—благо совокупности, которое зависитъ отъ существа нашей души, отъ нашихъ добродѣтелей; съ точки зрѣнія этого блага,—высшаго блага жизни,—всякое законодательство и право вредно, а государство прямо разрушительно. Это происходитъ потому, что и общество и государство—институты не только различнаго происхожденія, но и съ заложенными въ ихъ основѣ враждебными другъ другу принципами. Мелкія, взаимно мало связанныя, общины безъ общаго правительства—вотъ идеалъ Годвина. Въ будущемъ строѣ институтъ частной собственности, какъ вредный для общаго блага и индивидуальной добродѣтели долженъ быть уничтоженъ. Познавшіе эти истины должны путемъ убѣжденія воздѣйствовать на другихъ, разъяснять имъ, а съ сознаніемъ истины всѣмъ человѣчествомъ, само собою, рухнутъ ненужныя уже тогда право, государства и собственность.

Если воззрѣнія Годвина сложились подъ вліяніемъ Великой Французской Революціи и философіи Гутчисона, то, въ свою очередь, идеи Годвина оказали вліяніе на англійскую литературу. Водсвордъ, Шелли, Кольриджъ находились подъ сильнымъ его вліяніемъ [1]).

Альтруистическій евдемонизмъ Годвина остался одинокимъ въ исторіи анархизма. Другіе болѣе поздніе евдемонисты стояли на точкѣ зрѣнія чистаго эгоизма. Такъ, съ 1845 г. съ новымъ, но болѣе строгимъ обоснованіемъ анархической идеи на началѣ эгоистическаго евдемонизма выступилъ Каспаръ Шмидтъ (1806—1856 гг.), извѣстный болѣе подъ своимъ псевдонимомъ Макса Штирнера, которымъ онъ подписалъ рядъ своихъ выдающихся журнальныхъ статей. Издано въ Лейпцигѣ въ 1845 г. его сочиненіе „Der Einzige und sein Eigentum“, оно послужило началомъ цѣлаго направленія „индивидуалистиче-

---

1) Годвинъ написалъ также рядъ историческихъ и беллетристическихъ произведеній какъ подъ своею фамиліею, такъ и подъ всевдонимомъ Edward'a Baldwin'a.

скаго“ анархизма, въ отличіе отъ „коммунистическаго“— (Прудона, Бакунина, Кропоткина). Штирнеръ полагаетъ, что высшій законъ — „я“, — личное благо, развитію котораго препятствуютъ и право и государство. Вмѣсто государства должно возникнуть сообщество эгоистовъ („Verein von Egoisten“). Оно возникнетъ съ того момента, когда достаточное количество людей внутренне измѣнится и признаетъ личное благо своимъ высшимъ закономъ, а затѣмъ путемъ силы произведетъ и внѣшнее измѣненіе. Штирнеръ послѣ 1848 года былъ забытъ. Вновь пустилъ его въ обращеніе анархистъ Макай, переиздавшій главнѣйшее его сочиненіе „Единственный и его собственность“ и впервые составившій подробную біографію Штирнера [1]). Къ Штирнеру довольно близко примыкаетъ Бенжаминъ Тёкеръ (Tucker) (род. въ 1854 г.), американскій анархистъ писатель. Онъ видитъ высшее руководящее начало въ личной выгодѣ, откуда онъ выводитъ законъ одинаковой свободы для всѣхъ. Но Тёкеръ признаетъ, правда съ сильными ограниченіями, собственность и право.

---

[1]) По русски то и другое въ изданіи „Библіотека Свѣточа“, (№№ 43—50) Спб. 1907. Вообще о Штирнерѣ наиболѣе подробная библіографія у Цёкколи: Анархизмъ, Спб. 1908, стр. 12 и 13 (примѣч.).

VII. XIX ВѢКЪ.

Коммунистическій анархизмъ.

I.

Пьеръ Жозефъ Прудонъ.

(1809—1865).

I.

Біографія. Сынъ бѣднаго французскаго крестьянина, работавшаго на пивоваренномъ заводѣ, Пьеръ Жозефъ Прудонъ родился 15 января 1809 года въ Безансонѣ. Дѣтство и отрочество онъ провелъ въ нищетѣ и трудѣ. Юношею Прудонъ дѣлается наборщикомъ въ родномъ городѣ Безансонѣ. Не имѣя возможности получить какое-либо систематическое образованіе, Прудонъ всѣ свободныя минуты удѣляетъ самообразованію. Первымъ научнымъ предметомъ, привлекшимъ молодого рабочаго, была лингвистика. Къ этой сферѣ принадлежитъ и его первое сочиненіе. Въ своей работѣ „Опытъ общей грамматики“ (Essai de grammaire générale) Прудонъ зарекомендовалъ себя серьезнымъ филологомъ и получилъ за нее почетный отзывъ Парижскаго института.

Спустя нѣкоторое время, а именно въ 1838 году, безансонская академія наукъ назначаетъ Прудону стипендію. Это позволяетъ молодому человѣку бросить занятія въ типографіи, что до той поры было единственнымъ источникомъ его пропитанія, и отдаться всецѣло своимъ научнымъ влеченіямъ. Филологію скоро смѣняютъ: исторія, политическая экономія, философія. По обычаю ученыхъ учрежденій Франціи и Прудону пришлось представить сочиненіе на премію. Сочиненіе—„О пользѣ празднованія воскресенія“ („De la célébration du Dimanche“) было награждено

безансонскою академіею золотою медалью. Въ отвѣтъ на другую премію той же академіи Прудонъ пишетъ свой знаменитый памфлетъ о собственности. Сочиненіе: Что такое собственность? („Qu'est ce que la propriété?"), появившееся въ 1840 г., дѣлаетъ Прудона извѣстнымъ за предѣлы родного Безансона, а вскорѣ и внѣ Парижа и Франціи.

Приблизительно къ тому же времени прекращается и стипендія безансонской академіи: Прудонъ опять въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. Послѣднее опять вынуждаетъ Прудона идти на службу въ частное предпріятіе. Вначалѣ мы видимъ его секретаремъ мѣстнаго мирового судьи, позднѣе приказчикомъ торговаго дома Готье.

Научно-литературныя работы Прудона тѣмъ временемъ не прекращаются. Въ 1843 году онъ выпускаетъ въ свѣтъ: „Созданіе порядка у человѣчества" („Création de l'ordre dans l'humanité"), а въ 1848 году: „Система экономическихъ противорѣчій или философія нищеты" („Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère"), имѣвшую большой успѣхъ не только во Франціи, но и въ Германіи. На послѣднее сочиненіе отвѣчалъ Карлъ Марксъ своею знаменитою „Нищета философіи", разграничившей воззрѣнія научнаго соціализма отъ прудонизма и открывшей многолѣтнюю полемику между анархистами и соціалистами.

Къ этому времени міровоззрѣніе Прудона въ своихъ существенныхъ чертахъ уже складывается. Къ 1848 году Прудонъ занимаетъ свою совершенно особую позицію, а именно: скептически относясь ко всякому парламентаризму, онъ не раздѣлялъ убѣжденія соціалистовъ въ важности централизаціи и производства, Это неизбѣжно приводитъ къ полемикѣ съ другими лѣвыми лагерями. Въ своей газетѣ: „Le Peuple", которую Прудонъ послѣ февральской революціи издаетъ вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ Герценомъ и редактируетъ съ большими матеріальными и политическими затрудненіями, Прудонъ подвергаетъ жестокой и ярой критикѣ не только теоріи, но и всѣ выступленія соціалистовъ. Этотъ періодъ его дѣятельности является, вмѣстѣ съ тѣмъ, временемъ его наибольшей извѣстности и популярности.

Избранный вскорѣ въ члены парламента, Прудонъ вноситъ сюда свой законопроектъ объ учрежденіи народнаго банка. Средства для созданія путемъ послѣдняго народнаго кредита Прудонъ предлагаетъ взять изъ той суммы, которая образовалась бы отъ введенія особаго, для этой цѣли учрежденнаго, налога. Проектъ Прудона, вызвавъ недоумѣніе, не прошелъ, но такъ какъ система дешеваго кредита входила жизненнымъ нервомъ во все его ученіе—онъ все же попытался, и также тщетно, устроить подобнаго рода банкъ въ Парижѣ.

Въ 1849 году Прудонъ, приговоренный судомъ къ трехлѣтнему тюремному заключенію за статью объ отвѣтственности президента [1]), собирался бѣжать въ Бельгію—общее прибѣжище французскихъ революціонеровъ. Но при выѣздѣ изъ Парижа Прудонъ былъ арестованъ и препровожденъ въ тюрьму. Находясь здѣсь, онъ продолжалъ писать свои статьи,—попрежнему призывныя и пламенныя,—и составилъ томъ своихъ „Признаній“.

Выйдя изъ тюрьмы, Прудонъ болѣе не принималъ активнаго участія въ политическомъ движеніи и весь отдался чисто-научной работѣ. Однако, въ 1858 году за сочиненіе: „О справедливости въ революціи и въ церкви“ („De la justice dans la Révolution et dans l'Eglise“), приговоренный въ тюрьму опять-таки къ трехлѣтнему заключенію, рѣшилъ бѣжать. Въ Бельгіи, куда онъ тайно, и на этотъ разъ удачно, перебрался, Прудономъ были написаны: „Теорія налоговъ“ (La Théorie de l'impôt“), „Война и миръ“ („La Guerre et la paix“) и нѣк. другія.

Прудонъ скончался 19 января 1865 г. въ Пасси, близъ Парижа, мѣста главнѣйшей дѣятельности его бурной жизни.

II.

Прудонъ въ высшей степени своеобразная и оригинальная фигура. Энергичный и подвижный, Прудонъ былъ необычайно пламеннымъ стилистомъ. Его блестящія статьи и книги читались въ свое время на расхватъ, но ученые и особенно соціалисты при

[1]) Опубликованную подъ заглавіемъ „Le Président de la République est responsable“ въ „Le Peuple„ за 1849 г.

его жизни совершенно не понимали его идей. Луи Бланъ далъ ему ужасную характеристику, очертивъ типъ фразера и шарлатана, Марксъ издѣвался со всею свойственною ему желчью въ спеціальномъ сочиненіи направленномъ противъ Прудона, въ „Нищетѣ философіи“. Не менѣе сильно было раздраженіе буржуазныхъ писателей, выставлявшихъ Прудона какимъ-то пугаломъ. Первоначально Прудона оцѣнили сравнительно немногіе, если не считать группы его единомышленниковъ-современниковъ. Мозесъ Гессъ, Карлъ Грюнъ, Вильгельмъ Марръ, Бенжаменъ Токеръ, позднѣе Кропоткинъ — вотъ прямые развиватели идей Прудона [1]). Правда, теперешній анархизмъ уже далеко ушелъ отъ Прудона. Въ борьбѣ за свою доктрину, анархисты развили обоснованное и цѣлостное ученіе съ своимъ соціально-философскимъ фундаментомъ и содержаніемъ. Но ко времени Прудона теорія анархизма была еще въ зачаточномъ состояніи.

Прудонъ не изложилъ догматически своего экономическаго ученія, а его философское міровоззрѣніе не вылилось въ какую-либо опредѣленную философскую систему. Самъ Прудонъ признавалъ своими учителями: „Библію, Адама Смита и Гегеля“ и очень отрицательно относился къ утопическому коммунизму. Подчиняясь общему духу времени и усматривая во всякой „метафизикѣ“ и во всякой „теологіи“ врага свободомыслія, Прудонъ часто высказывалъ общія мѣста и замѣчанія въ тонѣ упрощеннаго позитивизма. Но иногда позитивизмъ его принималъ густую матеріалистическую окраску и не мѣшалъ ему въ то же время поддаваться гегелевской діалектикѣ и разсматривать всю исторію, какъ переходъ отъ тезиса черезъ антитезу къ синтезу. Матеріалистическое настроеніе Прудона однако же не дѣлало его атеистомъ [2]).

У Прудона была своя религія, но источникомъ ея былъ его гумманизмъ. Свободное развитіе личности всегда оставалось

---

1) Срав. Гильомъ: Анархія по Прудону 1889.

2) „Будучи всю жизнь крайнимъ врагомъ всякой церкви, всякой положительной религіи,—говоритъ о немъ Путлицъ,—Прудонъ не былъ атеистомъ, а наоборотъ считалъ атеизмъ еще болѣе нелогичнымъ, чѣмъ вѣру“. (St. Gans Edler Herr zu Putlitz: „I. C. Proudhon. Sein Leben und seine positiven Ideen“. Берлинъ, 1881, стр. 54).

для него высшей цѣнностью. Содержаніемъ ея было признаніе за человѣкомъ нравственныхъ правъ, вытекающихъ изъ принципа „человѣческаго достоинства“. Человѣческая личность, въ свободѣ и счастьи которой Прудонъ усматривалъ весь смыслъ мірового процесса, бралась имъ однако не въ изолированномъ состояніи, не во вкусѣ Штирнеровскаго „я“, а въ качествѣ существа общественнаго. Человѣкъ, по мнѣнію Прудона, можетъ развиваться только въ обществѣ, находясь въ постоянномъ общеніи и неразрывной связи съ другими людьми. Отсюда для него вытекаетъ необходимость въ общественной эволюціи и развитіи общественнаго строя, внѣ которыхъ немыслимо развитіе личности.

Высшій законъ, по Прудону,—справедливость.

Справедливость есть непосредственно чувствуемое взаимное уваженіе къ человѣческому достоинству. Справедливость—это и нѣчто реальное и идея; она критерій человѣческаго поведенія. Во имя этой справедливости Прудонъ отрицаетъ хотя и не право вообще, но всѣ правовыя нормы и особенно государственные законы. Онъ полагаетъ, что справедливость требуетъ только одной нормы,—а именно исполненія договора. Договоръ уничтожаетъ всѣ проблемы, а признаніемъ одной договорной нормы отрицается государство, отрицается абсолютно, безъ временнаго или мѣстнаго ограниченія. „Управленіе людей людьми—рабство“. „Кто наложитъ на меня руку, чтобы мною управлять,—тотъ,—говоритъ Прудонъ,—узурпаторъ и тиранъ, я считаю его моимъ врагомъ“. Авторитетъ власти, государства, правительства—это только средства порабощенія. Справедливость требуетъ, чтобы вмѣсто государства воцарилось свободное сожительство людей на основѣ одной лишь правовой нормы: исполненія договора. Такое сожительство Прудонъ первоначально называлъ „анархіею“, позже, воскрешая идею жирондистовъ,—„федераціею“. Здѣсь свобода будетъ не дочь, а мать порядка.

Осуществить анархическую федерацію возможно, по Прудону, только путемъ пропаганды. Съ проникновеніемъ анархической идеи старый порядокъ падетъ самъ собою, и наступитъ новый строй. Ошибку дѣлаютъ тѣ, которые требуютъ раньше революціи, думая, что послѣ нея и придетъ просвѣщеніе, но „революція—это только

облегченіе мозговъ". Для настоящаго же, т.-е. для побѣды надъ буржуазіею, тоже нуженъ ростъ и проникновеніе въ массы идеи. Примѣръ успѣха идеи, проведенной въ жизнь безъ содѣйствія власти, безъ матеріальныхъ средствъ, безъ „порядка"—можетъ оказать важное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ развитія младшаго брата", говоритъ Прудонъ. „Милліоны же братьевъ отнимаютъ у меня настоящаго брата".

Считая соціализмъ безплоднымъ и утопичнымъ, возставая противъ революціи, законовъ и государства, Прудонъ, въ то же время, защищаетъ право наслѣдованія, семью, мораль, религію, хотя въ другой, болѣе облагороженной, но все же признаваемой имъ необходимой формѣ. Мирная пропаганда и чудодѣйственная панацея: даровой кредитъ должны, по Прудону, создать новое общество безъ государства и насилія, безъ суда и войны. Такая идиллія Прудона, идиллія малопонятная на томъ соціальномъ вулканѣ страстей и противорѣчій, который уже начиналъ вздыматься еще и въ его время, дала возможность его соціалистическимъ критикамъ дать ему названіе—мелкобуржуазнаго.

Общественный прогрессъ, понимаемый діалектически, какъ постоянное измѣненіе, разрѣшающее возникающее противорѣчіе, былъ для Прудона необходимою предпосылкою его вѣры въ идеалъ свободной личности. Поэтому идеалъ свободы совпадаетъ съ идеаломъ общественной справедливости, какъ цѣли общественнаго развитія. Ученіе о справедливости является у Прудона существенной частью всей его системы. Что же такое справедливость? „Человѣкъ,—отвѣчаетъ Прудонъ,—въ силу разума, которымъ онъ одаренъ, обладаетъ способностью чувствовать свое достоинство въ личности себѣ подобнаго и свое тождество съ нимъ въ этомъ отношеніи.

Справедливость есть результатъ этой способности: это—уваженіе, свободно обнаруживаемое и взаимногарантируемое, къ человѣческому достоинству" [1]).

Задачей лучшаго строя является согласованіе правъ и обязанностей человѣка, иначе говоря, связать интересы личности съ

[1]) Proudhon: Justice, 1, стр. 182. Цитиров. по Hubert-Bourgin'y: „Proudhon", Bibliothèque socialiste. Парижъ, 1901, стр. 38.

интересами общественнаго цѣлаго. Изъ двухъ возможныхъ путей къ осуществленію этого согласованія—подчиненія личности обществу и признанія у одной личности достоинствъ другой,—Прудонъ выбираетъ второй путь, который онъ называетъ революціоннымъ. Этотъ путь въ итогѣ приводитъ къ свободѣ.

Подъ свободою Прудонъ разумѣетъ не простое отрицаніе того или иного принужденія, а личную свободу, т. е. право ничѣмъ не стѣсняемаго развитія личности индивидуума.

„Свобода,—говоритъ Прудонъ,—это право человѣка использовать свои способности такъ, какъ ему нравится“ [1]). Человѣкъ не можетъ отказаться отъ свободы, не посягая на свое существованіе въ качествѣ человѣка. Поэтому всякое порабощеніе человѣка равносильно его убійству. Рабствомъ же является всякое подчиненіе человѣка какому-либо заранѣе установленному порядку: каждый можетъ дѣлать, что онъ хочетъ и только то, что хочетъ. На этомъ основаніи Прудонъ воздвигаетъ своимъ конечнымъ идеаломъ полную анархію, т. е. полное отрицаніе всякаго правительства.

Но свобода личности, вытекающая изъ признанія ея человѣческаго достоинства, не должна становиться въ противорѣчіе съ тѣмъ самымъ принципомъ, который служилъ ея же собственнымъ основаніемъ. Было бы прямымъ глумленіемъ надъ этимъ принципомъ, если бы личность, признавая свободу за собою,, лишала ея другихъ. Каждый человѣкъ въ правѣ требовать отъ другого признанія своего человѣческаго достоинства. Слѣдовательно каждый обязанъ признавать въ другомъ лицо, обладающее тѣмъ же, что и онъ достоинствомъ и все это не взирая на всю особенность этого лица. Въ итогѣ достоинство человѣка гораздо больше и выше чѣмъ различіе людей между собою. Такимъ образомъ изъ признанія человѣческаго достоинства вытекаетъ не только требованіе свободы, но и требованіе полнаго равенства людей. Единственное отступленіе отъ этого требованія, которое Прудонъ допускаетъ, это въ отношеніи къ... женщинѣ (?!).

Указанныя начала свободы и равенства Прудонъ прилагаетъ

---

1) Proudhon, I.: Théorie de la propriété. Oeuvres posthum. Томъ I стр. 29.

и къ вопросамъ хозяйственной жизни людей. Здѣсь его прежде всего занимаетъ вопросъ о собственности.

Отмѣченныя начала приводятъ его къ признанію собственности, какъ результата труда и въ то же время къ отрицанію собственности, посколько она увеличиваетъ достояніе одного за счетъ другого. Прудона считаютъ часто однимъ изъ самыхъ непримиримыхъ враговъ частной собственности. Поводомъ къ распространенію такого рода предразсудка получило знаменитое изрѣченіе этого экономиста „собственность—это кража“ [1]). Но самъ Прудонъ настойчиво повторяетъ, что онъ не отрицаетъ собственности самой по себѣ, а отвергаетъ лишь ея современныя формы, когда собственность является достояніемъ немногихъ, а большинство же ея лишено совершенно. Собственность же,—если бы она была доступна въ равной мѣрѣ всѣмъ, сдѣлала бы человѣка полезнымъ хозяиномъ земли, увеличивала-бы его энергію, расширила бы его личность и повышала бы его достоинство [2]). Прудонъ высказывается даже за сохраненіе наслѣдственной передачи собственности, но пытается устранить обуславливаемое ею неравенство запрещеніемъ получать по наслѣдству больше опредѣленной части имущества. При настоящихъ же условіяхъ собственность современнаго общества является источникомъ вопіющей несправедливости, такъ какъ она представляетъ собою право получать доходы, не принося пользы обществу. Это, по мнѣнію Прудона, объясняется тѣмъ, что рабочій теперь создаетъ больше, чѣмъ получаетъ въ видѣ заработной платы; излишекъ, при этомъ поступаетъ во владѣніе капиталиста. Поэтому-то собственность въ ея современной формѣ и названа Прудономъ—воровствомъ. Но проклятая имъ какъ историческая категорія, собственность все же можетъ имѣть, какъ нѣкогда и имѣла, и иное экономическое содержаніе. Она станетъ законною и справедливою съ того момента,—когда весь продуктъ труда начнетъ поступать въ собственность того, кто его произвелъ, и когда въ

[1]) Строго говоря это изреченіе не ново; отцы церкви въ своихъ ораторскихъ упражненіяхъ въ защиту нищенства (см. гл. христіанство) не разъ пускали въ ходъ подобнаго рода фразы. А за сто лѣтъ до Прудона французскій экономистъ Brissot de Warwille.

[2]) См. Proudhon: Oeuvres anc., томъ 5, стр. 197 и слѣд.

обмѣнѣ воцарится принципъ равенства. Послѣдній означаетъ состояніе когда трудъ обмѣнивается на трудъ, услуга на услугу, продуктъ на продуктъ. Въ связи съ этого рода уравнительнымъ требованіемъ,—по своему воскрешающимъ давно забытое ученіе о справедливой цѣнѣ, стоитъ представленіе Прудона о непроизводительности капитала. Послѣднее и его, какъ нѣкогда и монаховъ, приводитъ къ отрицательному отношенію къ проценту и къ усиленному осужденію его взиманія. Кредитъ поэтому, по Прудону, долженъ быть безвозмезднымъ, т. е. долженъ сводиться къ простому обмѣну.

Это ученіе о безвозмездномъ кредитѣ является для Прудона одною изъ центральныхъ идей его экономической системы. Право капиталиста на проценты основывается, по его мнѣнію, на правѣ сильнаго и потому противорѣчитъ идеѣ справедливости. Общество обязано организовать кредитъ, который былъ бы совершенно безвозмезднымъ и который давалъ бы возможность отдѣльному лицу получать безъ всякой оплаты капиталъ, необходимый для веденія предпріятія. Съ этою цѣлью долженъ быть устроенъ народный банкъ, который и устранитъ все зло современной общественной жизни. Народному банку Прудона не нужны ни субсидія, ни принудительная сила государства. Послѣднее вообще не должно вмѣшиваться въ экономическую жизнь.

Организація Народнаго Банка—дѣло самого общества, а сила его въ самихъ преимуществахъ безплатнаго кредита, во взаимномъ довѣріи. Свободная конкурренція поможетъ борьбѣ этого банка съ остальными, постепенно вынужденными капитулировать старыми кредитными учрежденіями. Само собою исчезнутъ и деньги, такъ какъ банкъ явится и центральнымъ мѣновымъ учрежденіемъ. Мѣсто денегъ займутъ неразмѣнные банковые билеты („Чеки труда“). Роль денегъ сводится къ одной лишь функціи—облегченію обмѣна, такъ какъ единицею явится часъ труда (какъ у Роб. Оуэна). Въ силу этого и собственность перестанетъ быть источникомъ дохода.

Народный банкъ долженъ осуществить идею взаимности: равенство обмѣна и экономическое выраженіе принципа уваженія другого какъ самого себя. Итакъ путемъ организаціи Народнаго

Банка можно прійти къ общественному строю, построенному на началахъ взаимности. Это и есть идеалъ общежитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ достигается и гармонія общественной жизни, совмѣщающей свободу съ равенствомъ. Каждый устраиваетъ свою жизнь по своему. Равенство же владѣнія и свободно-справедливый обмѣнъ, не влекущій за собою процентныхъ вознагражденій, обезпечиваетъ всѣмъ полное равенство.

И производство въ такомъ общественномъ строѣ не останется индивидуальнымъ: оно станетъ коллективнымъ, а отсюда болѣе продуктивнымъ. Всѣ члены общества, являясь единовременно и рабочими и капиталистами, соединяясь въ группы, увеличиваютъ тѣмъ самымъ капиталъ предпріятія и способствуютъ болѣе планомѣрному производству. Союзы не носятъ при этомъ обязательнаго характера: входъ и выходъ вполнѣ свободный, а порядокъ внутри опредѣляется самою работающею группою. Всѣ равноправны и работаютъ въ мѣру своихъ силъ и способностей; вознагражденіе выдается соотвѣтственно затраченному труду.

Такъ какъ такая система („федеративная“) примѣнима во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, то съ водвореніемъ начала взаимности все человѣчество представитъ собою сѣть рабочихъ организацій, вступающихъ между собою въ договорныя отношенія. Всеобщій миръ и быстрое улучшеніе матеріальной, а слѣдовательно и духовной жизни—вотъ итоги новаго предлагаемаго порядка.

Естественно, что государству въ этомъ общественномъ строѣ не будетъ мѣста. Такой строй можетъ быть поэтому названъ анархическимъ, такъ какъ въ немъ, по мнѣнію Прудона, будетъ неизвѣстна какая бы то ни было зависимость однихъ отъ другихъ; ни зависимости отъ одного, монархіи, ни отъ многихъ, демократіи. Государственная власть, по Прудону,— смерть свободѣ [1]). Функціи же государства, не противорѣчащія свободѣ, принимаютъ на себя рабочія организаціи; это не сложно, ибо имъ не придется разрѣшать никакихъ политическихъ задачъ. Государство не можетъ ничего реформировать, это иллюзія; первое условіе соціальнаго переворота—уничтоженіе государства. „Уничтоженіе эксплоатаціи человѣка человѣкомъ,—говоритъ Прудонъ,—и уничтоженіе управленія

[1]) Proudhon: Oeuvres, т. I. стр. 183, т. 9. стр. 739.

человѣка человѣкомъ—это одно и тоже“ [1]). На мѣсто демократіи анархія поставитъ „демопедію“, воспитаніе народа.

Само собою понятно, что Прудонъ противъ коммунистической общности имущества, ибо это, по его мнѣнію, убиваетъ свободу личности. Тоже относительно идеи общности женъ: семья, по Прудону,—основа личной свободы.

Такова въ самыхъ краткихъ чертахъ система Прудона. Изъ нея ясно видно, что анархизмъ Прудона—мирный, не революціонный. Онъ возлагаетъ надежды не на какой либо переворотъ, а на постепенный переходъ ко взаимности и федераціи. „Революцію“ же онъ понимаетъ только какъ „просвѣщеніе умовъ“.

Но какъ практически содѣйствовать осуществленію всего плана? Нужно лишь *убѣдить* рабочихъ и мелкихъ буржуа въ его благодѣтельности. Но „убѣдить“ Прудону такъ и не удалось. „Прудонъ,—какъ сообщаетъ между прочимъ Кульчицкій,—мечталъ даже объ организаціи *партіи изъ рабочихъ и мелкихъ собственниковъ*, которая поставила бы себѣ цѣлью провести въ жизнь его идеалы„. „Отдѣльныя рабочія группы,—говоритъ Кульчицкій,—часто пользовались его совѣтами по общественно политическимъ и экономическимъ вопросамъ, но до созданія могучей партіи не дошло“ [2]).

Въ концѣ жизни Прудонъ для немедленнаго осуществленія рекомендовалъ не анархію, оставшуюся только конечнымъ идеаломъ, а *федерализмъ*, а передъ самою смертію въ сочиненіи „Capacité etc.—“ онъ уже опредѣленно высказался за организацію *рабочей партіи*.

Поворотъ къ федерализму у Прудона явился какъ результатъ, по мнѣнію лично мнѣ переданному Кропоткина, того, что Прудонъ лично „видѣлъ прорухи революціи 1848 года“.

II.

Прудонисты.

Если не считать группы непосредственныхъ учениковъ Прудона, то вообще идеи Прудона долгое время не имѣли доста-

1) Статья посвященная Луи Блану, цит. по Hubert Bourgin, Proudhon. Парижъ, 1901, стр. 35.

2) Кульчицкій, Л.: Современный анархизмъ. Спб., 1907, стр. 16.

точно глубокаго вліянія. Теоретики анархизма съ ними мало считались. Лишь въ самое послѣднее время—особенно во Франціи—мысли Прудона опять привлекаютъ къ себѣ вниманіе и соціалистическихъ и анархистскихъ кружковъ. Въ странахъ англійскаго языка Прудона популяризировалъ и развилъ Токеръ (Benjamen Tucker). Къ числу прудонистовъ относятся:

1. Мозесъ Гессъ, (1812—1872); написавшій „Philosophie der That“ (1840) и „Socialismus“ (1841)—и нѣсколько статей въ журналѣ: „Gesellschaftspigel“ (1845).

2. Карлъ Грюнъ (1817—1887) авторъ „Die Sociale Bewegung in Frankreich und Belgien“, 1845. Идеи Грюна о потребленіи приближаютъ Грюна къ Кропоткину.

3. Вильгельмъ Марръ (1819— ?), писалъ немного въ Blätter der Gegenwart и др. журналахъ.

4. Бенжамэнъ Токкеръ, американскій журналистъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ названныхъ писателей въ отдѣльности.

Мозесъ Гессъ (1812—1872), талантливый публицистъ 40-хъ годовъ, подходитъ близко къ коммунизму и расходится съ Прудономъ въ средствахъ воплощенія своего идеала; онъ стоитъ за активное воздѣйствіе на прогрессъ. Забытыя теперь обѣ книжки и статьи Гесса изъ „Зеркала Обществъ“ (1845) содержатъ рядъ интересныхъ мыслей.

„Анархія,—писалъ въ началѣ 40-хъ годовъ Мозесъ Гессъ,—есть отрицаніе всякой власти въ духовной и соціальной жизни. Церковь, государство, судъ и другіе, созданные человѣкомъ для своей тираніи инструменты, должны быть оставлены. При этомъ необходимо идти дальше, чѣмъ шелъ Прудонъ: нужно всякое повелѣніе извнѣ замѣнить самоповелѣніемъ изнутри („Die wahre Negation des Bestimmtwerdens von aussen die Selbstbestimmung von innen heraus sei“). Поэтому и всякая дѣятельность, исходнымъ пунктомъ который является не внутреннее, а внѣшнее побужденіе должна быть отвергнута; внѣшнее побужденіе—вызывается ли оно кнутомъ рабовладѣльца, голодомъ ли пролетарія, жадностью ли лавочника—одинаково несовмѣстимо со

свободою человѣческой личности. Въ анархистскомъ обществѣ каждая дѣятельность найдетъ вознагражденіе сама въ себѣ.

Это же начало, приложенное къ хозяйственной дѣятельности, равносильно отказу отъ опредѣленія характера, продолжительности, напряженности и пр. труда человѣка, который вполнѣ зависитъ отъ индивидуальнаго усмотрѣнія. Но, съ другой стороны, общество должно предоставлять каждому человѣку столько для его развитія и удовлетворенія потребностей, сколько ему для разумнаго удовлетворенія необходимо.

Въ этомъ же духѣ высказывается и Карлъ Грюнъ, личный знакомый и послѣдователь идей Прудона, хотя взгляды на потребленіе приближаютъ его къ Кропоткину. Анархистская концепція Грюна не сложна. Каждый работаетъ и потребляетъ въ будущемъ обществѣ столько, сколько ему нравится. Производство и потребленіе цѣликомъ зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія. Но отъ этого производство все же не упадетъ, а только возрастетъ потребленіе, ибо для потребленія всѣхъ нужно не больше, чѣмъ работа подростковъ 15-ти лѣтняго возраста. При этомъ ни полиціи, ни тюремъ, ни властей, ни государства.

Гессъ и Грюнъ предлагали неодинаковые способы для осуществленія ихъ идеаловъ. Гессъ стоялъ за всеобщее избирательное право, національныя мастерскія и за улучшеніе образованія. При этомъ онъ не сомнѣвается, что дальнѣйшее развитіе само приведетъ къ намѣченной цѣли. Грюнъ же полагаетъ, что современное общество идетъ къ тому, чтобы дѣлать буржуазію все болѣе богатой, а рабочихъ все болѣе и болѣе бѣдными. Какъ только эти тенденціи дойдутъ до крайняго выраженія—наступитъ время соціальной революціи: для ея осуществленія необходимо одно—энергичная пропаганда.

Оба анархиста—Гессъ и Грюнъ—играли значительную роль въ нѣмецкой соціалпартіи до-мартовскаго періода и являлись вождями крайней радикальной части партіи. Воззрѣнія ихъ распространялись въ большомъ количествѣ листковъ и памфлетовъ, которыми одно время образованная публика сильно зачитывалась. Непосредственно къ Прудону примыкаетъ и основавшій въ Швейцаріи анархистскія группы и журналъ Вильгельмъ Марръ

(1819—1880), также одинъ изъ болѣе видныхъ прудонистовъ. Ему принадлежатъ нѣсколько памфлетовъ [1]), одно описаніе тайныхъ обществъ и статьи въ журналѣ: „Blätter der Gegenwart für Sociales Leben“, выходившемъ въ Лозаннѣ въ 1844—45 гг. Его послѣдователями являлись преимущественно нѣмецкіе ремесленники, проживавшіе въ началѣ 40-хъ годовъ (собственно въ 1842—45 гг.) въ Швейцаріи. Марръ требовалъ уничтоженія государства, церкви, брака, суда и пр., но на мѣсто ихъ не предлагалъ даже коммунизма, который тоже считалъ вреднымъ. Ярыя нападки Марра на церковь и бракъ обратили на себя вниманіе швейцарскаго правительства, которое закрыло его журналъ, имѣвшій около 500 абонентовъ, и выслало его изъ предѣловъ страны.

Прудонизмъ и позднѣе (подъ именемъ „мутуализма“) имѣлъ во Франціи вліяніе на умы. Изъ числа „мутуалистовъ“ извѣстны Даримонъ, Ланглуа, Рамонъ дела Сагра, Хоецкій. Нѣкоторые изъ нихъ были еще непосредственно связаны съ Прудономъ и объединялись вокругъ журнала „L'Anarchie, journal de l'Ordre“ (въ Парижѣ, въ 1850 году). Въ 60 и 70 годахъ мутуализмъ имѣлъ меньшее распространеніе, сосредоточившись только въ рабочемъ движеніи [2]), Франціи и Бельгіи а въ 80-хъ годахъ успѣшно поднялъ голову въ лицѣ писателей Joseph Perrot, Emile Chevalet, Langua, и др.

Непосредственно къ Прудону и прудонистамъ Гессу и Грюну примыкаетъ Петръ Алексѣевичъ Кропоткинъ.

Трудно прибавить что-либо къ біографіямъ Кропоткина, написаннымъ Степнякомъ-Кравчинскимъ (см. „Подпольная Россія“ и Георгомъ Брандесомъ. Обѣ они полно и удачно обрисовываютъ эту замѣчательную личность. Фактическимъ дополненіемъ могутъ служить извѣстные автобіографическіе „Мемуары“ и библіографическія указанія, данныя Неттлау въ его „Библіографіи Анархизма“.

---

[1]) Marr, W.: Das junge Deutschland in der Schweitz. Лейпцигъ, 1855. — Der Mensch und die Ehe vor dem Richterstuhl der Sittlichkeit 1848.—Anarchie oder Autorität, 1852.

[2]) Мутуализмъ особенно значителенъ на рабочемъ конгрессѣ, собиравшемся въ Льежѣ, въ 1865 году.

Кропоткинъ занимаетъ свою особенную позицію [1]). Онъ возводитъ свой анархизмъ до высоты общей философской системы, синтезируя всѣ свои воззрѣнія вокругъ идеальнаго человѣческаго общежитія, покоящагося на взаимопомощи. Во всемъ объемѣ и въ системѣ съ его взглядами можно познакомиться въ сочиненіи Эльцбахера, которое самъ Кропоткинъ признаетъ за наилучшее изложеніе его идей.

Кропоткинъ выдвигаетъ идею взаимопомощи противъ Дарвина, взглядъ котораго онъ не раздѣляетъ. Крапоткинъ вообще призываетъ къ человѣколюбію и гуманности и чуждается насилія и несправедливости. Самъ онъ въ своей дѣятельности—ученый и публицистъ, чистый какъ кристаллъ. Идеи Кропоткина во многомъ повторяютъ воззрѣнія его предшественника Бакунина.

Ценкеръ говоритъ, что „Нечаевымъ“ Кропоткина является Жанъ Гравъ. Жанъ Гравъ былъ редакторомъ французскаго анархическаго журнала: „La Revolte“, въ которомъ принимали участіе всѣ видные анархисты конца XIX вѣка.

III.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ (1814—1876).

Бурный европейскій періодъ жизни Бакунина начинается съ 1846 года, послѣ того какъ выйдя изъ военной службы (въ Польшѣ) и занявшись философіею (въ Москвѣ), онъ ѣдетъ въ Германію. Здѣсь онъ занимается гегельянствомъ, а въ слѣдующемъ 1847 году ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ встрѣчается съ Прудономъ.

Высланный изъ Франціи, онъ возвращается въ Германію. Въ Дрезденѣ онъ участвуетъ въ возстаніи 1849 года, за что былъ

1) Кропоткинъ написалъ свою первую статью въ 1862 году въ „Книжномъ Вѣстникѣ“, издававшемся офицеромъ Сенковскимъ, пріятелемъ Ножина. Статья состояла изъ разбора сочиненій Н. Шелгунова: положеніе рабочаго класса въ Западной Европѣ. За этою статьею слѣдовали письма П. А. въ „Современной Лѣтописи“, издававшейся при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, тогда прогрессивныхъ. Письма съ пути шли въ теченіе 1862—64 гг., послѣ же реакціоннаго поворота Каткова по польскому вопросу были перенесены въ „Биржевыя Вѣдомости“. Въ Англіи, пріѣхавъ въ Эдинбургъ въ 1876 году и списавшись съ Гильомомъ, началъ писать статьи по анархизму.

осужденъ на пожизненное заключеніе. Его выдаютъ русскимъ властямъ, которые заключаютъ его въ Петропавловскую крѣпость на 8 лѣтъ. Отбывъ наказаніе, онъ былъ высланъ въ Сибирь, откуда скоро бѣжалъ черезъ Японію въ Европу. Побывавъ въ Англіи и Америкѣ, онъ поселился надолго въ Швейцаріи, ставъ центромъ лѣвыхъ группъ.

Бакунинъ выступаетъ въ 1867 году въ Женевѣ на концессіи мира съ предложеніемъ уничтожить централизовавшіяся государства и учредить добровольныя федераціи независимыхъ коммунъ. Въ слѣдующемъ 1868 году онъ побуждаетъ другой конгрессъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго, присоединиться къ интернаціоналу. Потерпѣвъ неудачу, онъ организуетъ самостоятельную „Соціально-Демократическую Федерацію“ (Social Democratic Alliance), цѣлью которой было превращеніе земли и капитала въ коллективную собственность общества. Всѣ существующія государства должны были бы раствориться въ универсальномъ союзѣ свободныхъ федерацій. Федерація Бакунина стремилась, но тщетно, присоединиться къ Интернаціоналу. Просуществовавъ около полугода,—она распалась.

Вскорѣ часть Интернаціонала откололась подъ именемъ „Романской Федераціи“. Послѣдняя распалась на два отдѣла. Одинъ изъ нихъ руководился Бакунинымъ и его ученикомъ Гюльомомъ и получилъ названіе „Юрской Федераціи“. Она была исключена изъ Интернаціонала, гдѣ воцарился Марксъ со своими приверженцами. Съ 1879 года федерація уже существуетъ самостоятельно и созываетъ свои конгрессы въ 1873, 74, 76 и 77 годахъ. Съ 1873-го же года федерація признаетъ себя анархистскою. Брусъ заявляетъ, что „ея программа—анархія“. Въ 1876 году Бакунинъ скончался.

Для выясненія программы анархистовъ особенно важенъ конгрессъ 1882 года, происходившій уже подъ вліяніемъ П. Кропоткина. На этотъ конгрессъ (въ 1882 года, въ Женевѣ) собрались со спеціальною цѣлью отмежеваться отъ соціализма. Былъ выпущенъ манифестъ, разъяснявшій цѣли и задачи, тактику и методъ анархизма.

Литературная дѣятельность Бакунина была случайна и разно-

образна. Она выражалась въ мелкихъ статьяхъ, замѣткахъ и письмахъ. Съ 1863 года его сочиненія становятся уже чисто анархистскими.

Къ этому періоду относятся:

1. Fédéralisme, Socialisme et Antithéologisme 1867. Напечатана только въ 1895 году въ собраніи сочиненій M. Bakounine: Oeuvres Парижъ, 1895.
2. Lettres d'athéisme въ La Démocratie (изд. Chassin'омъ. въ Парижѣ. 1868).
3. Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи. Женева, 1869.
4. Наука и насущное революціонное дѣло. Женева. 1870.
5. Кнуто—германская Имперія и соціальная революція. Женева, 1871.
6. Dieu et l'Etat. Женева, 1872.
7. La Commune de Paris et la notion de l'Etat, въ Travailleur. Женева, 1878, написано 1871.
8. Государственность и анархія. Введеніе, ч. I, 1873 г., и многія другія [1]).

Вмѣстѣ съ дѣятельностью Бакунина наступаетъ время анархистскаго движенія. Не образовывая организаціонно-единой партіи, анархисты въ различныхъ странахъ соединяются въ группы, переходящія иногда въ практическія выступленія. Въ 70-хъ годахъ XIX столѣтія начинается время анархистскихъ выступленій, которыя обосновываются особою теоріею „пропагандою дѣла“ (Propaganda der That). Она связана съ именемъ Нечаева, командированнаго изъ-за границы въ Россію. Нечаевъ изложилъ свои взгляды въ „Катехизисѣ“, представляющемъ собою весьма важный моментъ въ исторіи анархизма. Вмѣсто мирнаго анархизма Годвина или Прудона здѣсь открывается та пропаганда дѣйствіемъ, активное наступленіе на общество, которая завершилась рядомъ крупныхъ политическихъ убійствъ въ разныхъ странахъ [2]).

Пропаганда дѣла защищалась особенно энергично докторомъ Павломъ Брусе, редакторомъ журнала „Юрской Федераціи“; за

---

[1]) О Бакунинѣ писали:

1. Arnold Ruge: Erinnerung an Michel Bakounin въ „Neue Freie Presse“, Вѣна, 28 и 29 сент. 1876.
2. Andrea Costa: Vita de Michele Bacunin. т. I, Болонья, 1877.
3. Matthey. A.: Michel Bacounine въ „Nouvelle Revue“, Парижъ, авг. 1891.
4. Dragomanov: Michail Bakounin's Socialpolitischer Briefwechsel mit A. I. Herzen and Ogarew. Штуттгартъ, 1895.

[2]) Равашель—1892, Веллантъ—1893, Генри—1894.

восхваленіе покушенія Геделя и Нобелинга Бруссе былъ арестованъ, приговоренъ къ тюрьмѣ, а затѣмъ высланъ изъ предѣловъ Швейцаріи; типографія Юры—запечатана. Вообще же анархистское движеніе въ 70-хъ годахъ еще очень незначительно. Оно расцвѣтаетъ въ слѣдующее десятилѣтіе, съ появленіемъ во Франціи и Швейцаріи сочиненій Элизе Реклю и П. А. Кропоткина, въ Германіи Іоганна Моста, въ Австріи Іосифа Пейнера и пр. Это даетъ усиленную почву для развитія анархизма, что совпадаетъ съ усиленіемъ недовольства рабочихъ массъ какъ своимъ матеріальнымъ положеніемъ, такъ и своими соціалистическими вождями. 90-ые годы были послѣднимъ десятилѣтіемъ успѣха анархизма.

Въ 90-хъ годахъ издаются въ Бостонѣ журн. „Freiheit“, Моста, въ Парижѣ „Révolte“ Жанъ Грава и Père Peinard (Эмиля Пуже) и L'Endehors Голланда, въ Германіи „Socialist“ Ландауэра и др. Анархизмъ, разрастаясь, вызываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, тревожное вниманіе европейскихъ правительствъ, которыя издаютъ суровые законы противъ анархистовъ, созываютъ тайныя совѣщанія и организуютъ международный надзоръ за анархистами. Къ нимъ вскорѣ примыкаютъ и Соединенные Штаты, гдѣ анархизмъ къ этому времени тоже упрочился.

Единовременно и соціалисты всѣхъ оттѣнковъ тщательно отмежовываются отъ анархизма. Къ началу XX вѣка, анархизмъ въ чистомъ видѣ ослабѣваетъ и движеніе сокращается. Только съ развитіемъ синдикалистскихъ теченій среди рабочихъ анархизмъ опять выступаетъ на сцену въ такъ называемомъ „революціонномъ сандикализмѣ“.

Литература анархизма обширна. Укажемъ болѣе значительныя сочиненія.

Adler Georg: Anarchismus, статья въ словарѣ Handwörtesbuch der Staatswissensshaften, т. I, есть въ рус. пер. въ отдѣльн. изданіи Ивановой, книгоизд. „Мысль“, Спб., 1906, и „Die Lehren der Anarchisten“, въ журналѣ „Nord und Süd“ за 1855 г. (т. 32, стр. 371 и слѣд.), въ статьяхъ Эд. Бернштейна: „Die soziale Doctrin des Anarchismus“, въ журналѣ „Neue Zeit“ за 1891 и 1892 гг. Этому же ученію посвящены: Sernicoli: L'anarchia e gli anarchici, 2 томъ, Миланъ, 1894, Schaw: The impossibilities of anarchism, Лондонъ, 1895. Русская литература очень незначительна. Макай: „Осужденные въ Чикаго“; Штирнеръ: Анархизмъ, теорія и критика, пер. съ нѣм. подъ ред. В. Святловскаго, книгоизд. „Начало“, Спб., 1906 г.
Эльцбахеръ: Анархизмъ, рус. пер. 1905.

Цóкколи, Гекторъ: Анархизмъ. Спб. 1908.
Ценкеръ: Анархизмъ, рус. пер. 1905.
Неттлау: Библіографія анархизма, 1887.
О Годвинѣ и Прудонѣ. Литература довольно обширна.

Сочиненія о Годвинѣ:

Годвина начали изучать только въ самое послѣднее время поэтому—изложеніе его воззрѣній и библіографія объ немъ въ общихъ сочиненіяхъ по анархизму (Антона Менгера, Ценкера, Эльцбахера, Неттлау) не полна, и встрѣчается часто попутно съ Бóркомъ [1]).

Библіографическихъ указателей нѣтъ и въ новѣйшей книгѣ Райцевой (см. ниже), они небрежны у Рамуса (см. ниже) и обязательны только въ пока лучшемъ изслѣдованіи о Годвинѣ — Raymond'a Gourg'a: William Godwin, principales la „Justice Politique" sa vie, ses oeuvres etc. Парижъ, (tel. Alcan) 1908. Остальныя болѣе значительныя сочиненія о Годвинѣ въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующія:

1. Green, T. An Examination of the Leading Principle of the New System of Morals, as that principle is stated and applied in M-r Godwin's „Enquiry" 1799. Br. M. 8466 cc. 23.

2. Hazlitt: A Reply to an Essay on Population. 1807.

3. Paul (Kegan) William: Godwin, his Friends and Contemporaries. 2 тома, Лондонъ 1876—лучшая біографія Годвина.

4. Proby: Modern Philosophie and Barbarism. 1788.

5. Smith, Edward: The Story of the English Jacobins. 1881 (Cassell's monnthly Library).

6. Sir Leslie Stephen: History of the English Thonght in the 18 century. 1902.

7. S. Leslie Stephen: Godwin въ „Fortnightly Review" vol. 26 p. 444.

8. Godwin, статья въ „Dictionary of National Bibliography.

9. Kegan Paul: Godwin, W въ „North American Review", апрѣль 1876.

10. Fraser's Magazine за 1876, статья Godwin W. очеркъ съ портретомъ), т. X, стр. 346, т. II, стр. 28

11. Boucher, L.: William Godwin, sa famille et ses amis въ Revue de deux Mondes, октябрь 1877 г.

12. Halberg; Trois utopistes anglais, v. I (9-ая серія) въ „Mémoires de l'Académie des sciences de Toulouse".

---

1) Эдмондъ Бóркъ стоялъ на анархисткой точкѣ зрѣнія настолько краткое время въ своей юности, что, строго говоря, можно не относить работу Бóрка за его первую и единственную въ духѣ анархизма рѣчь къ числу анархическихъ сочиненій, какъ то дѣлаетъ Неттлау. Рѣчь Бóрка:—„О естественнаго общество", появившаяся въ 1756 году, можетъ быть разсмотрена и какъ интересная попытка вести свои доказательства при помощи логическаго метода—reductio ad absurdum для доказательствъ своихъ положеній. Полное заглавіе: „A Vendication of Natural Society: or, a view of the miseries and evils arising to mankind from every species of artificial Society. Лондонъ, 1756. Это сочиненіе четыре раза переиздавалось въ 60 и 70 годахъ XVIII столѣтія въ сборникѣ, озаглавленномъ: „Fugitive pieces on varions subjects by several authors", (томъ II-й) самимъ Бóркомъ въ Оксфордѣ въ 1796 году и анархисткими издателями въ 1858 году въ Лондонѣ и 1895 году (B. K. Tucker'омъ) въ Бостонѣ.

Сочиненія Прудона издавались отдѣльно и собраніями его сочиненій. Отдѣльно были изданы:

1. Essai de grammaire générale·
2. Eléments primitifs des langues.
3. De la célébration du Dimanche. 1839.
4. Quest-ce que la propriété? 1840
5. De la création de l'ordre dans l'humanité· 1843.
6. De la concurrence entre les chemins de fer. 1845.
7. Le Misère ou la Pénitence d'un roi. 1845.
8. Système des contradictions économiques, ou Philosophie de la misère. 1846.
9. Solution du problème social. 1848.
10. Organisation du crédit et de la circulation et solution du problème social. 1848.
11. Rapport du citoyen Thiers. 1848.
12. Le droit au travail et le droit de propriété. 1848.
13. Les Confessions d'un révolutionnaire pour servir à l'histoire de la Révolution du février. 1849.
14. Intérêt et principal, discussion entre Bastiat et Proudhon. 1850.
15. Idée génerale de la Révolution au XIX—iéme siècle. 1851.
16. La Révolution sociale, démontrée par le coup d'état du 2 decembre. 1852.
17. Philosophie du Progrés. 1853.
18. Manuel du spéculateur à la Boures. 1854.'
19. De la Iustice daus la Révolution et dans lEglise. 1858,
20. Théorie de l'impôt. 1861.
21. La Guerre et la Paix, recherches sur le principe et la constitution du droit des gens. 1861.
22. Les Majorats littéraires. 1862.

Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la Révolutoin. 1863.

Собранія сочиненій Прудона издавались: нѣсколько разъ, а именно Proudhon: Oeuvres anciennes complètes 24 т. Парижъ, изд. Lacroix. Proudhon: Oeuvres postumes. 5 т. Парижъ, изд. Lacroix. Proudhon: Correspondance de P. I. Proudhon, précédé d'une notice sur P. I. Proudhon par. I. A. Langlois. 14 т. Парижъ, 1874—75.

О Прудонѣ и его воззрѣніяхъ писали:

1. Marx: Misère de la philosophie. Réponse à la Philosophie de la Misère de M. Proudhon. Парижъ. 1847.

Нѣмецкое изданіе съпредисловіемъ и примѣчаніями Энгельса. Штуттгартъ, 1891.

2. Junius: (Псевд.): Curiosité révolutionnaire—Le citoyen Proudhon devant l'assemblée nationale. Парижъ, 1848.

3. St. Rainé-Taillandier: L'athéisme allemand et le Socialisme français. M. C. Grün et Proudhon. Revue des deux Mondes 1848. Ноябрь.

4. Lecouturier: La science du socialisme universel de: le dieu de Proudhon. Парижъ, 1850.

5. Marchal: I. P. Proudhon et Pierre Leroux. Парижъ, 1850.

6. Chamelot: Proudhon et son livre. Парижъ, 1852.

7. Mirecourt: E. de Proudhon. (Les contemporains № 32). Парижъ, 1856.

8. Prévost: Proudhon, jugé et traité selon ses doctrines métaphysiques. Парижъ, 1858.

9. Prevost: De la Déomanie au XIX-iéme siécle.—St. Simon—Enfantin—Aug. Cont—Proudhon.—1860.

10. Colins: De la justice dans la science hors l'église et hors la révolution. 3 т. 1861 (Содержитъ подробную критику „De la justice dans la révolution et dans l'église").

11. Loin: Le philosophe Proudhon. Esquisse de sa philosophie Брюсель, 1862.
12. Boix: Théorie de l'impôt de M. Proudhon. Парижъ, 1862.
13. Sainte-Beuve: P. I. Proudhon. Sa vie et sa correspondance. (1838—1848). Парижъ, 1865.
14. Gastineau: Les Socialistes. P. I. Proudhon. Парижъ, 1865.
15. Hack: P. I. Proudhon. Tübinger Zeitschrift. 1865.
16. Pelletan: Proudhon et ses oeuvres. Revues des deux Mondes 1866. Январь.
17. Beauchery: Economie sociale de P. I. Proudhon. Лиль. 1867.
18. Marchegay, Silhouette de Proudhon. Парижъ, 1868.
19. Spoll: P. I. Proudhon. Etude biographique. Парижъ, 1868.
20. Langlois: P. I. Proudhon. Sa vie et son oeuvre. Парижъ, 1875.
21. Geel: Bemerkung zu Proudhons Lehre von der Anarchie. „Neue Gesellschaft". Изданіе A. Wiede. 1877—1878.
22. Mülberger: Von und über Proudhon B. „Wage" изданіе Guido Weiss. Берлинъ, 1878 и 1879.
22. Mülberger: Ein Wahlmanifest Proudhons. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der Commune. „Neue Gesellschaft. Цюрихъ, 1878, 1879.
23. Putlitz: P. I. Proudhon. Sein Leben und seine positiven Ideen. Берлинъ, 1881.
24. Gumplowicz: Rechtsstaat und Socialismus. Инсбрукъ, 1881.
25. Diehl: Proudhon. Seine Lehre und Sein Leben. Iена. 1888—1890—1896.
26. Pfau: Proudhon und die Franzosen. Соч. т VI.
27. Mülberger: Studien über Proudhon. Ein Beitrag zur Verständnis der socialen Reformen. Штуттгартъ, 1891.
28. Bernstein: Zwei Werke über Proudhon. „Neue Zeit". 1891.
29. Mackay: Die Anarchisten. Цюрихъ, 1891.
30. Sorel: Essai sur la philosophie de Proudhon. „Revue philosophique. Парижъ, 1892.
31. Bernstein: Die sociale Doktrin des Anarchismus. „Neue Zeit". 1892.
32. Bernstein: Proudhon als Politiker und Publizist. „Neue Zeit". 1893—1894.
33. Bourguin: De rapports entre Proudhon et K. Marx. „Revue d'économie politique". 1893.
34. Zenker: Der Anarchismus. Iена. 1895.
35. Desjardins: Proudhon. Sa vie, ses oeuvres, ses doctrines. Парижъ. 1896.
36. Larivière. Ch. de: Proudhon. въ „Revue polit. et parliment.". 1896.
37. Denis. Proudhon und die Principien der Tauschbank „Zeitschrift f. Volksw., socialpol. und Verwaltung. 1896.
38. Kuntz: Proudhon. Безансонъ. 1897.
39. Mülberger: Proudhon. Leben und Werke. Штуттгартъ. 1898.
40. Stockhausen. V.: Die Wertlehre Proudhons in neur Darstellung. Бернъ. 1898.
41. Eltzbacher: Der Anarchismus. Берлинъ. 1900
42. Bourgin Hulert: Proudhon. Парижъ. 1901.

На русскій языкъ переведены менѣе значительныя сочиненія Прудона, а именно: 1. Война и миръ. Москва. 1864. 2. Литературные майораты. Спб. 1865 г. 3. Французская демократія. Спб. 1865 пер. Н. К. Михайловскаго. 4. Искусство, его основанія и общественное значеніе, пер. Н. С. Курочкина. Спб. 1865 г. 5. Что такое собственность? Лейпцигъ—Спб, 1907, пер. Капелюша.

По русски о Прудонѣ писали.

1. Михайловскій: Н. Бѣлинскій и Прудонъ. Собр. соч. Бѣлинскаго. Изд. Павленкова. Спб. 1896.
2. Жуковскій, Ю.: Прудонъ и Луи Бланъ. Спб. 1866.

3. Боборыкинъ, П.: П. Ж. Прудонъ. Вѣстн. Евр. 1875, 3, 5, 7—12.
4. Боборыкинъ, П.: Послѣднія десять лѣтъ жизни Прудона, подъ псевд. „Д—ева“. 1878 6—9.
5. Плещеевъ: Жизнь и переписка Прудона. Отеч. Зап. 1873. Ноябрь.
6. Туганъ-Барановскій: Прудонъ, его жизнь и сочиненія. Изд. Павленкова. Спб. 1891.
7. Филипповъ: Прудонъ, какъ идеологъ мелкой буржуазіи. Научн. обозр. 1898. № 2.
8. Вальденбергъ: Прудонъ. Энц. слов. Брокгауза № 25, стр. 597. Спб. 1898.